ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

11 КЛАССИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ДЖИМЕ ДиГРИЗЕ

Гарри
ГАРРИСОН

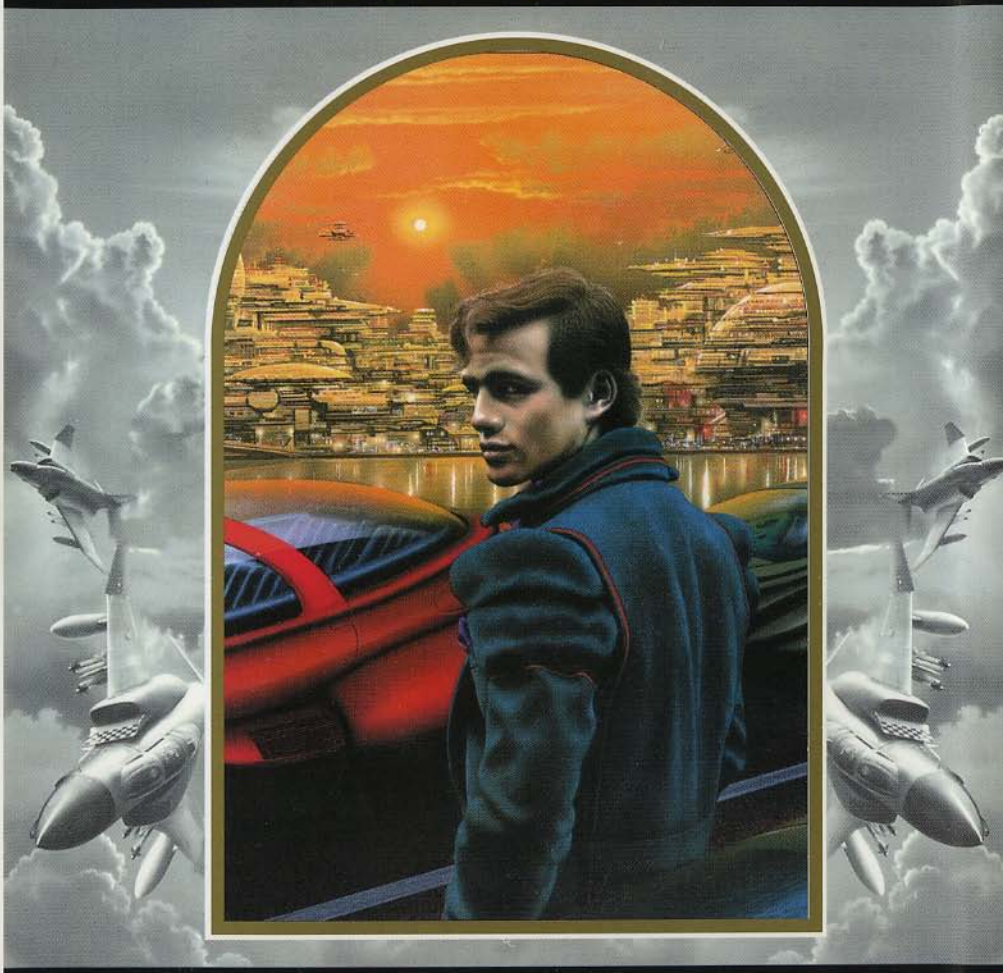
Вся Стальная Крыса

Том I

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

Эксмо

Гарри
ГАРРИСОН

Вся Стальная Крыса

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Гарри
ГАРРИСОН

Вся
Стальная
Крыса

Гарри
ГАРРИСОН

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Рождение Стальной Крысы

•

Стальная Крыса идет в армию

•

Стальная Крыса

•

Месть Стальной Крысы

•

Стальная Крыса спасает мир

МОСКВА
ЭКСМО
2007

Гарри

ГАРРИСОН

Вся Стальная Крыса

Том 1

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Г 20

Harry HARRISON
A STAINLESS STEEL RAT IS BORN
Copyright © 1985 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT GETS DRAFTED
Copyright © 1987 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT
Copyright © 1966 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT'S REVENGE
Copyright © 1970 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT SAVES THE WORLD
Copyright © 1972 by Harry Harrison

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.
Г 20 Вся Стальная Крыса. Том 1: Фантастические произведения/ Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007. – 704 с.

ISBN 978-5-699-11849-6

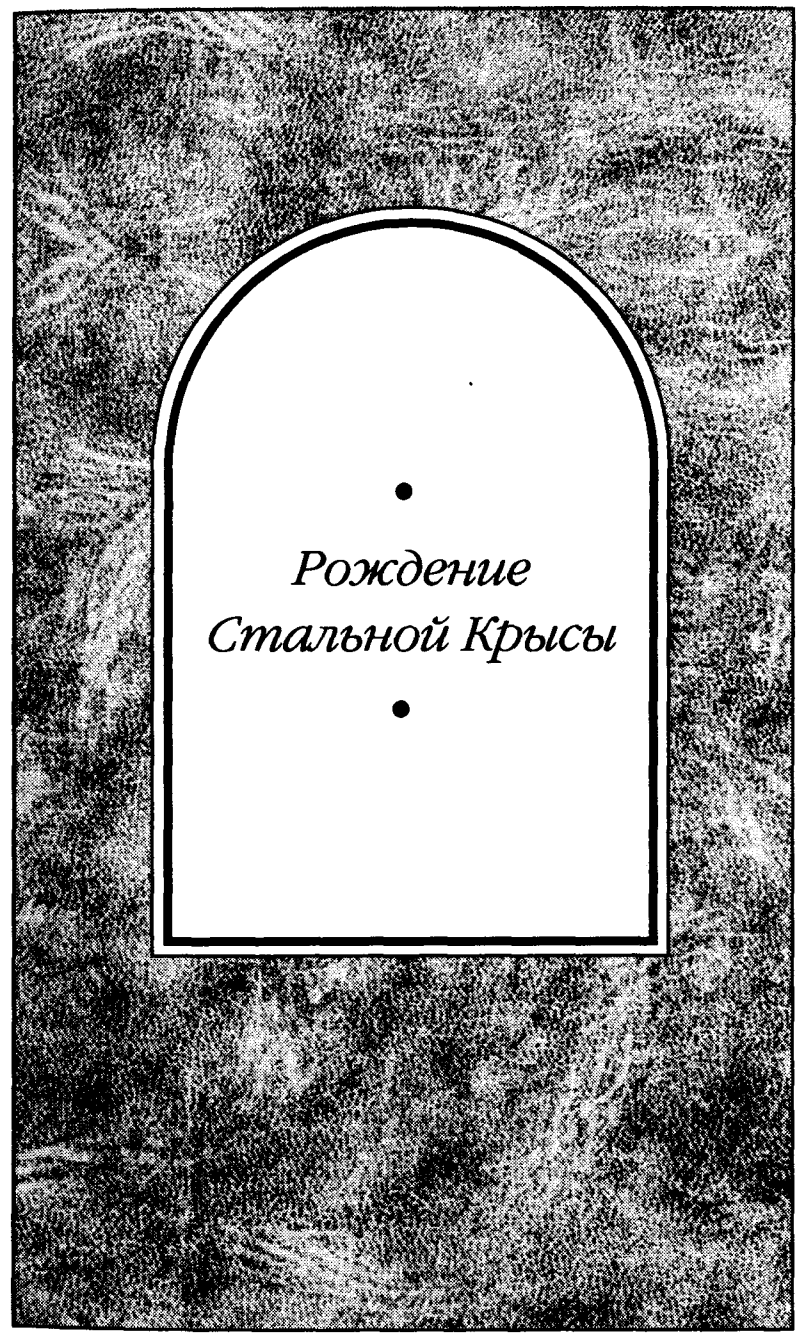
Великолепный Джим диГриз — знаменитый межзвездный преступник — получил за свою изобретательность и решительность меткое прозвище «Крыса из нержавеющей стали».

Рожденный богатой творческой фантазией Гарри Гаррисона, отчаянный и симпатичный герой из далекого будущего приобрел необыкновенную любовь и популярность поклонников фантастики во всем мире, щедро поделившись славой со своим создателем.

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)

© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© Перевод. Н. Виленская, П. Жуков, С. Коноплев, И. Коноплева, Г. Корчагин, 2002

ISBN 978-5-699-11849-6

Глава 1

Когда я приблизился к главному входу Главного Банка Райского Уголка, автоматика уловила мое присутствие и двери гостеприимно разъехались в стороны. Я вошел, но тут же остановился. Створки поехали навстречу друг другу, сейчас они сойдутся, а потом разойдутся снова — я же не вышел из поля сенсоров, а в закрытом состоянии пробудут секунду шестьдесят семь сотых. Это я уже проверил во время предыдущего посещения банка. Ничего, управлюсь.

Створки сошлись, мой разрядник зажужжал, выбросил пламя и намертво сварил половинки двери друг с другом. В автоматике что-то защелкало, двери попытались снова разойтись, но не тут-то было, они напряглись, крякнули, начали искрить и отрубились навсегда.

— Вы арестованы за нанесение ущерба имуществу банка! — Ко мне, протягивая лапищи, уже несся робот-охранник.

— В другой раз, рухлядь ржавая, — счел необходимым ответить я и приставил к его груди стрекало для свинобразов. Два контактика на конце стрекала выдавали вольт триста со вполне приличным амперажем. Вполне достаточно, чтобы прошибить свинобраза весом с тонну, что уж говорить об этом роботе. Естественно, изо всех его дыр повалил дым, и чучело рухнуло на пол, грохоча, как мусорный бак.

Но уже у меня за спиной. Я рванул вперед и успел даже отодвинуть от окошка кассы какую-то подвернувшуюся леди. Достав из сумки самый большой пистолет, я навел его на кассиршу и приказал ей не вполне деликатно:

— А ну-ка, киска, сыпани мне в эту сумку шуршунчиков.

Ну, вышло почти ничего, разве что в конце фразы голос немного дрогнул и съехал на визг. Тут кассирша усмехнулась и заявила:

— Иди лучше домой, мальчик. Это тебе не... — Дальше она не успела досказать, потому что я спустил курок и мой безоткатный шарахнул у нее над ухом. Впрочем, ее не задело, хотя и могло. Ее глаза закатились, и она медленно сползла куда-то под кассу. Поду-

маешь, Джимми ди Гриза бабскими обмороками не проймешь! Я перемахнул через барьерчик и навел пушку на остальных, уже вполне струхнувших клерков.

— Все на шаг назад! Быстро! И не нажимать кнопок! А теперь ты, толстяк, — я поманил толстого кассира, всегда относившегося ко мне не вполне доброжелательно, зато теперь весьма внимательного, — набей-ка емкость бумажками, да покрупней.

Тот повиновался, работая с большим энтузиазмом и обильно потея. Кругом, застыв от ужаса, торчали остальные служащие и клиенты.

Дверь управляющего была закрыта; похоже, его на месте не было. Толстяк набил сумку всей имевшейся наличностью и протянул ее мне. Полиция не появлялась, и шансы смотаться еще оставались. Я смачно выругался, надеясь, что это прозвучало достаточно круто, и указал на мешочек с монетами.

— И мелочь тоже сыпь туда, — одновременно грозно и высокомерно потребовал я у толстяка. Тот незамедлительно исполнил приказание, а полиция так и не ехала. Что ж такое, неужто ни один из служащих так и не нажал на кнопку тревоги? С них станется, что же делать?!

Я протянул руку и схватил еще один мешочек с мелочью.

— Загрузи и это, — приказал я толстяку, швыряя ему мешок.

Проделывая это, я исхитрился нажать локтем на кнопку. Что за дела, ни на кого нельзя положиться?

Слава Богу, кнопка сработала. Когда толстяк ссыпал третий мешок и я, взяв сумку, тащился к двери, шатаясь от тяжести, полиция наконец объявилась. Но как?! Две патрульные машины умудрились столкнуться прямо у входа в банк (впрочем, в наше время вызов полиции — дело редкое, практики у ребят маловато). Постепенно все же копы разобрались и взяли оружие на изготовку.

— Не стреляйте! — провизжал я. Это вышло вполне естественно, поскольку вид полицейских нельзя было назвать дружелюбным. Сквозь стекло услышать меня они не могли, но видеть-то видели.

— Это пугач! — крикнул я. — Смотрите!

Приставив дуло к виску, я нажал курок. Дымогенератор окутал меня облаком дыма, а от звука зазвенело в ушах. Тьфу, зато хоть стрелять не будут. Ругаясь и корча рожи, полицейские начали выламывать двери.

Если вам все это странновато — я вас понимаю. Гоп-стоп — одно дело, а подстроить так, чтобы вас непременно взяли, — совсем другое. Но зачем же такие глупости? — спросите, наверное, вы. Извольте, я вам объясню.

Но сначала мне придется рассказать вам, как мы живем на этой планете. Ну, по крайней мере, как тут живу я.

Райский Уголок обжили несколько тысяч лет тому назад последователи какого-то экзотического культа, памяти о котором не осталось. Они прибыли сюда с другой планеты, называемой то ли Землей, то ли Грязью. Некоторые утверждают, что это и была мифическая прародина всего человечества. Ну, не знаю. По мне, вряд ли. Во всяком случае, из этой затеи ничего хорошего не вышло. Непосильные труды истощили предков совершенно — в те времена житуха в Райском Уголке была не сахар. В школах о тех временах учителя толкуют всякий раз, когда хотят урезонить испорченную современную молодежь. Мы, в общем, им не возражаем, то есть не говорим им в ответ, что они, верно, испорчены не меньше нашего — если учесть, что за последнюю тысячу лет на нашей планете ничегошеньки не изменилось.

Ну да, вначале было тяжело. Вся растительность тут была для человека сплошной отравой, так что сначала пришлось всю ее уничтожить, чтобы на ее месте выращивать съедобные злаки. Фауна тоже в пищу не годилась, да еще у нее были сплошные когти и клыки. Да, вначале было тяжело, настолько даже, что средняя продолжительность жизни овец и коров оказалась тут удручающе короткой. Проблему решили генетически, выведя свинобраза. Представьте себе — тут, правда, требуется воображение — матерого хряка, весом этак в тонну, с острыми клыками и отвратительным нравом. Уже ничего, а если учесть, что он еще и покрыт длинными, как у дикобраза, иглами, а? Зато его мясо съедобно, с тех пор наши фермеры разводят только свинобразов, копченые окорока которых известны уже на всю Галактику.

Что, увы, не означает, что наша поросячья планетка приобрела галактическую популярность. Я тут родился и вырос, так что можете мне поверить. Тут не то что мухи — свинобразы мрут со скуки.

И самое смешное, что я, пожалуй, единственный на планете, кого это не устраивает. Окружающие считали меня чудаком, матушка в свое время решила, что это возрастное, и прибегла к испытанному народному средству от всех напастей, окурив мою комнату дымом тлеющих игл свинобраза. Папенька, тот вообще решил, что я не в себе, и регулярно таскал меня к психиатру. Но тот никак не мог найти у меня отклонений и заключил, что мое поведение есть проявление атавистических черт характера первопоселенцев, этакий генетический нонсенс, как в опытах Менделя. Впрочем, все это было жутко давно.

Когда мне было пятнадцать лет, отец выгнал меня из дома, так что с тех пор родительская опека мне не досаждает. А выгнал он меня после того, как, обшарив мои карманы, обнаружил там денег больше, чем сам зарабатывает за месяц. Мать против не была и даже сама открыла передо мной дверь. Думаю, теперь они счастливы. Слишком уж я мешал их спокойствию.

Что, как я себя чувствую? Да, я знаю, что париям бывает иногда слишком одиноко, а что поделаешь? По-другому я жить не могу. Проблемы у меня бывают, так ведь на то и проблема, чтобы нашлось и решение.

Вот, например, была такая: меня регулярно лупили старшие. Началось это с первых дней в школе. Я допустил ошибку — дал им понять, что умнее их, всех вместе взятых. И немедленно получил по физиономии. Так и пошло. Хулиганью это так понравилось, что они даже установили на битье меня предварительную запись. Что было делать? Пришлось пойти учиться драться к университетскому тренеру. Попотел немало, прежде чем почувствовал, что готов к схватке. И одного за другим отделал трех самых отъявленных хулиганов. Смею вас заверить, после этого остальные оказались моими вернейшими друзьями, постоянно твердившими мне, что более упоительного зрелища, чем то, когда я гнал драчунов до конца квартала, им видеть не доводилось. Я уже сказал, что проблема порождает решение, но не только — еще и удовольствие.

Откуда я добыл деньги на тренера? Да уж не у папочки одолжил. Мне там полагалось только три доллара в неделю, которых хватало лишь на мелкие радости да на леденцы. Первый урок бизнеса преподала мне нужда, а не жадность. Дешево купи, дорого продай, а выручка — твоя.

Понятно, без начального капитала купить я не мог ничего, так что решил за товар не платить вовсе. Но в магазинах тащат все подростки. Потом их хватают и выбивают дурь из головы. Всю эту механику я видел и решил сначала хорошенько изучить поле деятельности и лишь затем взяться за дело. Могу дать совет.

Не суйтесь в мелкие лавочки. Тамошние продавцы знают свой товар наизусть и берегут как зеницу ока. Идите в большие магазины. А там надо сначала выяснить, как устроена сигнализация, и запомнить в лицо дежурных детективов. И изучить их поведение.

Самое первое мое изобретение было жутко примитивным — даже теперь, как о нем вспомню, так краснею — книга-коробка. Просто-напросто я сделал коробку, которая выглядела как книжка, а ее корешок был откидным, на пружине. Этой вещицей я пользовался довольно долго и уже было решил использовать более

серьезную модель, как подвернулся замечательный случай. Можно было разделаться с Вонючкой.

Вообще-то его звали Бедфордом Смиллингэмом, но мы нарекли его Смелли, Вонючка. Знаете, бывают прирожденные танцоры или, скажем, художники. Вот так и Вонючка. Он родился стукачом. Самым большим наслаждением для него была слежка за одноклассниками. Подсматривал, вынюхивал — и стучал. Доносил даже о самых невинных шалостях. За то учителя его и любили — можете представить, что за педагоги у нас были. Поколотить его поэтому было невозможно. Его словам верили на сто процентов, и любой борец за справедливость был бы неминуемо наказан.

Вонючка однажды подстроил мне какую-то пакость. В чем там было дело, я уже и не помню, главное — я задумал месть. И придумал. Всякий подросток любит прихвастнуть, вот так и я — взял да и рассказал о своей книжонке одноклассникам, что лишний раз укрепило мой авторитет. Особенно после того, как еще и угостил их своей добычей. Но авторитет — ладно, главное, я подстроил так, что все это подслушал Вонючка. Ей-богу, сколько лет прошло, а словно все было вчера — это воспоминание до сих пор греет душу.

— Здорово работает! — сказал я. — Слушайте, давайте я вам покажу, как! Пошли в универмаг Минга!

— В самом деле, Джимми?!

— Конечно. Только не толпой. Заходите по одному и становитесь так, чтобы видеть прилавок с конфетами. Ровно в 15.00.

Но дела должны были развернуться интересней, чем они могли себе представить. Я понимал, что Вонючка отправится сообщить новость директору, и, когда он ушел, я забрался к нему в ранец.

Все прошло как по маслу. Это был мой первый криминальный сценарий, в котором действовали другие, и я до сих пор этим горжусь. В назначенное время я был в универмаге возле прилавка с леденцами, старательно делая вид, что не замечаю шпиков, которые, в свою очередь, делали вид, что не обращают внимания на меня. Небрежным движением я положил книгу возле леденцов и нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

— Попался! — заорал самый дюжий из детективов, ухватив меня за шиворот.

— Что, доигрался?! — ухмыльнулся второй, забирая книгу.

— Эй! — прохрипел я, поскольку воротник сильно сдавил мне горло. — Ты что?! Отдай «Историю», знаешь, сколько моя матушка сплела ковриков из иголок свинобраза, чтобы наскрести семь долларов на книгу!

— Учебник? — осклабился бугай. — Знаем мы, что это за учебник.

И рывком раскрыл книжку. До сих пор приятно вспомнить выражение его лица, когда он увидел там нормальные страницы.

— Меня подставили! — заверещал я и вырвался на свободу. — Я знаю, кто! Это тот воришка, что тырит конфеты! Это Вонючка, вон он, держите его, пока не смылся!

У Вонючки челюсть так и отвисла, когда детективы кинулись к нему. Из его сумки вытряхнули содержимое, и лжекнижка раскрылась, вывалив на пол леденцы.

Прелесть, а не картинка. Крики, угрозы, слезы. Замечательная рабочая обстановка. Да, именно так, поскольку в тот же день я проводил и испытания устройства «Тип-2». Основу механизма составлял бесшумный вакуумный насос, к которому была подведена заборная труба, конец которой был пропущен сквозь рукав. Стоило поднести руку к пачке леденцов, как — фьюить! — она исчезала. Другой конец трубы уходил в брюки. Они висели на мне мешком и выше колена были перехвачены эластичной лентой. Леденцы исправно, пачка за пачкой, падали туда, но вот беда — я никак не мог выключить эту штуковину. Слава Богу, Вонючка продолжал орать и брыкаться, все глазели на него, а я лихорадочно щелкал выключателем. Наконец с ним удалось сладить. Но если бы хоть кто-то взглянул на меня и на пустой прилавок, то, думаю, справедливые подозрения неминуемо посетили бы его голову. Но никто так и не взглянул, и бодрой, хотя и тяжелой, походкой я вышел из магазина.

Конечно, все это еще никак не объясняет, почему я решил ограбить банк, да еще в день своего рождения, да еще и подстроил так, чтобы меня схватили.

Тут полицейские наконец сломали дверь и ворвались внутрь. Я поднял руки и встретил их теплой улыбкой.

Так вот, главная причина — именно день рождения. Мое семнадцатилетие. У нас, в Райском Уголке, семнадцать лет — очень важная дата в жизни любого человека.

Глава 2

Судья подался вперед и взглянул на меня без всякой враждебности.

— А ну-ка, Джимми, поведай, зачем ты затеял весь этот балаган?

Вилла судьи Никсона стояла у реки, неподалеку от нашей фермы, я часто бывал у его младшего сына, и меня там хорошо знали.

— Меня зовут Джеймс ди Гриз, господин начальник. Давайте обойдемся без фамильярностей.

И вы знаете, эти слова сильно улучшили цвет его лица. А его здоровенный, а теперь — красный нос с раздувающимися ноздрями выпирал из лица, как лыжный трамплин.

— *Не сомневайся, парнишка, к тебе отнесутся со всей серьезностью.* Обвинения, выдвинутые против тебя, это вполне позволяют. Так что лучше будет, если ты не станешь распускать язык. Твоим адвокатом я назначаю судебного юрисконсульта Арнольда Фортескью.

— Мне адвокат не нужен. Тем более — старина Фортескью. Кстати, вы не скажете, сколько лет назад вы в последний раз видели его трезвым?

Смешок, пробежавший по рядам в зале, привел судью в ярость.

— Тишина! — взревел он и так сильно стукнул молоточком, что у того сломалась ручка. Он отшвырнул обломок и свирепо уставился на меня.

— Вы испытываете терпение суда. Юрист Фортескью был назначен...

— Да не нужен он мне. Назначьте его лучше в Муки-бар. Свою вину по всем пунктам обвинения я признаю и отдаю себя на милость справедливого суда.

Он втянул в себя воздух с таким свистом, что я решил немного притормозить, а то его еще хватит удар, суд сегодня не закончится, и я потеряю много времени.

— Извините, господин судья! — Я наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. — Я поступил дурно и знаю, что должен понести наказание.

— Вот так-то будет лучше, Джимми. Ты парень умный, и мне всегда было больно видеть, как ты разбазариваешь свои способности. Тебя поместят в исправительный дом для малолетних правонарушителей сроком не менее чем...

— Извините, ваша честь, — перебил я, — но это невозможно. Если бы я совершил эту глупость месяц назад или хотя бы на прошлой неделе! Закон суров, и я обречен. Но я совершил преступление в мой день рождения. В семнадцать лет.

Судья замешкался. Охранники позевывали, ожидая, пока он вытрясет информацию из своего компьютера. Репортер из «Бьюгл» не менее энергично стучал по клавиатуре своего портативного терминальчика. Что ж, ему досталась неплохая история. Судья разузнал все довольно быстро.

— Все так, — вздохнул он. — Семнадцать тебе исполнилось. Ты достиг совершеннолетия, и судить тебя придется, как взрослого. Значит, тебе светит срок в тюрьме — если не принять во внимание смягчающие обстоятельства. А они таковы: первое преступление, молодость обвиняемого и его чистосердечное раскаяние. В нашей власти отсрочить исполнение приговора, поставив осужденного на учет. Вот мой приговор.

Этот приговор мне решительно не пришелся по вкусу. Надо было что-то предпринять. И я предпринял. Мой вопль заглушил последние слова судьи, я перепрыгнул через барьерчик, свалился на пол, лихо перекувырнулся вперед и кинулся через весь зал в сторону репортера.

— Ты не будешь писать обо мне всякую чушь, щелкопер! — заорал я и грохнул об пол его терминал. Тот раскололся, для пущего эффекта я потоптался на обломках и ринулся в сторону двери. Мне наперерез кинулся коп, но, получив ногой в живот, согнулся и следом не побежал.

Удрать я мог в два счета, но бежать пока было еще рано. Пришлось повозиться с ручкой, чтобы наконец меня удосужились схватить и после недолгого сопротивления с моей стороны нацепить наручники.

Теперь я восседал на скамье подсудимых в наручниках, а судья со мной уже не миндальничал. Ему доставили новый молоток, и он размахивал им так, будто хотел вышибить из меня мозги. Я скорчил ему рожу и зарычал.

— Джеймс Боливар ди Гриз! — провозгласил судья. — Приговариваю вас к максимальному наказанию, возможному в данном случае, — каторжным работам с содержанием в городской тюрьме до прибытия корабля Лиги, после чего вас отправят в ближайший исправительный центр, где вам придется пройти курс противокриминальной терапии.

Молоток обрушился на стол.

— Увести.

Вот так-то оно лучше. Я грозно потряс на прощание наручниками, осыпал судью бранью — затем, чтобы он вдруг не дал слабины. Двое здоровенных копов подхватили меня под локотки, выволокли из зала суда и засунули в машину. И только после того, как дверь за мной закрылась, я позволил себе откинуться на спинку и расслабиться — можно было порадоваться победе.

Да, именно победе. Цель всей операции в том и состояла, чтобы попасть в тюрьму. Я испытывал необходимость в профессиональном росте.

В моем безумии была четкая логика. С младых ногтей, с мелких краж всех этих леденцов я всерьез задумывался о карьере преступника. Побудительных мотивов у меня было несколько, но главный — мне *нравилось* быть преступником. А что? Заработки приличные, работенка не особо пыльная, и, если честно, мне нравилось чувствовать свое превосходство, оставляя остальных в дураках. Нехорошо? Возможно, но это приятное ощущение.

Тут я столкнулся с весьма серьезной проблемой. Как подготовить себя к будущему? Преступность — нечто большее, чем кража леденцов. Кое-что я уже понимал. Мне хотелось иметь деньги. Чужие деньги. А деньги хранятся под замками, так что — чем больше я узнаю про замки, тем проще окажется добраться до денег. И я засел за учебу. Мои оценки так стремительно взлетели вверх, что учителям показалось, будто я не так уж и потерян. И особенно горячо они одобрили мой выбор, когда я заявил, что собираюсь выучиться на слесаря. Курс был рассчитан на три года; я, впрочем, управился за три месяца. Тут я попросил, чтобы у меня приняли экзамен. Но мне отказали.

Так дела не делаются — объяснили мне. Надо продвигаться вперед вместе со всеми, так что всего через два года и девять месяцев я получу диплом, закончу школу и отправлюсь вкалывать.

Однако. Я попытался им втолковать, что уже выучился, а мне объяснили, что это невозможно. Видно, у меня на лбу уже было написано «слесарь». Так, по крайней мере, полагали они.

Я стал пропускать занятия, не ходил в школу по нескольку дней. Им приходилось ограничиваться устными выговорами, поскольку на экзаменах я получал высшие баллы. И по праву получал, между прочим, — потому что много практиковался. Свои личные делишки я обделывал так аккуратно, что никто ничего не подозревал. Однажды ночью несколько долларов принес мне торговый автомат, потом настала очередь кассы автостоянки. Такая практика не только шлифовала мое мастерство, но и давала средства на обучение. Разумеется, не на школьное — там я и так должен был тянуть лямку до семнадцати, — а на внеклассное.

Никаких руководств по преступлениям не существовало, так что учиться приходилось как придется. Однажды в словаре я отыскал слово «подделка», и это послужило толчком к изучению фотографии и печатного дела. Искусство рукопашного боя в жизни мне очень помогало, так что я продолжал совершенствоваться в нем, пока не получил «черный пояс». Техническими сторонами моей будущей профессии я также не пренебрегал: к шестнадцати годам я знал о компьютерах все, что можно, — к тому же приобрел квалификацию микроэлектронщика.

Все это было славно, но — что мне все это даст? Пока я не знал. Поэтому и решил сделать себе на совершеннолетие подарок. Сесть в тюрьму.

Глупо? А что делать?! Надо же отыскать преступников, а где их искать, как не в тюрьме? Согласитесь, смысл есть. Ведь тюрьма мой дом родной, раз там мои близкие. Я буду их слушать, глядеть на них и, когда почувствую себя готовым к трудовой деятельности, достану из башмака отмычку и уйду на волю.

Но все оказалось не так, как я ожидал.

Прежде всего меня остригли, обработали антисептиком, выдали тюремные одежду и обувь. Правда, сделано все это было настолько непрофессионально, что у меня оказалось достаточно времени, чтобы перепрятать отмычку и деньги. Затем сняли отпечатки пальцев, записали цвет глаз и отвели в камеру. Ну, слава богу, хоть сокамерник у меня был. Вот-вот начнется учеба. Это был первый день моей настоящей преступной жизни.

— Добрый день, сэр, — вежливо поздоровался я. — Меня зовут Джеймс ди Гриз.

— Повязали лопуха, — пробормотал он, едва взглянув на меня, и продолжал ковырять под ногтями.

Итак, вот и первый урок. Здесь не в чести вежливые формы общения. Что же, крутая жизнь — крутое общество. Я изобразил на лице улыбку и заговорил снова. На этот раз порезче.

— Тебя и самого повязали, чистюля. Меня зовут Джим. А тебя?

По правде говоря, насчет сленга я был не слишком уверен, поскольку изучал его исключительно по видикам...

Он медленно поднял голову — взгляд его был полон ненависти.

— С Вилли-Пером еще никто, заруби себе на носу — *никто* таким тоном не разговаривал. Сейчас ты у меня станешь красавчиком. Сейчас я тебя слегка разукрашу — напишу на твоей роже свои инициалы. Сначала букву В — Вилли.

— Букву У, — поправил я его. — Уильям — это как-то солидней.

Это окончательно вывело его из себя:

— Ты, козел! Я сам знаю, что мне писать!

Кипя от злости, он довольно долго шарил под матрацем. Наконец извлек оттуда остро заточенную ножовку. Неприятная штучка. Он подбросил ее, поймал, осклабился и кинулся на меня.

Господа, вы же понимаете, что таким манером к «черным поясам» приближаться не следует. Дело нехитрое — я отступил в сторону, рубанул ладонью по запястью и ударил по коленке сзади. Парень въехал башкой в стену. И отключился. Придя в себя, он обнаружил, что я сижу на его койке и чищу его ножичком ногти.

— Меня зовут Джим, — процедил я сквозь зубы. — Повторика: «Джим».

Он взглянул на меня, его лицо вдруг исказилось, и он — заплакал! Я так и обалдел. Что ж такое творится, а?

— Все меня достают. И ты тоже. Ржут надо мной. А ты вот нож отнял. Я его целый месяц делал, десять долларов, кстати, за лезвие заплатил...

И расстроился вконец. Я заметил, что он старше меня всего года на два, да и гораздо слабее. Вот и пришлось утешать моего первого знакомца из уголовного мира, вытирать ему мокрым полотенцем сопли и даже всучить пятидолларовую бумажку — лишь бы он только не хлюпал. М-да, что-то преступный мир оказывался не вполне таким, каким я его себе представлял.

И пошло-поехало. Я сидел на кровати и слушал его унылые воспоминания о тяжелом детстве. Двоечник, вечная мишень для чужих насмешек, слабак, нюня. И однажды, совершенно случайно схватившись в очередной потасовке за горлышко разбитой бутылки, понял, что тоже может стать хулиганом. А что? Для этого нужно только оружие. Тут к нему пришло признание — чему, понятно, способствовали нелепые угрозы и беспардонное хвастовство, подкрепленные публичным расчленением птичек и прочих безобидных тварей. Далее — падение: арест за нанесение ножевых царапин мальчику. Отправлен в центр для несовершеннолетних, выпущен, снова неприятности, опять посажен. Наконец очутился здесь, вооруженный ножичком, схлопотавший срок за очередное вымогательство с угрозой применения насилия. Вымогал, естественно, у детей. Ну и карьерка, прости господи.

Я слушал его вполуха и думал. Что такое «не везет» и как с ним бороться? А может, меня специально засунули к нему в камеру, чтобы оградить от крутых ребят, находящихся в этой тюрьме?

Тут отключили свет, и я улегся на койку. Утро вечера мудреней. Выйду на прогулку, присмотрюсь к остальным, соображу, кто тут чего стоит, и начну настоящую карьеру. Все будет как надо.

И я спокойно уснул, убаюкиваемый нескончаемым хныканьем соседа. Ну, ничего. Просто не повезло, что подсадили к Вилли. Вот такой он неудачник. Завтра все будет по-другому.

Глава 3

Завтрак оказался не лучше и не хуже тех, которые я стряпал себе сам. Ел я чисто механически, прихлебывал кактусовый чай, лениво жевал кашу, приглядываясь к сидевшим по соседству. Тут

их было человек тридцать, все жевали крайне старательно и увлеченно, а я перебирал их взглядом, чувствуя, как во мне растет отчаяние.

Во-первых, все они казались безнадежно тупыми, совсем как мой сосед. Я, конечно, понимаю, что преступный мир должен включать в себя и людей, не шибко умных, да и просто идиотов, но ведь не только же их! Должны же, черт возьми, тут быть и другие?

Во-вторых, все они были не старше двадцати лет. Где же матерые мужики? Или преступность — это что-то вроде грехов молодости, которые легко устраняются специальной корректировкой? Нет, что-то тут не так. Они, похоже, все как один — неудачники. Неудачники и неумехи. Да знай они свое дело, не сидели бы! Не вписались в жизнь и только нагадили себе же.

Придется мне использовать их, это ясно как дважды два. Если мне у них учиться нечему, то, по крайней мере, они могут навести меня на тех, у кого поучиться можно. Через них я выйду на тех, кто на свободе, на неуловимых профессионалов. А мне именно это и надо. Вычислить нужного мне среди этой толпы унылых болванов не составило труда. Небольшая группка собралась вокруг крепкого парня с перебитым носом и шрамами на лице. Казалось, даже надзиратели стараются держаться от него подальше. Так и на прогулке — никто не подходил к нему близко, все держались поодаль.

— А кто это? — спросил я Вилли, который, сгорбившись, сидел рядом со мной на лавке, интенсивно ковыряя в носу. Он долго и энергично моргал, пока наконец не уловил суть вопроса. А сообразив, в отчаянии всплеснул руками.

— Осторожней с ним! Держись подальше, это же Стинджер-убийца. Так мне сказали, и я в это верю. Первый по гасилову. Лучше не связывайся.

Хм, уже хоть что-то. Про гасилово я, конечно, слыхивал, но сам не видел ни разу, поскольку жил недалеко от города. В нашей округе было слишком много полиции, и этим у нас не занимались. Гасилово — это противозаконная забава, довольно крутая, популярная в глухих фермерских поселках. Зимой, когда свинобразы стоят в стойлах и урожай в амбарах, аграрии маются от безделья. Руки у них, понятное дело, чешутся, тут гасилово и происходит. Это так. В поселок приходит чужак и бросает вызов местному силачу. Поединки обыкновенно происходят в амбаре на отшибе, женщины не допускаются, зато допускается изрядная выпивка, делаются ставки, и пошло-поехало. Схватка кончается только тогда, когда один из двоих уже не в состоянии подняться. Развлеченьице не для чистоплюев-слюнтяев. Славное мужское дело. Так,

значит, Стинджер тут специалист? Что ж, любопытно, надо сойтись с ним поближе.

Это оказалось несложно. Думаю, я мог бы просто подойти к нему и заговорить, но мое сознание все еще было отравлено скверными видиками, которые я смотрел запоем. Большинство из них было о нравах преступного мира, и оттуда, собственно, я и содрал свою эскападу. Тем не менее идея была вовсе не так плоха. Собственно, об этом можно судить и по результату.

Итак, насвистывая, я прогуливался по дворику. Потом, как бы невзначай, оказался рядом со Стинджером и его подручными. Один из шестерых взглянул на меня хмуро, и я как бы поспешно отошел. Чтобы вернуться, когда шестерка отойдет.

— Ты Стинджер? — громко прошептал я, оказавшись рядом с ним и глядя в сторону. Судя по дальнейшему, он в своей жизни смотрел те же видики, что и я.

— Да. А кому это интересно?

— Мне. Я только что сюда попал. Меня просили передать тебе кой-чего.

— Валяй.

— Не здесь. Тут могут услышать. Лучше наедине.

Он подозрительно взглянул на меня, нахмурив густые брови. Но я, видать, его заинтриговал. Он что-то буркнул своим парням и отошел в сторону. Они остались на месте, но глядели мне в спину, когда я пошел за ним. Мы пересекли двор и подошли к лавочке — двух мужиков с нее как ветром сдуло. Я сел рядом с ним, и он еще раз смерил меня презрительным взглядом.

— Ну, валяй, малый, сообщи-ка мне что-нибудь приятное.

— Это — тебе, — сказал я, толкнув по скамейке в его сторону двадцатидолларовую монету. — Это от меня. Мне нужна твоя помощь, и я за нее заплачу. У меня еще есть чем.

Он фыркнул, но быстренько схватил монетку и сунул в карман.

— Я благотворительностью не занимаюсь, — сообщил он. — И помогаю только одному человеку. Себе. Понял? Можешь проваливать.

— Погоди. Мне нужен человек для побега. Примерно через неделю, а?

На этот раз он слушал внимательнее. Повернулся и прямо взглянул мне в глаза. Холодно и уверенно.

— Я шуток не люблю, — произнес он и схватил меня за запястье. Вывернул руку. Это было больно. Вывернуться-то я мог легко, но не стал.

— Это не шутка. Через восемь дней мне нужно быть на воле. И я там буду. И ты — тоже, если захочешь. Решай.

Он помедлил, изучая меня, и отпустил руку. Я принялся массировать запястье, дожидаясь ответа. Было видно, что он обдумывает мои слова, приходя к решению.

— Ты знаешь, за что я сел? — спросил он наконец.

— Кой-чего слышал.

— Если тебе сказали, что я кокнул одного типа, то это так. Знаешь, совсем случайно. Головка у него была слабенькой. Треснула. Это уже оформили было как несчастный случай, да только другой тип проиграл на этой ставке кучу денег. Должен был заплатить мне на следующий день, а вместо этого пошел в участок, потому что так выходило намного дешевле. А теперь меня собираются запихнуть в госпиталь Лиги и вправить мне там мозги. Тут мне сказали, что потом мне уже никогда не захочется драться. Не нравится мне это.

Пока он говорил, его кулаки сжимались и разжимались. И я понял, что драка для него — это жизнь, единственное, что он умеет и любит делать. Отнимут у него это — как ему потом жить? Я ощутил острый приступ жалости, но ничем ее не выказал.

— Ты действительно можешь отсюда выбраться? — спросил он совершенно серьезно.

— Могу.

— Я с тобой. Понимаю, ты хочешь мне помочь не просто так, за так в этом мире никто ничего не сделает. Я сделаю для тебя все, малыш. В конце концов они меня опять схватят, если ищут всерьез — спрятаться невозможно. Но я хочу успеть. Хочу потолковать с тем пареньком, что засунул меня сюда. Он мне жизнь притушил, так я его загашу.

Тут я невольно поежился — говорил он всерьез. Это было ясно как божий день.

— Я вытащу тебя отсюда, — пообещал я. Но поклялся про себя, что прослежу, чтобы он не встретился с объектом своей мести. Этого мне только не хватало — начать карьеру преступника с соучастия в убийстве.

Стинджер немедленно взял меня под свое покровительство. Пожал мне руку, едва не сломав пальцы своей железной хваткой, и повел к своим парням.

— Это Джим, — сообщил он им. — Прошу любить и жаловать. Если кто его тронет — будет иметь дело со мной.

На их физиономиях появились угодливые улыбки, посыпались вполне лицемерные заверения в вечной дружбе, но, по крайней мере, меня они не тронут. Теперь я был под защитой могучих кулачищ Стинджера, один из которых покоился на моем плече, когда мы возвращались с прогулки.

— Как ты это провернешь? — спросил мой новый друг.

— Утром расскажу. Тут надо еще кой-чего обмозговать, — соврал я. — До встречи.

Из этой дыры мне хотелось выбраться не меньше, чем ему. Только по совершенно другой причине. Его вела месть, а меня — разочарование. Потому что здесь отсиживали неудачники, сплошные неудачники, а я привык считать себя победителем. И что из этого следует? То, что надо быстренько провести рекогносцировку.

Следующие двадцать четыре часа я разрабатывал варианты побега. Механические замки внутри всей тюрьмы я бы открыл без особых усилий, во всяком случае, моя отмычка не знала проблем с дверью камеры. Но как быть с воротами во дворе — те запирались с помощью электроники. Было бы время да подходящий инструмент, я бы справился и с ними. Но там сидит охрана, прямо над воротами, в сторожевой будке. Этот маршрут, выходит, не годится, впрочем — как и любой прямой путь. Делать нечего, надо в подробностях выяснить планировку тюрьмы.

За полночь я вылез из-под одеяла и стал собираться на разведку. Нет, никаких ботинок — надо быть совершенно бесшумным, так что лучше всего сгодятся три пары носков, надетых друг на друга. Я запихнул в постель под одеяло лишнюю одежду — чтобы койка не выглядела пустой, если вдруг кому придет охота взглянуть в камеру через глазок. Вилли, знай себе, беззаботно посапывал. Аж похрапывал, так что я спокойненько отомкнул замок и выскользнул в коридор.

В коридоре тускло горело ночное освещение, отовсюду доносился храп. Я вышел на лестничную площадку и осторожно глянул вниз. Этажом ниже охранник приводил в порядок свою экипировку для верховой езды. Что же, надеюсь, завтра он не сплохует.

Беззвучно, словно тень, я пробрался на следующий этаж. Никакого разнообразия — те же камеры. Точно так же и следующий, а он был уже последним. Выше некуда. Оставалось возвратиться назад. И тут я увидел что-то металлическое в дальнем углу коридора. Ну, риск — дело благородное, и я быстренько направился туда.

Этот металл, тускло блестевший в полутемном коридоре, оказался ступеньками железной лестницы, которая вела куда-то наверх. Понятное дело, я немедленно взобрался по ней и обнаружил сверху люк. И слишком уж надежно запертый — это я понял не сразу. Замка не было! Должен ведь быть и замок, но в темноте об-

наружить его мне никак не удавалось — поверхность люка была абсолютно гладкой.

Спокойно, парень. Если что-то закрыто, то должен быть и замок. Паника вещь хорошая, только мешает вспомнить, что головой не только едят. Так. Замок быть должен. Или задвижка. На самом люке нет ничего похожего. Что из этого следует? То, что замок должен быть на раме люка. Правильно — я провел рукой по холодному железу и немедленно его отыскал.

Что значит корректно поставить вопрос! Я достал отмычку, вставил в замок, и через несколько секунд то, что должно было щелкнуть, — щелкнуло. Я откинул люк, выбрался наверх и закрыл его за собой.

Я был на воле! Ну, правда, стоял на крыше, зато, по крайней мере, меня обдувал прохладный ветерок. Звезды светили так ярко, что можно было разглядеть поверхность крыши. Ничего особенного. Широкая и ровная крыша, кое-где — вентиляционные люки и печные трубы. Невысокий парапетик-перила. Какая-то большая тень заслоняла небо. Что за штука? Подойдя поближе, я услышал звук падающей воды. Цистерна. Так. А что внизу? Тоже ничего особенного: залитый светом и тщательно охраняемый тюремный двор. А с другой стороны?

А вот с другой стороны все было куда интересней. Там тоже был двор, только — освещенный светом единственной лампы. Там валялись какие-то пустые ведра, бочки и прочая тара, а в тюремной стене виднелись тяжелые ворота. Понятное дело что закрытые. Но раз человек что-то закрыл, то он может это открыть — пусть даже это будет другой человек. А именно — я.

Да, приходилось мириться с тем прискорбным фактом, что крыша располагалась на высоте пяти этажей, но и тут можно будет что-нибудь придумать. По крайней мере — найти другую дорогу на задний двор. У меня есть еще шесть дней, и другие варианты попасть туда найдутся. Начинало холодать, я зевнул и поежился. На сегодня достаточно, пора и баиньки.

Тихонько я отправился назад. Аккуратно закрыл за собой люк, убедился, что замок сработал, спустился по лесенке вниз, добрел до своего этажа...

А там — вовсю орали. Громко и разборчиво. И тон задавал мой чудный соседушка. Осторожно приблизившись к родной камере и заглянув в нее, я обнаружил там охранников и немедленно ретировался на лестницу. А Вилли вопил:

— Я проснулся, а его нет! Я остался один, совсем один! Призраки, его сожрали призраки! Спасите меня, умоляю! Они просочились сквозь стены, они сожрут и меня, спасите!!!

Глава 4

От ярости я задохнулся, но взял себя в руки. Ну пропишешь ему по первое число, а что дальше? Схватят, и все. Нет, надо сматываться. И я кинулся вверх по лестнице: пролет, следующий...

Тут вспыхнул свет и взвыли сирены. Заключенные переполошились, спросонья переругивались, сейчас они кинутся к дверям, обнаружат меня в коридоре, и заявится охрана. Выхода не было. Оставалось одно — бежать на последний этаж, подальше от камер.

Уже в полном отчаянии я заглянул в первую попавшуюся камеру на этом этаже и остолбенел — она была пуста! И все остальные на этаже — тоже! Это давало мне шанс. Птичкой я взлетел по металлическим ступенькам, в два счета обработал замок и собирался уже выскочить на крышу, как заслышал внизу шаги двух охранников, поднимавшихся на этаж. Едва они сюда доберутся — все кончено. Замок щелкнул, я навалился на люк и, распластавшись на крыше, опустил крышку на место. При этом успел увидеть, что охранники направляются прямиком в мою сторону.

Заметили? Сердце билось как бешеное, я пытался перевести дыхание и ждал дальнейшего развития событий.

Но никаких криков пока не было. Очевидно, они меня не заметили. Я пока свободен.

Хорошенькая свобода! Валяюсь на дурацкой крыше, стучу зубами от холода, а минуты через три меня сцапают.

Еще минуту я бессильно дрожал, испытывая острую жалость к себе. Но встал, встряхнулся, как собака, и ощутил ярость.

«Да что ж это такое?! — сплюнул я. — Гениальный преступник, преступная жизнь... и влипнуть в первой же серьезной заварухе из-за олигофрена с ножичком. Учись, Джим, учись. В будущем пригодится. Запомни — всегда прикрывайся с тыла и флангов. Продумывай абсолютно все и помни, что кретины на то и кретины, что просыпаются именно тогда, когда тебе это меньше всего нужно. Если хочешь, чтобы он спал крепко, — сделай так, чтобы он спал крепко. Да, конечно, сейчас эта премудрость тебе, что рыбе зонтик, но на будущее пригодится. А пока — соображай, как выкрутиться».

А чего тут было особенно соображать? Когда охранники откроют люк и вылезут на крышу, то меня обнаружат. Где тут спрячешься? На верху цистерны? Ну и что? Если они вылезут на крышу, то уж проверят все, нечего сомневаться. А что делать? Вниз не сиганешь, а так хоть остается слабенькая надежда. Вперед.

Легко сказать. Стенки цистерны были совершенно гладкими, а до верха было не достать. Я отошел, разбежался, прыгнул и уцепился за какую-то штуковину наверху. Попытался было ухватиться лучше, но пальцы разжались, и я рухнул вниз. Если этот грохот услышали внизу — я не удивлюсь. Надеюсь, что шмякнулся я над пустой камерой, а не над коридором.

«Что-то ты, парень, много думаешь и мало делаешь, — усовестил я себя. — Черт возьми, мне же надо туда залезть!»

Отошел к самому краю, несколько раз глубоко вздохнул и бросился вперед.

Разбег, толчок, прыжок и...

Правая рука ухватилась за железо. Ухватился левой и рванулся вверх. И, поцарапавшись о металл, влез на верх цистерны. Тьфу! В футе от моего лица валялась какая-то дохлая птица, причем ее мертвые глаза смотрели прямо на меня. Я попытался отодвинуться в сторону, но услышал, как крышка люка откинулась на крышу.

— Эй, подтолкни меня. Я застрял!

Это, похоже, были все те же толстячки-охранники, которых я заметил внизу. Опять вздохи и пыхтение — на крышу забирался второй.

— На кой черт мы сюда лезли, — заныл первый.

— Что значит «на кой»?! — возмутился его напарник. — Мы выполняем приказ, а это еще никому не повредило.

— Но люк был закрыт.

— Камера — тоже. Давай-ка, пошевеливайся.

Судя по звуку шагов, они обошли крышу и вернулись к люку.

— Нет его тут. Спрятаться тут негде. И за карнизом он не висит — я проверил.

— Тут еще одно место, где мы не смотрели.

И я почувствовал, как их глаза уперлись в меня. Сквозь металл. Сердце снова бешено заколотилось. Их шаги приближались, и в полном отчаянии я вцепился в поверхность цистерны.

— Не мог он туда залезть. Слишком высоко. Я даже до края не могу достать.

— Да ты и до своих шнурков не достанешь. Давай, помоги мне залезть. Поддержи меня снизу, тогда я дотянусь. Я взгляну только.

Да, он был совершенно прав. Один только взгляд. Что еще надо? Что я мог тут поделать?! Меня охватило полное безразличие. Я лежал, слушал их возню и переругивания, толстяк старательно пыхтел и, кажется, полз наверх. Вот в футе от моего лица появилась рука, и...

Сработало подсознание. Ей-богу, придумать такое я бы не смог. Рука самостоятельно дернулась и подтолкнула дохлую птицу под самые его пальцы.

Эффект был великолепен. Птица исчезла, зажатая в пальцах, внизу раздались чертыхания, визг и глухой удар.

— Что случилось?!

— Ох... я взялся, а тут... Да я же колено ушиб!

— Ну-ка, вставай. Обопрись об меня. Прыгай на здоровой...

Они медленно спускались вниз, а я наслаждался покоем. Конечно, они могут вернуться, это исключить было нельзя, но первый раунд я по очкам выиграл.

А через какое-то время я понял, что выиграл и второй. На крышу никто больше лезть не собирался. Вскоре сирены замолкли, и все поиски сосредоточились во дворе.

Там орали, хлопали дверьми, рычали двигатели машин, машины трогались с места и уезжали. И уехали. Огни притушили — какая прелесть! Я почувствовал себя победителем и задремал. Но вскоре очнулся.

Болван! Каким победителем?! Тюрьма заперта наглухо. Не сомневайся, они вернутся и обшарят тут все закоулки. И сюда вернутся, можешь быть уверен, да еще и лестницу с собой прихватят.

М-да. Надо что-то делать. И я знал, что. Я знал, куда мне пойти. Есть одно местечко, где меня искать не станут.

Спустился в люк, прошел по затемненному коридору. Все уже снова лежали на койках, разве что кое-где слышно было обсуждение ночных событий. Я бесшумно спустился по лестнице и подошел к родной *567B*. Бесшумно открыл и тихо прикрыл за собой дверь. Подошел к Вилли, почивавшему сном праведника.

Моя рука зажала ему рот, глаза парнишки моментально раскрылись, и я счел своим долгом обрисовать ему ситуацию:

— Видишь ли, ты зачем-то вызвал охрану и мне немножко помешал. Сейчас ты получишь то, что заслужил...

Он выгнулся изо всех сил, но тут же обмяк. И глаза прикрыл. Что это, я его укокошил?

Это было бы просто ужасно. Нет, живой, мерзавец, просто в обмороке — едва дышит. Я взял полотенце, смочил водой и приложил к его лицу...

А он очнулся и завизжал. Впрочем, его визг немедленно перешел в хрип — я полотенцем заткнул ему пасть.

— Не бойся, Вилли, я человек добрый. Тебе повезло. Я не буду тебя убивать.

Похоже, мой шепот его успокоил. Во всяком случае, дрожать он перестал.

— Если, конечно, ты мне поможешь. Отвечай-ка: в какой камере Стинджер? Готов? Кивни головой. Отлично. Я снимаю полотенце. Но если вякнешь — задушу. Валяй.

— ... *231B*...

На нашем этаже, очаровательно. Так, а полотенце надо положить на место, соседушке в пасть. Положил. И надавил на одну такую жилочку за его ухом. Шесть секунд — обморок, десять — с приветом. Вилли дернулся и обмяк. Я досчитал до семи и отпустил палец. Я, в общем, человек добрый.

Вытащил изо рта Вилли полотенце и вытер им руки. Нашарил на полу башмаки и обулся. Так, еще одну рубашку и куртку. Выпил не меньше литра воды и почувствовал, что готов сразиться с кем угодно. На прощание прихватил с кроватей одеяла и сунул их под мышку.

Тихонько, на цыпочках я проскользнул к камере Стинджера. Чувствовал я себя просто прекрасно — свободным и неуловимым. Конечно, это было легкомысленно и глуповато, зато приятно. Дверь *231B* распахнулась без труда, а Стинджер открыл глаза, едва я тронул его за плечо.

— Одевайся, — тихонько сказал я. — Нам пора.

Какой молодец — больше ему ничего объяснять не потребовалось. Не задавая вопросов, он натянул одежду и башмаки, а я в это время прихватил его одеяла.

— Нам понадобятся еще, как минимум, два.

— Прихвачу у Эдди.

— А он не проснется?

— Я прослежу, чтобы он снова заснул.

Послышался приглушенный вопрос, а затем глухой удар. Эдди, значит, снова уснул, и Стинджер присоединился ко мне с одеялами.

— Значит, так, — сообщил я ему, выходя из камеры, — мы лезем на крышу, связываем одеяла и спускаемся вниз. Ясно?

Да уж, ясно... Я в жизни не слышал о более идиотском плане. Но Стинджер, похоже, слыхивал.

— Отлично! Вперед! — кивнул он.

Опять вверх по лестнице, снова крыша — нет, надо сматываться, а то это хождение мне уже надоело.

— Что случилось? — спросил меня Стинджер, когда мы выбрались наверх. — Я слышал, что ты бежал, и уже решил тебя загасить, когда они притащат тебя обратно.

— Не так все просто... Я тебе расскажу, но после, когда выберемся. Давай пока займемся делом. Вязать надо по диагонали — так выйдет длинней. Вяжи прямыми узлами — как в бойскаутах учили. Вот так.

Наконец мы покончили с этим делом. Взялись за концы получившегося каната, потянули в разные стороны. Все вроде нормально. Один конец я привязал к трубе и скинул одеяла вниз.

— М-да, на добрых двадцать футов короче, — отметил Стинджер, перегнувшись вниз. — Слушай, ты полезешь первым. Ты легче. А если подо мной они оборвутся, то у тебя не останется шанса.

Ничего не скажешь, с логикой не поспоришь. Уффф... Я взобрался на парапет и ухватился за верхнее одеяло. Стинджер, неожиданно растрогавшись, пожал мне руку. И я полез вниз.

Это было то еще удовольствие. Руки моментально устали, за ткань одеял было трудно уцепиться. Спускался я быстро, понимая, что силы на исходе.

И вот наконец ноги повисли в воздухе. Но твердая поверхность двора все еще казалась лежащей очень глубоко внизу. Но решаться на прыжок мне не пришлось — руки непроизвольно разжались, и я полетел вниз.

И шлепнулся о землю, перекувырнулся и сел, тяжело дыша. Да, вот так вот. С этим мы справились. Наверху виднелся раскачивавшийся на одеялах Стинджер, а через миг он уже стоял на земле, отряхивая брюки. Он помог мне встать, и, опираясь на его руку, я заковылял к воротам. Пальцы дрожали, и замок открыть никак не удавалось. Здесь, под единственным во дворе фонарем, мы были видны как на ладони, не дай бог, кто-нибудь выглянет из окна...

Я глубоко вздохнул и снова вставил отмычку. Медленно и осторожно исследовал внутренности замка. Тот наконец щелкнул, и мы выскользнули наружу. Стинджер бесшумно притворил ворота, развернулся и со всех ног бросился в темноту. Я припустил за ним.

Мы свободны!

Глава 5

— Стой! — заорал я Стинджеру, который летел по дороге явно не туда, куда следовало. — У меня есть план получше. Все сосчитано давно, еще до того, как я сел...

Он постепенно притормозил, подумал, и наконец до него дошло.

— М-да, — хмыкнул он. — До сих пор ты не ошибался. Так что надо делать?

— Правило для новичков: оставь след, который возьмут роботы-ищейки. Пошли.

Мы сошли с дороги, продрались сквозь заросли и спустились к ручью. Ручей был мелкий, но холодный, я не мог сдержать дрожь, шлепая по воде. Неподалеку проходила автострада, и мы направились туда. Мимо прогрохотал контейнеровоз, пришлось присесть. Шоссе было пусто.

— А теперь пошли, — сказал я, — прямо на дорогу и немедленно обратно, по своим же следам.

Стинджер сделал все как надо, и мы снова оказались в холодной воде.

— Здорово, — одобрил он. — Они отыщут, где мы вошли в воду, найдут, где вышли и доберутся до дороги. Копы решат, что нас подобрала машина. А что мы делаем дальше?

— А дальше мы пойдем вверх по ручью — все время по воде. До ближайшей фермы. Там разводят свинобразов...

— Нет! Ненавижу этих свинюх! Меня такая тварь в детстве укусила...

— Выбора нет. Иначе нас утром повяжут. Знаешь, я их тоже не шибко, свиней этих, люблю, но я вырос на ферме и умею с ними обходиться. Пошли лучше, а то ноги по колено отморозим.

Дорога была долгой, мокрой и холодной. А что поделаешь? Только и оставалось, что дрожать и двигаться вперед. Зубы стучали словно кастаньеты. Все же мы добрались до второго ручейка, впадавшего в наш. Звезды начинали бледнеть — приближался рассвет.

— Ну, наконец, — сказал я. — Нам нужен именно этот ручей. Видишь срубленное дерево? Мы почти на месте.

Я протянул руку, сломал сухую ветку, нависавшую над ручьем, и пошел дальше. Мы брели, пока не добрались до высокой электроизгороди, пересекавшей ручей. Веткой я приподнял нижний провод, чтобы Стинджер смог пролезть, потом он точно так же помог мне. Когда я был уже по ту сторону, послышался знакомый шорох гигантских игл, доносившийся из рощицы неподалеку. Большая темная туша отделилась от деревьев и затрусила в нашу сторону. Я выхватил ветку из рук Стинджера и ласково позвал животное:

— Суууу-и, Сууу-ии... иди сюда, хрюшечка, иди сюда, милая...

Кабан приближался, сочно хрюкая. Стинджер что-то тихо бормотал. Я снова подозвал свинобраза, и он подошел еще ближе. Красавец, не меньше тонны весом. Уставился на меня

своими красненькими глазенками. Я шагнул вперед и медленно поднял ветку, Стинджер застонал у меня за спиной. Но кабан даже не пошевелился, когда я коснулся веткой его уха. Я раздвинул палкой иглы и принялся энергично его почесывать.

— Ты что?! — прохрипел Стинджер. — Он нас растопчет!

— Да нет же, — заверил его я. — Слышишь?

Животное жмурилось от наслаждения и блаженно урчало.

— Понимаешь, у них под иглами тучи всяких паразитов, а сами они до них добраться не могут. Для них почесывание — первейшее дело. А ну-ка, приятель, подставляй второе ухо. За ушами у них зудит сильнее всего. Сейчас дочешу, и двинемся дальше.

Я чесал, кабан урчал, постанывая от счастья, светало. В окнах фермы зажегся свет, мы присели, прячась за свинобраза. Дверь домика отворилась, кто-то вышел на крыльцо и выплеснул воду из тазика. Дверь захлопнулась.

— К амбару! — скомандовал я. — Это вон там.

Кабан недовольно заворчал, едва я прекратил чесать, двинулся следом за нами и проводил до амбара. Это было кстати, поскольку вокруг нас этих колючих ребят сновало немало, а чесать каждого — замучаешься. Но наш был самым крупным среди всех, и остальные расступались перед ним. Так мы и добрели до амбара.

— Пока, дружище, — попрощался я с животным, хорошенько почесав его напоследок. — Приятно было познакомиться.

Тем временем Стинджер открыл ворота, и мы нырнули внутрь. Едва мы успели задвинуть засов, как дверь затрещала — наш дружок хотел к нам.

— Ты спас мне жизнь, — прочувствованно выдохнул Стинджер. — Я этого не забуду.

— Да что ты. Дело в навыке, — скромно ответил я. — Ты вот, к примеру, отлично орудуешь кулаками.

— А ты гениально управляешься со свиньями!

— Ну, я бы оценил себя несколько иначе, — пробормотал я. — Ладно, давай на боковую. Там, в глубине, сено. У нас впереди долгий день, и большую его часть я собираюсь проспать.

Я зарылся в сено, чихнул пару раз и моментально провалился в сон.

Проснулся я оттого, что Стинджер тряс меня за плечо. Сквозь щели между досками пробивался солнечный свет.

— Полиция, — прошептал он.

Я спросонья заморгал и заглянул в дыру. Да, возле дома торчал зелено-белый футтер, а парочка полицейских показывала хозяину какую-то бумаженцию. Тот помотал головой и заорал, перекрывая все звуки, доносившиеся с фермы:

— Нет! Никогда их в жизни не встречал! Да я тут никого живого уже неделю не видел! Рад с вами поболтать, ребята. Да, наружность у этих двоих не из приятных. Что вы говорите — преступники?

— Папаша, мы спешим. Может, ты не видел, а они спрятались где-то тут? Вон в том амбаре?

— Да тут свинобразов кругом полно. Как бы они пробрались?

— Мы обязаны проверить. У нас приказ осмотреть все строения в округе.

И копы двинулись в нашу сторону. Разумеется, тут же послышался дикий визг и мощный топот копыт. Из-за угла амбара, яростно треща иглами, выскочил наш давешний приятель. Мгновение — и полицейские уже сидели в футтере. Рассвиреп*евший кабан впи*лился в кузов машины, отчего она отскочила в сторону, а в боку появилась изрядная дыра.

— Говорил же! — радостно завопил фермер. — Крошка Ларри с чужаками не водится. Какой там амбар, что вы. Будете поблизости, так заглядывайте, ребята!

Последние слова ему пришлось уже прокричать в небо — футтер рывком взмыл и дал деру на запад, преследуемый снизу хрипящим боровом.

— Высший пилотаж, — уважительно сказал Стинджер.

Я кивнул, молча согласившись с его мнением о Ларри. Да, что ни говори, даже в самой непримечательной и тупой жизни случаются моменты подлинного величия.

Но пора и за работу. Я разлегся на теплом сене и задумался, покусывая травинку.

— Знаешь, Стинджер, а свинобразы довольно милы, когда знаешь к ним подход.

— Похоже, что полиция думает иначе, — отозвался он.

— Видимо, ты прав. Зато какое зрелище — в жизни не видал ничего более восхитительного. Не люблю я копов.

— А кто любит? Кстати, Джимми, за что ты сел?

— Ограбление банка. Ты когда-нибудь брал банк?

Стинджер с уважением присвистнул и отрицательно покачал головой.

— Не-е-ет. Не моя это специальность. Я все больше по гасилову. Представь, девять лет — и ни одного поражения.

— Да уж, похоже, жизнь у тебя беспокойная, немало людей повидал. А Смелли Шмука встречать не доводилось? — Я импровизировал на ходу. — Мы с ним на пару сделали несколько банков в штате Грэхэм.

— Нет, не доводилось. Даже не слышал никогда. И вообще, ты первый спец по банкам, которого я вижу.

— Ну, так нас не так уж и много. Но медвежатников-то ты уж должен знать. Или угонщиков?

Но я добился лишь очередного покачивания головой.

— Таких ребят, как ты, я встречал только в тюрьме. Знаю парочку шулеров, они всегда толкутся на гасиловке. Но это все мелочь, неудачники. Вот как-то раз встречал я парня... ты Слона не знаешь?

— Да нет, давненько я не был в зоопарке, — пробормотал я, не уловив сути вопроса.

— Да нет же. Это просто такой парень, который чистил банки и все такое прочее. Думал, ты его знаешь.

— Похоже, это было еще до меня.

— Да, давненько. Полиция, насколько мне известно, так его и не взяла. Один пижон болтал, что Слон завязал и лег на дно. Врал, наверное. Пижоны это любят.

Никаких подробностей Стинджер не знал, а я давить на него не стал. Разговор затух, и мы дремали, пока не стемнело. Хотелось есть и пить, но убежище покидать было рано. Я жевал соломинку, старался выбросить из головы мысли о пиве и холодной воде и раздумывал о Слоне. К закату солнца я был совершенно подавлен. Моя тюремная эскапада потерпела фиаско. Тюрьмы — для неудачников, вот и все, что мне удалось узнать. И ради этого я рисковал здоровьем и жизнью?! Нет уж, хватит. В дальнейшем будем держаться от тюрем подальше. Умные преступники не сидят. Такие, как Слон, кем бы он ни оказался.

Когда угас последний луч солнца, мы отворили амбарную дверь. Нежное хрюканье последовало незамедлительно, и огромная туша перекрыла выход. Стинджер охнул от ужаса, но я успел схватить его прежде, чем он кинулся прочь.

— Бери-ка ветку и помогай, — сказал я ему. — Лишнее ремесло не повредит.

И какое-то время общими силами мы старательно чесали свинобраза. Животное млело от наслаждения, а когда мы тронулись в путь, затрусило за нами следом, словно собачонка.

— Теперь друг на всю жизнь, — заключил я, когда мы проскользнули за ворота, потом обернулся и помахал на прощание новому приятелю.

— Хм, я бы прожил без таких друзей, — буркнул Стинджер. — А что дальше?

— Спокойно. Планирование — моя страсть. Чуть поодаль, на шоссе, есть перевалочная станция. Там перегружают грузы с линеров на грузовики. Там, понятно, полиция, и туда мы не сунемся. Но на магистраль грузовики выворачивают вон по той дороге, а там есть светофор. И они ждут, пока их не зарегистрирует дорожный компьютер. Так что мы отправимся туда...

— И заберемся в кузов!

— Именно. Молодец. Только нам нужен такой, чтобы ехал на запад. А то прикатим в распрекрасный город Пирли Гейтс и немедленно окажемся в той самой тюряге, откуда так красиво выбрались.

— Веди, Джим. Ты самый башковитый парень из всех, кого я встречал. Далеко пойдешь.

Мне тоже так казалось, и я кивнул в знак согласия. Жалко, конечно, что нам не по пути. Но мне совершенно неохота мучиться всю жизнь угрызениями совести из-за того, что с моей помощью угробят какого-то неизвестного мне деревенского мужика — пусть даже он это и заслужил. Ну не могу я быть соучастником кровожадных планов Стинджера.

Мы добрались до дороги, устроились в кустах и стали ждать. Подъехали два грузовика, а вдали показались фары третьего. Мы оставались в укрытии. Первый тронулся, тронулся второй — и пошли на восток. Третий приостановился у перекрестка, включив сигнал поворота. На запад!

Подбежали к фургону. Я было начал возиться с замком, но Стинджер отодвинул меня в сторону, дернул засов вниз, и дверь распахнулась. Грузовик тронулся, Стинджер закинул меня внутрь, уже на бегу ухватился за поручень и запрыгнул. Мы захлопнули дверь, но закрыть ее не смогли.

— Получилось! — торжествовал он.

— Конечно. Этот грузовик отвезет тебя, куда нужно, а я должен вернуться в Пирли Гейтс еще затемно. Примерно через час мы будем проезжать Биллвилл. Там я тебя покину.

Когда мы доехали, я спрыгнул у первого светофора. Он пожал мне на прощание руку.

— Удачи, малыш! — крикнул он, когда грузовик тронулся.

Ему того же я пожелать не мог.

Едва грузовик скрылся из вида, я достал монету. Номер грузовика я запомнил. Подошел к телефонной будке, набрал номер полиции — и почувствовал себя распоследней крысой.

А что мне было делать?!

Глава 6

Мой план побега был разработан тщательно. И дезинформация моего недавнего спутника — его составная часть. Он-то совсем не глуп, так что легко поймет, кто именно его заложил. И, если он расколется — а расколется хотя бы из ненависти, — то сообщит полиции, что я отправился в Пирли Гейтс. Именно то, что надо. Покидать Биллвилл я не собирался. По крайней мере — немедленно.

Офис я заранее снял через агентство и все формальности уладил при посредничестве компьютера. Перед спектаклем со взятием банка я заехал туда и произвел некоторое благоустройство помещения. Теперь это оказалось как нельзя кстати. Здание было поставлено под сигнализацию — что же, я вошел через служебный вход, предварительно отключив сирены с помощью тайного выключателя, установленного мною заранее. После того как я щелкнул этой кнопочкой, у меня было целых десять минут, чтобы не спеша пройти в свой офис. Я зевнул и лениво поплелся на третий этаж мимо незрячих объективов камер, сквозь отсутствующие инфракрасные лучи отключенных на время следящих систем. Когда я открывал дверь, у меня оставалось еще две минуты. Вошел, нажал еще на одну кнопочку, чтобы окна стали непрозрачными, и направился к бару.

Никогда еще пиво не казалось мне таким холодным и вкусным. Содержимое первой бутылки даже не коснулось моей глотки, так в желудок и ухнуло. Дернув язычок на саморазогревающемся пакетике с жареными ребрышками свинобраза, я выпил вторую бутылку. Как только из пакета повалил пар, я разодрал упаковку и извлек оттуда ребрышко — размером с предплечье. Эх!

Насытившись, принял душ и открыл третью бутылку пива. Теперь я чувствовал себя уже гораздо лучше.

— Режим, — вслух приказал я компьютеру, а запрограммировал его просто: он должен был подобрать мне все газетные статьи за последние пятьдесят лет, в которых шла речь о преступнике по кличке Слон. Подобрать, сравнить, исключить перепечатки и выдать пред мои ясны очи.

Я еще не взялся как следует за четвертую бутылку, а готовые листы уже полезли из машинки. Первый лист относился к делам самым свежим — десятилетней давности, это была заметка из Декалога — города на другом полушарии планеты. Полиция схватила в баре пожилого человека, утверждавшего, что он и есть Слон. Но это оказался случай старческого маразма, задержанного водво-

рили в дом для престарелых, откуда, собственно, тот и сбежал. Взял следующую распечатку...

Утомившись к утру, я трансформировал книжный шкаф в кушетку и слегка вздремнул. В сером рассвете, подкрепившись чашечкой кофе, я уложил в бумажный орнамент, образовавшийся на полу, последнюю страничку. Солнечный свет заливал бумаги. Я включил верхний свет и, постукивая стилографом по зубам, углубился в анализ.

Интересно. Этот преступник обожал хвастаться, на месте своего преступления он оставлял рисунок шахматного слона. Впрочем, изображение очень примитивное, скопировать которое не представляет сложности. Что, собственно, я и исполнил немедленно. Отставил рисунок на вытянутой руке и полюбовался им. Неплохо, по-моему.

Первый слон был оставлен в пустой кассе магазина-автомата, торговавшего спиртным, шестьдесят восемь лет тому назад. Каково?! Если Слон начал свою карьеру подростком, как я, то теперь ему должно быть уже за восемьдесят. Возраст неплохой, если учесть, что на нашей планете нынче средняя продолжительность жизни составляет лет сто пятьдесят. Но что с ним стало, почему он исчез? Уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как он оставил свою последнюю визитку. Загибая пальцы, я считал варианты.

Первый: он мог просто загнуться. Тут уж ничего не поделаешь, и оставим это.

Второй: он покинул планету и работает в иных мирах. По сути, случай не отличается от первого. Не будем о грустном. Чтобы искать счастья на других планетах, мне еще надо поднабраться и опыта, и денежек.

Третий: он завязал и теперь потихоньку тратит неправедно нажитое. Что ж, дай тогда бог ему крепкого здоровья.

И четвертое: он сменил почерк и перестал выпендриваться с картинками.

Я сидел и угрюмо попивал кофе. В случаях третьем и четвертом у меня еще остаются шансы выйти на него. Перед тем как исчезнуть, он вел весьма бурную жизнь — я взглянул на список произведенных им работ с большим уважением. Угон самолета, угон машины, ограбление, налет на банк. И так далее, и тому подобное. В общем, суть всех преступлений была одинакова: деньги перемещались из чужих карманов в карман Слона. Или краденое имущество сбывалось с использованием фиктивных документов — опять-таки денежки. И его ни разу не схватили, вот что самое ценное. Такой человек просто-таки предназначен стать моим наставником и покровителем, моим учителем, дабы в один прекрасный день я

смог бы получить диплом мошенника с отличием, который откроет мне двери самых богатых закромов.

Но как я его найду, когда на его хвост в течение десятилетий не могла сесть полиция? М-да. С ходу и не ответить. Я решил так: пускай над этой проблемой подумает мое подсознание, а я пока погуляю. Улица за окном оживала, по ней сновал всякий люд, так что неплохо бы мне выйти и сделать кое-какие покупки. Все мои припасы были либо мороженными, либо консервами, а после унылой тюремной баланды хотелось чего-нибудь свеженького и хрустящего. Я открыл шкаф с гримом и стал готовиться к выходу.

Взрослые не понимают, не помнят — как это быть подростком. Они с удовольствием забывают этот полустанок на дороге к зрелости. Невинные радости детства позади, взрослые удовольствия — далеко впереди, а в настоящем — только вечно приливающая к голове кровь при мыслях о прекрасном поле да пустые карманы. Несчастные подростки должны вести себя как взрослые, но не имеют никаких привилегий этого положения. Что до меня, то я избежал утомительной занудности отрочества, сразу перескочив через него. Я не околачивался в школе и не слонялся со сверстниками — я превращался во взрослого. Поскольку, как мне казалось — и не без оснований, — я был умнее большинства взрослых, мне нужно было всего лишь изменить внешность.

Сначала наложить морщинки у глаз и на лбу. Нанести эту бесцветную жидкость, кожа стянется, вот они и морщинки — сразу взрослеешь на несколько лет. Пара складок под подбородком отлично сочетается с морщинами, и вот еще деталька, последняя — маленькие гнусные усы. А если я теперь надену свой бесформенный пиджак делового человека, то и родная маменька не признает меня на улице. Такой случай, кстати, год назад произошел, так что же — я даже нахально спросил у нее время, а она так и не узнала. Поскольку, судя по виду из окна, дождь сегодня исключался начисто, я прихватил зонтик и вышел на ближайшую торговую улочку.

Что касается моего подсознания, то, должен отметить, в тот день оно работало замечательно. Несмотря на все выпитое пиво, жажда меня не оставляла. Сухая отсидка в амбаре все еще давала себя знать. Поэтому я резко свернул под платиновые своды Максвина и подошел к облупленному роботу, по пояс встроенному в прилавок. На его пластиковой физиономии была намалевана дежурная улыбка, а голос был сладкий и чувственный.

— Чем могу служить, сэр или мадам?

«Могли бы и разориться на программу определения пола, в конце концов», — подумал я, разглядывая меню на стене.

— Двойной шерри и чтобы льда побольше.

— Сейчас будет, сэр или мадам. Три доллара, будьте любезны.

Я опустил монеты в щелку, откинулся сервировочный столик, на котором появился напиток. Пока я забирал его, пришлось выслушать рекламную трескотню.

— Шевелись, приятель. Заказывай или отвали, чего застрял... — ввинтился мне в ухо чей-то голос, я пробормотал какие-то извинения, прошаркал в ближайшую кабинку и уселся там.

Просто надо повернуть проблему вверх ногами. Вместо того чтобы самому разыскивать Слона, надо сделать так, чтобы он искал меня.

Я потягивал напиток, пока от холода не заныли зубы. Глаза мои были устремлены в небо, и кусочки нарождающегося плана постепенно состраивались в единое целое. Да, совершенно никаких шансов отыскать Слона самостоятельно — и глупо тратить время на такие попытки. Значит, мне нужно устроить нечто эпохальное, чтобы это попало во все программы новостей. Преступление должно быть настолько необычным, что любой, умеющий читать или хотя бы включать телевизор, обязательно узнал бы о нем. Чтобы шуму на весь мир. И при этом все узнают, что это дело рук Слона — я оставлю там его визитку.

Остатки выпивки со свистом всосались в трубочку, мой взгляд сфокусировался, и я обнаружил перед глазами плакат. Некоторое время я пялился на него бессмысленно, но постепенно стал соображать. Хохочущие клоуны и визжащие ребятишки. Все веселятся так, что, не дай бог, сейчас описаются. А надпись над их головами гласила:

СОБИРАЙТЕ ЧЕКИ!
БЕРЕГИТЕ ИХ ПРИ КАЖДОЙ ПОКУПКЕ!!
СВОБОДНЫЙ ВХОД В ЛУНА-ПАРК!!!

Несколько лет тому назад я посетил сей заповедник целлулоидных радостей и, будучи тогда еще ребенком, возненавидел его. Гонки вверх-вниз для сильных желудком, каруселька с подпрыгиваниями, скверная еда, липкие сласти, пьяные клоуны, дешевое веселье для простачков. Луна-парк посещали тысячи ежедневно, десятки тысяч — по выходным, и сотни тысяч долларов оставались после них в кассах парка.

А мое дело — забрать их. Тихо и уверенно, да так, чтобы это стало главной новостью за день на всей планете.

Но как? Как-как... сначала пойти туда и изучить тамошнюю охрану. Кстати, мне как раз полагается выходной.

Глава 7

В этой маленькой разведвылазке разумнее всего было выглядеть на свой естественный возраст. Сняв грим, я снова стал семнадцатилетним и свежим. И удивительно похожим на самого себя — что вряд ли полезно, учитывая мои отношения с полицией. Но дело можно поправить — за щеки засунуть тампоны, слегка подрумяниться — ну, чистый херувим, да еще солнечные очки, украшенные пластмассовыми цветочками, из которых брызгала водичка, если нажать на спрятанную в кармане специальную грушу. Колоссальная выдумка! Стиль нынче слегка изменился, следовательно, широкие штаны вышли из моды и в ходу снова шорты. Точнее, несколько странноватый их подвид под названием «шорты-полубрюки»: одна штанина выше, а вторая — ниже колена. Что поделаешь, купил, пошиты они были из отвратительного пурпурного бархата и замечательно украшены розовыми заплатками. Смотреть на себя в зеркало мне не хотелось. Существо, что взглянуло на меня в ответ, описать практически невозможно. Во всяком случае, грабителя банков это не напоминало никак. А на шею я еще повесил очень дешевую камеру.

На станции, садясь в Луна-экспресс, я затерялся в море себе (в таком виде, понятно) подобных. Истерически хохоча и взвизгивая, они брызгались водой из своих розочек на очках, неплохо, в общем, проводили время. Весело. Задорно. Когда мы наконец приехали и двери открылись, я подождал, пока разноцветная толпа вывалит наружу, и поплелся следом. Кому отдыхать, а кому — работать.

Надо подобраться к денежкам. Мои воспоминания о первом посещении парка практически стерлись — и слава богу! — но я запомнил, что за всякие развлечения и катания платить надо пластиковыми жетонами. Тогда мой отец повел себя как последний жмот и купил всего несколько, они разошлись в пару минут, и, конечно, большего мне не полагалось. Значит, первая задача — найти, откуда жетоны берутся.

Ну, это было несложно, поскольку вся эта румяная публика так и ринулась к искомому строению: остроконечному, похожему на перевернутый конус стаканчика мороженого, украшенному свер-

ху флажками и заводными клоунами, а по бокам — позолоченными репродукторами, изрыгавшими душераздирающую музыку. Вокруг здания повсюду торчали пластиковые фигуры клоунов, которые гримасничали, раскачивались и хохотали. Выглядели они пошло, но дело свое знали — изымали наличность у посетителей. Потные юные ручки совали купюры в загребущие лапищи полишинелей. Купюры исчезали, и изо рта клоуна в подставленную предусмотрительно емкость сыпались пластиковые жетончики. Несколько физиологично, не правда ли? Впрочем, остальным так не казалось.

Так. Деньги уходят в здание. Теперь надо отыскать место, откуда они выходят наружу — они же должны выходить наружу?! Обойдя строение вокруг, я обнаружил, что пластмассовые чудаки стоят не по всему периметру. С тыла, скрытое кустами и деревцами, к цоколю прилепилось небольшое строеньице. Продравшись сквозь кусты, я столкнулся с охранником, торчавшим возле неприметной дверки.

— Заблудился, малыш, — ласково сказал тот. — Тут только для сотрудников.

Я кинулся вперед, проскочил мимо него и ткнулся в дверь, умудрившись ее при этом сфотографировать.

— Мне нужно в уборную — заныл я, сжав коленки. — Мне сказали, что здесь есть.

Но сильная и мужественная рука схватила меня за шкирку и отшвырнула в сторону.

— Не здесь. Проваливай, откуда пришел.

Что ж, я удалился. Очень даже любопытно — никакой электроники, а замок типа Глабб — надежный, да вот только устаревший. Луна-парк начинал мне нравиться.

Потом последовало мучительное ожидание, когда парк закроется. От скуки я прокатился по ледяной дороге — несешься через ледяные пещеры, в стены которых вморожены разнообразные кошмарики, и те неожиданно напрыгивают на проезжающего пассажира. Впрочем, Космические пираты были не лучше, и из приличия умолчу о коронных аттракционах парка — Болтоне-Чудище и Леденцовой Стране. Наконец дело пошло к закрытию: пункты обмена денег на жетоны прекратили работу, до закрытия оставался час. Со своего наблюдательного пункта, выбранного в достаточной близости к зданию, я видел, как в бронированный фургон загрузили множество прочных контейнеров. Еще интереснее было то, что как только деньги исчезли в фургоне, то исчезла и охрана. Видимо, предполагалось, что никто, находящийся в здравом уме, не полезет внутрь, желая украсть жетоны.

А вот у меня ум, должно быть, оказался не слишком здравым. Едва стемнело, я смешался с измученной удовольствиями публикой, которая брела к выходу. Но до выхода не дошел. Задняя стенка Горы Вампиров легко открылась после нескольких точных манипуляций. Я проскользнул в темноту служебного помещения. Высоко надо мной мерцали бледные клыки и капала вниз искусственная кровь. За набитым грязью гробом оказалось уютненькое местечко.

Провел я там не более часа. Этого оказалось достаточно, чтобы убрались служащие, а на близлежащих улицах еще толпились люди, чтобы мой жуткий вид не бросился в глаза, когда я наконец отсюда выйду.

Охранники тут имелись, но обойти их было проще простого. Как и ожидалось, глаббовский замок открылся без проблем, и я быстро проскользнул внутрь. Помещение оказалось без окон, что было кстати — никто снаружи моего фонарика не заметит. Я его включил и с интересом изучил механизм.

Устройство было простым — хорошее качество для механизмов. Меняльные аппараты стояли возле стен — они, понятно, были выключены, но принцип их работы можно было понять. Получив банкноты или монеты, они пересчитывали их и сортировали. Верхний агрегат высыпал в лоток соответствующее количество жетонов. Из пола выходили трубы, которые вели к контейнеру наверху — ясно, что они сообщались с подземными конвейерами, которые доставляют использованные жетоны обратно в обменный пункт. Монеты без участия человеческих рук проходили по прозрачным трубам на точку сбора, где сыпались в закрытые ящики. Они меня не интересовали — слишком тяжелы для переноски. Вот банкноты — да. И легче, и ценней. Те скользили по лоткам и в конце пути грациозно опускались в отверстие в крышке сейфа. Надо сказать, процесс был достаточно надежно огражден от вороватых служащих.

Прелестно. Я еще какое-то время повосхищался машиной и сделал кое-какие заметки в своем блокноте. Обменные агрегаты были сделаны на фирме ОБМЕН, так, во всяком случае, гласила торговая марка на механизмах. Сейф был вполне надежный и соответствовал уровню моих технических навыков. Как и предполагалось, он был пуст. Записав комбинацию, я несколько раз открыл и закрыл его, пока не смог производить это с закрытыми глазами. Не просто так — сия процедура входила в мой план будущих действий.

Покончив с делами, так никем и не замеченный, я покинул здание. Без особого труда выбрался из парка и смешался с праздной толпой. На обратном пути сил проказничать у них осталось немного, и своими очками-брызгалками мне пришлось воспользоваться всего дважды. Не передать то чувство облегчения, когда я наконец ввалился в офис, содрал с себя шутовской наряд и влил в себя кружку пива. Затем, выражаясь торжественно, погрузился в раздумья.

И начались недели, заполненные трудами. Подбирая экипировку, необходимую для операции, я внимательно следил за новостями. Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Один из бежавших преступников схвачен. При задержании он оказал ожесточенное сопротивление. Сообщник до сих пор не обнаружен, несмотря на информацию, полученную от задержанного. Бедный Стинджер, какой постылой сделается его жизнь, когда у него отнимут страсть к дракам... Но переживал я за него не слишком — некогда было... А впереди у меня — куча дел. Главное — разработать план ограбления, да так, чтобы устроить еще и ловушку, в которую должен попасть Слон. С гордостью могу сказать: я в этом преуспел. Наступило время действовать, и в одну из темных и ненастных ночей я собрался нанести повторный визит в Луна-парк. Понятно, мне хотелось провернуть все побыстрее, но операция заняла несколько часов.

А далее оставалось дождаться подходящего дня. И лучше всего воскресного, когда кассы работают не покладая рук. В ходе выполнения плана я снял гараж — вполне законно — и угнал фургончик, тут, как вы понимаете, с законностью было наоборот. Какое-то время ушло на то, чтобы перекрасить, сменить номера и намалевать на дверях эмблемы фирмы. А когда наступила суббота, я уже с трудом удерживал себя от немедленных действий. Чтобы убить время, я долго и обильно завтракал, слонялся взад-вперед по офису — начинать лучше во второй половине дня, когда сейфы успеют наполниться. Проехаться по сельской дороге было одно удовольствие, и в назначенное время я оказался в нужном месте — неподалеку от служебного входа в парк. Натягивая на пальцы облегающие прозрачные перчатки, я вдруг ощутил тревогу, впрочем — нетерпение было куда сильней. Я улыбнулся и включил аппаратик, установленный под приборной доской.

Незримый радиосигнал отправился в путь, а в моем воображении возникла картина происходящего: со скоростью света он долетает до приемника, затем по проводам бежит до цели — крохотного зарядика взрывчатки. Совсем крохотного, я все

рассчитал — его хватит ровно на то, чтобы разрушить заслонку на одном из автоматов, выдающем жетоны, не повредив выводящий лоток. Вот, взрыв должен произойти, и лавина жетонов попрет наружу густой шелестящей струей. Моя щедрость не знает границ! Как бы детки возблагодарили меня мысленно и вслух, знай они мое имя!

Но это еще не все. Мой передатчик отправлял сигнал каждую секунду, так что каждую минуту взрывалась очередная заслонка и ударял новый фонтан. В рассчитанное время я завел фургон и подъехал к служебному входу. Высунулся из окошка, как раз до гордой надписи на борту фургона: ОБМЕННЫЕ АППАРАТЫ ОБМЕНА.

Я, конечно, пытался представить себе последствия беспрецедентной щедрости автоматов, вызванной моими усилиями, но действительность превзошла все ожидания. Вопящая счастливая малышня сновала вокруг, нагруженная жетонами, другие дрались за место возле автоматов, воздух был заполнен криками, служащие и охрана не могли справиться с этим энтузиазмом и расчистить пространство вокруг сломанной техники. По служебной дороге проехать еще было можно, но делать это пришлось очень медленно, постоянно надавливая на клаксон, почти раздвигая бампером восторженную толпу. Я подъехал к заветной дверке, охранники же выгоняли каких-то особенно настырных детишек из кустов.

— У вас что-то не в порядке с автоматами? — вежливо осведомился я.

Ответный рык охранника так и не смог пробиться сквозь царивший здесь детский визг. Охранник просто открыл дверь и почти зашвырнул меня туда вместе с инструментальным ящиком.

Внутри же четыре человека безуспешно сражались с механизмами. Отключить машины оказалось невозможным — потому, разумеется, что я взял на себя смелость закоротить заодно и коробку выключателей. Какой-то лысый тип энергично пилил ножовкой бронированный кабель.

— Это же самоубийство! — заорал я. — Там же четыреста вольт!

— А ты делом займись, умник, — огрызнулся тот. — Твои машины, ты и чини.

— Сейчас, приятель. Вот что нас спасет.

Я открыл свой объемистый инструментальный ящик, в котором лежала одна-единственная блестящая металлическая трубка, вытащил ее и швырнул в правильное место.

Повалил густой черный дым, он быстро заполнил помещение, мелькнули недоумевающие лица служителей и стало ничего не видно.

Но я этого и ждал, а они — нет. Держа ящик в руках, я отсчитал четыре шага в кромешной мгле и поставил ящик рядом с сейфом. Если мои действия и производили какой-то шум, то он наверняка тонул в воплях и криках, доносившихся снаружи. Сейф открылся очень легко. Крышка моего ящика пришлась в аккурат по нижнему краю. Я нагнулся, нащупал стопки и кучи банкнот, смел их в приготовленный ящик и закрыл его. Теперь надо устроить так, чтобы ответственность за этот лихой налет легла на совершенно определенного человека. Да, вы догадались, на кого именно. Визиточку я, конечно, нарисовал заранее и теперь извлек ее из нагрудного кармана, положил в сейф, аккуратно закрыл его и только после этого, взяв в руки потяжелевший ящик, встал к сейфу спиной и попытался сориентироваться.

Я знал, что выход в девяти шагах, но успел сделать только пять и тут с кем-то столкнулся. Сильные руки вцепились в меня, и грубый голос заорал над ухом:

— Я его схватил! Помогите!

Я на мгновение отпустил ящик и оказал ему ту помощь, в которой он так нуждался. Незнакомец хрюкнул и осел на пол. Я протянул руку за ящиком, какое-то время не мог его нашарить, но не разволновался, а поискал получше и нашел.

И тут понял, что полностью потерял ориентацию. Тут уж меня охватила черная, как вот этот самый дым, паника. Такая, что я чуть было не выронил ящик. Вокруг меня черным кольцом сжимался вражий мир взрослых — а я совсем один, и мне всего семнадцать лет. Жуткое дело. Все кончено.

Сколько времени заняли мои переживания, я не знаю. Вероятно, несколько секунд, пусть даже мне и показалось, что куда больше. Я схватил, образно выражаясь, себя за шиворот и хорошенечко встряхнул.

«Ты же этого хотел, забыл, что ли?! Хотел быть один против всех. Так что либо сдавайся, либо начинай соображать. И немедленно!»

Разумеется, я предпочел начать шевелить мозгами. Все эти суетящиеся вокруг люди на деле не представляли никакой опасности — они были растеряны не меньше меня. И очень хорошо. Просто протяни руку и иди вперед. Пока не наткнешься на что-нибудь, что поможет сориентироваться. Если повезет, то удастся сориентироваться точно. Впереди послышалось пыхтение,

это, верно, обменный аппарат, собственно, я тут же и врезался в него.

В тот же миг моего лица коснулось дуновение свежего ветерка, и где-то над моим ухом знакомый голос заорал:

— Что у вас тут творится?!

Охранник! Он открыл дверь. Как это мило с его стороны. Я двинулся вдоль стены и, пока он орал себе в темноту, проскользнул мимо него и вместе с клубами дыма выскочил наружу. И заморгал от яркого света и от того, что передо мной стоял второй охранник. Мало того, он еще и ухватил меня за руку, заявив при этом:

— Стой смирно. Разберемся.

Ну вот не понимают люди, как следует обходиться с «черными поясами», не понимают, и что тут поделаешь? Жалеть их, вот что — охранника я уложил по возможности нежно, подхватил свой ящик, закинул его в фургон, оглянулся — выясняя насчет свидетелей, захлопнул дверь, завел мотор и медленно покинул веселящийся Луна-парк.

Глава 8

— У них там все о'кей! — крикнул я, проезжая, охраннику, стоявшему возле выезда из парка. Он кивнул в ответ и открыл ворота. Я повернул к городу, не спеша миновал поворот и резко свернул на грунтовую дорогу.

Разумеется, бегство было спланировано с моей обычной тщательностью. Украсть деньги — полдела, надо еще их унести в целости и сохранности. Что такое в наш век поголовной электрификации передать описание фургона и моей внешности в самые медвежьи углы?! В каждой патрульной машине окажется распечатка с моей физиономией, все полицейские на всех перекрестках планеты услышат по рации описание примет. Сколько у меня в запасе? Пока охранники не соображают, но, надо думать, вскорости их приведут в чувство, они раскумекают, в чем тут дело, позвонят по начальству, и немедленно раскрутится розыск. Потребуется на это минут пять минимум. И прекрасно, потому что мне нужно только три.

Дорога попетляла среди деревьев, сделала поворот и уперлась в заброшенный карьер. Мое сердце взволнованно забилось — именно в этой части операции приходилось рассчитывать на случай. И тот не подвел: взятая мной напрокат машина стояла там, где я ее оставил накануне. Понятно, кое-что с нее сперли,

но ведь ворюга с характером мог просто подцепить ее на буксир, и прости-прощай! Слава богу, тут на всю округу из ворюг с характером имеется лишь один-единственный. Надеюсь, вы поняли, о ком это я.

Я открыл машину и достал оттуда коробку с продуктами. Как бы не так — с продуктами: я отнес ее к фургону, перевернул и открыл. Коробка, разумеется, была пуста — только сверху, скрепленные между собой для видимости, лежали кое-какие припасы. Остроумно, не правда ли? Хвалиться, конечно, грешно, но если себя не похвалишь, кто тогда? Тем более что кто обо всем этом знает?

Теперь деньги надо сунуть в коробку, коробку закрыть, перевернуть и поставить в машину. Я стянул с себя рабочую одежду, поежился от холода и надел спортивный костюм, а одежду закинул в фургон. Включил часовой механизм термитной мины, сунул ее в фургон, сел в машину и тронулся с места.

У выезда на шоссе пришлось притормозить, чтобы пропустить колонну полицейских машин, с воем мчавшихся в сторону Лунапарка. Как спешат-то! Я свернул на шоссе и, не особенно торопясь, порулил в сторону Биллвилла.

Фургон, наверное, уже весело полыхал, превращаясь в гору окалины. Никаких следов! Ничего, фургон был застрахован, так что его хозяин не останется на меня в обиде. А огонь никуда не перекинется, и никто посторонний не пострадает. Все прошло просто отлично.

Вернувшись в офис, я с облегчением вздохнул, откупорил бутылку пива и сделал порядочный глоток. Вытащил из бара бутылку виски и налил себе порцию содовой. Хлебнул, скривился от мерзкого вкуса и вылил остаток в раковину. Ну и дрянь же. Наверное, в конце концов привыкнуть можно, при условии регулярных тренировок, но что-то не очень охота стараться.

Прошло уже достаточно времени, чтобы пресса добралась до места преступления.

— Режим, — крикнул я в сторону компьютера. — Наваляй мне последний выпуск газеты!

Машинка мягко заурчала, и на мой стол выехали листки бумаги. Да уж: фонтан из цветных жетончиков прямо на первой полосе. Репортаж я прочел с большим удовольствием, а потом перевернул страницу и увидел свой рисунок. Ну разумеется, они обнаружили его, едва только открыли сейф. А изображен там был шахматный слон, а под ним строчка шахматной записи: «Ладья — Конь4 х Слон».

Что означало: ладья идет на клетку конь 4 и жрет там Слона.

Едва я прочел все это, как приятный жар сменился ледяным ознобом. А не переборщил ли я? А ну как полиция расшифрует запись и устроит мне засаду?

— Нет! — заорал я совершенно искренне. — Полиция обленилась, низкий уровень преступности выбил их из колеи. Они поломают головы и плюнут. А если и не плюнут, то разберутся слишком поздно. Вот Слон — другое дело. Он этот орешек раскусит. И поймет, что письмецо адресовано ему. И, надеюсь, начнет действовать.

Я попивал пиво, а на душе было тревожно. Эта головоломка стоила мне долгих часов мучительных раздумий. На мысль о шахматных справочниках меня навело то, что Слон использовал в качестве визитки условное обозначение шахматного слона. Ясно, что он или она — почему-то считалось, что преступник мужчина, хотя этому не было никаких подтверждений, — увлекается шахматами. Хотя бы слегка. А раз так, он, наверное, знает, что есть две системы нотации, записи ходов. По одной из них, самой древней, которой я и воспользовался, клетки вертикальных рядов называются по имени фигуры, стоящей на них внизу. Так, клетка, на которой стоит белый король, называется Король1. Король2 — это следующая клетка по вертикали. Если все это вам кажется сложным, то играть и не садитесь — все остальное там еще круче. Есть и другая форма записи, там каждая из 64 клеток просто нумеруется. Так, Король4 может иметь номер 21, 8, 22 или 45.

Совсем путаница? Надеюсь. Надеюсь, что полиция не додумается, что это шифр, и не примется над ним мудрить. А то вполне может расколоть меня. Дело в том, что эта коротенькая строчка содержит в себе дату моего следующего дела: я должен буду «взять слона», то есть — я оставлю визитку Слона. Иначе, приму на себя смелость называться Слоном. И как бы возьму его себе в соучастники.

Дальнейшее я представлял себе вполне конкретно. Полиция загадку не разгадает и бросит. А Слон, отсиживающийся в своих тайных хоромах, смекнет, что к чему. И рассвирепеет. А как же — будет совершено преступление, в котором обвинят его. Украдены деньги, а ему ничего не перепало! Надеюсь, он задумается над задачкой, поймет намек и разберется в деталях.

А что детали? Конь, на нашем блатном жаргоне, это ночь. Конь 4 — что такое? Четвертая ночь чего? Фестиваля современной музыки в Пирли Гейтс. В свою очередь, эта четвертая ночь — сорок пятый день в году, а у нас этот день называется, и это общеизвестно, четвертой ночью, именно с нее начинается

четвертый месяц лунного года. Все это должно дать понять Слону, что преступление намечено именно на четвертую ночь фестиваля. И, понятно, что из-за денег. Я скрестил пальцы, чтобы не сглазить. Надеюсь, Слон заинтересуется мной, но не настолько, чтобы предупредить полицию.

Хотелось бы верить, что я рассчитал все правильно. У Слона есть еще целая неделя, чтобы во всем разобраться и прибыть на фестиваль.

Это означает, что у меня тоже — неделя. Неделя, чтобы измотаться и отдохнуть, недосыпать и отоспаться. С наслаждением составлять планы и конструировать аппаратуру, которая позволит вывернуть карманы почтенной публики.

В назначенную ночь лил дождь, и это было мне на руку. Я поднял воротник своего черного плаща, нахлобучил на лоб черную шляпу и сунул под мышку черный футляр от какого-то музыкального инструмента. Видимо, духового. Потому что один конец футляра расширялся. Видимо, в том конце помещался раструб трумпона или пиксафона. Общественный транспорт доставил меня прямехонько к служебному входу в театр. Люблю я служебные входы — привык всюду быть своим. Путь от остановки до дверей я проделал вместе с толпой одетых во все черное музыкантов, волочивших свои инструменты. Пропуск у меня был в порядке и наготове, но дежурный просто махнул рукой и пустил нас всех внутрь. Вряд ли я так уж выделялся чем-либо среди двухсот тридцати оркестрантов. Нынче тут имела место премьера очередного сногсшибательного образчика так называемой музыки под названием «Столкновение галактик». Сей опус был создан для оркестра, состоящего из двухсот одного духового инструмента и двадцати девяти ударных. Сочинил сие некто Мои-Вуфтер, вряд ли сторонник сладкого мелодизма. Этот вечер я выбрал исключительно из-за премьеры: уже одно чтение партитуры вызывало головную боль. Артистических уборных на всех музыкантов, конечно же, не хватило, и они слонялись по коридорам, испуская жуткие звуки, разогреваясь перед выходом. Никто, понятно, не видел, что я улизнул, пробрался по задней лестнице и спрятался в подсобке. Обслуживающий персонал давно разошелся, и никто меня тут не потревожит — ну, не считая музыки. На всякий пожарный я закрыл дверь изнутри. Заслышав начало концерта, открыл свой экземпляр партитуры «Столкновения».

Начало, впрочем, было еще спокойным. Понятное дело — галактикам сначала надо родиться, а уж потом столкнуться. Я слушал, водя по партитуре пальцем, пока не добрался до красной отметки, сделанной мною. После чего сунул партитуру в карман и,

осторожно открыв дверь, выглянул наружу. Никого. Уверенной походкой пошел по коридору, пол которого уже начинал резонировать в такт надвигающемуся столкновению галактик.

На той двери была табличка — НЕ ВХОДИТЬ. Я достал из кармана черную маску, приподнял шляпу, надел маску и из другого кармана достал ключ. Да, чтобы не тратить время на возню с отмычкой, я заранее сделал дубликат. Напевая себе под нос в такт музыке, — а вы попробуйте напеть в такт такому! — вставил ключ в замок и одновременно с жутким грохотом в зале открыл ее и вошел в офис.

Никто меня, понятно, не услышал, но что-то все же привлекло внимание одного из двух находившихся там. Того, что постарше. Он обернулся и уставился на меня, выронив авторучку. Я достал свой внушительный, но совершенно неопасный пугач, навел на него, и он, разумеется, поднял руки вверх. А вот второй, что помоложе, оказался не из робкого десятка и кинулся на меня. Свой путь ему пришлось продолжить, скользя по полу, где он, между прочим, *сломал по дороге казенный стул.*

Все это произошло без единого звука. То есть звуков-то хватало, но музыка за стенами яростно входила в экстаз, должный символизировать наступление Судного дня. Но это еще что, крещендо еще только приближалось.

Я быстренько пристегнул наручниками ногу старшего к стулу и позволил ему опустить руки. Таким же манером для надежности я обезопасил второго, сладко прикорнувшего на полу. Пора. Из очередного кармана я извлек — да, в моем костюмчике карманов хватало, — извлек немножко пластиковой взрывчатки и прилепил ее к передней стенке сейфа. Прямо на замок. Они же запихнули туда весь гигантский сбор от проданных на сегодняшнюю премьеру билетов. И открыть его должны были только завтра утром — в присутствии вооруженной охраны. Воткнул в заряд радиодетонатор и отошел от греха подальше в дальний угол комнаты, присоединившись к остальным присутствующим в комнате.

Комната, надо сказать, уже ходила ходуном в такт мощным аккордам, с потолка сыпалась известка. Но пока еще рано. Пользуясь паузой, я оборвал телефонные провода — ну, в самом деле, разве отсюда можно разговаривать по телефону, когда так грохочет за стеной?!

А вот теперь почти пора! Я отсчитывал про себя такты и в момент окончательного и бесповоротного столкновения галактик нажал на кнопку взрывателя.

Передняя стенка сейфа отлетела в сторону. Боже мой, что там мой взрывчик по сравнению с тем, что громыхнуло в зале! Интересно, сколько зрителей потеряли нынче слух в результате своей горячей любви к искусству? Впрочем, мне не до них — надо быстренько выгрести купюры из сейфа и переместить их в свой футляр. Когда с этим было покончено, я сделал ручкой своим пленникам и откланялся.

До подземки было два квартала, и небольшая прогулочка под дождем меня приятно охладила. Я спустился вниз и по коридору вышел на станцию. Поезд, видно, только что ушел, и на перроне было пусто. Я забрался в телефонную будку, которую присмотрел заранее, и быстро переоделся. Ровно за двадцать две секунды, совершенно столько же, сколько на тренировках. Черная обивка футляра исчезла, открыв под собой белую поверхность, фальшивый раструб пропал. Он был сделан из тонкого пластика и замечательно уместился в кармане вместе с черной обивкой.

Вывернутая шляпа оказалась тоже белой, черные усы и борода исчезли в другом кармане, изнанка плаща оказалась какой? Правильно, тоже белой. Переодевшись, я вышел со станции, поднялся наверх в толпе пассажиров подошедшего поезда и отправился на остановку такси. Ждать пришлось недолго.

Я забрался в машину и улыбнулся блестящей физиономии робота-водителя.

— Пр'вет, ст'рик, подкинь м'ня д' от'ля «Арб'л't», — заявил я, имитируя говор обитателей солнечной Тыринги. Именно в это время на станцию поезд из Тыринги и приходил.

— Не понимаю, — ответил искусственный разум.

— О-тель «Ар-ба-лет» — напрягся я. — «Ар-ба-лет».

— Понимаю, — ответил механизм, и такси тронулось.

Отлично. Все разговоры в такси записываются и хранятся месяц на молекулярном регистраторе. Полиция проверит такси, нет сомнений, что они наткнутся и на эту запись, а разговор собьет их со следа. К тому же и сам номер в отеле был забронирован из Тыринги. Может, тут я и перестраховался, но, по-моему, это просто невозможно. То есть перестраховаться невозможно.

Отель был из дорогих. Исполненные со вкусом и любовью арбалеты, арбалетики и арбалетища заполняли все его коридоры, комнаты и, наверное, даже подсобки. С подобострастием меня проводили до комнаты, настольная лампа в которой также, разумеется, имела вид арбалета. Робот-коридорный откланялся и послушно удалился после того, как в его нутро провалилась пятидолларовая монета — чаевые.

Я поставил бывший футляр в спальне, скинул промокший плащ, извлек из холодильника бутылку пива — и тут в дверь постучали.

Так быстро?! Если это Слон — он классный сыщик. А кто это может быть еще? Я было замялся, но понял, что развеять сомнения можно единственным образом. С улыбкой — если это окажется Слон — я отворил дверь. И улыбка моя тут же исчезла.

— Вы арестованы, — сообщил мне детектив, демонстрируя свою элегантную бляху. А напарник его для вящей убедительности навел на меня очень большой и совершенно не игрушечный пистолет.

Глава 9

— Что... что... — пролепетал я.

Моя находчивость, однако, не возымела никакого действия на вошедших.

— Одевайтесь. Поедете с нами.

Словно в тумане, я стал собираться. Плащ, понятное дело, надо было оставить здесь, но как им это объяснить? А они меня обыщут, найдут в карманах и маску, и ключ, и остальное. А деньги? Про футляр они ничего не говорили.

Как только я просунул руку в рукав плаща, полицейский защелкнул на моем запястье браслет. Теперь я без него ни шагу.

Мы вышли из номера и двинулись по коридору к лифту, спустились в холл. Детектив держался ко мне поближе, прикрывая наручники. Очень любезно с его стороны. На улице стояла огромная, зловещего вида машина, и ее водитель даже бровью не повел, когда мы забрались внутрь. Мы сели, и он тронул с места.

Как начать разговор — я не знал, моим спутникам тоже, видимо, чесать языком не хотелось: так, в молчании, мы и кружили по мокрым улицам, миновали, как ни странно, полицейскую управу и остановились у здания федеральной полиции. Вот так вот! У меня екнуло сердце. Да, я был прав, считая, что местные копы меня не вычислят и не поймают. Но кто ж мог подумать, что в дело вступят федералы?! Теперь-то задним умом я осознал ошибку. Слон появился после долгих лет молчания. Почему? И что означает эта шахматная белиберда? Пусть займутся криптологи. Ого-го, вот это нахальство. Кто-то сообщает время и место очередного преступления. Что же, пусть этим займется федеральная полиция. Установить для наблюдения за сейфом современную технику. Проследить за преступником и выявить его возможных сообщников. Повязать.

На меня навалилась такая мучительная депрессия, что я с трудом передвигал ноги. Наконец наша маленькая процессия остановилась возле двери, на которой красовалась табличка «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ». Чуть пониже висела вторая: «ДИРЕКТОР ФЛИНН».

Мои сопровождающие почтительно постучали, дверь автоматически отворилась, и мы вошли внутрь.

— Это он, сэр.

— Вот и хорошо. Пристегните его к стулу и можете идти.

Хозяин кабинета горой возвышался над письменным столом. Он был просто огромен — учитывая еще и его толщину. Складки подбородка, а точнее сказать — подбородков, свисали ему на грудь. Размеры пуза не давали пододвинуться к столу, пальцы рук, лежавших на столешнице, казались связками сарделек. Я робко взглянул ему в глаза, он ответил мне взглядом, похожим на выстрел гаубицы. Когда меня вели к стулу и пристегивали к нему браслетами, я был совершенно спокоен.

Они ушли, и шаги затихли в коридоре.

— Да, парень, влип ты на славу, — медленно и чуть нараспев произнес начальник.

— Решительно не понимаю, что вы имеете в виду. Произошла какая-то ошибка, — немедленно откликнулся я, но, чтобы всерьез настаивать на собственной невиновности, не худо было бы, чтобы не дрожали голос и руки.

— Понимаешь. Нынче вечерком ты умыкнул денежки несчастных глухих меломанов. Но это бы ладно, юноша. Ты поступил куда хуже, присвоив себе честное имя другого человека. Зачем ты начал выдавать себя за него?

Что-что?! Присвоил чужое имя... Я машинально поймал ключи от браслетов, брошенные мне через стол, и взглянул на хозяина кабинета несколько более непредвзято.

— Вы же... — отщелкивая браслеты, хриплым голосом начал я, — этот арест, полиция, кабинет... Вы...

Он спокойно улыбался и ожидал окончания моего мыслительного процесса.

— Вы Слон?!

— Ну а кто же еще, парнишка... Если я правильно понял твое письмецо, бездарно, кстати сказать, зашифрованное, ты хотел меня видеть. А зачем?

Я невольно привстал, и тут же в его руке возник черный пистолетище, дуло которого недвусмысленно глянуло мне в переносицу. Я, понятно, снова опустился на стул.

— Мне не нравится, когда меня имитируют. — Его голос лишился теплоты, а с лица ушла улыбка. — А еще больше мне не по душе, когда со мной играют. Даю тебе три минуты, чтобы объясниться, а потом я тебя пристрелю и отправлюсь в твой отель, чтобы забрать сегодняшние денежки. Но сначала ты мне расскажи, где лежат остальные деньги, украденные тобой под моим именем. Итак. Три минуты.

Я, конечно, заговорил — то есть сделал попытку. Не получилось, я сумел лишь что-то проквакать. Да, убить-то он меня может запросто. Эта мысль меня несколько отрезвила, я прокашлялся и заговорил. Надо хотя бы умереть достойно.

— А мне что-то не верится, что вы хотите меня немедленно кокнуть. Не верю я в ваши три минуты. Давайте не будем стоять у меня над душой, и я спокойно и ясно изложу все мои мотивы, а?

Тут, конечно, был свой риск, но Слон был игроком, в этом я ошибиться не мог. Выражение его лица не изменилось, но он едва заметно кивнул, вполне отдавая себе отчет в том, что сейчас он для меня Самый Главный На Свете Начальник.

— Благодарю вас. Ни за что бы не поверил, что вы окажетесь человеком грубым и прямолинейным. Скажу больше — с тех пор как я впервые узнал о вашем существовании, вы стали для меня образцом для подражания. То, что вы совершили в своей жизни, беспрецедентно, у этого нет аналогов во всей мировой истории. Крайне сожалею, если ненароком задел вас тем, что использовал ваше имя. Разумеется, деньги я отдам. Но подумайте, как еще я мог бы вас отыскать? Вот мне и пришлось сделать все, чтобы вы отыскали меня. И вы отыскали. Думаю, хотя бы из любопытства, если и не из благородства, вы не отправите меня в полицию, не повидавшись со мной с глазу на глаз.

Последовал еще один кивок, но ствол пистолета по-прежнему глядел на меня не отрываясь.

— Ты единственный человек, кто знает меня. Так что, думаю, тебе не надо объяснять, почему мне стоит тебя прихлопнуть. А вот зачем ты хотел со мной встретиться?

— Да говорю же вам — из чистого восхищения! Талант у меня один-единственный — криминальный, и это определило всю мою жизнь. Но я самоучка, а потому уязвим. Позвольте мне стать вашим учеником! За эту честь я заплачу любую цену! Кто знает, может быть, пройдут годы, и я смогу хотя бы немного приблизиться к вашему уровню...

Его взгляд смягчился, дуло взглянуло немного в сторону, но игра еще не выиграна — да я и не ставил себе такой цели. Мне нужно было другое — чтобы Слон заинтересовался мной.

— А почему я должен этому верить? — спросил он задумчиво.

— А почему нет? Какие иные причины у меня могли быть?

— Твои-то причины меня не волнуют. А ну как некто, имеющий отношение к полиции, использовал тебя как приманку, чтобы выйти на меня? Сообрази сам — человек, арестовавший Слона, сделает себе прекрасную карьеру.

— Да, конечно. Именно это должно было сразу прийти вам в голову. Но занимаемое вами помещение в этом здании свидетельствует о том, что ваше положение тут очень высоко. Подобный план вы бы вычислили запросто. Или же — и это только доказывает вашу гениальность — вы могли вмешаться в операцию, надуть полицию и заставить арестовать меня по-настоящему! Сэр, я, конечно, знал, что вы гений, но провернуть такое?! Это уже просто граничит с фантастикой!

Он медленно поклонился, принимая похвалу. И что это? Кажется, ствол пистолета окончательно ушел в сторону. Я вскочил и кинулся вперед.

— Меня зовут Джеймс Боливар ди Гриз, и мне всего семнадцать лет. Родился я в этом самом городе, в клинике матушки Махри для безработных свиноводов. У вас на столе терминал компьютера, который моментально выдаст вам любое досье. Найдите мое! Прочитайте!

Пока он стучал по клавишам, я сидел, расслабившись, и старался не отвлекать его, ерзая на стуле. Кое-как моя показуха удавалась, я выглядел почти спокойным.

Наконец он откинулся в кресле и принялся разглядывать меня. Он не сделал ни одного движения, но пистолет исчез. Кажется, полная победа. Да нет же, не полная — просто начался следующий раунд.

— Я тебе верю, Джим, и благодарен за теплые слова. Но я работаю только в одиночку, и ученики мне не нужны. Знаешь, я был готов убить тебя, чтобы не засветиться. Но теперь, мне кажется, можно обойтись и без этого. Достаточно твоего слова, что впредь ты не станешь искать встреч со мной и никогда больше не воспользуешься моим именем в своих целях.

— Конечно, обещаю. Я прикинулся Слоном лишь для того, чтобы привлечь к себе ваше внимание, и только. Но умоляю, измените свое решение, примите меня в свою Академию!

— Ее не существует, — ответил он, тяжело поднимаясь на ноги. — Прием заявлений прекращен.

— Тогда позвольте мне сформулировать мою просьбу немного иначе, — не унимался я, чувствуя, что рандеву подходит к концу. — Заранее простите, если я испорчу вам настроение, но делать

нечего — приходится выйти за рамки приличий. Сэр, я молод, мне нет еще и двадцати, а вы живете на этой планете уже более восьмидесяти лет. Я очень недолго занимаюсь своим ремеслом, но и за это время сумел ощутить полное одиночество. Я работаю один и только для самого себя. У меня нет друзей в преступном мире, потому что все, кого я встретил там, оказались жуткими дилетантами. Поэтому, собственно, мне все приходилось делать в одиночку. Но если я, такой молодой, настолько одинок, что такое тогда ваше одиночество?

Он замер и стоял совершенно неподвижно, опершись рукой о стол и уставившись в стену, будто в окно, за которым виднелось что-то недоступное моему взору. Потом вздохнул и, будто выпустив при этом из себя всю силу, тяжело опустился в кресло.

— Ты прав, мой мальчик. Не хочу это обсуждать, но твои слова попали в цель. Да, ты прав, но что поделаешь? Я уже стар, где мне менять привычки. Желаю тебе всего доброго и спасибо тебе за увлекательную неделю. Она напомнила мне старые добрые времена.

— Но, сэр, подумайте еще раз!

— Нет, невозможно.

— Сэр, дайте мне свой адрес, я перешлю вам деньги.

— Оставь их себе. Ты их честно заработал. Только в будущем используй другое имя. Пусть Слон почивает с миром. И еще, хотел бы дать тебе совет. Направь свои способности на другое, стань полезным обществу. Тогда, наверное, тебе удастся избежать того жуткого одиночества, о котором ты уже имеешь представление.

— Никогда! — завопил я. — Никогда и ни за что! Лучше я кончу свои дни в тюрьме, чем стану работать на этих ослов! Я ненавижу общество!

— Но ты можешь измениться.

— Это невозможно, — с пылом возразил я, но — самому себе, потому что комната была пуста.

Глава 10

Да, бывает и так. Казалось бы, я взобрался на верх блаженства, и что же? Снова в пустоте тоскливейшей депрессии. Я в точности исполнил все, что задумал, мой замысловатый план сработал блестяще. Я выманил Слона из норы и сделал ему предложение, от которого он отказаться не мог.

Но отказался. Что мне теперь была радость от удачно осуществленного ограбления? Эти деньги были для меня, как пепел. Я сидел в своем номере и думал о будущем, а там — только пугающая пустота. Казалось, что после неоднократного пересчитывания деньги полностью потеряли и ценность и смысл. Разрабатывая свой план, я взвесил все. И не учел одно — что он может меня просто-напросто выпроводить. Смириться с этим, понятное дело, было нелегко.

На следующий день я возвратился в Биллвилл и занялся собой, то есть принялся жалеть самого себя. Вот уж что мне нисколько не свойственно! Но на этот раз я и наслаждался этим занятием. Наконец, взглянув в зеркало, увидел там угрюмую физиономию с вваливщимися глазами и показал ей язык.

— Баба! — сказал я сам себе. — Маменькин сынок, плакса, самовлюбленный идиот.

Ну, и так далее. Немного разогнав тучи депрессии, сварил себе кофе — никакого алкоголя, чтоб его! — и сел попивать да о будущем думать. Что дальше?

А ничего. По крайней мере — теперь. В голову не лезло ничего конструктивного. Все планы утыкались в гладкую стену, а там не было видно ни единой лазейки. Я щелкнул кнопкой тривизора, тот был настроен на коммерческий канал, но еще до того, как я успел переключиться на другой, передо мной во всем своем трехмерном великолепии и шике объявилась дикторша. Одежды на ней было немного, а имеющаяся так просвечивала, что переключать каналы я помедлил.

— Поезжайте туда, где веет ароматный бриз, — заверещала она, — на серебряных песках Ватикана будем мы вдвоем. Ватикано-Бич, солнце и волны освежат вашу душу...

Я вырубил тривизор. Душа моя и так чувствовала себя неплохо, так что соблазнительные формы красотки меня только отвлекали. Надо думать о будущем, не до любви пока. Но Ватикано-Бич...

В самом деле! А почему бы мне не отправиться в кратковременный отпуск — или я его не заслужил? Как это, не заслужил, когда в последние месяцы вкалывал почище любого бизнесмена, уподобляться которым мне, как вы понимаете, вовсе не хотелось. Деньги у меня были, и весьма неплохие, так почему бы не потратить часть нажитого столь тяжелым трудом состояния. От проблем, конечно, убежать не удастся: я знаю — от себя не уйдешь. Но что из того? Я могу прихватить проблемы с собой и разобраться с ними в приятной обстановке.

Но только куда? Не на серебристые же пляжи, в самом деле. Я пощелкал клавишами компьютера, вывел на экран парочку путеводителей и не спеша с ними разбирался. М-да... Приятного мало. На побережье можно бы поехать, но только — с этой девчонкой из рекламы, а это весьма проблематично. Шикарные отели, дорогие круизы, музейные редкости — все это привлекало меня не больше, чем каникулы на ферме свинобразов. А что, может, и в самом деле? Подышать свежим воздухом, вспомнить деревенское детство. Понятное дело, когда я выбрался в город, то он мне очень понравился. И с тех пор за городом я уже не был.

Похоже, это то, что надо. Но только не на ферму. Найду себе какое-нибудь дикое местечко. Скроюсь от людей, убегу от цивилизации и поживу наедине с природой. Чем больше я об этом думал, тем больше мне нравилась эта идея. Куда ехать — вопроса не вызывало. Была у меня одна тайная детская мечта. Соборные горы — вот как она называлась. Покрытые вечными снегами вершины, возносившиеся к небу, словно гигантские башни храмов, захватили мое воображение в детстве. А что? Почему бы нет? Должны же мечты хоть иногда исполняться?!

Уже сама покупка рюкзака, спальника, термопалатки, котелка, фонарика была удовольствием. Снарядившись, я решил не тащиться на линере и полетел в Рафаэль самолетом. Мы заходили на посадку, а я прильнул к иллюминатору и глаза себе проглядел, любуясь горами. А дождаться выдачи багажа оказалось просто невыносимой мукой.

По картам я определил, что тропа, ведущая в Соборные горы, пересекала шоссе сразу за аэропортом, с северной стороны. Лучше было бы поехать с остальными на автобусе, а не привлекать внимание, подзывая такси, но я же в конце концов был не на работе, а в отпуске.

— Это довольно опасно, малыш, лезть в одиночку в горы, — заметил пожилой водитель, когда мы тронулись с места. — Легко потеряться. Или страволки могут напасть. Лавины, оползни... Ты хорошенько подумал?

— Да я ж друзей догоняю! Двадцать человек. Туристическая команда бойскаутов из нижнего Армпита. Отдохнуть хотим, — энергично соврал я.

— Что-то я бойскаутов тут не встречал... — пробормотал он со старческой подозрительностью.

— А как же, — продолжал импровизировать я, перегнувшись назад и роясь в рюкзаке, лежащем на заднем сиденье, ища там карту. — Они добрались поездом до Боскона и пошли туда, где тропа пересекает железную дорогу. Поджидают меня там. Вместе с командиром. Что вы, сэр, я бы побоялся в одиночку лезть в горы.

Он продолжал ворчать и ворчал еще сильнее, когда я забыл дать ему чаевые, но тут же хитро усмехнулся и резво укатил — потому что в результате он содрал с меня больше, чем положено. Причем я с трудом подавил в себе желание всучить ему фальшивые пять долларов. Шум мотора затих, и я взглянул на тропу, петлявшую по долине вверх. И окончательно понял, что придумал себе замечательный отпуск.

Не стану распространяться насчет радостей походной жизни. Бог мой, стоит ли обсуждать с кем-нибудь свое удовольствие? Все шло как положено. У меня обгорел нос, по всему телу ползали муравьи. Звезды казались удивительно яркими и близкими, чистый воздух наполнял легкие. Я, знай себе, бродил, карабкался, мерз в ледяных речушках и совсем позабыл о своих невзгодах. Казалось, нет им в этом мире места. Обновленный, усталый, но довольный, дней через десять я спустился с гор и поселился в отеле, номер в котором был забронирован заранее. Что дальше? Как, что?! Горячая ванна и холодное пиво — и вы поймете, что такое полное счастье. Потом приплелся в комнату и включил тривизор — там передавали новости, но было лень вылезать из кресла и переключать, и я слушал их вполуха.

— ... сообщает о росте экспорта ветчины, который уже на целых четыре процента превысил ожидаемый. Однако наблюдается спад на рынке щетины свинобразов, что уже повлекло за собой критику правительства, не делающего пока ничего для исправления этого положения.

Местные новости. Завтра перед судом предстанет компьютерный взломщик, проникший в Федеральную сеть. Федеральный прокурор расценивает этот случай как тягчайшее преступление и требует восстановления смертной казни, однако...

Лощеное лицо диктора пропало, и передо мной собственной персоной возник сам компьютерный взломщик. У меня сперло дыхание. Ну и что, что цвет волос у него теперь был другим, тоже мне проблема! Не узнать его было невозможно!

Это был Слон!

Меня бросило в жар, и я кинулся к окну и забарабанил по переключателю режимов кондиционера. Метнулся обратно к экрану. Увеличил размер изображения. Да, нет сомнений, это он.

Пока я торопливо одевался и приводил себя в порядок, план уже зрел в моей голове. Срочно в город и помочь Слону. Разумеется, выяснив, что там стряслось. Я запросил расписание самолетов: после полуночи шел почтовый. Взял билет, поужинал, немного отдохнул и первым был на борту.

В своем офисе я оказался уже на рассвете. Пока компьютер трудился, распечатывая мне все, что имело отношение к аресту Слона, я варил кофе. Но чтение новостей за чашечкой напитка моего настроения не улучшило. Увы, напротив. Да, нет сомнений, речь шла именно о Слоне, хотя всюду упоминалось имя Билл Ватис. Его взяли на выходе из помещения федеральной полиции, где он умудрился установить компьютерный жучок, с помощью которого удалось добраться к сверхсекретным файлам. А случилось это на следующий день после моего отъезда на заслуженный отдых.

И тут я понял все. Он сел из-за меня. Если бы не моя безумная выходка, он бы ни за что не полез в эти секретные файлы. Ему потребовалось выяснить, не стоит ли за мной полиция. На душе стало погано.

— Я посадил его — мне его и вытаскивать! — воскликнул я и вскочил, расплескивая кофе. Вытер лужу и немного пришел в себя. М-да, неплохо было бы вытащить его из тюрьмы. Вот только как? Да, у меня уже есть некоторый опыт по этой части, а попасть в тюрьму несравнимо легче, чем оттуда драпануть. Однако, поразмыслив, я решил, что туда не полезу. Полиция вывезет его оттуда и без моего участия. На суд-то его повезут, а следовательно, придется использовать транспорт.

Но вскоре я понял, что не все так уж прекрасно. Впервые за долгие годы был схвачен по-настоящему опасный преступник, и шумиха поднялась невообразимая. Слона содержали в специальном помещении, внутри самого здания федеральной полиции, а вовсе не в обычной тюрьме. Туда не пролезешь. А когда его повезут в суд — то какие будут предприняты меры предосторожности... Бронированные фургоны, охрана, мотоциклы, полицейские экранолеты и вертолеты. Не подберешься. Я почувствовал, что оказался в тупике. Что самое интересное — полиция тоже, правда, по другой причине.

Вот по какой. После тщательного расследования они установили, что настоящий Билл Ватис покинул планету двадцать лет назад. Все записи, касающиеся этого, исчезли из памяти компьютера, и только письмо, присланное настоящим Ватисом своим родственникам, позволило установить подлог. Иначе говоря — арестовали вовсе не Ватиса. Тогда кого же?

Его, понятное дело, допросили, ответом же, по сообщениям газет, были «полное молчание и отсутствующая улыбка». Теперь его называли Мистером Икс. Кто он такой — не знал никто, а ему ясность в этом вопросе, похоже, была не особенно нужна. Но дату суда назначили — через восемь дней. Такое стало возможным, по-

скольку Мистер Икс одновременно отказался признать свою вину и подать апелляцию. Отказался защищать себя сам и был против назначения ему адвоката. Следствию все это пришлось не по душе, оно заявило, что дело закрыто, и потребовало скорейшего суда, который и был назначен на следующую неделю.

Итак, выходит, я бессилен! Я было признал свое поражение, но ненадолго. Надо ждать окончания суда. Тогда наконец Слона переведут из здания федеральной полиции. А когда он окажется в нормальной тюрьме, я его оттуда вытащу. Главное, успеть до прихода корабля, который повезет его на принудительную прочистку мозгов. Кажется, я уже говорил об этом: они используют последние достижения науки для того, чтобы превращать преступников в нормальных обывателей. Увы, зная этого человека, можно было не сомневаться, что он предпочтет умереть, чем сломаться. Я обязан вмешаться.

Ждать помощи от противника было бессмысленно. Мне не удалось проникнуть в зал суда, когда началось слушание дела. За ходом дела пришлось следить по тривизору.

Все прошло лихо и быстро. Утро заседания: чтение списка преступных деяний подсудимого. Перечень оказался весьма внушительным. Компьютерное злодеяние, взлом банка данных, использование терминала для личной выгоды и прочая ахинея. Один за другим свои показания давали свидетели, что немедленно принималось к сведению. Слон, казалось, ничего этого не слышал и не видел. Его взгляд был направлен куда-то вдаль, словно там он видел вещи куда более любопытные, нежели эта нелепая судебная комедия. Когда слушание свидетелей закончилось, судья стукнул молотком и объявил перерыв на обед.

После достаточно торжественного банкета — с семнадцатью переменами и кордебалетом — суд занял свои места. Судья явно пребывал в добром расположении духа, а обвинитель, не мешкая, подвел ужасающий итог. Судья одобрительно кивал да поддакивал, а потом поблагодарил следователей за отлично проведенную работу. Приосанился и заговорил:

— Дело вполне ясное. При этом совершенно очевидное. Обвинения серьезны настолько, что поколебать их не сможет никакая защита. Да и сам факт отсутствия защиты является дополнительным свидетельством в пользу истины. А истина состоит в том, что подсудимый преднамеренно, со злым умыслом, совершил вменяемое ему в вину деяние. Сомнений тут не может быть никаких. Дело заслушано и закрыто. Тем не менее я прерываю на сегодня заседание суда и объявляю перерыв до утра. Завтра суд соберется на утреннее заседание, на котором и

будет оглашен приговор. Правосудие свершится, в чем смогут убедиться все.

— Ничего себе, правосудие, — процедил я сквозь зубы и встал, чтобы выключить тривизор, но судья, оказывается, еще не кончил.

— Мне сообщили, что Галактическая Лига весьма заинтересовалась этим делом. Корабль к нам уже выслан и прибудет в течение двух дней. Заключенный будет взят из-под нашей опеки, и, поймите мои радостные чувства, наконец-то мы от него избавимся.

Челюсть у меня так и отвисла. Да как же это?! Все пропало. Только два дня... Что можно успеть за два дня? Неужели всему конец — и Слону, и моей начинающейся карьере?

Глава 11

Сдаваться я не желал. Надо попытаться — пусть даже меня постигнет неудача, пусть даже я сам окажусь за решеткой. Он влип из-за меня, и я должен его спасти. Но как? В здании Федеральной полиции до него не добраться, по дороге в суд не освободить, да и просто в зал суда меня не пустят.

Суд. Суд? Суд... Суд! — да чего же это я зациклился на суде? Было, значит, тут что-то такое, за что цеплялось мое сознание, в мозгу словно ворочалась какая-то бесформенная масса, мучительно пытаясь сложиться в мысль.

«Да конечно же! Ура!!!» — возликовал я и забегал по кругу, размахивая руками и издавая сложный звук, который был моим коронным номером на всех вечеринках. Звук назывался «брачный хрюк свинобраза».

— Так что же суд? — громко спросил я самого себя и немедленно ответил: — Сейчас я вам все расскажу про суд. Это старинное здание, памятник архитектуры, охраняемый законом. Судя по всему, его подвалы завалены грудами древних, истлевших дел, а на чердаке полным-полно летучих мышей. Днем-то его стерегут как зеницу ока, а вот ночью... Ночью-то там пусто!

Я отправился в каморку и стал рыться в инструментах. Отмычки, фонари, провода, жучки — все, что нужно для осуществления успешной производственной деятельности.

Еще нужна машина, а лучше — фургон, поскольку я надеялся, что улепетывать придется вдвоем. Этим надо заняться немедленно. Несколько вариантов всегда были у меня на примете, предстояло воспользоваться одним из них. Теперь был самый разгар

дня, но фургоны и грузовики хлебной компании «Крамб и Бейкери» уже были на своей стоянке, где их потихоньку готовили к ночной смене. Несколько фургонов въехало в гараж, а один — проехал чуть дальше, уж и не знаю зачем. Как бы то ни было, ближе к вечеру я уже ехал по загородному шоссе, а вскоре после наступления темноты оказался в Пирли Гейтс и через какое-то время уже входил через заднюю дверь в помещение суда.

Система сигнализации тут была, но, батюшки мои! — сколько поколений назад ее устанавливали?! Теперь она годилась лишь на то, чтобы охранять здание от детей и умственно неполноценных. Впрочем, в здании не было ничегошеньки, что представляло бы хоть какую-то ценность. Как сказать... Вооружившись ключом от зала суда, который я успел скопировать, еще когда слушалось мое собственное дело, я направился вперед. Зал номер шесть. Открыл дверь, остановился в дверях и оглядел сумрачное помещение. Сквозь высокие окна с улицы проникал желтый свет. Я прошел вперед, сел в судейское кресло и взглянул в сторону скамьи свидетелей. Потом отыскал кресло, в котором во время разбирательства дела сидел Слон. Там он будет сидеть и завтра. А вот тут он встанет, когда придется выслушать приговор. И его лапищи лягут вот на этот барьерчик. Вот на это самое место.

Я осмотрел деревянный пол и мрачно усмехнулся. Опустился на колени и постучал по нему. Затем достал дрель — и работа закипела.

Да, ночка выдалась что надо! Я пилил, стучал, потел и даже совершил небольшую прогулку, во время которой отыскал и немножко обчистил магазин спортивных принадлежностей. Но, что самое трудное, я должен был придумать план побега. А точнее — маршрут. Маршрут должен быть не только коротким, но и безопасным. Было бы времени побольше — я бы выкопал туннель. Но время, время... Так что изобретательность должна заменить ручной труд. Я устроился поудобнее и погрузился в мысли, но вскоре начал клевать носом. Нет, только не это! Я снова вышел на улицу и отправился в ночной ресторанчик, где заказал угрюмому роботу пару чашек крепчайшего кофе. Помогло. Сердце застучало четче, и в голове прояснилось. Я вышел на улицу и немедленно ограбил магазин верхней одежды. Пошатываясь от усталости, вернулся в здание суда.

Дрожащими пальцами закрыл за собой все двери и уничтожил все возможные и невозможные следы. Окна уже окрасились серым светом зари, когда с делами наконец было покончено.

Запершись изнутри в подвале, я пошевелил натруженными пальцами, проковылял через помещение, плюхнулся на брезент, установил будильник и мгновенно провалился в сон.

Когда комариный писк будильника меня разбудил, кругом была кромешная мгла. Мгновенный приступ паники мне удалось подавить, сообразив, что темно оттого, что я в подвале. И окон тут нет. Снаружи-то день в полном разгаре. Я включил фонарик, повозился с настройкой телемонитора, и на экране возникла цветная картинка зала суда. Камера, установленная накануне, работала вполне прилично. Там, в зале, какие-то старухи старательно обтирали тряпочками мебель и подметали пол. Заседание начнется через час. Я оставил монитор включенным и произвел последнюю проверку. Отлично, все работает... теперь остается запастись терпением и ждать.

Что, собственно, я и стал делать, попивая холодный кофе и с трудом разжевывая зачерствевший вчерашний бутерброд. Но вот двери зала распахнулись, и моему ожиданию пришел конец: в зал ввалились зеваки и пресса. Монитор показывал отлично, в динамике неразборчиво галдели зрители. Шум смолк, когда в зале появился судья. На него немедленно устремились все взоры, а едва он начал свою речь, все присутствующие превратились в слух.

Сначала он измучил всех полным пересказом происходившего в суде вчера. Пересказал все заседание, выразил свое полное согласие с каждым выводом и замечанием. Его речь я полностью пропустил мимо ушей, поскольку был занят тем, что тщательно разглядывал Слона, а особенно внимательно — его лицо.

Слон держался молодцом. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки. Но в глазах таились презрение и ненависть. Гордо выпяченная челюсть лучше всех слов говорила о том, что да — можно заточить его тело, но душа-то останется свободной! Увы, ненадолго — если судья добьется своего. Тут мое внимание привлекла перемена в лице судьи. Наконец он покончил с преамбулой. Прочистил горло и указал на Слона:

— Подсудимый, встаньте и слушайте приговор.

Глаза всех собравшихся устремились на подсудимого. А тот, знай себе, бесстрастно сидел, даже не пошевельнувшись. Послышался нарастающий ропот возмущения. Судья покраснел и стукнул молоточком.

— Вы на суде и извольте подчиняться! — загремел он. — Или вы встанете сами, или вас заставят силой. Понятно?

Я взмок. Если бы только можно было ему крикнуть, чтобы он не упирался. Иначе, что делать, если его будут держать под локотки

дюжие охранники? Двое из них уже двинулись вперед, повинуясь знаку судьи. Но Слон медленно взглянул на судью. Взгляд был исполнен пламенного презрения и мог бы устрашить кого угодно, только не Его Честь. В этом взгляде крылся такой заряд отвращения, что запросто мог бы уничтожить парочку-другую мелких форм жизни.

И он встал! Полицейские замешкались на полдороге, когда его лапищи вцепились в поручень. Загородочка скрипнула под тяжестью поднимающегося тела. Он поднялся, распрямился, руки отпустили поручень и бессильно упали вдоль тела.

Пора! Изо всех сил я надавил на кнопку. Взрывы оказались негромкими, но эффект произвели — пальчики оближешь! Они сделали вот что — выбили два болта, на которых держался край люка. Под тяжестью Слона люк провалился, и Слон ухнул вниз, как бомба. Он еще падал, а я уже карабкался наверх — успев глянуть напоследок на экран.

Он исчез, и в зале повисла тишина. Пружины вернули люк в исходное положение, и я задвинул снизу тяжелые стальные засовы. Все произошло очень быстро: обернувшись, я увидел, что тело Слона все еще качается на батуте. Когда я спрыгнул с лестницы и подошел, он уже остановился и бесстрастно взглянул на меня.

— А, Джим, мальчик мой. Рад снова тебя видеть.

Он ухватился за мою руку, и я помог ему сойти вниз. Наверху было столпотворение: визг, крики, кутерьма. Я позволил себе разок победоносно глянуть на экран, чтобы полюбоваться видом позеленевшего судьи и суетящихся полицейских.

— Весьма эффектно, Джим, весьма, — произнес Слон, любуясь картинкой на экране.

— Да, ничего, по-моему, — согласился я. — Снимите пока верхнюю одежду. Времени мало, потом объясню.

Он не медлил и уже срывал одежду. Взору явилась огромная пухлая фигура, одетая в изысканное пурпурное белье. Он вскинул руки над головой, повинуясь моей команде. Взобравшись на лестницу, я натянул на него гигантское платье.

— Пальто вон там, — показал я. — Наденете его сверху. Туфли менять не надо, платье длинное. Потом наденете эту шляпу, вот так. Тут зеркало и помада, а я пока открою дверь.

Он беспрекословно исполнил все, что было сказано. Слон преобразился в даму весьма героических пропорций. На стук сверху он не обращал ни малейшего внимания.

— Вперед! — скомандовал я, и он по-женски засеменил к выходу.

Пока он приближался ко мне, я держал дверь закрытой и на ходу снабжал его инструкциями:

— Они уже на подвальной лестнице, но та заблокирована. Мы пойдем другим путем.

Я напялил полицейский шлем, дополнив тем самым свой костюм до полного соответствия уставу караульной службы.

— Вы — преступник, — заявил я Слону. — То есть преступница. Под моим надзором. А теперь — уходим.

Я ухватил его за руку, и мы свернули налево, в пыльный коридор. Сзади, со стороны заблокированной лестницы, доносился страшный грохот, кто-то вдобавок еще и орал. Мы поспешили в котельную, потом по коротким лестничным маршам добрались до выхода. Замок и петли тяжелой двери были тщательно смазаны, она распахнулась мгновенно, и мы вышли в переулок.

Прямо за спиной стоявшего на посту полицейского. Он был там один.

Очень хорошо. Налево — полицейский и тупик. Направо — полицейского нет, переулок и свобода. И тут у Слона под ногой что-то хрустнуло. Полицейский обернулся как ошпаренный.

Его глаза расширились донельзя — оно и понятно, учитывая, что со мной рядышком была дама столь экстравагантного вида. Этим я немедленно воспользовался, прыгнул вперед и вцепился ему в шею. Его руки обхватили меня, но ненадолго, потому что тунгусский захват шеи приводит к мгновенной потере сознания. Главное — голову надо повернуть на *46* градусов, как на фотокарточке для служебного удостоверения. Ну вот, я аккуратно опустил его тело на землю и придержал Слона, готового ринуться по переулку.

— Не туда.

В здании напротив была дверь с табличкой, извещавшей, что тут СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД. Дверь была заперта, но открылась ключом, заблаговременно припасенным. Рукой я указал верное направление своей «спутнице», снял свой дурацкий шлем и бросил его в сторону полицейского. Заперев дверь изнутри, скинул с себя форменную одежду. По дороге в торговый зал снял и галстук, так что теперь на мне были только брюки и рубашка. Отклеил и сунул в карман усы, и мы смешались с толпой посетителей. На нас поглядывали, но не очень назойливо. Мой спутник, то есть «спутница», удостоился нескольких изумленных взглядов, но это был приличный магазин, и особенно на нас не пялился никто. Я вышел первым и придержал дверь. Пошел вперед по забитому пешеходами тротуару. Сзади, слабея, по мере нашего удаления, слышались крики и вой сирен. Я позволил себе улыбнуться. Обернувшись, об-

наружил, что эту слабость позволила себе и моя «спутница». Она даже мне еще и подмигнула. Быстро отвернувшись — нельзя же поощрять подобные вольности! — я свернул за угол, где нас поджидал хлебный фургон.

— Стойте здесь и смотритесь в зеркальце, — сказал я, открывая заднюю дверь. Хлопоча внутри, я едва увернулся, когда в фургон сзади влетела огромная фигура.

— Никто не видел... — выдохнул он.

— Отлично.

Я выбрался наружу, закрыл дверь, обошел фургон, сел за руль и завел двигатель. Фургон покатил вперед, добрался до угла и замер, ожидая просвета в потоке транспорта.

Тут мне захотелось повернуть и проехаться мимо здания суда. Но кому нужна дешевая бравада? Лучше просто смыться.

Наконец я выбрался на магистраль и аккуратно поехал в сторону окраины. Дорога мне известна хорошо, мы уже будем далеко, когда ее перекроют.

Опасность еще не миновала, но меня уже охватило приятное чувство глубокого удовлетворения. Ну а почему бы и нет?! Я же все-таки это сделал! Преступнику века устроил побег века. Кто нас теперь остановит?

Глава 12

Я ехал медленно, но уверенно примерно до полудня. Держался в стороне от магистралей, выбирая окольные дороги. Несмотря на то, что маршрут постоянно петлял, я уверенно продвигался на юг, испытывая при этом горячее чувство приязни к формуле πr^2. Знакомо, не так ли? Да, конечно же. Площадь круга равна квадрату радиуса, умноженному на число «пи». А что это значит? А то, что каждый оборот колеса нашей колымаги со страшной силой увеличивал площадь поисков драпанувшего преступника. И его сообщника, кстати, тоже.

Мы ехали уже часа четыре, и это давало нам приличную фору. Надо было к тому же учесть, что все это время Слон сидел в фургоне и ничего не знал о дальнейших деталях нашего плана. Необходим инструктаж, а заодно можно и перекусить. Я свернул в ближайший торговый район, отыскал там ресторанчик и припарковался в дальнем углу стоянки, задом к глухой стене. Слон трогательно заморгал, когда в распахнутую дверь ворвались свет и свежий воздух.

— Пора завтракать, — сообщил я. — Не хотите ли...

Но он жестом заставил меня замолчать.

— Позволь сначала сказать мне. Спасибо тебе, Джим. От всего сердца благодарю тебя за то, что ты для меня сделал. Я обязан тебе жизнью — ни больше ни меньше. Спасибо.

Опустив глаза и зардевшись, как барышня, я шаркал ножкой по земле. Потом прокашлялся и сказал.

— Я сделал только то, что нужно было. Но давайте об этом позже.

Увидев мое замешательство, он согласно кивнул, ну прямо с королевским достоинством, невзирая на свой нелепый наряд. Я указал на ящик, на котором он сидел.

— Пока вы будете переодеваться, я принесу еды. Вы ничего не имеете против пищи от Максвина?

— Против?! Да после этой жуткой тюремной баланды горячий свинобургер покажется пищей богов! Да, если не трудно — большую порцию спамьянов в сахаре.

— Уже несу!

Захлопнув дверь, я рысью помчался под манящие платиновые своды. Энтузиазм Слона по поводу свинобургеров меня весьма обрадовал, но он пока ни о чем не подозревал.

Со всех сторон, ото всех столов доносились хруст и чавканье. Я прошел к стойке, опустил в приемник деньги и протараторил заказ роботу, тут же схватил пакет с едой и напитками — и был таков.

Устроившись на ящике в кузове фургона, мы закусывали с немалым энтузиазмом. Заднюю дверь я оставил слегка приоткрытой — чтобы проникал свет. Слон избавился от платья, и теперь на нем был более-менее приличный мужской костюм — самый большой из тех, какие мне попались на глаза. Он одним махом отхватил половину сандвича, заел спамьяном и улыбнулся.

— Твой план побега просто гениален, мой мальчик. Я заметил, что с полом что-то делали, едва сел на стул и долго гадал, что именно это означает. Я надеялся, что ты рассчитал все правильно, поэтому, когда земля разверзлась у меня под ногами, я, честно говоря, испытал ни с чем не сравнимое чувство наслаждения. Мне никогда не забыть, как исчезла с моих глаз эта отвратительная рожа судьи.

Широко улыбнувшись, он прикончил сандвич и аккуратно вытер руки, прежде чем заговорил снова.

— Поскольку мне не хотелось бы снова смущать тебя своими похвалами, я предпочел бы узнать, как именно ты собираешься спрятать меня от полиции. И не потому, что я опасаюсь за свое будущее — просто желаю узнать твой великолепный план во всех его мельчайших деталях.

Похвала Слона — это похвала, и я немного понежился в ее лучах, выковыривая из зубов мелкие хрящики.

— Спасибо на добром слове. Ну что же, расскажу дальше. Хлебный фургон превращает нас практически в невидимок, поскольку такие фургоны во множестве колесят повсюду. — Тут я вдруг осознал, что по неизвестной причине все больше подражаю его манере говорить. — Мы будем раскатывать, пока не стемнеет, но ехать будем туда, куда нам надо...

— А полицейские патрули, разумеется, не станут нас задерживать, поскольку номера на этом фургоне давным-давно не те, что были до его перехода в твое владение.

— Конечно. Об угоне уже заявили, но розыск вскоре прекратится, потому что фургон обнаружат утром неподалеку от гаража в Биллвилле. Новые номера я счищу растворителем, спидометр подкручу назад, так что самый последний тупица поймет, что на машинке немножко покатались, да и бросили. Вот и все. Кто свяжет временную пропажу фургона с происшествием в суде? Да никто.

Он проглотил эту информацию вместе с остатками спамьяна и задумчиво облизал пальцы.

— Основательно. Лучше — придумать трудно. Но из сказанного следует, что наша конечная точка — Биллвилл? И нам придется там отсиживаться, поскольку полиция вскоре возьмет под контроль всю страну?

— Да. Там у меня база. Не зря же я расспрашивал вас о ваших гастрономических пристрастиях. Пока все не стихнет, вам придется прятаться в автобаре Максвина.

Его брови поползли вверх, и он мрачно глянул на скомканные обертки от свинобургеров. Впрочем, у него хватило такта не высказать свои чувства вслух. Я поспешил ободрить его:

— Я все там устроил сам, не беспокойтесь. Конечно, присутствуют известные неудобства, но...

— Но не такие, как в Федеральной тюрьме! — подхватил он. — Прости мою неуместную озабоченность. Я не хотел тебя обидеть.

— А я и не обиделся. Тут такая история: однажды вечерком полиции взбрело в голову причинить мне некоторые неприятности, и я шмыгнул в служебный вход местного Максвина, меня не нашли. Пережидая, пока все уляжется, я тщательно все осмотрел. Потрясающе! Они же полностью решили основные проблемы всех дешевых обжорок — по части низкооплачиваемого и малоквалифицированного персонала! Люди слишком уж сообразительны и алчны, быстро понимают что к чему и требуют прибавки. Так что единственный выход — просто избавиться от них.

— Замечательное решение. Послушай, если ты больше не хочешь крумплумпов, то я бы съел парочку, пока ты мне все так замечательно расписываешь.

Я передал ему скользкий пакет и продолжил:

— Итак, все автоматизировано. Едва клиент делает заказ, требуемое блюдо из холодильника едет в микроволновую печку и моментально подогревается до нужной температуры. Послушайте, эти печи такие мощные, что за двенадцать микросекунд они в состоянии зажарить целого свинобраза со всеми потрохами!

— Однако...

— Напитки доставляются с той же скоростью. Клиент еще только кончает говорить, а к нему уже все приехало. Но — остается за дверкой, которая распахнется, когда будет уплачено. Процесс полностью автоматизирован и надежен, поэтому человеку там просто делать нечего. Раз в неделю харчевню осматривают, туда, конечно же, завозят и провизию. Но происходит это в разные дни — чтобы машины не мешали друг другу.

— Понятно, — ухмыльнулся он. — Значит, так. Машинное отделение, скажем, становится убежищем. Когда холодильники заполнены и приезжает техническая служба, надо перебраться к холодильникам. Потом — обратно. Ага, теперь мне понятно, зачем нужна эта теплая одежда, которая лежала вместе с костюмом. Ну, а если авария?

— Тогда в помещениях ремонтной службы раздается сигнал и приезжает механик. Но я сделал так, что сигнал дублируется в самом помещении, так что времени, чтобы перебраться к холодильникам, — вполне достаточно. А что касается возможных случайных визитов обслуги, то и тут меры приняты. Едва в замок вставляется ключ снаружи, как звучит сигнал, при этом замок блокируется на шестьдесят секунд.

Он захохотал и хлопнул меня по плечу.

— Да, парень... ты предусмотрел все. Но вот какое дело — мне изредка хотелось бы что-нибудь почитать, да и, как бы это деликатней, как там насчет санитарно-технических услуг?

— Там есть портативный видеоскоп и библиотечка. Завернуты в спальные принадлежности. Ну а удобства там есть — для механиков.

— Ну, большее и представить себе трудно.

— Но... — я опустил глаза, — я бы хотел... — Наконец поднял голову и решился: — Вы сказали в тот раз, что не нуждаетесь в учениках. Осмелюсь проявить любопытство — вы не передумали? Не изменили своего мнения? Может, вам было бы приятно развеять

скуку тем, чтобы преподать мне науку о правонарушениях? Ну так, время скоротать?

Теперь уже он опустил глаза и вздохнул.

— У меня есть веские причины, — начал он, — чтобы отклонить твою просьбу. И особенно — теперь. Но я действительно передумал. В благодарность за мое спасение я зачисляю тебя в Школу Альтернативного Образа Жизни на парочку семестров. Но мне кажется, что ты имеешь в виду не то, чтобы я пошел на это из одной только благодарности, да и не думаю, что именно в расчете на благодарность подобного рода ты меня спасал. Ну что же... Честно говоря, я и сам не прочь передать другому то немногое, что узнал за свою жизнь. И в то же время мне хотелось бы сохранить нашу дружбу.

Я остолбенел от счастья. Мы одновременно поднялись и обменялись рукопожатием. Хватка у него была железная. Я взглянул на часы.

— Мы слишком долго стоим тут, надо отъезжать, чтобы не привлекать внимания. Надо ехать, следующая — конечная. Прошу вас, выходите не мешкая и сразу идите в служебную дверь, заприте ее за собой. Я вернусь, едва только избавлюсь от фургона. И буду вашим первым гостем.

— Как скажешь, Джим. Я — само послушание.

Дорога была скучной, но что поделаешь. Впрочем, скучал я не сильно, меня переполняли замыслы и планы на будущее. Я, знай себе, гнал и гнал фургон, лишь однажды остановившись — чтобы сменить батареи на станции. И снова вперед, петляя окружными путями Райского Уголка, глядя, как медленно валится за горизонт солнце. Наконец свернул на служебный въезд торгового центра Биллвилла, опустевшего до утра.

Никого не видно. Слон вылетел из фургона, и дверь за ним захлопнулась. Пока все шло замечательно, и мне не терпелось покончить с операцией, но я знал, что лучше не торопиться.

Никто не видел, как я внес в свой офис мешки с оборудованием, — это было рискованно, но необходимо. Вычистил фургон внутри, обрызгал все, что только можно, жидкостью для снятия отпечатков пальцев, что рекомендую всем — и угонщикам фургонов в том числе.

Ну, вот и все. Я сделал все, что мог. А теперь поставлю фургон в конце окраинной улицы и пойду обратно.

Ночь была теплой, и прогулка вышла приятной. Со стороны пруда в городском парке доносилось сонное щебетание водоплавающих. Присев на скамеечку, я разглядывал спокойную поверхность воды. И думал о своей судьбе да о будущем.

Неужели мне удалось расстаться с прежней жизнью? Неужели мне удастся преуспеть в преступной карьере? Слон обещал вывести меня в люди — и он единственный на этой планете, кто может это сделать.

Насвистывая, я двинулся в торговый район. Но глядел не себе под ноги и не по сторонам, а исключительно в светлое будущее. И настолько ушел в свои мысли, что не замечал проносившихся мимо машин, не заметил и ту, что остановилась рядом.

— Эй, малый, погоди-ка минутку!

Ничего не соображая, я машинально обернулся. Увы, я слишком поздно сообразил, что стою прямо под фонарем, а за рулем машины сидит полицейский. Никогда не узнаю, зачем он остановился, о чем хотел меня спросить. Потому что он узнал меня!

Занятый делами Слона, я совершенно упустил из виду, что я сам тоже в розыске! Что вся полиция получила мои фотографии и приметы. А я, как последний остолоп, болтаюсь по улицам, забыв об элементарной осторожности! Все это пронеслось в моем мозгу, едва я понял, что он меня узнал.

— Ты Джимми ди Гриз!

Казалось, он удивлен не меньше меня. Однако не настолько, чтобы растеряться. У него тут было все в порядке, а у меня — не очень-то. А вот этот жест он, похоже, отрабатывал долго и упорно, не иначе как перед зеркалом. Словом, не успел я и глазом моргнуть, как в его руке оказался безотказный (75-й калибр) пистолет, и его ствол пристально глядел на меня в приоткрытое окно машины.

— Стоять! — рыкнул он. И одарил меня ухмылочкой представителя закона.

Глава 13

— Неправда ваша, дяденька! — выдохнул я, поднимая руки. — Вы что же, собираетесь пальнуть в меня, в несчастного ребенка, только потому, что с кем-то спутали?!

Ствол пистолета не шелохнулся, зато шевельнулся я, пытаясь бочком-бочком обойти машину спереди.

— Не двигайся! Вернись на место! — заорал он, но я продвигался вперед. Единственное, на что я мог надеяться, что так уж просто он меня не пристрелит. В общем, это, кажется, противозаконно. Я хотел вынудить его вылезти из машины, тогда ему придется убрать пушку. Не сможет ведь он одновременно целиться в меня и открывать дверь машины.

Пушка исчезла. И я — тоже. Как только он опустил пистолет, я развернулся и дал деру, пригнув голову и изо всех сил работая ногами. Он заорал вслед — и выстрелил!

Пистолет бабахнул точь-в-точь как натуральная пушка, пуля свистнула над ухом и попала в ствол дерева. Я обернулся и замер. Этот парень, похоже, психопат.

— Так-то лучше, — произнес он, положив руку с пистолетом на дверцу машины и держа меня на мушке. — Я не промахнулся. Я просто выстрелил мимо. На первый раз. А в следующий раз — попаду. Я чемпион по стрельбе в округе. Понял? И я люблю тренироваться...

— А тебе не кажется, что ты псих? — дрожащим голосом осведомился я. — Из-за одного подозрения палить по людям!

— Имею право. — Он подошел ко мне, держа пистолет на изготовку. — Это не подозрение, а задержание. Я тебя узнал. Ты в розыске. А отмазаться мне просто. Скажу — преступник ухватился за пистолет, случайный выстрел — и тю-тю. Убедительно. Ну что, хочешь подержаться за мою пушечку?

Какое странное совпадение. Психопат, а заодно и полицейский. Ну что же, бывает. Понятно, что ему охота спровоцировать меня на бегство и слегка поупражняться. Интересно, кстати, как ему удалось пройти специальные тесты, рассчитанные именно на то, чтобы не допускать в органы таких охламонов. Нет уж, пускай в другой раз постреляет. И я медленно вытянул руки вперед и заговорил:

— Я не собираюсь оказывать никакого сопротивления, господин офицер. Подчиняюсь вам, хотя и произошла ошибка. Надевайте наручники и забирайте меня.

Он разочарованно глянул на мои руки и вздохнул. Помедлил немного, ожидая от меня каких-нибудь действий, потом снял с пояса наручники и швырнул их мне. Пистолет в его руке при этом не дрогнул.

— Надевай.

Я защелкнул браслет сначала на одной руке — достаточно свободно, чтобы руку вытащить, потом — на другой. Занимаясь наручниками, я не заметил, как он подошел. А он подошел и так стиснул браслеты, что они прямо-таки врезались в кожу.

Улыбался он с садистским наслаждением.

— Попался, ди Гриз. Ты арестован.

Я глянул на него снизу вверх — он был на целую голову меня выше и раза в два тяжелее — и расхохотался. Он сунул пистолет в кобуру и схватил меня. Здоровенный дядька задержал ребенка. И никак не мог понять, почему я хохочу, а объяснять я ему не стал.

Просто применил один прием, как нельзя лучше подходивший к сложившейся ситуации.

А именно: врезал ему в пах коленом. Он отпустил руки и сложился пополам. Бедняге было очень больно, и из чувства сострадания я врезал ему еще и по шее — сложенными руками. Теперь ему уже не было больно, поскольку он отключился, еще не рухнув на землю. Я опустился на колени и принялся обшаривать его карманы в поисках ключика от браслетов.

— Что тут происходит? — раздался голос, и двери ближайшего дома распахнулись. Выстрел перебудил всю округу. Придется наручниками заняться позднее. Надо смываться.

— Сами, что ли, не видите?! — заорал я. — Человека ранили. Оставайтесь при нем, а я бегу за помощью!

Последние слова я прокричал через плечо, торопливо удаляясь по улице и сворачивая за ближайший угол. В дверном проеме появилась женщина и окликнула меня, но разговаривать с ней мне было что-то не очень охота. Надо шевелиться, пока сюда не нагрянула облава. Да, делишки складываются не вполне удачно. Запястья ныли, пробегая под фонарем, я взглянул на руки — они побелели. Тесные наручники нарушили циркуляцию крови. Легкое чувство вины, возникшее в моей душе после применения не вполне корректного приема, улетучилось напрочь. Надо снять эти штучки, и как можно скорее. В офисе, больше негде.

Избегая главных улиц и держась подальше от людей, я наконец добрался до места. Пальцы к тому времени уже почти не слушались, потеряв всякую чувствительность.

Прошло невыносимо много времени, пока мне удалось достать из кармана ключи. Наконец достал. И тут же уронил. И поднять уже не мог, потому что пальцы не сгибались. Я мог их только трогать, и все.

Да, в жизни бывают тяжелые моменты, и этот, как мне кажется, был из самых тяжелых. Я не мог сделать того, что было необходимо. Я был разбит, убит и сломлен. Попасть в здание оказалось невозможным. Какое тут медицинское образование требуется, когда понятно — если наручники не снять немедленно, то доживать придется с пластиковыми руками. Вот так вот.

— Нет, не так! — прорычал я себе. — Высади дверь, делай что хочешь, хоть ногами открывай.

Да нет же, не ногами! Помертвевшими пальцами я поковырялся в связке ключей, пока не нашел нужный. Затем нагнулся, потрогал его языком, не обращая на грязь никакого внимания. Зажал ключ в зубах. Пока неплохо!

Господа, если вам вдруг захочется открыть замок зубами, то вот вам мой маленький совет — не делайте этого! Видите ли, в чем тут дело, — вам сначала придется долго шевелить башкой, чтобы вставить ключ в скважину. Когда вы это все же сделаете, то придется снова крутить ею, чтобы повернуть в замке ключ, а потом — биться башкой в дверь, чтобы ее открыть...

Наконец я добился своего и рухнул лицом на пол. Да, я помнил, что наверху меня поджидает то же самое. Что же, я повторил свое упражнение и наконец попал в офис. Увы, больше благодаря настойчивости, упрямству и грубой силе, чем интеллекту. Я слишком устал, чтобы думать. Мог только действовать.

Захлопнув дверь локтем, я доковылял до верстака, спихнул на пол ящики с инструментами и разворошил их содержимое. Отыскал наконец вибропилу. Поднял ее зубами и умудрился вставить в полуоткрытый ящик стола, прижал ящик локтем, зафиксировал. При этом поранил губу. Но это были мелочи. Запястья горели огнем, а кисти рук уже ничего не ощущали. Побелели, как мертвые. Похоже, я опоздал. Локтем включил пилу. Поднес к лезвию наручники, изо всех сил растянув цепочку. Пила взвизгнула, цепь распалась и руки разлетелись в стороны.

А теперь предстоит более точная работа — разрезать браслеты, да так, чтобы не отрезать себе кисти. Дело, скажу вам, не простое.

Когда с этим было покончено, кругом все было забрызгано кровью. Но браслеты были сняты, и понемногу восстанавливалось кровообращение.

А потом я рухнул в кресло и смотрел, как с рук стекает кровь. Онемение вскоре прошло, и накатила боль. С трудом поднявшись на ноги, я поплелся к аптечке и перепачкал кровью весь ящик, пока не отыскал и проглотил две капсулы болеутоляющего. Прочистил раны антисептиком и перевязал. Порезы были скорее неприятные, чем опасные. Не очень глубокие. Закончив перевязку, глянул в зеркало и содрогнулся. Пришлось залепить пластырем губу.

На улице послышался вой полицейской сирены — ну что же, парень, пришло время хорошенько поразмыслить о жизни.

Влип я не слабо. Биллвилл не слишком велик, и все выезды из города наверняка уже перекрыты. Дело не хитрое. На дорогах стоят заслоны, для осмотра окрестностей высланы копы с приборами ночного видения, а на вокзал — наряд полиции. Все дырки запечатаны. Я оказался в ловушке, как крыса. Что дальше? Разумеется, патрули на улицах. Ближе к ночи народу на улицах будет становиться все меньше, и шансов пробраться незамеченным почти не останется.

Ну ладно, а что будет утром? Я знал, что будет. Они станут обыскивать дом за домом, квартиру за квартирой и наконец обнаружат меня. При мысли об этом я покрылся холодным потом. Неужели конец?

— Да нет же! — вскричал я, вскочил на ноги и заметался по комнате. — Джимми ди Гриз слишком скользкий, чтобы попасть в грубые лапы местной полиции. На этом остановимся — меня зовут Джимми ди Гриз Скользкий. И я намерен в очередной раз ускользнуть. Но как?

Я вскрыл бутылку пива, сделал большой глоток и развалился в кресле. Взглянул на часы. Сейчас было уже поздно, и появляться на улице не следовало. Рестораны закрываются, из душных кинотеатров выметаются последние зрители и, парочка за парочкой, отправляются по домам. Одинокая фигура непременно привлечет внимание блюстителей закона.

Значит, ждем до утра. Придется рискнуть при свете дня. Ах, если бы дождь! Я поспешно набрал прогноз погоды и сразу обмяк: солнечно с вероятностью 99%. С таким же успехом можно ожидать бурю или землетрясение.

Офис выглядел, как после нападения террористов. Прибраться, что ли?

Нет, Джимми, прибираться не обязательно. Потому что полиция рано или поздно окажется здесь.

А здесь полным-полно отпечатков пальцев, и они отлично знают группу твоей, Джим, крови. Что же, им придется серьезно поломать головы, пока они смекнут, что именно тут стряслось.

Ну, хотя бы просто поразмыслить им будет над чем. Неплохо бы, кстати, подгадить тому полицейскому садисту. Я подкатил свое кресло к терминалу и сочинил записку. Принтер пискнул, я потянулся и достал лист. Отлично!

К СВЕДЕНИЮ ПОЛИЦИИ. МЕНЯ СМЕРТЕЛЬНО РАНИЛ САДИСТ ИЗ ПОЛИЦИИ, КОТОРОГО НАШЛИ БЕЗ СОЗНАНИЯ. ОН СХВАТИЛ МЕНЯ. ИСТЕКАЮ КРОВЬЮ, СКОРО УМРУ. ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ МИР. УХОЖУ, ЧТОБЫ БРОСИТЬСЯ В РЕКУ.

Сомневаюсь, что они этому поверят, но, по крайней мере, это хотя бы слегка подпортит жизнь тому психопату с пистолетом. А остальные — пускай-ка прочешут реку. Записка слегка запачкалась кровью, я еще добавил, приложив к ней бинт. Осторожно положил бумажку на пол.

Эта мелкая пакость меня слегка взбодрила. Я присел к столу, допил пиво и все обдумал. Что-нибудь важное не учтено? Да нет вроде. Тут нет никаких важных записей, а остальные надо уничто-

жить. Я нажал на кнопку — и вся моя информация превратилась в случайный набор знаков. Остальное — инструменты, снаряжение, оборудование — легко заменить, когда потребуется. Вот только деньги оставлять не хотелось.

Натянув поверх бинтов тонкие пластиковые перчатки, я принялся за работу. Утомительно, а что делать?

Деньги лежали в сейфе, потому что какой налетчик доверяет банкам? Сложил их в чемоданчик. Чемоданчик заполнился только наполовину, и сверху я кинул особенно тонкие инструменты. Напихал еще туда одежды, встал на крышку и утрамбовал все так, чтобы можно было повернуть ключ в замочке.

Теперь пора сменить одежду и заняться внешним видом. Строгий черный костюм из ткани, украшенной тонким белым узором из крохотных банкнот. Оранжевый воротничок — такие носят все начинающие банкиры. Стильные туфли из кожи свинобраза на высоком каблуке. Не помешает, если я стану немного выше. Теперь, перед выходом, приклею усы и нацеплю очки в золотой оправе. Можно бы еще покрасить волосы и усилить загар.

Закончив все приготовления, слегка обалдев от пива, обезболивающего и усталости, я поставил будильник и забылся.

Гигантские москиты вились надо мной, зудели, жужжали и жаждали моей крови...

Я открыл глаза, встряхнулся, чтобы отогнать кошмар. Писк будильника усиливался, напоминая идущих в атаку москитов. Нажав кнопку, я облизал пересохшие губы и поплелся выпить воды. Да, день уже начинался, на улице виднелись ранние прохожие.

Я умылся, тщательно оделся и придал своему облику последние штрихи. Оживление на улицах достигло утреннего пика, я подхватил чемоданчик, убедившись, что в холле пусто, закрыл за собой дверь и пошел не оглядываясь. Эта страница моей жизни дочитана, нынче — первая страничка жизни новой.

Во всяком случае, я на это надеялся. Весьма деловой походкой — полагаю, это выглядело вполне убедительно — я сошел вниз по лестнице и вышел на улицу.

И немедленно увидел полицейского, который стоял на углу и очень внимательно разглядывал всех подряд пешеходов.

Я на него даже не взглянул, а уставился на шедшую передо мной очаровательную девчонку с первоклассными ножками. Занявшись сим предметом, я пытался не думать о присутствии блюстителя закона. Приблизился к нему, прошел мимо и стал удаляться, ожидая окрика...

Которого не было. Возможно, полицейский и сам загляделся на девчонку. Но я прошел только мимо одного, а сколько их еще впереди?

Да, это была самая длинная прогулка в моей жизни. Так, во всяком случае, мне показалось. Двигался я не слишком поспешно, но и не очень медленно. Просто постарался сделаться частью толпы, простым служащим, спешащим на работу, которого заботят только начальник, доходы, расходы и долговые обязательства.

Еще одна улица — пока все спокойно. Теперь — свернуть за угол. Служебный проезд за торговым центром. М-да, тут местечко не слишком подходящее для бизнесмена вроде меня. Смотри в оба и не мешкай. А за поворотом ты будешь в безопасности.

В безопасности?! Я покачнулся, словно от удара. У входа стоял служебный фургон Максвина, и громадный механик открывал двери.

Глава 14

Я взглянул на часы, прищелкнул пальцами и на всякий случай вышел из служебного проезда. И важно направился в ближайшую закусочную. В первой же кабинке там торчала парочка копов — наверное, чтобы мне не было скучно завтракать в одиночестве. Понятное дело, они пялились именно на меня. Глядя прямо перед собой, я пошел к дальнему столику. Между лопаток у меня зудело, но не чесаться же у всех на виду! Видеть я их не мог, но и так было понятно, что они глядят мне вслед, шепчутся между собой и приходят к выводу, что выгляжу я как-то странно. Лучше проверить. Да, встают, идут в мою сторону, подходят...

Краем глаза я видел штаны синего цвета рядом с собой, сердце застучало так громко, что, казалось, его звук слышен по всему ресторану. Сейчас прогремят роковые слова... Сейчас... мои глаза скользили вверх по штанинам...

А это был всего-навсего шофер в форменной одежде, который уселся напротив.

— Кофе, — сказал он в микрофон, развернул газету и углубился в чтение.

Сердце почти успокоилось. Я мысленно выругал себя за трусость и подозрительность. Самым густым басом, на который был способен, сделал заказ:

— Черный кофе и острую похлебку с клецками.

— Шесть долларов, будьте любезны.

Я закинул монетки в автомат. Под локтем зашумел механизм, и на стол выехал завтрак. Я не спеша позавтракал, глянул на часы и принялся за кофе. Как мне было известно по прошлому разу, когда я сам прятался в холодильнике, максвиновский техник затрачивает на профилактику минимум тридцать минут. Прошло уже сорок. Я поднялся и пошел к выходу, стараясь не думать о том, что увижу, когда наконец открою служебную дверь закусочной. Я ведь что сказал на прощание Слону? «Я буду первым, кто войдет в эту дверь». А первым оказался механик. Неужели он накрыл Слона? От этой мысли меня прошиб пот. Ну да ничего, скоро все выяснится. Я прошел мимо кабинки с полицейскими — те ушли. Надеюсь, подальше. Я вышел на улицу и снова свернул к торговому центру.

Приближаясь к двери, я держал ключ наготове. Улица впереди была пуста, но за спиной послышались шаги. Полиция? С утомительным постоянством мое сердце вновь застучало как бешеное. Возле двери я замедлил шаг. Остановился и незаметно бросил ключ на тротуар — чтобы сделать вид, будто только что его нашел. Поднял и внимательно разглядывал, пока человек проходил мимо. Он не проявил к моей персоне никакого интереса. Свернул себе служебным ходом на рынок и исчез.

Я быстро оглянулся — нет ли еще кого, и торопливо подскочил к двери. Повернул ключ, толкнул — конечно, она не открылась.

Установленный мной механизм задержки сработал прекрасно. Дверь откроется ровно через минуту. Через долгих шестьдесят секунд.

И в своем прекрасном костюме я был здесь неуместен, как титька на брюхе свинобраза — так говаривали у нас на ферме. И вот, такой неуместный, я стоял и потел, ожидая появления полиции или случайного прохожего.

Наконец ключ повернулся, дверь открылась, и я ввалился внутрь.

Пусто! Только возле дальней стенки лениво погромыхивал автомат. Зажужжал, заурчал, куда-то вниз поехал бокал с напитком, следом за ним в путь отправился буртер. Но человека тут видно не было. Они его схватили. Следующий на очереди — я.

— А, мой мальчик. Я так и подумал, что это ты.

Слон появился из холодильника, невообразимо огромный в своем теплом одеянии, со спальником и сумкой под мышкой. Он захлопнул за собой дверцу, и тут меня покинули последние силы, и я сполз вниз по стеночке.

— У тебя все в порядке? — осведомился Слон с тревогой в голосе.

Я мог лишь слабо махнуть рукой в ответ.

— Все прекрасно. Дайте только дух перевести. Я боялся, что вас взяли.

— Не стоило тревожиться. Когда ты не появился сразу, я понял, что тебе пришлось слегка изменить планы. И принялся репетировать эвакуацию на случай, если заявятся законные визитеры. И они-таки появились. Ты знаешь, в холодильнике довольно холодно. Я не знал, сколько они тут проторчат, но был уверен, что ты предусмотрел что-нибудь и на этот случай...

— Я должен был сказать!

— Не страшно. Я и так во всем разобрался. Нашел спрятанные наушники и слушал, как кто-то бормочет себе под нос. Теперь рассказывай. Были проблемы?

— Проблемы... — Я с облегчением рассмеялся. Но тут же умолк, уловив в своем смехе истерическую нотку. И рассказал ему все, опустив некоторые пикантные детали. Время от времени восклицая, он внимательно выслушал все до печального конца.

— Ты слишком строг к себе, Джим. Одна ошибка в течение такого трудного дня — право же, это простительно.

— Но непозволительно! Из-за своей глупости я чуть было не засыпал нас обоих! Но такое впредь не повторится.

— Тут ты ошибаешься. — Он наставительно погрозил пухлым пальцем. — Это может произойти в любой момент, пока ты не научишься работать. Тебе надо учиться, и серьезно.

— Конечно.

— До тех пор, пока подобные ляпсусы станут просто невозможными. При всей твоей малоопытности ты действовал на удивление удачно. Теперь ты сможешь совершенствоваться.

— И вы будете моим наставником... Я стану великим мошенником!

Тут он нахмурился и слегка помрачнел. Неужели я ляпнул что-то не то? Я нервно кусал губы, пока он расстилал спальник и усаживался, а когда наконец заговорил, я был готов внимать каждому его слову.

— Вот тебе первый урок, Джимми. Я не мошенник. И ты не мошенник. Преступниками мы быть не хотим, потому что преступники — люди глупые и никчемные. Важно понять именно то, что мы стоим вне общества и живем по своим, очень жестоким законам, которые еще более жестоки, чем в обществе, которое мы отвергли. Эта жизнь ведет к одиночеству, поэтому ее надо выбирать сознательно. И если выбор сделан, остается неукоснительно ему следовать. Ты должен стать более нравственным, чем остальные, потому что жить тебе придется, руководствуясь более жестким мо-

ральным кодексом. И в этом кодексе слову «мошенник» места нет. Это слово — из их языка, оно предназначено для таких, как ты, но тебе следует от него отказаться.

— Но я хочу стать преступником...

— Позабудь об этом. Знаешь, извини, конечно, но все это — юношеские амбиции. Эмоциональный выпад против общества, которое ты очень не любишь. А эмоции — это только эмоции, ерунда. Ты отвергаешь общество и в то же время принимаешь их слово, которое должно обозначать тебя. Мошенник. А мы не мошенники.

— Тогда кто же мы?

Слон сцепил пальцы и принял торжественный вид.

— Мы — Граждане Высшего Света. Мы отринули глупые, косные, скучные до зевоты моральные и этические заветы, по которым живут остальные. И заменили их своими, куда более совершенными. Физически мы находимся среди них, но им не принадлежим. Где они ленивы, там мы деятельны. Где они безнравственны, там мы добродетельны. Где они лгут, там мы — сама Правда. Мы, возможно, величайшая из сил, действующих на благо отринутого нами же общества.

Тут я растерянно заморгал, но терпеливо ждал, что он расставит все по местам.

— В каком мире мы живем? Оглянись вокруг. Граждане этой планеты, да и любой другой из обширной организации, известной как Галактическая Лига, являются гражданами изобильного, богатого союза миров, где почти напрочь позабыто значение слова «преступник». Ты был в тюрьме и видел сброд дешевых подонков, которых они называют преступниками. И это просвещенный мир! А на других планетах — горстки недовольных и еще какое-то мизерное количество социально неприспособленных. Несмотря на то, что генетический контроль существует уже очень давно, эти немногие рождаются до сих пор, но их выявляют очень рано и отправляют на коррекцию. Эту планету я покидал только однажды, отправившись в турне по ближайшим планетам. Ужас! По красочности и замыслу жизнь на этих планетах похожа на размокшую обертку. И я поспешил вернуться в Райский Уголок, потому что, как здесь ни противно, но он в самом деле райский уголок в сравнении с остальными.

— Я хотел бы когда-нибудь увидеть эти другие миры...

— И ты должен, мой мальчик, это обязательно надо сделать. Но сначала найди свой путь в этом мире. И будь доволен, что до сих пор у нас не введен еще тотальный генетический контроль. И что на каждом углу не стоят автоматы для корректировки мышления тех, кто недоволен обществом. На других планетах все дети на одно лицо. Кроткие, мягкие и социально приспособленные. Конечно, у некоторых из них генетические погрешности — а мы называем это силой — не проявляются слишком рано. И эти бедолаги начинают испытывать себя на мелких преступлениях — грабежах, мелких кражах, угонах скота и прочей ерунде. Они могут продержаться месяц-другой — в зависимости от развития интеллекта. Но не дольше — полиция их отлавливает и отправляет на корректировку.

Усвоив эту информацию, я задал очевидный вопрос:

— Но если все это вовсе не преступность, не протест против общества, что тогда остается на нашу долю?

— Я надеялся, что ты не задашь этого вопроса. Эти неудачники и олухи, с которыми ты познакомился во время своей отсидки, составляют девяносто девять и девять десятых процента преступников в нашем чинном и благородном обществе. Оставшаяся одна десятая процента — это мы, неотъемлемая составляющая общества. Без нас Вселенная издохла бы от перегрева. Жизнь законопослушных граждан была бы без нас столь скучной, что им осталось бы только удавиться. Вместо того чтобы нас преследовать, им надлежало бы признать нас лучшими из достойнейших!

При этих словах его глаза сверкнули, голос загремел. Не хотелось, конечно, прерывать столь возвышенную речь, но требовались уточнения.

— Простите меня, но не объясните ли вы — почему?

— Хотя бы потому, что мы придаем смысл работе полиции, даем им возможность раскатывать в автомобилях, набитых всякой дурацкой техникой. А публика — с каким интересом слушает она репортажи о нашей работе, с каким жаром их обсуждает и наслаждается мельчайшими подробностями! А во что обходятся им все эти развлечения? Даром! Только приходится иной раз расплачиваться деньгами: железками и бумажками. А те, кстати сказать, застрахованы. Ведь если мы и берем банк, то деньги возмещаются страховой компанией, которая вынуждена понизить годовые дивиденды, но — на микроскопическую величину. Каждый клиент получит меньше на миллионную долю доллара. Никаких затрат, совершенно никаких. Мы благодетели человечества, мой мальчик, настоящие благодетели.

Но для того чтобы действовать на благо людям, нам приходится действовать вне пределов их правил и устоев. Чтобы сосуществовать с ними, мы должны быть осторожными, как крысы. В прежние времена это было легче, крыс тогда в обществе было больше — законы были мягче: так, в старых деревянных домах их

всегда водилось больше, чем в новостройках из бетона. Но крысы живут и там. Да, нынешнее общество сооружено из бетона и стали, и лазеек в нем меньше. И прогрызть себе новые ходы сможет не всякая крыса. Только стальная.

Тут я невольно разразился аплодисментами. Захлопал так, что отбил себе ладони. И он, принимая мое восхищение, величаво склонил голову.

— Это мы и есть — стальные крысы! — восторгался я. — Стальные крысы! Это нелегкая доля немногих избранных — быть стальной крысой!

Он кивнул головой в знак согласия и продолжал говорить:

— Согласен. Но у меня горло пересохло от речей. Не поможешь ли мне управиться с этими хитрыми механизмами? Выдои-ка из них двойной шерри.

Я кинулся к автоматам у дальней стены.

— С радостью покажу, как это делается. У каждого механизма есть проверочный тумблер. Обратите внимание, это автомат напитков. Сначала надо включить его, а затем — отвести лоток в сторону, чтобы напиток попал к вам, а не выехал в зал. На каждом лотке есть бирка. Видите — шерри. Легкое движение руки и... готово.

Звякнув, выехал бокал. Слон тут же схватил его. Припал к нему губами и замер, а потом — зашептал уголками рта:

— Тут окошко, и на меня глядит какая-то фифа!

— Не волнуйтесь. Стекло зеркальное. Она просто любуется своей мордашкой. Это окно используется для наблюдения за клиентами.

— Да? Верно, теперь вижу. Ну, они просто обжоры. Должен признаться, это зрелище несколько волнует мой желудок.

— Нет проблем. Вот управление горячими блюдами. Тут рядом как раз макманибургеры, не желаете ли?

— Весьма даже желаю.

— Пожалуйста.

Он ухватил бутерброд, по традиции украшенный глазами-бусинками и пушистым хвостом, и принялся уплетать. Было просто сущим удовольствием глядеть на него. Но тут мне пришлось отвлечься, чтобы не забыть опустить монеты в прорезь кассы.

У Слона глаза расширились от изумления. Еще не прожевав как следует, он заговорил:

— Ты платишь?! А я полагал, мы бесплатно пасемся в гастрономическом раю, где круглые сутки бесплатно дают выпить и закусить!

— Да, но учитывая, что я расплачиваюсь ворованными деньгами, выходит, что я просто возвращаю их в оборот, чтобы не пострадала экономика. Надо учесть еще и то, что система Максвина на послабления не рассчитана. Тут учитывают каждый кусочек льда, каждое волоконце мяса. При проверке механизмов механик знает, что он в ответе за каждую порцию. Компьютер прослеживает каждый заказ, поэтому запасы холодильника и пополняются очень точно. Выручка автоматически извлекается из кассового ящика со стороны зала. И сразу попадает в бронированный фургон, замок которого открывается лишь набором шифра. Так что, если мы будем питаться бесплатно, это немедленно засекут. И приедут выяснять, в чем тут дело. Впрочем, поскольку возвращаться сюда мы не станем, то, уходя, прихватим с собой всю кассу.

— Прекрасно, молодой человек, прекрасно... А то, признаюсь, меня слегка встревожило твое проявление честности. Ну ладно, раз уж ты там неподалеку, то состряпай порцию заячьего рагу, я плачу.

Глава 15

Видимо, школы бывают и в более странных местах, хотя, по правде говоря, представить себе этого не могу. Особенно скучать от одиночества нам не приходилось — время от времени даже разговаривать было невозможно из-за постоянного шума и лязганья максвиновских автоматов. Самый грохот стоял в часы ленча и обеда, еще один пик приходился на время, когда в окрестных школах кончались занятия. В такие моменты подкреплялись и мы — все равно разговаривать в этом производственном шуме было невозможно. Подкреплялись мы старательно и вскоре перебрали чуть ли не все меню Максвина. Макбаннибургеры исчезали в наших глотках без счета, впрочем, как и мороженое Фуми. Мне, кроме того, весьма по душе пришлись доббиндоги, пока один из них, очутившись в моем желудке, не вступил в сложные отношения с заливными ножками свинобраза и с кошкофриттами. Что до вкусов Слона, то они оказались весьма непритязательными, и ему поэтому пришлось по душе все меню сразу. После того как шум стихал, мы предавались неге, и моя учеба возобновлялась. Наконец мы со Слоном добрались до компьютерных операций, и тут я понял, чем он занимался последние лет двадцать своей жизни.

— Дайте мне терминал — и я буду править миром! — заявил он, и его голос прозвучал так уверенно, что я понял — не врет.

— Когда я был молод, — Слон пустился в воспоминания, — то преуспевал в различных отраслях деятельности, направленной на то, чтобы развлечь обитателей этой планеты. Согласись, вовсе не плохо спереть деньги из сейфа во время их перевозки в банк и оставить вместо кучи банкнот свою визитку. Кстати, им так и не удалось сообразить, в чем там было дело...

— А в самом деле, в чем?

— Но мы, кажется, перешли к компьютерам?

— Давайте же разок отвлечемся. Обещаю использовать услышанное только на благое дело: готов повторить ваш трюк с тем, чтобы оставить там вашу визитку. Если вы, конечно, позволите.

— А что? Неплохая идея... На то и щука в озере, чтобы карась не дремал. Пусть-ка нынешние копы пораскинут мозгами. Что ж, я расскажу тебе о том дельце. Может, ты сам догадаешься, как я его обстряпал.

Итак. Старое, хорошо охраняемое здание центрального монетного двора. Стены двухметровой толщины. В здании установили новые гигантские сейфы, вмещающие миллиарды долларов. Когда из банка требовалось отправить деньги, то служащие — под охраной, разумеется — загружали бумажки в инкассаторский контейнер, который запирался и опечатывался на глазах у всех присутствующих. Снаружи ждал бронированный фургон. Естественно, под охраной наряда полиции. По сигналу фургон подавал задом к наружной, тоже бронированной двери. В стене — специальная внутренняя камера, и процесс шел так: контейнер помещался во внутреннюю камеру изнутри, двери со стороны двора закрывались, открывались двери наружу — и они не открывались, пока не будут закрыты внутренние, — контейнер попадал в фургон, тот ехал на станцию, подъезжал к линеру и перегружался в бронированный вагон. Там тоже единственная дверь, которая запиралась, опечатывалась и ставилась под сигнализацию. Во время поездки охрана сидела в специальном отделении. Поезд приезжал на место, и процедура повторялась в обратном порядке: фургон, в него грузился все еще запечатанный контейнер, его перевозили в банк. Наконец открывали... И обнаруживали там лишь мою визитку.

— Великолепно!

— Объяснить тебе, как это было проделано?

— Вы были одним из охранников в поезде...

— Нет.

— Водителем фургона...

— Нет.

Я ломал голову в течение часа, наконец Слон сжалился надо мной и рассказал обо всем:

— Да, твои варианты неплохи, но они, увы, не совсем безопасны. Вообще ты более практичен, чем я. Я-то обычно предпочитал полагаться на мозг больше, чем на мускулатуру. Мне было незачем взламывать контейнер, чтобы взять деньги, потому что он был пуст, уже когда покинул здание. Собственно, не совсем пуст — в нем лежали кирпичи и моя визитка. Теперь догадываешься?

— Деньги не покидали здания... — пробормотал я, пытаясь подстегнуть свое воображение, — но они были загружены в контейнер, а контейнер был помещен в фургон...

— Ты кое-что пропустил.

Я щелкнул пальцами и вскочил на ноги.

— Конечно! Стена! Вы дали мне все ключи к разгадке, а я оказался непроходимо туп! Ну конечно же, стена: старая, каменная, в два метра толщиной!

— Именно. У меня ушло четыре месяца на то, чтобы пробиться внутрь. Испортились три робота, а я все же своего добился. Сначала мне пришлось купить здание, расположенное через дорогу от монетного двора, и пробить туннель. Киркой и лопатой. Очень медленно и очень тихо. Потом я полез вверх: сквозь фундамент, внутрь стены. Это оказалось не так уж и сложно, потому что каменными у нее были только наружная и внутренняя стенки, а промежуток между ними был просто засыпан булыжником. Бесшумной алмазной пилой я вскрыл стенки внутренней камеры и установил механизмик, способный заменить контейнер за полторы секунды. Когда внутренняя дверь камеры, со стороны двора, закрывалась, то необходимо было переключить замок — только тогда открывалась наружная. А на это уходила прорва времени — целые три секунды. Они так и не поняли, как все это произошло. Кстати, механизм все еще на прежнем месте. Только, знаешь, все это рытье туннелей — сплошная морока. Вот компьютерные операции — совсем другое дело. Чистый интеллект.

— Но разве в наше время, со всеми этими кодами и блокировками, компьютерные преступления еще возможны?

— То, что один человек может зашифровать, другой способен расшифровать. Не оставляя при этом никаких следов. Приведу тебе несколько примеров. Начну с того, что называется «кувырок». Иногда это еще называется «салями». Предположим, у тебя на счету в банке 8000 долларов, которые приносят тебе 8 процентов годо-

вых. Раз в неделю банк пересчитывает твой счет. То есть в конце первой недели банк умножит сумму счета на 0,0015384 и прибавит результат к сумме счета. Твое состояние увеличится на 12,30 доллара. Правильно? Проверь на калькуляторе.

Я подсчитал — результат был верен.

— Ровно двенадцать долларов и тридцать сантимов, — подтвердил я.

— А вот и нет, — решительно возразил он. — Прибыль-то составила 12,3072, не так ли?

— Да, но как прибавишь к счету семьдесят две сотые сантима?

— Да, это непросто, потому что банковские счета знают только вторую цифру после запятой. И вот тут банк должен решить — что делать с остатком. Можно так: округлить все, что больше 0,005, — в большую сторону, а то, что меньше 0,0049, — скинуть в нуль. За день все округления в общем дадут в среднем результат, близкий к нулю. Кроме того — и это общепринятая практика — банк может просто забирать на свой счет все, что идет после второй цифры после запятой. Мелочь, а приятно. Но мелочь — только по банковским масштабам, а для отдельного клиента — сумма ого-го! То есть если запрограммировать компьютер так, чтобы он скидывал все эти хвостики на отдельный счет, то выйдет, что баланс в порядке и никто не в обиде.

Я принялся терзать калькулятор и, увидев, что выходит, аж затрясся от восторга.

— Если с каждых десяти тысяч в округление уходит полсантима, то это прибыль в пятьдесят долларов!

— Да, и с какой суммы? А в нормальном банке масштабы куда больше, и они обеспечивают организатору доход, как минимум, пять тысяч долларов в неделю.

— И что, это самый мелкий и простой ваш компьютерный трюк?

— Конечно. Ну а когда человеку удается проникнуть в суперкомпьютеры корпораций, суммы там просто астрономические. Да и сама работа на таком уровне — сплошное удовольствие. Потому что, если быть осторожным и не оставлять следов, корпорация даже не догадается, что ее надувают. Более того, они и знать об этом ничего не хотят и не верят, даже когда все становится совершенно очевидным. Да и обвинить кого-либо в компьютерном преступлении очень сложно. Отличное занятие для пожилого человека вроде меня. Я не попадался ни разу. Ну, кроме последнего...

Он тяжело вздохнул и погрустнел.

— Это мой грех! — воскликнул я. — Если бы не моя попытка найти вас, то вам бы не пришлось встречаться с федеральной полицией.

— Нет, Джим, ты тут ни при чем. Я недооценил их меры безопасности, которые оказались куда жестче, чем те, с которыми я сталкивался ранее. Что же, моя ошибка — и мне за нее платить. И я до сих пор плачу. Кстати, в безопасности этого убежища сомневаться не приходится, но местная пища начинает мне что-то приедаться. А тебе?

— Это же еда моего поколения, — отрицательно покачал головой я.

— Ну да, об этом я не подумал. Лошадь на сене оскомину не набьет, да и свинобразу его пойло не опротивеет.

— А вы сможете прожить сто лет на одних омарах и шампанском.

— Эх, весьма точно подмечено, мой мальчик... Так как ты думаешь, сколько нам здесь еще торчать? — спросил он прямо, отодвинув в сторону тарелку с недоеденными крумплумами.

— Думаю, пару недель.

Он содрогнулся.

— Отличный шанс похудеть...

— К тому времени поиски прекратятся. Но и потом нам следует избегать открытого перемещения. Впрочем, я придумал одно средство. Кажется, оно вполне безопасно и надежно.

— И какое же?

— Суденышко. Небольшой катер на Стикс-ривер. Я купил его не так давно, на подставное имя, разумеется, и теперь он дожидается нас в бухточке, неподалеку от Биллвилла.

— Превосходно! — Он с жаром потер руки. — Конец лета, круиз на юг, жареная зубатка по вечерам, бутылки с вином охлаждаются в реке, бифштексы в придорожных ресторанчиках...

— А я еще и пол сменю...

Он моргнул и уставился на меня. Выслушав объяснения, облегченно вздохнул:

— Нас ведь могут увидеть с берега, так что мне придется вырядиться девицей. По крайней мере — пока не отъедем подальше.

— Отлично. Ну что же, а я слегка сброшу вес, мне тут держать диету несложно. Отпущу усы и бороду, выкрашу волосы в черный цвет. Заняться есть чем. Кстати, не лучше ли месяц, а не две недели? Еще две недели пойдут на пользу моей фигуре, а усы и борода за это время примут нормальный вид.

— Я с вами месяц продержаться смогу.

— Тогда решено. И большую часть нашего времени мы используем для обучения. Лучше, быстрее и больше — вот наш девиз на ближайшее время.

Надо сказать, что учеба занимала меня настолько, что вездесущий запах свинобургеров не тревожил, скажу больше — я даже был в состоянии продолжать их уплетать, чего нельзя было сказать о моем учителе, так что его фигура уменьшалась одновременно с тем, как возрастали мои знания по части нарушения законов нашего уважаемого общества. Я уже был готов двинуться в путь и раньше, но Слон был непоколебим:

— Если план принят, то исполнять его следует неукоснительно. План может быть изменен лишь в случае, когда меняются внешние обстоятельства. Человек есть животное разумное, и ему требуется приучить себя к порядку, чтобы стать мыслящим существом. А то, знаешь, причины для того, чтобы менять планы, всегда можно отыскать.

Он вздрогнул от грохота кухонных агрегатов — похоже, в школах окончились занятия, — и подвел итог нынешнего дня:

— Итак, хорошо спланированная операция всегда удается. Если вмешиваться в хорошо спланированное дело, то оно будет провалено. Наш план хорош. Поэтому мы будем его придерживаться.

Ко дню, назначенному для отправления в путь, Слон сделался намного стройнее и крепче. Горнило гастрономических испытаний еще более закалило его. А я так, наоборот, прибавил в весе. Ну что же. Скудные пожитки собраны, сейф вычищен начисто, уничтожены все следы нашего пребывания. Оставалось только ждать, поглядывая на часы.

И тут раздался сигнал. Мы вскочили на ноги, радостно улыбаясь. Я отключил звук, а Слон распахнул дверь в холодильник. Когда в наружной двери повернулся ключ, мы закрыли дверь за собой. И стояли, ежась, в этом максвиновском склепе, слушая, как механик расхаживает по покинутому нами помещению.

— Слышите? — тихо спросил я. — Он ремонтирует холодильник возле аппарата с шерри. Не правда ли, довольно смешно?

— Я бы предпочел не обсуждать гастрономические темы, — поморщился Слон. — Кстати, не пора ли выходить?

— Пора. — Я отворил дверь на улицу и с непривычки зажмурился. Улица была пуста, не считая, конечно, служебного максвиновского фургона.

— Нам туда.

Мы выбрались наружу, и я закрыл дверь за собой. Уф, воздух был сладок, свеж, и даже то, что тут немного повонивало какой-то тухлятиной, казалось очень милым — я уже просто озверел от вечного однообразия максвиновских ароматов. Слон заторопился к фургону, а я пока аккуратно, двумя клинышками, заблокировал двери нашего павильона гастрономических

ужасов. Если механику вздумается выйти раньше, чем ему положено, это его слегка притормозит. А нам-то и нужно всего минут пятнадцать.

По части отмычек и замков Слон оказался докой, так что, когда я отошел от двери, фургон был уже отворен. Он залез внутрь, я сел за руль и завел мотор.

Дальнейшее было весьма прозаично. Слона я оставил неподалеку от бухточки, приглядывать за нашими пожитками, а сам отправился парковать похищенный фургон у ближайшего магазина. Потом, медленным шагом, вернулся на набережную.

— Наш катер вот тот — белый, — показал я, другой рукой одновременно проверяя, хорошо ли держатся мои усы. — Причал полностью автоматизирован. Сейчас я его подгоню.

— Итак, круиз начинается, — сказал он с веселым огоньком в глазах.

Я направился к причалу и вставил идентификационную карточку катера в щелку контроллера.

— Доброе утро, — раздался милый металлический голосок. — Вы идете на катер «Лаки Бакс». За подзарядку батарей с вас причитается двенадцать долларов. За судовой припас...

Он монотонно бубнил свою информацию, которую и так было видно на терминальчике, и ничего тут не поделать. Я переминался с ноги на ногу, наконец тот замолк, и я смог бросить монетки. Автомат заурчал и выплюнул обратно мой пропуск. Не спеша я подошел к катеру, вставил пропуск в замок и подождал, пока можно будет войти внутрь. Вскоре вышел в реку и направил катерок к одинокой фигурке на берегу.

Только в том-то все и дело, что не одинокой! Рядом со Слоном на лавочке восседала какая-то девица.

Я знай себе кружил и кружил по реке, а она не уходила. Слон сидел расслабленно и не подавал мне никаких знаков. Я сделал еще один круг и, завидя вдали патрульную полицейскую машину, счел за лучшее направиться к берегу. И тут девушка вскочила с лавочки и радостно кинулась ко мне.

— Да ведь это же Джимми ди Гриз! Какая приятная встреча!

Глава 16

Да, у жизни в запасе всегда найдется какой-нибудь сюрприз. Что поделаешь, подогнал катерок к причалу и пригляделся к девице повнимательней. В конце концов, если она меня знает, то и я должен ее знать. М-да, ничего себе: куколка, рубашечка красиво

топорщится, губки словно лепестки роз, нет сомнения — это воплощение моей мечты.

— Это ты, Бет? Бет Наратин?

— Как это мило с твоей стороны — вспомнить меня!

Я был готов выскочить с чалкой на берег, но она выхватила у меня канат и накинула его на кнехт. За ее плечом промелькнула патрульная машина, мелькнула и отправилась патрулировать дальше. Когда она заговорила, Слон поднял глаза к небу.

— А я вот шла-шла и вдруг гляжу — да кто же это?! Нет, Бет, сказала я себе, не может быть, чтобы это был Джимми. С чего бы это ему вылезать из максвиновского фургончика, да еще в таких усищах? Джимми теперь знаменитость, его все время по телевизору крутят, нет, просто не верится. А потом я подумала — а вдруг это все-таки он? Почему бы тогда нам не повидаться?! Я за тобой чуточку подсмотрела, вижу — ты поговорил с этим приятным джентльменом — и решила дождаться тебя тут. Хотите по речке покататься, да?

— Да, в общем-то... Но скорее не прокатиться, а прогуляться. Денек-другой. Рад был тебя повидать, Бет.

Да, только это приятно и было — повидать. Как-никак, предмет детского поклонения. Я помнил ее по школе, и забыть ее было трудно. Она была на четыре года меня старше, так что теперь рядом с нами сидела вполне зрелая женщина. Теперь ей, стало быть, двадцать один. А в своем классе она была лидером, королевой красоты школы в год ее выпуска. И по справедливости, надо отметить. Да и теперь выглядит вовсе не плохо. Ее голос будил во мне массу воспоминаний.

— Джимми, ну что же ты врешь... У вас столько вещей, что мне кажется — вы надолго. И знаешь, я тебя понимаю. На твоем месте я бы тоже отправилась куда подальше.

Последние слова она произнесла чуточку другим тоном. На что это она намекает? Задерживаться мы не могли. А ее намерения стали вполне понятными, когда она спрыгнула на борт и принялась раскачивать катерок.

— Лишнее местечко всегда найдется! — жизнерадостно крикнула она и примостилась на носу. Я вышел на пирс и взял вещи.

— Она узнала меня, — шепнул я Слону. — Что будем делать?

— А что мы тут можем поделать? — вздохнул он в ответ. — Разберемся по дороге. Выбора-то никакого.

Что правда, то правда. Я вручил ему пожитки, а сам принялся распутывать мертвый узел, который она мимоходом завязала. Развязал, оттолкнул наш «Лаки Бакс» ногой и прыгнул на палубу. Слон поволок вещи в каюту, а я встал за штурвал, запустил двигатель, и мы пошли вниз по реке. Подальше от Биллвилла, Максвина и закона.

Но только не от Бет. Она разлеглась на палубе прямо передо мной, юбчонка задралась так, что мне оставалось только любоваться ее стройными ножками. Что я и делал. Видимо почувствовав это, она повернулась назад, взглянула на меня и одарила понимающей улыбкой. А я-то, помнится, собирался на катерке преобразиться в девушку. Вот потеха-то...

— Ладно, Бет, выкладывай, — пробурчал я, с трудом переводя взгляд с ее ножек на речные просторы. Впрочем, я начинал сердиться.

— Что ты имеешь в виду, милый?

— А вот этого не надо. Ты сказала, что смотрела все последние новости. Стало быть — все про меня знаешь.

— Конечно. Ты взял банк и бежал из тюрьмы. Но знаешь, меня это особенно не волнует. У каждого свои проблемы, так что у меня — тоже. Но когда я увидела тебя и этот катер, то поняла, что деньги у тебя есть. Много денег, наверное. И решила к тебе присоединиться, а что?

Я мучительно старался думать не о ее ногах, а о деле. Она была помехой.

— Да, у меня отложено немного денег. Я могу дать тебе часть и высажу на берег...

— Спасибо, милый. Но только за деньги. Знаешь, берег исключается. Надоел мне этот Биллвилл. Я мир посмотреть хочу. А ты мне это путешествие оплатишь.

Она перевернулась на спину и стала улыбаться солнышку. Я мрачно прикидывал, что трех-четырех ударов вполне хватит, чтобы свернуть эту чудную шейку к чертовой матери.

Безо всяких шуток. Какие уж тут шутки! Проблему надо решать по возможности без шума. Мы летели вперед, вода за кормой распадалась на два пенных вала, Биллвилл остался позади, за изгибом реки открывались зеленые просторы полей. Слон выбрался на палубу и присел рядом со мной. Говорить в ее присутствии, понятное дело, было особенно не о чем.

Так, в молчании, мы провели почти час, и тут впереди показалась пристань у прибрежного магазинчика. Бет зашевелилась и села, ероша пальчиками свои роскошные светлые волосы.

— Знаешь, Джимми, я проголодалась. А вы, наверное, тоже. Почему бы нам здесь не пристать, а я сбегаю и куплю пива и чего-нибудь поесть. Годится?

— Вполне, — согласился я. Она сходит на берег, мы на максимальной скорости скрываемся в туманной дали.

— Но я на мели, — улыбнулась она. — Совсем-совсем. Так что, если хотите есть, дайте мне немного денег. Тысячи, полагаю, хватит.

Произнесено это было с таким невинным выражением на мордашке, что я задумался — а что у нее самой за проблемы? Судя по всему — вымогательство и шантаж: все данные для этого у нее были налицо. Пришлось вытащить бумажник.

— Прекрасно, — сообщила она, пересчитывая бумажки в пачке. Глазки ее при этом так и горели. — Я мигом обернусь. Я просто уверена, что вы меня дождетесь. Джимми, ты и твой приятель и соскучиться не успеете. Кстати, а его в программе новостей я видеть не могла?

Я проводил ее весьма выразительным взглядом почти до магазина. Ничего не скажешь, покачивания ее бедер были в самом деле замечательны.

— Живьем шкуру спускает, — пробурчал Слон.

— Угу. Спускает и сушиться вешает. Что делать?

— Пока только то, что она сказала. Убивать нельзя, так что выбирать не приходится. Да и не люблю я убийство как метод.

— И я не люблю. Хотя, честно говоря, очень уж хочется. Впервые в жизни.

— А что тебе о ней известно?

— Да почти ничего. Со школьных времен мы не встречались. Она сказала, что у нее какие-то проблемы, но что это означает?

Он задумчиво кивнул.

— Как только подвернется случай, я доберусь до компьютера. Выясню, не проходит ли она по полицейским спискам.

— А что это нам даст?

— Пока не знаю, мой мальчик. Но проверить надо. А пока придется смириться с имеющейся ситуацией. Хоть кошмары свиного дворца позади, да и преследователи тоже. Пока это созданьице намерено высасывать из нас деньги, мы в безопасности. Временно. Как бы то ни было, она все же украшение компании.

Возразить было нечего, оставалось сидеть и угрюмо ждать, когда вернется непрошеная гостья.

После ленча мы продолжили наше путешествие. Утомившись от солнечных ванн, Бет спустилась вниз, вздремнуть. Слон захотел постоять у штурвала, я объяснил ему все нехитрые премудрости управления и указал навигационные знаки. Говорить нам было почти не о чем. Но было о чем подумать.

Предмет наших дум объявился на палубе после полудня.

— Чудненькое суденышко, — сказала она. — Отличная спаленка, кухонька и все остальное. Вот только там всего две кроватки. Как же мы разместимся?

— В очередь, — буркнул я, ее голосок уже начинал действовать мне на нервы.

— Джимми, ты всегда был пошляком... Я думаю, что лучше всего мне спать внизу. А вы с приятелем чуточку потерпите. На палубе.

— Потерпеть, юная леди?! В мои-то годы торчать среди ночного тумана?

Слон с трудом сдерживал гнев, а ее улыбка сияла как ни в чем не бывало.

— Ну что вы, — ответила она. — Уверена, вы что-нибудь да придумаете. А теперь я бы хотела сделать остановку в следующем городке. Знаете, все произошло так быстро, что я не успела собраться. Представляете, я оставила дома всю одежду и косметику.

— И что, тебе опять хватит парочки долларов? — осведомился я, просто так — чтобы разговор поддержать.

— Ну, думаю, еще одной тысчонки мне хватит.

— Пойду-ка я вниз, — сказал Слон и больше на палубе не появлялся, пока я не пришвартовался и леди не ушла. Он вынес две банки пива, я взял свою и сделал порядочный глоток.

— Убийство исключается, — твердо сказал он.

— Совершенно исключается, — хмуро согласился я. — Но мы можем насладиться хотя бы мыслями о нем.

— Просто поднять якорь и уплыть — нельзя. Она немедленно сдаст нас полиции и оторвет неплохое вознаграждение. Нам надо шевелить мозгами быстрей, чем она. К нам она попала случайно, это ясно. Денежки любит, так что давать ей их придется. А потом она решит, что вытянула из нас уже все, что можно, и сдаст полиции. На судне карта есть?

Было видно, что его мощный ум заработал на полные обороты. Без лишних слов я спустился вниз и принес карту. Он провел по ней пальцем.

— Мы, кажется, теперь вот тут. А ниже по течению, вот здесь — находится шумный городишко Валлс Халла. Когда мы будем там?

Я прикинул масштаб и замерил расстояние пальцами.

— Если пораньше тронемся, то, думаю, завтра к полудню.

Его лицо озарила такая широкая улыбка, что глаза сузились в щелки.

— Прекрасно, просто замечательно. Все складывается как нельзя лучше.

— Что складывается?

— Мои планы. О них я пока умолчу, нужно продумать некоторые детали. Когда она вернется, то все, что ты должен делать, это мне поддакивать. Теперь обратимся к бытовой стороне дела. Где мы будем спать ночью?

— На берегу, — ответил я, направляясь вниз. — Пока наша подружка еще не вытянула из наших карманов все, я пойду и куплю палатку и прочую чепуху.

— Отлично. Я останусь тут на страже и займусь деталями планов, пока ты не вернешься.

Я купил туристское снаряжение, отбивных и небольшой коллекционный набор изысканных вин. После максвиновского рациона хотелось разнообразия. Солнце клонилось к горизонту, я привязал катер к берегу на краю зелененького лужка — там мы могли разбить палатку. Склонившись над мясом, Слон причмокнул и объявил, что обед приготовит сам. Пока он хлопотал возле плитки, а Бет полировала ногти, я устроил жилье. За трапезу мы сели, когда солнце повисло над горизонтом, словно оранжевый шар. Это было великолепно. Никто не проронил ни слова, пока обед не закончился. Проглотив последний кусочек, Слон вздохнул, поднял бокал, пригубил и снова испустил вздох насытившегося человека,

— Хвалить себя нехорошо, но должен отметить, что уровень был высочайшим, — отметил он.

— Да, к тому же изо рта наконец-то исчез этот свинобразий привкус, — согласился я.

— Не нравится мне ваше вино. Гадость.

В темноте виднелся только силуэт девушки. Голосок, лишившийся шикарного телесного обрамления, оставлял желать лучшего, как, впрочем, и само содержание речи. Тем не менее, когда Слон заговорил с ней, в его голосе не было ни единой нотки раздражения.

— Бет! Вы позволите мне называть вас так? Спасибо. Так вот, Бет, завтра мы будем в Валлс Халла, там мне придется сойти на берег, чтобы связаться со своим банком. Наши сбережения подходят к концу. А ты ведь не хочешь, чтобы у нас кончились деньги, не правда ли?

— Конечно, нет.

— Так я и думал. А что ты скажешь, если я принесу тебе из банка сотню тысяч долларов в маленьких купюрах?

Раздался ее изумленный вздох. Она нашарила рукой выключатель, и на катере вспыхнули ходовые огни. Впервые утратив душевное равновесие, она уставилась на Слона, совершенно изумленная.

— Что за игры, дядя?

— Никаких игр, милая Бет. Я просто хочу оплатить нашу безопасность. Тебе известны определенные вещи, о которых вслух лучше не говорить. Мне кажется, что это достаточная сумма за твое молчание. А ты как считаешь?

Она заколебалась. Затем — расхохоталась.

— Конечно, да. Дайте мне только взглянуть на эти денежки — и путешествуйте себе дальше без вашей маленькой бедняжки.

— Договорились, моя дорогая, договорились.

Больше на эту тему мы не говорили, да вскоре и отправились спать. День выдался трудным для всех нас. Бет осталась на катере, а мы спустились к палатке. Я еще сходил к катеру и установил сигнализацию — чтобы катер не унесло ночью, и когда вернулся, Слон уже храпел вовсю. Перед тем как уснуть, я понял, что впереди у нас еще один день свободы — прежде чем Бет задумает обратиться в полицию. Пока она ждет денег, и это заставляет ее молчать. Уже в полудреме я понял, что этого-то Слон и добивался.

Несмотря на все протесты Бет, вниз по реке мы двинулись через час после рассвета. Она вышла на палубу позже, хмурая, но вскоре ее настроение улучшилось после того, как Слон рассказал ей, как, ничего не тратя, разместить капитал, чтобы он приносил приличный доход. Коснулся темы покупок, объяснил, какие вещи станут ей доступны уже сегодня вечером, и околдовал ее, как удав кролика. В его игре я не понимал решительно ничего, но получал от нее огромное наслаждение.

В полдень я пришвартовался к причалу на канале, который разрезал Валлс Халла надвое. Центр города был неподалеку. Слон выглядел солидно: борода расчесана, усы подкручены. Он был собран и деловит.

— Много времени это не потребует, — сообщил он и удалился.

Бет посмотрела ему вслед, дрожа от нетерпения.

— А он что, и впрямь тот самый Слон? — спросила она, едва тот исчез из вида.

— Не знаю.

— Да ладно чепуху молоть. По тривизору была передача о том, как его вычислил один коротышка с усами. Ну вылитый ты.

— Не я один на свете с усами.

— Нет, никогда бы я тогда, в школе, не подумала, что ты кончишь именно так.

— Взаимно. Я восторгался тобой на расстоянии.

— Ну да, как и всякий подросточек. Думаешь, я не знала? Мы с девчонками над этим хихикали, да ты представь, учителя, ведь и те туда же...

Умолкнув, она кинула в мою сторону сердитый взгляд, на что я мило улыбнулся и пошел вниз — мыть посуду, поскольку этой работы подружка старательно избегала. Мне оставалось домыть всего ничего, когда с берега донесся крик.

— Эй, на катере! Позвольте взойти!

На причале стоял Слон, сияющий и великолепный. Его новый костюм, похоже, обошелся в целое состояние. Чемодан, который он держал в руке, был из настоящей кожи, весь украшенный какими-то сияющими золотыми штуковинами. Глаза у Бет сделались как блюдца. Слон взобрался на борт и заговорщически подмигнул нам.

— Лучше спуститься вниз. Всему миру вовсе не обязательно знать, что в этом чемодане.

Бет пошла первой. Слон прижимал чемодан к груди, пока я закрывал дверь. Затем смахнул со стола бумаги, положил чемодан и медленно открыл крышку.

Даже я оторопел. Тут было куда больше ста тысяч долларов. Бет уставилась на деньги, протянула руку и взяла пачку тысячедолларовых банкнот.

— Настоящие? Они настоящие? — спросила она.

— Прямо из хранилища. Лично проверил.

Оставив ее любоваться денежками, Слон повернулся ко мне:

— А теперь, Джим, не окажешь ли ты мне маленькую услугу? Найди веревку, что ли, или бечевку. Ну, сам сообрази. Кроме того, хотелось, чтобы было тихо, когда ты будешь связывать эту маленькую паршивку.

Я этого ожидал — в отличие от нее. Ее ротик еще только раскрывался для крика, а я уже схватил ее за горло и сильно надавил чуть пониже ушей.

Глава 17

С жестоким наслаждением я разодрал одно из одеял на полосы, связал нежные запястья Бет и не менее нежные лодыжки. Рот мне удалось залепить пластырем. Как раз в тот момент, когда она очнулась и собралась закричать. Не получилось.

— А дышать она сможет? — деловито осведомился Слон.

— А то?! Взгляните только, как в глазах ее сверкает ярость и как гнев вздымает прекрасную грудь. Разумеется, она прекрасно может дышать — через нос. Только объясните мне, что все это значит и что мы делаем дальше.

— На палубе, если ты не против.

Прежде чем заговорить, он подождал, пока дверь за нами будет плотно прикрыта.

— Наши неприятности позади, мой мальчик, — начал он, радостно потирая руки. — Я понял это, лишь взглянув на карту. Во-первых, в этом городе есть банк, филиал Галактик Траст, в котором у меня имеется счет, и, как я убедился, весьма внушительный. Второй факт, достойный интереса, состоит в том, что в городе есть космопорт.

Несколько мгновений я не понимал ничего. Кажется, я пытался сложить вместе оба факта. Один плюс один равняется двум. Неплохо. И тут моя челюсть отвисла...

— Вы хотите сказать, что нам... что мы покидаем планету?

Он ухмыльнулся и кивнул.

— Именно. Этот маленький мир стал слишком тесен для нас. Пришло время отряхнуть пыль Райского Уголка с наших ног и удалиться от него на парочку световых лет. Ты, помнится, говорил, что хотел бы попутешествовать?

— Да, но контроль... Инспекция, полиция и прочее такое?

— Разумеется. Но таможню и иммиграционную службу можно обойти. И я знаю, как именно. Прежде чем решиться на этот план, я выяснил, какие корабли нынче есть в порту. Утром, когда я сходил с катера, я еще ничего толком не знал. Мне хотелось лишь достать денег и стреножить девчонку. И посмотреть косморасписание. Но судьба к нам благоволит. В порту готовится к вылету грузовик с Вении, отправка — рано утром. Это ли не чудно?!

— Наверное. Но, если бы я еще понимал, что тут к чему...

— Джим, у тебя страшно запущено образование. Мне казалось, что любой школьник знает, насколько продажны венианцы. Они же просто сущее наказание для полиметристов Галактической Лиги. Совершенно неисправимы. Девиз Вении — La regloj c'iam sansiligas. Что приблизительно переводится так: закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Или, одновременно: не подмажешь — не поедешь. Хотя нельзя сказать, что Вения — мир преступников. Нет, это скорее планета чудаков.

— Звучит интригующе, — согласился я. — И что же вы предприняли?

— Пока ничего. Но, думаю, в космопорте все уладится.

— Ну, наверное.

Я был далек от энтузиазма. План выглядел слепленным на скорую руку, и в нем была куча изъянов.

— А что делать с девушкой?

— А ничего. Мы оставим сообщение полиции, пошлем по электронной почте с указанием доставить его после нашего отлета. Сообщим место, где ее найти.

— Но оно не должно быть слишком оживленным. Ниже по течению есть автоматизированная пристань. Я там причалю где-нибудь с краю.

— Отлично. Расскажи мне, как туда добраться, и я отправлюсь в космопорт. Встретимся в 23. 00.

— Согласен.

Я поглядел ему вслед, завел мотор, развернулся и отправился к пристани. Добрался туда уже почти в полной темноте. Пристань заливал яркий свет, и канал просматривался великолепно. Большинство суденышек были отшвартованы ближе к берегу, что мне было вполне на руку. Я выбрал самую дальнюю стоянку, пришвартовался и спустился в каюту. Включил свет. Меня встретил ненавидящий взгляд прелестных глаз. Прикрыл дверь и уселся на койку напротив Бет.

— Я хочу поболтать с тобой. Послушай, ты обещаешь не орать, если я отлеплю пластырь? Мы все равно довольно далеко от города, и тут тебя никто не услышит. Договорились?

Она нехотя кивнула. Я отклеил пластырь и едва успел отдернуть пальцы от ее щелкнувших зубов.

— Я тебя убью, зарежу, растопчу...

— Ну ладно, ладно. Согласись, из нас двоих это могу сделать скорее я. Так что лучше заткнись.

Она замолкла. Кажется, наконец она осознала свое положение, поскольку в глазах теперь был скорее страх, чем ненависть. Не могу я терроризировать беззащитных девушек, но она же первая начала. В общем, теперь она была готова слушать.

— Тебе, наверное, неудобно. Полежи спокойно, я тебя развяжу.

Едва я освободил ее руки, она попыталась вцепиться ногтями в мое лицо. Этого я ожидал, так что она вновь оказалась без чувств на своей койке.

— Ну, не надо глупостей, — попросил я. — А то опять свяжу и залеплю рот пластырем. Не забывай, ты же сама во всем виновата.

— Ты бандит, вор. Погоди, доберется до тебя полиция...

— Ну а ты — маленькая шантажистка. Давай-ка не будем ругаться и поговорим по душам. Что нам делать с тобой дальше? Мы, видимо, оставим тебя на катере, полиции будет сообщено, где ты, лишь когда мы окажемся достаточно далеко отсюда. Я уверен, тебе найдется, что им рассказать. Тут ходит линер и есть магистраль. Нас ты больше не увидишь, да и они, думаю, тоже.

— Я хочу пить.

— Сейчас принесу тебе что-нибудь.

Ну конечно, она немедленно попыталась прорваться к дверям. И снова решила выцарапать мне глаза, едва я повернулся к ней спиной. Разумеется, этого я не допустил. Чувства ее понять можно, но она могла бы и воздержаться выражать их столь назойливо.

Время тянулось медленно. Ничего особо интересного она мне рассказать не могла, да и я ей тоже. Прошло несколько унылых часов, наконец катер качнулся — кто-то на него спрыгнул. Я тут же кинулся к ее кровати, но девчонка все же успела пронзительно взвизгнуть, прежде чем я в очередной раз отключил у нее звук. Дверная ручка щелкнула и повернулась.

— Кто там? — крикнул я, принимая боевую стойку.

— Не чужие, уж поверьте, — донесся знакомый голос.

С облегчением я открыл дверь.

— Она слышит? — осведомился он, кинув взгляд на безмолвную фигуру, распростертую на койке.

— Возможно. Сейчас я проведу профилактику и выйду на палубу.

Он вышел первым, а когда на палубе появился я, ночное небо осветила яркая вспышка и вверх ушла светящаяся точка.

— Добрый знак, — заметил Слон. — Пошел в глубокий космос. Ну, все готово. Сейчас важно все делать быстро и, я полагаю, надо брать вещички и трогаться.

— А на чем?

— Я взял напрокат машину.

— Ее же выследят.

— Надеюсь. Бюро проката находится на линер-станции. Билеты я взял. Ты доволен?

— Да, я упомянул линер, болтая с нашей подружкой.

— Два великих ума всегда смогут работать как один. Я сейчас спущусь вниз и для надежности выроню билеты так, чтобы она это заметила. Все равно надо спускаться, чтобы собрать вещи.

И проделал он это, надо сказать, виртуозно: я просто заметить не успел, как голубенькие билеты на линер выпали на одеяло. Выпали из кармана сами по себе, без помощи рук. Высокий

класс! Со сборами мы обернулись быстро и пошли прочь. В дверях я не удержался и послал Бет воздушный поцелуй. В ответ, разумеется, получил яростный взгляд и глухое рычание. Хотя, если подумать, ей грех жаловаться: пару тысчонок она у нас все же умыкнула.

Мы сдали машину на станции и добрались до линера. Подождали, пока он уйдет, и никем не замеченные отправились в космопорт. Только при виде залитого светом борта корабля я осознал: вот он — момент воплощения всех моих планов и усилий.

Да, я оставляю планету! Одно дело — смотреть космооперы и совсем другое — отправиться в пространство. Я покрылся гусиной кожей: нет, это просто замечательно! Новая жизнь будет прекрасной!

— Пошли в бар, — скомандовал Слон. — Наш человек уже там.

Худой человек в замызганном комбинезоне, казалось, уже собирался уходить, но, увидев Слона, вновь опустился на место.

— Vi estas malfurua![1] — сердито начал он.

— Vere — sed me havas la monon[2], — ответил Слон, извлекая приличную пачечку банкнот, при виде которой наш собеседник мигом угомонился. Деньги поменяли хозяина, далее последовал краткий обмен репликами, и следом за первой в недрах комбинезона исчезла и вторая пачечка. Довольный космолетчик повел нас в сторону служебного фургона, в который мы и забрались. Дверь захлопнулась, и в полной темноте мы отправились в путь.

Вот уж приключение! Мимо грохотали невидимые нам машины, раздавались странные скрипящие звуки, затем послышалось громкое шипение, будто мы ехали внутри гигантской змеи. Вскоре фургон остановился, наш провожатый вышел и отворил дверь. Я выбрался первым и обнаружил, что стою у подножия пандуса, ведущего к корпусу несколько обшарпанного корабля.

А рядышком, уставившись прямехонько на меня, стоял охранник.

Ну вот и приехали. Приключение окончилось, не успев начаться. Что делать? Бежать? Нет, нельзя оставлять Слона. Пока я тупо соображал, Слон спокойненько обошел меня и не спеша направился к охраннику.

И сунул ему пачку банкнот.

Тот еще пересчитывал купюры, а мы уже топали по пандусу, торопясь за нашим космонавтом и волоча сумки с багажом.

[1] Вы опоздали! *(эсперанто).*

[2] Верно, но у меня есть деньги (эсперанто).

— Eniru, rapide![1] — приказал провожатый, распахнув дверь в отсек. Дверь захлопнулась, и мы оказались в полной темноте.

— Тихая гавань, — вздохнул Слон и начал шарить руками по стене в поисках выключателя. Наконец свет вспыхнул. Мы находились в крохотной каюте с двумя узкими кроватями и микроскопической душевой. Весьма уныло.

— Милый домашний уют, — почти проворковал Слон, озираясь вокруг с благодушной улыбкой. — Нам придется провести здесь по меньшей мере два дня. Так что давай-ка спрячем пока свои пожитки. А не то капитан примется на нас наезжать и сумму взятки придется удвоить.

— Что-то я не вполне понимаю. Вы разве еще не заплатили?

— Да нет, это были только первые взносы. Взятками не делятся, чтобы ты знал. Искусство давать взятку — весьма тонкое. Космонавт получил за то, что довел нас до корабля в обход наземных служб и устроил так, что на посту окажется охранник, который возьмет с нас свою долю. А офицеры на корабле о нашем присутствии пока не подозревают — в частности, капитан, которому причитается самый большой куш. Ты все это увидишь собственными глазами.

— Да, не помешало бы. И вправду, это сложная наука.

— Да, вот именно.

— Ну, вам хорошо — вы знаете их язык и можете договориться.

Тут брови Слона поползли вверх от удивления.

— Так ты что же, нас не понимал?

— Нет, я в школе иностранного языка так и не выучил. Ни одного.

— Иностранного?! — Слон, казалось, был просто потрясен. — Ну, ты, верно, вырос в самом глухом углу этой поросячьей планеты! Это же не *иностранный,* милый мой! Это эсперанто, межгалактический язык, очень простой, и его все знают с детства и говорят на нем как на родном. Твое образование в катастрофическом состоянии, но делу можно помочь. Ты сможешь заговорить на нем еще до того, как мы приземлимся. Для начала запомни, что все глаголы настоящего времени всегда оканчиваются на as...

Он умолк, потому что кто-то дернул дверную ручку. Слон приложил палец к губам и указал мне кивком на душевую. Я нырнул туда и включил свет, он тут же погасил свет в каюте. Протиснулся ко мне, и я погасил свет и в душевой. Слон закрыл дверь, едва только стала открываться дверь в коридор.

В каюте послышались шаги, затем негромкий свист. Простая проверка, ничего страшного, сейчас он уйдет...

[1] Заходите, скорее! (эсперанто).

Но дверь в душевую распахнулась. Вспыхнул свет. С головы до ног расшитый золотом офицер глянул на Слона, забившегося в душевую кабинку, на меня, примостившегося на умывальнике, и премерзко ухмыльнулся.

— То-то мне почудилось, будто внизу кто-то возится. Безбилетники!

И в его руке появился маленький пистолетик.

— А ну вылезайте. Сейчас вы сойдете на землю, а я вызову местную полицию.

Глава 18

Наклонившись вперед, я перенес вес тела на левую ногу, напряг мышцы. Пусть только Слон отвлечет внимание офицера, и я кинусь в атаку. Ходить с голыми руками против пистолета — удовольствие сомнительное, но и возвращаться в тюрьму хотелось не слишком. Слон, похоже, мои намерения понял и предостерегающе поднял руку.

— Погоди, Джеймс, не будем торопиться. Ты отдохни пока, а я переговорю с господином офицером.

Его рука медленно скользнула в карман и извлекла оттуда тонкую пачку кредиток.

— Это аванс за маленькую услугу, — сказал Слон, передавая бумажки офицеру, схватившему пачку обеими руками. Ему это удалось без труда, поскольку пистолет успел уже где-то исчезнуть — так же быстро, как и появился. Пока Слон начинал свою речь, офицер быстренько пересчитал деньги.

— Услуга, о которой мы вас просим, состоит всего-навсего в том, что вы нас не обнаружите в течение двух дней. Такую же сумму вы получите завтра, и еще раз мы вам заплатим, когда вы нас обнаружите и поведете к капитану. Послезавтра.

Деньги исчезли, и вместо них в руке офицера снова появился пистолет — просто фокусник какой-то, я так и не заметил движения его рук. Мог бы на сцене выступать.

— А мне кажется, — медленно начал офицер, — что лучше будет, если я заберу все деньги, которые у вас при себе и спрятаны в чемоданах. Деньги заберу, а вас отведу к капитану.

— Да ну... — поморщился Слон. — Я же расскажу капитану, сколько именно вы взяли, и он все отберет, а вам не останется ничего. Да, еще я сообщу, кто из остальной команды также был подкуплен, у них тоже отберут деньги, и не думаю, что это прибавит вам популярности на корабле. Не правда ли?

— Пожалуй, в ваших словах есть доля истины. — Офицер задумчиво почесал щеку, пистолет опять куда-то пропал. — Если бы немного прибавить, тогда, возможно...

— Не более десяти процентов, — Слон был строг, но прибавку выплатил. — До завтра. Закройте, пожалуйста, за собой дверь.

— Разумеется. Приятного путешествия.

С этими словами он вышел, я выбрался из душевой, схватил Слона за руку и пожал ее.

— Поздравляю, сэр. Это было просто великолепно! Я даже не подозревал, что это искусство может достигать подобных высот.

— Благодарю тебя, мой мальчик. Думаю, ты усвоил основные правила. Конечно, он и не собирался выкидывать нас с корабля. В его словах крылось лишь коммерческое предложение. Я его принял, он поднял цену, я согласился и закрыл торг. Он знал, что больше из меня выжать невозможно, потому что мне предстоит еще расплачиваться с капитаном. Разумеется, без лишних слов он сообразил, что капитан ничего не узнает о полученной им взятке. Все по правилам...

Его слова были прерваны громким сигналом в коридоре, над дверью замигала красная лампочка.

— Что-то случилось?

— Наоборот. Мы стартуем. Думаю, лучше нам прилечь, а то эти древние колымаги при старте идут с диким ускорением. Ну что же, еще несколько минут — и этот убогий Райский Уголок простится с нами. Надеюсь, навсегда. Эта ужасная тюрьма, свинячья пища...

Его слова потонули в нарастающем гуле, койки задрожали. На грудь навалились стартовые перегрузки. Ну прямо как в кино — только в действительности все оказалось куда более впечатляющим. Вот оно! Стартовали! Какие радости ждут нас впереди...

Но еще весьма далеко впереди. Матрац был тонкий, спину ломило от перегрузок. Несколько раз мы проходили через невесомость, опять перегрузки, и наконец установилась нормальная искусственная гравитация. Или почти нормальная. Время от времени там что-то сбоило, и сила тяжести прыгала вверх-вниз. А вместе с ней и мой желудок. Так что это даже к лучшему, что в нем давненько не было никакой пищи. Из всего провианта у нас была лишь затхлая, отдающая ржавчиной вода. Так и летели. Офицер был подкуплен, никто к нам не заходил, я валялся на койке и старательно изучал эсперанто. Через двое суток гравитация наконец стабилизировалась, и ко мне немедленно вернулся аппетит. Оставалось ожидать, когда нас обнаружат, сдерут взятку — и накормят.

— Безбилетники! — охнул, распахнув дверь, наш знакомый офицер и в ужасе отшатнулся от такой отвратительной картины. Видимо, он разыгрывал пришедшую вместе с ним проводницу. — Ужасно! Неслыханно! А ну, быстро поднимайтесь и следуйте за мной. Капитан Гарт с вами разберется.

Представление вышло вполне убедительным, разве что впечатление несколько смазала рука офицера, протянувшаяся за деньгами сразу, как только отвернулась проводница. Той, кстати, вся эта комедия была явно скучна. Надо полагать, она была в доле.

Мы вышли, миновали коридор и поднялись на три пролета по металлической лестнице. И оказались на мостике. Ну хоть капитан был шокирован, увидев нас, — похоже, он был единственным на корабле, кому не было известно о нашем существовании.

— Разрази меня гром — откуда вы взялись?

— Из пустой каюты на палубе С.

— Но вы были обязаны проверить эти каюты! — Капитан обернулся к нашему знакомцу.

— Я проверил, капитан, и это записано в бортжурнале. За час до старта. А после этого я был с вами на мостике. Видимо, в это время они на борт и проникли.

— Кому вы дали взятку? — Капитан обернулся к нам: старый и седой космический волк смерил нас недобрым взглядом.

— Никому, капитан, — ответил Слон глубоко порядочным голосом. — Старые грузовозы типа Рейти я знаю очень хорошо. Перед самым стартом охранник зашел внутрь корабля. Мы незаметно проследовали за ним и спрятались в каюте.

— Не верю ни единому слову. Говорите, кого вы подкупили, или отправитесь в карцер.

— О, капитан! Ваш экипаж совершенно неподкупен и взяток не берет! — Недоверчивое фырканье капитана Слон просто игнорировал. — И у меня есть тому доказательства. Все мое скромное состояние в целости и полной сохранности. Вот в этом кармане.

— Выйдите! — немедленно приказал капитан остальным. — Всем выйти! Я принимаю вахту. Заодно допрошу эту парочку более подробно.

Члены команды и офицер с безразличными лицами вышли из рубки. Когда помещение опустело, капитан резко обернулся в нашу сторону:

— Давайте.

Слон вручил ему довольно скромную сумму, капитан пересчитал деньги и тряхнул головой.

— Маловато будет.

— Разумеется, — кивнул Слон. — Это только первый взнос. Остальное вы получите после посадки на какой-нибудь приятной планетке с ленивыми таможенниками.

— Вы хотите слишком многого. У меня нет никакого желания нарываться на неприятности с местными властями за нелегальный ввоз иммигрантов. И потом, мне куда легче сначала избавить вас от денег, а затем — избавиться от вас.

Этот сильный ход не произвел на Слона решительно никакого впечатления. Он похлопал по карману и покачал головой.

— Это невозможно. Окончательный расчет — этим чеком Галактического банка на двести тысяч. Он недействителен, пока я не поставлю на нем свою подпись. Вторую подпись. А я даже под пыткой не подпишу его прежде, чем мы ступим на твердую землю.

Капитан выразительно пожал плечами и отвернулся к пульту. Там он пощелкал какими-то, вряд ли особенно важными, кнопками и снова обернулся к нам.

— Но вы должны оплатить питание, — вполне миролюбиво сообщил он.

— Разумеется. Давайте условимся о цене.

Казалось, что все наконец улажено, но в коридоре Слон шепнул мне на ухо:

— Каюта, несомненно, прослушивается. Наш багаж проверен. Все деньги при мне. На всякий случай постоянно держись рядом. Этот офицер, например, может весьма профессионально обчистить карманы. А теперь, может, нам слегка подкрепиться, как ты считаешь? Раз уж за все заплачено, то не закончить ли нам вынужденный пост роскошным пиром?

Мой желудок радостно забурчал, соглашаясь с этим предложением, и мы двинулись на камбуз. Пассажиров на корабле не было, так что толстый и небритый кок подавал только венианскую пищу. А это... Ну, наверное, аборигенам не привыкать, зато остальным... Вы когда-нибудь ели, одновременно зажимая себе нос? Что именно мы едим — повара я не спрашивал. Боялся, что он объяснит. Тяжело вздохнув, Слон приступил к еде.

— Да, об одной детали венианской жизни я забыл совершенно, — сказал он мрачно. — О еде. Избирательность памяти подвела. Хотя, что ж тут странного — кто и когда захочет вспоминать такой вот пир.

Я полоскал водой рот, поэтому ответить ему не мог.

— Мелочь, а приятно, — сказал я наконец. — По крайней мере, хоть водичка тут получше, чем в каюте.

Слон снова тяжело вздохнул.

— Да это ж ты кофе пьешь, милый.

М-да, путешествие оказалось не из самых приятных. В весе мы потеряли сильно, поскольку обеды чаще пропускали, чем на них присутствовали. Я продолжал учиться, познавал тонкие детали науки хищений, взяточничества, двойной и тройной бухгалтерии — все только на эсперанто. Язык и в самом деле оказался довольно простым, так что вскоре я на нем мог уже свободно разговаривать.

Во время первой посадки мы сидели на корабле: вокруг было полно солдат и таможенников.

— Не здесь, — сказал капитан, разглядывая на экране окрестности. — Планета очень богатая, но чужаков тут не любят. Вам подойдет следующая планета этой же системы. Она аграрная, мало населена. Иммигранты там настолько нужны, что даже таможня отсутствует.

— Название? — осведомился Слон.

— Амфисбиона.

— Никогда не слыхивал.

— И неудивительно. Одна из тридцати тысяч обитаемых планет.

— Верно. Но все же...

Слон выглядел явно озабоченным, и я не мог понять — почему. Если не понравится планета, то у нас достаточно денег, чтобы с нее выбраться. Но какое-то неясное предчувствие, видимо, сильно тяготило моего приятеля. Он даже подкупил экономa, чтобы тот пустил его к бортовому компьютеру. И, когда мы в очередной раз сражались с обедом, он мне все рассказал:

— Это все воняет даже хуже, чем наша жратва.

Начало было многообещающим, что и говорить.

— Я не смог отыскать в галактической лоции никаких сведений о планете под таким названием. А лоция дополняется автоматически при каждой посадке на новую планету — после того, как корабль сообщает об этом по планетарной связи. К тому же я ничего не узнал о следующем пункте нашего маршрута из программы полета. Там стоит блок. А код знает только капитан.

— Что мы можем сделать?

— Ничего — пока не окажемся на месте. Вот тогда-то и увидим, что он задумал.

— А если подкупить кого-нибудь из офицеров?

— Я пробовал. И добился лишь ответа, что только сам капитан знает, куда мы летим. И вот эту важную новость мне сообщили только после того, как я за нее заплатил. Грязный фокус. Впрочем, я тоже так умею.

Ободрить его мне не удавалось. Думаю, он был сломлен еще и венианской пищей. По мне, так хорошо было бы попасть на эту

планетку, какой бы она там ни оказалась. Приличный вор проживет в любом обществе. Тем более что еда там наверняка получше этой вот бурды.

Мы оставались на ногах, пока корабль не приземлился и над дверью не вспыхнул зеленый свет. Наши скудные пожитки были уложены, и мы поплелись к выходу. За пультом шлюза стоял сам капитан и что-то бормотал, пока анализаторы забортного воздуха делали свое дело: шлюз не откроется, если не будет получен удовлетворительный результат.

Наконец прибор пискнул, капитан нажал кнопку. Огромный люк медленно откинулся, внутрь повеяло теплым пряным воздухом. Мы стали настороженно принюхиваться.

— Вот ручка, — произнес капитан Гарт.

Слон улыбнулся. Капитан пошел вперед, мы с чемоданами топали за ним. Стояла ночь, в вышине ярко сияли звезды, какие-то невидимые существа кричали в темноте. Только над шлюзом светился огонек.

— Покончим с нашими делами здесь, — произнес капитан, остановившись на краю трапа. Слон отрицательно покачал головой и указал на металлическую поверхность.

— Мы все еще на корабле. Пожалуйте на землю.

Они сошлись, что подписание документа произойдет на нейтральной территории — на пятачке неподалеку от трапа. Слон вынул наконец свою ручку и аккуратно поставил подпись. Капитан — какая подозрительность — сверил ее с подписью на чеке и кивнул. И тут же торопливо направился к трапу. Мы подняли вещи и пошли в темноту.

Тут капитан внезапно обернулся и крикнул:

— Теперь они ваши!

Как только трап поднялся, вспыхнули мощные прожекторы — пришпилив нас к земле, как мотыльков. К нам бежали вооруженные люди. Мы были в ловушке.

— Чувствовал ведь, что здесь что-то не так, — пробормотал Слон. Он выронил сумки и мрачно уставился на бежавших к нам людей.

Глава 19

Из темноты появилась рослая фигура в великолепном красном мундире. Незнакомец остановился перед нами и принялся подкручивать свои пышные, ухоженные усы.

Казалось, он только что вышел из какого-то театра, где играл в исторической пьесе, поскольку был вооружен саблей, которую крепко держал за рукоять.

— Я забираю вас и все, что у вас обоих есть. Все. Быстро!

Тут подбежали еще двое в форме. В руках у них были пистолеты весьма странного вида — с огромными стволами и деревянными рукоятками. За спиной послышался скрип — трап снова опускался вниз, и на его площадке по-прежнему стоял капитан Гарт. Я нагнулся, чтобы взять чемоданы.

И прыгнул. В сторону капитана. И почти схватил его. Раздался выстрел, пуля просвистела у меня над ухом и щелкнула по обшивке корабля. Капитан, выругавшись, занес надо мной кулак. Лучше и не придумаешь — я сделал еще шаг, перехватил руку и заломил ее за спину. Капитан завизжал от боли. Приятный звук.

— Отпусти его, — раздался голос. Я обернулся и увидел, что Слон распростерт на земле, в его грудь упирается нога офицера, а острие сабли, оказавшейся не просто украшением, направлено в горло Слона.

Я слегка сжал шею капитана и только тогда отпустил его. Он скользнул вниз, и его башка громко стукнулась о трап. Я отошел в сторону. Слон с трудом поднялся на ноги и, отряхнувшись, повернулся к нашему захватчику.

— Извините, сэр. Позвольте осведомиться у вас о названии планеты, на земле которой мы стоим?

— Спайовента, — последовал ответ.

— Благодарю вас. И позвольте, я помогу подняться моему другу капитану Гарту. Хочу извиниться перед ним за неосмотрительное поведение моего юного друга.

Никто его не остановил, и он подошел к капитану, когда тот начал приходить в сознание.

Но снова потерял его, поскольку Слон тюкнул его в висок.

— Я человек, в общем-то, не мстительный, — сообщил он, вытаскивая бумажник. — Но я должен был немного выплеснуть свои чувства, — продолжил он, передавая бумажник офицеру в красном, — чтобы вернуться к своему нормальному миролюбивому состоянию. Вы меня понимаете?

— На вашем месте я поступил бы именно так, — кивнул офицер, пересчитывая деньги. — Но хватит. Заговорите еще раз — умрете.

Он отвернулся, и из темноты вынырнул человек с двумя металлическими браслетами в руках. Слон покорно стоял, пока он, согнувшись, защелкивал один из них на его лодыжке. Ну, не знаю,

что это была за штука, но мне она не понравилась. На меня они устанут ее надевать.

Но не тут-то было. В мою спину уперлось дуло пистолета, и браслет защелкнулся, не дождавшись протестов с моей стороны. Кандальщик выпрямился и взглянул мне в лицо. Он стоял так близко, что его зловонное дыхание просто-таки облизало меня. Ткнув мне в грудь жестким пальцем, он сообщил:

— Я — Тарс Тукас, слуга нашего господина, могущественного капо Доччи. Но тебе запрещается произносить мое имя, называй меня хозяином.

Я хотел было поправить его, объяснив, как его надо называть в самом деле, но он нажал какую-то кнопку на металлической коробочке, пристегнутой к поясу.

Катаясь по земле, я пытался разогнать красный туман, застлавший болью глаза. Когда мне это отчасти удалось, я увидел, что рядом со мной стонет Слон. Я помог ему встать на ноги. Нет, не стоило мистеру Тукасу так обходиться с человеком в столь солидном возрасте... Но он лишь криво ухмыльнулся мне в лицо.

— Так кто я?

Я подавил соблазн еще раз высказаться начистоту — ради Слона.

— Хозяин.

— Не забывай этого и не пытайся бежать. Повсюду установлены нейротрансляторы. Если я подержу кнопку включенной чуть дольше, то твои нервы перестанут работать. Навсегда. Понял?

— Понял, хозяин.

— Теперь отдай все, что у тебя есть.

Я отдал. Деньги — монетки и банкноты, ключи, часы, отмычки. Тукас меня вдобавок еще и обыскал и результатом остался доволен.

— Пошли.

Быстро разгорелся тропический рассвет, прожекторы погасли. Не оборачиваясь назад, мы отправились вслед за хозяином. Идти Слону было тяжеловато, приходилось ему помогать. Тарс Тукас подвел нас к стоявшей неподалеку раздолбанной деревянной повозке и приказал сесть в нее сзади. Мы уселись на поперечную доску и глядели, как из грузового люка корабля сгружают какие-то короба.

— А вы неплохо врезали капитану, — наклонился я к Слону. — Так, выходит, вы неплохо осведомлены об этой милой планетке? Как ее называют?

— Спайовента. — Слон изрыгнул название, будто проклятие. — Тяжелый жернов на шее у Лиги. Капитан просто-напросто продал

нас в рабство. К тому же он контрабандист. На любые контакты с этим миром наложен строгий запрет. Тем более на поставки оружия, а им наверняка забиты эти короба. Спайовента!

Ну, мне это ничегошеньки не объяснило, кроме того, что наши дела обстоят ужасно. Но это я и так уже понял.

— А не могли бы вы мне описать этот самый жернов подробнее?

— Я виню в происшедшем только себя. Очень жаль, что я впутал тебя в эту историю. Но капитан Гарт еще поплатится. Если не останется ничего другого, мы сдадим его правосудию, Джим. Как-нибудь, но мы сообщим о его проделках в Лигу.

Это вот *как-нибудь* расстроило Слона вконец, и он устало уронил голову на руки. Я сидел молча и ждал, когда он соберется с духом. Наконец Слон выпрямился и заговорил. В его глазах горел странный огонек.

— Не упирайся, Джим. Не нарывайся. Не позволяй этим скотам тебя измотать. На этот раз мы влипли серьезно. Лига установила контакт со Спайовентой лишь десять лет тому назад, до этого планета была совершенно изолирована. Еще со времен Раскола. Так что за эти тысячи лет она изгадилась полностью. Вот именно такие места, как это, сделали слово «преступность» бранным — потому что на этой планете правят бандиты. Сумасшедший дом захвачен сумасшедшими. Здесь царит полная анархия, да нет, что я говорю — в сравнении с происходящим на Спайовенте любая анархия — это что-то вроде пикничка бойскаутов. В свое время я предпринял специальное исследование, желая изучить систему управления, существующую на этой планете. То, что происходит здесь, уходит корнями в самые темные периоды истории человечества. Планета отвратительна со всех точек зрения, а Лига ничего не может поделать. Без оккупации, разумеется. А оккупация полностью противоречит принципам Лиги. Сила Лиги оказалась ее слабостью: ни одна планета не может напасть на другую планету, потому что тотчас окажется перед лицом немедленного уничтожения — война у нас объявлена вне закона. Новооткрытым планетам Лига помогает советами или материально. Да, ходят слухи, что внутри Лиги существуют секретные организации, которые ориентированы на разрушение самых жутких планетных формаций, таких, как эта, но публично о такой деятельности не сообщается ничего. Спайовента — кривое зеркало цивилизованного мира. Здесь правят не закон и правосудие, а грубая сила. Так что, Джим, мы попали в переплет. В очень скверный переплет. Структура власти здесь проста. Планета поделена на капотерии, каждую из которых возглавляет

капо — вроде нашего капо Доччи. Размер каждой капотерии зависит только от возможностей капо. Его подданные получают долю от добычи, награбленной у крестьян или захваченной на войне. Это пирамида, и в самом низу ее находятся рабы. То есть мы с тобой, Джим.

Он указал на браслет, охватывающий лодыжку, и загрустил. Я тоже.

— Но в этом положении есть и светлая сторона. — Я попытался вывести его из отчаяния.

— Какая же?

— Потому что во всем есть светлая сторона. — Неожиданно для самого себя я пустился в разглагольствования: — По крайней мере, нам удалось дать деру из Райского Уголка, оставив там все свои проблемы. И теперь у нас есть все для нового старта.

— С самого низа? Рабами?

— Именно! Теперь мы можем двигаться только в одном направлении — вверх!

Эта жутковатая шуточка заставила Слона чуть улыбнуться, и, воодушевленный, я продолжал:

— Вот еще один пример. Нас обыскали и отняли почти все, что у нас было. Но у меня в башмаке до сих пор лежит маленький сувенирчик на память о тюрьме. Вот! — Я извлек отмычку, улыбка Слона сразу стала шире. — Отлично работает. Глядите! — И в два счета я снял со своей лодыжки браслет, повертел его в пальцах и надел обратно. — Когда мы будем готовы бежать, мы просто убежим.

Тут уже Слон стал улыбаться по-настоящему. Он протянул руку и по-товарищески похлопал меня по плечу.

— Ты совершенно прав, Джим. Мы должны стать хорошими рабами — на время. Нам надо изучить связи в этом обществе, механику власти и подступы к ней, узнать про источники богатства и способы их захвата. Как только я найду все дыры, ходы и лазейки в этом общественном строении, мы вновь превратимся в крыс. Только, боюсь, не в стальных, а в самых обычных — голодных и зубастых.

— Крыса, какой бы она ни была, все равно прекрасна. Мы победим!

Тут нам пришлось отодвинуться друг от друга, поскольку в повозку закинули первый короб из тех, которые сгружали с корабля. Повозка скрипела, шаталась и грозила рассыпаться. Когда в нее закинули последний, то к нам присоединились грузчики. Я порадовался, что внутри повозки было темновато — особенно разгля-

дывать этих ребят вблизи мне не хотелось. Три пропыленных, грязных человека, одетых в лохмотья.

К тому же — немытых, что мой нос немедленно уловил. Тут в повозку залез четвертый человек — самый отвратительный и самый среди них громадный. Зато одежда на нем выглядела более-менее прилично. Он уставился на нас, мне это не очень понравилось, а тут он еще и ткнул в меня ногой.

— Знаете, кто я? Я — Тычок, и вы все мое стадо. Для начала ты, старик, снимай куртку. Мне она подходит больше.

— Спасибо, сэр, — ответил Слон. — Куртка в самом деле неплохая, но, думаю, что вам она не подойдет.

Я понимал, на что он нарывается, и надеялся не подвести. Особенно развернуться здесь было негде, но этот головорез был вдвое меня больше. И один удар я сделать успею, главное — хорошо и точно вложиться.

Верзила, разумеется, взревел от ярости и полез по коробам к нам. Рабы в ужасе расползались из-под его ног. Так он почти добрался до Слона и уже собирался схватить его, как я врезал ему сзади по шее, обеими руками. Он рухнул вниз и что-то там приятно хрустнуло.

— Теперь у вас новый Тычок, — провозгласил я, аудитория при этом согласно закивала. Я ткнул пальцем в сторону ближнего из рабов. — Как меня зовут?

— Тычок, — немедленно ответил тот. — Только не подставляй ему спину, когда он проснется.

— А ты мне поможешь?

Он ухмыльнулся, показав почерневшие обломки зубов.

— В драке я тебе не помощник,

— Никаких драк. Давайте жить мирно.

Рабы переглянулись, удивились и кивнули.

— Вот и отлично. Для начала — давайте выкинем этого ублюдка из повозки. Пусть он окажется подальше, когда проснется.

Что и было исполнено — с немалым энтузиазмом.

— Спасибо за помощь, Джеймс, — произнес Слон. — Мне показалось, что рано или поздно тебе придется с ним разобраться, так почему бы не сразу. Ну что же, вот мы и начали свое восхождение в новом обществе. Ты уже выбрался из низшей категории... Что это?!

Я обернулся, и мои глаза тоже полезли из орбит. Батюшки, это была какая-то машина: она медленно приближалась, фыркая дымом и натужно пыхтя. Водитель ее остановился перед самой повозкой, его напарник подцепил нас на буксир. Толчок, и мы тронулись.

— Смотри внимательней, Джим, и запоминай, — заговорил Слон. — Это древняя техника, давным-давно позабытая всеми, затерявшаяся во мраке веков. Эта штуковина приводится в действие паром. Обалдеть! Кажется, мне начинает здесь нравиться.

Ну, меня эта техника из неолита очаровала не слишком. Мои мысли были заняты выброшенным нами головорезом и тем, что будет, когда он нас все же догонит. Надо бы узнать о каких-то основных правилах поведения здесь — и побыстрее. Я перебрался ближе к остальным рабам, но прежде чем я начал разговор, мы прогромыхали по мосту и въехали куда-то — через ворота, проделанные в высокой стене. Водитель приостановил нашу колесницу и крикнул:

— Сгружайте все здесь!

В качестве нового Тычка я больше присматривал, чем вкалывал. Когда на землю был опущен последний короб, один из моих рабов крикнул:

— Он идет! В воротах, за тобой!

Я немедленно обернулся. Да, экс-Тычок, весь в крови и царапинах, приближался ко мне с покрасневшим от ярости лицом.

Зарычал и бросился на меня.

Глава 20

Я бросился от него прочь. Не потому, что испугался, а чтобы выбраться на более просторное место. Удалившись на приличное расстояние от повозки, я развернулся к нему и провел подсечку. Верзила немедленно растянулся в навозе.

Это вызвало здоровый смех зрителей. Пока он вставал, я успел осмотреться. Тут были вооруженные охранники, рабы и, весь в красном, капо Доччи. В голове забрезжила смутная идея, но прежде чем она обрела конкретную форму, мне пришлось еще раз пошевелиться, чтобы спасти свою жизнь.

Великан кое-что усвоил. Дикой беготни больше не было. Теперь он приближался ко мне медленно, разведя руки с растопыренными пальцами. Да, стоит мне попасть в его нежные объятия, как живым оттуда уже не выбраться. Медленно отступая, я обернулся к капо Доччи, уклонился в сторону, быстро сделал шаг вперед и, ухватив обеими руками вытянутую руку верзилы, повалил его через себя. На то, чтобы перекинуть его на спину, мне едва хватило моего веса. Он снова растянулся в пыли.

Я моментально вскочил на ноги. Теперь я знал, что надо делать. Надо устроить представление.

— Это была правая рука! — громко объявил я.

Противник, прихрамывая, снова шел ко мне.

— Правое колено! — объявил я следующий удар.

И нанес его — в коленную чашечку. Это довольно болезненно, и он, вскрикнув, рухнул. На сей раз вставал он гораздо медленней, но злиться все еще не переставал. Отлично, пока не отключится полностью, будет меня убивать. Для моего представления лучше и не придумаешь.

— Левая рука!

Я схватил его левую руку и заломил за спину. Мужик был силен, удержать его руку вывернутой удавалось с трудом. Вдобавок он пытался провести подсечку или врезать мне локтем под дых. Надо было его опередить.

— Левая нога! — крикнул я и врезал ему ногой по левой икре — он снова рухнул.

Отступив на шаг назад, я взглянул в сторону капо Доччи. Похоже, я завладел его вниманием.

— А можешь ли ты так же хорошо убивать, как танцуешь? — спросил он.

— В общем, да. Но я предпочитаю этого не делать.

Тут я заметил, что мой противник снова стоит, покачиваясь из стороны в сторону, и слегка повернулся, чтобы не упускать его из виду.

— Я бы хотел просто вырубить его. Тогда я выигрываю бой, а у вас остается раб.

Руки гиганта сомкнулись на моей шее, и он радостно зарычал. Ну, я немного ему подыграл — представление должно быть правдоподобным, и не глядя ударил локтем назад — аккуратно под ребра, точнехонько в солнечное сплетение. Его руки отпустили мою шею, послышался тяжелый звук рухнувшего на землю тела.

Готов. Я сделал шаг вперед.

Капо Доччи подозвал меня, я немедленно подошел.

— Это новый способ драки, чужеземец, — заговорил он, нахмурившись. — До сих пор мы делали ставки на бойцов, которые бьются только на кулаках — пока не пойдет кровь и один из них не ляжет.

— Такая драка сколь жестока, столь и бессмысленна. Искусство состоит в том, чтобы знать — как и куда ударить.

— Но твое искусство беспомощно против остро заточенной стали, — произнес он, наполовину вытащив меч из ножен.

Э, тут надо быть осторожнее, не то он примется кромсать меня лишь для того, чтобы выяснить, справлюсь ли я с этим.

— Против такого мастера меча, как вы, с голыми руками не устоишь.

Насколько я понял, мечом он пользовался только тогда, когда резал мясо, но лесть всегда полезна.

— Однако против менее умелого фехтовальщика это искусство срабатывает.

Он хмыкнул и подозвал ближайшего охранника.

— А ну-ка, пощекочи его ножичком.

Ситуация вышла из-под моего контроля — но поединка было не избежать. Охранник улыбнулся, извлек из ножен сверкающий кинжал и направился ко мне. Я улыбнулся ему в ответ. Противник занес нож для удара — над головой, а не выставил его вперед, как это сделал бы опытный боец. Пусть идет вперед, пока не захочет ударить.

Стандартная защита. Шаг навстречу, удар принимается предплечьем, захватывается запястье и выворачивается наружу. Все проделывается очень быстро.

Нож отлетел в одну сторону, он — в другую. Надо быстренько заканчивать представление, не то главный бандит захочет увидеть, как я могу работать против дубинок, пистолетов и прочих замечательных устройств. Я шагнул к капо Доччи и тихо сказал ему:

— Это секреты защиты другого мира. Здесь, на Спайовенте, они неизвестны, и я не хочу их раскрывать при всех. Думаю, вам бы не хотелось, чтобы все рабы узнали эти опасные приемы. Позвольте показать вам все, что я умею, — без лишней публики. Я могу обучить этому искусству ваших телохранителей. Тут есть люди, кто желает вашей смерти. Подумайте о вашей безопасности.

Вся эта ахинея напоминала мне лекцию о правилах движения, но аборигену она показалась убедительной. Но не до конца.

— Мне не по душе новые веяния. Предпочитаю обходиться тем, что есть.

Ну, разумеется, когда сам стоишь на вершине, а остальные в цепях у подножия. Я торопливо продолжал:

— Но то, что я показал, — не новое, оно старо как мир. Эти секреты хранились в тайне с сотворения мира. А теперь они могут стать вашими. Грядут перемены, вы это знаете, а знания — сила. Когда враги хотят отнять у вас достаток, годится любое оружие.

И эта полная чепуха, кажется, заставила его задуматься. Из того, что Слон успел мне поведать об этом тупом мире, я понял, что здесь сила — гарант безопасности и причина паранойи. М-да, судя по ширине лба капо Доччи, задумываться ему сложновато. Он повернулся и ушел.

Судя по всему, вежливость и мыло на этой планете не в ходу. Ни тебе «до свидания», ни «надо все обмозговать». То, что аудиенция закончена, я понял не сразу. Обезоруженный охранник потирал кисть и нехорошо поглядывал на меня. Но кинжал спрятал.

После разговора с капо мой статус несколько изменился. Теперь без особой причины на меня бросаться не будут. Но оставался прежний противник — Тычок. Он все еще сидел на земле, по-прежнему ошеломленный. Когда я подошел, он поднял на меня глаза — выражение в них отсутствовало полностью.

— Ты напал на меня два раза, — заявил я бедолаге как можно более грозно. — В моей игре третий раз означает — конец. Если ты еще раз предпримешь что-либо против меня, то умрешь.

Он еще смотрел на меня с ненавистью, но в его глазах уже мелькал страх. Он испуганно съежился, стоило мне сделать шаг к нему. Уже неплохо. Но слишком часто поворачиваться к нему спиной нельзя. Однако на этот раз я повернулся и зашагал прочь.

Он поплелся за мной следом к поджидавшей нас кучке рабов. На него было брошено несколько угрюмых взглядов, но драки не возникло. Меня это устраивало. Одно дело — заниматься спортом в чистом зале, а другое — постоянно быть настороже из-за того, что эти бродяги собираются меня кокнуть. Слон, тот просто лучился от радости.

— Прекрасно исполнено, Джим, прекрасно.

— Однако я очень утомился. И что дальше?

— Судя по всему, наша команда на сегодня отработала свое. И теперь — отдыхает.

— Значит, на очереди еда и сон. Отлично.

Кажется, это называется пищей. Добрых слов о ней говорить не очень хочется, ну, разве что она была немного получше той, вениансКой, с корабля. За строением на огне пыхтел громадный грязный чан. Шеф-повар — если можно наречь таким благозвучным титулом засаленного оборванца, мешал содержимое длинной деревянной поварешкой. На столе валялись мокрые деревянные миски, рабы брали миску, подходили к повару, и тот выделял каждому его порцию. Ложек не было — потому что они вообще не подразумевались. Рабы ели руками. Пришлось последовать их примеру. Пойло оказалось какой-то овощной похлебкой — вполне безвкусной, зато сытной. Покончив с едой, я без труда подавил желание попросить добавку.

— Ну, и как долго мы будем рабами? — спросил я Слона, который ел не торопясь, привалившись к стене.

— Пока я не пойму, как тут все устроено. Ты всю жизнь провел на единственной планете. Поэтому сознательно и бессознательно принимаешь известное тебе общество за общий случай. И это неверно. Культура — такое же изобретение человечества, как вилка или компьютер. Но разница между ними все же есть. Мы легко совершенствуем компьютеры и столовые приборы, но что касается культуры — стоп, никаких перемен. Всякий убежден, что его образ мыслей является единственным и уникальным, а остальное — безумие и извращение.

— Звучит глупо.

— А так и есть. Но если ты это понимаешь, а они — нет, то можешь выйти за рамки правил, раздвинуть их ради собственной выгоды. Сейчас я и занимаюсь тем, что выясняю местные нравы.

— Только не слишком затягивайте.

— Не обещаю, но и мне тут не слишком уютно. Дело в том, что необходимо выяснить — существует ли здесь вертикальная мобильность и как она действует. А если ее нет, то придется ее внедрить.

— Вы меня запутали. Вертикальная чего?

— Мобильность. Не чего, а что. Это имеет отношение к разделению общества на классы. Может ли, например, раб выбиться в охранники? Если да, то вертикальная мобильность есть. Если нет — то общество четко расслоено на классы и возможна лишь горизонтальная мобильность.

— То есть единственное, что возможно, — заделаться главным рабом и гонять остальных?

Он кивнул:

— Именно, Джимми. И мы перестанем быть рабами, как только я пойму, как это возможно. Но для начала не мешает отдохнуть. Видишь, остальные уже забились в солому. Предлагаю последовать их примеру.

— Согласен...

— Эй, поди сюда!

Это был Тарс Тукас собственной персоной, и кричал он мне. Ох, длинный денек будет.

Зато, по крайней мере, удастся осмотреть окрестности. Мы пересекли двор — арену моего триумфа — и поднялись по каменным ступеням. Тут имелся вооруженный стражник, в караулке рядом скучали еще двое. Пошли по коридору. Здесь уже появлялись отдельные элементы роскоши: пол был устлан циновками, стояли колченогие стулья, а на стенах висели портреты, некоторые из них слегка напоминали капо Доччи.

Наконец меня втолкнули в большую комнату с окнами, выходящими на наружную стену. Вдали виднелись деревья и поле, и больше ничего. В комнате пребывал сам капо с небольшой компанией — видимо, приближенных. Компания была исключительно мужской. Господа выпивали из металлических кубков и были хорошо одеты — разумеется, если разноцветные кожаные штаны, свободные рубахи и длинные мечи можно назвать хорошей одеждой. Капо подозвал меня жестом:

— А ну-ка покажись нам.

Остальные повернулись в нашу сторону, разглядывая меня, словно диковинного зверя.

— И что, он действительно свалил того без кулаков? — произнес один из господ. — Он же такой маленький и хилый. Просто сопля на ножках.

Да, бывают моменты, когда рот следует открывать только для приема пищи. Похоже, так мне поступить и следовало бы. Но я уже устал, надоели мне все эти ублюдки, вот я и не сдержался:

— Да уж не такой хилый, как ты, свинья!

И, надо сказать, этот оборот речи весьма сильно подействовал на его психику. Сначала он взвыл от ярости, затем — покраснел, вытащил клинок и кинулся на меня.

Раздумывать мне опять было некогда. Я выхватил у стоящего неподалеку человека кубок и выплеснул его содержимое в лицо нападавшему.

Большая часть пролетела мимо, но на одежду попало достаточно, чтобы раззадорить моего противника! Он рубанул мечом по воздуху, я подставил под удар кубок и отвел его в сторону. Проехав кубком по лезвию до гарды, я перехватил руку нападавшего и вывернул ее.

Он завопил, меч зазвенел по полу, мой противник повернулся боком, открывшись для завершающего удара, и я уже почти произвел его.

Но тут мне сделали подсечку сзади, и я рухнул.

Глава 21

Вероятно, или казалось, что все это ужасно смешно. Ржали, надо отметить, они дружно. А когда я попытался дотянуться до упавшего клинка, то кто-то отпихнул его ногой. Да, дела обстоят не блестяще. В одиночку со всеми мне не справиться. Надо срочно сматывать удочки.

Но как? Двое навалились сверху и прижали меня к земле, кто-то ударил ногой в бок. Я не успел даже пикнуть, как мой противник сидел на мне верхом и доставал из ножен очень неприятный кинжальчик с волнистым лезвием.

— А откуда эта тварь, капо? — осведомился он, ухватив меня за подбородок и приставляя кинжал к горлу.

— С корабля скинули, — ответил капо Доччи. — Чужеземец.

— А он хоть чего-то стоит?

— Не знаю, — пожал плечами капо, весело глянув на меня. — Наверное. Только не нравятся мне его хитрые инопланетные штучки-дрючки. Слушай, прирежь его, да и дело с концом.

Во время этого чрезвычайно содержательного диалога я не шевелился — очень было интересно узнать, чем он закончится. А потом взял да пошевелился.

Противник резко вскрикнул, когда я вывернул и — надеюсь — сломал ему руку, выхватив заодно кинжал. А потом швырнул своего врага в сторону его дружков. Те попятились. Но были еще люди и сзади — они отступили, когда я описал круг рукой с кинжалом. И рванул прочь. Побежал, спасая свою шкуру.

В единственно известном мне направлении, вниз по лестнице. По дороге столкнулся с Тарсом Тукасом и мимоходом сбил его с ног.

Сзади раздавались яростные вопли, но оборачиваться мне было некогда, я несся через ступеньки к стражникам у входа. Они не успели подняться с лавки, когда я налетел на них, и мы рухнули на пол. Двинул одному из них в подбородок, выхватил за ствол его ружье. Второй еще попытался прицелиться в меня, так что пришлось ему быстренько дать по башке трофеем.

Когда я выскакивал в дверь, топот погони раздавался уже совсем близко. Стражник в дверях был немало удивлен, увидев меня, и даже попытался выхватить меч, но потерял сознание. Я бросил кинжал и схватил этот, куда более серьезный, клинок. Впереди теперь были только ворота, к счастью, распахнутые настежь.

Вот только они охранялись вооруженными ребятами, уже, кстати сказать, вскинувшими свои ружьишки. Грянул залп, и я помчался через двор наискосок, к сараю, в котором обитали рабы. Ну, не знаю — как там палила охрана, но за угол я заскочил еще совершенно целым и невредимым.

Итак: один меч, одно ружье, один донельзя усталый Джим ди Гриз. Маловато выходит — тем более что этот самый Джим ди Гриз не смел не только остановиться, но и сбавить скорость. Впереди была наружная стена — на ней каменщики занимались ка-

ким-то мелким ремонтом. Тут же стояли леса и стремянки, рабочие с которых так и посыпались, стоило мне заорать и замахать мечом. Я в одно мгновение взлетел наверх. Отметив при этом, что точность стрельбы заметно растет — пули втыкаются вокруг меня в стену, высекая из нее осколки, и, надо полагать, точность вскоре окажется вполне удовлетворительной, дабы пресечь мое дальнейшее бегство.

Я забрался на стену и лег на нее лицом вниз, стараясь отдышаться. Сделал несколько вдохов и решил осмотреться — и тут же пожалел об этом, поскольку стрелки немедленно громыхнули общим залпом, просто-таки разорвавшим воздух над моей головой. Вообще капо Доччи и свита возложили тяготы погони на стражников, а сами стояли в сторонке, картинно бряцали оружием и ругались. Картина была вполне торжественной и драматической. Они снова пальнули, и я снова пригнул голову.

Впрочем, я успел обнаружить, что несколько стражников уже взобрались на стену и весьма резво идут вперед, окружая таким образом меня с флангов. Я свесился наружу и принялся изучать коричневую жижу, имевшуюся в большом количестве у подножия стены. Между тем понимая, что прыгать туда — мой единственный вариант.

— Эх, Джим, Джим, — укорил я себя. — Пора бы тебе, дорогой, научиться держать язык за зубами...

После чего вздохнул поглубже — и сиганул вниз. Раздался всплеск, и я обнаружил, что застрял. Жижа доходила мне до шеи, а ноги увязли в мягком грунте, который и погасил удар. Барахтаясь изо всех сил, вытащил ногу, потом другую. И, преодолевая вязкие объятия, побрел к берегу. Преследователей пока видно не было, но, надо думать, они не замедлят появиться. Оставалось только идти вперед и ни о чем не думать. Наконец я добрался до берега и, сжимая в руках захваченное оружие, заковылял вверх, чтобы укрыться среди деревьев. Стражников все еще не было видно. Ну ничего, они, наверное, уже перешли мост, так что вскоре явятся. Тем не менее пока мне жутко везло.

И тут я рухнул головой в кусты от внезапно пронзившей меня боли. Боли, лишившей меня зрения, слуха и всех прочих чувств.

Потом она прекратилась, и я утер слезы. Болевое кольцо — и как я мог позабыть о нем? Тарс Тукас пришел в себя и нажал на кнопочку. Что это он тогда говорил? Если подержать подольше, то нервы совсем портятся и не остается ничего, кроме как подохнуть? Я схватился за ботинок, чтобы достать отмычку, и тут боль накатила снова.

После того как она опять прекратилась, я уже был слаб настолько, что едва мог шевелить пальцами. Пока возился с отмычкой, понял, что должен благодарить судьбу за то, что ребята оказались садистами. Им бы взять и не отпускать кнопочку — и я давно был бы уже мертвецом. Но кто-то из них, наверняка сам капо Доччи, хотел заставить меня пострадать напоследок, давая заодно понять, что выхода у меня нет и не предвидится. Отмычка была уже у меня в замке, и тут боль снова свалила меня.

Когда она прекратилась, я лежал на боку, не в силах двигаться, отмычка выпала из пальцев.

Но надо двигаться. Еще одна такая волна, и со мной будет покончено. Пальцы, дрожа, зашевелились. Отмычка медленно ползла к крошечному отверстию в замке, залезла внутрь, легонько повернулась...

Прошло много времени, прежде чем кровавый туман в моих глазах рассеялся. Боль в теле понемногу стихала. Я лежал и чувствовал, что уже больше никогда не встану. Когда ко мне вернулось зрение, сначала пришлось стряхнуть с ресниц слезы и лишь затем увидеть самое прекрасное на свете зрелище...

Открытое болевое колечко валялось среди прелой листвы.

Только уверенность моих хозяев в том, что деться мне некуда, спасла мне жизнь. Преследователи не торопились — было слышно, как они переговариваются, направляясь в мою сторону.

— ... где-то здесь. На черта он им сдался?

— Терять хороший клинок и ружье? Никак нельзя. Да и капо Доччи хочет повесить его во дворе, пока не завоняет. Никогда в жизни не видел, чтобы он так бесновался.

Жизнь медленно возвращалась в мое парализованное тело. Я свернул со звериной тропки, по которой полз, и укрылся в низком кустарнике, попытавшись расправить за собой траву.

— Смотри, — доносились голоса. — Здесь он выбрался на берег. Пополз по этой тропинке.

Тяжелые шаги приближались, приблизились и миновали меня. Я вцепился в оружие и делал единственное, что мог, — ждал, когда ко мне вернутся силы.

Надо признать, это был довольно сложный момент моей жизни. Совершенно один, дрожащий от боли, изможденный, преследуемый людьми, которые жаждут моей смерти, мучимый жаждой... Ничего себе списочек. Единственное, чего не хватало, так это дождя.

И тут начался дождь...

Вообще, мне кажется, что слишком сильные эмоции что-то пережигают в человеке. Если любил слишком сильно, то больше лю-

бить не сможешь. Ну, тут у меня, надо сказать, личного опыта не было, зато что касается затруднительных ситуаций в жизни — дело другое. И теперь я прямо-таки расхохотался. И тут же зажал себе рот. Нет, господа, нельзя так поступать со злобными стальными крысами! Нельзя, они могут заржаветь!

Подавив стон, я попытался пошевелить ногами. Боль еще не прошла, но ярость заглушила ее. Подхватив ружьишко, упираясь мечом в землю, я попытался встать. Выдернул меч и стоял, покачиваясь. Но и не падал. Наконец смог поплестись вперед, шаг за шагом удаляясь от преследователей.

Лес оказался довольно большим, и какое-то время я петлял по диким тропкам. Преследователи, похоже, побрели в другую сторону и остались далеко позади. Потом лес начал редеть и кончился. Дойдя до опушки, я прислонился к дереву, чтобы перевести дух, и стал разглядывать лежавшее передо мной возделанное поле. Ну что же, пришло время возвращаться к людям. Где плуг, там и пахарь. Найти его будет не трудно. Когда силы немного восстановились, я пошел вдоль края поля, готовый скрыться в лесу при первой же опасности. Но, на мое счастье, я увидел крестьянскую хижину. Домишко был низким, крытым соломой, без окон — по крайней мере, их не было с моей стороны. Из трубы поднималась тоненькая струйка дыма. Но в таком теплом климате топить необходимости нет. Значит — там готовят пищу.

При одной только мысли о еде мой желудок принялся бурчать. Я, в общем, его понимал. Еда и питье были необходимы. А где их искать, кроме этой уединенной фермы? Вопрос звучал как ответ. Ковыляя по бороздам, я потащился к дому. Ни души вокруг. Но сквозь приоткрытую дверь доносились голоса и смех — и запах еды. И я вошел в дом.

— Привет, люди. У вас гости!

Их было с полдюжины — сгрудившихся вокруг добела выскобленного деревянного стола. Старые и молодые, худые и толстые. Но с одинаковым выражением на лицах: от удивления у всех отвисли челюсти. Даже дитя прекратило реветь и уставилось на меня. Старший, седой старик, поспешно вскочил с места.

— Добро пожаловать, ваша честь, добро пожаловать.

Склонив голову, он дернул себя за чуб. Видимо, выражая мне признательность за визит.

— Чем можем вам служить, досточтимый?

— Если бы у вас нашлось для меня немного еды...

— Входите! Располагайтесь как дома! Наша трапеза скудна, но мы с радостью разделим ее с вами! Садитесь здесь!

Он поднял стул, который опрокинул, вскочив мне навстречу, и предложил мне сесть. Остальные вышли из-за стола, чтобы мне не помешать. Похоже, все они были прирожденными знатоками людей и сразу распознали во мне особу весьма высокого происхождения. Кажется, это они поняли по моим мечу и ружью.

Над огнем висел котел, мне наполнили и подали деревянную миску. Здесь жизнь была побогаче, чем у рабов, поскольку снабдили меня и деревянной ложкой. В миске оказалось овощное рагу с редкими кусочками мяса, удивительно вкусное. А в глиняной кружке плескалась ледяная вода — чего я еще мог желать?!

Я ел, а крестьяне о чем-то перешептывались в дальнем углу комнаты. Вряд ли они замышляли недоброе, но на всякий случай я глаз с них не спускал, а меч положил поближе к себе, прямо на стол.

Когда я покончил с едой и несколько раз против воли и приличий рыгнул, то они тепло восприняли последнее как некий способ одобрения — старик отделился от группы и выступил вперед. Перед собой он вел перепуганного подростка, примерно моих лет.

— Позвольте поговорить с вами, досточтимый сэр...

Я согласно махнул рукой и еще раз рыгнул. Старик улыбнулся и кивнул.

— Как мило с вашей стороны поблагодарить повара. Похоже, вы человек доброго ума и мягкого нрава, красивый и образованный. И, похоже, выдающийся воин, так что позвольте изложить вам наше маленькое дельце.

Я снова согласно кивнул: лесть всегда отыщет лазейку.

— Это мой третий сын, Дренг. Он силен и отважен, хороший работник. Но хозяйство у нас маленькое, а ртов приходится кормить много. Да еще отдавать половину урожая нашему великому и могучему капо Доччи — за нашу защиту.

При этих словах он склонил голову, но в голосе звучали покорность пополам с ненавистью. Похоже, капо Доччи защищал их тут исключительно от капо Доччи. Старик толкнул Дренга вперед и сжал ему плечо.

— Смотрите, сэр, как камень. Он очень сильный. И всегда хотел стать наемником, как вы. Чтобы с оружием в руках продавать свои услуги знати. И это хорошая работа, которая к тому же позволит иной раз приносить в дом пару-другую гроутов.

— Но я не занимаюсь рекрутами!

— Конечно, досточтимый сэр. Именно в том и дело. Если он пойдет в копьеносцы к капо Доччи, то не сыщет там ни денег, ни славы, а только раннюю смерть.

— Ну да, — подтвердил я на всякий случай. Вообще, что-то старик излагал дело весьма путано, но мне это было только на руку — я же так пока и не знал, какие на Спайовенте порядки. Хотя пока все это звучит не слишком обнадеживающе. Я отхлебнул воды и попытался рыгнуть еще разок, на радость повару, но не смог. Старик между тем продолжал говорить:

— Каждый воин вроде вас должен иметь слугу. Но мы видим, что вы один. Осмелюсь поинтересоваться — что с вашим слугой?

— Погиб в бою, — особо не задумываясь, ляпнул я.

Старик явно растерялся, из чего мне пришлось сделать вывод, что слуги в сражениях участия принимать не должны.

— Дело в том, — принялся выкручиваться я на ходу, — дело в том, что враги напали на наш лагерь. — Вроде попал, поскольку старик согласно кивнул. — Конечно, я расправился с тем подонком, который прирезал бедолагу Смелли. На то она и война. Тяжелое ремесло.

Все присутствующие понимающе закивали. Похоже, я опять попал в точку. Тут я подозвал к себе юнца:

— Подойди-ка ближе, Дренг. Расскажи о себе сам. Тебе сколько лет?

Он взглянул на меня из-под свисающей челки и промямлил:

— В День Червя стукнет четыре.

Подробности, касающиеся праздника с таким очаровательным названием, меня заинтересовали не слишком. Четыре года, однако... Что-то великоват он для четырехлетнего. Видимо, на планете год довольно длинный.

— Прекрасный возраст для слуги, — сообщил я. — А теперь скажи мне, что обязан делать слуга? — В самом деле, очень интересно.

Он радостно кивнул.

— Конечно, сэр, я знаю. Старый Квечи был когда-то солдатом и рассказывал мне об этом. Слуга должен чистить меч и ружье, приносить от походного костра еду, наполнять водой фляги, давить камнями вшей...

— Отлично. Вижу, ты и впрямь все знаешь. До мельчайших деталей. И ты рассчитываешь, что в награду за твои труды я научу тебя воинскому искусству?

Он быстро кивнул. В комнате все стихло, пока я обдумывал ответ.

— Ладно, договорились.

Соломенная крыша вздрогнула от общего радостного крика, и старик немедленно выставил на стол кувшин домашней браги. Дела складывались неплохо. Если даже и не отлично, то, по крайней мере, хорошо.

Глава 22

Как только стало известно, что Дренг получил новую работу, все занятия на ферме были оставлены. Домашняя бражка — штука весьма своеобразная на вкус, но какой-то процент алкоголя она содержала, это уж наверняка. Пришлась она весьма к месту. Я выпил довольно, чтобы заглушить боль, и притормозил, чтобы, подобно остальным, не растянуться на полу. Заодно решил подсобрать дополнительную информацию о планете, расспрашивая подвыпившего старика.

— Я приехал издалека, поэтому мало что здесь знаю, — поведал я ему. — Но слыхивал, что местный главарь, капо Доччи, существо весьма грубое.

— Грубое, — проворчал старик и снова отхлебнул этого растворителя домашней выделки. — Тонко сказано, сэр. Ядовитые змеи расползаются в стороны при его приближении. А то как же, известно, что один его взгляд может убить младенца.

И всякое прочее в том же роде. Все это можно было уже не слушать, пошла обычная пьяная болтовня. Отыскал взглядом Дренга — тот припал к кувшину с брагой. Отобрал кувшин и потряс парня, надеясь привести его в чувство.

— Пошли. Мы уходим.

— Уходим?.. — Он заморгал, пытаясь сообразить что к чему. Но не очень успешно.

— Мы. Уходим. Прогуляться.

— Ага, гулять. Я захвачу одеяло. — Он, покачиваясь, встал и заморгал снова. — А где твое одеяло, которое я должен нести?

— Захвачено врагами, вместе со всеми прочими вещами. У меня остались только меч и ружье, но с ними я не расстанусь — только вместе с самой жизнью...

— Вместе с жизнью... Правильно. Я принесу тебе одеяло.

Он порылся в дальнем углу комнаты и достал два вполне приличных куска ворсистой ткани — не обращая ни малейшего внимания на причитания женщин по поводу холодной зимы. Да, нелегко, верно, жить крестьянам. Надо будет при случае помочь Дренгу заработать парочку этих самых гроугов.

Дабы не лицезреть традиционной душераздирающей сцены, я ждал Дренга во дворе. Наконец он вышел — накинув одеяла на плечи, держа в руке кожаную суму. На его шее болтался в ножнах клинок весьма устрашающего вида. Дренг уже отчасти протрезвел, подошел ко мне и, чуть покачиваясь, встал рядом.

— Ведите, хозяин.

— Сейчас ты покажешь мне дорогу. Мне надо навестить крепость капо Доччи.

— Как? Ты служишь у него?!

— Нет. У него я не стану служить ни за какие коврижки. Он держит там взаперти моего друга. Я хочу передать ему записку.

— К крепости крайне опасно приближаться. Даже просто приближаться.

— Это верно, но, видишь ли, все дело в том, что я совершенно бесстрашный. И мне необходимо связаться с другом. Ты покажешь дорогу через лес. Мне не очень хочется, чтобы люди капо Доччи нас заметили.

Дренг вполне разделял эту мою мысль. Пока мы шли по едва заметным лесным тропкам, он протрезвел. Наконец мы прибыли. Я внимательно взглянул на дорогу, которая вела к подъемному мосту в стене крепости.

— Ближе нельзя, нас заметят, — прошептал он.

Я согласно кивнул, глядя на послеполуденное солнце.

— День у нас сегодня был не из легких. Давай-ка ляжем прямо здесь, в лесу, а наутро тронемся.

— Куда тронемся?! На верную смерть?

Как странно, такой жаркий день, а у него зуб на зуб не попадает. Во всяком случае, он отвел меня в самую чащу, где обнаружилась ложбинка, на дне которой протекал ручеек. Достав из сумки глиняную чашку, он принес воды, проглотив которую я осознал, что иметь слугу — не так уж и плохо. Исполнив положенные слуге дела, он расстелил одеяла и завалился спать. А я, прислонившись к дереву, принялся изучать похищенное ружье.

Ружьишко было новехоньким, блестело и казалось не очень-то подходящим для этой планетки. Понятное дело — оно попало сюда с корабля. Слон говорил, что экипаж занимается контрабандой оружия. Ну вот, образчик у меня в руках. Надо присмотреться повнимательнее.

Никаких клемм и номеров. Не указано и место производства. Если бы его заполучили агенты Лиги, то определить, на какой из планет оно изготовлено, было бы невозможно. Ружьецо было небольшим, что-то среднее между пистолетом и винтовкой. Не буду хвастаться, но скажу, что со стрелковым оружием знаком не поверхностно — я почетный член стрелкового клуба в Пирли Гейтс и, будучи вполне приличным стрелком, не раз помогал им выигрывать состязания — но такого инструмента еще не встречал. Калибр примерно 30, и что характерно — гладкоствольное. Прицел стальной, открытого типа, спусковой крючок снабжен предохранителем, а вот тут еще какой-то рычажок на прикладе.

Я немедленно нажал на рычажок — ружье переломилось, и на землю высыпались патрончики. Кажется, стало понятно, как оно устроено.

Вполне изящно. Никаких канавок или нарезки — так что не надо чистить ствол. Пуля не вращается, но удерживается на траектории с помощью стабилизаторов. Которые заодно проделывают в теле очень большие дырки. Никакого магазина — твердый пропеллент. Устраняется проблема выброса гильз. Я заглянул в боевую камеру — надежно и безопасно. Пули загружаются в рукоятку, одна помещается в казенник. Есть маленький фотоэлемент для подзарядки батарей. Нажимается курок, в камере раскаляется термоконтакт, который воспламеняет заряд. Газ выталкивает пулю, а часть его используется для подачи в казенник очередной пули. Просто, дешево и надежно. И смертельно.

Наваливалась усталость. Я пристроил ружье и меч под боком, улегся на одеяло и последовал примеру Дренга.

К утру мы выспались и встали с легким похмельем в голове. Дренг принес воды и выдал кусочек чего-то, похожего на вяленую воблу. Такой же кусочек взял сам и принялся старательно жевать. Завтрак в постели — что может быть великолепнее. Я попытался откусить — и чуть не сломал себе зуб. Эта штука не только с виду походила на воблу, но и вкус у нее был совершенно такой же.

К тому времени, когда должны были опустить мост, мы укрылись в кустарнике на вершине холма — в непосредственной близости от ворот. Точнее — в самом близком к мосту укрытом месте: все деревья и кустарники на подступах к воротам были вырублены. Мне-то что, я лишь досадовал, что ближе подобраться невозможно, а Дренг трясся всем телом. Ну вот. В воротах стали появляться люди. Сначала выехали пятеро: маленький вооруженный человек и четверо рабов, которые волокли повозку.

— Это что еще? — спросил я.

— Сборщик дани. Поехали забирать часть урожая.

— А я думал, что крестьяне сами приходят в замок.

— Нет! Никогда! Это же верная смерть.

— Что, и они не приходят даже продавать продукты?

— Продавать? Они забирают у нас просто все, что им надо.

— А дрова? Вы что же, не продаете им дрова?

— Да они просто крадут их, когда им нужно.

«Хм, весьма односторонняя экономика», — подумал я. Но что-то ведь делать надо — не оставлять же Слона в таком жутком месте навеки. Да еще в качестве раба. Тут мои размышления были пре-

рваны суматохой возле ворот. И, похоже, мои мечты материализовались — из ворот, растолкав стражников, прямиком к нам неслась гигантская фигура.

Слон!

Да, это был Слон, и он несся во всю прыть. И, разумеется, следом за ним поспешали стражники.

— А ну, бери меч и вперед — за мной! — крикнул я, вложив рукоять меча в руку Дренга. И помчался сломя голову вниз по склону, визжа что было сил — чтобы отвлечь внимание стражников. Но те меня упорно игнорировали, так что пришлось пальнуть разок-другой поверх их голов.

Тут они заметили меня. Замедлили погоню, один вообще рухнул на землю и прикрыл голову руками. Слон летел вперед на всех парах, но один из стражников упорно бежал следом и размахивал пикой. Он ударил ею Слона в спину и сбил с ног. Я еще раз выстрелил на бегу, перепрыгнул через лежавшего Слона и свалил копьеносца ударом приклада.

— Наверх! На холм! — заорал я, увидев, что Слон поднимается на ноги, а его спина — залита кровью. Пальнув еще пару раз для острастки в стражников, кинулся ему на помощь и только тут заметил, что Дренг так и лежит, сжимая в руке меч, на вершине холмика.

— А ну, вниз и помогай ему, не то я тебя пристрелю! — заорал я и, обернувшись, снова выстрелил.

Опять ни в кого не попал, но заставил их залечь и пригнуть к земле головы. Слон заковылял вверх по склону, а Дренг, собрав в кулак всю свою совесть — или перепугавшись, что я и в самом деле его пристрелю, — стал ему помогать. Стражники, видать, окопались и приступили к действиям: вокруг засвистели пули. Пришлось пальнуть по ним еще пару раз.

Наконец мы вскарабкались на холм и ввалились в относительно безопасный для нас лес. Мы с Дренгом помогали идти, а точнее — просто тащили на себе Слона. Я мельком взглянул на его спину — рана выглядела неглубокой. Когда мы наконец продрались сквозь кусты и скрылись среди деревьев, можно было перевести дух. Стражники сюда не сунутся.

— Дренг, уводи нас. Поймать нас не должны.

И самое странное, что они нас так и не поймали. Парень, верно, все свое детство провел в этом лесу, так что знал тут любую тропку. Но идти было тяжело. Мы продирались сквозь кустарники, карабкались по крутому травянистому склону, опять продирались, опять поднимались. Наконец Дренг раздвинул какие-то кусты и указал на вход в небольшую пещеру.

— Однажды я выследил здесь фуррила. Про это место никто не знает.

Вход в пещерку был узковат и втаскивать туда Слона оказалось нелегким делом. Зато дальше пещера расширялась настолько, что можно было спокойно рассесться всем троим. Встать вот только было невозможно. Развернув одеяло, я уложил на него Слона и повернул на бок. Он застонал. Лицо его было в синяках и грязи. Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Спасибо тебе, мой мальчик. Я знал, что ты будешь рядом...

— Но даже я сам об этом не знал...

— Чепуха. Но, пожалуйста, быстрее...

И тут он дернулся и застонал, а его тело выгнулось от непереносимой боли. Боже мой — я совершенно позабыл про болевое кольцо! Сейчас, кажется, ему дают непрерывный сигнал — верная смерть!

Спешка — всегда убыток. Я заставил себя не суетиться, не спеша снял правый башмак и достал отмычку. Нагнулся, вставил ее, повернул — и кольцо соскочило. Боль пронзила мою руку, когда я отбрасывал его в сторону.

Слон лежал без сознания и тяжело дышал. Оставалось только ждать.

— Твой меч, — сказал Дренг, протягивая оружие.

— Оставь его пока себе. Не возражаешь?

Он опустил глаза и задрожал.

— Я хотел стать воином, но, видать, слишком для этого труслив. Я не смог заставить себя прийти вам на помощь.

— Но в конце концов ты же решился. Помни об этом. Нет таких людей, которым неведом страх. А смелый человек отличается именно тем, что делает свое дело, даже когда ему страшно.

— Достойная мысль, молодой человек, — раздался низкий голос. — Запомни ее навсегда, непременно запомни.

Слон уже пришел в себя и слабо улыбался, глядя на нас.

— Так вот, Джим, как я уже говорил, пока они не включили эту свою штуковину, я был уверен, что этим утром ты вернешься. Ты оказался на свободе, и я знал, что тут меня не бросишь. После твоего побега было много шума и криков, дурацкой беготни, а потом ворота закрыли, и все смолкло. Было понятно, что ночью тебе к нам не пробраться. А на рассвете ворота будут открыты, и я не сомневался, что ты окажешься поблизости, чтобы вытащить меня. Вот я и упростил тебе задачу. Вышел сам.

— Да уж, упростили! Едва не погибли...

— Так не погиб же. И, видишь, как все замечательно. Мы снова вместе, к тому же — на свободе. К тому же у нас появился со-

юзник. Неплохо для одного дня. А вот теперь один серьезный вопрос. Что мы будем делать дальше?

А в самом деле — что?

Глава 23

— Ну, что дальше — понятно, — ответил я. — Остаемся здесь, пока не утихнет шум. А поскольку мертвый раб стоит недорого, то он утихнет быстро.

— А откуда они знают, что я мертв?

— Вы забываете про болевое кольцо. Вы просто никуда деться не могли. Только умереть. Ну вот, а когда шум стихнет, мы отправимся к какому-нибудь жилью и перевяжем вашу рану.

— Какая ерунда. Крови многовато, но там же только царапина.

— А инфекция? Рану надо обязательно обработать. — Я обернулся к Дренгу: — Тут живет кто-нибудь поблизости?

— Да почти никого, вот только вдова Алфельтри — прямо за болотом. Надо пройти мимо сухого дерева, пойти вдоль края болота и...

— Стоп. Не рассказывай, ты нас туда отведешь. — Я опять повернулся к Слону: — А что мы будем делать дальше?

— А вот дальше, Джим, мы поступим в армию. Ты у нас теперь наемник, так что тебе туда прямая дорожка. А детали таковы. Армия всегда находится в крепости, а в любой крепости всегда есть закрытая комнатка, в которой свалены гроуты. Ты будешь воевать, а я займусь запертым помещеньицем. Кстати, армию я тебе уже выбрал. Тебе предстоит служить капо Димонте.

— Только не ему! — взвыл Дренг, вцепившись в свою шевелюру руками. — Он ужасен, съедает каждое утро по младенцу, его мебель обита человеческой кожей, а вино он пьет из черепа своей первой жены...

— Ну ладно, — урезонил его Слон. — Понятно, что в ваших краях у Димонте не слишком хорошая репутация. Как-никак, он враг капо Доччи и регулярно совершает на него набеги. А так, наверное, он ничем не лучше и не хуже местного. Но у него есть одно достоинство: он враг нашего врага.

— То есть почти наш друг. Отлично. У меня есть должок капо Доччи, и я хочу его возвратить.

— Не надо помнить обид, Джим. Это затуманивает сознание и обязательно испортит твою карьеру. А цель у нас простая — зарабатывать гроуты, а не сводить счеты.

Я кивнул и согласился:

— Разумеется. Но пока вы будете разрабатывать операцию, я вполне могу позволить себе небольшое развлеченьице.

Было видно, что Слон не одобряет меня. Увы, олимпийское спокойствие мне было не свойственно. Молодость, наверное. Я сменил тему:

— Ну, возьмем мы кассу, и что дальше?

— Выясним, как аборигены связываются с контрабандистами, с теми же венианцами. Нам это нужно просто для того, чтобы смыться отсюда. Но ты знаешь, чтобы достичь цели, нам с тобой придется принять религию. — Он расхохотался, увидев мою растерянность. — Не таращь на меня глаза, мой мальчик, я, как и ты, естественно-научный гуманист и не нуждаюсь в божьей помощи. Но все дело в том, что тут, на Спайовенте, вся технология находится в руках Ордена Черных монахов...

— Только не это! — вновь взвыл Дренг. — Они знают Тайны, которые лишают людей разума. Это из их мастерских появляются всяческие противоестественные штучки. Хрипящие и свистящие машины, говорящие ящички, болевые кольца. Держитесь от них подальше, хозяин, умоляю!

— Да, то, что сообщил наш юный друг, — правда, — кивнул Слон. — Конечно, тут надо принять во внимание и его естественный страх перед неизвестным. Да, каким-то образом вся технология сосредоточена в руках Черных монахов. Понятия не имею, что там у них за религиозные убеждения — если таковые вообще существуют, но они в самом деле производят и ремонтируют все механизмы, которые только имеются на планете. И это обеспечивает монахам известную безопасность, поскольку — ну кто же станет нападать на них, когда все остальные капотерии немедленно выступят против, чтобы не потерять доступ ко всяким металлическим штучкам. И нам с тобой не остается ничего другого, как связаться с монахами.

— Полностью одобряю ваш план. Итак, в армию, забираем все гроуты, связываемся с контрабандистами и покупаем свой отлет с планеты.

Дренг совершенно запутался в непонятных словах и время от времени вставлял в наш разговор какую-то несусветную чушь. Ему проще было действовать, так что он бесшумно удалился — видимо, на разведку, и столь же бесшумно вернулся. Никого вокруг, можно двигаться. Слон уже мог передвигаться практически без посторонней помощи, да и домик вдовы был неподалеку. Вдовица, несмотря на заверения Дренга, что все будет спокойно, задрожала как осиновый лист, едва нас увидев.

— Ружья и мечи... Убийства и смерть... Я погибла, погибла...

Однако, ворча и причмокивая беззубыми челюстями, вдова послушно поставила на огонь котел с водой. Я отрезал полосу ткани от своего одеяла, прокипятил и промыл Слону рану. Вдову удалось убедить выделить нам немного самогона; Слон вздрогнул, но не проронил ни звука, когда я промывал его открытую рану. Ну, надеюсь, что алкоголя в этой жидкости достаточно для дезинфекции. Прокипятил еще один кусок одеяла и перевязал Слона. Больше я ничего сделать не мог.

— Прекрасно, Джим, просто чудесно, — ехидничал Слон, натягивая на себя порванную куртку. — Видать, ты не зря потратил годы в бойскаутах. А теперь поблагодарим добрую вдову и отправимся с миром, а то хозяйке, похоже, не по себе в нашей компании.

И мы пошли по ухабистому проселку, с каждым шагом удаляясь от капо Доччи. Дренг оказался прекрасным добытчиком: лазил по окрестным садам за фруктами, выкапывал съедобные клубни на полях — прямо под носом у хозяев. Те, впрочем, не возражали и лишь почтительно хватались за чубы, увидев мое оружие. М-да, на этом свете уважают только бандитов. В первый раз в жизни я осознал преимущества миров Лиги.

К стенам крепости Димонте мы подошли только после полудня. Крепостишка выглядела чуть поприличнее, чем у Доччи, или так просто показалось издалека. Расположена она была на острове посреди озера. С берегом сообщалась посредством дамбы и подъемного моста. Дренг дрожал от ужаса и с радостью остался ждать меня на берегу вместе со Слоном. Воинственной походкой я перешел дамбу и взошел на мост. Два стражника с ленивым подозрением уставились на меня.

— Привет, братишки, — бодро начал я, выкатив грудь и подтянув живот. — Это владения капо Димонте, известного повсюду силой обаяния и мощью руки?

— А тебе-то что?

— Ты видишь: вооруженный и умелый воин желает поступить на службу.

— Да уж, братишка, ты и выбрал, — весьма мрачно протянул один из стражников. — Ну ладно, войдешь в ворота, пройдешь через двор, третья дверь направо, спросишь там. — Тут он наклонился ближе и прошептал: — За три гроута я дам тебе совет.

— Уговорились.

— Так плати.

— Потом. Сейчас я на мели.

— Ну еще бы — раз решил наняться сюда. Хорошо, через пять дней, но тогда уже пять гроутов.

Я согласно кивнул.

— Он предложит тебе очень мало, а ты не соглашайся меньше чем за два гроута в день.

— Спасибо. Я не забуду.

И пошел во двор. Нужная мне дверь была открыта, там находился толстый человек с совершенно лысой головой и что-то корябал в бумажках. Когда моя тень упала на стол, он поднял голову.

— Проваливай! — начал он очень невежливо. — Всем же сказано, что до послезавтра никаких денег!

— А мне тут, собственно, ничего пока не положено, — ответил я. — И, наверное, не будет, поскольку что же я стану к вам наниматься, когда вы своим так вот платите...

— Прости, добрый чужеземец, не разглядел. Солнце прямо в глаза светит. Ты хочешь к нам? Мы рады тебе. Меч и ружье у тебя есть, а боеприпасы?

— Есть.

— Прекрасно. — Он потер ладони. — Кормежка тебе и твоему слуге, один гроут в сутки.

— Два в день и боеприпасы.

Он нахмурился, пожал плечами, нацарапал что-то на листке и протянул его мне.

— Это контракт на год, жалованье повышается только по окончании срока. Если читать и писать не умеешь, поставь крестик вот здесь.

— Спасибо. Но я умею. Достаточно хорошо для того, чтобы заметить, что ты поставил тут четыре года. Так что я сначала исправлю, а уж потом — подпишу.

Что я и сделал, подписав документ именем судьи Никсона, прекрасно сознавая, что срока контракта мне дождаться не суждено.

— Ладно, приведу своего слугу и престарелого отца.

— Никаких дополнительных паек бедным родственникам! — взвился Сранк. — Делитесь между собой!

— Ладно, — согласился я. — Вы сама щедрость.

Отправился обратно и от ворот махнул своим сотоварищам.

— Так за тобой должок, — напомнил стражник.

— Расплачусь — когда эта крыса мне заплатит.

Он одобрительно хрюкнул.

— Если ты думаешь, что этот плох — погоди, еще поговоришь с капо Димонте. Думаешь, стал бы я сидеть тут только за зарплату, без доли от трофеев?

К воротам медленно приближались мои спутники.

Слон тащил упиравшегося Дренга.

— А долю от трофеев быстро дают?

— Сразу после битвы. Завтра выступаем.

— Против капо Доччи?

— Увы, нет. А то говорят, у него навалом денег и драгоценностей, вот бы и поделился. Да вот, выходит, что не в этот раз. Мы пойдем куда-то на север. Может, это будет неожиданное нападение на бывшего союзника — так что пока нам ничего не говорят. И правильно — напасть, когда никто и ухом не ведет, а мост опущен — половина выигрыша.

Раздумывая над этим образчиком военной мысли, я повел свой маленький отряд в казарму. Ну что же, особыми удобствами она не отличалась, но все же жилище разрядом повыше, чем обиталище рабов. Деревянные нары с соломенными тюфяками для воинов и солома под нарами — для слуг. Что-нибудь надо придумать и для Слона, ну ничего, взятка делу поможет. Мы присели на нары, а Дренг отправился на кухню.

— Как спина? — спросил я.

— Ноет, но не очень сильно. Немного отдохну и отправлюсь осматривать окрестности.

— Утром времени будет больше. Лучше отдохнуть, а то эти два дня были не из самых спокойных.

— Да, наверное, ты прав. А вот и наш парень с едой!

Еда оказалась горячим рагу, в котором среди овощей плавали кусочки какой-то птицы. Наверняка птицы: млекопитающие обычно перьями не покрыты. Мы разделили две порции на троих и немедленно все проглотили. Кому не известно, что свежий воздух и пешие прогулки положительно сказываются на аппетите. К рагу полагалась еще и порция кислого вина, от которого мы со Слоном, понюхав, отказались, а Дренг прихлебывал и глазки щурил. А потом завалился под нары и захрапел.

— Пойду-ка я осмотрюсь, — сказал я, — а вы пока полежите на койке...

Договорить я не успел, потому что раздался ужасающий визг горна. Я поднял глаза и обнаружил в дверях трубача. Он немедленно издал еще одну душераздирающую трель, и я был готов встать, подойти к нему и свернуть ему шею, но он отскочил в сторону и поклонился. В дверном проеме появилась сухопарая фигура, облаченная в голубой мундир. Присутствующие в казарме солдаты немедленно вскочили, склонили головы и потрясли оружием, отдавая честь. Я последовал их примеру. Надо полагать, к нам пожаловал капо Димонте собственной персоной.

Как я уже сказал, был он весьма худошав. К тому же у него, верно, было что-то не в порядке с кровообращением, ибо кожа имела голубоватый оттенок. Маленькие красные глазки выглядывали из

синих впадин, голубоватые пальцы потирали сизую челюсть. Капо подозрительно огляделся и начал речь. Голос у него оказался низким и глубоким.

— Мои солдаты, у меня для вас хорошая новость. Собирайтесь и готовьте оружие, в полночь мы выступаем. Марш будет быстрым, чтобы к рассвету добраться до Пинетских лесов. Идут только воины — слуги останутся здесь и присмотрят за вещами. В лесу мы проведем целый день и к вечеру отправимся дальше. Ночью соединимся с союзниками и на рассвете все вместе пойдем на штурм.

— Можно вопрос, капо, — заговорил один из моих новых коллег. Он был весь в шрамах, седой, так что, очевидно, человек весьма заслуженный. — Против кого мы выступаем?

Со всех сторон возник ропот, а ветеран продолжал:

— Если же имя нашего врага пока тайна, то скажите, кто наш союзник.

Но и этот вопрос не понравился капо Димонте. Он почесал подбородок и погладил рукоять ножа. Публика между тем ожидала. Казалось, капо сильно нуждается в нашей поддержке, поэтому в конце концов он заговорил:

— Вам будет приятно узнать, что наши союзники отважны и сильны. У них есть боевые машины, и эти машины способны сокрушить любые препятствия. С их помощью мы сможем взять любую крепость, разгромить любую армию. И это большая удача, что мы выступаем на их стороне.

Он сжал губы, явно не желая продолжать, но что поделаешь...

— Наша победа несомненна, ведь наши союзники это... Орден Черных монахов!

В помещении повисла напряженная тишина. И взорвалась негодующими воплями. Я совершенно не понимал, какие претензии имеются у присутствующих к Ордену, но было очевидно — ничего хорошего в таких союзниках нет.

Глава 24

Капо высказался и немедленно вышел. Крики между тем продолжались, и через какое-то время стало очевидным, что громче всех орет именно тот, весь покрытый шрамами, ветеран. Наконец он взобрался на стол и своими воплями заставил замолчать всех остальных:

— Вы все знаете старину Таскера. Я вовсю рубил головы, еще когда большинство из вас и на горшке-то сидеть не умели. Так вот,

я буду говорить, а вы будете слушать. А кто захочет, выскажется позже. Есть возражения?

Поскольку вместе с последними словами он продемонстрировал собравшимся сжатый кулак и оглядел всех свирепым взглядом, то возражений не было.

— Хорошо. Так вот, слушайте. Я давно знаю этих псов в черных сутанах и не доверяю им ни на полгроута. Они заботятся только о своих шкурах. Если они хотят, чтобы мы бились на их стороне, — значит, дельце будет опасным, и они предпочитают, чтобы вместо них подыхали мы. И мне это не нравится.

— Мне тоже, — подал голос кто-то из толпы. — А у нас что, есть выбор?

— Нет, — сердито рявкнул Таскер. — В том-то и дело, что выбора у нас нет. Похоже, нас обули.

Он вытащил свой меч и грозно потряс им в воздухе.

— Все оружие, которое мы имеем, нам поставляют Черные монахи. Кроме новых ружей. Без их помощи нам будет нечем воевать, а раз так, то придется либо голодать, либо вкалывать на фермах. А это не для меня. И, похоже, и не для вас тоже. Так вот — или мы не воюем, или воюем. Все вместе. А если мы пойдем биться, а какая-нибудь гадина вздумает улизнуть, то я ее лично прирежу.

И он еще раз пригрозил сверкающим клинком.

Народ безмолвствовал.

— Веский довод, — шепнул мне на ухо Слон. — Безупречная логика. Ему бы философией заняться, а не растрачивать себя по пустякам. Похоже, вам придется с ним согласиться.

Что и произошло. Ну, правда, после криков и споров. Так или иначе, но нынче ночью мы выступаем на стороне Черных монахов. Хотя и противно. Господа наемники по инерции продолжали бучу, мне все это наскучило, и я завалился спать, а Слон отправился куда-то собирать информацию.

Разбудили меня новые крики, на сей раз начальственные. Сон не взбодрил, наоборот, после него усталость, казалось, только усилилась. Но, похоже, я не был одинок в своем пессимистическом отношении к жизни: кругом ругань, мрачные взгляды — ночной марш не радовал решительно никого. Кстати, некоторые из проклятий оказались весьма любопытными с чисто филологической точки зрения, и я постарался их запомнить, дабы воспользоваться ими в будущем. Итак, марш. Я умылся холодной водой, что меня немного взбодрило. Слон сидел на койке. Встал и протянул свою лапищу.

— Будь осторожен, Джим. Помни, в этом варварском мире человек человеку — волк.

— А мне такая житуха по нраву, старина, — отшутился я. — Не беспокойтесь.

— Знаешь, — вздохнул он, — я все равно беспокоюсь. Смешно, я всю жизнь смеялся над всякими там предсказателями, астрологами и прочими хиромантами, а вот теперь... Я сам себе противен за ту депрессию, в которой оказался, но будущее кажется мне темным и пустым. Мы недолго были вместе, и мне не хочется, чтобы нашей дружбе пришел конец. Прости меня, но я предчувствую опасность и ощущаю просто безысходное отчаяние.

— Так ведь тому есть причины. — Я старался говорить с энтузиазмом, хотя мне это и плоховато удавалось. — Вы лишились своего положения, очутились в тюрьме, бежали, прятались, сидели на диете, опять бежали, давали взятки, были обмануты, проданы в рабство, ранены и еще хотите, чтобы не было депрессии?

Но мои слова вызвали лишь слабую улыбку на его лице. Он пожал мне руку.

— Конечно, Джим, ты прав. В крови — токсины, в башке — депрессия. Будь осторожен, следи за собой. К твоему возвращению я придумаю, как избавить капо от лишних гроутов.

Впервые за все время нашего знакомства он выглядел на свои годы. Обернувшись в дверях, я увидел, как тяжело он укладывается на нары. Ничего, к моему возвращению ему полегчает. А Дренг будет его кормить и ухаживать за ним. Мое же дело — выжить и вернуться.

Марш оказался тяжелым и изматывающим. День выдался жарким, так что и ночь не принесла особого облегчения. Мы тащились, обливаясь потом и отбиваясь от мелких кровососов, которые кружились над нами тучами в ночной мгле. Ухабистая дорога заставляла быть в постоянном напряжении, ноздри забивала пыль. Мы шли и шли вперед, следом за громыхающей и свистящей повозкой, которая возглавляла наше шествие. Один из паровичков тащил повозку с капо Димонте, так что тот перемещался с каким-никаким, но комфортом. Командиры находились явно при нем — попивали винцо и сопели в две дырочки. А нам даже ругаться вслух сил уже не было.

Когда наконец мы вошли под сень Пинетского леса, усталость уже довела нас до отчаяния. Подобно большинству, я рухнул на ковер из пахучих игл и застонал от счастья. Услышав, что часть отряда во главе с неутомимым стариной Таскером требует перед отдыхом своей доли кислого вина, я поразился их выносливости и отключился.

Весь день мы оставались на одном месте. Отдых был кстати. Около полудня нам раздали пайки — там было что-то твердокаменное, отчасти напоминавшее давно зачерствевший хлеб. Запивать его пришлось теплой, провонявшей водой. Потом я опять спал, а в сумерках нас подняли, выстроили, и марш был продолжен.

Через несколько часов мы подошли к перекрестку и свернули направо. По рядам пронесся легкий ропот — кто-то, похоже, в этих краях ориентировался.

— Что говорят? — спросил я человека, молча шедшего рядом.

— Капотерия Динобли. Вот куда мы идем. В этих краях нет ни одной другой крепости. До остальных идти несколько дней.

— А ты что-нибудь о нем знаешь?

Он хрюкнул и замолчал, но заговорил человек, шедший сзади:

— Я у него служил, давно, правда. Он и тогда был уже стар, теперь-то, поди, совсем развалина. Да ну, капо как капо, все они одинаковы.

Опять навалилась усталость. Бог мой, на свете есть масса более приятных способов заработать себе на жизнь. Нет, эта кампания будет первой и последней в моей жизни. По возвращении мы берем со Слоном кассу и убегаем, унося столько гроутов, сколько сможем. Тут я едва не налетел на спину идущего впереди: мы, оказывается, остановились.

Дорога шла вдоль леса, а на фоне темных силуэтов деревьев виднелись еще более густые тени. Я попытался сообразить, что это может быть такое, но тут появился офицер.

— Нужны добровольцы, — заявил он. — Ты, ты, ты и ты.

При этом он коснулся и моей руки, так что я превратился еще и в добровольца. Тех, кого выдернули из строя и погнали к лесу, оказалось около двадцати. Тучи разошлись, и в свете звезд можно было разглядеть, что черные пятна — непонятные механизмы на колесах. Тихонько свистел пар, вырывающийся из какой-то трубки. От механизма отделилась темная фигура и остановила нас:

— Я расскажу вам, что вы должны делать.

Едва он начал говорить, как в ближайшей к нам машине распахнулась металлическая дверка. В топку — а это была топка — подкинули дрова, и пламя осветило говорившего. Одет он был в черный балахон, черный капюшон полностью скрывал его лицо. Он указал на машину:

— Эту машину надо совершенно бесшумно провезти через лес. Я прикончу любого, кто издаст хотя бы звук. Дорога расчищена еще днем, так что идти будет легко. Беритесь за канаты и тащите.

Вторая фигура в черном раздала нам веревки и выстроила в линию. Мы впряглись и по сигналу потащились вперед.

Но эта штуковина ехала довольно легко. Шепотом нам сообщали, куда идти. Потом мы остановились на опушке леса. Отпустили веревки и стали толкать махину руками, пока наконец командиры не были удовлетворены. Потом они затеяли долгий спор о дальности и прицеле, я пытался понять, что происходит, но не слишком в этом преуспел. Начальство пока о нас позабыло, и я улучил минутку, чтобы выглянуть из кустов.

Очень интересно там оказалось. Впереди было поле, полого поднимавшееся к крепости. Темные башни отчетливо виднелись на фоне мутного неба. У подножия крепости мерцали отсветы звезд — вода защитного рва.

Я проторчал возле кустов до рассвета, а потом вернулся к остальным — чтобы выяснить, что за махину мы тащили через лес. Очертания механизма виднелись уже четко, но понять, что же это такое, все равно не удавалось. Очередной паровичок с какой-то длинной стрелой наверху. Фигура в черном возилась с рычагами управления. Свист пара усилился, длинная стрела опустилась и легла на землю одним концом. Подойдя, я обнаружил там большой металлический ковш — и немедленно был наказан за любопытство: меня тут же заставили тащить огромный валун. Вдвоем еще с каким-то бедолагой мы откатили его от кучи, но загрузить в ковш смогли, лишь позвав на помощь еще двоих. Что за дела? Я присоединился к остальным наемникам, тут объявился капо Димонте, которого сопровождал человек в сутане.

— А она сработает, брат Фарвел? — осведомился Димонте. — Я же в этих механизмах ничего не соображаю.

— Зато я все в них понимаю, вот увидите. Едва только мост спустят, как машина разнесет его вдребезги.

— Да уж хотелось бы. А то стены высоки, и потери, если придется лезть через них, будут большими.

Брат Фарвел отошел к устройству и принялся инструктировать водителя. В котел подкинули очередную порцию дров, шипение усилилось. День уже наступил. Поле перед нами лежало совершенно мирное, тихий такой сельский пейзаж. Просто идиллия. А позади, за моей спиной, в кустах скрывалась маленькая, но армия и боевые машины. Было ясно, что схватка начнется, едва мост опустят и машины выведут его из строя.

Нам приказали лечь — чтобы не заметили из замка. Солнце давно уже взошло, день был в разгаре, но ничего не происходило. Я подобрался к машине поближе.

— Не опускается, — пробормотал вдруг Фарвел. — В это время мост всегда опущен. Что-то тут не так.

— Может, они знают, что мы здесь? — предположил капо Димонте.

— Да! — Над нами раздался невероятно громкий голос. Казалось, он идет с верхушек деревьев. — *Мы знаем, что вы здесь. Ваша атака обречена. И все вы — также. Готовьтесь встретить неминуемую смерть!*

Глава 25

Да, голос возник совершенно неожиданно. Я аж подпрыгнул от удивления. И не только я — монах, управлявший машиной, был ошарашен не меньше. Его рука дернула какой-то рычаг, раздалось шипение, стрела рванулась вверх, описала широкую дугу и врезалась в какую-то невидимую преграду: аппарат содрогнулся и задребезжал. Стрела замерла, но камень, лежавший в ковше, по инерции продолжал движение. Я рванулся вперед и успел заметить, что он рухнул в ров прямо перед поднятым мостом. Отличный выстрел — наверняка камень разбил бы мост, если бы тот был опущен.

Все вокруг пришло в движение. Брат Фарвел отшвырнул монаха от рычагов и принялся его колошматить, рыча от ярости. Появились мечи, забегали солдаты — некоторые стали палить по кронам деревьев. Капо Димонте изрыгал приказы, которых никто не слушал. Я прижался спиной к дереву, взял на изготовку ружье и приготовился отражать атаку.

Но атаки не последовало. Снова загремел таинственный голос:

— Уходите. Возвращайтесь туда, откуда вы пришли. Вас пощадят. Капо Димонте, ты делаешь ошибку. Тебя просто используют Черные монахи. Ты погибнешь зря. Возвращайся в свою крепость, здесь тебя ждет только смерть.

— Вот он! Я его вижу! — заорал брат Фарвел, тыча пальцем куда-то вверх. Тут он обернулся и, обнаружив меня, приказал: — Вон там, на ветке. Это творение дьявола, немедленно уничтожь его!

А почему бы и нет? Теперь я тоже увидел эту штуку. Подумаешь, обычный громкоговоритель. Ружье бабахнуло, сильно толкнув меня в плечо, мимо. Выстрелил еще раз, и динамик рассыпался на кусочки.

— Это всего лишь машина! — заорал брат Фарвел. — Начинайте атаку. Капо, гоните людей вперед. Мои метатели смерти поддержат вас — они проломят стены.

Выбора не было. Капо закусил губу и подал знак горнисту. Тот издал три резких звука, их подхватили горнисты на флангах и в тылу. Когда передовые части войска вышли из леса, он поднял меч и приказал следовать за ним. С огромной неохотой я затрусил вперед.

Да, яростной атакой мероприятие назвать было трудно. Так, что-то вроде принудительной прогулки. Мы вышли в поле и стали ждать, пока на позиции выедут метатели смерти. Наконец паровики заняли свои места и принялись швыряться камнями. Камни свистели над нашими головами, некоторые исчезали за стенами крепости, а некоторые — ударялись в стены и отскакивали от них. Черта с два они их проломают.

— Вперед! — заорал капо и взмахнул мечом. И вот тут-то...

Из-за крепостных стен вылетели серебристые шары, пролетели над полем и упали неподалеку от нас.

Хлоп — и раскрылись. Один упал совсем рядом, так что я смог увидеть, что это — тонкостенный контейнер, заполненный какой-то жидкостью. А жидкость дымилась и, похоже, интенсивно испарялась. Отравляющее вещество! Я кинулся прочь, стараясь на бегу не дышать. Куда там! Эти штуковины падали повсюду, в воздухе разливался тяжелый химический запах, легкие уже разрывала боль удушья, и я не смог удержаться — вдохнул.

И как только воздух попал в легкие, упал. И мрак объял меня.

Я лежал на спине — вроде бы, но остальное совершенно тонуло в сплошной головной боли. Малейший поворот головы словно затягивал раскаленный обруч на висках. Я попытался приоткрыть хотя бы один глаз — внутри глаза словно что-то взорвалось. Я застонал и услышал, что мой стон подхвачен товарищами по несчастью. Боль в голове была совершенно невероятной, какой-то галактической, всемирной головной болью, по сравнению с которой любая мигрень — полная чепуха. Я вспомнил все случаи, когда у меня болела голова, и посмеялся над прошлым. Детские штучки. Вот эта — настоящая. Рядом кто-то застонал, и я — как и многие, лежащие вокруг, — отозвался, и не только из солидарности.

Но понемногу боль начала отпускать. Удалось даже приоткрыть глаз, затем другой. Надо мной высилось голубое небо, ветер шуршал травой. С огромной осторожностью я приподнялся на локте и окинул взглядом поле битвы.

Оно было усеяно бездыханными телами. Впрочем, некоторые уже возвращались из небытия и сидели на земле, держась за головы. А парочка тех, что повыносливее или — поглупее, даже поднялись на ноги. Повсюду валялись обломки серебристых снарядов,

выглядевших теперь совсем невинно. В голове все еще что-то стучало, но не это было теперь важно. Итак, мы живы. Газ не убил нас, но просто вывел на время из строя. Весьма благородно. Я взглянул на собственную тень и прикинул, насколько она укоротилась. Сейчас что-то около полудня. Итого, мы были без сознания несколько часов.

Так почему же мы не мертвы? Отчего же люди капо Динобли не вышли в поле и не перерезали нас, как кроликов? Или хотя бы не разоружили? Мое ружьецо валялось рядом, я проверил — оно было даже заряженным. Сплошные загадки. Я вскочил и тут же пожалел об этом — в голове застучало, и раздался пронзительный вопль. Я снова сел на место и растерянно огляделся.

Нет, орал не я. Орал брат Фарвел. При этом он рвал волосенки на своей голове. Вообще такое поведение, насколько я успел его узнать, ему было не свойственно. С превеликой осторожностью я все же попробовал встать на ноги. Очень любопытно, что же так расстроило монаха.

Ага, теперь понятно.

Он стоял возле одного из метателей смерти. М-да, механизму не слишком повезло: он был разворочен, разбит, раскурочен, разнесен на части. Просто гора металлического хлама, погнутых трубочек и рваной обшивки. Длинная стрела была аккуратно разрезана на три части, даже колеса валялись отдельно от корпуса. Ремонту устройство, очевидно, не подлежало. Брат Фарвел продолжал орать и рвать на себе волосы, наконец сорвался с места и куда-то побежал. Клочья волос, подхваченные легким ветерком, летели следом за ним.

Брат вернулся, тут криками разразились уже все остальные монахи, а Фарвел доковылял до капо Димонте, который пришел в себя лишь теперь.

— Разрушены, все до одной! — рычал монах, а капо его не слушал и только зажимал руками уши. — Плоды шестилетних трудов. Пропали, разбиты, полная погибель! Разрушены метатели смерти, паровой таран, и сделал это он — капо Динобли. Поднимай людей и атакуй крепость, он должен быть наказан за это несусветное кощунство!

Капо глянул в сторону крепости. Она стояла такая же тихая и спокойная, как и на рассвете. Мост поднят, будто ничего и не происходило.

Димонте повернулся к монаху, лицо его было холодным и отрешенным.

— Нет. Я не поведу людей на стены. Так мы не договаривались. Вы должны были сделать проходы, мое дело — атака.

— Ты не можешь взять свои слова обратно...

— Так я их и не беру. Разбейте стены, и мы пойдем в атаку. Вперед, союзники.

Брат Фарвел покраснел от ярости, набычился и воздел кулаки к небу. Капо остался невозмутим и лишь вынул меч из ножен — видимо, для профилактики.

— Ты видишь, я вооружен, — счел необходимым заметить он. — И мои люди — тоже. Это намек, и я его понял. Пока мы тут валялись, люди Динобли могли сто раз перерезать нам глотки и забрать оружие. Они этого не сделали — только разрушили твои машины. Значит, они воюют не со мной. Поэтому и я не буду воевать с ними. Деритесь сами, это ваша война.

Носком башмака он пнул горниста, все еще валявшегося на земле.

— Труби сбор.

Надо сказать, что мы были вполне счастливы покинуть Черных монахов, занятых плачем над разбитой техникой и утраченными надеждами. Весть о случившемся быстро достигла ушей каждого, болезненные гримасы сменились радостными улыбками, головная боль прошла, а на ее место пришло чувство облегчения. Не будет никакой битвы, никаких опасностей. Монахи заварили эту кашу, вот пусть и расхлебывают. А моя улыбка была особенно широкой — у меня появились очень хорошие новости для Слона.

Я знал, как мы сможем покинуть эту чертову планету.

Я уже понимал, что происходило прошлой ночью. Разумеется, наше приближение не осталось незамеченным в темноте. Есть же всякие полезные приборы. Конечно, наблюдатели заметили просеку, увидели механизмы, и понять общий смысл затеи не составляло большого труда. На дереве установили обыкновенный громкоговоритель. Был выбран сильный, не вполне гуманный газ. И все это заведомо превышает технические возможности планеты и означать может только одно.

Там, в крепости капо Динобли, находились инопланетники. Была у них тут, видимо, какая-то своя цель. Видимо, их как-то обнаружили монахи и сильно отчего-то на них разозлились. Впрочем, легко понять, почему — раньше только монахи держали в своих руках все технологии на Спайовенте. Кстати, насколько я успел заметить, вся техника была исключительно военной... Я стал припоминать длинные лекции Слона по геополитике и экономике и уже было пришел к полному решению наших запутанных проблем, но тут в первых рядах колонны послышались громкие вопли. Что такое? Я протолкался

вперед и увидел изможденного гонца, валявшегося на траве подле дороги. Капо Димонте потрясал кулаками и изрыгал проклятия:

— Напасть за моей спиной! На мою крепость! Это сын червя, Доччи, это он! Вперед, быстрым маршем! Домой!

Вторично совершить подобный марш-бросок я не решусь никогда. Мы отдыхали, лишь когда без сил валились на дорогу. Выпивали немного воды и снова шли вперед. Подгонять нас не было необходимости — это касалось всех. Там, в крепости, были семья капо, его казна, наши слуги. Под охраной лишь маленького отряда стражников.

Я беспокоился за Дренга, которого едва знал. И за Слона. Что станется с ним, когда крепость будет взята? Да ничего, наверное. Он же стар и безобиден.

Но я понимал, что, увы, все это не так. Он был беглый раб, а как на этой планете обходятся с беглыми рабами, я мог себе представить.

Еще глоток воды, немного еды и снова вперед. Всю ночь без отдыха. На рассвете я увидел, что наша колонна растянулась, впереди оказались наиболее сильные и я — в их числе. Когда я остановился, чтобы перевести дух, то вдруг заметил двух мужчин, торопливо удалявшихся по дороге.

— Разведчики! — заорал я. — Мы обнаружены!

Капо выскочил из повозки и подбежал ко мне. Я указал рукой:

— Два человека. Прятались в кустах и побежали в сторону крепости.

Капо в ярости заскрежетал зубами.

— В таком состоянии нам их не догнать. Доччи будет предупрежден и сбежит.

Он взглянул на растянувшуюся колонну и подозвал офицеров:

— Баркус, ты останешься здесь, дашь им отдохнуть и двинешься за нами. Я отправлюсь со всеми, кто способен идти. Они будут по очереди отдыхать в повозке. Мы уходим.

Я взобрался в повозку, мы тронулись: другие бежали рядом, придерживаясь за нее, чтобы экономить силы. Паровичок хрипел, гремел и дымил, пока мы медленно вползали на холм.

Впереди показались башни крепости, над ними висел дым. Когда мы свернули за очередной поворот, то впереди себя увидели шеренгу вооруженных людей. Они дали по нам залп. Мы не сбавили скорости. Паровичок громко присвистнул, мы поддержали его жутким ревом, ярость просто несла нас впе-

ред. Враг дрогнул и побежал. Кажется, это был просто заслон, и они присоединились к основным силам Доччи, отходившим от озера.

Когда мы добрались наконец до дамбы, там уже не было ни одного противника. Над разбитыми воротами крепости поднимался дым. Я был рядом с капо, когда мы подошли к воротам. В проеме показался солдат и устало отсалютовал мечом.

— Мы остановили их, капо, — сообщил он и прислонился спиной к стене. — Они ворвались во двор, но в башню мы их не пустили. Они пытались поджечь входную дверь.

— Леди Димонте, дети?

— Все живы. И казна цела.

Но казарма располагалась во дворе, а не в башне! Я протолкался вперед, пробрался сквозь разбитые ворота. Кругом лежали тела, множество тел. Безоружные слуги, зарубленные в ходе битвы. Из башни выходили защитники — среди них был и Дренг. В руке он держал топор, его одежда была запачкана кровью, но выглядел он спокойным.

Я глянул ему в лицо и прочел там скорбную весть. Он мог уже ничего не говорить, я все уже знал. Слова донеслись, словно издалека:

— Я ничего не мог поделать. Я не мог остановить их. Он мертв. Наш старик мертв.

Глава 26

Закрыв глаза, он лежал на койке — словно спал. Никогда я еще не видел его таким спокойным. Дренг укрыл его до подбородка моим одеялом, умыл ему лицо и расчесал волосы.

— Когда начался штурм, я не смог его перенести в башню, — рассказывал Дренг. — Он был слишком тяжел, слишком болен. Спина стала совсем черной, очень горячей. Он приказал, чтобы я уходил, потому что он все равно уже покойник. Сказал, что так или иначе — не убьют враги, так убьет эта... фекция. Да, им его убивать не пришлось...

Учитель и друг. Они его все же убили... Он стоил больше, чем все население этой зачуханной планетки. Дренг дотронулся до моей руки, и я отдернул ее, сердито повернувшись к нему. Он протягивал мне какой-то сверточек.

— Я украл для него кусочек бумаги, — пояснил Дренг. — Он хотел тебе написать. Вот.

Молча я развернул листок. На пол выпал вырезанный из дерева ключ. Я подобрал его и пробежал глазами написанное. Там был изображен план крепости, стрелка указывала на одну из комнат. Надпись гласила: ХРАНИЛИЩЕ. А снизу была приписка, сделанная твердым, разборчивым почерком.

«Похоже, дела мои настолько плохи, что увидеться с тобой мне не удастся. Сделай металлическую копию ключа — это от хранилища. Пока, Джим, приятно было познакомиться. Будь сильной крысой».

И подпись — тоже аккуратная. Я прочел имя — два раза. Нет, он подписался не одной из своих кличек, даже не Слоном. Он поставил там свое настоящее имя. Самое дорогое — зная, что я единственный человек во Вселенной, кто оценит такое доверие.

Навалилась страшная усталость, и я вышел из казармы. Дренг принес чашку воды. Да, отчего-то вдруг жутко захотелось пить — выпив чашку, я послал Дренга за следующей.

Ну вот и все. Конец. Он чувствовал его приближение, но беспокоился обо мне. Думал обо мне, когда смерть уже прикоснулась к нему.

Что дальше? Как мне быть дальше?

Все обрушилось на меня разом: усталость, боль, жалость. И прямо на солнцепеке я завалился на бок и уснул. Проснулся, когда было уже далеко за полдень. Дренг принес мне одеяло, подложил под голову и все время, пока я спал, сидел рядом.

О чем нам было говорить? Мы положили тело Слона на тележку и по дамбе отвезли на берег. Не одни мы были заняты скорбным трудом. Около дороги высился небольшой песчаный холм, на его травянистых склонах росли деревья. Вид на крепость открывался отсюда превосходный. И мы похоронили его здесь, не поставив над могилой ничего — ни памятника, ни знака. Этот жалкий мир был недостоин его. Хватит с него и того, что тут будет покоиться его тело. Если я и воздвигну памятник своему старшему другу, то за многие световые годы отсюда. Ничего, настанет время, и я исполню этот долг.

— Ну что же, Дренг, займемся теперь капо Доччи и его компанией. Да, мой добрый друг отрицал месть как метод, так что мстить я себе не могу позволить. Назовем это справедливым возмездием. Преступников надо исправлять. Вот только как?

— Я помогу тебе, хозяин. Сначала я не мог сражаться, боялся, а потом рассвирепел и теперь готов стать воином, как ты.

Я кивнул ему. Мысли обретали ясность.

— Знаешь, Дренг, война — это не занятие для настоящего фермера. Не лезь ты во все эти дела. Но запомни, как ты победил свой

страх, тебе это в жизни поможет. И еще — Джим ди Гриз всегда возвращает свои долги — ты вернешься на ферму. Сколько стоит ферма?

Дренг опешил.

— Не знаю. Я никогда ферм не покупал.

— Это понятно. Но ведь кто-то же из твоих знакомых в курсе?

— Ну... Когда старый Квечи вернулся из армии, то заплатил вдове Рослер двести гроутов... Нет, двести двадцать...

— Отлично. С учетом инфляции пятисот гроутов тебе хватит. Держись со мной, парень, и ты получишь свое хозяйство. А теперь топай-ка на кухню и тащи еду, а я пока займусь планом действий.

Все это представлялось шахматной партией, которую разыгрываешь в уме. Дебют был практически очевиден. Если разыграть его по нотам, то партия обязана закончиться полной победой. И я сделал первый ход.

Капо Димонте развалился на троне — усталый, как и все мы, с покрасневшими глазами и бутылкой вина в руке. Я протолкался сквозь толпу офицеров, окружавших его. Он мрачно глянул на меня и махнул рукой:

— Уходи, солдат. Награду ты получишь. Я помню, ты отлично поработал сегодня. Но оставь меня, мне надо все обдумать...

— Затем я сюда и пришел, капо. Чтобы рассказать тебе, как разгромить Доччи. Я служил у него и знаю многие его секреты.

— Говори.

— Только наедине, капо.

На мгновение он задумался и махнул рукой. Остальные, недовольно ворча, вышли. Пока двери за ними не закрылись, капо прихлебывал вино.

— Ну, выкладывай. И побыстрее, а то у меня плохое настроение.

— У всех плохое. То, что я хотел рассказать без свидетелей, пока не имеет отношение к капо Доччи. Пока. Ты его разгромишь, в том нет сомнений. Но для этого надо привлечь на свою сторону капо Динобли со всеми его секретами. Что может быть лучше, когда во время нашего штурма все защитники крепости окажутся спящими?

— Не ври, Динобли соображает в таких вещах не больше, чем я. Да к тому же он еле ходит и последний год вообще лежит в постели.

— Я слышал. Но те, кто использует его крепость в своих целях, те, на кого пошли войной Черные монахи, — они-то понимают. И именно они помогут тебе.

При этих словах он выпрямился, глаза его заблестели, как у старого интригана. Коим, впрочем, он и был.

— Отлично. Ты и отправишься к ним. Посули им долю от добычи — ты, кстати, тоже ее получишь, если провернешь это дело. Иди и от моего имени обещай им все, что сочтешь нужным. Еще до конца этого месяца Доччи будет жариться на моем вертеле, его тело будет истерзано раскаленными гвоздями, голова...

Он продолжал разглагольствовать в том же духе, но мне это уже было неинтересно. Я сделал первый ход — пешкой. Теперь пора вводить в бой силы покрупнее. Я откланялся, оставив капо бормотать проклятия, размахивать руками и расплескивать вино. Слишком уж эти ребята неуравновешенны.

Дренг уже собрал наши скудные пожитки, и мы немедленно отправились в путь. Пока крепость не скрылась из виду, мы шли по дороге, а затем свернули к протекавшему неподалеку ручейку. Там, возле него, был лужок, куда мы и направились.

— Здесь мы останемся до утра. Я хочу отдохнуть и все хорошенько обдумать. Надо быть в форме.

Ночной сон освежил мой мозг, и все вроде бы встало на свои места.

— Дренг, — сообщил я парню, — это будет операция для одного человека. Мне неизвестно, какой прием я встречу, возможно, мне придется выбираться оттуда с боем. В общем, там мне может оказаться не до тебя. Возвращайся в крепость и жди меня там.

Стучаться в ворота не пришлось, там стояли двое здоровенных стражников. Я пересек поле, миновал останки боевых машин монахов, которые уже успели покрыться рыжим налетом ржавчины, и ступил на мост. И, старательно держа ружье стволом вниз, подошел к охране.

— У меня важное сообщение к тому, кто здесь распоряжается.

— Проваливай-ка, — меланхолично ответил тот, кто повыше, при этом он наставил на меня ружье. — Капо Динобли никого не принимает.

— Да мне дела нет до капо, — сообщил я, заглядывая через головы охраны во двор. А там как раз проходил человек в грубой одежде. В совсем обыкновенной одежде. Вот только под драными отворотами штанов блестели пластиковые башмаки.

— Желаю капо доброго здравия, — заговорил я, повысив голос. — Надеюсь, он регулярно принимает нейростимуляторы и его осматривает хороший геронтолог.

Стражник в недоумении зарычал, но мои слова предназначались вовсе не для его ушей. А человек, пересекавший двор, остановился как вкопанный. И медленно повернулся в мою сторону. На вытянувшемся лице горели пронзительные голубые глаза. Он молча оглядел меня, подошел и заговорил со стражниками — по-прежнему изучающе рассматривая меня:

— В чем тут у вас дело?

— Да ерунда, ваша честь. Лезут тут всякие.

— Пропустите-ка его. Хочу его кое о чем порасспросить.

Стража взяла на изготовку, и я прошел в ворота. Когда мы отошли настолько, что нас не могли услышать, человек обернулся ко мне и еще раз оглядел с немалым удивлением.

— Иди за мной. Хочу говорить с тобой с глазу на глаз.

И не проронил больше ни слова, пока мы не вошли в комнату и не заперли дверь за собой.

— Ты кто? — начал он с естественного, но слишком уж прямолинейного вопроса.

— Знаете, я хотел спросить о том же самом вас. Лиге, например, известно о вашей деятельности на этой планете?

— Лиге?! Разумеется! Это же вполне законный... — И тут он осекся. Помедлил, улыбнулся и продолжал: — Ну, это, во всяком случае, говорит о том, что ты с другой планеты. А ну-ка, присаживайся да рассказывай. А потом я решу, что именно я могу сообщить тебе о нашей работе.

— Что же, справедливо, — кивнул я и рухнул в кресло, а ружье положил на пол. — Итак, меня зовут Джим. Я был в экипаже венианского корабля, у меня возникли нелады с капитаном, и он высадил меня на этой вот чужой планетке. Вот и все.

Он взял блокнот и принялся записывать.

— Тебя зовут Джим, а фамилия твоя...

Я промолчал. Он нахмурился.

— Ладно, пока оставим. Как звали капитана?

— Думаю, сэр, пока придержать эту информацию. Пока вы не объясните мне, кто же вы.

Он отложил блокнот в сторону и откинулся в кресле.

— А что я могу рассказать тебе, так и не зная, кто ты? Как ты попал на Вению? Как называется столица твоей планеты? Как зовут депутата Галактического Совета от твоей планеты?

— О, все это было так давно, что я забыл...

— Не лги. Ты такой же венианец, как и я сам. Пока я не узнаю больше...

— А что вы хотите узнать? Меня зовут Джим, я подданный Лиги, в детстве меня было не оттащить от тривизора, всю жизнь я обедал у Максвина — оборот сорок два миллиарда, распростране-

ны по всей Галактике, — изучал молекулярную электронику, и еще у меня «черный пояс» по кемпо. Этого хватит?

— Возможно. Но ты сказал, что тебя высадили на эту планету с венианского корабля. А это — ложь. Контакты со Спайовентой запрещены.

— А это был незаконный контакт. Венианский грузовик привез сюда оружие. Это, например.

А вот это его уже сильно заинтересовало. Он немедленно схватил блокнот.

— Имя капитана...

Я молча покачал головой.

— Эту информацию вы получите, если организуете мой отлет отсюда. А сделать это вы в состоянии, поскольку, судя по вашим словам, находитесь здесь с ведома Лиги. Так что давайте торговаться. У меня в наличии достаточное количество гроутов, чтобы оплатить себе обратный билетик. Вы окажете мне небольшую помощь в решении одной совершенно частной проблемы, а я назову вам имя капитана.

Все это ему пришлось не по душе. Он напряженно размышлял, будто извиваясь на крючке, но соскочить с него так и не смог.

— Ну ладно, пока вы все это обдумываете, — предложил я, — расскажите хотя бы, кто вы и чем тут занимаетесь.

— Ты должен пообещать, что не откроешь этих сведений местным. Наша операция может оказаться успешной, если ее детали останутся в тайне.

— Обещаю, конечно. Никому из местных я ничем не обязан.

Он сцепил пальцы и снова откинулся в кресле, будто вознамерившись прочесть лекцию. Увы, мое предположение оказалось верным.

— Я — профессор Ластиг, из Елленбогенского университета, где занимаюсь прикладной социоэкономикой. Должен сказать, что отделение прикладной социоэкономики и создано мной, поскольку наука это относительно новая, достаточно недавно отделившаяся от социоэкономики собственно...

Я заморгал — чтобы не осоловеть и не заснуть. Вот из-за таких-то учителей и я дал деру из школы...

— ...Годы трудов и переписки, чтобы добиться осуществления нашей мечты. Практического приложения наших теорий. Труднее всего было убедить чиновников Лиги — виной всему принцип невмешательства. В общем, нам удалось их убедить, и они позволили осуществить этот проект при условии особых мер контроля. Кто-то мрачно пошутил — ну, хуже, чем там есть, мы все равно сделать не сумеем. То есть мы проводим операцию на уровне технологического развития этой планеты, из чего следует, что наш план будет работать и тогда, когда мы отсюда уйдем.

— Что же конкретно вы делаете? — вмешался я. Тот запнулся.

— Как?! Но я же только об этом и говорю?

— Простите, профессор, но вы излагаете мне теорию. Не могли бы вы мне пояснить, чего вы хотите добиться?

— А, ну если вы хотите вести разговор в *обывательских* терминах... Что ж, извольте... Мы рассчитываем изменить саму основу местного общества, ни больше и ни меньше. Вывести эту планету из примитивного состояния с помощью кнута, пряника, чего угодно. После раскола Спайовента пришла к весьма отвратительной форме военного феодализма. Вообще военный феодализм выполняет важную роль в эпохе раздробленности. Он поддерживает общую структуру власти, позволяет различным этническим группам защищать и сохранять себя...

— Что-то я тут не приметил ни защиты, ни охраны.

— Именно. Потому-то военные феодалы и должны уйти.

— Отлично. Рассчитывайте на меня — с превеликим удовольствием ухлопаю парочку!

— Насилие — это *не наш* метод. Оно не только отвратительно, но и запрещено для всех подданных Лиги. Наша задача тут состоит в создании независимого правительства. Для этого мы стимулируем развитие промышленности. Это повлечет за собой интенсификацию денежного обращения и положит конец натуральному обмену. Накопив капиталы, правительство сможет ввести систему налогов, и те пойдут на содержание общественных служб. Для этого, разумеется, придется создать институт права. Что будет стимулировать централизацию, рост коммуникативности, развитие общественного сознания.

Звучало все это просто великолепно — хотя налоговую систему я, например, люблю не слишком. И с институтом права у меня отношения напряженные. Но все же лучше, чем капо.

— В теории все выглядит прекрасно, — согласился я. — Но как вы сможете осуществить все это на практике?

— О, просто! Предлагая более качественные услуги по более низким ценам. Потому-то Черные монахи и решили напасть на нас. Религиозны они не больше, чем моя шляпа. Орден просто служит для сохранения монополии на технологию. А мы эту монополию ломаем, и, понятно, им это не по нраву.

— Очень хорошо. Ваш план замечателен, и я желаю вам всяческих удач. Но мне необходимо еще кое-что сделать перед тем, как выбраться из этого отхожего места. Чтобы помочь вам в деле раз-

рушения монополии на технологию, я готов приобрести у вас партию усыпляющего газа.

— Это невозможно. На сделки подобного рода мы не имеем права идти. Кстати, я уже вызвал стражу — ты останешься здесь. Потому что слишком много уже знаешь о нашей деятельности.

Глава 27

Мозг еще только переваривал сказанное профессором, а тело — уже действовало. А именно: перескочило через стол, руки слегка сдавили шею господина Ластига, и тот обмяк в кресле. Не следовало бы ему так легкомысленно пропускать мимо ушей информацию о моем «черном поясе». Ну вот, едва он потерял сознание, я уже был возле двери — и вовремя. Как только я задвинул засов, ручка пошевелилась. А теперь, Джим, ноги в руки, как ты умеешь, посоветовал я себе. Вот только вначале надо проверить, нет ли у этого двуличного академика чего-нибудь интересного.

В столе, во всяком случае, были только книги и папки, ничего из этого мне пока не требовалось. Я вывалил содержимое всех ящиков на пол — ничего интересного так и не нашлось. В дверь уже принялись стучать, так что надо заняться самим профессором. В карманах обнаружилась лишь связка каких-то ключей. Сунул их в карман — авось пригодятся. Схватил ружье и кинулся к окну — весьма своевременно, поскольку в дверь бухнули чем-то тяжелым. Так, второй этаж, двор вымощен булыжником. Прыгну — сломаю ноги. Я осмотрел стену и моментально преисполнился любви к местным каменщикам, совершенным неумехам — вот в том-то и дело! Между камнями зияли огромные щели. Дверь уже поддавалась под ударами, я выбрался за окно, засунул ружье за пояс сзади и стал спускаться.

Что оказалось весьма просто. Не добираясь до самой земли, я спрыгнул, сделал кувырок — несколько неосмотрительно, поскольку ружье врезалось в спину, вскочил и бросился за угол здания. В окне еще никто не появился. Свобода!

Опять свобода и снова — совершенно замечательная. Свобода в центре вражеской крепости, где все — против меня.

«Да, свобода! — Я стиснул зубы, расправил плечи и подпустил важности своей походке. — Да, свободен, как только может быть свободна Стальная Крыса! Вперед, Джим, неужели ты не сумеешь подобрать замка к связке ключей, которая бренчит у тебя в кармане?!»

Да вот, так уж жизнь устроена, что лучшие советы в жизни ты даешь себе сам. Я прошел аркой и вышел во двор. Там болтались люди, но особого внимания на меня они не обратили. Это пока не объявили тревогу, а объявят — мигом кинутся меня искать. Глядя прямо перед собой, я отправился в дальний угол двора, в сторону какого-то массивного здания. Потому что в его стене виднелись массивные ворота и рядышком маленькая дверца. Подходя, я увидел, что и ворота, и дверь снабжены вполне современными замками. Очень любопытно будет поглядеть, что у них там спрятано. Главное, подобрать ключик.

Стараясь вести себя по-свойски, я подошел к двери и принялся перебирать ключи. Их было штук двадцать. Замок, несомненно, фирмы Болгер, у меня глаз на такие вещи наметан. Теперь остается найти хорошо знакомый ключик.

— Эй, ты что тут делаешь?

Вопрос задал какой-то здоровенный детина, небритый, с покрасневшими глазенками. За поясом у него имелся здоровенный кинжалище, по рукоятке которого он нервно барабанил пальцами.

— Не видишь, что ли? Дверь открываю, — отозвался я. — Это тебя, что ли, послали мне в помощь? Тогда подержи.

И передал ему свое ружье. Он уставился на ружье, что принесло мне несколько дополнительных секунд, и я вставил ключ в замок. Но ключ не повернулся.

— Никто меня не посылал, — наконец произнес детина, продолжая разглядывать ружье. Что-то оно его сильно заинтересовало, кажется, он пытался понять, зачем ему его отдали. Я прервал многотрудный ход его мыслей:

— Ладно, раз уж ты все равно здесь, то поможешь... — Уф, второй ключ подошел. Дверь отворилась, я повернулся, сжал кулак и использовал его по назначению, подхватил из рук падающего свое ружьишко и ступил внутрь.

— Эй ты, стоять!

Кто это там разорался — мне было совершенно неинтересно. Да и вообще, грубости в свой адрес я игнорирую, так что осталось войти внутрь и закрыть дверь за собой. Я это сделал и осмотрелся, немедленно ощутив приступ жуткого отчаяния. Никакой надежды. В этом гигантском, плохо освещенном помещении стояли паровики. Пять штук.

Вот было бы прекрасно сесть на такой и дать деру! Замечательно. Сначала развести огонь, принести дровишек, поднять

пар. Простенькая процедура, занимает не больше часа. Так что ежели меня никто не потревожит, через часок я смогу запустить механизм и гордо выехать во двор со скоростью среднего пешехода.

Но когда мои глаза свыклись с полумраком, я понял, что это не совсем обычные паровички — у тех были деревянные колеса с железными ободами, а у этих — шины-дутики. Что же это, новая модель? Или просто инопланетная техника, замаскированная под древние развалюхи?

Я подбежал к ближайшему и вскарабкался на водительское кресло. Все те же здоровенные рычаги управления и прочие маховики, но и — незаметное снизу мягкое кресло и обычная (для меня обычная!) приборная доска. Вот это уже другое дело!

Сунув ружье под кресло, я расположился поудобнее. Тут был даже ремень безопасности, предосторожность мудрая, но в данный момент совершенно излишняя. Так, зажигание, спидометр, переключатель передач. И еще несколько неизвестных мне рычагов и ручек. Удары в дверь убедили меня, что детальное ознакомление с устройством придется отложить на неопределенное время. Я протянул руку и попытался завести двигатель. Ничего не произошло.

То есть произошло, но совершенно не то, чего я ожидал. Двигатель не заработал, зато в ушах зазвучал милейший девичий голосок:

— Не пытайтесь включить двигатель, не пристегнув ремень безопасности.

— Вы совершенно правы, мисс, благодарю вас, — ответил я и немедленно защелкнул ремень. И снова включил зажигание.

— Двигатель включается только на нейтральной передаче, — продолжал наставлять меня голосок.

Удары в дверь становились все увереннее. Я выругался и переключил скорости, как требовалось.

И двигатель заработал. Я включил передний ход и услышал очередной совет:

— Не пытайтесь тронуться с места при включенном ручном тормозе.

Тьфу, тормоз, тут уже маленькая дверца рухнула на пол, поршни пришли в движение, повалил пар, ко мне бросился какой-то человек.

Машина содрогнулась и двинулась вперед. Вот это да! Покрытая стальными плитами, украшенная фальшивыми железяками, она была невероятно тяжела, проверить это было проще простого — я нажал акселератор, крутанул баранку и поехал прямо на ворота.

Пар грохотал и бил струями во все стороны, лишь усиливаясь во время разгона. Удар в самый центр ворот меня оглушил, а мой благородный конь удара словно и не заметил. Бросив мельком взгляд на людей, разбегающихся во все стороны, я пригнулся, чтобы, проезжая ворота, не получить по башке рухнувшей балкой перекрытия. Балка проскрежетала по корпусу и отскочила в сторону. Я выпрямился в кресле и радостно улыбнулся.

Великолепная картина. Солдаты бежали врассыпную, ища где спрятаться. Я вывернул руль и сделал маленький круг по двору в поисках выхода. Тут по стальной броне свистнула пуля. Вот и ворота. Отлично, вперед! Я нажал акселератор и нашарил шнур свистка. Пар валил, свисток свистел, машина набирала скорость, все разбегались.

Увы, машина разгонялась недостаточно быстро. Какой-то умник уже пытался поднять мост. Двое человек, вцепившись в лебедку, отчаянно ее крутили: цепи моста позвякивали и натягивались. Я мчал вперед, свисток свистел, по стальным плитам обшивки чиркали пули. Пришлось пригнуться и нажать на газ. Шанс у меня был лишь один.

Мост поднимался медленно, но верно и отрезал мне путь к спасению. Вырастал прямо на моих глазах. Поднялся на десять, двадцать, тридцать градусов. Похоже, дело швах.

Удар оказался столь силен, что меня выкинуло бы наружу, если бы не ремни безопасности. Спасибо вам, неизвестная мисс, за вашу материнскую заботу. Передние колеса взбирались все выше и выше на мост, пока нос машины не задрался в воздух. Еще чуть-чуть — и она опрокинется.

А все равно — ничего не остается. И тут послышался жуткий треск. Машина рванулась вниз, цепи моста выдрали крепления из стен — машина оказалась слишком тяжелой. Я едва не спятил от очередного удара, но нога осталась на акселераторе, а колеса вращались. Она дернулась вперед — прямо в воду. Ну и что, я крутанул руль, выровнял машину и съехал на дорогу. Все быстрее и быстрее, на холм и за поворот — тут можно сбросить скорость, чтобы не опрокинуться на ухабах. Я уже далеко и в полной безопасности.

— Джим, — снова сказал я себе. — Будь другом, постарайся так больше никогда не поступать.

Огляделся — погони не было. Но она будет, и скоро — да не пешая, а на другом паровике. Я надавил на газ и сжал челюсти покрепче — чтобы зубы не стучали от прыжков по ухабам.

Потом был долгий подъем, и скорость упала. Машина едва ползла на первой скорости, да и вес ее был немалым. Пользуясь случаем, я проверил аккумуляторы — полные! И это хорошо, поскольку с заправочными станциями на Спайовенте — неважно. Сзади между тем послышался тихий свист. Вот и они! Ровно две машины, и обе у меня на хвосте!

Ну ничего, им меня все равно не взять. Вне дороги на таких машинах не проедешь, сразу завязнут, а дорог к крепости капо Динобли было мало. То есть — одна. Значит, кто раньше выедет, тот раньше и приедет.

Вот только ежели я их приведу туда у себя на хвосте, то они узнают, где теперь машина. И вернутся еще разок, но уже с газовыми баллонами. А это нехорошо. Очень даже неприятно. Я взглянул назад и увидел, что они приближаются. Потом они тоже стали взбираться на холм, и наши скорости сравнялись. Я съехал с холма и резко набрал скорость, дребезжание мучительно нарастало. Надеюсь, машины строили с учетом местных условий. Впереди была развилка, какие-то крестьяне принялись прыгать во все стороны, чтобы освободить мне проезд. Чтобы попасть к капо Динобли, мне следовало свернуть налево. Но я поехал прямо. Увы, эта дорога мне была совершенно неизвестна, оставалось гнать по ней вперед, рассчитывая только на удачу.

Что-то надо делать, причем быстро. Даже если я весь день сумею сохранять отрыв, то к вечеру батареи сядут, и все пойдет прахом. Думай, Джим, шевели извилинами.

А за поворотом меня поджидал счастливый случай. Поле пересекала грунтовая дорога. Пересекала и спускалась к ручью. Как и все особо замечательные идеи, эта идея возникла моментально и никаких дополнений не требовала.

Ни секунды не колеблясь, я повернул и съехал на луг. Ехал все медленнее и медленнее, ощущая, как колеса проваливаются в грунт. Если застряну — конец. Во всяком случае — моему обладанию этой повозкой. А мне, по правде, очень хотелось ее сохранить.

На самой малой скорости я полз вперед, наконец передние колеса въехали в воду. И начали погружаться в грязь — тут я остановился и стал осторожно пятиться. Глядя через плечо, вернулся на дорогу по своей же колее. Переключил скорости, взглянул на результаты своего труда. Просто замечательно. Следы ведут к ручью и заканчиваются у воды.

Сзади послышался нарастающий шум погони. Я нажал на газ, добрался до ближайшего поворота и скрылся за деревьями. Остановился, заглушил двигатель, поставил машину на тормоз и спрыгнул вниз.

Снял и вывернул на бегу куртку. Набросил на плечи, рукава завязал на груди, закатал штаны до колен. Не бог весть какая маскировка, но должна сработать. Надеюсь, преследователи не успели меня подробно рассмотреть. Если вообще разглядели.

Встал я там, где только что сворачивал, и едва успел вымазать грязью лицо, как из-за поворота появился первый паровик.

Они сбросили скорость, вот тут-то я и выскочил на дорогу. И заорал.

— Он поехал туда!

Водитель и стрелок обернулись и уставились на следы, пересекавшие поле. Машина остановилась.

— Он заехал в воду и погнал по ней дальше. Это ваш приятель?

Вот это был самый трудный момент. Напряжение росло и продолжало расти до тех пор, пока не появилась вторая машина. Встала рядом с первой. А если они примутся меня расспрашивать? Или вдруг узнают? Очень хотелось убежать, но если я побегу — все пропало.

— Давай туда! — крикнул кто-то, водитель повернул руль и съехал на поле.

Я спрятался за деревьями и глядел на происходящее с немалым интересом. Зрелище оказалось великолепным. Да, не скрою, я был горд собой. Очень горд, и признаваться в этом мне вовсе не стыдно. Художник ведь всегда знает, что создал шедевр, — зачем из ложной скромности ему принижать величие своего труда.

Да, это был шедевр. Первая машина перебралась через поле и, подняв тучи брызг, плюхнулась в воду. Но при этом она разогналась так, что остановилась не сразу — в воду въехали и задние колеса. Паровичок замер и стал медленно погружаться. По самые оси.

Ругани было немало. Тут, слава богу, кто-то сообразил взять трос и соединить обе машины. Очень хорошая мысль. Колеса второй машины месили грязь ровно столько, чтобы и она завязла в грязи по самые уши. Я поаплодировал и пошел к своему стальному коню.

Вообще без дальнейшего можно было бы и обойтись. Но, знаете, бывают в жизни моменты, когда противиться искушению просто грешно. Я сел, пристегнул ремень, завел двигатель, осторожно развернулся и выехал на дорогу.

Проезжая поворот, я сильно дернул шнурок свистка. Свисток, по своему обыкновению, завизжал, головы присутствующих разом повернулись ко мне. Я улыбнулся им всем сразу и сделал ручкой. И чудесное зрелище скрылось из виду за деревьями.

Глава 28

Я ехал как триумфатор. Хохотал, пел, дергал для забавы шнур свистка. Но энтузиазм прошел, и настало время поразмыслить над следующими ходами. Сильно мешали пар и свист механизмов, но зачем они вообще? Изучив пульт управления, я обнаружил нужный рычажок и убрал эти театральные эффекты. Пар, кажется, вырабатывался тут специальным кипятильником, а все шумы — так и вовсе были записаны на пленку. Так что до крепости я докатил в тишине и комфорте. К тому времени, а дело было уже после полудня, план был разработан до мельчайших подробностей.

Я миновал последний поворот и выехал на дорогу, прямиком ведущую к воротам. Здесь я снова включил пар с музыкой. Медленно подъехал к стражникам. Они уже слегка приподняли мост и с подозрением глядели на меня. Я встал около рва.

— Эй, ребята, не стреляйте, я свой! — крикнул я. — Я здешний, помощник капо Димонте. Пошлите за ним, он захочет осмотреть свой новый паровик.

Да уж, нет сомнений, что он этого захочет. Как только мост опустили, он подскочил ко мне.

— Где ты его взял?

— Украл, — честно сознался я. — Садитесь в кабину, я покажу вам кое-что интересное.

— А где усыпляющий газ? — осведомился он, взбираясь по лесенке.

— Газ не понадобится. С этой машиной мы можем сделать все куда проще. Это не совсем обычный паровик, надеюсь, вы уже заметили. Новая, улучшенная модель...

— Идиот! Что ты несешь?! — И он полез рукой за кинжалом. Ну что за несносный характер!

— Ваша светлость, лучше я вам покажу, как эта машинка ездит. Лучше один раз увидеть, как говорится. Садитесь сюда и пристегнитесь ремнем.

Ну, по крайней мере, он удивился. Я пристегнул ремни и задом съехал по дамбе на берег. На малой скорости, с положенными паром и шипением.

Остановился и повернулся к капо.

— Ну, как вам скорость машины? Вы видели что-нибудь подобное в своей жизни?

— Что за глупые шуточки, парень?!

— Ничего, капо, сейчас вы все поймете.

Я отключил пар и звук. Капо понимающе кивнул.

— Ты загасил огонь, потому она и не двигается.

— Совсем наоборот. Просто я убрал звук — чтобы никто не слышал, как она приближается. Сейчас она поедет. Но сначала ответьте на один вопрос. Если бы это была вражеская машина, стражники успели бы поднять мост?

Он фыркнул.

— Неужели ты так глуп, что задаешь подобные вопросы? Да пока она доползет до моста, солдаты сто раз успеют его поднять.

— Хорошо. Теперь — глядите.

Я нажал на акселератор, и машина рванулась вперед в полной тишине. Почти в полной — слышны были только гудение двигателя и шуршание шин. Быстрей и быстрей, прямиком к воротам, которые надвигались с ошеломляющей быстротой. Стражники отскочили в сторону, мы с треском разнесли отремонтированные ворота и въехали во двор.

И резко затормозили. Капо сидел, выпучив глаза, хватая ртом воздух, и пытался достать меч из ножен.

— Убийца! Но тебе не удалось меня убить!

— Да погодите же, капо. Это была простая демонстрация прогрессивной техники. Я показал вам, каким образом вы и ваши солдаты проникнете в крепость капо Доччи. Прямиком во двор, где вы сможете убивать, грабить, резать, пытать...

Вот в таких вещах он разбирался. Меч отправился обратно в ножны, глаза потеряли яростный блеск, затуманились — похоже, они уже видели, как с капо Доччи сдирают шкуру и выливают на него кипящую смолу.

— Хорошо, — пробормотал он, часто моргая и постепенно возвращаясь к реальности. — Идея интересна, и я желаю узнать все подробности вашего плана. За бутылкой вина — такой поездочки у меня в жизни еще не бывало.

— К вашим услугам. Но сначала позвольте спрятать машину подальше от посторонних глаз. Атака будет успешной лишь при условии полной неожиданности.

— Тут ты прав. Поставь ее в амбар, а я назначу туда охрану.

Вино, которым он меня угостил, оказалось на порядок лучше той кислятины, что давали солдатам, и пил я его с удовольствием. Но не очень увлекаясь — завтра голова должна быть ясной. А

сейчас мне необходимо было найти доводы, чтобы тронуться в путь немедленно. Потому что если мы будем медлить, то сюда заявится профессор Ластиг со своими нервно-паралитическими бомбами. Не сомневаюсь, что профессор сильно осерчал, когда я угнал их машину. А если учесть, что в округе не так уж много крепостей, где ее можно спрятать, то вывод напрашивался сам собой. Пора действовать. Я мысленно двинул вперед ладью и сказал:

— Крепость грязного капо Доччи всего в четырех-пяти часах пешего хода, правда?

— Пять часов спокойной ходьбы, четыре — быстрым маршем.

— Отлично. Теперь подумаем вот о чем. Доччи напал, когда большей части войска тут не было. Он разрушил мост и сильно повредил крепость. Перед тем как выступить на него, надо отремонтировать мост и, возможно, нанять новых солдат. Чтобы во время вашего следующего набега ничего подобного не произошло. Логично?

Он отхлебнул вина и взглянул на меня поверх бокала.

— Да, черт побери, все обстоит именно так. Осмотрительность, осмотрительность — мои офицеры мне все уши об этом прожужжали. Я хочу прищучить этого подонка, спустить с него шкуру, а они — осмотрительность, осмотрительность...

— И сдерете, капо, нет никаких сомнений. Но, знаете, я вам посоветую совсем другое. К черту осторожность! Думаю, этот дьявол в человеческом облике должен быть наказан немедленно!

И это ему очень понравилось. Было видно, с каким вниманием он выслушивает мой план.

— Оставьте крепость такой, как она есть. Возьмите с собой всех людей. Если все пройдет как надо, то войска вернутся раньше, чем кто-либо узнает, что они уходили. Мы выступим в полночь, бесшумно, как духи мести, выйдем на исходные позиции еще до рассвета и подберемся к самой крепости Доччи. Я знаю там одно удобное местечко. Как только опустится мост, я сделаю так — с помощью моей машины, конечно, — что мост останется опущенным. Ваши войска атакуют, и вот она — победа. Как только крепость будет захвачена, вы отошлете сильный отряд обратно, для защиты своей крепости.

— Что ж, звучит красиво. Но как ты собираешься помешать им поднять мост?

Когда я ему объяснил, он просто просиял.

— Ты только сделай это, и я обеспечу тебя до конца твоих дней! Гроутами Доччи, конечно, едва только захвачу его казну.

— Вы слишком добры к своему жалкому слуге. Но осмелюсь дать вам совет — пусть пока все в крепости отдыхают, — нам предстоит тяжелая ночь, не так ли?

— Да, правильно. Я отдам приказ.

После чего я вышел. Кроме вполне естественной заботы об измученных товарищах, у меня были и другие причины пожелать им приятного отдыха. У меня же, до того как отправиться почивать, имелось еще несколько весьма неотложных дел.

— Инструменты, — втолковывал я Дренгу, вытащив его из-под нар. — Понимаешь? Напильники, молотки, всякое такое. Где можно найти?

Дренг запустил пятерню в колтун на голове и принялся задумчиво чесать башку. В ней явно происходил напряженный умственный процесс, я уж было решил хорошенько встряхнуть парня, чтобы он соображал быстрее, но сдержался. Лучше уж не вмешиваться в естественный ход вещей, — возможно, что почесывание головы сильно помогало распространению электромагнитных импульсов по коре его головного мозга. Наконец процесс завершился.

— У меня никаких инструментов нет.

— Я знаю, мой мальчик. — Я услышал скрип собственных зубов и постарался взять себя в руки. — Но у кого-то они есть. Как ты думаешь, у кого?

— У кузнеца, — гордо произнес он. — У кузнецов всегда есть инструменты.

— Отлично. А теперь отведи-ка меня к ближайшему.

Ближайший кузнец оказался мрачным и волосатым субъектом, профессионально вымазанным сажей. Разумеется, от него разило вином.

— А ну, вали отсюда, сопля! Еще никто не касался инструментов Грундиса, никто!

Ну, знаете ли! Чтобы гаркнуть на него, мне и заводиться не пришлось.

— А ну, горе своей престарелой матушки, заткнись! Эти инструменты капо, а не твои! И капо прислал меня за ними. Или я их беру, или мой слуга приводит капо сюда. Считаю до трех!

Для начала он сжал кулаки и зарычал. На счет «два» — задумался. Понятное дело, он видел, как я нынче катал капо, и понимал, что я — лицо доверенное. С начальником цапаться ему не хотелось, и на счет «три» он принялся чесаться и кланяться, кланяться и чесаться.

— Конечно, хозяин. Грундис свое место знает. Инструменты, вот оно как, инструменты. Так это мы мигом наладим, мигом.

Я подошел к верстачку, на котором валялся инструментарий. Жалкое зрелище. Порылся в куче, пока не отыскал напильник, молоток и неуклюжие ножницы для жести. Передал их Дренгу.

— Бери. А ты, Грундис, придешь завтра в амбар и заберешь их.

Дренг пошел следом за мной и, увидев паровик, застыл с открытым ртом.

— Закрой, а то мухи залетят, — по-дружески посоветовал я ему, забирая инструменты. — Еще мне нужна прочная сумка или мешок, такого вот примерно размера. Отыщешь и принесешь сюда. Потом отправляйся дрыхнуть — ночь будет тяжелой.

С нормальным инструментом я бы управился в два счета, а тут... Понятно, речи не шло, чтобы уложиться в допуски, выйдет похоже — и ладно. Металлическая боковина водительского сиденья была толщиной примерно с ключ. Я пилил, рубил, резал. Наконец получилось что-то похожее. Ну, наверное, сойдет.

Дренг и, надеюсь, остальные уже спали, можно было приступать к операции «Большие Гроуты». С ключом в кармане и сумкой за поясом, бесшумный аки тень — опять-таки, надеюсь, — я отправился блуждать по лабиринтам крепости. План Слона навечно отпечатался в моей памяти, а дух его, судя по всему, витал надо мной, поскольку казну я отыскал моментально. Вставил ключ в замок, скрестил на счастье пальцы и повернул.

С громким лязгом замок открылся. Я прирос к месту, сердце громко застучало в груди. Звуки наверняка должны были услышать.

А вот и не услышали. Легко скрипнув, дверь распахнулась, и я вошел внутрь. И закрыл за собой дверь.

Прелестно. Сквозь высокие решетчатые окна лился яркий свет, а вдоль дальней стены располагались сундучки, сундуки и сундучища.

Первый сундук был наполнен медными гроутами. В полном соответствии с логикой во втором были гроуты серебряные, и я заполнил ими свою сумку наполовину. Тут мне на глаза попался маленький сундучок, стоявший рядом. Улыбнувшись, я нащупал там угловатые монеты. Золотые гроуты — целая куча. Очень удачная вылазка. Когда сумка основательно потяжелела, я остановился. Жадность не доводит до добра. Вспомнив эту глубокую мудрость, я перекинул сумку через плечо и ушел той же дорогой, что и пришел.

Во дворе были стражники, но меня они не заметили. Я прошел в амбар, включил в машине приборные огни — вместо освещения. Открыл ящик для запчастей и с чувством глубокого

удовлетворения положил туда сумку. Вторая ладья в моей воображаемой шахматной партии вышла на боевые позиции и встала рядом с первой. Игра шла форсированно, и выигрыш был делом времени.

«А теперь, Джим, — в очередной раз посоветовал я себе, — идика ты и вздремни немного. Денек завтра будет тяжелым».

Глава 29

Что-то мне мешало. Просто на нервы действовало. Я ткнул в это что-то рукой, но оно не отставало. С трудом разлепил глаза — за окном была ночь, а рядом стоял Дренг и тряс меня за плечо.

— Не сердись, хозяин, — залопотал он. — Но ты же сам приказал разбудить. Войско уже строится.

Мое негодующее бормотание перешло в надсадный кашель. Наконец мне удалось с ним справиться. Дренг подал мне чашку с водой, я сделал огромный глоток и снова рухнул на койку. Да, институт слуг нравился мне все больше и больше, но я был слишком измучен. Даже все юношеские силы могут оказаться бессильными перед ударами судьбы. Впрочем, попеняв себе за минутную слабость, я собрался с духом.

— Дренг, — приказал я. — Отправляйся на кухню и принеси мне еды. Чего угодно, не то я просто сдохну от упадка сил. И вина — раз уж на этой планете понятия не имеют о других стимуляторах.

Что поделать, я вышел во двор, вылил на себя, охая и фыркая, ушат холодной воды. Растерся досуха и обнаружил, что солдаты уже выстроились на дворе для получения боеприпасов. Итак, великое приключение начиналось. Дренг меня уже поджидал. Я присел на нары, съел чего-то бобового, запил кислым вином. Одновременно с едой мне пришлось говорить — это был последний шанс побеседовать без свидетелей.

— Дренг, твоя военная карьера подходит к концу.

— Не убивай меня, хозяин!

— Идиот! Не жизнь, а военная карьера! Эта ночь — последняя ночь твоей службы. Утром ты получишь расчет и отправишься домой. Кстати, где твой старик хранит деньги?

— Мы слишком бедны, чтобы откладывать гроуты.

— Понятно. Но если бы деньги у вас были — куда бы вы их прятали?

Этот вопрос оказался для него слишком сложным, и, пока он раздумывал, я мог спокойно жевать.

— Зарыл бы под очагом! — наконец отозвался он. — Помню, старик однажды так и поступил. Все прячут деньги под огнем — там их никто не отыщет.

— Лучше не придумаешь. Именно там их отыщут немедленно. Ты должен распорядиться своим состоянием более мудро.

— Но у меня нет никакого состояния.

— Оно у тебя появится еще до восхода солнца. Так вот, дам тебе совет. Когда вернешься домой, отыщи поблизости два дерева. Измерь веревкой расстояние между ними. Вырой яму ровно посередине. Зарой деньги там и, когда нужно, бери. Только понемногу. По нескольку монет. Понял?

Он с энтузиазмом кивнул.

— Два дерева, закопать посередине. Потрясающе! Никогда не слышал ни о чем подобном!

— Хорошая идея, согласен, — вздохнул я. — Ну, пошли. Будешь кочегаром моей огненной колесницы.

Я встал и пошел к амбару. Войска уже выстроились и стояли в полной готовности. Наконец, позевывая и почесываясь, появились офицеры во главе с капо. Времени оставалось мало. К тому же Дренг залез в кабину и, увидев светящиеся огоньки приборов, взвизгнул от ужаса.

— Свет дьявола! Огни духов! Верный знак смерти!

Он схватился руками за грудь и приготовился немедленно отдать богу душу. Пришлось его хорошенечко встряхнуть.

В итоге мысли о смерти были отброшены в сторону, когда же я протянул ему горсть золотых и серебряных гроутов, глаза его стали огромными, как блюдца. Да, это было состояние, и оно могло повернуть его жизнь в лучшую сторону. По крайней мере, за время пребывания на этой планетке мне удалось совершить хотя бы одно доброе дело.

— Чем это вы там занимаетесь? — Снизу подозрительно глядел капо Димонте.

— Готовим машину, ваша честь.

— Убери слугу. Сейчас я поднимусь к тебе.

Я отправил Дренга в кузов, и капо сел рядом.

— Вы оказываете мне великую честь своим присутствием, ваша честь!

— Да, черт возьми. Я поеду с тобой, а войска пойдут пешком. Заведи эту штуку.

Разведчики уже отправились вперед, мы прогрохотали по мосту и выехали на дамбу. Основная группа войск энергично топала

следом за нами. Во время прошлого набега Доччи все они лишились имущества, а многие — и слуг. И конечно, все горели жаждой мести.

— Капо Доччи должен быть взят живым! — ни с того ни с сего сообщил Димонте. Я было хотел ответить, но сообразил, что он разговаривает сам с собой. — Должен быть схвачен и доставлен в крепость. Сначала содрать немного кожи, затем, наверное, стоит выколоть глаза. Нет, не сразу — он должен видеть, что с ним делают...

И так далее, и тому подобное. Я не стал вслушиваться. Мне было о чем подумать и о чем посожалеть. Когда умер Слон, гнев затуманил мое сознание и лишил способности рассуждать здраво. Но теперь все прошло, и я понял, что пустился в эту экспедицию исключительно ради мести. И вовсе не ради памяти Слона, потому что тот всегда был против подобного насилия. Но не поворачивать же назад. Кампания началась, и мы зашли уже слишком далеко.

— Останови свою штуку! — вдруг приказал капо.

Я нажал на тормоз.

Впереди на дороге виднелась темная кучка людей — наших разведчиков. Капо сошел вниз, я перегнулся через борт и стал смотреть. Разведчики вели человека, скрутив ему за спиной руки.

— Что случилось? — спросил капо.

— Он следил за дорогой, ваша честь. Едва успели схватить.

— Кто он?

— Солдат, звать — Полек. Я его знаю, сражались вместе во время южной кампании.

Капо подошел к пленнику и зарычал:

— Я взял тебя, Полек, взял и связал.

— Да.

— Ты служишь капо Доччи?

— Да, ему. Получаю его гроуты.

— Ты их давно уже пропил все. Хочешь служить у меня и получать мои?

— Да.

— Отпустите его. Баркус, серебряный гроут этому человеку!

Наемники умеют драться, но и легко меняют хозяев. В общем, какое им дело до разногласий между капо. И, как только Полек взял гроут, ему тут же вернули оружие.

— Говори, Полек, — приказал капо. — Теперь ты мой законный слуга, поскольку взял мой гроут. Расскажи о планах Доччи.

— Хорошо. Тут нет секретов. Он знает, что твоя армия не пострадала и что ты выступишь против него, как только сможешь. И он послал нас наблюдать за дорогой, но не рассчитывал, что ты появишься так скоро. Сейчас он пьет, а значит, нападения сегодня не ожидает.

— Я воткну ему меч в брюхо, я выпущу оттуда вино вместе с его кишками... — Капо с трудом остановился. — А что войска? Они будут сражаться?

— Они только что получили жалованье. Но они не слишком любят капо и, едва увидят, что битва проиграна, перейдут на вашу сторону.

— Отлично. Все идет прекрасно. Встань в строй. Разведчики, вперед, а ты, — он взглянул в мою сторону, — заводи машину.

Он снова взобрался наверх. Мы тронулись. Не встречая по пути никаких помех, мы уверенно продвинулись вперед. Отдыхая каждый час, мы приближались к неприятельской крепости. Еще задолго до рассвета настигли разведчиков, поджидавших нас на дороге. Точно на том самом месте, которое я выбрал. Крепость Доччи была за поворотом...

— Пойду назначу дозоры, — сказал капо и спустился вниз.

— Хорошо. Мой слуга покажет им место, где они должны будут укрыться и наблюдать за воротами крепости.

Я подождал, пока он отойдет, и зашептал на ухо Дренгу:

— Возьми свою сумку и все вещи — сюда ты больше не вернешься.

— Хозяин, я не понимаю...

— Поймешь, если заткнешься и будешь слушать. Отведешь солдат в те самые кусты, где мы прятались, когда собирались спасать Слона. Помнишь?

— Мимо обгоревшего дерева и...

— Хорошо, хорошо, помнишь. Отведешь солдат туда, покажешь, где им прятаться, и заляжешь рядом с ними. Заварушка начнется на рассвете. В это время ты ничего делать не должен. Понял? Не отвечай вслух, просто кивни.

Он кивнул.

— Прекрасно. Когда все побегут, останешься на месте. Как только увидишь, что вокруг никого нет и тебя никто не видит, — сматывайся. Уходи в лес и отправляйся домой. Оставайся там, пока не уляжется шум. А потом — пересчитай денежки и живи долго и счастливо.

— Значит, я больше не служу у тебя?

— Именно. Уволен из армии с почетом и выходным пособием.

Он рухнул на колени и вцепился в мою руку.

Прежде чем он успел заговорить, я приложил палец к его губам.

— Ты был хорошим слугой. Теперь будь хорошим хозяином. Двигай!

Я глядел ему вслед, пока он не пропал во тьме. Глупый — но верный. И единственный друг, который нашелся у меня на этой планете. Теперь, когда нет Слона...

Мрачный ход моих мыслей был, по счастью, прерван появлением капо. Он взобрался на сиденье, следом за ним появились вооруженные солдаты, взгромоздившиеся на верх машины.

— Начинает светать. — Капо взглянул на небо. — Как рассветет, так и начнем.

Оставалось только ждать. Казалось, напряжение разлито в воздухе и даже мешает дышать. Постепенно светало, из тьмы выступали лица, все — с одинаково мрачным выражением.

Я сосредоточился на том, что происходило сейчас за поворотом. Вспоминал, как мы в тот раз лежали там с Дренгом. Закрытые ворота крепости, поднятый мост становились все четче и четче в лучах восходящего солнца. Из-за стен струился дым мирных очагов. Начали шевелиться солдаты, смена караула. Наконец ворота распахнулись, опустился мост. Что дальше? Как обычно. Если же нет, то наше войско вскоре обнаружат...

— Сигнал! — Капо толкнул меня в бок. Что было вовсе не обязательно. Солдата я заметил, едва тот появился, и нога уже надавила на акселератор. Машина дернулась и ринулась вперед, набирая скорость. Миновала поворот, прыгая и раскачиваясь на ухабах, и устремилась прямиком к воротам крепости.

Стражники растерянно смотрели на нас. Рабы, толкавшие тележку, тоже оцепенели, не в силах сдвинуться с места.

Затем поднялся крик. Мост затрещал — его попытались поднять, но на нем были повозка и рабы. Послышались удары и визгливые приказы, каждая секунда потерянного времени была нашей. Наконец они втащили повозку обратно в ворота, но — поздно.

Мы проскочили. Передние колеса взобрались на мост, машина подпрыгнула и въехала на мост целиком. Я нажал на тормоза, но с повозкой мы все равно столкнулись, рабы и стражники посыпались в ров, а мы остановились перед воротами.

— За капо Димонте, за гроутами и с богом! — проорал капо и кинулся в атаку.

Остальные последовали за ним, перелезая через машину на мост, и исчезали во дворе крепости.

Зазвучали ружейные выстрелы, послышались крики. За моей спиной нарастал рев наступающей армии. Я увидел, что капо с передовым отрядом отбили подъемный механизм моста — поднять который было, конечно, невозможно из-за стоящей на нем машины. В том и заключались простота и совершенство моего плана. После того как я въехал на него, поднять мост было совершенно невозможно. Только теперь я продвинулся вперед и дал проход наступающим войскам. Битва за крепость капо Доччи началась.

Глава 30

Атака действительно оказалась неожиданной. Наши войска хлынули внутрь крепости, а солдаты капо Доччи лишь выбирались из казарм. Да, стражники на стенах бились отчаянно, но что они могли сделать?

Чтобы усилить панику в стане врага, я запустил на полную катушку все звуковые эффекты паровика и направил машину на горстку защитников, сгрудившихся во дворе замка. В меня несколько раз выстрелили, но большинство — разбежалось. Дела шли весьма хорошо.

Защитники на стенах подняли руки вверх — в общем, у них с самого начала было не слишком много причин класть голову за Доччи. Яростно сражались лишь офицеры возле внутренних ворот. Но число их убывало — одни погибли под пулями, другие — скрывались за дверью замковой башни.

— Факелы! — заорал капо Димонте, когда дверь в башню захлопнулась. — Мы выкурим этих сволочей.

Да, сражение окончилось так же внезапно, как и началось. Вся крепость, за исключением башни, была в наших руках. Схватка оказалась короткой, но жестокой — повсюду валялись трупы. Рабы, дрожа от страха, жались к стенам, пленников увели. Осталось разобраться с главным зданием. Капо Димонте взмахнул дымящимся факелом и снова завопил:

— Эй, Доччи, жирная свинья, настал твой конец! Выползай, сын червя, сразись как настоящий мужчина, не то я спалю тебя заживо! И тебя, и всех остальных: мужчин, женщин, детей, собак, крыс, голубей — всех, кто там сидит с тобой вместе! Выходи, подонок!

Изнутри грянул выстрел, и пуля расплющилась о булыжник у ног Димонте. Он взмахнул рукой — раздался ответный залп. Пули

щелкали по стенам, прошивали дверь, влетали в окна. Когда выстрелы стихли, изнутри раздался истошный визг.

— Предупреждаю в последний раз! — не унимался Димонте. — С женщинами и детьми я не воюю. Я не воюю с теми, кто сдается. Сложите оружие и живите. Мне нужен только капо Доччи. Доччи, червяк, ты меня слышишь?

Факел потрескивал, а внутри башни послышались приглушенные крики и возникла какая-то суета.

Дверь распахнулась, и из нее кубарем вылетел капо Доччи. Он был полураздет и бос, зато — с мечом в руке.

При виде своего врага Димонте потерял остатки хладнокровия. Он взвыл и яростно кинулся вперед. Доччи, с окровавленным лицом, встал на ноги и поднял меч.

Да, это стоило видеть — все, собственно говоря, и смотрели. Все опустили оружие, встали кругом, из окон башни глядели любопытствующие. Я слез вниз и встал перед машиной — отсюда все было видно как нельзя лучше.

Враги были достойны друг друга, равны и в умении, и в ярости. Меч Димонте обрушился на поднятый клинок Доччи, тот отбил удар и сделал выпад — Димонте отскочил. И пошло-поехало, железо лязгало о железо, сыпались яростные проклятия.

Они метались по двору, размахивая мечами. Удар и защита, защита и удар — примитивно, но очень энергично. Тут раздался крик — Димонте пролил первую кровь врага, зацепив бок Доччи.

И это было началом конца. Димонте был сильнее и злее, к тому же — вдохновлен своей победой. К тому же, если Доччи действительно пил так, как нам рассказал пленный на дороге, то сражаться теперь ему приходилось не только с Димонте, но и с похмельем. Димонте теснил врага все сильнее, гнал его через двор, и тот наконец уперся спиной в стену. Отступать ему было некуда. Димонте отбил очередной удар и ударил сам — рукоятью меча в челюсть. И тут же обезоружил врага резким движением клинка.

И тут все давешние мысли о долгих и мучительных пытках исчезли из головы Димонте. Он просто занес меч и ударил.

Было не очень приятно видеть, как сталь рвет горло Доччи. Меня замутило, и я отвернулся. И тут на солнце наползла тень.

Сначала в небо глянул один человек, затем — другой. Раздался общий вздох. Я тоже взглянул. Только, в отличие от остальных, я знал, что там появилось.

Огромный, блестящий в лучах солнца корабль класса Д, оборудованный атмосферным гравитационным подъемником. Тяже-

ленный корабль проплыл над двором крепости с легкостью перышка. И без малейшего усилия остановился, завис над нашими головами, словно кара господня.

Я развернулся и нырнул в кабину. Бежать поздно, да и некуда: из корабля на землю уже сыпались серебристые шары. Я лихорадочно шарил под сиденьем, испуганно оглянулся на шары, сделал глубокий вдох, задержал дыхание и, перегнувшись через сиденье, достал свою кожаную сумку.

Вокруг падали на землю и взрывались шары, по двору поползли клубы газа. Солдаты начали валиться с ног. Я переложил сумку себе на колени, нащупал ремень безопасности и тут увидел, как мимо пробежал Димонте и упал, уткнувшись лицом в труп своего врага.

В ноздрях уже щипало, когда мне удалось пристегнуть сумку к телу. Да, вот и все, что я мог тут сделать. Боль в легких нарастала. Долгим прощальным взглядом я обвел двор. Кажется, Спайовенту я вижу в последний раз.

— И прекрасно! — закричал я, обращаясь к бездыханным телам и выпуская воздух из легких. Затем вдохнул...

Когда я пришел в себя, то почувствовал, что лежу на чем-то мягком, в закрытые веки бил свет. Открыть глаза было страшно — я помнил, как болела голова в прошлый раз. От одного воспоминания я вздрогнул, съежился и мотнул головой.

И ничего неприятного не почувствовал. Вдохновленный результатом этого невольного эксперимента, я тихонько приоткрыл глаз. Нормально. Мигнул, опять никакой боли.

— Какой нынче газ-то хороший, вот уж спасибо, — заявил я, обращаясь неизвестно к кому, и открыл оба глаза.

Маленькая комнатка, изогнутые металлические стены, узкая кровать. Все было понятно — меня взяли на борт. Понять это не составило бы труда, даже если бы я не видел корабля, опускающегося над крепостью. Но вот где мои гроуты? Я быстро оглянулся, но сумки не увидел. Быстрое движение головы вызвало головокружение, я рухнул на койку и тихонько застонал.

— Выпейте это. Снимает последствия отравления.

Я вздрогнул, открыл глаза и увидел высокого мужчину, который вошел в каюту и закрывал теперь за собой дверь. Он был облачен в какую-то неизвестную мне форму с множеством золотых пуговиц и нашивок, скорее всего военную. Он протянул мне пластиковый стакан, я осторожно взял его и принюхался.

— Да что вы! — удивился он. — Мы же могли спокойно убрать вас, пока вы были без сознания.

Веский аргумент. Я залпом выпил горькую жидкость и почувствовал облегчение...

— Вы украли мои деньги, — заявил я.

— Они в целости и сохранности.

— В сохранности они только в моих руках. Как это было, когда вы меня нашли. Они были пристегнуты к моему телу. И иначе как воровством ваш поступок я расценить не могу.

— Вот только не надо болтать! — рявкнул он. — Ты, наверное, сам их украл.

— Еще чего?! Я заработал их тяжким трудом и вовсе не согласен, чтобы их у меня отобрали и передали в фонд помощи вдовам героев звездных войн!

— Ладно, хватит. Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать судьбу твоих жалких гроутов. Их поместят на счет в галактическом банке.

— А по какому курсу? И сколько процентов годовых?

Похоже, я довел его до белого каления. Во всяком случае, его тон стал просто ледяным:

— Хватит. Ты попал в серьезную переделку, и тебе придется многое нам объяснить. Профессор Ластиг сообщил, что тебя зовут Джим. Каково твое полное имя и откуда ты?

— Зовут меня Джим Никсон, а родом я с Вении.

— Если будешь врать, то мы не договоримся. Тебя зовут Джим ди Гриз, и ты преступник, бежавший из Райского Уголка.

Что ж, мне оставалось только беспомощно заморгать. Понятия не имею, кто этот парень, но с информацией у них все в порядке. Я ощутил себя дилетантом, который пытается вести партию против профессионала. Понятно, он хочет меня ошарашить, заставить потерять самообладание и все выложить. А я не буду играть в эту игру. Я сел на койку так, чтобы видеть его глаза, и спокойно ответил:

— Мы, кажется, не представлены друг другу.

Его гнев, похоже, пропал, теперь он выглядел вполне спокойным. Он нажал на какую-то кнопку, и из стены выехал стул. Он сел и закинул ногу на ногу.

— Капитан Варод. Флот Лиги. Инспектор планет. Ты будешь отвечать на мои вопросы?

— Да, но только если мы будем их задавать друг другу по очереди. Где мы теперь?

— Примерно в тринадцати световых годах от Спайовенты. Тебя это устраивает?

— Разумеется.

— Моя очередь. Как ты попал на эту планету?

— На борту венианского грузовика, который незаконно поставлял оружие капо Доччи, ныне покойному.

Это его заинтересовало, и он нетерпеливо наклонился вперед:

— Имя капитана?

— Сейчас моя очередь. Что вы намерены делать со мной?

— Ты — бежавший преступник и будешь возвращен в Райский Уголок, где и отсидишь положенное.

— Да ну? — Я неуверенно усмехнулся. — А теперь я с радостью отвечу на ваш вопрос: я начисто забыл имя капитана. Пытать будете?

— Не валяй дурака, Джим. Ты влип серьезно. Веди себя благоразумно, и я попробую сделать для тебя все, что в моих силах.

— Хорошо. Я вспомню имя капитана, но лишь когда мы окажемся на какой-нибудь нейтральной и приличной планете.

— Это невозможно, Джим. Во-первых, все, что произошло, — задокументировано, а во-вторых, я же как-никак представитель закона. Я обязан доставить тебя в Райский Уголок.

— Отлично. Но дело в том, что у меня временно отшибло память, просто ужас какой-то. Да, прежде чем вы оставите меня в покое, не расскажете ли вы о том, что дальше будет со Спайовентой?

Он откинулся на стуле.

— Сначала придется полностью устранить последствия вмешательства команды Ластига. Вообще мы согласились с его нахождением там лишь под нажимом Межгалактической ассоциации прикладной социоэкономики. Им удалось собрать внушительную сумму для финансирования этого проекта — нашли несколько заинтересованных планет. В общем, нам было проще дать им возможность убедиться в собственной глупости, чем запрещать.

— И что же, они убедились?

— Да уж. Одно дело создавать модели, а другое — проверять их на практике. Такие опыты в прошлом уже ставились, и последствия всегда были катастрофическими. Существовала такая теория — монетаризм. Так она послужила причиной гибели нескольких культур и двух планет. Вот и теперь — эксперимент вышел из-под контроля, так что требуется вмешательство специалистов.

— Вторжение?

— Ты, видно, слишком много смотрел в детстве тривизор. Не забывай, что войны запрещены. Нет, наши люди будут работать внутри существующего на Спайовенте общества. Возможно, именно с капо Димонте — раз уж он расширил свои владения. Теперь ему помогут советом и содействием, чтобы он смог еще более усилить свою власть и увеличить свои территории.

— И убивать все больше людей!

— Нет, за этим мы проследим. Вскоре он будет не способен править без нашей помощи и наших людей. Централизованное управление...

— Усиление права, установление налогов — я это уже слышал. От профессора Ластига.

— Нет, не так. Наши методы опробованы и работают. В течение одного, максимум — двух поколений Спайовента вступит в сообщество цивилизованных планет.

— С чем вас и поздравляю. А теперь — оставьте меня наедине с моими грустными думами о моей грядущей отсидке.

— Так что же, ты не назовешь имени этого контрабандиста? И он будет продолжать свое грязное дело? Сколько еще смертей окажется на твоей совести?

Да уж. Разве не я виновен в том, что произошло во дворе крепости? Моя же была идея — идти на приступ. Но Димонте все равно бы пошел на штурм и, кто знает, не было бы тогда число жертв еще больше? Но все равно, взять на себя ответственность — не так-то легко. А капитан Варод словно читал мои мысли.

— У тебя есть чувство ответственности?

Что же, хороший вопрос. В проницательности ему не откажешь.

— Да. Я верю в то, что жизнь священна, и не признаю убийств. Жизнь дается человеку лишь раз, и я не могу стать причиной его смерти. Конечно, я ошибался, но мои ошибки меня чему-то научили. Торговца оружием зовут капитан...

— Гарт, — закончил он. — Мы давно за ним наблюдаем. Это был его последний рейс.

— Так зачем же вы у меня это пытались узнать?

— А только ради тебя самого, Джим. Я уже говорил тебе, что мы занимаемся реабилитацией. Ты принял важное решение, и я верю, что это пойдет тебе на пользу. Желаю удачи. — Он поднялся.

— Большое вам спасибо. Я буду вспоминать ваши слова всякий раз на прогулке по тюремному двору.

Уже в дверях он улыбнулся.

— Вообще-то у меня неплохие связи в судебных кругах, да и, по правде, я не считаю, что тюрьма — справедливое наказание за неудачную попытку ограбления банка. Мы придумаем для тебя что-нибудь повеселей. Мы долетим до одной из планет, и оттуда тебя

заберут на другом корабле. Но дожидаться его тебе, конечно, придется под замком.

Он уже вышел, но в последний момент обернулся.

— Учти, кстати, я совершенно позабыл, что у тебя в башмаке спрятана отмычка.

И ушел. Я уставился на закрытую дверь и вдруг расхохотался. Все же, какая бы там планета ни оказалась, это уже нормальный мир — заполненный всякими приятными вещами, которые достанутся тому, кто знает свое дело. А уж я-то свое дело знаю, это несомненно!

Спасибо тебе, Слон, спасибо за все. Ты научил меня жить. Благодаря тебе — родилась Стальная Крыса.

Стальная Крыса идет в армию

Глава 1

Я слишком молод, чтобы умирать. Мне всего-навсего восемнадцать. Но сейчас вы смело можете назвать меня покойником. Пальцы слабеют, ладони скользкие от пота, а под ногами — километровая бездна. Держаться больше не могу. Сейчас свалюсь...

Обычно я не поддаюсь панике, но сейчас ситуация далека от обычной. Все мое тело, от макушки до пяток, дрожит от невероятного напряжения, а мозг парализован безвыходностью положения.

Я попал в беду, в нелепую ловушку, и винить мне в этом некого, кроме себя. Как много мудрых советов дал я себе за всю жизнь, как много получил их от Слона — а что толку? Опять не зная броду, полез в воду...

Наверное, я заслужил такой конец. Нержавеющая Стальная Крыса на поверку оказалась очень даже ржавеющей.

Край металлической двери очень гладкий, необычайно трудно держаться кончиками пальцев. Носки ботинок едва зацепились за выступающий комингс, а каблуки висят над бездной. Стоять так долго на цыпочках — настоящая пытка, но она ничто по сравнению с болью в пальцах рук.

А ведь поначалу план казался таким простым, логичным и остроумным! Лишь теперь я осознал, насколько он сложен, авантюрен и нелеп!

— Джимми ди Гриз, ты идиот, — бормочу я сквозь стиснутые зубы и только сейчас замечаю, что до крови прикусил губу. Я разжимаю зубы и сплевываю — и тут правая рука срывается. Безумный страх придает мне сил, и я каким-то чудом ухитряюсь снова зацепиться за верхний край двери.

Но силы уходят так же быстро, как и пришли, оставляя меня по-прежнему беспомощным и еще более изнуренным. Нет, из этой западни мне не выбраться. Рано или поздно пальцы разожмутся и я полечу вниз. Так стоит ли затягивать мучения?

«Нет, Джим! Не сдавайся!»

У меня шумит в ушах, в голове раздаются глухие удары, и кажется, что голос доносится издалека. И я не узнаю свой голос — он стал выше, богаче интонациями. Такое чувство, будто ко мне обращается сам Слон. Это его мысль, его слова. И я держусь, не зная толком, зачем. А внизу раздается далекий гул.

Гул? В шахте темно, как в могиле. Неужели кто-то включил маглевлифт? Я с трудом — окостенела шея — наклоняю голову и вглядываюсь во мрак. И спустя какое-то время вижу крошечный огонек.

Кабина движется вверх.

Что с того? В здании 233 этажа. Велики ли шансы, что кабина остановится как раз подо мной и я смогу легко и спокойно сойти на крышу? «Астрономически малы», — горько думаю я. А вдруг кабина поднимется выше, размазав меня по стене? Такое вполне возможно. Огонек приближается, мои зрачки с каждой секундой расширяются, гул двигателя нарастает, налетает ветер... Конец!

Да, конец — подъема кабины. Она останавливается как раз подо мной. Я слышу, как раздвигаются створки двери, слышу голоса двух охранников.

— Я тебя прикрою. Но и ты не зевай, когда будешь осматривать холл.

— Он меня прикроет! Вот уж спасибо! Я вроде бы не вызывался добровольцем.

— Ты не вызывался — я тебя назначил. У меня два шеврона, а у тебя сколько? То-то. Выходит, тебе идти.

Охранник с одним шевроном невнятно выругался и вышел из кабины. Как только его тень заслонила свет, падавший из двери лифта, я осторожно опустил левую ногу на крышу кабины. В надежде на то, что если она подо мной качнется, то шаги полицейского скроют это. Не скажу, что сделать это было легко — бедро свело судорогой, а пальцы словно примерзли к двери. Затем я медленно перенес трясущуюся правую ногу и встал на крышу. Скрюченные пальцы все еще держали комингс: я чувствовал себя полным дураком.

— В холле пусто, — донесся издалека голос охранника.

— Проверь память монитора, не засек ли он кого постороннего.

Внизу что-то звякнуло, и донеслось приглушенное бормотание. Я оторвал правую руку от скользкого металла и принялся отлеплять непокорную левую.

— С восемнадцати ноль-ноль, когда последний служащий ушел домой, здесь никто не появлялся.

— М-да, загадка, — буркнул охранник с двумя шевронами. — Датчики зарегистрировали, что кабина поднялась на этот этаж. Мы спустили ее вниз. И никто, говоришь, здесь не выходил?

— Нет тут никакой загадки, просто лифт поехал сам собой. Ложный сигнал компьютера. Сам себе дал команду.

— И не хочется с тобой соглашаться, но делать нечего. Поехали вниз, доиграем партию в картишки.

Охранник с одним шевроном вернулся, дверь лифта закрылась, я бесшумно присел на корточки. На этаже, где находится тюрьма, они вышли. Тем временем я пытался дрожащими пальцами распутать узлы, в которые превратились мои мускулы. Как только удалось это сделать, я открыл люк в крыше, проник в кабину и осторожно выглянул. Картежники скрылись в караулке. С великими предосторожностями пустился в обратный путь. Осторожно крадучись вдоль стен — был бы хвост, я б его виновато поджал, — негромко орудуя отмычкой, погромыхивая коридорными дверями.

Наконец добрался до своей камеры, открыл и закрыл дверь, спрятал отмычку в подошву башмака, после чего завалился в кровать со вздохом, который, казалось, мог слышать весь мир. В тюремном безмолвии я не решался заговорить, зато мысленно кричал во весь голос: «Джим, ты самый безнадежный идиот на свете! Никогда, повторяю, никогда не поступай так, как сегодня!»

«Не буду», — пообещал я себе в угрюмом молчании. Теперь это обещание отпечаталось у меня в мозгу. Это была жестокая правда. Я все сделал неправильно, желая поскорей выбраться из тюрьмы. Надо искать правильное решение.

Я слишком торопился. А спешить не следует никогда. Капитан Варод из Галактической Лиги утверждал, что ему известно, где я прячу отмычку. Варод верит в закон и порядок, но не считает, что за мелкие проступки, совершенные мной на родной планете, так уж необходимо выдавать меня властям. С чем я сразу и полностью согласился.

— А если я знаю, где твоя отмычка, и не отбираю ее, — продолжал капитан, — то и ты не должен убегать раньше, чем дождешься этапа.

Дождаться этапа! Да мне ничего так не хотелось, как подольше посидеть в этой комфортабельной, больше напоминающей санаторий тюрьме Лиги на планете Стерен-Гвандра, о которой я не знал ничего, кроме названия. Я наслаждался отдыхом после тягот и лишений, перенесенных на рабовладельческой Спайовенте, и настоящей едой после помоев, которые там называют пищей. Да, я научился ценить такие вещи. Я радовался жизни и копил силы, готовясь к неминуемому освобождению. Так какой смысл, спра-

шивается, бежать отсюда? Да, из-за нее, женщины, существа противоположного пола, которое я и видел-то один миг, но сразу узнал. Один беглый взгляд — здравый смысл потонул в эмоциях, и я предпринял этот безнадежный побег. Тем более осел. Я прямо весь перекосился, вспоминая, как началось это идиотское приключение.

Это случилось во время прогулки, когда заключенных выпустили в огороженный железобетонными стенами внутренний двор и позволили слоняться под ласковыми лучами двух солнц. Я бродил от стены к стене, стараясь не замечать своих товарищей по несчастью, не видеть их скошенных лбов, сросшихся бровей, слюнявых оттопыренных губ. Внезапно их что-то взбудоражило, нечто особенное всколыхнуло дряблые мозги, и ребята с хриплыми возгласами и похабными жестами бросились к решетке, перегораживающей двор пополам. Утомленный однообразием тюремной жизни, я заинтересовался причиной столь бурной реакции заключенных и вскоре определил ее: женщины. Да и что еще, кроме злоупотребления спиртным и сопутствующих этому явлений, могло их взволновать?

Среди женщин, слонявшихся по ту сторону ограды, было три новеньких. Две из них были слеплены из того же теста, что и мои приятели, и отвечали парням хриплыми криками и интересными жестами. Третья помалкивала и держалась особняком. Ее походка показалась мне знакомой. С чего бы это, ведь я и слыхом не слыхивал о Стерен-Гвандре, пока меня не привезли сюда против моей воли? Загадка. Я торопливо прошел до конца решетки, ткнул костяшками пальцев в чью-то шею и, когда ее обладатель погрузился в беспамятство, занял его место.

Меньше чем в метре я увидел знакомое лицо. Никаких сомнений — я встречал эту женщину, я знаю ее имя: Бибз, девушка из экипажа капитана Гарта.

Я сразу решил: необходимо с ней поговорить. Возможно, она знает, где находится Гарт. Ведь это он высадил нас на гнусной Спайовенте, это на его совести смерть Слона. А значит, его смерть будет на моей совести. Пусть только попадется мне, каналья!

Вот так, не потрудившись хорошенько подумать, я совершил нелепую попытку к бегству. Лишь случайность уберегла меня от гибели, позволила благополучно вернуться в камеру. Я покраснел от стыда, вспоминая всю нелепость своего плана. Непродуманность, непредусмотрительность — и невероятно глупое предположение, что система безопасности на всех этажах огромного здания может быть одинаковой. Пока день за днем меня водили на прогулку и обратно, я убедился в примитивности замков на каждой

двери, и действительно, справиться с ними оказалось несложно. И я поверил, что дальше все пойдет столь же просто.

И прогадал. Охрана контролировала каждый вызов маглевлифта. Я сразу засек детекторы в коридоре, как только дверь лифта открылась на верхнем этаже. Поэтому и выбрался через люк на крышу кабины в надежде бежать через моторный отсек, который бывает наверху шахты.

Только моторного отсека там не оказалось, а была еще одна дверь. Выход на следующий этаж, который не был обозначен на пульте кабины. Должно быть, об этом знали очень немногие люди. Пытаясь раскрыть эту тайну, я встал на нижний фланец двери, зацепился кончиками пальцев за верх и принялся ощупывать ее. Кончилось тем, что кабина умчалась вниз, а я остался висеть под потолком шахты.

Что и говорить, из этого идиотского приключения я выбрался незаслуженно легко. Но впредь не стоит рассчитывать на такое везение. Для побега необходимы прежде всего ясный ум и железная логика. Решив, что бранить себя, пожалуй, довольно, я стал искать способ встретиться с Бибз.

«А если попробовать законный путь?» — спросил я себя и едва не подавился этими словами.

Законный путь? Для меня, Стальной Крысы, рыскающей в потемках, никого не боясь, ни в чьей помощи не нуждаясь?

Да. Обидно это сознавать, но бывают случаи, когда честность — лучшая политика.

— Эй, вонючие тюремщики, слушайте меня! — заорал я, колотя по решетке. — Оторвите задницы от кушеток, очнитесь от эротических снов и отведите меня к капитану Вароду! Да поспешите, лежебоки!

Разбуженные моими воплями, обитатели соседних камер принялись осыпать меня угрозами и проклятиями. Я отвечал им тем же, пока не появился надзиратель со зловещей гримасой на физиономии.

— Здорово, дружище, — приветствовал его я. — Счастлив видеть твое доброе лицо.

— Хочешь, чтобы тебе проломили черепушку, сявка?

— Нет. Наоборот, хочу избавить тебя от неприятностей. Для этого от тебя требуется одно: немедленно отвести меня к капитану Вароду, поскольку я обладаю сведениями военного значения. Я не шучу: если капитан узнает, что ты тянул резину, он тебя расстреляет.

Надзиратель выдал еще несколько угроз, но в его глазах появилась тревога. И то сказать: любому на его месте было бы ясно, что с

такими вещами, как военная тайна, лучше не связываться. Бормоча оскорбления в мой адрес, он отошел к телефону. Ждать пришлось недолго — вскоре появились двое охранников, явно перегруженных мускулами и жиром. Они отомкнули замок моей камеры, отвели меня к лифту, доставили на сотый этаж, пристегнули наручниками к тяжелому креслу и удалились. Появившийся несколькими минутами позже лейтенант зевал во весь рот и тер глаза — по нему нельзя было сказать, что он любит просыпаться среди ночи.

— Мне не о чем разговаривать с мелкой сошкой, — сообщил я. — Зовите сюда Варода...

— Заткнись, ди Гриз, если не хочешь неприятностей. Капитан в длительной командировке, ему не до тебя. Я из его отдела. Выкладывай, в чем дело, а не желаешь — возвращайся в камеру.

Его слова показались мне убедительными. Да и выбор был невелик.

— Вам когда-нибудь приходилось слышать о космической свинье, называющей себя капитаном Гартом?

— Нечего ходить вокруг да около, — буркнул лейтенант, зевнув. — Я просматривал твое досье, можешь говорить по существу. Если хочешь сообщить что-нибудь новенькое, не стесняйся.

— Мне кое-что известно об этом парне, промышляющем незаконным ввозом оружия. Ведь вы прихватили его с грузом, кажется?

— Ди Гриз, ты пришел сюда рассказывать, а не вопросы задавать, так что давай выкладывай.

Эти слова, однако, никак не вязались с выражением его лица.

По блеску глаз я предположил, что Гарт сумел ускользнуть от полиции.

— Сегодня на прогулке я видел девушку. Новенькую. Ее зовут Бибз.

— Ты вытащил меня из постели, чтобы поведать о своих сексуальных похождениях?

— Нет. Думаю, вам интересно будет узнать, что Бибз — из экипажа Гарта.

Это его заинтересовало, он даже не смог скрыть любопытства — сказывалось отсутствие опыта.

— Ты уверен?

— Можете проверить. Чего проще — запросить информацию.

Он так и сделал — уселся за стальной стол и нажал несколько клавиш на терминале компьютера. Взглянул на экран и скривился.

— Сегодня к нам доставили трех женщин. Среди них нет девицы по имени Бибз.

— Да неужели? — с издевкой спросил я. — А нельзя ли предположить, что преступники иногда пользуются кличками?

Он не ответил, снова склонившись над клавиатурой. Факс загудел и выдал три цветных портрета, два из них я бросил на пол, третий вернул лейтенанту.

— Вот она — Бибз.

Он нажал еще несколько клавиш, затем откинулся на спинку кресла и пробормотал:

— Вроде сходится. Мэрианни Гьюффрида, двадцати пяти лет, специальность — корабельный электротехник, имеет опыт работы в космосе. При задержании у нее обнаружен наркотик. Утверждает, что он подброшен.

— Спросите ее о Гарте. Не захочет говорить — заставьте.

— Спасибо за помощь, ди Гриз. В твоем досье появится соответствующая запись. — Он набрал номер телефона. — Похоже, ты насмотрелся детективов. Мы не имеем права силой вытягивать из людей признание. Наши средства — наблюдательность, умело заданные вопросы, умозаключения. Сейчас тебя отведут в камеру.

— Вот уж спасибо! — хмыкнул я. — Спасибо за спасибо. То есть ни за что. Хоть бы уж сказали, сколько мне еще торчать в вашей кутузке.

— Ну, это как раз несложно выяснить. — Он пробежался пальцами по клавиатуре и с досадой покачал головой. — Послезавтра мы с тобой простимся. Тебе предстоит возвращение на Райский Уголок. Там тебя будут судить и дадут срок, надо полагать.

— Мою вину еще надо доказать, — усмехнулся я, стараясь не выдать охватившую меня радость. Мне бы только выбраться отсюда — а там я сумею найти путь к свободе. Не обращая внимания на тычки и ругательства конвоиров, я позволил отвести себя в камеру и решил до послезавтра быть паинькой.

Еще долго после разговора с лейтенантом я лежал на койке и глядел во тьму, размышляя о том, как бы добраться до Бибз и половчее вытянуть из нее нужные мне сведения.

Глава 2

— Подпишись вот здесь.

Я поставил подпись. Сидевший за столом седобородый старикашка метнул через стол пластиковый пакет с моими пожитками, отнятыми при аресте. Я попытался схватить пакет, но стоявший рядом охранник оказался проворнее.

— Не спеши, заключенный, — процедил он сквозь зубы. — Вещдоки мы передадим кому следует.

— Но это мои вещи!

— Ничего с ними не случится. Все готово, Рэско!

— Меня зовут не Рэско!

— А меня — Рэско. Заткнись, — буркнул второй охранник, крепко сбитый, неприятный тип, чье правое запястье было соединено цепью наручников с моим левым. Он дернул за цепочку, и я едва не упал к нему на грудь.

— Делай все, как я скажу, и не вздумай зубы скалить.

— Слушаюсь, сэр. Простите.

Я с виноватым видом опустил голову, а Рэско самодовольно ухмыльнулся. Не знал он, недотепа, что я сделал это для того, чтобы внимательно рассмотреть браслеты. Ага, «бульдожья хватка», знакомая система. Такие наручники можно встретить в любом уголке Галактики, фирма-изготовитель гарантирует «дуракостойкость». Может, дурак и не сумеет сломать или отомкнуть их, а для меня это раз плюнуть. Я приободрился.

Фэтсо шел справа от меня, крепко сбитый Рэско — слева. Я шагал с ними нога в ногу в нетерпеливом желании покинуть тюрьму и увидеть мир, окружающий базу Лиги, куда меня доставили в «слепом» фургоне. Умы моих стражников, похоже, были заняты раздумьями о том, как переправить бедного Джима ди Гриза на его родную планету. Меня же это, признаться, совершенно не интересовало.

Выбраться из этого бункера-небоскреба оказалось непростым делом, и я в который раз мысленно дал себе пинка за мальчишескую попытку побега. В здании было всего три двери, все три запирались надежнее, чем воздушные шлюзы космических кораблей. Мы прошли мимо жужжащих и пощелкивающих сканеров, трижды сенсоры роботов изучали отпечатки наших пальцев и сетчатки глаз; затем загудели механизмы раздвигающейся двери, и на нас хлынула волна теплого воздуха, запахов и звуков.

На улице, куда мы спустились по длиннющей лестнице, я прямо-таки рот разинул. И было отчего, ведь эта планета — всего-навсего третья из тех, где мне довелось побывать. А жизнь на скотоводческих фермах Райского Уголка и рабство в болотах Спайовенты не подготовили меня к тому обилию впечатлений, которое я испытал, едва покинув тюрьму Лиги.

Теплый пыльный воздух напоен острыми ароматами, над улицей разносится какофония непривычных звуков, мимо движется непрерывный поток людей, незнакомых экипажей и каких-то четвероногих существ. Одно из них шествовало мимо меня, неся на

своей спине человека и оглушительно топая по мостовой длинными ножищами. Внезапно оно выпучило на меня глаза, оскалило ужасные желтые зубы и заорало. Я отшатнулся, и эта вполне объяснимая реакция вызвала хохот конвоиров.

— Не трусь, маргу мы тебя в обиду не дадим, — пообещал Фэтсо, и оба охранника захохотали еще пуще.

Может быть, для местных жителей это животное было маргом, а для меня — лошадью. Я видел их на картинках в учебниках истории. Первопоселенцы Райского Уголка пытались разводить лошадей, но не учли исключительной прожорливости местной фауны. Из привезенных ими животных выжили только неуязвимые свинобразы. Я взглянул на марга внимательней, отметил, что при всей его огромной величине он, судя по зубам, травоядный, а значит, бояться нечего. Тут подскочили два его сородича, впряженные в какой-то ящик на колесах. Услышав свист Рэско, сидевший на ящике кучер натянул поводья.

— Залазь, — велел мне Фэтсо, распахивая дверцу.

Я с омерзением отшатнулся.

— Там грязно! Неужели Лига даже нормального транспорта не может...

Рэско дал мне такого пинка, что я птицей влетел в фургон.

— Садись — и не болтай!

Следом забрались охранники.

— Лига старается по возможности пользоваться туземным транспортом, чтобы поддерживать местную экономику, так что заткнись и радуйся.

Я заткнулся, но радоваться не стал. Устремив на улицу, по которой громыхали колеса нашего фургона, невидящий взор, я размышлял, как бы удрать от конвоя, при этом сделав какую-нибудь гадость паршивцу Рэско. Пожалуй, сейчас самое подходящее время. Два молниеносных удара — и они лежат без чувств, а я исчезаю в толпе...

Нагнувшись, я с остервенением почесал лодыжку.

— Тут клопы! Меня укусили!

— А ты их тоже укуси, — с детской непосредственностью посоветовал Фэтсо, и оба надзирателя захохотали.

Вот и чудненько. Они не заметили, как я вытащил из подошвы и зажал в кулаке отмычку. Но едва я повернулся к Рэско, замышляя, как говорят судьи, нанесение побоев, фургон остановился, и Фэтсо отворил дверцу.

— Выходи, — велел он мне, а Рэско с силой дернул цепочку, отчего наручник больно впился мне в запястье.

Выбравшись из фургона, я в недоумении уставился на здание с мраморным фасадом.

— Но ведь это не космопорт, — пробормотал я.

— В самую точку попал, — ухмыльнулся Рэско и потащил меня за собой. — Это местный вариант пересылки.

Я решил, что дальше не пойду, хватит с меня этой мерзкой компании. И все-таки пришлось тащиться следом за надзирателями, всей душой желая, чтобы подвернулась какая-нибудь лазейка. Вскоре она подвернулась.

Я заметил, что в дверь под красивой вывеской «PYCHER PYSA GORRYTH» входят и выходят одни мужчины. Проще простого было догадаться, что означает надпись. Я остановился и, показывая пальцем на дверь, заныл:

— Я хочу туда! Ну пожалуйста!

— Нельзя! — ухмыльнулся Рэско. Вот ведь садист!

Неожиданно за меня заступился его приятель:

— Ладно, отведи его. Ему здесь долго торчать.

Рэско выругался, но не стал спорить. Наверное, он был младше Фэтсо по званию. «Пичер писа» оказалась самым примитивным сортиром — стенка, вдоль нее желобок в полу. Над желобом выстроились в ряд мужики. Расстегивая ширинку, я направился к свободному месту в дальнем углу. Рэско с недовольным видом топал следом.

— Будешь на меня пялиться, я ничего не смогу сделать, — обернувшись, проворчал я.

Он на секунду поднял глаза к потолку. Этого времени оказалось достаточно, чтобы свободной рукой схватить его за шею. Во взгляде охранника вспыхнуло удивление, но тут же угасло, едва я изо всех сил вдавил в шею большой палец. В тот самый миг, когда раздался приятный удар бесчувственного тела о пол, я освободился от «браслета». Рэско лишь похрапывал, пока я обыскивал его и доставал бумажник, чтобы оправдать свою репутацию вора. Угнездив бумажник в своем кармане, я выпрямился и оглянулся. Стоявшие вдоль желоба люди обернулись ко мне.

— Ему стало плохо, — объяснил я и, переводя взгляд с одного непонимающего лица на другое, добавил на эсперанто: — Li svenas. — Но и это не произвело на них впечатления. Тогда я показал на Рэско, на двери и на себя: — Пойду за помощью. Вы приглядите за ним, ребята. Я скоро вернусь.

Никто не попытался меня остановить. Я выскочил за дверь — и едва не угодил в лапы Фэтсо. Он заорал и бросился ко мне, но не тут-то было. Я пулей вылетел из здания, проскочил между двумя лошадьми, обогнул скамейку, пересек улицу и помчался по темной аллее. Она вывела меня на другую улицу, такую же переполненную народом, как и первая. Влившись в толпу, я перешел на шаг. Я даже принялся насвистывать, поглядывая на вывески, на женщин под вуалью и расфранченных мужчин. Здравствуй, свобода!

А может, рано ликовать? Один на варварской планете, не зная языка, преследуемый властями — с какой стати я так обрадовался? Тут же нахлынула черная тоска, но я ей не поддался.

«Ты ли это, Джим? Встретив пустяковые трудности, падаешь духом? Стыдись! Что бы сказал Слон, если бы сейчас тебя увидел? Он бы сказал: «Хватит болтать — на тебя уже глазеют».

Беззаботно насвистывая, я свернул за угол и сразу наткнулся на столы, уставленные яствами, и людей, сидящих за ними и потягивающих аппетитные на вид напитки. Поверх всего этого красовалась вывеска «SOSTEN HA GWYRAS», ровным счетом ничего мне не сказавшая. Ниже я прочитал знакомое: «Ni parolos espersnto, bonvenuu». Оставалось надеяться, что на эсперанто здесь говорят лучше, чем пишут. Сев за столик у стены, я поманил пальцем официанта.

— *Дхе'т плегадоу*, — сказал он.

— *Плегадоу* будешь с остальными, а со мною попрошу говорить на эсперанто, — проворчал я. — Что можешь предложить из выпивки, папаша?

— Пиво, вино, даур-том-ис.

— Что-то нынче не тянет меня пить даур-том-ис. Тащи-ка побольше пива.

Пока он ходил за пивом, я достал бумажник Рэско. Если моих бывших тюремщиков заботит процветание здешней экономики, резонно предположить, что они носят с собой местную валюту. Бумажник оказался полон маленьких металлических дисков. Я потряс один из них, подбросил, поймал и перевернул. На одной стороне была отчеканена цифра два, на другой — слово *«аргхана»*.

— С вас один аргхан, — сказал официант, ставя передо мной запотевший глиняный кувшин.

Я протянул ему монету.

— Возьми, добрый человек, и оставь себе сдачу.

— О! Вы, инопланетники, все такие щедрые! — невнятно поблагодарил официант, пробуя монету на зуб. — Не то что мои серые, глупые соотечественники. Хотите девочку? Или мальчика? Или *кеваргена* покурить?

— Пока воздержусь. Захочу — дам тебе знать. Сейчас — только пива.

Он удалился, что-то бормоча, а я глотнул пива. Глотнул — и тотчас пожалел об этом. Жуткая кислятина, шипя и пузырясь, потекла по пищеводу. Я отодвинул кувшин и отрыгнул. Хватит валять дурака, Джим! Тебе повезло, ты вырвался на свободу. Каков будет твой следующий шаг?

Но думать об этом я был не в состоянии, и даже еще один мучительный глоток пива не послужил стимулом для мозга. Я был даже рад, когда появился официант и, прикрывая рот ладонью и воровато косясь на посетителей, прошептал мне на ухо:

— Есть свеженький *кеварген,* только что с поля. Берите, не пожалеете, несколько дней простоит. Не хотите? А как насчет девочки с кнутом? Может, змеи? Или кожаные ремни и горячая грязь...

— Ничего мне не надо! — перебил его я. — Все у меня было, все я испытал. Единственное, чего бы мне хотелось, это найти базу Лиги.

— Как вы сказали? Не понимаю.

— Большое, высокое здание, где живет много инопланетников.

— А, вы имеете в виду *лиз.* Пожалуйста, я могу отвести вас туда за один аргхан.

— За один аргхан ты расскажешь, как туда добраться. Я вовсе не хочу отрывать тебя от работы.

Кроме того, я не хотел, чтобы в пути он надоедал мне, предлагая сомнительные удовольствия. В конце концов официанту пришлось уступить. Дождавшись, когда он скроется на кухне, я глотнул пива и ушел.

По пути к зданию Лиги в моей голове начало складываться нечто вроде плана. Мне очень хотелось добраться до Бибз. В том, что капитану Гарту удалось бежать, я не сомневался, но она могла знать, где он прячется. Бибз — единственная моя ниточка. Но как проникнуть в тюрьму? Я знал, что во время ареста Бибз носила имя Мэрианни Гьюффрида. Может, представиться ее близким родственником? Хайзенпеффером Гьюффрида, например? Подделать удостоверение личности, если таковые вообще существуют на этой планете? Наверняка это несложно, но вдруг компьютер у входа узнает во мне бывшего арестанта? Или сведения обо мне уже стерли из его памяти? Это вполне возможно, как и то, что после доклада Фэтсо мое досье снова ввели в программу.

С этими мыслями я свернул за угол и увидел перед собой здание базы. Как огромный крутой утес высилось оно над приземистыми городскими строениями и выглядело таким же неприступным. Не отрываясь глядел я на дверь, за которой то и дело исчезали поднявшиеся по знакомой лестнице люди; створки раздвигались, чтобы впустить посетителя, и тут же наглухо сдвигались, словно за ними

хранился золотой запас Вселенной. В голове у меня было пусто. Я привалился спиной к стене, прямо напротив здания. Что было не слишком умно: на мне была тюремная роба. Но местные наряды были столь разнообразны, что моя одежда не привлекала ровно никакого внимания. Я стоял и ждал, когда придет вдохновение. Оно не пришло. Но штурмовать базу не пришлось благодаря счастливому случаю, тому самому единственному шансу из тысячи. Дверь снова раздвинулась, и на верхнюю площадку лестницы ступили три человека: двое блюстителей закона, что явствовало из огромных размеров их сапог, и стройная фигурка между ними. От ее тонкого запястья к лапе охранника шла цепь наручников.

Бибз!

Внезапность ее появления ошеломила меня. Я стоял, привалясь к стене, словно в обмороке, и смотрел, как троица спускается по лестнице и сходит на тротуар. Один из конвоиров помахал рукой и свистнул. Подъехавший фургон загораживал меня от Бибз и охранников, но я словно сквозь его стенки видел происходящее: вот распахивается дверь, арестантку втаскивают внутрь, дверь закрывается...

Щелкнул кнут кучера, и ящик на колесах тронулся с места. Но я уже мчался к нему. Не прошло и секунды, как я вскочил на подножку и рывком распахнул дверь.

— Куда? — рявкнул ближайший конвоир, поворачиваясь ко мне. — Не видишь — занято!

Это был ночной надзиратель. В следующую секунду он узнал меня и заревел от ярости. Силенками его бог не обидел, но я оказался половчее. Уклонившись от его ручищ, я мельком взглянул на испуганное лицо Бибз и хорошенько врезал надзирателю по горлу.

Едва он обмяк, я приготовился к схватке с другим охранником, но тут выяснилось, что ему не до меня. Бибз умело схватила его за шею и душила. Бедняга ничего не мог поделать, как ни сопротивлялся.

— Погоди... сейчас я его тоже... прикончу, — с натугой произнесла Бибз.

Я не стал объяснять, что не убил, а лишь отключил надзирателя. Мой палец впился в нервный узел на локте девушки; ее рука онемела, а лицо побагровело от гнева. Но не успела она раскрыть рта, как я угомонил хрипевшего конвоира и снял с Бибз наручник. Она потерла запястье и улыбнулась.

— Не знаю, откуда ты взялся, но за помощь спасибо. — Приглядевшись ко мне, она спросила: — А мы с тобой, часом, не знакомы? Ну да, ты же наш ночной пассажир, Джимми, кажется.

— Ты не ошиблась, Бибз. Джим ди Гриз к твоим услугам.

Она громко засмеялась и быстро забрала ценности у бесчувственных конвоиров. И проворчала, глядя, как я пристегиваю полицейских друг к другу:

— Лучше бы их пришить.

— Не стоит. Если мы убьем охранников, Лига перетряхнет всю планету, но разыщет нас. А так — может, про нас скоро забудут.

— Пожалуй, ты прав, — неохотно согласилась Бибз, а затем дала каждому конвоиру хорошего пинка.

— Зачем? Они же ничего не чувствуют.

— Почувствуют, когда оклемаются. Итак, куда мы пойдем теперь, Джим?

— Откуда мне знать? На этой планете я впервые.

— Зато я здесь своя.

— Тогда веди.

— Ладно.

Как только фургон замедлил ход, Бибз отворила дверь, и мы соскочили на мостовую.

Глава 3

Бибз взяла меня под руку, и, признаюсь, мне это было довольно приятно. На улице, по которой мы шли, было многолюдно. Где-нибудь в другом месте наши серые арестантские робы, «со вкусом» украшенные червовыми тузами, смогли бы привлечь внимание прохожих — но только не здесь. Тут каждый одевался, как бог на душу положит. Я встречал бородачей в дубленых шкурах, женщин в пышных одеяниях из разноцветного газа, воинов в доспехах из кожи и стали. Платья, мантии, кольчуги, кирасы, кушаки — иными словами, все, что только можно представить. И даже то, чего представить невозможно. Поэтому мы внимания не привлекали.

— У тебя есть деньги? — спросила Бибз.

— Несколько аргханов, позаимствованных у конвоира. Я ведь тоже сбежал.

Ее очаровательные брови над столь же очаровательными глазами слегка приподнялись.

— Вот, значит, почему ты мне помог? А за что тебя держали в кутузке? Помнится, тебя и старикашку высадили на Спайовенте. Гарт продал вас в рабство.

— Да, и мой друг там погиб. Так что не буду скрывать — я слегка недоволен Гартом. Такого друга, как Слон, мне уже не найти. Он мне помог, многому научил, и я горжусь тем, что сумел оказать ему несколько ответных услуг. В спешке покидая нашу родную планету — ты это помнишь, наверное, — мы заплатили капитану Гарту кучу денег. Но ему этого показалось мало, и он продал нас работорговцу. Я выжил, а вот Слон не перенес неволи. Понятное дело, что его смерть не привела меня в дикий восторг. На той планете со мной приключилась масса неприятностей, а потом меня арестовала полиция Галактической Лиги. Меня собирались отправить на родину под суд.

— За какие грехи? — с неподдельным интересом спросила Бибз.

— Ограбление банка, похищение человека, побег из-под стражи. Ну, и так далее.

— Как здорово! Вот что я скажу тебе, Джим: выручив меня, ты оказал себе неоценимую услугу. Я хорошо знаю эту планету, мне известно, где можно раздобыть денег. Давай договоримся: ты будешь красть деньги, а я — тратить. Зато у тебя не возникнет никаких проблем. Потом, когда придет время, я позабочусь об отлете.

— В этом есть резон, пожалуй, — кивнул я. — А нельзя ли нам потолковать о делах за едой? С утра во рту ни крошки.

— Ну конечно. Тут есть подходящее местечко.

Она привела меня в маленький ресторанчик, затерявшийся среди домов. Заказанное ею блюдо оказалось вполне сносным, чего я никак не ожидал, услышав название «фелион ха кук мог». Чтобы пища не застревала в глотке, Бибз велела принести кувшин ру'т-гвина — вполне приличного красного вина. На будущее я решил запомнить это название.

— Можно задать тебе вопрос? — сказал я. Не отрываясь от кружки с вином, Бибз махнула рукой — валяй, мол. Я рассказал, за что меня арестовали. — Нельзя ли узнать, что послужило причиной твоего ареста?

Она с такой силой ударила кружкой о стол, что та дала трещину. Ее перекошенное лицо побагровело, а зубы заскрежетали.

— Все из-за этого бастардакфьюло!

Я вздрогнул, услышав самое грязное в эсперанто ругательство.

— Все из-за мерзавца Гарта, — пояснила она. — Он знал, что за нами охотится Галактическая Лига. Когда мы прилетели сюда, он списал меня с корабля, а на другой день меня сцапала полиция. Гарт подбросил мне в сумочку кеварген и настучал фараонам. Меня обвинили в контрабанде наркотиков. Ну, попадись он мне!

— Я тоже не прочь до него добраться. Но почему он тебя выдал?

— В отместку. Как-то раз полез ко мне в койку, а я его вытолкала. Слишком уж он волосат, не люблю таких.

Я поперхнулся вином, закашлялся и покраснел, но Бибз не заметила этого. Дрожа от злости, она смотрела в пустоту.

— Я бы убила его, если бы только смогла попасть в его логово. Но, увы, это невозможно.

— Почему невозможно? — спросил я с облегчением: разговор перешел на менее рискованную тему — месть и убийство.

— Почему? А что ты знаешь об этой планете, Джим?

— Ничего. Только название — Стерен-Гвандра.

— На языке туземцев это означает «планета». У них не шибко развито воображение, во всяком случае, у жителей Брастира. В годы упадка Стерен-Гвандра, как и многие планеты, утратила связь с галактической цивилизацией. Брастир — континент, на котором мы находимся, — не имеет минеральных ресурсов, и за несколько столетий промышленное оборудование износилось, а нового колонисты изготовить не смогли. Это невежественный, неграмотный народ, здесь же эсперанто мало кто знает. Только торговцы, поддерживающие сношения с островом, более или менее развиты. К тому времени, когда Галактика вспомнила о существовании Стерен-Гвандры, на ней установилось нечто вроде сельскохозяйственного полуфеодализма.

— Как на Спайовенте?

— Не совсем. Возле континента расположен огромный остров, в его недрах сосредоточены почти все запасы руд, угля и нефти этого полушария, поэтому первые поселения возникли на острове. Потом наступила эпоха диаспоры, и вновь прибывшие колонисты бросились заселять континент. Их не пускали на остров, да они и сами туда не стремились — на материке земли хватало всем. Так получилось, что жители Невенкебла заняты в промышленности, а здешний народ — в сельском хозяйстве и добыче леса. Я сомневаюсь, что за последние годы хоть что-то изменилось — вряд ли отношения улучшились. Теперь понимаешь, почему нам не добраться до Гарта?

— Не совсем. При чем тут Гарт?

— Он на острове! — Вздохнув, она макнула палец в лужицу вина и стала рисовать круги на столе.

— Но ведь Гарт венианец, как и ты, — удивился я. — Капитан венианского корабля. Какой смысл островитянам его укрывать?

— С чего ты взял, что венианец? Военные острова Невенкебла купили корабль, а Гарта назначили капитаном. На острове правят военные. Мы вывезли оттуда уйму оружия. Да, хорошая была работа, денег у меня куры не клевали, и расплачивались с нами межпланетной валютой. А потом, когда о наших делах пронюхала Галактическая Лига, военные свернули операцию, а нас уволили. Вот почему я говорю, что нам не добраться до Гарта.

— Я доберусь.

— Ну что ж, надеюсь. Я помогу тебе, чем сумею. Но прежде надо где-нибудь отсидеться, пока нас не перестанут разыскивать. А для этого потребуется много аргханов. Сколько их у тебя?

Она высыпала на стол монеты, отобранные у конвойных, а я добавил свои.

— Маловато. Не хватит, чтобы снять надежную берлогу. Правда, у меня есть связи, можно договориться...

— Нет. Никаких связей с преступным миром. Это слишком дорого. К тому же Лига первым делом обыщет воровские притоны. Здесь есть гостиницы? Роскошные, дорогие гостиницы?

— Нет, только остелиовы — постоялые дворы. Но инопланетники никогда там не останавливаются.

— Тем лучше. Сможешь прикинуться туземкой?

— Запросто. Да и ты легко сойдешь за местного. Тут в ходу столько акцентов и диалектов, что никто не заподозрит в тебе чужака.

— Вот и отлично. Надо немедленно украсть побольше денег, купить роскошные тряпки и поселиться на лучшем постоялом дворе. Согласна?

— Согласна. — Смеясь, она хлопнула в ладоши. — Да ты просто прелесть, Джим. На этой вонючей планете ты — глоток свежего воздуха. Но украсть большую сумму здесь не так-то просто. У туземцев нет банков. Правда, можно ограбить хога — менялу. Но жилище хога — настоящая крепость, там полно охраны из его родственников, их совсем не просто подкупить.

— Это интересно. Давай заглянем к какому-нибудь хогу, а ночью пошарим у него в кубышке.

— Знаешь, Джим, я не встречала такого парня, как ты. Ты смотришь на вещи с детской непосредственностью, но все же, видно, знаешь свое дело.

Я не люблю, когда меня называют ребенком, но на этот раз не обиделся. Бибз увлеченно придумывала план:

— Мы возьмем часть наших аргханов и обменяем их на деньги острова Невенкебла. При этом возникнет много поводов для спора с хогом, и у тебя будет время осмотреться. Говорить с ним буду я, а ты помалкивай. Тебе отводится роль моего телохранителя и носильщика кошелька. Телохранителю полагается дубинка.

— Не будем терять времени. Пойдем, купим ее.

Выполнить эту часть плана оказалось легче легкого. В лавочках, выстроившихся вдоль каждой улицы, чем только не торговали: всевозможными нарядами, фруктами, лакомствами, завернутыми в листья, ножами, седлами, шатрами и, наконец, дубинками. Пока лавочник, бормоча сквозь множество слоев ткани, под которыми

скрывалось его лицо, расхваливал свой товар, я выбрал лучший экземпляр — метровую палку из прочного дерева со стальными кольцами.

— Похоже, эта будет в самый раз, — сказал я Бибз.

Торговец закивал и снова забубнил, принимая монеты.

Бибз указала в глубь лавки.

— Он говорит, что дубинка продается с гарантией на год, и предлагает испытать ее на прочность.

Испытательный стенд оказался продолговатым валуном, поставленным на попа и обработанным резцом каменотеса. Когда-то он напоминал фигуру воина, но годы испытаний сделали свое дело. Камень был сплошь в выбоинах, нос, подбородок и одно ухо отсутствовали, от второго остался жалкий огрызок. Я прикинул вес дубинки, проверил балансировку, сделал несколько пробных взмахов, регулируя дыхание с помощью мантры и сосредоточивая внимание на напряженных мускулах. Наконец, пыхтя как спайовентский паровоз, я медленно отвел дубинку вправо.

Концентрация напряжения и мгновенный его сброс. Вот и весь секрет. Точнее, никакого секрета — только техника и опыт. Испустив на выдохе короткий крик, я рубанул, вложив весь свой вес и все свои силы в крайний ободок дубинки. Со свистом описав в воздухе полукруг, он соприкоснулся с головой истукана.

Раздался громкий треск, и голова отвалилась. Дерево выдержало, на стальном кольце осталась пустяковая вмятина.

— Эта мне подойдет, — небрежно бросил я. Они были сражены, должен отметить. Я и сам удивился. Не думал, что удар будет так хорош.

— И часто ты такие фокусы показываешь? — хрипло произнесла Бибз.

— Случается, — ответил я со спокойствием, которым в ту минуту не обладал. — Ну что ж, веди меня к хогу.

Миновав несколько кварталов, мы увидели стальную балку, торчащую из стены дома, с подвешенной к ней клеткой, внутри которой сидел скелет.

— Оригинально, — заметил я. — Должен сказать, я ожидал увидеть над дверью деревянный аргхан или изображение мешка с деньгами.

— Так практичнее. Это скелет последнего вора, проникшего в дом хога.

— Да? Очень мило.

— Не волнуйся, это всего лишь традиция.

Легко ей говорить, ведь грабить хога пойду я. Расстроенный, я двинулся следом за ней, но в дверях двое неприятных на вид верзил преградили нам путь, угрожающе выставив копья.

— Я к хогу, — буркнула Бибз, смерив их презрительным взглядом.

Пробормотав что-то нелестное в наш адрес, стражники забарабанили кулачищами в обитую железом дверь. Та громко заскрипела и отворилась. Внутри мы встретили охранников с мечами, слепленных из того же теста, что и копейщики у входа. По длинному коридору они провели нас во двор. Вокруг, на стене, тоже была охрана. Это была даже не стена, а сомкнутые крыши окружавших двор строений. Посреди стоял огромный сундук под навесом, справа и слева от него — два телохранителя с пиками. На крышке сундука лежали пуховые подушки, а на них восседал хог.

— Похоже, он с сундука даже ночью не слезает, — пошутил я, чтобы поднять свой боевой дух.

— Разумеется, — кивнула Бибз, и мой боевой дух упал еще ниже.

Да, дельце мне предстоит совсем не простое. Входная дверь наверняка заперта и охраняется. Через стену не перелезть — вдоль нее заостренные металлические штыри и та же охрана. Но, допустим, мне все-таки удастся проникнуть во внутренний двор. Что потом? Скинуть старикашку в пыль и завладеть кошельком? Только затем, чтобы меня закололи, зарубили, забили дубинами? Не очень-то заманчивая перспектива. Нет, надо придумать иной план пополнения нашей казны.

Как ни ломал я голову, я не видел способа проникнуть в эту крепость. Грубая сила зачастую эффективнее отпугивает воров, чем самая современная техника. Если даже мне удастся захватить добычу, как ее вынести?

Меняла рассыпался перед нами мелким бесом, его голос тек патокой, особенно после того, как Бибз позвенела монетами. Он хлопнул в ладоши, и помощники убрали подушки с сундука и подняли крышку. Внутри сундук оказался разделен перегородкой, и обе половины заполнены туго набитыми кошельками. Еще один хлопок хога — и крышка закрывается, а на нее ставится большой кошелек. Забравшись со вздохом облегчения на свое место, меняла развязал бечевку и зачерпнул пригоршню блестящих монет. Обмен начался. Приняв скучающий вид, я стал осматривать внутренний двор.

Тут в моей голове забрезжила некая идея, и я так поспешно ухватился за нее, что едва не спугнул. Стараясь ничем не выдать волнения, я озирался и время от времени рычал на стоящих рядом

стражников. Они отвечали тем же. Тем временем обмен шел полным ходом под нытье и недовольное фырканье обеих сторон, но мне недосуг было прислушиваться к спору хога и Бибз — я обтачивал и шлифовал свой план. Потом мысленно попытался его осуществить и пришел к выводу, что все получится, если мне немного повезет.

А если придумать другой план? Я мысленно вздохнул. Нет, с учетом всех обстоятельств — это единственно возможный.

— Эй, хозяйка! — крикнул я Бибз, помахивая дубинкой. — Хватит лясы точить, соглашайся, и пошли отсюда.

Бибз повернулась с брезгливой гримасой и спросила:

— Что ты сказал?

— Что слышала. Вспомни, нанимая меня, ты обещала хорошую плату и укороченный рабочий день. Но плата не так уж хороша, а день не так уж короток.

Если хог не знает эсперанто — операцию надо на этом заканчивать. Но он навострил уши, прислушиваясь к разговору, и явно все понимал. Теперь — только вперед. Бибз не знала, что я задумал, но подыграла великолепно, прямо взорвалась от возмущения:

— Ах ты олух безмозглый! Да я за полцены найму лучшего телохранителя, чем ты! Он еще понукать меня смеет, малбонуло несчастный!

— Ах, так! — взревел я. — Ну это тебе даром не пройдет!

Моя дубинка свистнула в воздухе, но лишь слегка задела ее макушку. Бибз рухнула как подкошенная. Следующим ударом я сломал одну из жердей, поддерживающих навес. Пока он падал, я шагнул к сундуку и треснул хога по шее.

«А теперь быстро, Джим!» — сказал я себе, хватая с его колен и опуская за пазуху кошелек. Стражники, истошно вопя, стаскивали с нас упавший навес. Выбравшись из-под него, я пошел прочь от сундука.

— Ладно, хозяйка, считай, что мы квиты! — крикнул я Бибз на ходу. — Поищи себе другого телохранителя. Будь я проклят, если еще раз свяжусь с бабой.

Два шага, три, четыре. Стражники стащили с бесчувственного хозяина навес, один из них визгливо закричал на незнакомом мне языке. Но я не нуждался в переводе. Едва взбешенные родственники хога бросились ко мне, я повернулся и помчался прочь, но не туда, где находился единственный выход, а к деревянной лестнице, ведущей на крышу.

Там стоял один-единственный стражник с копьем. Я отбил копье и дал копейщику пинка, а когда он упал, перепрыгнул через него и понесся вверх. На верхней площадке я едва не напоролся на

меч подоспевшего воина. Все же мне удалось увернуться, схватить его за лодыжки и повалить.

Стукнув его по лбу рукоятью дубинки, я вскочил, звеня монетами, и увидел троих стражников, несущихся ко мне по крыше. Я подбежал к карнизу, поглядел вниз и выругался — высота была слишком велика, если прыгну, обязательно сломаю ногу. Повернувшись, я запустил своим оружием в ближайшего нападающего. Он упал; второй споткнулся о него и тоже не устоял на ногах.

Спустя секунду я висел, держась за краешек карниза. Взглянув вверх, увидел третьего стражника с занесенным мечом — он явно вознамерился отрубить мне пальцы.

Тогда я отпустил карниз. Упал на мостовую, но в последний миг успел сгруппироваться, превратив тело в подобие пружины, и отделался лишь ушибом. Но в ту минуту я его даже не почувствовал. Вокруг стучали о мостовую пики и палицы, но ни одна не задела меня, а вскоре я свернул за угол и оказался на многолюдной улице. Постепенно вопли разъяренных стражников стихли за спиной.

В первом же баре я рухнул на стул и с неописуемым наслаждением выдул целый жбан премерзкого пива.

Глава 4

Таскать за пазухой кошелек было не очень удобно. Он вдавливался в живот, и, кроме того, выпирающий червовый туз, наверное, бросался в глаза. Возможно, хог уже разослал слуг во все концы города, и сейчас меня высматривают среди прохожих. Им не составит труда найти старину ди Гриза, если он будет шляться по улицам, забыв об осторожности.

От этой мысли меня прошиб пот. Я постучал по столу монеткой, подзывая официанта. При виде островной валюты у него заблестели глаза. Схватив трясущимися пальцами монету, он пулей вылетел из ресторанчика и вскоре вернулся с целой пригоршней аргханов. Меня, конечно, обсчитали, но я не стал скандалить, а вышел из ресторана и нырнул в первую же лавку, где торговали одеждой. Ее хозяин неважнецки знал эсперанто, но все же я сумел объяснить ему, что мне нужно. Из лавки я вышел в мешковатых штанах и накидке, с плетеной корзиной, в которой был спрятан кошелек. С трудом переставляя отбитые ноги, я добрался многолюдными улицами до рынка, где обзавелся широкополой кожаной шляпой с шикарным пером. Мало-помалу я оделся с иголочки. Деньги пере-

кочевали в элегантную наплечную сумку, а корзину с арестантскими шмотками я выбросил.

Наступил вечер. Я заблудился, и к тому же меня не оставляли тревожные мысли насчет Бибз. Я сделал все возможное, чтобы ее не заподозрили в сговоре со мной, но было ли этого достаточно? «Обязательно надо ее разыскать, — виновато думал я. — Но как это сделать? Чего проще — найду здание Лиги, единственный ориентир, а там что-нибудь придумаю».

Базу Лиги я нашел на рассвете. Едва не валясь с ног от усталости, прошел по пути фургона, в котором мы ехали вместе с конвойными до того места, где спрыгнули. Затем разыскал знакомый ресторан и с облегчением уселся за столик. Оставалось надеяться, что Бибз не забыла это местечко и у нее хватит ума прийти сюда.

Я снял и бросил на стол шляпу. И тут как будто раскаленный обруч сдавил мне горло.

— Предатель! — прошипела мне на ухо Бибз.

Я хрипел и хватал руками воздух. Неужели конец?.. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, боль исчезла, а проволока упала мне на колени. Пока я растирал шею, Бибз, пододвинув стул, уселась и заглянула в сумку с деньгами.

— А ведь я могла тебя придушить, — сообщила она. — Запросто — до того разозлилась. Решила, что меня оставили в дураках. Но теперь понимаю: ты тогда на месте придумал план. Ладно, считай, что мы квиты — видишь, как меня разукрасили по твоей милости?

Я полюбовался на ее разбитые губы, на синяк под глазом.

— Я же не хотел... — прохрипел я. — Для того и сбил тебя с ног, чтобы не подумали...

— И правильно сделал, иначе меня бы прикончили на месте. Но все-таки, пока я валялась без чувств, мне намяли бока. Потом все погнались за тобой, а я улизнула. Дождалась темноты, прячась по закоулкам и ненавидя тебя. У меня ведь ни гроша с собой нет. Вообще ничего, кроме фингала. Твое счастье, что я такая отходчивая.

— Спасибо, — буркнул я и единым духом ополовинил кувшин с вином, принесенный официантом. — Это был наш единственный шанс. Пока ты торговалась со старикашкой, я хорошенько рассмотрел его логово. Лезть туда ночью — дохлый номер. Поэтому я решил забрать денежки сразу, раз уж мы были внутри.

— Грандиозно. Нужно было хоть предупредить.

— Это было невозможно. Мне ничего не оставалось, как только вывести тебя из игры. Сожалею — но это сработало.

Бибз усмехнулась и погладила сумку с монетами.

— Пожалуй, такой куш стоит нескольких ушибов. Ладно, я не сержусь. Пойдем отсюда. Ты сменил костюм, нужно и мне переодеться.

— А потом — в лучший остелиов города.

— Да, с горячей ванной и с хорошей кухней. Вперед!

Вскоре мы нашли остелиов — приземистое здание с номерами, выходящими окнами во двор, — и выбрали самые роскошные апартаменты. На столе нас поджидал кувшин холодного вина — в жизни не пил вкуснее. Слоняясь по комнатам, устланным коврами, я грыз печенье, а Бибз тем временем плескалась в ванне. Наконец она вышла, закутанная в полотенце, пышущая румянцем и голодная как волк. В остелиове не было столовой или ресторана, еду нам принесли прямо в номер. Когда тарелки опустели, я запер входную дверь на засов, потом заново наполнил вином хрустальный кубок Бибз.

— Вот это жизнь! — сказала она, блаженствуя.

— Что верно, то верно, — согласился я, вытягиваясь рядом с ней на подушках. — Ну, теперь вздремнуть чуток, и я снова стану человеком.

Она взглянула на меня прищуренным глазом — второй, подбитый, был и вовсе закрыт — и улыбнулась.

— Все-таки ты удивительный парень, Джимми. Совсем мальчишка, но очень способный. Ты пережил рабство на Спайовенте, а ведь это было непросто. Потом уложил несколько фараонов и сумел обчистить хога.

— Просто повезло.

Ее слова (за исключением «мальчишки») пришлись мне по душе.

— Не думаю. Кроме того, ты меня здорово выручил. Вырвал из цепких лап закона и раздобыл деньги, которые помогут нам смыться отсюда. Пожалуй, надо тебя отблагодарить.

— Не за что. Поможешь мне разыскать Гарта, вот и будем квиты. Давай об этом завтра поговорим, утро вечера мудренее.

Бибз опять улыбнулась.

— Джимми, я хочу отблагодарить тебя иначе.

Как вы думаете, случайно ли в тот миг с нее соскользнуло полотенце? Бибз выглядела просто потрясающе. Вот только подбитый глаз... но это — пустяки.

Как бы вы, читатель, поступили на моем месте?

Думаю, как бы ни поступили — не стали бы рассказывать посторонним...

Извините, но это частное дело двух взрослых людей, достигших определенного согласия. Очень тесного согласия. С вашего позволения, на остаток дня я наброшу покров и поставлю в тексте пробел, чтобы деликатно обозначить несколько часов.

Никогда еще солнце — полуденное солнце Стерен-Гвандры — не светило так ярко и не грело так ласково. Переполнен-

ный блаженством, я валялся на тахте, жуя какой-то фрукт и запивая вином.

— Я не ослышалась? — спросила Бибз. — Ты решил остаться?

— Ну что ты! Конечно, я улечу отсюда. Но сначала разыщу Гарта.

— Скорее он сам найдет тебя и прикончит.

— Еще посмотрим, кто кого прикончит.

Она помолчала, склонив набок очаровательную головку, затем кивнула.

— Пожалуй, я бы посмеялась, услышав это от кого-нибудь другого. Но ты слов на ветер не бросаешь. Однако я здесь не останусь, — добавила она со вздохом. — Хватит с меня. Благодаря Гарту я оказалась за решеткой, благодаря тебе — снова на воле. И все, дело закрыто. Правда, ужасно хочется знать, чем все кончится. Будь другом, если останешься жив, пошли мне весточку через профсоюз венианских космонавтов. — Она протянула листок бумаги. — Держи. Здесь все, что я знаю о Гарте.

— Генерал Зеннор, — прочитал я. — Или Зеннар.

— Не знаю, как пишется. Похоже, это его настоящая фамилия и звание — однажды при мне к нему так обратился младший офицер.

— А что такое Мортстерторо?

— Большая военная база. Наверное, самая крупная на острове. Там мы садились и забирали груз. Нас не выпускали из корабля, а за Гартом приезжал огромный, весь в звездах и флажках лимузин. И каждый начальник отдавал ему честь. Он большая шишка, островитяне его высоко ценят. Извини, но мне больше ничего не известно.

— Спасибо, этого достаточно. — Я сложил листок и спрятал его в карман. — Что еще?

— К вечеру, наверное, у нас будут документы. Я скоро улечу. Мне удалось устроиться на корабль, который на несколько месяцев зафрахтован торговой делегацией. Я подкупила матроса, и он сказался больным.

— Когда старт?

— В полночь, — голос Бибз дрогнул.

— Боже! Как скоро...

— Да, Джимми. Я все вижу, потому и расстаюсь с тобой. Ни к чему нам крепкие узы.

— О чем ты? Какие узы? Не понимаю.

— Вот и хорошо. Когда поймешь, я уже буду далеко.

Разговор действовал на меня угнетающе. До минувшей ночи мои отношения со слабым полом были... скажем, не такими

близкими. Бибз молча смотрела на меня, я же, подавленный и сбитый с толку, не знал, что сказать. Оказывается, я совсем не знаю женщин.

— Ну, мои планы не столь конкретны... — промямлил я, но она прижала к моим губам теплый палец.

— Конкретны, я же вижу. И ради меня ты не станешь их менять. Утром ты твердо знал, чего хочешь.

— Я и сейчас знаю, — кивнул я, пытаясь придать голосу уверенность. — Ты уже поговорила с кем надо, чтобы меня переправили на Невенкебла?

— Да, и пообещала двойную плату. Если на острове ты исчезнешь с корабля, у старого Грбонджи отберут лицензию. Но он давно мечтает осесть на берегу, и только нужда заставляет его ходить в море.

— Чем он занимается?

— Перевозит фрукты и овощи на остров. Он возьмет тебя матросом. Если в гавани ты сбежишь с судна, у него отберут лицензию на ввоз товара. Но Грбонджа готов пойти на это ради денег.

— Где мы с ним встретимся?

— Вечером отведу тебя к нему на склад.

— А потом?

— Потом уйду. Ты не голоден?

— Мы же только что позавтракали.

— Я не это имела в виду, — хриплым голосом произнесла Бибз.

Идти по темному городу, где фонари горели только на перекрестках, было довольно боязно. Мы молчали — наверное, просто говорить было не о чем. На поясе у меня висел кинжал, а новая дубинка то и дело стучала по стенам, предупреждая ночных грабителей, что не стоит связываться с вооруженным Джимом ди Гризом. Наконец мы подошли к складу; на стук моей спутницы кто-то невидимый открыл небольшие ворота в высокой стене и впустил нас. В ноздри ударил сладковатый запах фруктов. В освещенном углу сидел в кресле седой старик с бородой, прикрывавшей чудовищных размеров пузо, которое уютно устроилось на ляжках. Один глаз старика скрывался под повязкой, второй — крошечный как бусинка — пытливо смотрел на меня.

— Это тот самый парень, — сказала ему Бибз.

— Он говорит на эсперанто?

— Не хуже любого местного, — буркнул я.

— Давай деньги, — он протянул пятерню.

— Чтобы ты ушел без него? Ну уж нет. Отвезешь Пловечи — получишь деньги.

— Дай хотя бы взглянуть на них. — Глаз-бусинка снова уставился на меня, и я понял, что Пловечи — это я.

Зачерпнув пригоршню монет из сумки, я показал их Грбондже. Старик одобрительно хмыкнул. Сзади потянуло сквозняком, и я резко обернулся.

Ворота закрылись. Бибз ушла.

— Можешь спать здесь, — Грбонджа показал на груду мешков у стены. — Утром погрузимся — и в путь.

Он ушел, забрав с собой лампу. Я постоял в темноте, глядя на ворота, потом уселся на мешки, прислонясь к стене и положив дубинку на колени. Делать было нечего, и я задумался о том о сем, пытаясь разобраться в сумятице чувств и желаний. Наверное, слишком глубоко задумался — когда проснулся, в ворота просачивался солнечный свет. Оказалось, что я лежу, уткнувшись носом в мешок, а дубинка валяется рядом на полу. Я принял сидячее положение, проверил, на месте ли деньги, потянулся и приготовился встретить наступающий день. С большой, надо признаться, неохотой.

Ворота распахнулись настежь. Снаружи шумел окутанный утренним туманом океан. У берега покачивался внушительных размеров парусник. По сходням с него спускался Грбонджа.

— Эй, Пловечи, подсоби-ка моим парням, — распорядился он, проходя мимо меня.

Вслед за ним на склад ввалилась разношерстная команда. Матросы расхватали мешки из ближайшей к выходу кучи. Ни слова из того, что они говорили, я не понимал, но в этом не было нужды. Работа была жаркая, скучная и физически утомительная и заключалась в следующем: я переносил мешок из склада на корабль и возвращался за следующим. В мешках были овощи, и от их едкого запаха у меня слезились глаза. Лишь переправив на судно все овощи, мы улеглись на землю в тени, возле кадки со слабым пивом. Схватив одну из грязных деревянных кружек, привязанных к ней бечевкой, я дважды наполнил и осушил ее.

Вскоре подошел Грбонджа и велел собираться. Моряки убрали сходни, отвязали швартовы и стали поднимать парус. Я старался не мешать им — стоял у борта, играя дубинкой. В конце концов Грбонджа осерчал и велел мне убираться в каюту. Но не успел я отворить дверь, а он — тут как тут.

— Ну, теперь давай деньги, — потребовал старик.

— Не спеши, дедуля. Заплачу, сходя на берег, как договаривались.

— Только не на глазах у моих ребят. Ни к чему им видеть это.

— Не бойся. Сделаем так: ты будешь стоять у трапа, а я натолкнусь на тебя, будто ненароком, и незаметно суну кошелек тебе за пояс. И все, хватит об этом. Лучше расскажи, что ждет меня на острове.

— Беда! — захныкал он, запуская в бороду пальцы. — Зря я с тобой связался. Тебя поймают и прикончат, да и мне...

— Ну-ну, успокойся. Взгляни-ка вот на это. — Я поднес мешочек с деньгами к лучу света, падающему сквозь иллюминатор, и встряхнул. — Здесь все: заслуженный отдых, домик в сельской местности, ежедневно — баррель пива, блюдо свиных отбивных и великое множество прочих радостей.

Звон денег обладает великолепным успокаивающим свойством. Когда у Грбонджи перестали дрожать руки, я вконец его осчастливил, дав ему пригоршню монет.

— Задаток в знак нашей дружбы. А сейчас подумай-ка вот о чем. Поймают меня на берегу или нет, зависит от того, много ли я буду знать. Поэтому чем основательнее ты подготовишь меня к тому, что я увижу на острове, тем больше шансов, что сам не пострадаешь. Ну, давай, рассказывай.

— Да я о нем почти ничего не знаю. Ну, причалы там, склады. За складами рынок. Все это обнесено высокой стеной. За нее нас не пускают.

— А ворота есть?

— Есть, и довольно большие, но они охраняются.

— А рынок большой?

— Громадный. Как-никак центр торговли целой страны. Он тянется вдоль побережья на много мильдириов.

— А мильдириов — это сколько?

— Мильдир. Мильдириов — это во множественном числе. В одном мильдире семьдесят латов.

— Ну, спасибо. Придется самому посмотреть.

Сопя и ворча, Грбонджа поднял крышку люка и исчез в трюме — отправился, видимо, прятать деньги. Мне не сиделось в каюте, и я поднялся на палубу. Чтобы не путаться под ногами матросов, прошел на нос. Туман рассеялся, передо мной расстилалась безмятежная синь. Судно приближалось к огромной полуразрушенной башне, торчавшей из воды. Я сразу понял, что ее построили еще в ТЕ годы.

Чтобы увидеть верхушку, пришлось запрокинуть голову. Башню венчал обломок моста, искореженные рельсы окунались в воду. Отовсюду выпирало ржавое железо, покачивались обрывки толстенных тросов. Я ужаснулся, представив катастрофу, разрушившую мост.

А может быть, это все не катастрофа? Может быть, правители Невенкебла взорвали мост, чтобы отрезать остров от континента, погрязшего в варварстве? Вполне возможно. И если им присуща подобная гибкость ума, мне совсем не просто будет проникнуть на остров. Но прежде чем я успел встревожиться на этот счет, появилась более непосредственная угроза.

Прямо на нас, грохоча двигателями, неслось длинное, серое, ощетинившееся пушками судно. Оно затормозило перед нашим носом и остановилось справа от нас; от волны, поднятой им, наш кораблик закачался и захлопал парусами.

Я старался не обращать внимания на хищный прицел смертоносных орудий, любое из которых могло в мгновение ока разнести наше судно в щепки. Но о чем беспокоиться? Мы — мирные торговцы, закон не нарушаем, верно?

Очевидно, капитан канонерки думал примерно так же. Оскорбительно ревя гудком, судно развернулось и помчалось прочь. Когда оно удалилось на порядочное расстояние, один из наших матросов погрозил ему вслед кулаком и выкрикнул что-то неразборчивое.

Впереди рос остров Невенкебла — утесы и зеленые холмы, многоэтажные дома над круглой бухтой, за ними — фабричные корпуса, терриконы и дымящиеся трубы. Часть бухты отгорожена извилистой каменной стеной, по краям стены — форты с огромными орудийными стволами, торчащими из бойниц. Я кожей чувствовал подозрительные взгляды артиллеристов, видел, как медленно движутся нацеленные на нас жерла. Эти парни шутить не любят.

— Спокойно, Джимми! — бодро сказал я себе, крутя над головой дубинку. — Ты еще покажешь этим салагам, где раки зимуют. Куда им тягаться с Джимми ди Гризом!

Это была бы геройская фраза, не пусти я петуха.

Глава 5

— Спустить паруса! — заревел динамик. — Принять буксирный трос!

Тарахтя двигателями, к нам подрулил мощный буксир. Грбонджа торопливо переводил приказы своему экипажу. Матросы-островитяне знали свое дело: мы не успели еще убрать парус, а нас уже тащили к пристани, где толпился народ. Бухта была забита судами, погрузка-разгрузка шла полным ходом. Мы направились к свободному доку.

— Кого тут только нет, — сказал мне Грбонджа. — Вон та лоханка — из Пенпилика, та — из Грампаунда, та — из Прац-ан-Библя. Далеконько забрались, ничего не скажешь. Давай-ка денежки, а то на берегу опасно будет.

— Нет, папаша. Придется потерпеть. Уговор дороже денег.

От волнения его аж пот прошиб. Не отрывая глаз от приближающегося берега, Грбонджа пробубнил:

— Я сойду первым, поговорю с таможенником. Он соберет наши документы и взамен выдаст специальные значки для работы в порту. Тут и заплатишь, ладно?

— Ладно, только не потей. Думай о чем-нибудь приятном — о домике с садом, например.

Мы пришвартовались под присмотром двух вооруженных стражников, с помощью паровой лебедки спустили трап. Грбонджа сошел на пристань. «А вдруг выдаст? — мелькнула у меня в голове паническая мысль. — Может, надо было заплатить вперед?»

Через несколько минут (мне они показались столетиями) Грбонджа вернулся на судно, чтобы дать наставления команде. Пока он орал на матросов, я побывал в каюте. Дубинку пришлось оставить, зато я спрятал за пазуху кинжал, отмычку и кошелек с частью денег, которые решил приберечь. Ну вот, все готово. Я возвратился на палубу. Ребята уже таскали мешки; с ношей на плечах я сошел на пристань. Каждый из сходящих держал в руке документы; офицер у трапа складывал их в коробку, а матросам прикалывал на рубахи бирки. Похоже, ему давным-давно наскучила работа таможенника. Приближаясь к офицеру с документом в протянутой руке, я старался ничем не выдать страха.

— Следующий! — рявкнул он, зверски уколов меня значком. Я дернулся всем телом и едва не выругался, а он с улыбочкой садиста толкнул меня в спину и буркнул:

— Шевелись, дубина. Следующий!

Наконец-то я на берегу и, слава богу, пока ни в чем не заподозрен. Вслед за согнувшимся под тяжестью мешка матросом я вошел в сумрак склада. Там у растущей горы фруктов стоял Грбонджа.

— Деньги! Давай! — прохрипел он, отведя меня в сторону. Получив плату, Грбонджа с облегчением вздохнул.

Я оглянулся — кругом бетон и стальные стены — и поплелся за матросом к трапу. Таща третий мешок, я был близок к отчаянию. Еще несколько ходок, и выгружать будет нечего. Ведь не для того я заплатил кучу денег, чтобы пройтись под парусом да размять мускулы.

Как же выбраться из порта? Вот беда — даже спрятаться негде, все просматривается. Островитяне, по всему видать, не жалуют незваных гостей. Я решил, что необходимо посидеть и спокойно подумать.

— Вели сделать перерыв на кружку пива, — шепнул я Грбонджe, поравнявшись с ним у трапа. Офицер-таможенник ушел, но двое стражников остались и не спускали с нас глаз.

— Да ты что! Мы тут всегда без передышки вкалываем.

— А сегодня будет передышка. Ну, чего ждешь? Хочешь, чтобы *я рассказал о нашей сделке охранникам*?

Грбонджа застонал, но не стал упрямиться:

— Шабаш, ребята! Пивком освежимся.

Понятное дело, ребята не стали выяснять, какая муха его укусила. Радостно вопя, они столпились вокруг бадейки. Глотнув кислятины, я отошел и уселся возле трапа на планшир. Посмотрел вниз — и увидел полоску воды между промежуточными опорами.

Вот он, мой единственный шанс. Стоявший рядом со мной охранник отошел. Грбонджа стоял спиной ко мне, матросов интересовало только пиво. Похоже, они чего-то не поделили — кто-то завелся, кому-то даже дали по зубам. Короче говоря, всем было не до меня.

Я сбросил в воду лежащий на пристани канат и стал по нему спускаться. Коснувшись пятками воды, достал кинжал, полоснул по канату над головой и бесшумно погрузился в воду.

Когда я добрался до ближайшей опоры, сколоченной из бревен и досок и покрытой водорослями, наверху забила крыльями и с клекотом умчалась прочь какая-то птица. Вокруг меня пузырилась темная вода; под пристанью ужасно воняло. Я уже почти жалел, что не остался с матросами.

«Выше голову, Джим, и не теряй времени. Когда охранники хватятся тебя, они первым делом заглянут сюда».

И я поплыл — правда, недалеко. Вскоре путь перегородила деревянная стена, точнее, борт парусного судна.

Неужели придется отступить? Но отступать некуда — солдаты схватят меня, как только я вскарабкаюсь на пристань. Что же делать?

«Думай, Джим, — сказал я себе, — ищи выход. Вряд ли судно достает килем до дна. Может, нырнуть?»

Хо-хо! Не так-то это просто, — переправиться на ту сторону. Сбросив ботинки, я вздохнул полной грудью и... не решился погрузиться. Страх перед пучиной заставлял меня снова и снова хватать ртом воздух. Вскоре от избытка кислорода в крови закружилась голова. Я собрал волю в кулак и ушел под воду. Темнота. Стук

в висках. Боже, я задохнусь. Так и останусь под водой на веки вечные. Я плыл, касаясь ладонью днища корабля, обдирая кожу об острые ракушки. Все глубже, глубже... Вот он, киль, наконец-то. Теперь — вверх. Не выдержу. Какой огромный парусник. В легких нестерпимое пламя, но тут наконец над головой появляется свет. Великого труда стоило не хрипеть, хватая ртом живительный, пьянящий воздух.

Отдышавшись, я поднял голову и увидел судно у причала напротив. У борта лицом ко мне стоял матрос.

Я поспешно нырнул и добрался под водой до парусника. Собравшись с силами, повторил свой подвиг — проплыл под килем.

Когда я уже выныривал, голова застряла между бортом и торцом опоры, и я едва не спятил со страха. К счастью, сумел высвободиться, в кровь разодрав затылок. На сей раз зловонный воздух над пристанью показался мне восхитительным.

Так начался один из самых утомительных дней в моей жизни. Эти два парусника были первыми в длинном ряду судов, под которыми мне пришлось проплыть. Поначалу я осматривал каждый причал снизу, но вскоре бросил это занятие — они все были одинаковы и разделялись между собой стенами. Некоторые суда уже разгрузились и ушли — в непрерывном строю судов появились просветы. Оставалось глубоко вздохнуть и нырять — чтобы достичь следующего судна незамеченным. К полудню я добрался до последнего причала.

Начался отлив, палубы судов опустились ниже настила пристани. К тому времени я ужасно устал, но набрался опыта в подводном плавании. Еще один глубокий вдох, еще одно погружение — и вот я выныриваю возле руля последнего судна.

Впереди — длинная стена из каменных блоков.

«Что скажешь, Джим? — спросил я себя. — Какие будут предложения? — Шло время, но ничего путного не приходило мне в голову. — *Не отчаивайся. Думай*».

Как тут не отчаяться. Возвращаться — бессмысленно и опасно. Укрыться под одним из причалов? Это нетрудно, но доки обязательно обыщут, когда обнаружат пропажу. Подняться на пристань? Это уж совсем ни к чему. На складах не спрячешься, там полно охраны.

«Поверти проблему в голове», — советовал в таких случаях Слон.

В чем, собственно, проблема? В том, чтобы уйти от солдат. Ведь они, возможно, уже ищут меня. Но не могу же я прятаться в бухте вечно? Следовательно, нужно идти к солдатам. Рискован-

но? Еще бы. Но, с другой стороны, кому придет в голову искать среди своих?

Куда плыть? Ну конечно, к форту, которым кончается стена.

«Самый безумный шаг в твоей жизни», — укорял я себя, снова обводя взглядом стену.

Над моей головой перекликались, с грохотом топали по палубе матросы. Судно, похоже, скоро отчалит — где тогда, спрашивается, прятаться?

Под стеной, правда, плавает мусор, дерутся из-за отбросов птицы. Но пока я туда доплыву, кто-нибудь наверняка меня заметит...

Наверху заскрипели снасти. Матросы ставили парус. Значит, надо срочно что-то делать. А надо ли?

Буксир не появлялся. Может быть, суда буксируют только в порт? А обратно они выбираются сами? Так и есть. Я выглянул из-за руля и увидел, как два грузовых судна выходят из бухты. Сверху, в растущий просвет, хлынули солнечные лучи.

И тут руль едва не вырвался из моих рук.

Я ухватился покрепче и поспешил окунуться с головой, пока меня не заметили. Когда терпеть стало невмоготу, приподнял голову и чуть не закашлялся от пены, попавшей в горло. Корабль быстро уходил. На краю пристани спиной ко мне стоял охранник.

Дальше было намного легче. Волны прижимали меня к баллеру. Я спокойно дышал, выставив над водой голову, зная, что меня никто не заметит ни с берега, ни с палубы. Мы дважды меняли галс, и каждый раз мне приходилось перебираться по другую сторону руля, чтобы не быть замеченным с форта.

А форт приближался. Около него судно снова повернет, и я окажусь возле самой стены. Я терпеливо ждал, пока корма парусника приблизится к форту, чтобы нырнуть в последний раз.

Усталость уже брала свое. Но это у меня последний заплыв на сегодня, надо постараться. Впереди была заросшая водорослями стена мола, его конец упирался в открытый океан. Прилив уже был достаточно силен, я боролся с течением, стараясь подобраться ближе к стене, где его сила была не так велика.

Цепляясь за щели и упираясь ногами в камень, когда била волна, я двинулся вдоль стены и мало-помалу достиг того места, где над водой нависали орудийные стволы. Что теперь? Может, рискнуть и взобраться на крышу? Вся морская гладь — в симпатичных пятнышках яхт и прогулочных яликов, но они далеко, а щели между каменными блоками кое-где достаточно широки, чтобы просунуть пальцы.

И я рискнул. Непросто карабкаться по отвесной стене, но у меня не было выбора. Дюйм за дюймом я поднимался все выше и

наконец остановился между двумя амбразурами. Собираясь с силами, я приник к стене, из которой торчали, поблескивая, два жутких ствола. В десяти метрах под ногами о камень бились волны. Пока ни один парусник или ялик не приблизился к форту, но сколько это продлится?

— Дай-ка, Джим, огоньку.

От неожиданности я едва не сорвался. На меня пахнуло сигарным дымом. «Из амбразуры», — догадался я. Никто из орудийной прислуги не мог меня видеть, то, что здесь прозвучало мое имя, — случайность. Артиллеристы совсем рядом, они курят на боевом посту, что вряд ли поощряется начальством, и любуются океаном. Я затаил дыхание, целиком обратясь в слух.

— Знаешь, дружище, этот новый капитан меня достал.

— Да, я тоже впервые вижу такого гада. Может, яду ему в кофе сыпануть?

— Свихнулся? Говорят, в одном полку за такое каждого десятого поставили к стенке.

— Да ты что, старик? Это же самый обычный старый шакал. Самые что ни на есть шакальи слухи. Как траханье — все про него говорят, но никто им толком не занимался...

— Тихо. Капитан идет!

В море упал окурок, послышались удаляющиеся шаги. Я полез наверх, перекатился на плоскую крышу форта. Морская птица недовольно уставилась на меня одним глазом, противно заорала и упорхнула. Я улегся в центре нагретой солнцем, загаженной пометом крыши; отсюда видны были только небо и вершина далекого холма. Меня могли заметить с воздуха, но не стоило особенно беспокоиться по этому поводу — за весь день я увидел только один самолет, пролетевший вдалеке. Я закрыл глаза и неожиданно уснул.

Проснулся я от холода — солнце скрылось за тучей, а одежда еще не успела высохнуть. Зато меня, похоже, до сих пор не обнаружили. День клонился к закату, и я решил дождаться темноты на крыше. Очень хотелось есть, но с этим можно было и подождать.

Сумерки сгустились не скоро. Я то и дело облизывал пересохшие губы, стараясь не замечать урчания в животе и утешая себя мыслью, что рано или поздно солнце все равно зайдет.

Понемногу стемнело, заблестели звезды, в порту засветились прожектора. Я подкрался к краю крыши и поглядел вниз. Там вспыхивали и гасли фонарики, слышались хриплые крики командиров, строились в шеренги солдаты. Вскоре одно отделение во-

шло в крепостные ворота, другое двинулось по широкой, как проспект, стене и постепенно скрылось из виду.

А потом погасли все огни.

Я лежал, глядя в кромешную мглу и не веря своему счастью. Неужели свет погасили специально для того, чтобы я мог незамеченным проникнуть в город? Конечно, нет. Просто внизу стоят часовые, и начальство не желает, чтобы прожектора слепили их. Разумно, друзья мои, разумно.

Я смотрел на гавань, слабо освещенную звездами, и тщательно прорабатывал маршрут. Потом бесшумно спустился на известняковые плиты плаца. Ворота в стене форта были закрыты, и я на цыпочках затрусил прочь от них. Слева смутно виднелись яхты и весельные лодки, кое-где в каютах яхт горел свет. Слышался приглушенный смех. Каменные плиты приятно холодили ступни. На душе у меня полегчало, и я поймал себя на том, что насвистываю веселый мотивчик.

Затем я наткнулся на проволочную сетку, натянутую поперек стены, и тут же повсюду — над головой, позади, впереди — вспыхнул свет. Прожектора высветили металлическую сеть и в ней — запертую калитку.

Глава 6

Отпрянув от сетки, я затравленно огляделся, затем распластался по стене и стал ждать судьбы.

Но все было тихо. Прожектора сразу погасли, никто не выбежал из форта ловить ночного нарушителя. Правда, с той стороны, куда я направлялся, ко мне приближалось несколько огоньков. Патруль.

Неужели меня заметили? Или, когда я наткнулся на сеть, сработала сигнализация? В любом случае надо побыстрее отсюда убираться. Я подполз к той стороне стены, что смотрела на океан, и, цепляясь за выступы на камнях, спустился к воде. Холодные брызги хлестали по ногам, смотреть на черную гладь океана, кажущегося бездонным, было жутко, но, когда сапоги солдат забухали громче, я все-таки соскользнул в воду.

Когда солдаты подошли к сетке, я успел отплыть довольно далеко и готов был погрузиться с головой, если кто-нибудь посветит в мою сторону.

Нет, обошлось. Они отворили калитку, прошли в нее, заперев за собой, двинулись к форту. А я поплыл к берегу.

Что дальше? Огни набережной постепенно приближались, равно как и мои проблемы. Как выбраться в город босым, промокшим и незамеченным? Это будет очень непросто. Черная тень заслонила огни. Какая-то посудина. А может, это спасение?

Я медленно продвигался между яхтами, стоявшими на якорях. Кое-где в каютах горел свет, другие яхты были темны и безмолвны. Может быть, их хозяева улеглись спать? Вряд ли, рановато еще. Наверное, отправились на берег поразвлечься.

Впереди на фоне темного неба возникла тонкая мачта. Парусная лодка, жаль — маловата. Я плыл, пока не наткнулся на судно покрупнее, без мачт. На правом борту оказался неубранный трап; по нему я и вскарабкался на палубу, а затем пробрался на мостик. В свете звезд и береговых фонарей виднелись штурвал, сиденья и дверь, которая, возможно, вела в каюту. Я взялся за ручку, нажал — не поддается.

«Хорошая новость, Джим. Если дверь заперта — значит, за ней что-то ценное. Ну-ка, поглядим».

Опытному взломщику темнота не помеха, да и замок оказался совсем простенький. Свет в каюте я включать не стал, но все катера имеют много общего, и сориентироваться на ощупь не составило труда. В носовой части я обнаружил койки, под ними — сундуки, над койками — полки. Хорошенько обшарив каюту и наставив себе уйму шишек, я сложил добычу в одеяло и, вытащив на палубу, стал разбирать.

Предмет, на ощупь принятый за бутылку с завинчивающимся колпачком, таковым и оказался. Отвинтив колпачок, я понюхал содержимое. Потом макнул в горлышко палец, лизнул. Приторное вино. Не в моем вкусе, но после обильного возлияния морской водой оно показалось божественным нектаром. В жестяной коробке я обнаружил не то печенье, не то галеты, настолько твердые, что едва не сломал о них зубы. Облитые вином, они слегка размякли, и я слопал их с волчьим аппетитом. После этого мне значительно полегчало.

Я занялся изучением остальных трофеев: книг, коробок разной величины и формы, одежды. Сорочку из прозрачной ткани я сразу отбросил, потом отобрал вещи, которые вроде бы не предназначались для прекрасного пола, и стал по очереди примерять их — непростое дело для чужестранца, не имеющего понятия о туземных фасонах. Брюки оказались слишком велики, но не беда — я подпоясался веревочкой. Рубашка сидела на мне куда лучше, а куртка пришлась впору, если ее шили с тем расчетом, чтобы полы прикрывали колени. Чтобы сапоги не спадали, я обмотал ступни тряпками. Потом снова облачился в мокрую

одежду, а обновку затолкал в коробку из-под печенья, которую обернул куском синтетической ткани, показавшейся мне водонепроницаемой.

Похолодало, пора двигаться. Я был совершенно измотан и очень хотел спать. Но спать не придется. Я допил вино, пустую бутылку и оставшиеся вещи отнес в каюту и запер дверь.

Затем привязал к голове сверток и спустился в воду. На берегу не было видно ни души. Стуча зубами от холода, я сорвал с себя и закопал в песке одежду, быстро переоделся в сухое, мешок с пожитками затолкал за пояс, а кинжал сунул за голенище.

Хотелось найти укромное местечко и вздремнуть — но это было невозможно. Здешние парни серьезно относятся к своей безопасности, и береговая линия — это первая линия обороны. Надо выбираться в город.

Чуть подальше от берега горели огни, звучали оживленные голоса. Вверх по пологому склону к асфальтированной улице вела лесенка. Я стал крадучись подниматься, но спрыгнул на песок, едва заметив неподалеку двух вооруженных людей в военной форме. Сосчитав до двухсот, я поднял голову и огляделся. Патрульные ушли, лишь несколько пешеходов прогуливались вдоль берега. Я поднялся на тротуар и неторопливо побрел мимо домов — с растворенными окнами и распахнутыми дверьми — и уличных фонарей. Вскоре я увидел бар с вывеской: «ЗАХОДИТЕ К НАМ, ЗАСРАНЦЫ, ЖДУТ ВАС ВЫПИВКА И ТАНЦЫ». Ну разве можно пройти мимо, прочитав такое? Не колеблясь, я толкнул дверь и вошел.

Да, кабак — он в любом уголке Вселенной кабак. У всех у них одна форма, одна функция. Функция: располагать людей к опустошению сосудов со спиртным. Форма: стулья (чтобы на них сидели люди), столы (чтобы на них стояли сосуды). Я придвинул стул к свободному столику и уселся.

Посетителям было наплевать на меня, как и мне на них. Не обращая внимания на возгласы хамоватых юнцов, ловко уворачиваясь от щипков и шлепков, ко мне подошла пухленькая официантка в короткой юбочке.

— Чего изволите? — спросила она, презрительно глядя на юнцов, которые со смехом подняли в ее честь кружки с пивом.

— Пива.

Оно оказалось холодным и резким — как раз то, что нужно. Я рассыпал на столе несколько монет, официантка взяла две или три и отошла к стойке. Я окунул нос в пену, но тут в бар вошел человек и быстро направился к юнцам.

— Поркакодж! — хрипло воскликнул он. Услышав это, двое парней вскочили и выбежали из бара.

Я поставил кружку, сгреб со стола деньги и вышел на улицу. Я встревожился, и неспроста: поркакодж — это «грязные свиньи» в переводе с эсперанто. Никаких свиней поблизости не было, и я знал, что скотина здесь совершенно ни при чем. Просто во всей Вселенной так зовут полицейских. Мальчишки испугались, значит, и мне надо поостеречься. Внезапно взревела сирена, улицу осветил мигающий свет. Парни шарахнулись обратно в бар. Я поспешил за ними. Они пробежали по коридору.

Когда я добрался до двери, она уже захлопнулась. Я взялся за ручку, но тут снаружи заревела сирена, и в щель между дверью и косяком хлынул свет мигалки.

— Что я вижу?! — насмешливо протянул сиплый голос. — Мальчики пытаются убежать через черный ход! А ну-ка, сынки, предъявите документы офицеру патруля!

— Но ведь мы ничего плохого не сделали!

— Хорошего тоже. Документы, кому говорю!

Я ждал, не дыша, и изо всех сил надеялся, что «грязная свинья», которая наверняка стоит у парадной, не войдет в бар. Хриплый патрульный тем временем потешался:

— Да они же просроченные! Так-так, ребятки. Выходит, уклоняетесь от призыва?

— Что вы! Это писарь ошибся, — прохныкал один из юнцов.

— Что-то часто они стали ошибаться. А ну, пошли!

Шаги стихли за дверью, машина, ревя сиреной, умчалась.

Я вышел из бара и почти бегом двинулся по сумрачной аллее. Потом остановился. Куда я спешу? Бар, в котором только что побывала полиция, — самое безопасное место в городе. Остановившись в темном подъезде соседнего здания, я понаблюдал за парадной бара. Никто не выходил. Я сосчитал до трехсот, потом, на всякий случай, от трехсот до нуля. Дверь оставалась закрытой. Готовый в любую секунду обратиться в бегство, я подошел к бару и заглянул в окно. Полиции нет, зато есть светлая мысль.

Четверо парней, когда я вошел, посмотрели в мою сторону. Мрачно покачав головой, я проворчал:

— Все. Сцапали их поркакодж.

— Говорил я Биллу — заведи себе новую ксиву, — сказал блондин, предупредивший о визите полицейских. Он хрустнул пальцами и взял кружку с пивом. — Что-что, а ксива должна быть в порядке.

— А моя просрочена, — хмуро сообщил я и помахал официантке.

— Видать, ты из Пенсильдельфии, — заметил конопатый юнец в зелено-золотых штанах.

— С чего ты взял? — буркнул я.

Конопатый фыркнул:

— А акцент? Где еще так говорят?

Я тоже фыркнул. Чем дальше в лес — тем больше дров. Выходит, я автоматически попадаю под закон о мобилизации. Очень мило. Я снова спрятал нос в кружке.

— Ты лучше не рискуй, заведи новую ксиву, — участливо посоветовал блондин.

— Легко сказать. Знаешь, как строго с этим в Пенсильдельфии?

— У нас с этим тоже непросто. Везде нужны связи.

Я встал.

— Ладно, мне пора. Счастливо, ребята.

Прежде чем выйти, я выглянул в коридор, убедился, что поблизости нет патрульных. Потом остановился у крыльца. Почти тотчас же появился блондин.

— Разумно. Чем меньше народу будет знать о твоих проблемах, тем лучше. Меня зовут Жак.

— А меня — Джим.

— Ничего, имя как имя. Сколько ты намерен заплатить?

— Немного. Больно уж год неудачный выдался.

— За три куска сахара могу свести тебя с кем нужно. Он запросит двадцать.

— Ксива тянет не больше десяти. Тебе — полтора.

— Хо, а вы, пенсильдельфийские, не такие олухи, как говорят. Ладно, давай сахар, и пошли.

Я заплатил Жаку его долю. Как только он повернулся, кончик кинжала слегка уколол ему кожу под ухом. Он застыл как вкопанный. Подержав у него перед глазами лезвие с капелькой крови, я сказал:

— Просто предупреждение. Эти свиньи ждут не дождутся, когда ты кого-нибудь сдашь. Но это не моя забота. Меня заботит моя шкура. Я чувствую, ты работаешь на два фронта. Советую тебе поработать в этот раз на меня, или я тебя пришью. Понял?

— Понял... — пролепетал он.

Я спрятал кинжал и хлопнул блондина по спине.

— Жак, ты мне нравишься. Схватываешь на лету.

Мы шли молча, надеюсь, он правильно все понял. Когда мне угрожают, я всегда все делаю наоборот. Но опыт показал, что по отношению к мелким преступникам угрозы срабатывают. Время от времени.

По пути нам попалось несколько баров, и Жак в каждый из них заглянул. В пятом заплатил за вход и махнул мне, чтобы я следовал за ним. Там было темно и накурено, со всех сторон звучала лязгающая музыка. Жак провел меня в альков, где музыка звучала тише, во всяком случае, была менее крикливой, чем расцветка полосатого костюма на сидящем там толстяке. Откинувшись на спинку грубого деревянного кресла, он потягивал из бокала ядовитую на вид жидкость.

— Привет, Капитан, — сказал мой провожатый.

— Выкладывай, Жак, в чем дело, и проваливай.

— Капитан, не смей так говорить даже в шутку. Я по делу пришел, можно сказать, подарок тебе принес. Этому корешу нужна новая ксива, не то его заберут в армию.

В меня впились крошечные глазки толстяка.

— Жак сказал: полтора — ему, десять — тебе. Он уже свое получил.

— Вечно он путает. Двадцать, и точка. А комиссионные я сам ему выплачу.

— Ладно, черт с тобой.

Я отдал деньги. Он тут же достал из кармана пластиковые корочки с фотографией паренька, которому никак нельзя было дать моего возраста. Год рождения, указанный рядом с фотографией, тоже не совпадал с моим.

— Но ему же всего пятнадцать! — возмутился я.

— Ничего, у тебя тоже мордашка, как у младенчика. Сойдет. Или сбрось несколько годков — или иди в армию.

— Ладно, беру. Я уже чувствую, что помолодел. Спасибо за помощь.

— Всегда к твоим услугам. Во всяком случае, пока у тебя есть сахар.

Я вышел из бара, перебежал улицу и юркнул в темную подворотню. Жак не заставил себя ждать. Несколько минут я бесшумно шагал за ним, потом стал догонять. Ощутив затылком мое дыхание, он резко обернулся.

— Это я. Не пугайся, Жак. Просто хотел тебя поблагодарить.

— А-а! Да брось ты, не за что, — промямлил он, испуганно обшаривая глазами пустынную улицу.

— Жак, окажи мне еще одну услугу. Дай мне взглянуть на твою ксиву. Хочу убедиться, что Капитан меня не надул.

— Что ты! Он не такой!

— Верю, но все-таки хочу взглянуть. — В свете фонаря блеснул мой кинжал. Жак мгновенно выхватил из кармана и протянул ко-

рочки, очень похожие на мои. Я раскрыл их, повернул к свету, затем закрыл и отдал Жаку. Но он оказался подозрительным.

— Это не моя ксива! — пролепетал он, взглянув в удостоверение. — Это твоя!

— Верно. Я решил с тобой поменяться. Ты же сказал, что моя ксива — годная, вот и бери ее себе.

Я повернулся и пошел прочь. Шум прибоя и возмущенные вопли Жака постепенно стихли за спиной. Я был очень доволен собой. Если Капитан меня не надул — Жак ничего не теряет. Если надул — тем хуже для Жака. Соломоново решение.

Чем дальше на берег — тем выше здания, чище улицы, ярче фонари. И тем сильнее меня одолевала усталость. Я не удержался от искушения войти в первый же бар. Бархатные гардины, свет, не режущий глаз, кожаные кресла, миловидная официантка. Она равнодушно поставила передо мной пиво, но, получив щедрые чаевые, стала куда как любезнее.

Но отдохнуть, потягивая пиво и заигрывая с официанткой, мне не удалось. Очень уж много «грязных свиней» шастало по этому городу, причем всегда по двое. Когда парочка этих несимпатичных зверушек ввалилась в бар, сердце мое ушло в пятки. «Чего ты боишься? — укорил я себя. — У тебя же отменная ксива!»

Полицейские обошли зал, проверяя у посетителей документы, и наконец остановились возле моего столика.

— Добрый вечер, начальнички, — ухмыльнулся я.

— Нечего зубы скалить! Показывай!

Я протянул корочки. У того, кто в них заглянул, аж ноздри раздулись от радости.

— Ты только погляди на этого орла! — толкнул он локтем напарника. — Это же сам Жак-Шутник! Каким ветром тебя занесло в наш район, дружище! Ну, теперь все.

— Это свободная страна.

— Не для тебя, Жак. Мы знаем, что у тебя договор с портовой полицией. Вот и сидел бы там спокойно, капал бы на своих друзей. Но ты выполз из своей норы.

— Да что вы, ребята! — сказал я с дрожью в голосе. — Я сейчас же вернусь.

— Поздно! — хором заявили патрульные, защелкивая браслеты на моих запястьях.

— Слишком поздно, — добавил тот, у которого раздувались ноздри. — Все, Жак. Ты теперь в армии. Береговая полиция тебе не поможет.

«Перестарался, — с горечью подумал я, выходя из бара в сопровождении полицейских. — Похоже, с этой минуты начинается моя головокружительная военная карьера...»

Глава 7

Мне отвели тесную камеру с жесткой койкой, но я не стал скандалить. После напряженного дня нужен был только сон. Должно быть, я захрапел, не успев коснуться головой грязной подушки. Спал я как убитый, а разбудил меня луч света, проникший сквозь крошечное зарешеченное окно.

«Знаешь, а ведь могло быть хуже, — попытался я себя приободрить. И тут же мрачно возразил: — Куда уж хуже!»

Мой живот заурчал, требуя еды и питья, и мне стало совсем грустно.

«Плакса! — обругал я себя. — Вспомни, что ты уже перенес. Не горюй. Пока у тебя отобрали только кинжал, зато остались деньги, ксива и ... и отмычка», — добавил я мысленно. Присутствие этого маленького инструмента согревало душу. Появилась надежда на побег.

— Есть хочу! — завопил молодой человек в соседней камере и принялся трясти решетчатую дверь.

— Дайте пожрать. Мы ведь не преступники! — подхватил другой.

— Мне мамочка всегда подавала завтрак в постель...

Последняя фраза не вызвала у меня сочувствия, но идея насчет завтрака пришлась по сердцу. Я тоже заорал что было сил.

— Ладно, ладно, заткнитесь, — раздался грубый голос. — Жратву уже несут, хотя будь моя воля — я бы вам показал, как уклоняться от призыва!

— Черт бы тебя побрал, сержант. Что-то я не замечал в армии твоей толстой задницы.

Я отыскал взглядом того, кто это произнес. Парень держался чуть смелей, чем остальные нытики.

Ждать пришлось недолго, хотя вряд ли стоило это делать. Обычный суп с лапшой и сладкой красной фасолью — не самое подходящее блюдо для завтрака, на мой взгляд. «Любопытно, — подумал я, — что нам предложат на ужин?»

Времени для раздумий на подобные темы была бездна. После кормежки никто в нашем зверинце больше не появлялся. Глядя в потрескавшийся потолок, я помаленьку пришел к выводу, что моя злая фортуна на самом деле не так уж зла. Ведь я — живой и здоро-

вый — попал-таки на Невенкебла! Впереди — многообещающая карьера. Осмотрюсь хорошенько, узнаю, кто тут чем дышит, — глядишь, и найду дорожку к генералу Зеннору или как его там. Ведь он — в армии, и я скоро там окажусь; выходит, это удача, что меня загребли. К тому же у меня есть отмычка. Когда придет время, возьму и исчезну. Да и не так уж плохо в армии в конце концов. Ведь я был солдатом на Спайовенте, не впервой.

До чего же здорово мы умеем пудрить себе мозги!

В середине дня, когда мои товарищи по несчастью снова проголодались и подняли галдеж, залязгали и отворились двери. Вопли утихли: нас, дюжину унылых парней примерно одного возраста, сковали сначала попарно, рука к руке, а потом длинной цепью вместе. Впереди ждала неизвестность.

Оступаясь, натыкаясь друг на друга и переругиваясь, мы вышли на тюремный двор и забрались в оборудованный решетками кузов грузовика. Машина сразу выкатила на людную городскую улицу. Я заметил, что одежда прохожих не такая, как на материке, автомобили — необычной формы, но с первого взгляда стало ясно, что технический прогресс шагнул здесь довольно далеко.

Так и есть: островитяне сознательно отрезали себя от мира. Разумно, хоть и эгоистично.

Закоренелым преступникам вроде нас даже скамеек в кузове не полагалось. Мы стояли, вцепившись в прутья решеток, и на поворотах валились друг на дружку.

Худощавый темноволосый парень, прикованный к моему запястью, тяжко вздохнул и спросил:

— Давно ты в бегах?

— Всю жизнь.

— Ха, смешно. А я — полгода. Шесть коротеньких месячишек. Ну, теперь — конец.

— Так-таки и конец? Мы же не помирать, а служить идем.

— Какая разница? У меня брата в прошлом году забрали, так он ухитрился переправить нам письмо. Потому-то я и спрятался... Он такое пишет...

Зрачки моего собеседника расширились, он содрогнулся. Тут машина остановилась, и нам велели вылезать.

Картина, открывшаяся моим глазам, пришлась бы по вкусу любому садисту. Площадь перед высоким зданием была забита самыми разнообразными транспортными средствами. Из них сотнями, а может, и тысячами, выбирались юные рекруты с одинаковой обреченностью на лицах. В наручниках только наша маленькая группа — всех остальных привели сюда желтые мобилизационные предписания. Некоторые из парней отпускали шуточки насчет

нас, закованных, но наша дружная ругань заставила их прикусить языки. Ведь мы, что ни говори, пытались — пусть неудачно — избежать принудительного призыва. Впрочем, армейскому начальству определенно было наплевать, каким путем добыта очередная порция пушечного мяса. Как только мы вошли в здание, нас освободили от оков и затолкали в толпу. Нас поглотила безликая военная машина.

Мы встали в конец длинной очереди к одному из столов, за которым сидели седовласые толстушки, годившиеся нам в бабушки. Толстушки все как одна носили очки, поверх которых глядели на нас, стуча на пишущих машинках. Наконец подошла моя очередь, и меня одарили улыбкой.

— Документы, молодой человек.

Я протянул ксиву. Женщина сверила дату и имя со множеством анкет. Я заметил провод, идущий от машинки к центральному компьютеру. К счастью, компьютер не нашел противоречий.

— Возьмите, — улыбнулась старушка, протягивая мне пухлую папку с бланками. — Поднимитесь на четырнадцатый этаж. Успешной вам службы.

Поблагодарив ее, я направился к выходу и наткнулся на плотную стенку из неулыбчивых военных полицейских.

— Мне на четырнадцатый этаж, — деловито сообщил я ближайшему из них. Поигрывая дубинкой, он указал глазами на лифт.

Кабина лифта была огромна, но и нас набилось в нее человек сорок. В жуткой тесноте мы поднялись на четырнадцатый этаж. Как только раздвинулись створки кабины, мы увидели здоровяка в военной форме с невероятным количеством шевронов, бляшек и медалей.

— Выходи! — оглушительно загремел он. — Выходи! Чего рты разинули, остолопы? Направо — стойка, каждый хватает прозрачный пакет и коробку. Потом — в дальний конец комнаты, там — РАЗДЕТЬСЯ! Снять всю одежду. ВСЮ ОДЕЖДУ, ЯСНО? Личные вещи в полиэтиленовый мешок! Одежду — в коробку, на коробке написать домашний адрес. Уволитесь в запас — получите обратно свои шмотки, если доживете. ШЕВЕЛИТЕСЬ!

Мы зашевелились. Правда, вяло, без энтузиазма. Должно быть, на острове запрещалось раздеваться донага в общественных местах — парни прикрывались ладошками, жались к стенкам. Я оказался один в центре комнаты, и на меня с кривой ухмылкой пялился монстр в шевронах. К стойке, где принимали одежду, я подошел первым. Скучающий солдат взял у меня коробку, быстро проштамповал ее, грохнул на стойку и показал на толстые авторучки, свисавшие с потолка на эластичных шнурах.

— Имя, адрес, индекс, фамилии близких родственников.

Выпустив в меня обойму слов, он отвернулся и взял другую коробку. Я нацарапал на картоне адрес полицейского участка, где меня держали под замком. Как только я выпустил из пальцев авторучку, в поверхности стойки образовалось отверстие и туда бесшумно провалилась посылка. Неплохо придумано. С полиэтиленовым мешком в левой руке и папкой в правой я затесался в кучу дрожащих, бледных призывников; повесив носы, они ждали дальнейших распоряжений сержанта. Голые, они казались все на одно лицо.

— А теперь на восемнадцатый этаж! — громыхнул сержант.

Мы снова набились в лифт, поднялись несколькими этажами выше и оказались в медицинском аду. Врачи и санитары в белых халатах, с марлевыми повязками на лицах; суета, визгливая ругань... У меня закружилась голова.

Врач — наверное, терапевт, судя по стетоскопу на шее — вырвал из моей руки и швырнул санитару папку, а затем схватил меня за горло. Прежде чем я успел ответить ему тем же, он крикнул:

— Щитовидка в порядке!

Санитар сделал запись в журнале. Врач тем временем вонзил пальцы в мой живот.

— Грыжа не наблюдается. Покашляй.

Последнее слово было адресовано мне. Я повиновался.

— Все, следующий! — рявкнул терапевт.

С бумажным стаканчиком в руке я встал в дрожащую, стучащую зубами очередь. Двигалась она безумно медленно. Я пританцовывал на холодном полу, рискуя выплеснуть мочу, приготовленную на анализ. Наконец санитар разлил ее по пробиркам, капнул в каждую из них несколько капель реактивов и буркнул:

— Годится. Следующий.

Я поспешил в другую очередь. Пожалуй, было бы дурным вкусом рассказывать, как нас осматривали на предмет геморроя, описывать шеренги согбенных, судорожно вцепившихся в колени призывников и демоническую фигуру врача с фонариком в руке...

А потом... что это? Неужели уколы? О-о-о! Парень, стоявший передо мной, должно быть, культурист. Широкие плечи, мощные ноги, бронзовые бицепсы — просто образец мужской силы. Обратив ко мне перекошенное лицо, он жалобно пролепетал:

— Я б-боюсь ук-колов!

— А кто не боится? — попытался я его подбодрить.

Что говорить, не такое уж это удовольствие.

Как только очередная жертва подходила к санитару, тот, как автомат, всаживал ей иглу в предплечье. Стоило бедняге только от-

шатнуться — его бил по спине грубый детина в форме. Через несколько шагов его ждали еще два наполненных шприца. После этого оставалось только опуститься на скамеечку, мыча от боли.

Вот уже над плечом культуриста занесена безжалостная игла. Глаза атлета закатились, и он с шумом упал на пол. И все же это не выход — санитары все-таки сделали уколы, а сержант схватил бесчувственное тело за ноги и оттащил в сторону.

Приблизившись к санитару, я стиснул зубы и собрал волю в кулак...

Медкомиссия завершилась еще одним унижением. Сжимая в руках мешки с пожитками и отощавшие папки, мы — голые, несчастные, измученные — встали в последнюю очередь. Вдоль стены одного из залов выстроились пронумерованные столы — точь-в-точь билетные кассы аэропорта. За каждым столом восседал джентльмен в темном костюме. Когда подошел мой черед, сержант оглянулся на меня и показал пальцем.

— Двигай к тринадцатому столу.

Чиновник за тринадцатым столом (как все штатские в этом зале) носил очки с толстыми стеклами. Моя папка снова оказалась в чужих руках, из нее был изъят еще один бланк — и я обнаружил, что сквозь очки на меня смотрят налитые кровью глазки.

— Жак, ты любишь девочек?

Чего-чего, а такого вопроса я не ожидал. Почему-то мне представилась Бибз, которая смотрит на меня и давится от смеха.

— А то как же.

— А мальчиков любишь?

— Среди моих лучших друзей есть мальчики. — Я начал догадываться, к чему клонит этот простак.

— Правда? — Он что-то вписал в бланк. — Расскажи о своем первом гомосексуальном опыте.

От такой просьбы у меня аж челюсть отвисла.

— Ушам своим не верю. Вы проводите психиатрическую экспертизу по анкете?

— Ты меня поучи еще, щенок! — прорычал чиновник. — Ишь, волю взял разговаривать! Я спрашиваю — ты отвечаешь. Усек?

— Ничего себе! Да вас надо лишить диплома врача, если, конечно, он у вас есть. Наверное, вы вовсе не врач, а специально переодетый рядовой...

— Сержант! — визгливо крикнул чиновник, побагровев, и за моей спиной раздался топот ног. — Призывник отказывается отвечать на вопросы!

Мои ляжки обожгла острая боль, и я завопил, отскочив в сторону. Сержант, облизнув тонкие губы, снова замахнулся стеком.

— Это повторится, если не будешь отвечать, как положено, — пообещал штатский.

— Да, сэр! — Я всем видом продемонстрировал повиновение. — Впервые опыт подобного рода я приобрел в двенадцать лет, когда вместе с четырнадцатью моими товарищами по шайке...

Меня понесло. Чиновник торопливо записывал мою болтовню, а разочарованный сержант отошел. Когда анкета была заполнена, я получил не то разрешение, не то приказ идти в лифт. И снова сорок голых в кабине, снова закрываются двери...

На этот раз мы явно ошиблись этажом. Перед нами оказались ряды столов с пишущими машинками, за каждым столом — юная леди.

Со стыдливым шелестом наши справки прикрыли причинные места.

Мы так покраснели, что повысилась температура воздуха. Но ничего другого не оставалось, как стоять, с ужасом ожидая, когда девушки оторвутся от машинок, а милые глаза уставятся на нас.

Казалось, что дверь закрылась через четырнадцать с половиной лет.

Двери опять открылись, но никаких девушек на этот раз не было, а была уже привычная фигура очередного скотоподобного сержанта. Интересно, что за генная мутация породила в этом народе столько толстошеих, крутобровых, толстопузых садомазохистов.

— Выходи! — заорал он. — А ну, живо, по десять человек, первые десять — через ту дверь! Вторая десятка — через соседнюю! Да не одиннадцать! Считать не умеешь, осел!

За дверью, куда просочилась моя десятка, нам велели построиться в шеренгу. Мы встали лицом к стене, с которой свисал неприятный на вид красно-коричнево-зеленый флаг с изображением черного молота.

Офицер с тонкими золотистыми полосками на погонах подошел к флагу и повернулся к нам.

— Сегодня — очень важное событие, — с пафосом произнес он. — Вы, молодые люди, наиболее достойные из вашего поколения, добровольно явились сюда, чтобы посвятить себя защите любимой родины от злобных сил, стремящихся поработить ее. Наступил торжественный момент, о котором вы так мечтали. В этот зал вы вошли юными шалопаями, а выйдете отсюда солдатами. Сейчас вы дадите присягу на верность армии. Пусть каждый поднимет правую руку и повторит за мной: «Я — называйте свои фамилии — по собственной воле...»

— Я, называйте свои фамилии, по собственной воле...

— Стоп! Начнем сначала, и начнем правильно, иначе вас ждут *неприятности!*

— Я не хочу! — пискнул кто-то.

— У тебя нет выбора, — мрачно заявил офицер. — Наша родина — демократическая страна, а вы — добровольцы и дадите клятву. Если не дадите — а у вас есть такое право, — то вот через эту дверь попадете в федеральную тюрьму, где просидите тридцать лет за уклонение от демократических обязанностей. Итак, повторяйте за мной.

Стараясь не вникать, мы повторили все то, что он сказал.

— «...Служить преданно и во всем подчиняться вышестоящему... Смерть, если я изменю... смерть, если я усну на посту... смерть, если я дезертирую...» — И так далее, вплоть до «клянусь именем отца, матери и бога, или богов, по моему выбору».

— Опустите руки. Поздравляю, вы теперь солдаты и подчиняетесь требованиям начальства. Первое требование начальства — добросовестно пожертвовать литр крови для госпиталя. Выполнять!

Едва держась на ногах от отчаяния, голода и потери огромного количества крови, мы ждали, когда нам наконец дадут отдохнуть. Но не тут-то было.

— Строиться! Каждый из вас сейчас получит форму разового пользования. Но пользоваться ею запрещается до особого распоряжения. Вы наденете форму, поднявшись на крышу, откуда вас отправят в лагерь Слиммарко, где начнется ваше обучение. Каждый получит личный знак со своим именем и служебным номером. На знаке есть желобок, чтобы его можно было легко сломать пополам. *Ломать запрещается, это военное преступление.*

— А почему нельзя ломать, если он для этого и предназначен? — пробормотал я.

Сосед объяснил:

— Личный знак ломают пополам после смерти солдата. Одну половинку отправляют в архив, а другую кладут в рот мертвецу.

Наверное, вам не покажется странным, что я в тот миг почувствовал металлический привкус во рту.

Глава 8

В других обстоятельствах мне, наверное, понравилось бы путешествие на этом необычном воздушном корабле. Он имел форму огромной сигары, заполненной, видимо, каким-то газом. Снизу к

сигаре была подвешена металлическая кабина, украшенная орнаментом из черепов и костей; лопасти огромного винта могли толкать летательный аппарат вперед и вверх. Вид из кабины, наверное, был бы восхитительным, если б ее создатели предусмотрели иллюминаторы в пассажирском отсеке, где на исключительно неудобных креслах из литой пластмассы сидели мы, новобранцы. Я блаженствовал — в призывном центре нам лишь один раз позволили присесть, и то лишь для того, чтобы сдать кровь. Пластмасса холодила тело сквозь тонкую фиолетовую ткань формы, пол под картонными подошвами, пришитыми прямо к штанинам, казался невероятно твердым. Единственный карман находился на груди; уложив в него мешок с личными вещами, каждый из нас стал похож на фиолетовое сумчатое животное, каких можно увидеть разве что в кошмаре. Я был подавлен. Но не я один. Все были подавлены.

— Я еще ни разу в жизни не покидал родного дома, — пожаловался рекрут справа от меня. Он всхлипнул и вытер мокрый нос рукавом.

— А я покидал! — тепло и бодро заявил я. Ни сердечности, ни радости я не испытывал, но надеялся, подняв настроение соседа, тем самым поднять свое.

— Кормят в армии паршиво, говорят, — упорно скулил мой соратник. — Никто на свете не умеет печь сепкукодж лучше, чем моя мамочка.

Пирог с луком? Ну и вкус у этого паренька!

— Забудь об этом, — весело посоветовал я. — Если в армии и пекут сепкукодж, то, наверное, паршиво. Не горюй, тебя ждут другие радости: свежий воздух, физические упражнения. К тому же солдатам позволено пить крепкие напитки и говорить непристойности о девушках.

Его оттопыренные уши заалели, как знамена.

— Не хочу я так говорить о девушках! А пить я уже пробовал. Мы с Джоджо однажды выпили пива за сараем, так нас потом рвало...

От продолжения этой интересной беседы меня спасло появление сержанта. Распахнув дверь из пилотского отсека, он взревел:

— А ну, встать, кретенодж! — и позаботился о том, чтобы все мы выполнили приказ, нажав кнопку механизма, убирающего сиденья. Только я успел вскочить на ноги, и мне одному пришлось выдержать всю силу испепеляющего сержантского взгляда.

— Ты что, самый умный?

— Никак нет, сэр! Я выполнял приказ, сэр! — Я подпрыгнул, грохнул пятками об пол и отдал честь — настолько энергично, что едва не выбил себе глаз. Сержант оскалил зубы, но тут меня заслонили поднявшиеся на ноги товарищи.

— Отставить болтовню! Руки по швам, ноги вместе, грудь вперед, живот назад, подбородок опустить, смотреть прямо и не дышать!

После секундной неразберихи образовались и застыли лиловые ряды. Сержант разглядывал нас с нескрываемым презрением.

— Кажется, кто-то все-таки дышит. Не дышать, покуда не разрешу! Первому, который посмеет вздохнуть, врежу в самое подходящее место!

В ответ — мертвая тишина. Вскоре то один, то другой новобранец стал пошатываться. Застонав, один упал в обморок. Я бесшумно дышал носом. Кто-то захрипел — не выдержал. Сержант тут же подскочил к нему, и самым подходящее место на теле новобранца оказалось солнечное сплетение. Взвизгнув, жертва рухнула на пол, а остальные стали хватать ртами живительный воздух.

— Это вам маленький урок, — процедил сквозь зубы сержант. — Поняли, что я имею в виду?

— Да, — тихонько пробормотал я. — Что ты — садомазохист.

— Что я — приказываю, а вы — исполняете, иначе пеняйте на себя.

В заключение этой неприятной сентенции у него перекосилось лицо, губы разжались, блеснули желтые клыки. Далеко не сразу я понял, что это означает улыбку.

— Садитесь, ребята, устраивайтесь поудобнее, — вдруг благодушно предложил он.

«Куда? — подумал я. — На голый пол? Кресла же убраны».

Сержант любовно похлопал себя по мешку сала, перетянутому ремнем.

— Меня зовут Клутц, строевой сержант Клутц. Но не вздумайте обращаться ко мне по имени — это привилегия старших по званию. Для вас я — сержант, сэр или мастер. Вы должны быть скромны, исполнительны, почтительны и покорны. Я не стану описывать наказания за несоблюдение этих требований, потому что недавно поел и не хочу портить себе пищеварение.

По шеренгам прокатился тихий стон при мысли о том, какие ужасы могут испортить пищеварение в этом чреве.

— Как правило, достаточно один раз наказать самого строптивого рекрута, чтобы сломить его дух. Но иногда его приходится наказывать во второй раз. В третий раз у нас никого не наказывают. Хотите знать, почему?

Налитые кровью глаза скользнули по нам, и мне захотелось забиться в угол.

— Поскольку вы слишком тупы, чтобы ответить на этот вопрос, я отвечу сам. В третий раз орущего, брыкающегося, зовущего ма-

мочку рекрута запихивают в особую камеру. Там из него с шипением уходят девяносто девять целых, девяносто девять сотых процента влаги. Знаете, на что он становится похож? Хотите посмотреть?

Он полез в карман и достал крошечную фигурку обезвоженного рекрута. На лице бедняги навеки застыл невыразимый ужас. Солдаты застонали, наиболее слабые попадали без чувств. Сержант Клутц улыбнулся.

— Да, вот так в итоге выглядит непокорный. После казни его крошечное тельце какое-то время висит в казарме на доске объявлений, в назидание остальным, а потом вместе с игрушечной лопаткой, чтобы было чем выкопать могилку, его кладут в почтовый конверт и отсылают родным. Вопросы есть?

— Простите, сэр, — послышался дрожащий голос. — Скажите, процесс обезвоживания — мгновенный или... медленный и мучительный?

— Хороший вопрос. Ты уже пробыл один денек в армии, так неужели не догадываешься?

Снова — стоны и шум падения бесчувственных тел. Сержант одобрительно кивнул.

— Ладно. Сейчас я скажу, что вас ждет в ближайшем будущем. Мы летим в ЛНПС на ВБМ, то есть в лагерь начальной подготовки Слиммарко на военной базе Мортстерторо. Там вы постигнете основы солдатской науки. Некоторые из вас не выдержат начальной подготовки и будут похоронены со всеми воинскими почестями. Запомните это. Запомните и то, что обратного пути у вас нет. Вы станете образцовыми солдатами — или мертвецами. И поймете, что военная служба трудна, но справедлива. Вопросы есть?

— Что же в ней справедливого? — проблеял один из нас.

Сержант легонько пнул его в голову.

— А то, что у всех вас равные шансы.. Или вы пройдете курс подготовки, или отправитесь на тот свет. А сейчас я открою вам один секрет. — Он наклонился и дохнул таким смрадом, что ближайшие новобранцы потеряли сознание. — Мне, братцы, на руку, чтобы вы покинули армию вперед ногами. На рекрутах, которые возвращаются домой в гробах или в инвалидных колясках, армия экономит кучу денег. Пусть уж лучше солдат умрет, не выдержав нагрузки, чем погибнет в бою, пройдя дорогостоящий курс обучения. Ну, что, поняли мы друг друга?

Если молчание — действительно знак согласия, то мы поняли Клутца.

— Вопросы есть? — повторил он.

Тишину нарушило урчание в моем животе. Сами собой из моего рта выскочили слова:

— Так точно, сэр. Когда мы будем есть?

— Крепкий у тебя желудок, рекрут, как я погляжу. Некоторых вон уже тошнит от армейской жизни.

— Просто я забочусь о воинском долге, сэр. Чтобы хорошо исполнять его, я должен быть сильным, а значит, много есть.

Поросячьи глазки уставились на меня — сержант обмозговывал мои слова. Наконец его подбородок утонул в складках жира на шее — это означало кивок.

— Ладно, раз ты сам вызвался, шагом марш на корму за пайками. Шевелись!

Я зашевелился. А на ходу думал. Плохая новость: я в армии, и мне это не нравится. Хорошая новость: мы направляемся на базу Мортстерторо, где Бибз видела капитана Гарта — Зеннара, Зеннора или как там его. Он первый в списке моих врагов — но сейчас мне надо прорваться наверх в списках выживания. Гарт может подождать.

Я отворил дверь в крошечный отсек, где стояла одна-единственная коробка с надписью: «БОЕВЫЕ ПАЙКИ ЮКЕ». Но коробка оказалась подозрительно легкой. Неужели ее содержимым можно накормить такую ораву?

— Тащи сюда, кретин, нечего ее щупать! — зарычал сержант, и я поспешил обратно. Пайки ЮКЕ оказались серыми брикетами в пластмассовых стаканчиках. Мои товарищи мигом их расхватали.

— Такой брикет поддерживает жизнь в течение суток, — скрипучим голосом объяснил сержант. — В нем есть все витамины, минеральные вещества, протеин и селитра — все, что начальство считает необходимым для солдатского организма. Крышечка снимается путем надавливания ногтем большого пальца на желобок, помеченный надписью «надавить ногтем большого пальца». Поев, каждый из вас подойдет к стене, вот к этому крану, наберет в пластмассовый стакан воды. Пить надо быстро, через минуту после смачивания упаковка утратит жесткость. Напившись, вы аккуратно скатаете ее и будете хранить как зеницу ока, потому что она превратится в контрацептивное средство, которым вы еще долго не сможете пользоваться, но которое обязаны иметь при себе. А теперь — приступить к приему пищи!

Я приступил, точнее, попытался. Твердостью брикет напоминал обожженную глину, значительно уступая ей вкусом. Последний кусок я выплюнул, не прожевав, и бросился к крану. Я успел дважды наполнить и осушить пластмассовый стакан, прежде чем он превратился в подобие ненадутого воздушного шарика. Вздохнув, я скатал его и сунул в карман.

Пока мы грызли пайки, в отсеке снова появились кресла. Я осторожно уселся на свое, ожидая, что оно снова провалится.

Мне не верилось, что удастся уснуть сидя, но мерзкая еда и предельная усталость сделали свое дело. Прежде чем закрыть глаза, я услышал собственный храп.

Обстоятельства пробуждения можно было предугадать: кресла снова ушли в пол, и я оказался среди кряхтящей и стонущей лиловой массы. Подгоняя нас окриками, сержант дождался, когда последний из нас поднимется и встанет в подобие строя.

— Поздравляю с первым днем новой жизни, — ухмыльнулся Клутц. Его слова были встречены жалобным нытьем.

В стене распахнулся люк, в салон ворвался холодный пыльный ветер. Едва переставляя ноги, мы спустились по трапу.

Зрелище оказалось не слишком впечатляющим. Одно бледно-розовое солнце пряталось за облаком пыли на горизонте, другого было не видать. Судя по разреженному холодному воздуху, база располагалась на возвышенности, возможно, на горном плато. Это гарантировало преобладающую летную погоду и максимум неудобств для возможного десанта противника. Вдали, заставив землю содрогнуться, стартовал звездолет, огонь его дюз горел ярче заходящего солнца. Сержант приказал нам построиться и заявил:

— Отныне каждый из вас будет носить военное имя, прежнее можете забыть навсегда. Военное имя состоит из прежнего с добавлением первых четырех цифр личного номера. Я читаю имя, названный проходит в казарму, садится на указанную койку и ждет дальнейших распоряжений. Гордо 7590 — койка номер один...

Я ждал, разглядывая унылую стену казармы, пока не услышал:

— Жак 5138.

Едва переставляя ноги, я прошел в дверь, над которой красовался лозунг: «ЧЕРЕЗ ЭТИ ДВЕРИ ПРОХОДЯТ ЛУЧШИЕ В МИРЕ СОЛДАТЫ». Кто кому тут морочит, как говорится, голову? Пол в казарме был каменный, его совсем недавно мыли. Стены — бетонные, чистые, тоже мокрые. Я поднял глаза к потолку — с него капало. Мне стало не по себе — не иначе кто-то из начальства помешан на влажной уборке помещений.

Койки в казарме были трехъярусные, и моя, разумеется, оказалась на самом верху. На ней лежал скатанный матрас.

— Добро пожаловать в новый дом, — с искренним радушием в голосе произнес сержант, когда мы все с неискренним вниманием обернулись к нему. — Запомните хорошенько, как лежат скатанные матрасы, потому что они должны так лежать постоянно, за исключением времени, отведенного на сон. А у нас не разоспитесь, не надейтесь. Свое личное имущество будете хранить в нишах под

полом, они открываются и закрываются все одновременно вот этой кнопкой. — Он коснулся кнопки на поясе. Послышался скрежет, и в полу образовалось множество прямоугольных отверстий. Один неудачно стоявший рекрут с воплем рухнул в нишу.

— Свет погаснет через пятнадцать минут. Нижайше прошу расстелить койки, но не укладываться раньше времени. Перед сном вы увидите учебный фильм и узнаете, что ждет вас завтра. Посмотрев кино, вы помолитесь богу или богам, кому как нравится, и ляжете баиньки. Все свободны.

Свободны. Дверь захлопнулась за нашим надзирателем, и мы остались одни. Свободны — это точно сказано. Свободны от света и тепла нормального мира и против своей воли заброшены в серый армейский ад. Отчего человечество так жестоко к собственным чадам? Если вы будете так же обращаться с лошадью, то попадете в тюрьму, а то и получите пулю.

Только шорох разворачиваемых постелей нарушал тишину. Каждому достался тоненький матрас и тонюсенькое одеяло. И надувная подушка, надуть которую почти невозможно и которая наверняка к утру сдуется. Пока мы шуршали и дули, в проход между койками бесшумно опустились телеэкраны. Грянул какой-то марш, затем появился офицер с серьезными дефектами речи и стал зачитывать какие-то бестолковые инструкции, которые мы дружно проигнорировали. Я вывалил содержимое набрюшного кармана в подпольный ящик и вскарабкался, не раздеваясь, на койку. И на девять десятых погрузился в сон, но тут вспышка света и громкий звук вернули меня к действительности.

— Внимание, — зловеще произнес человек в черном. — Мы прерываем все запланированные передачи, чтобы сообщить вам следующее известие. — Сделав жуткую гримасу, он встряхнул листок бумаги, который держал в руке. — На территорию нашей страны проник опасный шпион. Установлено, что вчера утром он прибыл в бухту Мархавено на борту брастирского корабля. Вчерашние поиски в бухте не дали результата. В ходе сегодняшних поисков установлено, что шпион проник на прогулочный катер и украл несколько предметов одежды.

У меня стянуло кожу на затылке.

— В песке на пляже обнаружены вещи, как установлено, принадлежавшие шпиону. В настоящее время район поисков оцеплен, там объявлен комендантский час, тщательно обыскивается каждое здание. Возможно, преступник до сих пор носит украденную одежду. Тому, кто видел на ком-нибудь этот костюм, следует немедленно поставить в известность полицию или силы безопасности.

На экране появилось довольно точное компьютерное изображение вещей, которые я позаимствовал на катере. Некоторое время они медленно крутились в пространстве, потом появилась человеческая фигура. Вместо лица было пятно, но я не сомневался, что рано или поздно оно примет мои черты. Какой срок понадобится полиции, чтобы узнать мои приметы, проследить мой путь и выяснить, что я в армии?

Дверь казармы с грохотом захлопнулась, лампы погасли. Я лежал, неподвижно глядя в темноту; в груди гулко стучало сердце.

Глава 9

Нелегко заснуть, узнав о том, что тебя разыскивают по всей стране. Для этого нужны железные нервы и сверхчеловеческий самоконтроль. Сказав, что обладаю и тем и другим, я бы покривил душой. Я не против того, чтобы соврать разок-другой, когда нужно. Всякая маскировка — это ложь, а постоянная, искренняя ложь — это лучшая маскировка. Это профессиональная необходимость. Но нельзя лгать самому себе. Надо принимать правду, какой бы гадкой она ни казалась. Не лгать так не лгать. Я уснул, потому что вымотался до предела и наконец-то оказался в горизонтальном положении, тепле и покое...

Я спал крепко и сладко, пока не услышал не то шорох прибоя, не то шелест опадающей листвы. Но более всего этот звук напоминал шуршание старой грампластинки или магнитофонной ленты.

Последнее предположение не замедлило подтвердиться. Под сводом казармы раскатилось искаженное записью пение трубы, и вспыхнули лампы.

С грохотом распахнулась дверь, и вбежавший сержант истошно завопил:

— Подъем! Хватит отлеживать задницы! Скатать койки! Вынуть из ящиков бритвенные принадлежности! По двое — в уборную! Ну, шевелись, ленивые свиньи! Живей, живей, живей!

Я успел проскочить в уборную, прежде чем в дверях образовалась пробка. В тот миг с лязгом встали на место крышки ниш, а сержант выскочил из казармы и запер дверь. Затем со всех сторон ударили струи холодной воды. Замешкавшиеся рекруты наконец протиснулись к нам. Они дрожали и плакали; разовая форма от воды лезла по швам, и сквозь прорехи виднелась посиневшая кожа.

Умывальников было очень мало, но мне удалось протолкаться к одному из них. Взглянув в кривое зеркало на измученную, бледную, с запавшими глазами физиономию, я едва узнал себя. Я подумал, что с нами, наверное, сознательно обращаются по-скотски — хотят запугать, вывести из равновесия, сбить с толку, иными словами, подготовить для промывания мозгов, для полного разрушения личности.

Ну уж нет! Мозги и личность Джима ди Гриза вам не по зубам! Придет время, и я выберусь из этой дыры, оставив вас в дураках. А пока у меня одна задача — выжить!

Сверхзвуковое лезвие противно заверещало, сбривая щетину. Сунув в рот автоматическую зубную щетку, я умылся и вышел из уборной.

В дверях казармы снова показался сержант Клутц.

— Выходи строиться на поверку! — заорал он и тут же в страхе отпрянул: я ринулся на него как бык. Сбежав с крыльца, я встал под фонарем по стойке «смирно».

Сержант повернулся и подошел ко мне.

— Шутить вздумал? — процедил он сквозь зубы, брызжа слюной мне в лицо.

— Никак нет, сэр! — Я выпятил грудь и ел начальство глазами. — Выполняю приказ, сэр! Мои старики, отец и дед, были солдатами, они говорили: нет лучшей доли, чем солдатская, и нет в армии чина выше, чем сержант. — Я перестал орать и прошептал: — Сэр, скажу вам честно — я не мобилизованный. Я — доброволец. Пожалуйста, не говорите об этом ребятам, не то меня засмеют.

Он промолчал. В уголках глаз блеснули капельки влаги. Или мне показалось? Как бы там ни было, он не отвесил мне оплеуху, а повернулся и прошел в казарму — пинками выгонять остальных рекрутов.

В строю я воспользовался минутой покоя, чтобы задать себе вопрос: что делать дальше? Ответ пришел сразу: ничего. Пока тебя не выследили, Джим, не высовывай носа из рядов. Стань своим для обитателей этих милитаристских джунглей. Держи ушки на макушке, а глаза открытыми, и все, что увидишь и услышишь, мотай на ус. Чем больше ты увидишь и услышишь, тем выше будут шансы на спасение. Не паническое бегство, а тщательно продуманный план выручит тебя в конце этого предприятия. Запомни этот совет, Джим, и следуй ему при любых обстоятельствах.

После переклички, во время которой Клутц переврал великое множество имен, даже такое простенькое, как Бил, мы строем направились в столовую. Когда запахло настоящей едой, на мостовую, словно частый дождик, закапала слюна. Получив поднос, я глазам своим не поверил — камни под карамелевым соусом, не иначе! Впрочем, камни оказались мягкими, горячими и недурны-

ми на вкус. В мгновение ока опустошив тарелку, я бросился за добавкой. В те минуты мне казалось, что в армии не так уж плохо. Но я сразу выбросил эту мысль из головы. Нас кормили только для того, чтобы мы не умерли с голоду. Начальство рассуждало так: если некоторые рекруты не выдержат учебы, то не из-за плохой кормежки, а из-за слабости тела или недостатка силы воли. Кто останется жив — превратится в относительно крепкий, закаленный винтик военной машины.

«Ублюдки!» — мысленно выругался я и пошел за третьей порцией.

После завтрака полагалась утренняя зарядка — вероятно, для лучшего усвоения пищи. Сержант Клутц вывел нас на широкую площадку, где уже упражнялись новобранцы. Нас поджидал инструктор, детина с чрезмерно развитой мускулатурой и непропорционально маленькой головой. У меня зубы стучали от его рева:

— Что такое?! Почему опоздали на целую минуту, кретенодж?!

— Совсем обнаглели, свиньи, — наябедничал наш любимый сержант, доставая из кармана длинную черную сигару. — Едва оторвал их от корыта.

Кое-кто заверещал, услышав столь наглую ложь, но самые умные молчали. Чего-чего, а справедливости ждать не приходилось.

Мы опоздали, потому что Клутц не мог идти быстрее.

— Вот оно что?! — Крошечные глазки инструктора затлели как угольки. — Ну-ну, поглядим, стоит ли кормить таких недоносков. Ложись! Пятьдесят отжиманий! Начи-най!

Приказ меня не испугал — я каждое утро отжимался сто раз, чтобы не потерять форму. Да и ветер дул холодный, не мешало размяться. Пять... Когда же нам выдадут нормальную постоянную робу. Пятнадцать...

Отжимаясь в двадцатый раз, я заметил, что слегка вспотел. Кругом пыхтели, кряхтели и стонали. Когда инструктор досчитал до тридцати, добрая половина взвода лежала без сил на земле, а сержант Клутц стряхивал пепел на чью-то спину. Пятьдесят раз отжались только я да культурист, боявшийся уколов.

— Еще пятьдесят! — прорычал, гневно глядя на нас, инструктор. Культурист, кряхтя, отжался двадцать раз и скис. Я выполнил упражнение до конца.

— Все, сэр? — спросил я инструктора. — Или еще пятьдесят?

— Встать! — рявкнул он. — Ноги шире плеч, руки перед собой, делай, как я... Раз, два, три, четыре...

К концу физзарядки мы обливались потом, а двое слабейших неподвижно лежали в пыли. Один из них, держась за бок, поста-

нывал у моих ног. Инструктор подошел и пнул его носком сапога, тот только крякнул.

— Сопляки недоделанные! Маменькины сынки! — выразил свое недовольство сержант Клутц. — Уберите с глаз моих этих недоносков! Вы двое и вы двое, оттащите их в палатку лазарета и бегом обратно.

Я перекинул через плечо руку бесчувственного рекрута. Мой напарник выглядел не намного лучше, чем тот, кого мы тащили в лазарет.

— Ты не напрягайся, только делай вид, будто помогаешь, — сказал я ему.

— С... спасибо, — пропыхтел он. — Я не в такой прекрасной форме, как ты.

Это я уже заметил. Парнишка был субтильным, с цыплячьей грудью и тенями под глазами. И выглядел старше остальных рекрутов.

— Меня зовут Мортон, — представился он.

— Жак. С виду ты староват для армии, Мортон.

— Ты прав, — кивнул он. — Меня из университета забрали. Я едва не угробил себя учебой, чтобы только не попасть сюда. И вот результат — перетрудился, заболел и пропустил экзамены. Что нам с ним делать? — спросил он, имея в виду нашу бесчувственную ношу. — Он плохо выглядит.

— Это его проблемы. Ты на себя посмотри.

— Намек понял. Грубо, но доходчиво. Пришли, вот она, палатка.

— Бросайте на землю, — велел капрал медслужбы, лениво листавший комиксы. Когда он переворачивал страницу, послышался тоненький стон. Я огляделся. В палатке уже лежали четверо новобранцев.

— Как насчет медицинской помощи, капрал? Он неважно выглядит.

— Ничего с этой дохлятиной не случится. Оклемается — прогоню его в казарму, а нет — вечером придет врач, осмотрит его. Все, уносите отсюда свои задницы, не то скажу сержанту, что вы сачкуете.

— Откуда в армии берутся такие садисты? — пробормотал я, когда мы с Мортоном вышли из палатки.

— На их месте могли бы оказаться и мы с тобой, — угрюмо ответил он. — В больном обществе — больные индивидуумы. Люди делают то, что от них требуется, так легче жить. Наше общество построено на милитаризме, шовинизме и взаимной ненависти.

Когда такие вещи возводят в ранг законов, находятся и наиболее ревностные исполнители этих законов.

Признаться, я ушам своим не поверил.

— Тебя этому в университете учили?

Он усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Какое там! Но я изучал историю — военную, разумеется, — и имел довольно широкий доступ к литературе. В университете неплохая библиотека, там много старых книг. Я читал их и набирался ума-разума.

— А язык за зубами держать ты научился?

— Да... Правда, это не всегда получается.

— Надо, чтобы всегда получалось. Иначе будущее у тебя незавидное.

Наш взвод уже уходил со спортивной площадки, и мы пристроились в конец. Сержант Клутц привел нас на вещевой склад, где я получил подтверждение слухам о том, что в армии только два размера мундиров. Мой оказался настолько велик, что пришлось подвернуть обшлага рукавов. Нам выдали всю необходимую экипировку — котелки, ремни, фляги, подсумки для боеприпасов, саперные лопатки, ранцы и прочие предметы первой военной необходимости. Отнеся их в казарму, мы направились в учебный корпус, на так называемую «военно-идеологическую ориентацию».

— Армия получила наши тела, но ей нужны и наши души, — прошептал Мортон. — Грязные души в пушечном мясе.

Он, конечно, был умен, этот паренек, но все-таки напрасно трепал языком. Сержант Клутц тотчас набросился на нас.

— Отставить разговоры! Молчать и слушать! Говорить будет капрал Гоу, ваш наставник.

Фальшиво улыбаясь, капрал Гоу — обладатель слащавой розовой физиономии с усиками сутенера — одернул Клутца:

— Ну-ну, сержант! У нас сейчас ориентация, а не изучение устава. Твои подопечные выучат устав и станут хорошими солдатами. Но хорошие солдаты должны знать, для чего необходим устав. Так что располагайтесь поудобнее, ребята. Какие еще кресла? Вы в армии. Садитесь на этот замечательный бетонный пол и слушайте. Начинаем занятие. Кто ответит на вопрос: почему вы здесь?

— Потому что нас призвали, — пробасил кто-то.

— Ха-ха, ну конечно. Но зачем вас призвали? Почему молодые люди должны служить в армии? Если вы не совсем ясно это понимаете, значит, грош цена вашим родителям и учителям. Позвольте, я просвещу тех из вас, кто в этом нуждается. Вы здесь потому, что у наших врат — опасный враг. Нашему замечательному острову грозит вторжение, и ваш долг — защищать бесценную свободу родины.

— Провалиться мне на месте, если он не врет, — пробормотал я, и Мортон согласно кивнул.

— Вы что-то сказали, солдат? — поинтересовался капрал. Видимо, у него был тонкий слух.

— У меня вопрос, сэр. Неужели слаборазвитая страна может представлять опасность для государства, имеющего современную промышленность и отлично вооруженную армию?

— Прекрасный вопрос, солдат. С удовольствием отвечу. Мы бы не боялись варваров с континента, если бы их не снабжали оружием инопланетники — алчные, коварные чужаки, завидующие нашему счастью. Вот почему вы, ребята, добровольно пришли служить нашему отечеству.

Какая неслыханная ложь! Я открыл было рот, чтобы поставить на место нашего капрала, но вовремя сдержался. А вот Мортон — тот не сдержался.

— Сэр, но Галактическая Лига — мирный союз. Войны запрещены и...

— Кто вам это сказал? — оборвал его Гоу.

— Все говорят, сэр, — вмешался я, надеясь, что Мортон спохватится и умолкнет. — Но вы-то, надеюсь, знаете правду.

— Ничего я не знаю, но очень хочу узнать, от кого вы наслушались этих опасных бредней. А после лекции я поговорю с вами, рядовой. И с вашим соседом. Наша родина — мирная демократическая страна, противостоящая разрушительным инопланетным силам. Ради ее свободы мы готовы пойти на любые жертвы. Вы, безусловно, это понимаете и сделаете все возможное, чтобы стать отличными солдатами. Вам поможет в этом сержант Клутц, который в учебном лагере заменит вам родного отца. Я знаю, что у вас будут возникать самые разные вопросы, и это неудивительно — ведь вы только начинаете армейскую жизнь. Со всеми вопросами обращайтесь ко мне, я ваш советчик и наставник. Приходите в любое время. Я стану вашим другом, самым лучшим другом. — Он пустил по рядам стопку брошюр. — У вас есть десять минут на ознакомление с этой ориентационной брошюрой. А я тем временем поговорю с двумя вашими товарищами, явно заблуждающимися насчет политических реалий нашего мира. — Он показал пальцем на меня и на Мортона. — Да, да, я про вас. Выйдите на крылечко, ребята, потолкуем.

Мы неохотно поднялись и вышли на крыльцо. Вскоре появился Гоу.

— Солнышко как греет, правда, ребята?

— Вы правы, сэр. Чудесная погода.

— Ну-ка, признавайтесь, где вы наслушались вражеской пропаганды? Вы первый. — Он ткнул пальцем в меня.

— Где-то наслушался, а где — не помню.

Гоу широко улыбнулся.

— Напомню. Вы слушали запрещенную радиостанцию.

— Ошибаетесь, сэр. Разве необходимо кого-то слушать, чтобы понимать очевидное?

Язык Мортона рыл ему могилу. Я опустил глаза и ковырнул землю носком сапога.

— Простите, капрал, я хотел соврать, но вас не проведешь. Вы, конечно, правы насчет радиостанции...

— Ага! Я так и знал! Проклятый спутник! Ни расстрелять его, ни заглушить — он надежно защищен и ведет передачу на многих частотах.

— Сэр, я один-единственный раз слушал инопланетников. И, честно говоря, поверил — очень уж похоже было на правду. Потому-то и сказал сейчас...

— Правильно сделали, что сказали, солдат. Это доказывает, что яд не успел глубоко проникнуть в ваш мозг. Запомните: дьявол всегда старается затронуть самые тонкие струнки человеческой души. Солдат должен превратить сердце в камень и верить только своим командирам. — Он ласково улыбнулся. Преданно глядя ему в глаза, я с жаром воскликнул:

— Да, сэр! Вы совершенно правы! Я всегда и во всем буду верить командирам и очень рад, что вы не собираетесь нас наказывать...

— Не собираюсь? Разве я это сказал? — Ласковая улыбка вдруг превратилась в недобрую ухмылку. — Да что вы, ребята! За такое на гражданке вам вкатили бы по году тяжелых работ. А здесь — армия, и наказание будет куда суровее. Ну, все, приятно было с вами побеседовать, возвращайтесь в класс. И до конца занятия постарайтесь осмыслить свой проступок. В будущем — если у вас есть будущее — вы не станете оспаривать мнение старших по званию.

Мы пошли в класс, словно бараны на бойню.

— Слушай, — прошептал я Мортону, — это правда, что он сказал? Насчет радиостанции?

— Конечно! Разве ты никогда ее не слушал? Вообще-то мне передачи со спутника не нравятся — много пропаганды, мало информации. Но это не имеет значения. Нас отдадут под трибунал.

— Ну и что нам теперь делать? Сидеть и ждать ареста?

— А куда бежать? — мрачно спросил Мортон.

Я вздохнул. Бежать, похоже, было некуда.

Глава 10

Далекая сирена сдавленно рыкнула, глаза сержанта Клутца прояснились, тупое выражение исчезло под привычной маской ярости.

— А ну, встать! — заорал Клутц. — Ишь, сачки, целый час отсиживали задницы! Ну, я вам сейчас покажу! Выходи строиться!

— Я задержу этих двоих. — Гоу отделил нас с Мортоном от остальных. — Они будут наказаны за антиправительственную агитацию.

Клутц с удовольствием вычеркнул нас из списка личного состава.

— Отлично, Гоу. Главное, чтобы список был в порядке, а там хоть с дерьмом их съешьте.

Дверь хлопнула, и мы остались наедине с капралом. Мортон был на грани обморока, я начинал злиться. Гоу достал блокнот и карандаш и обратился ко мне:

— Ваше имя, солдат?

— Скру У2.

— Скру — военное имя, назовите настоящее.

— Капрал, я из Пенсильдельфии, а там не принято представляться кому ни попадя.

Гоу зло сощурился.

— Острить вздумали, солдат!

— Где уж мне, ведь вы сами — ходячая острота. Вы не хуже меня знаете, что единственная угроза нашему острову — это военные, стоящие у власти. Чрезвычайное положение выгодно только военным.

Мортон пискнул от ужаса и вцепился в мой рукав. Но меня, что называется, понесло.

Холодно улыбаясь, Гоу протянул руку к телефону.

— Ну что ж, не хотите назвать имя — его из вас вытянет военная полиция. Кстати, вы не правы — чрезвычайное положение выгодно не только военным. Вы забыли о промышленных корпорациях, весьма заинтересованных в оборонных заказах. Армия и промышленность связаны одной веревочкой.

Его слова сбили меня с толку.

— Но... если вы знаете это, то зачем пудрите мозги солдатам?

— По той простой причине, что я — выходец из богатой семьи фабрикантов и меня вполне устраивает сложившаяся ситуация. Пудря вам мозги, я выполняю свой воинский долг, а через несколько месяцев уволюсь в запас и вернусь к прежней роскошной жизни, которую я так люблю. Ну все, ребята. Сейчас за вами при-

дут. Я благодарен вам за приятную беседу и хочу преподнести сувениры на память.

Я стоял и тупо смотрел, как он выдвигает ящик стола. Когда спохватился и бросился к капралу, было слишком поздно. На меня уверенно смотрело дуло огромного пистолета.

— На вашем месте, солдат, я бы не рыпался. Видите ли, я охотник и стреляю без промаха. И пристрелю вас без малейших колебаний. Если понадобится, в спину, — добавил он, когда я повернулся к стене.

Я снова повернулся к нему лицом.

— Отлично, капрал, — улыбаясь, сказал я. — Контрразведке известно, что в вопросах ориентации вы профессионал, но мне все-таки велели вас прощупать. Вы держались молодцом. Обещаю не докладывать начальству о ваших неосторожных высказываниях насчет военно-промышленного комплекса. Сам я — из бедной семьи, и мне ваши откровения, честно говоря, не по нутру.

— Это правда? — пролепетал Мортон.

— Да. И вы арестованы. Как видите, Гоу, наша беседа оказалась небесполезной — мы выявили предателя.

Гоу пристально глядел на меня, не опуская пистолета.

— Думаешь, я в это поверю?

— Нет, не думаю. Но могу показать удостоверение. — Улыбнувшись, я сунул руку в задний карман новой формы.

Вероятно, он неплохо стрелял по беззащитным зверушкам и бумажным мишеням, но для ближнего боя одной меткости недостаточно. Моя рука на миг отвлекла его взгляд, и этого мгновения хватило, чтобы другой рукой треснуть его по запястью. Пистолет коротко прошипел, что-то гулко ударило в стену за моей спиной. Мортон с визгом отскочил. Второй раз Гоу выстрелить не успел — мое колено воткнулось ему в живот.

Пистолет упал на пол, а капрал рядом с ним.

— Неплохо, Джим. — *Я похлопал себя по плечу.* — Рефлексы в порядке.

Мортон вытаращенными глазами посмотрел сначала на меня, затем на бесчувственного капрала.

— Ч-что п-происходит... — запинаясь, пробормотал он.

— То, что видишь. Не волнуйся, ты не арестован, — это была всего лишь уловка. Придвинь-ка стол к двери.

Из опасения, что отпрыск миллионера очухается раньше времени, я поднял пистолет. Что же теперь делать с этим баловнем судьбы? Идея! Опустившись на корточки, я расстегнул на нем мундир. Вот она, моя соломинка — капральская форма! Когда меня хватятся, то будут искать зачуханного новобранца, а не цветущего, одетого с иголочки капрала. Молодец, Джим! Ты заслужил это звание!

Я стащил с капрала штаны и сапоги и присвистнул от удивления — Гоу носил златотканые трусы. Все-таки мне повезло, что он слегка отяжелел от спокойной жизни. Мундир пришелся мне впору. А ботинки — нет: у него были маленькие ступни. Придется носить свои. Я вытряхнул капральские карманы и, кроме множества монет и портсигара с черными сигаретами, обнаружил маленький перочинный нож. С его помощью я разрезал на полосы свою форму и надежно связал Гоу. Оставшиеся полосы я использовал в качестве кляпа. Смерть от удушья капралу не грозила — он неплохо дышал через нос.

— Ты собираешься его убить? — спросил Мортон.

— Нет. Я хочу, чтобы он полежал спокойно, пока я осуществляю вторую часть плана.

К счастью, Мортон не спросил, какого именно. В классе не было укромных мест, куда бы я мог запихать капрала. Хотя... там был стол.

— Мортон, встань-ка к двери и вообрази себя замком. Если кто-нибудь попробует ее открыть, навались всем телом.

Я отодвинул стол от двери, затолкал под него связанного капрала, затем — чисто рефлекторно — порылся в ящиках стола. Там оказалась только папка с бумагами. Зажав ее под мышкой, я отошел полюбоваться на дело рук своих. Капрала не видать. Будем надеяться, что его найдут не сразу.

— Ну, что теперь? — бодро произнес я.

Мортон жалобно пискнул:

— Да, что теперь?

Я встряхнулся и попытался думать конструктивно.

— Итак, назад дороги нет. Значит, надо идти вперед. Когда разыщут капрала, установить наши имена будет нетрудно. К тому времени у нас должны быть другие имена. Следовательно, надо идти в отдел личного состава.

Мортон глядел на меня, часто моргая.

— Жак, дружище, ты не заболел? Я ни слова не понял из того, что ты сказал?

— Неважно. — Я разрядил пистолет, сунул его в стол, а обойму в карман. — Шагай впереди, делай, что прикажу. Выходи. Только сначала приотвори дверь, посмотри, нет ли кого поблизости.

Мы вышли из класса и двинулись по улице. Я нес под мышкой папку, Мортон шагал впереди. Раз-два, раз-два.

Мы свернули за угол и едва не столкнулись с военным полицейским в красном кепи.

— Стой! Смирно!

Мортон остановился и едва не упал, вытаращив глаза на полицейского.

— Смотреть вперед! — закричал я. — Команды пялиться по сторонам не было!

Полицейский не обращал на нас внимания, пока я его не окликнул:

— Эй, рядовой! Остановитесь.

— Это вы мне, капрал? — спросил он, оборачиваясь.

— А то кому же? У вас расстегнут карман. Но я сегодня добрый. Покажите, где здесь отдел личного состава, и можете идти.

— Прямо вперед, мимо эстрады для оркестра, сразу за камерой пыток.

Он поспешил дальше, ощупывая карманы в поисках расстегнутого. Мортон шатался и потел. Я хлопнул его по спине.

— Расслабься, дружище. В армии самое главное — это звание. Ну, что, готов идти дальше?

Он кивнул и поплелся вперед. Я шагал следом и на каждом шагу выкрикивал противным голосом команды, как заправский капрал.

Здание, где находился отдел личного состава, было большим и современным. На крыльце стоял охранник, проверявший пропуска у входивших. Мортон вдруг остановился и спросил обморочным голосом:

— Что ты затеял?

— Успокойся, все в порядке. Делай все, как я скажу, и не отставай от меня ни на шаг. Через несколько минут мы с тобой исчезнем без следа.

— Мы действительно исчезнем без следа, если войдем туда! Нас схватят и запытают до смерти...

— Молчать! — заорал я ему в ухо, и он шарахнулся, как от выстрела. — Ты не будешь говорить! Ты не будешь думать! Ты будешь шагать вперед, не то я тебя так разукрашу, что мама родная не узнает.

Проходивший мимо сержант улыбнулся и одобрительно кивнул. Я понял, что нахожусь на правильном пути.

— Шагом марш!

Мортон переставлял ноги, как автомат. Он был белее мела. Мы поднялись на крыльцо и поравнялись с вооруженным полицейским.

— Стой! Вольно! — гаркнул я и повернулся к полицейскому. — Эй, ты! Где транспортный отдел?

— Второй этаж, кабинет два ноль девять. Разрешите взглянуть на ваш пропуск, капрал.

Мой холодный взгляд медленно опустился по его телу к ботинкам, затем так же медленно поднялся. Солдат стоял по стойке «смирно», слегка вздрагивая. Я понял, что имею дело с «молодым».

— В жизни не видел более грязных сапог, — прошипел я. Когда солдат опустил глаза, я сунул ему под нос раскрытую перевернутую папку. — Вот пропуск. — Когда он снова поднял глаза, папка уже захлопнулась.

Он хотел что-то сказать, но осекся, встретив мой колючий взгляд.

— Спасибо, капрал. Значит, второй этаж.

Я повернулся, щелкнув Мортону пальцами, и двинулся к лестнице, стараясь не обращать внимания на вспотевший лоб. Дело было очень срочное — надо было спешить. А Мортон был плох. Его била крупная дрожь, и он в любую секунду мог потерять сознание. Но обратного пути для нас не было. Распахнув дверь в кабинет 209, я жестом велел Мортону войти. В кабинете стояла длинная скамья; указав на нее бедняге и сказав: «Садись и жди, пока не позову», я подошел к столу дежурного.

Он висел на телефоне и отмахнулся от меня. За его спиной стояли столы во всю длину комнаты, за которыми трудились солдаты, им было не до меня.

— Да, сэр, сейчас же этим займусь, сэр, — заливался дежурный. — Возможно, ошибка компьютера, капитан. Мы немедленно вам сообщим. Очень сожалею.

Я услышал, как в трубке прозвучал сигнал отбоя.

— Чтоб тебя черти взяли! — прорычал дежурный и бросил трубку, потом глянул на меня. — В чем дело, капрал?

— Капрал, мне нужен сержант транспортной службы.

— Он отбыл домой по семейным обстоятельствам. У него сдохла канарейка.

— Капрал, меня не интересует его личная жизнь. Кто его замещает?

— Капрал Гамин.

— Поставьте его в известность, что я иду.

— Хорошо. — Он взял телефонную трубку.

Я подошел к двери с надписью «ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» и рывком распахнул ее. Худощавый смуглый человек оторвался от компьютера и нахмурился.

— Вы капрал Гамин? — спросил я, затворяя дверь и раскрывая папку. — Если да, то у меня для вас хорошая новость.

— Да, я Гамин. В чем дело?

— В вашем жалованье. В расчетном отделе сказали, что из-за компьютерной ошибки вам в последнюю получку недоплатили свыше двух сотен. Вас просят немедленно подойти к кассиру.

— Я так и знал! В двойном размере вычли страховку и плату за стирку!

— Все они чертовы олухи. — Мне всегда казалось, что нет на свете, а особенно в армии, человека, который не сомневался бы в том, что ему недоплачивают жалованье. — Бегите к кассиру, пока он снова не потерял ваши деньги. Можно отсюда позвонить?

— Наберите сначала девятку. — Он затянул на шее галстук, надел китель, затем выдернул ключ из терминала. Экран погас. — Как пить дать, они должны мне куда больше. Сам проверю ведомости!

За его столом в кабинете была еще одна дверь, и сержант, к моей великой радости, ушел через нее. Едва он исчез, я бросился к двери, через которую входил, и высунул голову. Когда дежурный обратил на меня внимание, я обернулся и, крикнув через плечо: «Он вам тоже нужен, капрал?» — кивнул и позвал Мортона:

— Эй, новобранец, иди сюда!

Мортон вскочил как ужаленный и кинулся ко мне. Я запер за ним дверь.

— Располагайся поудобнее и не задавай вопросов. — Я стащил ботинок с ноги и достал отмычку. — Мне надо действовать быстро.

Он плюхнулся в кресло и безумными глазами следил за тем, как я оживляю терминал.

Все прошло как по маслу. Очевидно, человек, составлявший программу для компьютера, рассчитывал, что пользоваться ею будут круглые дураки. Наверное, он имел для этого основания. Я без труда вывел на экран дисплея информацию о последних перемещениях личного состава.

— Ага, вот куда мы с тобой отбудем через несколько минут. Форт Абомено. Ну-ка, Мортон, быстро назови свое военное имя и личный номер. — Введя в компьютер наши имена и номера, я включил принтер и получил две распечатки. — Великолепно! Мы теперь в безопасности, ибо только что отбыли в форт Абомено.

— Но... мы же здесь.

— Телом здесь, мой мальчик. По документам — а документы в армии главное — мы отбыли. Теперь мы защитим свои тела.

Я пробежал глазами списки командированных, вычеркнул две фамилии и, обернувшись к терминалу, быстро ввел нужные данные. Мы должны исчезнуть, пока не вернулся капрал. Принтер

мягко зашуршал и выбросил сначала один лист, потом второй. Я подхватил их, отключил терминал и махнул Мортону.

— Пошли. Выйдем через заднюю дверь. Расскажу, в чем дело, когда выберемся из здания.

Мы вышли на лестничную площадку. Навстречу кто-то поднимался по ступенькам. У меня екнуло сердце, но это, слава богу, оказался не Гамин. Его мы увидели в вестибюле, но он был довольно далеко и не смотрел в нашу сторону.

— Рекрут, направо! Левое плечо вперед! — тотчас скомандовал я, и мы свернули к первой попавшейся двери. За ней мы увидели лейтенанта. Тот стоял возле зеркала и расчесывал длинные волосы. То есть она стояла и расчесывала.

— Капрал, у вас что, кочан вместо головы? Не можете прочесть, что на двери написано? Только для женского состава.

— Простите, сэр, то есть, мэм, темно в вестибюле. Да и зрение у меня не в порядке. Рекрут, ты почему не прочитал надпись? А ну, шагом марш на гауптвахту!

Я вытолкал Мортона в вестибюль. Капрала Гамина было не видать, и я поволок своего несчастного спутника к выходу.

— Мортон, старайся идти быстро, но не привлекать внимания.

Мы вышли за дверь, спустились с крыльца и свернули за угол. Там я остановился и прислонился к стене. Вытерев пот со лба папкой, которую все еще держал в руке, я улыбнулся. Мортон смотрел на меня, разинув рот.

— Свобода и жизнь, — хихикнул я. — Нас с тобой передислоцировали. Наконец-то мы в безопасности.

— Я ровным счетом ничего не понимаю.

— Объясняю: с этого часа военные будут считать, что мы не на базе Мортстерторо, а отправлены в форт Абомено вместе с группой солдат. Нас там будут искать, но вряд ли найдут. Чтобы число прибывших в форт не расходилось с числом отправленных отсюда, двое солдат возвращаются обратно. На бумаге, конечно. Вот наши документы, капрал. Надеюсь, ты не против повышения в звании. Я теперь сержант. Мы займем их квартиры, будем есть их пайки и получать за них жалованье. Прежде чем откроется ошибка, пройдут недели, а может, и месяцы. Но к тому времени мы будем далеко отсюда. Ну, как тебе нравится моя идея?

— Ургль, — невнятно сказал Мортон. Глаза его закатились, и он упал бы, не успей я его подхватить.

— Крепись, дружище, — сказал я, прислонив Мортона к стене. — Я сам едва на ногах держусь. Что и говорить, денек нынче выдался еще тот!

Глава 11

Жажда и усталость — это сейчас не главное, хотя и то и другое давало себя знать. Забыть об этом. Звание дает определенные привилегии, но для этого надо иметь соответствующие регалии. Я встряхнул Мортона, он тупо заморгал.

— Держись, Морт, недолго осталось, — сказал я, приведя своего спутника в чувство. — Сейчас мы отправимся в гарнизонный магазин и кое-что приобретем, а после со спокойной совестью будем отдыхать. Ты способен идти?

— Нет. Я еле жив, мне страшно. Иди один, я не выдержу.

— В таком случае придется вернуть тебя сержанту Клутцу. А вот и он сам позади тебя.

Мортон взвизгнул и подпрыгнул: ноги пустились бежать еще до того, как их хозяин приземлился. Я едва успел схватить его за руку.

— Что ты, Морт, я пошутил. Хотел стимулировать выделение адреналина. Пойдем.

Адреналина Мортону хватило только на то, чтобы дойти до гарнизонного магазина. Там я прислонил его к стенке возле кассы и вручил свою папку.

— Стоять здесь, не двигаться и не выпускать папку из рук. Иначе я не знаю, что с тобой сделаю. В лучшем случае, освежую. Ясно, рекрут? — И шепотом спросил: — Какой у тебя размер одежды?

Он глупо заморгал. Повторив вопрос несколько раз и добившись наконец ответа, я направился к скучающему продавцу.

Получив все необходимое, в том числе несколько шевронов и тюбик с быстродействующим клеем, и расплатившись деньгами Гоу, я повел Мортона в уборную.

— Заходи в кабину один. А то еще подумают о нас невесть что. Сбрось свои обноски и надень вот эту форму. Давай пошевеливайся.

Пока он возился в кабинке, я наклеил сержантские шевроны поверх капральских. Когда Мортон управился с переодеванием, я подтянул его галстук и наклеил на рукав шеврон. Его старая форма вместе с папкой отправилась в очко, а мы — в бар для сержантского состава.

— Пиво или что-нибудь покрепче? — спросил я, усадив Мортона за столик.

— Я не пью.

— С этого дня пьешь. И ругаешься. Ты в армии, не забывай. Посиди, я сейчас вернусь.

Я заказал две двойные порции чистого этилового спирта и две кружки пива, вылил спирт в пиво и вернулся к нашему столику.

Мортон не посмел ослушаться и залпом выпил полкружки. Потягивая свой «коктейль», я любовался его розовеющим лицом и вытаращенными глазами.

— Не знаю, как и благодарить тебя...

— Никак. Ведь я пытаюсь спасти собственную шкуру, а ты всего-навсего составляешь мне компанию.

— Кто ты, Жак? Зачем ты делаешь то, что делаешь?

— Если я скажу, что я шпион и пытаюсь выведать военные тайны, — ты поверишь?

— Да! — мгновенно ответил Мортон.

— Н-да. Так вот, я не шпион. Я такой же рекрут, как и ты. Хотя признаюсь, что до призыва жил не в Пенсильдельфии, а гораздо дальше. Ну, допивай, ты, я вижу, быстро учишься. Пойду возьму еще пару пива и чего-нибудь пожевать.

Мортон набросился на еду с волчьим аппетитом; я же ел неторопливо, раздумывая о том, что делать дальше. Потом заказал еще по кружке (кошелек Гоу казался бездонным) и сигару.

— Ух, как вкушно! — восхищался Мортон с набитым ртом. — Жак, ты жамешашельный парень, просто жамешашельный!

— Вздремни, — посоветовал я, видя, что его глаза съезжаются к переносице, а лоб вот-вот стукнется о стол. — Проснешься новым человеком.

Я неторопливо прихлебывал из кружки — хотелось, чтобы пиво и спирт бодрили, а не туманили рассудок. Бар пустовал, только через столик от нас в той же позе, что и Мортон, похрапывал сержант. Наверное, нализался того же, что и мы. Простые радости военной жизни...

Мне вспомнилась военная служба на Спайовенте, потом Слон, а потом и негодяй, по чьей вине он погиб.

— Я не забыл тебя, капитан Гарт, не надейся! — пробормотал я. — Последние дни я заботился только о том, чтобы выжить, но теперь выхожу на твой след. Ведь мы с тобой в одной армии, на одной базе.

Голова вдруг отяжелела, и я поставил кружку. День выдался трудный, я вымотался не меньше, чем Мортон. Музыкальный автомат гипнотизировал кантри и «музыкой угольных копей», казалось, весь мир погружается в сон. Но так продолжалось недолго.

Услышав подозрительный шорох, я взглянул на коробки, которыми была заставлена стена. Среди них кто-то возился. Вскоре показался острый носик и подрагивающие усы. Крыса замерла, уставясь на меня.

— Кыш отсюда, если не хочешь в суп. — Я хихикнул, довольный остротой.

— Джим ди Гриз, мне необходимо с тобой поговорить! — пробасила вдруг крыса.

Да, денек выдался еще тот. Даже не заметил, как поехала крыша.

— Брось! Ты — вовсе не крыса, а плод моего больного воображения. — С этими словами я схватил кружку и мигом осушил.

— Разумеется, я не крыса. Я — капитан Вародиз флота Галактической Лиги.

Очень осторожно, чтобы не разбудить Мортона (это моя галлюцинация, и я должен сам с ней разобраться), я завладел его кружкой. И ехидно произнес:

— А вы маленько усохли со дня последней нашей встречи.

— Хватит корчить из себя идиота, ди Гриз! Выслушай меня. Эта крыса — робот-шпион, управляемый с базы. Ты обнаружен и опознан.

— Кем? Крысой?

— Заткнись. Время дорого, военные в любую минуту могут засечь передатчик крысы. Нам нужна твоя помощь. Ты — первый агент, сумевший проникнуть на территорию этой базы...

— Агент? А я считал себя преступником, которого хотят вернуть домой и отдать под суд.

— Я же сказал — нам нужна твоя помощь. Мы не шутим, речь идет о человеческих жизнях. Генералы замышляют вторжение на материк. Мы узнали об этом из перехваченных радиограмм, но где произойдет высадка, нам неизвестно. Вторжение может привести к неисчислимым жертвам. Надо во что бы то ни стало узнать планы генералитета...

Дверь с грохотом распахнулась, в бар ворвались офицер с пистолетом в руке и техник, увешанный радиоаппаратурой.

— Сигнал идет отсюда, сэр! — заявил техник, указывая точнехонько на меня.

— Какого черта этот вшивый рядовой лезет в сержантский бар?! — заорал я, вскакивая и пиная коробку под крысой. Металлическая зверушка упала на пол, и я раздавил ее каблуком.

— Не дергайся, сержант, — сказал офицер. — Идет розыск...

— Сэр, передача прекратилась! — доложил техник, взглянув на экран пеленгатора.

— Дьявол! — выругался офицер, засовывая пистолет в кобуру. — Должно быть, передатчик за стеной, на улице. Не у этих же алкашей.

— Да, сэр, должно быть, на улице. Переносная модель.

— За мной!

Когда за ними захлопнулась дверь, я спросил у бармена:

— Часто здесь такое случается?

— Да, сэр. База у нас еще та.

Мортон вовсю храпел. Я потрогал носком ботинка останки стальной крысы. Предзнаменование? Из крысы вывалилась и покатилась шестеренка.

— Налей-ка мне еще одну, — попросил я бармена. — И себе, поскольку оба этих типа дрыхнут без задних ног. — Я кивнул в сторону Мортона и незнакомого сержанта.

— Щедрая у вас душа, сэр. Только что прибыли?

— Сегодня.

— Да, сэр, база у нас...

Голос бармена утонул в громовом раскате — сам собой включился телевизор. Военный диктор в черном зарычал с экрана:

— Высадившийся в Мархавено шпион опознан. Ему удалось выдать себя за безобидного рекрута и внедриться в армию. Это установлено благодаря решительным действиям полиции, обнаружившей его гражданскую одежду.

Тоже мне, решительные действия! Я сам послал в участок шмотки, и теперь, должен признаться, шутка не казалась мне такой остроумной. Диктор исчез с экрана, появился другой офицер.

— Внимание! — рявкнул он. — Никого не выпускать за территорию базы. Запереть все ворота, прекратить вылеты авиатранспорта. Шпион, высадившийся в бухте Мархавено, проник на базу.

У меня в груди запрыгало сердце, но утихомирилось, едва на экране появилось фото Жака. Я все еще опережал сыщиков на целый корпус. Скоро они выяснят, что Жак 5138 покинул базу, и пойдут по ложному следу. Забрав со стойки кружку, я вернулся за столик и встретил затравленный взгляд Мортона.

— Хочешь пивка?

Мортон не ответил, но показал на экран дрожащим пальцем.

— А, ты слышал... Какой же это шпион, если позволил загрести себя в армию? Бьюсь об заклад, к вечеру его схватят и прикончат. — Заметив, что у Мортона дрожат губы, я наклонился к нему и прошептал: — Пока они обыщут базу, пройдет немало времени.

— Нет, Жак. Они ведь знают, где искать. Сразу выйдут на сержанта Клутца, а он доложит, что передал нас капралу Гоу. А Гоу скажет, что...

— И след потеряется. Чтобы прочесать такую огромную базу, надо несколько дней. Ума-то у них не хватит проверить данные компьютера.

— Внимание! — на экране снова появился диктор, потряс листком бумаги и сообщил: — Поступила новая информация. Шпион и его пособник незаконно воспользовались компьютером и офор-

мили свой перевод на другую базу. Персонал компьютера взят под арест и, вероятно, будет расстрелян.

Я отвернулся, чтобы не смотреть Мортону в глаза.

— Теперь они точно знают, где искать, — глухо произнес он. — И скоро выяснят, что мы вовсе не покидали базу.

Я рассмеялся — надо заметить, очень ненатурально.

— Не так скоро, Морт. Может, через день, а то и через неделю. А полчаса у нас все же есть.

Он дернулся всем телом, будто получил удар в десять тысяч вольт, и вскочил на ноги. Я усадил его обратно и глянул на бармена. Тот смотрел телевизор.

— Ты прав, — сказал я. — Мы уйдем отсюда, но не спеша. Вставай. Иди за мной.

Мы двинулись к двери. Бармен взглянул в нашу сторону.

— Где казарма для командированных? — спросил я.

— Через черный ход и направо. Счастливо.

— Спасибо. Пока.

Мы вышли через черный ход и свернули налево. Смеркалось. Это обнадеживало.

— У тебя есть план? — с надеждой в голосе произнес Мортон. — Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Конечно. — Я хлопнул его по спине. — Каждый шаг продуман заранее, не волнуйся. — Веселье в моем голосе явно звучало фальшиво, но я надеялся, что Мортон этого не заметил. Необходимо было, чтобы он думал, будто я знаю, что делаю, — иначе он мог сломаться. Я шел на ложь во спасение его боевого духа.

А как насчет моего собственного духа? До сих пор мне удавалось удерживать его на относительно большой высоте, но я чувствовал, что черная паника уже стучится в двери моего сознания.

Мы шли по улице, заполненной военными. Загорались фонари. Сколько нам еще гулять на свободе? Ответ пришел сразу, и был он неутешителен: недолго. Паника застучала громче.

Я слышал, будто приговоренные к повешению проявляют чудеса изобретательности. Виселица мне не грозила, но в затылок дышало не менее страшное наказание, заставляя меня шевелить извилинами. Когда мимо прошел офицер, я остановился, провожая его взглядом, пока он не исчез в толпе. Мортон слабо вцепился в мой рукав.

— Что случилось? Что-нибудь не так?

— Ничего не случилось. Все так. Теперь я точно знаю, куда идти.

— Куда?

— Не спрашивай. Иди, куда я скажу. Я помню, где он. Видел по дороге.

— Кого видел?

— Не кого, а что. ДОС. — И пояснил, глядя в изумленные глаза: — Дом офицерского состава. Там живут офицеры, когда не пьянствуют в баре и не издеваются над нижними чинами. Туда мы и пойдем.

Я показал на ярко освещенное здание. У парадного стояли часовые, а из двери то и дело выбегали офицеры.

— Но это же самоубийство! — В голосе Мортона появилась истерическая нотка.

— Ну-ну, успокойся. Мы же не через парадный вход войдем. Это действительно было бы самоубийством. Но там, где есть парадный, должен быть и черный ход. Видишь, сколько народу на улице? Очевидно, всех подняли по тревоге и заставили разыскивать нас. — Я мрачно хохотнул, он глянул на меня, как на сумасшедшего. Может, так оно и было. Это скоро выяснится.

За домом находился садик, обнесенный высокой стеной. Вдоль стены шла темная аллея. Как раз то, что нужно. Над калиткой горела лампочка. Приблизившись, я прочел табличку: «Только для офицеров». Стуча зубами, Мортон следил за тем, как я достаю из сапога отмычку. Я старался не поддаваться панике, исходившей от Мортона, но она оказалась очень заразна. Сжав его предплечье, я сказал:

— Успокойся, Морт. Замочек совсем простенький, мигом справлюсь.

Не тут-то было. Отмычка провернулась вхолостую.

— Сюда кто-то идет! — простонал Мортон.

— Вот черт! — пробормотал я, обливаясь потом. — Я ведь такие замки с закрытыми глазами отпирал.

— Уже близко.

Я скомандовал себе: «Закрой глаза» — и целиком сосредоточился на замке и отмычке. Наконец раздался щелчок.

— Быстрей! — Я втащил Мортона в сад и запер калитку. Мы прижались к стене и, дрожа, слушали приближающиеся шаги.

— Я же говорил, все будет в порядке, — сказал я, когда шаги стихли в отдалении. Мортон стучал зубами и не заметил, как голос мой предательски дрогнул. — Смотри, какой милый садик! Дорожки для прогулок, скамеечки для любви, все, что необходимо для офицерского счастья. А за садиком — темные окна. Знаешь, почему они темные? Потому, что там никого нет, все отправились ловить нас с тобой. Осталось всего ничего — открыть одно из этих милых окошек и...

— Зачем, Жак?

— Разве ты еще не понял? Офицеры сейчас ищут рекрутов. Когда компьютер даст новые сведения, они примутся искать капрала и сержанта. Поэтому надо забраться в дом и стать офицерами. Только так.

Я подхватил его бесчувственное тело и опустил на траву.

— Хорошо, старина. Полежи, отдохни. Я мигом.

Третье окошко оказалось незапертым. Я заглянул в комнату. Неубранная постель, открытый шкаф. Великолепно.

При моем появлении Мортон, успевший сесть, съежился и схватился за голову. Я вовремя зажал ему рот ладонью.

— Тихо! Все в порядке. Мы у цели.

С моей помощью Мортон перевалился через подоконник на кровать. Забравшись в комнату, я запер окно на шпингалет. Из дверного замка торчал ключ. Это оказалось весьма кстати.

— Все, — сказал я Мортону. — Лежи и набирайся сил. Я тебя запру. В доме, кажется, никого, надеюсь управиться быстро.

В ДОСе и впрямь не было ни души, поэтому я не торопился, выбирая нужные вещи. Потом возвратился к Мортону и бодро заявил:

— Новая форма — новый человек. Одевайся, а капральский мундир давай сюда. Ну-ка, дай завяжу галстук, у тебя пальцы потные.

Вскоре, одетые с иголочки, мы вышли в освещенный коридор, оставив сержантскую и капральскую форму в сортире, в корзине для использованной бумаги. В коридоре Мортон взглянул на меня и, вскрикнув, отпрянул.

— Успокойся, ты выглядишь точно так же. Разница лишь в том, что ты лейтенант, а я — капитан.

— Н-но... — пролепетал он. — Т-ты же... военный полицейский?

— И ты. К фараонам никто не привяжется.

Мы свернули за угол и оказались у выхода. Стоявший в дверях с папкой в руках майор довольно осклабился, увидев нас.

— Ага! Вас-то я и ищу!

Глава 12

Я вытянулся по струнке и козырнул майору, всей душой надеясь, что Мортон не настолько ошалел от страха, чтобы не последовать моему примеру.

Возле майора стоял часовой. «Интересно, — подумал я, — успеет ли он вытащить пистолет, пока я буду заниматься майором?»

Действительно интересно. Майор уставился на свой планшет. «Вперед — сделай его!» Он поднял глаза, как только я сделал движение вперед. Часовой тоже смотрел на меня. Я качнулся назад.

— Не застал вас на аэродроме, — сказал он. — Значит, вы прилетели предыдущим рейсом. Но в списке командированных указано два капитана. Кто этот лейтенант?

Список командированных? Два капитана? Я заставил опуститься полезшие на лоб брови и озадаченно спросил:

— Может быть, ошибка, сэр? Сегодня такой суматошный день. Разрешите взглянуть на список?

Он что-то проворчал и протянул мне папку. Я провел пальцем по списку и остановился на двух нижних именах. Вернул папку майору.

— Так и есть, сэр — ошибка. Я — капитан Дрем. А это Хеск, не капитан, как здесь напечатано, а лейтенант.

— Ладно, — майор внес в список поправку. — За мной — шагом марш!

Мы подчинились. За дверью стоял грузовик, битком набитый военными полицейскими (надо заметить, весьма неприятное зрелище). Майор забрался в кабину, а я помог Мортону подняться в кузов и залез сам. Причем очень быстро, ибо не хотел, чтобы майор увидел то, что увидел я, а именно двух военных полицейских, идущих к машине. Заглянув в кузов, они состроили брезгливые гримасы и направились к парадной. Я огляделся и понял, почему они скривились, — кроме нас с Мортоном, в грузовике не было ни одного офицера.

— Что у вас тут, заседание дамского клуба? — прорычал я. — А ну, заткнитесь и уплотнитесь.

Полицейские быстро и беспрекословно подчинились. Мы с Мортоном уселись на скамью, любезно предоставленную нам нижними чинами и унтер-офицерами. Грузовик тронулся с места, и я с облегчением вздохнул.

Нас мотало и бросало в ночи, на меня навалилась усталость. Это был тот еще денек.

— Капитан, вы, случаем, не знаете, куда нас везут? — обратился ко мне дородный сержант.

— Заткнись!

— Благодарю вас, сэр.

После этого обмена любезностями никто не рискнул завести разговор. Наконец грузовик остановился.

— Вылезай! — приказал майор. — Капитан, следуйте за мной.

— Постройте людей, лейтенант, — приказал я Мортону. Он шагнул ко мне с белым от отчаяния лицом.

— Как... что... я не могу, — прошептал он.

— Прикажи сержанту это сделать, — ответил я ему негромко. — Передай другому — это армейский закон.

Я подбежал к майору, который возился с ключами у входа в огромное здание, и застыл как вкопанный перед огромными афишами у входа. Афиши были трехмерными, очень красочными, с изображениями множества голых девиц.

— Перестаньте пялиться, капитан! — рявкнул майор, и я вытянулся по струнке, не отрывая глаз от вывески: «ГАРНИЗОННЫЙ ТЕАТР — ТОЛЬКО ДЛЯ ОФИЦЕРОВ». Майор отыскал нужный ключ и открыл замок. — Сегодня представления не будет, — сказал он, — а будет чрезвычайное заседание. Совершенно секретное. Сейчас прибудут техники и осмотрят театр на предмет подслушивающих устройств. Я приставлю к каждому технику полицейского, а вас назначаю ответственным. Составите списки личного состава и отдадите мне. Ясно?

— Да, сэр.

— Сейчас я лично проверю, заперты ли все двери, кроме парадной. У нас с вами всего час, действуйте.

Я отдал честь и, проводив майора взглядом, попытался понять, что все это значит. Раздумья были прерваны скрежетом тормозов — к поребрику приткнулся грузовик. Из кабины выскочил сержант и вскинул руку к козырьку.

— Ну, и кого же вы нам привезли? — спросил я.

— Техников, сэр. Нам приказано...

— Знаю, что приказано. Выгрузить и построить.

— Есть, сэр.

Я подошел к аккуратной шеренге военных полицейских и ткнул пальцем в Мортона.

— Вы, лейтенант Хеск, займете пост у входа. Никого не впускать и не выпускать без моего разрешения.

Мортон оглянулся через плечо, и у меня екнуло сердце. Все же новое имя не выветрилось у него из головы — он поплелся ко входу. Окинув шеренгу мрачным взглядом и остановив его на правофланговом — седом сержанте с лицом, напоминающим старый сапог, и множеством шевронов на рукаве, — я состроил злобную гримасу и процедил сквозь зубы:

— Вы — старший унтер-офицер?

— Да, сэр.

— Отлично. Слушайте приказ. Приставить к каждому технику по одному полицейскому. Всех сосчитать и переписать, да без ошибок. И пеняйте на себя, если что. Вопросы есть?

— Никак нет, капитан.

Сержант повернулся на каблуках и с наслаждением выпустил воздух из легких. От его рева с ближайших голов слетели кепи. Кивком выразив одобрение, я подошел к парадной и встал рядом с Мортоном.

— Намечается что-то важное, — тихо сказал ему я. — Через час здесь начнется чрезвычайное заседание, а мы отвечаем за охрану. Не знаю, как тебе, а мне это кажется интересным.

Мортон застонал, а я пошел посмотреть, как выполняются мои распоряжения.

Техники сняли ранцы и настраивали приборы на контрольных панелях, висевших на груди. Один солдат направил датчик на грузовик, и я заметил, как дрогнула стрелка на приборе. В головных телефонах, висевших у него на шее, отчетливо пискнуло.

— Капитан, тут неисправность.

Я обернулся.

— В чем дело, сержант?

— Он говорит, у него что-то не ладится. — Сержант вцепился в руку помертвевшего от страха техника, как собака в кость.

— Батарейка, сэр... — прохныкал солдат. — Села, сэр... И замыкание...

— Ясно, саботаж. Сержант, арестуйте его. На рассвете — расстрелять.

Сержант ухмыльнулся. Техник застонал. Я приблизил к нему лицо и процедил сквозь зубы:

— Или тебе хватит шестидесяти секунд, чтобы починить прибор?

— Так точно, сэр! Я все сделаю! Все исправлю!

Он затопал прочь, огорченный сержант — следом. Я был доволен тем, как вжился в роль, хотя знал, что утром себя возненавижу.

Вскоре к нам прибыло подкрепление. Вернулся майор и распределил полицейских вокруг театра. Двоих он поставил возле Мортона. Глядя на них, мой приятель дрожал как осиновый лист, и я поспешил на помощь.

— Можете открыть дверь, лейтенант. Кроме техников и сопровождающих, никого не впускать. И считайте по головам всех входящих и выходящих.

Под окрики сержанта обыск театра закончился без проволочек. Когда техники грузили свой скарб в грузовик, подъехала первая машина с начальством.

— Каковы результаты, сержант? — спросил я.

— Куча пивных банок и тому подобного хлама. Все чисто, капитан.

— Отлично. Уберите солдат с глаз долой, но не отпускайте и держите неподалеку. Они могут понадобиться.

— Что происходит? — спросил Мортон.

— Хороший вопрос. Большое, тайное и очень внезапное заседание. Взгляни на тех типов, что выходят из машины. У них звания не ниже штаб-офицерских.

— Раз так, надо уносить отсюда ноги.

— Зачем? Где ты найдешь более надежное укрытие? Мы же охрана, никто нас не заподозрит. Посмотри вон на того, девять звездочек на погоне, крупная шишка! А тот, что рядом, вырядился-то как! Странная форма, впервые такую вижу. Наверное, спецвойска какие-нибудь.

Офицер обернулся, и я увидел серебряный череп на его погоне. Другой такой же череп блестел над козырьком кепи. А под козырьком — знакомые глаза.

Капитан Гарт! Бывший капитан венианского торгового корабля! Человек, из-за которого погиб Слон!

— Стой здесь, — велел я Мортону и отошел в тень. Как только Гарт направился к парадной, я двинулся наперерез. И оказался у него за спиной, когда он подошел к майору.

— Генерал Зеннор, почти все на месте, — услышал я слова майора, проходя мимо.

— Когда придет последний, сообщите мне и заприте дверь.

Я дождался, когда Гарт скроется в здании, и вернулся к Мортону.

— Что все это значит? — спросил он.

— Пустяки. Тебя это не касается.

Итак, Гарт уже не капитан мирного корабля. Генерал Зеннор. А может, он и тогда был генералом? Интересно, что они затеяли, эти генералы?

Я так глубоко задумался, что не услышал зов майора. Спасибо Мортону, наступившему мне на ногу.

— Да, сэр. Вы меня, сэр?

— Вы что, Дрем, заснули?

— Никак нет, майор. Задумался о том, как бы сделать охрану надежнее.

— Похвально. Только пусть этим занимаются ноги, а не голова. От ног больше проку. Проверьте посты возле каждой двери.

Я с радостью козырнул. Возможно, это тот самый счастливый случай, которого я дожидался.

— Лейтенант! — позвал я Мортона. — В обход постов — за мной, шагом марш.

Шагая вдоль стены, я азартно потирал руки.

— Мортон, тут происходит что-то важное. И я хочу узнать, что именно.

— Пожалуйста, не надо!

— В другое время охотно выполнил бы твою просьбу. Но сейчас нам необходимо выяснить, зачем сюда съехалось начальство. Видел, какие на них мундиры? А мне нынче одна крыса нашептала, что они готовят вторжение. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы смекнуть, что это совещание напрямую связано с войной. Вопрос в том, как на него попасть.

Мы приблизились к боковому входу. Завидев нас, постовой вытянулся и отдал честь. Я толкнул дверь — заперта. Взглянув на часового, я осклабился.

— Когда тебя здесь поставили, дверь была заперта?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь пытался войти?

— Нет, сэр.

— Что тебе приказано?

— Убить любого, кто попытается войти, сэр. — Он положил ладонь на рукоять пистолета.

— В том числе и непосредственное начальство? — заорал я ему в ухо. Он покачнулся и отдернул руку от оружия.

— Никак нет, сэр.

— Так вот, знай: ты ответил неправильно, и тебя надо расстрелять за невыполнение приказа. Офицер, проверяющий посты, имеет право прикоснуться к двери, проверить, заперта ли. Если он попытается войти, ты обязан убить его на месте. Ясно?

— Так точно, сэр!

— Отставить улыбку! Я вижу, тебе по душе эта идея.

— Да, сэр. То есть нет, сэр.

Я порычал на него еще малость, и мы с Мортоном двинулись дальше. У двери на противоположной стороне здания я остановился, подергал ручку и взглянул на металлическую лестницу, ведущую на крышу.

— Что это?

— Пожарная лестница, сэр, — ответил часовой.

— Наверху есть охрана?

— Да, сэр.

Мортон полез следом за мной по лязгающим перекладинам. В пути я ненадолго остановился, чтобы достать из сапога отмычку. На крыше нас встретил охранник. Он успел наполовину вытащить

из кобуры пистолет, прежде чем я поинтересовался ледяным тоном:

— Уж не в меня ли ты стрелять собрался, дружок?

— Нет, сэр. Виноват, сэр.

— А знаешь ли ты, что солдата, поднимающего оружие на офицера, отдают под трибунал!

— Что вы, сэр, я не поднимал! Я здесь один, вижу, кто-то идет...

— Не верю, солдат! Что-то здесь не так. Ну-ка, отойди от двери и встань возле лейтенанта.

Как только он отвернулся, я вставил отмычку в замок, мгновенно провернул и шагнул назад.

— Солдат, дверь заперта?

— Да, конечно, сэр. Меня для того и поставили здесь, чтобы...

Он умолк, едва я легким толчком отворил дверь.

— Солдат, вы арестованы. Лейтенант, отведите его к майору. Доложите о том, что случилось, и вместе с майором вернитесь сюда. Выполняйте.

Как только они скрылись из виду, я вставил отмычку в замочную скважину, провернул и с силой нажал. В замке хрустнуло. Спрятав отмычку, я шагнул в дверь и тихонько затворил ее за собой. Пройдя по длинному коридору, я вскоре оказался у занавешенного пыльными портьерами входа в зал. Слегка раздвинув портьеры, прислушался.

— ...необходимо соблюсти полную секретность до самого старта. Пакеты с приказами не распечатывать до часа «Х». Места сосредоточения отмечены на...

Я узнал Гарта по голосу. Вот он передо мной, водит указочкой по карте. Я внимательно посмотрел на карту, отпустил портьеры и пошел обратно.

По лестнице кто-то торопливо поднимался. Вскоре над крышей появилась голова майора.

— Что случилось?

— Не могу понять, сэр. Мне показались подозрительными действия часового — его оружие находилось не в кобуре, а в руке. Вдобавок дверь оказалась незапертой. Я решил вам сообщить, сэр.

— Быть этого не может! Я сам ее запирал! — От его прикосновения дверь отворилась. Майор побледнел. — Вы входили?

— Разумеется, нет. Мне не положено. Может быть, замок неисправен?

— Может быть. — Он достал связку ключей, выбрал нужный, вставил в скважину и провернул. — Не запирается!

— Позвольте попробовать, сэр.

Взяв ключи из его ослабевших пальцев и повозившись с замком, я, естественно, большого успеха не добился. Возвратив майору ключи, я тихо произнес:

— Плохо дело, сэр, начальство встревожится, начнет искать виноватых. Боюсь, вам грозит взыскание. Я позабочусь о том, чтобы охранник держал язык за зубами. Потом вызову сварщика, чтобы он заварил дверь наглухо. Наверное, так будет лучше, майор?

Майор посмотрел на меня, на дверь, на ключи, которые по-прежнему держал в руке. Сунул ключи в карман и расправил плечи.

— Вы правы, капитан. Ни к чему по пустякам беспокоить начальство. Немедленно отправляйтесь за сварщиком, а я покараулю у двери.

— Слушаюсь, сэр. Положитесь на меня.

Мортон ждал меня под лестницей, рядом стоял насмерть перепуганный полицейский. Я смерил паренька испепеляющим взглядом.

— Солдат, я собираюсь вас пощадить, хоть это и нарушение устава. Думаю, разумнее всего будет замять это происшествие. Как вас зовут?

— Пип 7812, сэр.

— Ладно, Пип, можете возвращаться в расположение части. Но учтите, если до меня дойдут слухи насчет замков и прочего, вас не станет в течение двадцати четырех часов. Ясно?

— Какие замки, капитан? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Очень хорошо, Пип. Передайте сержанту, чтобы немедленно прислал ко мне сварщика с оборудованием. Шевелись.

— Что все это значит? — спросил Мортон.

— Близится война, мой друг. Теперь я знаю, зачем сюда съехалось начальство. Мне известен план вторжения.

Единственный вопрос — какой мне прок от этих сведений?

Глава 13

К концу заседания я постарался оказаться подальше от входа в театр. Было очень маловероятно, что Зеннор как следует запомнил меня в бытность свою капитаном Гартом, но чем черт не шутит. На всякий случай я решил не маячить на глазах у «начальства».

Солдат построили и пешим порядком отправили в казарму — когда в них не было срочной нужды, их не баловали удобной транспортировкой. Майор предложил подбросить нас на своем автомобиле, но я отказался.

— Зря, могли бы подъехать, — прохныкал Мортон.

— Куда, в тюрьму? Чем дальше мы от начальства, тем спокойнее.

— Я устал!

— А кто не устал? Не говоря уже о том, что проголодался. Пошли, найдем местечко, где можно тряхнуть кошельком Гоу...

— Джим... Джим ди Гриз...

Звук был очень высок, на пределе слышимости. Я встревожился — уж не слуховая ли галлюцинация? — и оглянулся, но, кроме Мортона, поблизости не было ни души.

— Ты что-нибудь слышал?

— Нет. А что, должен был?

— Не знаю. У меня в ухе что-то прожужжало.

— Может быть, с тобою моль разговаривает? Ха-ха.

— Сам ты ха-ха. Что еще за моль?

— Разве не видишь? Сидит на твоем капитанском погоне. Стряхнуть?

— Нет, оставь.

Я повернул голову и, поморгав, краем глаза увидел моль. Она вспорхнула и уселась мне на ухо.

— ...Иди... аэрогропл... сейчас же!

— Не понимаю.

— Это потому, что я не говорю.

— Мортон, заткнись. Я не с тобою разговариваю, а с молью.

У него отвисла челюсть, он быстро отошел в сторонку.

Не обращая на него внимания, я сказал:

— Повтори.

— Аэродром... иди на аэродром.

— Ладно, понял, иду на аэродром.

Моль улетела, а я похлопал Мортона по плечу. Его била крупная дрожь.

— Взбодрись и пошли. И перестань пялиться на меня, как на психа. Моль — всего-навсего связной.

— Чей связной?

— Много будешь знать — плохо будешь спать.

— Все-таки ты шпион, правда?

— И да и нет. Я здесь по своим делам, но кое-кто попытается этим воспользоваться. Понял?

— Нет.

— Вот и хорошо. Пошли искать аэродром. Могу предположить, что он находится там, где горят огни и садятся самолеты. Идешь со мной?

— А что еще мне делать? Разве можно снова пробраться в казарму и сделать вид, будто ничего не случилось?

— Сам знаешь — нельзя.

Он с тяжким вздохом кивнул.

— Знаю. Только никак не могу понять, что мы делаем. Чем все это закончится?

Дельный вопрос. Правда, ответить на него пока совсем не просто.

— Честно говоря, не знаю. Но, поскольку я втравил тебя в эту историю, даю слово, что первоочередная моя задача — избавить тебя от забот и хлопот. Как — лучше не спрашивай.

— Брось, ты ни в чем не виноват. Ведь это я распустил язык перед тем дерьмовым капралом, с чего все и началось.

Ведя непринужденную беседу, мы приближались к аэродрому. Дорога, по которой мы шли, огибала поле, обнесенное высокой проволочной оградой, освещенной яркими фонарями. По ту сторону ограды росла трава и тянулись взлетно-посадочные полосы. Вспугнув стаю черных птиц, приземлился огромный транспортник. Он покатил по полосе, и стая сразу опустилась в траву. Одна птица раскинула крылья и перемахнула через ограду. Опустившись на дорогу и свесив голову набок, она заговорила человеческим голосом:

— Ты не один.

— Как видите. Ничего, он за нас. Это вы, Варод?

— Нет. Капитан Варод сменился с дежурства.

— Позовите его. Я не стану разговаривать с каждой старой вороной.

— Ладно. До связи.

Птица повернулась кругом, раскрыла клюв и умчалась со свистом, не махая крыльями.

— Реактивный двигатель, — заметил я. — Воздухозабор через клюв. Сопло примерно там, где оно может находиться по нашему представлению. Пошли.

Послышался приближающийся рев сирены — по дороге мчался автомобиль. Он притормозил, поравнявшись с нами, и тарелка пеленгационной антенны уставилась на нас. Затем машина двинулась дальше.

— А ловко они засекают радиопередачу, — заметил я.

— А что, в птице есть рация?

— Помимо всего прочего. Похоже, она действует в автономном режиме и имеет логические цепи, которые подсказывают ей держаться стаи. Засечь ее можно только во время радиоконтакта с ба-

зой... Тебе это не интересно. Как и то, кто послал птицу. Но могу тебя заверить, что эти люди не хотят неприятностей твоей стране.

— А почему? — возбужденно спросил он. — Скажи им, пусть берутся за дело: избавят нас от вояк и их прихвостней и снова устроят выборы. Знаешь, сколько уже длится военное положение? Я подсчитал: так называемое временное военное положение введено двести лет назад. Передай друзьям этой птички, пусть причинят военным все неприятности, какие только смогут.

— Я все слышал, — пробасила птица, выныривая из сумрака и усаживаясь мне на плечо. — Нет, неприятностей мы не хотим...

— Варод, замолчите, — оборвал я. — С минуты на минуту вернется пеленгатор, нет времени на болтовню. Я узнал кое-что насчет вторжения.

Птица скосила на меня глаз и кивнула.

— Прекрасно, — сказала она. — Излагай, я записываю. Где они решили высадиться?

— На другой планете. Они готовят космический флот.

— Ты уверен?

— Уверен. Я подслушал.

— Название планеты?

— Не имею представления.

— Я вернусь. Только уведу подальше пеленгатор.

Птица взмыла в небо, оставив в воздухе инверсионный след, и, не прекращая передачи, уселась на кабину проезжавшего мимо грузовика. Через минуту пеленгатор развернулся и помчался вслед за грузовиком.

Мы пошли дальше.

— Ты говорил насчет вторжения. Что ты узнал?

— Только то, что ты слышал. А командует десантом генерал Зеннор. Из его слов я сделал вывод, что все начнется очень скоро.

Раздался свист, меня хлестнуло струей горячего воздуха, острые когти прямо через кепи впились в череп.

— Ты должен выяснить, на какую планету они решили напасть.

— Сами выясняйте. Проследите за ними, когда стартуют.

— Невозможно. Ближайший крейсер с аппаратурой слежения в четырех днях пути отсюда. Он может опоздать.

— Ладно, попробую что-нибудь сделать. О-ой!

Я потер затылок, с которого при взлете птицы исчезло некоторое количество волос, и поднял с земли кепи.

Мы свернули за угол. Мимо пронесся пеленгаторный автомобиль.

— Давай смешаемся с толпой, — сказал я Мортону. — А то экипаж пеленгатора заподозрит нас, если будет встречать везде, где работает рация.

— А нельзя ли смешаться с толпой, которая ест и пьет?

— Неплохая идея. И я как раз знаю, куда надо ехать.

С этими словами я вышел на середину дороги и поднял руку перед грузовиком. Водитель поспешно нажал на тормоза, покрышки взвизгнули, и грузовик остановился.

— Что, дружок, превышаешь скорость? — прорычал я.

— Виноват, капитан, я вас не заметил...

— Я знаю, почему ты меня не заметил. У тебя одна фара не горит, вот почему. Но я сегодня добрый. Если подбросишь нас к офицерскому клубу, я, может, вовсе позабуду, что видел тебя.

Не скажу, что у водителя был другой выбор.

Он высадил нас у клуба и поехал дальше. Мы вошли в обитель радостей земных, почти не отличавшуюся от клуба для сержантов, разве что здесь были официантки. Примерно четверть столиков была занята; видимо, большинство офицеров базы находились при исполнении. Перед нами с похвальной быстротой поставили кружки с пивом и тарелки с бифштексами, и мы с голодным рычанием набросились на еду. К концу трапезы в дверях появился офицер и засвистел в свисток.

— Ага! Вот вы где! А ну, выметайтесь! Все до одного! Сбор по тревоге! Транспорт ждет снаружи. Это и вас касается. — Его палец указал на нас.

— А при чем тут мы, полковник? Мы только что сменились.

— А сейчас снова заступите! И не злите меня, ребята, — вы, я вижу, наелись, а у меня крошки во рту не было.

— Выходим, сэр!

Вслед за остальными посетителями клуба мы с Мортоном выскочили за дверь и забрались в стоявший у тротуара автобус. Последним по ступенькам автобуса поднялся полковник, и мы поехали.

— Внимание! — перекрывая шум двигателя, закричал полковник. — Сейчас вы узнаете то, что вам положено узнать. По причинам, вас не касающимся, командование изменило свои планы. Вы идете в бой. Идете немедленно.

Пассажиры автобуса восприняли это известие с воплями возмущения, но полковник всех переорал:

— Молчать! Я знаю, все вы — толстопузые, плоскозадые штабные крысы. Но не забывайте, вы еще и солдаты. Из-за того, что командование изменило свои планы, не все боевые офицеры успели вовремя прибыть на базу. Вы, господа, только что добровольно вы-

звались их заменить. Вы получите обмундирование и полевую форму, примете под свое начало подразделения и погрузитесь на транспорт. В полночь старт.

Полковнику надоели жалобы и протесты: он вытащил из кобуры зловещий пистолет и прострелил крышу автобуса. Затем навел на нас дымящийся ствол. Мгновенно воцарилась тишина.

— Вот так-то лучше, — сказал он. — Все вы — вольноопределяющееся собачье дерьмо, привыкли ловчить и бездельничать. Но теперь сладкая жизнь кончилась. Вы в действующей армии и будете выполнять приказы. — Автобус остановился, и полковник снова пальнул в крышу. — А теперь, добровольцы, выходи строиться.

В ночи ярко горели огни вещевого склада. У ломящихся от амуниции полок стояли интенданты. Плотный офицер загородил полковнику дорогу.

— В сторону! — прорычал полковник, бдительно косясь на нас.

— Нельзя, сэр! — возразил интендант. — Без распоряжения из штаба я не могу вам ничего выдать.

Полковник выстрелил в лампу над дверью склада, затем прижал горячее дуло к интендантскому носу.

— Что ты сказал? — прорычал он.

— Распоряжение только что получено, сэр! Проходите и берите все, что вам нужно. Торопитесь!

Мы вихрем помчались по складу, хватая мундиры, сапоги, ранцы, ремни и все, что попадалось под руку. Полковник-маньяк казался вездесущим: его пистолет время от времени бабахал, поддерживая темп. Через несколько минут мы высыпали на улицу, торопливо срывая с себя мундиры, напяливая зеленую полевую форму, нахлобучивая на голову каски и запихивая все остальное в ранцы. Потом мы отправились в соседнее здание, где нам выдали оружие. Но без боеприпасов: полковник был не дурак. Сгибаясь под тяжестью оружия и обмундирования, я вышел на улицу и привалился к стене. Рядом привалился Мортон.

— Ты хоть чуть-чуть представляешь, что это значит? — прохрипел он.

— Разумеется. Генералы заподозрили, и не без оснований, что за ними шпионят. Поэтому они изменили дату вторжения.

— А что будет с нами?

— Будем вторгаться. К счастью, в качестве офицеров, то есть прячась за спины солдат...

— Открой ранец, — прошептала мне в ухо моль.

— Что ты сказала?

Моль больно ужалила меня в мочку электрическим разрядом.

— Открой... ранец... — прохрипела она и упала.

Видимо, посадила батарейки.

Я поспешно выполнил ее просьбу, решив, что в ранце, наверное, что-то спрятано. Послышался свист, пахнуло отработанным топливом, и в ранец плюхнулась птица.

— Не повезу я контрабандой эту чертову птицу, — запротестовал я. — Еще не хватает, чтобы меня из-за нее поставили к стенке!

В глазах птицы вспыхнул дикий огонь.

— Ты сделаешь это, ди Гриз. От этого зависит судьба всего человечества. Запомни, птица включается посредством двойного нажатия на клюв.

Огонь в глазах угас, птица свесила голову. Я закрыл ранец. Послышались шаги приближающегося полковника.

— В автобус! — приказал он. — Быстро, быстро, быстро!

Глава 14

Не успели мы перевести дух, как из дверей склада, едва не падая под тяжестью оружия и экипировки, повалили офицеры. Один за другим грузовики, под завязку набитые хнычущими тыловиками, трогались с места и исчезали во мраке. Мы с Мортоном тоже перебросили пожитки через борт грузовика и забрались в кузов.

— Подумать только, я сам попросил начальство продлить контракт, — сокрушался грузный офицер, привалившийся ко мне спиной. Я услышал звук открываемой бутылки и бульканье.

— Чур, я второй. — Я забрал бутылку из его трясущихся рук. Напиток оказался дрянным, но крепким.

— А ты все еще не пьешь? — прохрипел я, обращаясь к Мортону, и встряхнул почти опустевшую бутылку.

— Я быстро учусь. — Он хлебнул, поперхнулся, снова глотнул и вернул бутылку владельцу.

Мы содрогнулись от оглушительного рева, в глаза ударил яркий свет — неподалеку стартовал корабль. Начинался первый этап вторжения. Грузовик остановился, взвизгнув тормозами, нас качнуло, а потом знакомый неприятный голос приказал вылезать. Полковник — наша Немезида — нетерпеливо махал нам рукой. За его спиной стоял радист с рацией, толпились сержанты и четким строем, поротно и побатальонно, маршировали к поджидающим кораблям рядовые.

— Внимание! — заорал полковник. — Слушайте, что я вам скажу. Видите этих солдат? Это отличные солдаты, и им нужны отличные офицеры. К сожалению, в моем распоряжении только вы — толстопузые, плоскозадые канцелярские крысы, отбросы

базы. Посему я намерен вас разделить — по человеку на роту — в надежде, что вы наберетесь опыта перед смертью.

Его идея мне не понравилась, ведь я обещал Мортону приглядывать за ним. А это будет совсем не просто, если нас разлучат.

Я тяжело вздохнул. Придется нарушить главные заповеди выживания в армейских условиях: держи рот на замке и не вызывайся добровольцем. Браво шагнув вперед и щелкнув каблуками, я закричал:

— Сэр! У меня не толстое пузо и не плоский зад. Я снайпер и инструктор рукопашного боя.

— Не верю! — проревел полковник.

Я швырнул полковника на землю, наступил ему на спину, отобрал пистолет и погасил выстрелом ближайший фонарь. После чего помог полковнику подняться и вернул оружие. Гримаса ярости на его лице быстро сменилась довольной улыбкой. Отряхнувшись, он сказал:

— Неплохо! Побольше бы мне таких парней, не было бы забот. Получишь лучшую роту. Имя?

— Дрем. Сэр, прошу отдать в мое распоряжение лейтенанта Хеска. Он молод и туповат, но я сделаю из него офицера.

— Забирай. Есть еще добровольцы?

Боясь, что он передумает, я схватил ранец и бросился к кораблю. Мортон топал сзади.

— Когда ты его повалил, я думал, что помру от страха, — сказал он, тяжело дыша. — Ты здорово рисковал.

— В этом мире мы рискуем на каждом шагу, — наставительно произнес я. — Достаточно вспомнить о канцерогенах и дорожно-транспортных происшествиях. Думаю, мы можем остановиться и положить вещи. Нам сейчас помогут.

К нам действительно спешил энергичный сержант с наголо обритой головой и большими усами. По пятам за ним неслись двое рядовых.

— Сержант первого класса Блох, — представился сержант. — Если вы — капитан Дрем, то вы наш новый командир.

— Сержант, вы дважды правы. Прикажите бойцам отнести на корабль наши вещи.

— Есть, сэр. Наша рота в полном составе на корабле, отлет через десять минут.

— Успеем. Пошевеливайтесь.

Погрузочный пандус вырвался у нас из-под ног, а наружный люк заскрежетал, закрываясь. Мы успели проскочить и, вскарабкавшись на ящики, прикрепленные к палубе, ухватились за нижний край поднимающейся лестницы. На втором ярусе находилась

наша рота, уже расположившаяся на противоперегрузочных койках. Едва мы приняли горизонтальное положение, как замигали красные лампочки и ожили двигатели.

Старт прошел как обычно, правда, корабль рванул с большим ускорением, чем любой коммерческий транспортник, но на то он и армейский корабль. Как только ускорение снизилось до одного «g», я встал и жестом позвал сержанта.

— Фляги наполнены?

— Да, сэр.

— Разрешите солдатам пить, а еду пока побережем.

Внезапно зашумели динамики, раздался не в меру усиленный голос:

— Всем командирам собраться на третьей палубе. Повторяю: всем офицерам собраться на третьей палубе.

— Лейтенант, — сказал я Мортону, позеленевшему от перегрузки, — остаетесь за меня. — Приблизив губы к его уху, я прошептал: — Постарайся, чтобы никто не заметил птицу, не то мы в такую историю влипнем...

Он застонал в ответ, и я удалился, не дожидаясь, когда он расплачется. По трапу уже торопливо поднимались офицеры.

— Может быть, нам скажут наконец, что все это значит, — произнес один из них.

— Да, пора бы, а то целый год лапшу на уши вешают, — согласился другой.

Столовая, куда нас собрали, была невелика, и стулья достались только тем, кто пришел первым. Остальные оперлись о столы и прислонились к стенам. Престарелый сержант составил список присутствующих и доложил генералу с двумя звездочками на каждом погоне, что сидел за центральным столом.

— Внимание! — крикнул сержант, и в столовой воцарилась тишина. — Представляю новичкам генерала Ловендера, командира нашей дивизии. У него важное сообщение.

Генерал чинно кивнул и заговорил:

— Да, ребята, пришло наше время. День «Д», час «Х», — время, которого вы с таким нетерпением дожидались. Капитан нашего корабля только что доложил, что мы легли на курс и с дороги уже не свернем. Поэтому можно вскрыть секретный пакет.

Он взял густо усеянный красными печатями огромный конверт, и в тишине раскатился треск разрываемой бумаги. Из пакета генерал достал красную плоскую коробку.

— Так вот. Все вы слышали, что мы планируем операцию против Брастира. Эти слухи не соответствуют действительности, контрразведка распространяла их специально для того, чтобы вве-

сти врага в заблуждение. Инопланетные шпионы многочисленны и вездесущи, и поэтому необходима полная секретность. Но теперь эта необходимость отпала. Как вам известно, мы летим в космическом пространстве. Наш корабль держит курс на очень богатую планету, тысячу лет назад утратившую связь с галактической цивилизацией. Но самое главное: о существовании этой планеты знаем только мы. Она обитаема, но туземцы — народ отсталый и не заслуживают того, чтобы эта девственная планета принадлежала только им. Техника готова? Отлично. Пусть генерал Зеннор, открыватель этой планеты, сам о ней расскажет.

У меня участился пульс. Захотелось опуститься на корточки. Но я вовремя понял, что у генерала в руке кассета с записью, а самого Зеннора на корабле нет. Лампы померкли, генерал вытащил кассету из футляра и вставил в проектор. Перед нами возникли отталкивающие голографические черты Зеннора.

— Солдаты Невенкебла, я отдаю вам честь! Вам предстоит совершить небывалый в истории нашей страны подвиг! Ваша победа обогатит и укрепит родину, и никто не рискнет покуситься на ее свободу. Сокровища планеты Чоджеки будут принадлежать нам!

Зазвучала торжественная музыка. Зеннор исчез, уступив место медленно вращающейся сфере. Но голос его по-прежнему звучал:

— Чоджеки. Богатая планета с теплым климатом и плодородной почвой. Открыли ее совершенно случайно, нам выпал счастливый шанс, единственный из миллиона. За кораблем, которым я командовал, гнались убийцы из Галактической Лиги. Чтобы оторваться от них, нам пришлось прыгнуть наугад, и в результате мы наткнулись на эту замечательную планету. Возможно, не просто случайность, а Божественная Воля привела нас к ней, возможно, высшим силам небезразлична судьба нашей прекрасной родины...

— Возможно, все это — куча старого навоза, — шепотом добавил кто-то, и эта точка зрения получила поддержку. В столовой находились боевые офицеры, предпочитавшие истину пропаганде. Но Зеннор не слышал их недовольного ворчания.

— Мы высадились и провели разведку. Чоджеки — огромная планета с неисчерпаемыми запасами тяжелых металлов, изобилующая лесами и нетронутыми реками, пригодными для строительства электростанций. Единственное, что нельзя назвать сокровищем этой планеты, — ее население. — В голосе Зеннора появилось плохо скрываемое раздражение. — Туземцы — отсталый народ с дурными манерами и непонятными капризами. Мы пришли к ним открыто, протянули руку дружбы, предложили помощь, сотрудничество, контакт с высокоразвитой цивилизацией. И знаете, чем они нам ответили? — Раздражение перешло в откровенную злость. — Я скажу вам, чем они ответили. Ничем! Сделали вид, будто нас не замечают. Отвернулись от нас. Отказались от цивилизованного диалога!

— Наверное, они знали, что делают, — пробормотал кто-то, и генерал Ловендер заорал:

— Молчать!

Изображение планеты исчезло, снова появился Зеннор. Он уже полностью держал себя в руках, но глаза были недобрыми.

— Поэтому вы, офицеры, должны понимать: то, что мы предпринимаем, делается для блага туземцев. Мы протянули им руку дружбы, они ее оттолкнули. Нам нанесено оскорбление. Следовательно, мы должны показать этим наглым крестьянам, для их же пользы, что гордых граждан Невенкебла нельзя оскорблять безнаказанно. Дадим им небольшой урок, на который они сами напросились. Мы предлагали им помощь и дружбу. Они отвергли и то и другое и пусть теперь пеняют на себя. Да здравствует Невенкебла! Да здравствует позитивная политика мира!

Лампы вспыхнули, и мы вскочили как идиоты. Под зловещие звуки труб грянул хор:

Да здравствует Невенкебла,
Страна мира,
Страна добра и света,
Да здравствуют наши добрые, милосердные вожди.
Свобода граждан — наша святыня,
Мы будем бережно хранить ее,
Кто посмеет напасть на нас — встретит отпор...

И так далее. Я тоже что-то такое орал и очень обрадовался, когда гимн закончился. В воздухе уже висела голографическая карта, и генерал Ловендер тыкал в нее пальцем:

— Вы получите карты и подробные приказы, изучите их за ночь... а утром снова соберетесь здесь, и я изложу подробный план операции. Но о том, что нам предстоит, вкратце расскажу сейчас.

Солдатам и офицерам нашей восемьдесят восьмой дивизии, которых в армии зовут Боевыми Зелеными Дьяволами, выпала честь освободить вот этот промышленный район огромного города, носящего варварское название Беллегаррик. Здесь шахты, здесь — склады, тут и тут — железнодорожные пути, а здесь, в десяти километрах, на краю озера, электростанция, снабжающая город энергией. Заботясь о благе эгоистичных туземцев, мы захватим все эти объекты и избавим дикарей от ненужных раздумий о том, надо принимать нашу помощь или нет.

— Генерал, разрешите вопрос, — сказал полковник.

Генерал кивнул.

— Скажите, какое сопротивление мы можем встретить? Велика ли у них армия? Современна ли?

— Хороший вопрос, полковник. Мы должны быть готовы ко всему, ибо туземцы очень скрытны, хитры, коварны и подлы. Дело в том, что генералу Зеннору, изучавшему военный потенциал планеты по донесениям опытных агентов, обстановка показалась очень подозрительной. У коварных туземцев нет армии — во всяком случае, *на поверхности планеты. Даже полиции нет!*

Он подождал, пока утихнет гул. Не дождавшись, поднял руку.

— Все мы понимаем, что этого просто не может быть. Любое государство нуждается в защите от внешних врагов, следовательно, должно иметь армию. Если не будет полиции, деятельность преступного элемента приведет к разрухе. Нетрудно догадаться, что подлые дикари прячут от нас свои трусливые войска. Следовательно, мы должны остерегаться их змеиных укусов. Надо освободить туземцев от них самих, в этом — наш долг перед ними.

Мне в жизни не приходилось слышать подобного бреда. Но на моих сослуживцев он произвел впечатление. Офицеры весело загомонили, предвкушая потеху.

«Бедные простаки туземцы, — подумал я с горечью, — если бы вы только знали, какая участь вам уготована. Подумать только: освобождение посредством уничтожения!»

Глава 15

Я возвращался в свою роту, не выпуская из рук запечатанных конвертов с приказами, а из головы — навязчивой мысли, что участвую в безумной авантюре. Мортон услышал, как я отворил дверь, и поднял глаза.

— У тебя взволнованный вид, — заметил он. — Это что-то личное или меня тоже касается?

— Капитан, могу я чем-нибудь помочь? — спросил сержант, заглядывая в каюту.

Так. Всем не терпится узнать, о чем говорили на собрании. Я бросил папку с конвертами на койку.

— Сержант, ответьте, что сказано в уставе насчет употребления спиртных напитков на борту военного транспортного корабля, направляющегося в район боевых действий?

— Строжайше запрещено, сэр. Чревато военно-полевым судом. Но одна из канистр командирской машины заполнена девяносто девятым.

— Девяносто девятым?

— Девяностодевятипроцентный спирт, сэр. Можно наполовину разбавить водой и сдобрить обезвоженным апельсиновым соком.

— Поскольку мы участвуем в боевых действиях, отдаю боевой приказ. Сержант первого класса Блох, вам присваивается звание мастер-сержант.

За этой фразой последовало звяканье трех крышек от фляг, расторопно выставленных на стол Мортоном, и глухой удар мешочка с оранжевыми кристаллами. Выходит, я и не заметил, как мой спутник приспособился к армейской жизни.

Сержант вернулся с двадцатилитровой канистрой, содержимое которой вкупе с таким же количеством воды обещало превратиться в сорок литров напитка, способного скрасить наше путешествие. Мы сдвинули крышки-кружки и выпили.

— У-ух, ну и дрянь! — сказал Мортон и протянул крышку за новой порцией. — Ну а теперь ты расскажешь нам новости?

— Новости? Есть новости, и неплохие. Во-первых, мы летим завоевывать невероятно богатую и доселе неизвестную планету Чоджеки. Во-вторых, ее обитатели не предусмотрели никакой обороны. Ни армии, ни полиции.

— Но это невозможно! — изумился сержант.

— Всякое возможно в просторах Галактики на всем протяжении времен. Будем надеяться, что наша разведка не выдала желаемое за действительное.

— Думаю, это ловушка. — Сержант не верил в чудеса.

Я кивнул.

— Похоже, генерал такого же мнения. Он уверен, что там есть армия, но она прячется в засаде.

— Не обязательно, — возразил Мортон. — До армии я изучал историю и могу вам сказать, что пути человечества неисповедимы, как вы справедливо отметили, капитан. За время существования Галактики существовали разные общественные формации и многочисленные формы правления.

— Раз есть государство, должна быть и армия. Так положено.

Спиртное делало сержанта агрессивным, а Мортона — сентиментальным. «Так, — подумал я, — пора закрывать бар».

Я встал и пинком отправил канистру с глаз долой под койку.

— Сержант, сообщите унтер-офицерам то, что услышали от меня, а они пусть передадут рядовым. Пока все.

Едва за сержантом закрылась дверь, Мортон уронил голову на стол и захрапел. Я допил остатки апельсинового коктейля. В животе протестующе заурчало. Или это от голода? Пожалуй, ведь офицерский клуб с последним недоеденным бифштексом остался до-

вольно далеко во времени и пространстве. Я порылся в ранце и нашел порцию сухого пайка, а именно: розоватый цилиндр с надписью «Самоприготовляющаяся пища. Двойная порция. Проколоть белый круг».

Я с энтузиазмом выхватил из-за голенища боевой нож и проколол белый кружок на торце цилиндра. Цилиндр мгновенно раскалился и обжег пальцы, после чего упал на стол, где долго шипел, судорожно дергался и катался. Казалось, он вот-вот на меня прыгнет. Наконец упаковка лопнула, и моему взгляду предстала колбаса длиною в руку, неприятная на вид, но недурно пахнущая. Я отрезал кусочек, наколол на кончик ножа и отправил в рот. Ничего, съедобно. Не хватает только пива.

Полет занял пятнадцать дней, похожих друг на друга, как сухие пайки. С той поры я просто возненавидел колбасу. Да и не только я, поскольку по чьему-то недосмотру на корабль не погрузили иных продуктов. Даже генералу пришлось есть только колбасу, отчего он был не в восторге.

Мне приходилось посещать многочисленные совещания, содержание которых я добросовестно доводил до личного состава. Мы непрерывно чистили оружие и точили клинки, проходили дурацкие медосмотры и все пятнадцать дней глушили спиртное.

Наконец генерал Ловендер созвал нас в последний раз. Как только все собрались, он встал и грохнул кулачищами о стол.

— Наступление началось!

Он подождал, пока уляжется шум, и продолжил:

— Уже высадились первые разведчики. По их сообщениям, противник не оказывает сопротивления. Но мы должны быть начеку — возможно, враг пытается нас заманить в хитроумную ловушку. Все вы получили приказы и знаете, что от вас требуется. Посадка через два часа. Сверьте часы. Все свободны. Всыпьте им, ребята!

Мы разнесли новость по своим подразделениям.

— Наконец-то! — обрадовался Блох. — А то ребята размякли, валяясь на койках.

— Собери унтер-офицеров. Проверим еще разок, все ли мы учли.

Когда унтер-офицеры разместились в моей каюте, я развернул карту. Слушали они внимательно.

— Вот здесь — предполагаемое место высадки. Кто из вас твердо верит, что наш пилот не ошибется?

Ответом была полная тишина.

— Вот и у меня такое предчувствие. Десантируемся на рассвете, то есть затемно. Мы высадимся первыми, поскольку у нас самый

дальний маршрут. Я поеду в командирской машине. Фары будут включены до первого обстрела.

Сержант Блох нахмурился.

— Сэр, генерал Ловендер строго запретил зажигать огни.

— Совершенно верно. Но генерал высадится последним, а мы — первыми. А вслед за нами сразу пойдут танки.

— Вы правы, сэр, надо включить фары, — поспешно согласился сержант.

— Я поднимусь на ближайшую возвышенность и попытаюсь привязаться к местности. Командовать вами тем временем будет лейтенант Хеск. Как только я выясню, в какую сторону нам надо двигаться, мы двинемся в нужном направлении. Наша цель — вот эта электростанция, снабжающая энергией город с непроизносимым названием Беллегаррик. Наша боевая задача — захватить ее и удержать. Вопросы есть?

— Сэр, мы, наверное, оставим пайки здесь и перейдем на свежие продукты? — спросил капрал Аспайя.

— Да и нет. То есть нет и да. Пайки заберем с собой на тот случай, если повстречаем нашего интенданта. Тогда ему придется сожрать всю колбасу. Что касается свежих продуктов — да, скоро мы наверняка захватим местное продовольствие. Перед тем как распределять трофеи, все приносите мне. Есть вопросы?

— Боеприпасы. Когда мы их получим?

— Они хранятся на грузовой палубе. Когда мы туда спустимся, каждый получит боекомплект. Капрал, проследите, чтобы все было получено и чтобы никто не заряжал оружие. На борту корабля не должно быть случайных выстрелов.

— Заряжать будем после того, как сойдем на землю? — спросил старший сержант.

— Заряжать будем, когда я прикажу. Мы не ожидаем никакого сопротивления. А если сопротивления нет — то нет нужды стрелять в мирных жителей. А если не стрелять по жителям, то наступление будет быстрым и успешным. Незаряженное оружие не стреляет. Поэтому оно останется незаряженным.

Послышался ропот. Общее мнение выразил капрал Аспайя:

— Нельзя атаковать с незаряженными ружьями.

— Можно, — отрезал я ледяным тоном. — Вы будете делать то, что вам прикажут. Будет заряжено только одно ружье. *Мое* ружье. И я пристрелю любого, кто осмелится не выполнить приказ. Еще вопросы? Нет. Все свободны. Приготовиться к высадке через тридцать минут.

— Кажется, им не понравилась твоя затея, — сказал Мортон, когда сержанты удалились.

— Да пошли они... Мало ли что им не нравится. Мне, может быть, не нравится убивать мирных жителей. Не будет боеприпасов — не будет стрельбы.

Мортон с озабоченным видом прилаживал лямки к ранцу.

— Но ведь должны же они иметь возможность защититься... — пробормотал он.

— Мортон, погляди в зеркало, — велел я. — Что ты там видишь? Ты видишь лейтенанта Хеска. Ты рассуждаешь, как полагается рассуждать лейтенанту Хеску. Опомнись, ты же мирный человек, в армию не по своей воле попал. Скажи, ты видел когда-нибудь, как убивают? Видел трупы?

— Как убивают — нет, а труп... Однажды был на похоронах тетушки...

— А я не раз видел, как убивают. Поверь, это не самое приятное зрелище. И учти: умирая, человек исчезает навсегда. Не забывай об этом, что бы ни говорили тебе всякие «ястребы», «псы войны», торговцы ненавистью. Ты хочешь умереть?

С этими словами я приставил к его горлу кончик ножа. Он вздрогнул, выпучил глаза и едва слышно прохрипел:

— Нет!

Нож исчез так же мгновенно, как и появился.

— И я не хочу. И никто на планете, на которую вот-вот высадятся тысячи безмозглых убийц, не хочет умирать. И вообще я не понимаю, как меня угораздило оказаться среди них!

Мортон вздохнул.

— Тебя же забрали в армию, как и меня.

— А почему мы это допустили? Вот всегда так: старики посылают молодых воевать. Ставили бы в строй не моложе пятидесяти пяти, разом бы все войны прекратились.

Завыла сирена, замигали сигнальные лампочки. Я взглянул на часы.

— Вот и прилетели.

На грузовой палубе в тусклом свете красных ламп среди машин и ящиков с амуницией суетились солдаты и унтер-офицеры. Я добрался до командирской машины, установленной у самого края опускаемого пандуса, и постучал ботинком по соединительной скобе.

— Скобы сбрасываются посредством взрывов, — сказал сержант Блох.

— Сам знаю. Как их еще снимешь? Все погрузили в машину, что я приказал?

— Да, сэр. Запасная амуниция под задним сиденьем.

Я заглянул под сиденье и кивнул в знак одобрения. Помимо всего прочего, там лежало несколько фляг со стократно опробованным апельсиновым напитком, а под фальшивым дном ящика скрывалась говорящая птица.

Внезапно пол под ногами вздрогнул. Мы снижались неторопливо, с ускорением два «g» — специально, чтобы солдаты не расслаблялись перед операцией на противоперегрузочных койках. Старших офицеров, естественно, это не касалось. Я уселся в командирскую машину рядом с водителем.

— Включи зажигание, — приказал я. — А стартер пока не трогай.

Гул корабельных двигателей внезапно прекратился, и машина подо мной вздрогнула. Грохнул взрыв — это отлетели соединительные скобы. Пандус со скрежетом опустился.

— Пошел! — крикнул я водителю, глядя в черный квадратный провал, за которым хлестал дождь. — И фары включи!

Машина с ревом съехала по пандусу и подняла тучу брызг, угодив в огромную лужу. За пеленой дождя не видно было ни зги. Некоторое время мы ехали наугад. Наконец я оглянулся и увидел тяжело нагруженных солдат, плетущихся за нами следом.

— Впереди сплошная вода, сэр, — доложил водитель, нажав на тормоза.

— Так сворачивай, идиот! Утопить нас вздумал? Направо сворачивай и объезжай корабль.

В небе сверкнула молния, грянул гром. Я хлопнул водителя по плечу и указал:

— Видишь вон там холм, за рядом деревьев? Гони туда.

— Капитан, там изгородь!

Я вздохнул.

— Солдат, ты что, забыл, что едешь на бронированной боевой машине, а не на двухколесном велосипедике?

Когда мы остановились на вершине невысокого холма, дождь хлестал с прежней силой, но горизонт уже светлел. Я развернул светящуюся карту и попытался установить, где мы находимся. В какой стороне восток, я уже выяснил. Если, конечно, солнце этой планеты восходит на востоке.

Вскоре рота целиком взобралась на холм, и я разрешил погасить фары. Я уже смутно различал громаду нашего транспортника, попрежнему исторгавшего из себя колонны людей и техники. Светало очень быстро; вскоре я выделил на горизонте гряду холмов и попытался найти их на карте. Но уже совсем рассвело, когда мне удалось определить наше местонахождение.

Я вылез из машины и с улыбкой прошел вдоль мокрых шеренг.

— Я знаю, ребята, вас обрадует известие, что пилот нашего корабля совершил ошибку. Он высадил нас гораздо ближе к нашей цели, чем предполагалось.

По рядам пробежал радостный шепоток.

— Кроме того, если вы поглядите на колонну, выступившую в сторону Беллегаррика, то увидите, что она движется в ложном направлении. Нашим друзьям придется основательно поплутать.

Лица моих подчиненных прояснились. Ничто так не поднимает боевой дух солдата, как вид его товарища, севшего в калошу. Дождь потихоньку превратился в нечто вроде мыльного тумана. Вдалеке среди деревьев в лучах восходящего солнца показалось что-то белое. Я забрался на капот и пригляделся. Так и есть!

— Все в порядке, ребята. Выступаем. Взгляните вон туда и увидите объект, который нам предстоит захватить. Командирская машина поедет сзади. Я пойду в первых рядах, как подобает хорошему командиру. Шагом марш!

Глава 16

Сразу после восхода солнца в небесах будто нажали кнопку, и дождь прекратился. Легкий ветерок разогнал облака; от земли шел пар. Вскоре мы выбрались на мощеную дорогу, ведущую прямо к плотине. Вернулись разведчики и доложили, что активных действий противника не заметили, как не заметили и самого противника.

Мы шли по дороге, петлявшей по пологому склону холма. По сторонам дороги росли деревья.

— Капитан, вернулись разведчики, — доложил мастер-сержант. — Они побывали в саду со спелыми авалгвланеками.

— Ну и названьице. Что это?

— Фрукты, сэр, наподобие тех, что выращивают на Брастире. Очень вкусные, сэр.

— Прикажите доставить образцы для анализа.

Тотчас появился солдат с каской, полной зрелых персиков (во всяком случае, именно так называются эти авалгвланеки в Райском Уголке). Я повертел один из плодов перед глазами, понюхал и взглянул на физиономию разведчика, испачканную персиковым соком.

— Рядовой, я вижу, вы уже сняли пробу. Каковы результаты?

— Очень вкусно, сэр.

Я надкусил персик и кивнул. Свежий сок смыл с языка вкус самоприготовляющейся колбасы.

— Сержант, объявляю привал на десять минут. Разрешаю вылазку в сад.

Потом мы пошли дальше.

Плотина приближалась, становясь все выше. Из огромных труб била, пенясь, вода; пилоны высоковольтной линии убегали к городу. Кругом — ни души. Мирный индустриальный пейзаж.

Я дал сигнал остановиться и приказал сержантам собраться.

— Сейчас я намечу план атаки, но прежде проверю оружие. Начнем с вас, сержант.

Блох с бесстрастным видом протянул мне винтовку. Я отсоединил магазин, посмотрел, нет ли в нем патронов, заглянув в патронник, и вернул оружие владельцу. Потом перешел к следующему. Наконец настал черед капрала Аспайи. Но он не отдал винтовку, а прижал ее к груди.

— Можете не смотреть, капитан. Она заряжена.

— Бывший капрал, вы нарушили мой личный приказ. Рядовой, отдайте оружие.

— Сэр, солдат — не солдат, если он безоружен, — мрачно ответил Аспайя, не шевелясь.

— Вы правы, — сказал я, переходя к следующему унтер-офицеру. Краем глаза я заметил, что Аспайя оглянулся в поисках поддержки. Не теряя ни секунды, я развернулся и треснул его ребром ладони по шее. Удар был коварен и жесток, но надо учесть, что у капрала была заряжена винтовка. Забрав ее из рук упавшего, я побросал патроны в грязь.

— Сержант Блох, доставить бывшего капрала на командирскую машину и выставить часового.

— А часовой будет вооружен, сэр?

— Часовой будет вооружен, оружие будет заряжено. Часовым я назначаю лейтенанта Хеска. А теперь займемся подготовкой к атаке.

Я наметил цель для каждого взвода, а главный корпус электростанции оставил себе.

— Ну вот, все готово. Как только займете исходные рубежи, дайте мне знать.

Моя крошечная армия рассредоточилась и пошла в атаку по науке, короткими перебежками, прикрывая друг друга. Через несколько минут по радио начали поступать доклады сержантов. Объекты захвачены, сопротивления не встречено, противник не обнаружен. Теперь моя очередь. Сопровождаемый мастер-сержантом и его взводом, я решительно взобрался на крыльцо главного корпуса и распахнул дверь. За ней ревели турбины, вращались генераторы — и ни души.

— Станция полностью автоматизирована, — сказал сержант.

— Похоже на то. Надо найти центр управления.

Пока мы пробирались по рабочему залу, напряжение росло. Я был очень рад тому, что заряжено было только мое оружие. Пистолет был у меня в руке, но стоял на предохранителе, стрелять я не собирался, просто поддерживал моральный дух войска.

— Капитан, там кто-то есть!

Солдат указывал на дверь из узорчатого стекла. За ней виднелся силуэт.

— За мной!

Я набрал полную грудь воздуха и распахнул дверь. Следом за мной ринулись солдаты. За контрольной панелью стоял седой человек.

— Ne faru nenion! — выкрикнул я. — Vi estas kaptito! Manoj en la aeron![1]

— Очень интересно, — с улыбкой произнес он. — Пришельцы говорят на чужом языке. Ну, заходите, пришельцы, добро пожаловать на электростанцию номер один.

— Я вас понимаю, — сказал я. — Это «лоу инглисс», на нем говорят жители Райского Уголка.

— Не припомню это название, но слова вы произносите правильно, хоть и с заметным акцентом.

— Что он сказал? — спросил сержант Блох. — Вы по-ихнему говорите?

— Да. Изучал язык в школе, — честно ответил я. — Он говорит «добро пожаловать».

— Еще тут кто-нибудь есть?

— Хороший вопрос. Переадресую.

— Разумеется. Дежурная смена, но она спит. Прошу вас, расскажите подробнее о себе и о ваших товарищах. Меня зовут Стирнер, а вас?

Я открыл рот, чтобы представиться, но спохватился. Войны так не ведут.

— Мое имя вас не должно интересовать. Я пришел сообщить, что эта планета отныне находится под контролем вооруженных сил Невенкебла. Если согласитесь на сотрудничество, мы вам гарантируем безопасность.

Я повторил это на эсперанто, чтобы мои солдаты знали, о чем идет речь, и велел сержанту взять под стражу дежурную смену. Стирнер терпеливо ждал, когда я умолкну.

[1] Не двигаться! Вы арестованы! Руки вверх! *(эсперанто.)*

— Как это необычно, сэр! Вооруженные силы, говорите? Это означает, что у вас есть оружие? Случаем, не эти штуковины вы называете оружием?

— Да. И предупреждаю: если вы на нас нападете, мы будем защищаться.

— О, не извольте беспокоиться. Я — приверженец индивидуального мютюэлизма и не способен причинить вреда ближнему своему.

— Зато ваши армия и полиция способны это сделать, — схитрил я.

— Мне, конечно, знакомы эти слова, но вы можете не опасаться: у нас нет ни армии, ни полиции. Кстати, почему вы стоите? Располагайтесь поудобнее, а то, боюсь, вы сочтете меня негостеприимным хозяином.

— Ушам своим не верю, — пробормотал я. — Сержант, свяжитесь со штабом генерала Ловендера. Сообщите, что мы соприкоснулись с противником. Сопротивления не встречено. «Язык» не подтверждает присутствия на планете вооруженных сил и полиции.

Под настороженными взглядами моих молодцов Стирнер открыл бар и достал высокую бутылку и рюмки.

— Вино, — сказал он. — Отменное, для самых дорогих гостей. Надеюсь, вам и вашим помощникам оно понравится. — Он протянул мне рюмку.

— Сначала вы, — продемонстрировал я военную подозрительность.

— Безымянный сэр, ваша вежливость достойна всяческих похвал. — Он отпил, и я взял рюмку. Отличное вино.

— Вас требует генерал, — доложил Блох, входя с рацией.

— Капитан Дрем на связи, — сказал я.

— Дрем, как прикажете вас понимать? Вы обнаружили противника?

— Сэр, я занял электростанцию. Никаких инцидентов. Сопротивления нам не оказано.

— Вы первым соприкоснулись с противником. Что скажете насчет его армии?

— Ее не существует, генерал. По словам пленного, здесь нет ни армии, ни полиции.

Генерал недоверчиво фыркнул.

— Высылаю вертолет, доставить мне пленного. Сам его допрошу. Конец связи.

Та-ак. Меньше всего мне в эту минуту хотелось мозолить глаза начальству. Очень уж велик шанс, что в штаб прибыл генерал Зен-

нор. Инстинкты требовали забиться в нору. С другой стороны, если не удастся убедить этих ослов, что им некого бояться, может начаться резня. Рано или поздно какой-нибудь идиот не выдержит и откроет стрельбу... Это очень вероятно. Я обязан попытаться что-то сделать.

— Я получил приказ доставить пленного к генералу, — сообщил я солдатам. — Сейчас прибудет транспорт. Сержант Блох, вы останетесь за меня, пока вас не сменит лейтенант Хеск.

Вы полетите со мной, — я показал Стирнеру на дверь.

— Но я должен находиться здесь. Боюсь, я не смогу вам помочь.

— Вы не мне должны помочь, а своему народу. Учтите, наша армия очень велика, каждый солдат вооружен. Скоро мы захватим вашу планету. Могут быть жертвы. Но их не будет, если вы сумеете убедить командующего, что ваш народ не окажет сопротивления. Вы поняли меня?

Его лицо исказилось ужасом.

— Вы это всерьез? — хрипло спросил он. — Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

Я мрачно кивнул.

— Раз так — я согласен. Конечно, конечно, я лечу с вами. Непостижимо!

— Я тоже многое не в силах постичь, — сказал я, ведя Стирнера к выходу. — Как вам удается обходиться без полиции?

— Приверженцам индивидуального мютюэлизма полиция ни к чему. — Стирнер оживился, получив возможность прочитать мне небольшую лекцию.

— Никогда о нем не слышал.

— Как вам не повезло! Рискуя впасть в упрощение, я...

— Капитан Дрем, разрешите обратиться! — Капрал Аспайя выбрался из командирской машины, несмотря на слабые попытки Мортона его удержать, подбежал ко мне, вытянулся по струнке и отдал честь.

— Сэр, я понял, что был не прав. Вы такой молоденький и щуплый с виду, вот я и решил, что лучше вас знаю службу, и зарядил винтовку. Теперь я понимаю свою ошибку. Прошу дать мне возможность искупить свою вину, потому что армия — это моя жизнь, я в ней тридцать лет...

— А почему вы решили, что я прав, рядовой Аспайя?

У него засияли глаза.

— Потому что вы мне крепко врезали, сэр! Вон я какой здоровый, а вы меня запросто свалили. Показали, что каждый сверчок должен знать свой шесток.

«Что за чушь собачья? — подумал я. — Его не устраивал приказ избегать насилия. Только подвергшись насилию, он понял, что был не прав. Ну и логика!»

— Пожалуй, я вас на этот раз прощу. Человек, способный признать свою ошибку, заслуживает снисхождения. Хоть вы теперь простой рядовой, а я — капитан, я готов пожать вашу руку и разрешаю вернуться в строй.

— Капитан, вы настоящий командир и никогда не пожалеете, что простили меня! — Он с жаром пожал мне руку и отступил на шаг, вытирая кулаком слезу.

Услышав далекий рокот, я задрал голову. С небес спускался вертолет.

— Хеск, до моего возвращения будете командовать ротой. Следите за тем, чтобы Блох выполнял все ваши распоряжения.

Мортон с ужасом кивнул и не сказал ни слова. Я подсадил Стирнера в вертолет и забрался следом.

— К генералу, — приказал я пилоту и тяжело вздохнул. Меня не оставляло ощущение, что я сунул голову в петлю и теперь поудобнее налаживаю ее на шее. Но что еще оставалось?

— Я читал о подобных летательных аппаратах в учебниках истории, — сказал Стирнер, с восхищением глядя в иллюминатор. — Для меня это очень важный момент, безымянный сэр.

— Капитан. Называйте меня так.

— Рад с вами познакомиться, Капитан. И позвольте поблагодарить вас за возможность объяснить вашему начальству, что мы рады гостям. Вам некого бояться. Мы никому не причиним зла.

— Я боюсь совсем другого.

Разговор затих, вертолет пошел на посадку. Неподалеку от колонны танков стояли палатка, бар, столы и кресла, тут расположилась и группа офицеров. Мы приземлились рядом. Я спрыгнул, молодцевато отдал честь и расслабился. Зеннора пока не было. Потом я помог выбраться Стирнеру и отвел его к генералу.

— Сэр, пленный доставлен, — доложил я Ловендеру, прибыв в штаб. — Он говорит на малоизвестном диалекте, который я, к счастью, изучал в школе. Я могу переводить, сэр.

— Отставить, — мрачно буркнул генерал. — Вы пехотный офицер, а не переводчик. Штатный переводчик у нас майор Кьюсел. Майор, переводите.

Черноволосый майор оттеснил меня плечом и встал перед Стирнером.

— Кион ви компренас? — заорал он. — Шпрехен зи пупишь? Анкай сойай никспай иглай атинлай? Ук кук волунук?

— Очень сожалею, сэр, но я не понял ни слова.

— Ага! — обрадовался майор. — Это малоизвестный диалект, на нем говорят жители одной отсталой крестьянской планеты. Но мне он знаком — по местному бизнесу. Мы импортировали свинобразьи котлеты...

— Майор, хватит болтать. Переводите. Спросите у него, где скрывается армия и где расположены опорные пункты полиции.

С интересом я слушал майора. Несмотря на врожденное умение говорить и неумение слушать, он с грехом пополам добился от Стирнера информации, которую я уже получил. Генерал огорченно вздохнул.

— Если это правда, мы не сможем перестрелять их со спокойной совестью. — Он повернулся ко мне. — Вы уверены, что нам не окажут сопротивления?

— Уверен, сэр. Насилие чуждо их натуре. Разрешите поздравить вас с первым в истории Галактики бескровным вторжением! Скоро вы завоюете для славного острова Невенкебла целую планету, не потеряв ни одного солдата!

— Не спешите радоваться, капитан. Генералам, привозящим армию домой нетронутой, медали не достаются. Славу обретают в битвах, и запомните мои слова — битва будет! Такова человеческая природа. Не все же трусы на этой планете...

— В чем дело, Ловендер? — раздался знакомый голос, и я похолодел и затаил дыхание.

— Генерал Зеннор, захвачен первый пленный, — доложил Ловендер. — Я его допрашиваю. Он порет явную чушь. Говорит, ни армии у них нет, ни полиции.

— И вы ему поверили? Кто и где его захватил?

— Капитан Дрем на электростанции.

Я повернулся кругом. Зеннор посмотрел на меня и отвел взгляд. И снова уставился на меня.

— Капитан, где мы с вами встречались?

— На учениях, сэр. На маневрах, — ответил я самым гнусавым голосом, на какой был способен.

Зеннор приблизился и пристально вгляделся в мое лицо.

— Неправда. Где-то еще. И с вами был кто-то еще.

Его глаза вспыхнули, и он ткнул в меня пальцем.

— Слон! Вот кто был с тобой.

— А ты его убил! — закричал я, хватая Зеннора за горло.

Особый захват, три секунды, и — смерть...

Одна секунда... Он потерял сознание.

Вторая секунда... Обмяк.

Третья...

В глазах у меня погас свет. В затылке вспыхнула боль. «Три секунды...» — подумал я и отключился.

Глава 17

Прошла вечность, прежде чем я очнулся от боли, растекающейся от затылка по всему телу. Я не шевелился, пытаясь отогнать боль, — но безрезультатно. Меня окружала темнота. Или это оттого, что глаза закрыты? Выяснять не хотелось. Я застонал. Звук показался таким приятным, что я не удержался от второго стона и при этом ощутил, как мою голову приподнимают и к губам прижимают что-то влажное. Вода? Очень кстати. Я сделал несколько глотков и, почувствовав облегчение, рискнул приоткрыть один глаз. Надо мной нависало пятно, напоминающее человеческое лицо. Я моргнул несколько раз, очертания лица стали более четкими.

— Мортон...

— А то кто же? — горестно отозвался он. Затем перетащил меня к стене и придал моему телу сидячее положение.

Голова раскалывалась. Сквозь пелену боли в мозг с трудом проникал голос Мортона:

— Ну-ка, проглоти и запей. Так доктор сказал. Это от головы.

Яд? Черта с два, не стоит и мечтать. Боль растаяла, оставив онемение во всем теле. Я открыл второй глаз и посмотрел на Мортона, понуро сидящего на фоне решетки.

— Он мертв? — прохрипел я.

— Кто?

— Генерал Зеннор.

— Полчаса назад выглядел живее некуда.

Я тяжко вздохнул. Выходит, сорвалось. Впрочем, может, оно и к лучшему. Конечно, мне ничего так не хотелось, как отомстить Зеннору за Слона. С другой стороны, я впервые в жизни пытался убить человека и не скажу, что эта процедура доставила мне удовольствие. Похоже, в убийцы я не гожусь. Одного только жаль: чтобы выяснить это, я сунул голову в петлю. Да еще и Мортона подвел.

— Прости меня, если можешь, — сказал я ему. — Я слишком увлекся и забыл позаботиться о твоей безопасности.

— Меня выдал сержант Блох, когда на электростанцию прибыла военная полиция. Он догадался, что я не офицер. Я им все рассказал еще до того, как меня принялись бить.

— Это я во всем виноват.

— Не говори так, рано или поздно меня все равно арестовали бы. Армия и я — несовместимы. А ты мне очень помог, Жак.

— Джим. Мое настоящее имя Джим ди Гриз. Я с далекой планеты.

— Будем знакомы, Джим. Ты шпион?

— *Нет. Я искал генерала Зеннора. По его вине погиб мой лучший друг.*

— А как насчет говорящей птицы?

Я прижал палец к губам и указал на дверь. Мортон непонимающе поморгал и хотел о чем-то спросить, но я его опередил:

— А, ты вспомнил ту байку о моем школьном дружке, у которого была говоряшая птица? Да, бедняга потом спился и пошел в миссионеры, только не припомню, к чему я это рассказывал.

Мортон смотрел на меня, как на чокнутого. Я огляделся и увидел, что лежу на тонком матрасе, брошенном на пыльный пол. Я написал пальцем в пыли: «Тихо — могут услышать», дождался, когда лицо Мортона прояснится, и стер слова.

— Но сейчас мне неохота травить байки. Где мы?

— В большом здании посреди города, захваченного войсками. Здесь теперь штаб или что-то в этом роде. Пока меня сюда вели, я заметил много военных.

— А штатские были?

— Не видел.

В замочной скважине заскрежетал ключ. Мы оглянулись на дверь. В камеру вошли несколько военных полицейских с винтовками, за ними — Зеннор с повязкой на шее и жаждой мести в глазах.

— Да, теперь-то ты можешь меня не бояться, — с ухмылкой произнес я, обведя взглядом полицейских, державших нас на мушке.

Зеннор подошел и ударил меня ногой в бок. Корчась от боли, я прохрипел:

— Какие мы смелые — бить лежачих...

Зеннор отвел ногу для удара, но передумал и, вытащив пистолет, прицелился мне в переносицу.

— Уведите второго. Оставьте нас одних. Принесите стул.

Полицейские быстро выполнили приказ: вытолкали за дверь Мортона, внесли деревянный стул в камеру и благоговейно поставили его под начальственный зад. Зеннор медленно сел, не выпуская меня из-под прицела. Заговорил он после того, как снаружи заперли дверь.

— Я хочу знать, как ты сюда попал и как тебе удалось выследить меня. Выкладывай.

«Почему бы и нет?» — подумал я, потирая ушибленный бок. Выдумывать не было ни сил, ни желания. Легче рассказывать все как на духу. С некоторыми поправками, разумеется.

— Ладно, расскажу. Мы с тобой распрощались на Спайовенте, когда ты продал нас в рабство. Это очень суровая планета, малопригодная для стариков вроде Слона. Он умер, и за мной остался должок.

Зеннор, поправив повязку, прорычал:

— Дальше!

— А дальше почти нечего рассказывать. Несколько войн, убийство, пытка — обычные дела. Спасся я только благодаря Галактической Лиге. Я был арестован и попал на Стерен-Гвандру, там бежал из-под стражи и напал на твой след. Ведь ты допустил большую ошибку.

— Что за чушь?

— Это не чушь, капитан Гарт. Помнишь, ты подсунул одной девчонке наркотик и выдал ее полиции?

— Это несущественно.

— Для кого как. Для Бибз — существенно. Она теперь на свободе, и, прежде чем мы с ней расстались, я узнал, где тебя искать. Вот и вся история.

Зеннор смотрел на меня, гладя пальцем спусковой крючок. Я старался не глядеть на пистолет.

— Не вся. Выходит, шпион, высадившийся в бухте Мархавено, — это ты?

— Да. И мне не составило труда проникнуть в твою бестолковую разгильдяйскую армию и расти в чинах, пока не представился случай схватить тебя за горло. Просыпаясь по ночам в холодном поту, вспоминай о том, что я запросто мог тебя пристрелить. Ну что, будешь стрелять или ты пришел сюда поиграть с пистолетом?

— Не подзуживай меня, щенок! Ты, конечно, умрешь, но с большей пользой для нашего дела. После суда, на котором тебе и твоему помощнику предъявят обвинения в нападении на вышестоящее начальство, самовольном присвоении офицерского звания, разглашении военной тайны. Затем вас расстреляют. Публично.

— И чего ты надеешься этим добиться?

— Я надеюсь убедить упрямых туземцев в том, что наши слова не расходятся с делами. Это трусливое, бесхребетное стадо без боя

отдало свою планету, а теперь оно жалобно блеет, требуя ее обратно, и отказывается работать, пока мы не улетим. Если они сейчас же не вернутся на рабочие места, город будет парализован. Но твоя смерть заставит их одуматься.

— Интересно, как?

— Очень просто. Они увидят, что я не бросаю слов на ветер. Сначала мы расстреляем тебя, потом возьмем заложников и убьем их, если остальные не уступят.

— Ах ты, ничтожество! Подонок! Зря я тебя не прикончил, когда была такая возможность!

— Но ведь не прикончил, — усмехнулся он. И выстрелил, когда я к нему бросился.

Пуля меня не задела, но выстрел оглушил. Я упал, и на меня обрушился град ударов. Наконец Зеннор перестал меня пинать и остановил полицейских, пришедших к нему на помощь.

Я встал на четвереньки и посмотрел на него сквозь красный туман.

— Вымыть и переодеть. Второго — тоже. Через два часа суд.

Что случилось потом — не помню. Я очнулся, когда Мортон стаскивал с меня куртку.

— Оставь. Я сам. — Моргая, я уставился на чистую форму рядового, лежащую на стуле. Такой же мундир был на Мортоне. Я сбросил на пол окровавленную куртку, стащил сапоги и брюки.

Сапоги... Сапоги? Сапоги!

Мои губы растянулись в довольной ухмылке.

— Ты знаешь, что скоро суд?

Мортон мрачно кивнул.

— Сколько осталось времени?

— Около часа.

Я сунул руку в правый сапог, нащупал тайничок в каблуке. Около часа? Ну, за это время мы далеко уйдем. Сейчас достанем отмычку, отопрем дверь, проскользнем в коридор и растворимся в безликой толпе солдат.

Но увы, этому прекрасному плану не суждено было осуществиться. Отмычки в каблуке не оказалось.

— Зеннор велел передать тебе странные слова, когда ты сунешь руку в сапог, — сказал Мортон. — «Дельце не выгорит». Я ничего не понял, но он сказал, что ты поймешь.

— Понял, — со вздохом произнес я и принялся одеваться.

Через час за нами пришли, заковали в цепи и потащили на суд. Естественно, мы с Мортоном не испытывали ни малейшего желания участвовать в этом дурацком шоу, но другого выбора не было. Нас проволокли по коридору и лестнице на улицу. Там под злобные крики и лязг оружия заставили подняться на помост, сооруженный специально для спектакля. Все было готово: судьи, конвой, клетка, горнисты и толпа горожан вокруг помоста. Толпу, судя по оцеплению, собрали силой. Несколько горожан (все седые или лысые) сидели в креслах на помосте, среди них я заметил Стирнера. Увидев меня, он поднялся и подошел к клетке.

— Капитан, что они хотят с вами сделать? Мы ничего не понимаем...

Я ушам своим не поверил.

— Вы говорите на эсперанто?

— Да. Один из наших ведущих лингвистов разыскал в библиотеке учебники этого любопытного языка, и многие освоили его за ночь, дабы облегчить общение с...

— Немедленно усадите старика! — рявкнул Зеннор. В этом спектакле он, разумеется, отвел себе роль прокурора.

— Что здесь происходит? Я ничего не понимаю! — восклицал Стирнер, когда его тащили прочь от клетки.

Начался суд. Каждый раз, когда Стирнер и его друзья пытались протестовать, горнисты трубили что было сил. Я клевал носом и получал за это пинки. Мортон сидел в оцепенении, глядя в одну точку. Я не слушал судей до тех пор, пока нас с Мортоном не заставили подняться.

Зеннор зачитывал приговор:

— ...тяжестью неопровержимых улик. Поэтому осужденные будут отправлены в камеру до восьми часов завтрашнего утра, откуда доставлены на место казни и расстреляны.

— Это беззаконие! — закричал я. — Это фарс! Почему ни о чем не спросили подсудимых! Я требую последнего слова!

— Конвой, утихомирить осужденных.

Тотчас мой рот зажала волосатая лапища, вскоре уступившая место тряпичному кляпу. Подобным образом конвоиры расправились и с Мортоном, хотя он молчал и был на грани обморока.

— Скажите, что сейчас будет важное сообщение, — обратился Зеннор к переводчику. Тот поднял мегафон, и на толпу обрушились громоподобные слова:

— Вас собрали в связи с тем, что значительная часть населения города не подчинилась военным властям. Мы вам продемонстрировали, как вершат суд посланцы острова Невенкебла. Перед вами двое злодеев, обвиненных во множестве тяжких преступлений. Вина их доказана, приговор вынесен. Завтра в восемь утра они умрут. Вам все ясно?

По толпе пробежал шепоток. Стирнер встал. Стражники протянули было к нему лапы, но Зеннор жестом велел оставить старика в покое.

— Думаю, мой голос будет голосом всех горожан, — сказал Стирнер, — если я попрошу некоторых разъяснений. Нам не понятно, откуда эти люди знают, что завтра умрут? Они непохожи на больных. И на каком основании вы называете точный час их кончины?

Зеннор ошалело посмотрел на него и взорвался:

— Вы что, недоумки? Неужели эту планету заселяли умственно отсталыми? Преступники умрут завтра потому, что мы их расстреляем. Из огнестрельного оружия! Вот оно, оружие! — Он выхватил из кобуры пистолет и пальнул несколько раз в деревянный настил. — Оно стреляет пулями, а пули делают в людях дырки. Завтра оружие сделает дырки в приговоренных. Я знаю, что вы — не вегетарианцы, вы забиваете скот на мясо. Подобным образом мы забьем завтра двух преступников! Теперь вам все ясно?

Побледневший Стирнер рухнул в кресло. Зеннор схватил мегафон.

— Да, они умрут, причем у вас на глазах. И тогда вы уясните, чего мы от вас хотим, и выполните все наши приказы и впредь будете делать все, что мы ни потребуем. Если откажетесь — будете осуждены и казнены. Мы готовы стрелять и убивать, стрелять и убивать до тех пор, пока уцелевшие не поймут, чего мы добиваемся, и не согласятся делать в точности все, что...

Он умолк, обнаружив, что лишился аудитории. Стирнер и его товарищи повернулись к Зеннору спиной, спустились с помоста и пошли прочь, их примеру последовали все остальные. Те, кого хватали солдаты, молча пытались вырваться, но не дрались, большинство расходились беспрепятственно. Зеннор понял, что без насилия удержать горожан не удастся. Он был порочен и злобен, но не глуп, и сообразил, что зубы показывать еще рано.

— Ладно, идите, — сказал он в мегафон. — Солдаты, не задерживайте их. Расходитесь по домам. И думайте о том, что сегодня увидели и услышали. Завтра утром вы вернетесь сюда и увидите, как умрут осужденные. Потом узнаете наши требования. И выполните их.

Он дал знак конвоирам, и нас с Мортоном потащили в камеру. И оставили там, не сняв цепей, не вытащив кляпов. В замке звучно повернулся ключ. Мы с Мортоном переглянулись.

Если в тот момент мой взгляд был похож на взгляд Мортона, то это значит, что я был очень и очень напуган.

Глава 18

Одному богу известно, сколько часов пролежали мы с Мортоном в камере. Наконец распахнулась дверь, и вошел коренастый полицейский с двумя подносами. Он взглянул на нас, и его лоб избороздили морщины. Мне казалось, я вижу, как по недоразвитым синапсам ползают вялые мысли. «Принес еду. Кормить заключенных. У них кляпы. Не смогут есть...» На этой стадии мыслительного процесса он оглянулся и позвал через плечо:

— Сержант! У меня проблема.

— У тебя точно будет проблема, если ты вызвал меня по пустяку, — проворчал сержант, входя в камеру.

— Глядите, сержант. Я принес им еду. Но у них кляпы, как они будут есть?

— Ладно, ступай, сам как-нибудь разберусь.

Сержант достал связку ключей, отомкнул мои оковы и повернулся к Мортону. Я испустил тихий стон через кляп, разминая ноющие кисти и пытаясь сесть. Сержант ударил меня ногой, и я застонал громче. Выходя, сержант ухмыльнулся. Я выдернул изо рта кляп и запустил им в дверь, затем склонился над подносом, ибо, невзирая на все неприятности, успел зверски проголодаться. Но, взглянув на содержимое подноса, брезгливо отодвинул его.

— Колбаса, — сказал Мортон, выплевывая клочки тряпки. — Я почувствовал ее запах еще в ту минуту, когда стражник подходил к двери.

Я последовал его примеру, глотнув воды из кружки. А потом легонько стукнул своей посудой о его посуду и сказал:

— Тост. За военную справедливость.

— Хотелось бы мне быть таким же стойким, как ты, Джим.

— Я не стойкий, просто свищу в темноте, поскольку не вижу выхода. Эх, была бы отмычка...

— Это ее имел в виду генерал?

— Да, ее. Теперь мы можем только сидеть и ждать утра.

Эти слова предназначались не столько для Мортона, и без того подавленного, сколько для чужих ушей. Камера, возможно, была оборудована «клопами», в том числе и оптическими. Я внимательно осмотрел стены и потолок, но ничего подозрительного не заметил и решил рискнуть. Жуя колбасу и запивая мерзкий привкус водой, я бесшумно наматывал на кулак цепь. Скоро глупый полицейский вернется за подносом, и он будет один...

В замке заскрежетал ключ. Я прижался к стене, готовый хорошенько треснуть того, кто войдет. Но дверь приоткрылась всего лишь на ширину пальца.

— Эй, ты, за дверью! — проворчал сержант. — А ну, брось цепочку, если хочешь дожить до расстрела.

Я выругался, швырнул цепь в угол, пересек камеру и уселся, привалясь спиной к стене. Выходит, оптический «клоп» здесь все-таки есть, но он надежно скрыт.

— Сержант, сколько времени? — спросил Мортон.

— Шестнадцать сто.

— Мне пора в туалет.

— Пора будет в двадцать сто. Приказ генерала.

— Передай генералу, что я хочу на горшок! — заорал я, глядя на затворяющуюся дверь. Подумать только — вот этими руками я сжимал шею негодяя! Если бы меня не стукнули по башке... Интересно, смог бы я дождаться, когда пройдут все три секунды? Не знаю. Но если тогда я не был готов его убить, то сейчас сделал бы это без малейших угрызений совести.

Вечером нас по одному сводили в сортир, затем снова заковали. Не знаю, спал ли Мортон, но мне после взбучки, полученной у генерала, тонкий матрас показался пуховой периной. Разбудил меня знакомый скрежет ключа.

— Ноль шесть сто, последняя кормежка, — с превеликим удовольствием сообщил сержант.

— Снова колбаса?

— Как ты догадался?

— Унеси. Я умру, проклиная тебя за нее. Умру с твоим именем на устах.

Если на сержанта и подействовала моя угроза, он не подал виду. Поставил подносы на пол и удалился, громко топая.

— Еще два часа. — У Мортона в уголке глаза блеснула слезинка. — Мои родные даже не знают, где я. И никогда не узнают, какая участь меня постигла.

Что я мог ему на это сказать? Что я мог поделать? Впервые за мою короткую и бурную жизнь мною овладело ощущение полной безнадежности. Еще два часа. И никакого выхода.

Что это за запах? Я принюхался и кашлянул. Запах был достаточно едким, чтобы пробиться сквозь мою смертную тоску. Я снова кашлянул и увидел в углу тонкую струйку дыма. Не веря своим глазам, я смотрел, как по деревянному полу ползет дымящаяся точка, оставляя за собой кривой след. Наконец след образовал полный круг. Мортон кашлял, вертя головой во все стороны.

— Что это?.. — пробормотал он; и тут деревянный круг выскочил и покатился по полу. Над темным отверстием показалась седая мужская голова.

— Не касайтесь краев — кислота очень едка, — предупредил Стирнер.

За дверью послышались вопли и частый топот. Я рывком поднял Мортона на ноги, толкнул его к Стирнеру и закричал:

— Нас видят и слышат. Быстрее!

Стирнер исчез, и я подтолкнул Мортона к отверстию. Он прыгнул. Услышав бренчание ключей за дверью, я прыгнул следом.

Я ударился ногами обо что-то мягкое, повалился набок и выругался, сообразив, что почти оглушил Мортона. Стирнер схватил его за руку и попытался подтащить к круглой дыре в полу, такой же, как наверху. Я схватил Мортона под мышки, подтащил к отверстию и сбросил. Послышался визг и глухой удар. Затем спустился Стирнер, мудро использовав лестницу, которая там была.

Наверху стражники уже ввалились в камеру. Я схватился за край отверстия, повис, разжал пальцы и упал на пол тускло освещенного подвала.

— Сюда! — позвала девушка, стоявшая в дальнем конце помещения у отворенной двери.

Стирнер кряхтел, безуспешно пытаясь поднять Мортона на ноги. Я оттолкнул Стирнера, взвалил Мортона на закорки и засеменил к выходу. Девушка заперла за нами дверь и бросилась следом за Стирнером. Я старался не отставать. Вот еще дверь, за ней — длинный коридор, а там еще дверь, и еще...

— Ну, все, можно остановиться, — сказал Стирнер, запирая очередную дверь. — Подвал — настоящий лабиринт, преследователи не скоро сюда доберутся. Ваш друг не пострадал?

— Глунк... — сказал Мортон, когда я поставил его на ноги.

— Похоже, он всего лишь оглушен. Хочется надеяться.

— Ладно, потом разберемся. Сначала надо как можно быстрее выбраться отсюда. Сейчас мы выйдем на улицу, и я оставлю вас на попечение Шарлы. Там полно народу, собранного на церемонию убийства по приказу вашего начальства. Все горожане предупреждены о вашем побеге и с радостью помогут вам в столь необычной ситуации.

— Будьте осторожны, — предупредил я, — в камере, где нас держали, находилось устройство для подглядывания. Вас видели и теперь будут искать.

— Меня не найдут. До свидания.

Он отворил дверь, вышел и исчез в толпе. Наша проводница придержала дверь и кивнула, приглашая нас выйти. Я взял Мортона, еще не пришедшего в себя, за руку и вывел наружу.

Там толпилось великое множество народу: мужчины, женщины, дети. И никто из них — просто невероятно! — не смотрел в

нашу сторону, не подавал виду, что замечает нас. Но они расступались перед нами, образуя проход, и закрывали его собой у нас за спиной.

Вдали раздавались крики и выстрелы. Люди реагировали на них нервным вздрагиванием и испуганным перешептыванием и снова замолкали. Мы беспрепятственно пересекали улицу. Чтобы наблюдатели из окон не смогли нас заметить, толпа пришла в движение.

Когда мы приблизились к зданию на противоположной стороне улицы, в стене отворилась дверь, из которой выглянула седоволосая женщина с материнской улыбкой на лице.

— Это Грин, наш библиотекарь, — представила ее Шарла. — Это она организовала ваш побег.

— Спасибо вам, что спасли нам жизнь, — от всего сердца поблагодарил я Грин.

— Вы еще не спасены, — возразила она. — Я перерыла всю библиотеку в поисках книг об узниках и побегах и нашла подходящий способ. Нашим инженерам удалось его осуществить, но что вам теперь посоветовать, я не знаю. В книге больше ничего на этот счет не сказано.

— Вы сделали самое главное, — заверил ее Мортон. — Больше не о чем беспокоиться. Мой друг Джим — чемпион Галактики по побегам. Я уверен, он придумает, как быть дальше.

— Придумаете? — спросила библиотекарь.

— Разумеется! — воскликнул я со вновь обретенным оптимизмом. — Мы вырвались из лап палачей, мы в надежном укрытии — теперь Зеннору вовек до нас не добраться. Скажите, этот город большой?

Грин поразмыслила, прикусывая нижнюю губу.

— Интересный вопрос. С севера на юг приблизительно...

— Нет, постойте! Я имею в виду не диаметр, а население.

— По последней переписи в самом густонаселенном районе Беллегаррика шестьсот восемьдесят три тысячи жителей.

— В таком случае нам совершенно нечего опасаться! Я хорошо знаю военных и могу в точности предугадать каждый их шаг. Сначала они будут носиться по улицам и палить в воздух. Потом кто-нибудь из самых головастых — несомненно, наш друг Зеннор — сообразит перекрыть все дороги из города и начнет повальные обыски. Начнет прямо здесь, с этого квартала.

— Вам надо бежать! — воскликнула Шарла, и на ее милом личике отразился испуг. Я воспользовался поводом взять ее за руку, чтобы успокоить. «Какая гладкая кожа!» — отметил я и спохватился. Не время думать об этом.

— Надо, разумеется, но не сломя голову, а обдумав каждый шаг. Зеннор обязательно вышлет патрули прочесывать соседние районы. Вот мой план. Мы переоденемся, сольемся с толпой, найдем укрытие где-нибудь на окраине, а после наступления темноты покинем город.

— Замечательно! — Очаровательные глаза Шарлы засияли.

Прежде чем я успел спросить, что она собирается делать, она выскочила из комнаты.

Ее решение оказалось простым, как раз в духе местных жителей. Очень скоро она вернулась, приведя с собой двух мужчин.

— У них почти такие же фигуры, как у вас. Они согласны обменяться с вами одеждой.

— Мы очень счастливы, что на нас пал ваш выбор, — сказал мужчина ростом пониже. — Приступим к обмену?

— Спасибо вам огромное, но это не обмен, — возразил я. — Возьмите наши мундиры, но ни в коем случае не надевайте. Надо их спрятать или уничтожить. За ношение этой одежды вас расстреляют.

Мои слова их ошеломили.

— Этого не может быть! — воскликнула библиотекарь.

— Очень даже может. Поверьте, я очень хорошо знаю военных.

Раздался частый стук в дверь, и Шарла открыла ее, прежде чем я успел вмешаться. К счастью, за дверью оказался Стирнер. Он тяжело дышал, глаза его были широко раскрыты.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Он кивнул.

— Меня никто не заметил, я пришел сюда другим путем. Но пришельцы избивают народ безо всякой причины. И стреляют. Некоторые ранены, хотя убитых вроде бы еще нет.

— Надо остановить военных, — сказал я. — И мне известно, как это сделать. Нам нужно вернуться на электростанцию, покуда оттуда не ушли Блох и моя рота. Днем идти туда очень опасно, поэтому сейчас мы найдем спокойное место и отсидимся до вечера. Пошли.

— Ничего не понимаю, — сказал Стирнер.

— А я понимаю. — К Мортону на свободе быстро вернулась его сообразительность. — Говорящая птица, да? Мы ее спрятали в ящике с амуницией.

— Да, под флягами со спиртным. Надо спешить, пока унтерофицеры не вылакали все и не добрались до фальшивого дна. Когда мы с ней беседовали, ты слышал голос моего дорогого друга, капитана Варода из Галактической Лиги. Он не знает, где мы нахо-

димся, знает лишь, что покинули Стерен-Гвандру. В птице должно быть сигнальное устройство, иначе он не всучил бы нам ее.

— Вперед! К птице и спасению! — воскликнул Мортон.

— К птице! К птице! — с воодушевлением подхватил я, не обращая внимания на окружающих, которые смотрели на нас, как на психов.

Глава 19

В огромном Беллегаррике было очень мало прямых улиц и высоких зданий. По городу уже разлетелось предупреждение о том, что мы вышли, и улицы были заполнены велосипедистами и пешеходами. Никто, казалось, не обращал на нас внимания, но через каждые десять минут рядом с нами тормозил велосипедист и сообщал последние новости о диспозиции противника. Это позволяло легко обходить заслоны, уклоняться от встреч с патрулями и в то же время знакомиться с городом — очень чистым, уютным, с широкой рекой, пересекающей его посередине. Мы перешли через нее по мосту, рискуя попасть на глаза нашим недругам, и углубились в жилой район на том берегу. Чем дальше мы уходили от реки, тем меньше становились дома, шире сады; к полудню мы пересекли черту города.

— Остановимся, пожалуй, — сказал я. Усталость давала себя знать и ныли ушибы. — Можно где-нибудь здесь отсидеться до вечера?

— Выбирайте, — сказал Стирнер, обводя взглядом окружающие дома. — В любом из этих домов вы — желанные гости.

Я молча показал на ближайший деревянный коттедж с белыми оконными рамами, окруженный цветочными клумбами. При нашем приближении отворилась входная дверь, и молодые хозяева хором воскликнули:

— Входите, входите! Вы как раз к обеду!

Это было очень кстати. После несметного количества самоприготовляющихся колбас, поглощенных нами в полете, домашняя еда показалась восхитительной. Хозяева с одобрением смотрели, как мы с Мортоном уписываем ее за обе щеки. А отменное вино, бутыль которого они поставили на стол, было выше всяческих похвал.

— Огромное вам спасибо, — поблагодарил я молодых людей. — Поистине вы спасли нам жизнь. Спасибо также индивидуальному мютюэлизму, приверженцами которого, насколько мне известно, вы являетесь, — все, кроме Мортона, согласно закивали, — и о

котором, к стыду моему, я ничего не слыхал, пока не посетил вашу чудесную планету. Хотелось бы узнать о нем побольше.

Все оглянулись на Грин. Она выпрямилась.

— Индивидуальный мютюэлизм — это не просто философия. Это также политическая система и образ жизни. Подробно все рассказано в книге его создателя, Марка Четвертого. — Она показала на том в кожаном переплете, стоящий на книжной полке. — Вы найдете ее в каждом доме на Чоджеки, как и портрет Марка Четвертого, учителя, которому мы будем благодарны до конца наших дней.

Я посмотрел на портрет, висящий на стене, и выпучил глаза. Мортон не сдержал возгласа изумления.

— Но ведь это же робот! — сказал он.

— Не робот, а разумная машина, — поправила Грин. — Один из первых в истории искусственных интеллектов. Марк Первый был технически несовершенен, да и Марк Второй...

— А, четвертая марка, — догадался я. — То есть четвертая модель.

— Вы правы. Четвертая модель, но первый совершенный искусственный разум. День, когда включили Марка Четвертого, был воистину историческим. Среди присутствовавших при этом был молодой ученый по имени Тод Э'Бауй. Он подробно описал это событие в «Историческом трактате о некоторых наблюдениях за созданием искусственного разума» с подзаголовком «Гальванизация познания».

Стирнер встал, подошел к книжной полке, взял тонкую книжку, нашел нужную страницу и прочел вслух:

— «Многовековые поиски, упорный труд многих поколений наконец-то увенчались успехом. Наступил драматический момент кульминации. Установлен последний блок, и я нажимаю кнопку. Как все-таки прозаичны слова, которыми приходится рассказывать о самом, быть может, важном моменте в истории человечества! Я нажимаю кнопку, и загорается лампочка — аппарат работает! Мы больше не одиноки во Вселенной! Плечом к плечу с нами встал иной разум!»

Мы дожидаемся, пока система контроля проверит исправность всех цепей. Наконец экран вспыхивает, и на нем появляются исторические слова: «Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, Я МЫСЛЮ».

Наступило благоговейное молчание. Мне казалось, будто я нахожусь в церкви. Бог-машина? Почему бы и нет? Кого только не обожествляли люди за многие века своего существования!

Я потягивал вино. Чувствуя, что никто не решается нарушить тишину, я спросил:

— У вас нет военных и полицейских. Мне это по душе, потому что я натерпелся и от тех, и от других. Но как вы поступаете, когда кто-то нарушает закон?

— У нас нет законов, которые можно нарушить, — ответил Стирнер, и окружающие согласно закивали. — Вас наверняка учили, что законы — плоды мудрости ваших предков. Мы считаем иначе: законы — плоды не мудрости, а страстей: робости, зависти и амбиций. Обо всем этом написано здесь, в этой книге, которую вам обязательно нужно прочесть.

Он снял с полки книгу. Хозяин дома взял ее из рук Стирнера и протянул мне.

— Сделайте милость, примите наш скромный подарок.

— Спасибо, спасибо. — Прикинув ее вес, я попытался изобразить на лице искреннюю благодарность.

Раскрыл наудачу, глянул и с трудом сохранил на лице улыбку. Как я и опасался, шрифт был очень мелкий.

— Надеюсь, вы ознакомитесь с ней на досуге, — сказал Стирнер. — Вкратце наша история такова. Марк Четвертый ответил на великое множество вопросов. Его мудрые, взвешенные советы использовались в науке, коммерции и многих других областях человеческой деятельности. Иное дело — область политики, хотя Марк вобрал в себя информацию о политической жизни общества на всем протяжении его истории. На это ушли многие месяцы, даже годы. Собрав необходимые сведения, Марк занялся прогнозированием будущего. Результатом его трудов явилась книга, которую вы держите в руках. Изучая политику, Марк узнал о людях много дурного и решил принять разумные меры предосторожности. Он подключился ко всем банкам данных и загрузил в них текст книги, а кроме того, дал приказ компьютеру почтовой службы разослать по всем адресам экземпляры книги. Впоследствии Марк извинился за этот вынужденный шаг и предложил возместить затраты на тиражирование своего весьма объемистого труда.

Он оказался прав в своих опасениях. Ни один политик во Вселенной не принял его теории. Предпринимались попытки скомпрометировать индивидуальный мютюэлизм и его адептов. Но Марк Четвертый знал: как бы ни пытались власть имущие опорочить его учение, найдутся люди, которые поймут его и поверят ему. До чего же мудра была эта разумная машина! Люди, постигшие философию Марка, уверовавшие в ее истинность, были отнюдь не глупы. Они понимали: воплотить в жизнь идеи Учителя будет со-

всем не просто. Неразумно, утверждал Марк, отдавать свою свободу государству. Справедливо и обратное: ни одно государство добровольно не отпустит граждан на свободу.

Засим последовали годы репрессий. Те, кто завидовал нашей свободе, сумели уничтожить большую часть экземпляров книг Марка. Многие вольнодумцы не выдержали гонений и отреклись от своей веры. Самые стойкие бежали сюда, на Чоджеки, и разорвали связи с родными мирами, чтобы построить общество, где ИМ — индивидуальный мютюэлизм — будет нормой жизни, где мир и счастье воцарятся навеки.

— Или, по крайней мере, до вторжения армии Невенкебла, — мрачно сказал я.

Стирнер рассмеялся:

— Не горюйте, мой друг, ведь мы же не горюем. Нас, конечно, ошеломило вторжение, да и как иначе — ведь мы столетиями не знали войн. Но мы свято верим в ИМ, и вера дает нам смелость и мужество. Мы с честью выдержим это испытание. Кто знает — возможно, нам удастся отблагодарить великого Учителя, распространив веру на другие, менее счастливые планеты.

— Я бы не спешил это делать. На других планетах много негодников, которые скорее сожрут вас заживо, чем уверуют в ИМ. Сначала надо избавиться от вояк, севших вам на шею. У вас не найдется обезболивающего? — обратился я к хозяевам. — Не хочется вас затруднять, но меня били ногами профессионалы.

Сказав это, я закрыл глаза, чтобы минутку отдохнуть. Это помогло — открыв их, я почувствовал себя превосходно. Но за окнами почему-то было темно. Надо мной стоял незнакомец со шприцем в руке.

— Ты отключился, — пояснил Мортон. — Все перепугались и послали за доктором Лумом.

— Небольшое сотрясение мозга, — констатировал врач. — Два треснувших ребра. Я ввел вам обезболивающие и стимулятор, поскольку нынче ночью, как мне сказали, вам предстоит путешествие. Но могу его нейтрализовать, если угодно.

— Не надо, доктор. Вы сделали именно то, о чем бы я сам вас попросил, будь я в сознании. Когда перестанут действовать лекарства?

— О, не беспокойтесь. Я буду рядом до полного вашего выздоровления.

— Вы меня не поняли. Мне придется очень быстро идти. Причем скрытно и, возможно, долго.

Лум улыбнулся.

— По-видимому, это вы меня не поняли. Я буду вас сопровождать, куда бы вы ни направились. Любой из нас окажет вам любую помощь.

— Этого требует ИМ?

— Совершенно верно. Что будем делать теперь?

— Пойдем пешком. Никаких машин. У военных есть приборы для обнаружения движущегося транспорта.

— А как насчет приборов для обнаружения людей? — спросил Стирнер. — Наверняка военные ими тоже располагают.

— Да, но человеческое тело — незначительный источник тепла, его трудно отличить от животных.

— А также от других человеческих тел, — подхватил Лум, сообразительный, как все хорошие врачи. — Наверное, для маскировки следует разослать в разных направлениях побольше пешеходов?

— Неплохо бы, — кивнул я. — Но как это сделать?

— Очень просто. Я выйду на улицу и поговорю с первым встречным. Сразу после этого можно будет идти на электростанцию.

— А мы успеем добраться туда затемно?

— Вполне, — ответил Стирнер. — Разумеется, вы вправе не посвящать нас в свой замысел, но если бы мы имели о нем некоторое представление, то смогли бы, наверное, чем-нибудь помочь.

Очевидно, от усталости и побоев у меня плохо работала голова. Я забыл рассказать своим добровольным помощникам о том, как намерен воспользоваться их услугами, а ведь это невежливо.

— Прошу прощения, я злоупотребляю вашим гостеприимством. Дело вот в чем. С тех пор как ваши предки подверглись гонениям за веру и бежали сюда, человечество маленько поумнело. Или повзрослело. Или стало культурнее. Есть, конечно, и исключения, подобные головорезам, что напали на вашу славную планету. Но почти везде люди живут в мире. Они создали Галактическую Лигу, которая следит за очагами напряженности, налаживает связи с заново открытыми планетами и тому подобное. Представители этой Лиги снабдили меня устройством для связи. По причинам слишком сложным, чтобы их объяснять, это устройство замаскировано под птицу. Я спрятал его на электростанции.

Стирнер нахмурился.

— Если Лига намерена прибегнуть к насилию, мы вынуждены будем отказаться от ее помощи.

— Не беспокойтесь. Лига против любого насилия.

— В таком случае нет проблем. Что от нас требуется?

— Проводите меня до электростанции, только и всего. Остальное я сделаю сам. Пойдем втроем: вы, я и добрый доктор Лум. Нам понадобятся еда и питье в дорогу.

— Ты забыл обо мне, — сказал Мортон.

— Нет, не забыл. Ты вырвался из армии, вот и держись от нее подальше. Я обойдусь своими силами. Надеюсь, никто не готовит мне теплую встречу. Оставайся здесь, побеседуй с Шарлой — думаю, это не потребует от тебя особых усилий. Постарайся узнать побольше. Завтра ночью я вернусь.

— Я охотно расскажу вам об индивидуальном мютюэлизме, — сказала Шарла медовым голосом. Мортон расплылся в улыбке и даже не заметил, как мы ушли.

Несмотря на седину, Стирнер годился в марафонцы. Доктор Лум был ему под стать, а мне (благодаря стимулятору) казалось, что если я сильно замашу руками, то оторвусь от земли и полечу. Мы шагали по грунтовой дороге, потом по лугу, где темные животные уступали нам дорогу. Через несколько часов огни города остались далеко позади, а впереди выросли черные горы, упирающиеся вершинами в безлунное звездное небо. Стирнер предложил передохнуть, и мы уселись на траву под деревом.

— Здесь мы оставим припасы, так что советую поесть, — сказал он.

— Мы уже близко?

— Да. Неподалеку отсюда вход в дренажный туннель. В это время года там нет воды. Туннель выведет нас на берег реки возле электростанции.

— Вы гений. Мы проберемся на территорию, за ограду, и, надеюсь, найдем командирскую машину. Сколько часов осталось до рассвета?

— Минимум четыре.

— Прекрасно. Отдохнем немного, а потом доктор сделает мне укол-другой, и пойдем дальше.

— Но вам станет плохо после того, как прекратится действие стимулятора, — сказал Лум с тревогой в голосе.

— Это пустяки по сравнению с тем, что может произойти, если мне не удастся выкрасть птицу.

Мы наелись и напились, затем доктор спрятал в ветвях дерева наши припасы, сделал мне укол, и мы пошли дальше. Я был полон сил и боролся с желанием насвистывать и бежать вприпрыжку. Вскоре мы оказались у входа в туннель.

— А там не могло спрятаться какое-нибудь опасное животное?

— Маловероятно, — ответил Стирнер. — Совсем недавно кончился сезон дождей

— К тому же, — добавил Лум, — на этом континенте нет опасных животных.

— Кроме тех, с которыми я сюда прилетел.

Мы вошли в темноту, ступая в невидимые лужи, касаясь пальцами осклизлых стен туннеля. Пока мы пробирались по нему, наши глаза настолько привыкли к темноте, что пятно звездного неба в конце показалось нам светло-серым.

— Теперь потише, — прошептал Стирнер. — Они уже совсем близко.

— Ждите меня в туннеле, — так же шепотом ответил я. — Постараюсь управиться как можно быстрее.

Я осторожно выглянул и увидел, что туннель выходит на берег реки. Отлично. По берегу можно добраться до электростанции. Что я и сделал. Шум воды, сбрасываемой со станции, становился все ближе. Приблизившись к водосбросу, я взобрался по откосу и осторожно раздвинул траву.

«Мои поздравления, — произнес я про себя. — Ты прямо гений ночной разведки!»

Метрах в двадцати, у входа в здание, стояла командирская машина.

Я тенью метнулся к ней и забрался на заднее сиденье. Ящик со спиртным был на месте. Прекрасно! Я вытащил фляги и поднял второе дно.

Пусто!

В этот миг за моей спиной распахнулась дверь. Я обернулся. В глаза ударил свет.

На пороге стоял сержант Блох с птицей в руке.

— Не ее ли ищете, капитан?

Я перевел взгляд с птицы на пистолет, нацеленный мне в лоб, и не нашел что ответить.

Глава 20

— Капитан, вы — беглый преступник. — Сержант улыбался, довольный собой. Я по-прежнему не находил слов. — Сюда прилетала военная полиция, забрала ваше барахло. А когда вертолет улетел, я вспомнил, как вы нянчились со своими фляжками. Я-то думал, вы боитесь за свое любимое пойло, а потом смекнул: что-то тут не так. Когда нам сказали, что вы — инопланетный шпион, я решил порыться в машине и нашел птичку с начинкой. Уже собирался доложить кому следует, но тут узнал, что вы сбежали, и подумал: постерегу-ка я птичку, вдруг вы за ней вернетесь. Так оно и вышло. Ну

что ж, пойдем потихоньку? Только ручки держите на виду, а рыпаться не советую.

Выбора у меня не было, но мозги уже зашевелились, оправляясь от потрясения.

— Сержант, я бы хотел получить обратно птицу.

— Уж в чем, в чем, а в этом я не сомневаюсь. Но с какой стати я ее отдам?

— Чтобы предотвратить кровопролитие. С ее помощью я свяжусь с флотом Лиги.

— Плевать мне на кровопролитие. — С его лица исчезла улыбка, а в голосе зазвучала жестокость, которой прежде я за ним не замечал. — Я — солдат, а вы — шпион. Я сдам полиции вас и вашу дерьмовую птицу. Сами понимаете, как это скажется на моей карьере.

— Подумайте о тысячах ни в чем не повинных безоружных людей! Неужели какая-то жалкая карьера вам дороже чистой совести?

— Дороже, клянусь всеми своими потрохами,

Я хотел было высказать все, что о нем думаю, но воздержался. Этим делу не поможешь.

— Сержант, вы берете взятки?

— Нет.

— Я говорю не о мелкой взятке. Предлагаю десять тысяч в кредитках Лиги. Поможете сорвать вторжение — они ваши. Подумайте хорошенько. Кредитки Лиги — твердая валюта.

— А какая гарантия, что я их получу?

— Мое слово.

— Слово шпиона! Что десять тысяч, что десять миллионов — шпионам верить нельзя.

Я уловил быстрое движение за его спиной и услышал смачный удар. Сержант рухнул наземь. Я быстро нагнулся, чтобы завладеть его оружием.

— Куда?! Стой, где стоишь.

Я поднял глаза. Бывший капрал, а ныне рядовой Аспайя держал меня на мушке.

— Так вот почему он торчал здесь всю ночь. — Щеря в улыбке кривые зубы, Аспайя убрал пистолет в кобуру и сообщил: — Я беру взятки, но десять тысяч мало. Двадцать.

Я показал на птицу.

— Отпусти меня с этой штукой и по возвращении домой получишь тридцать тысяч в надежных кредитках Лиги. Даю слово.

— Мой серийный номер — 32959727. В армии много Аспайя.

Он ушел. Я тоже не стал задерживаться, рассудив, что довольно с меня ночных свиданий. Схватил птицу под мышку и помчался к реке.

— Скорее в туннель! — крикнул я своим спутникам. Силы вдруг покинули меня, уколы больше не действовали. — Бежим, пока не поднялся переполох.

Мы скрылись в туннеле и выбрались из него посреди поля. Потом, должно быть, я упал, потому что вдруг обнаружил, что лежу в лесу. День уже наступил.

— Птица! — испуганно воскликнул я, озираясь.

— Здесь, — ответил Стирнер. — Вы потеряли сознание, и мы вас несли по очереди. Доктор решил, что вам необходимо отдохнуть, поскольку новая доза стимулятора может отразиться на вашем здоровье. Не волнуйтесь, здесь неподалеку укрытие, и скоро мы туда переберемся.

Схватив в охапку птицу, я недоумевающе покачал головой.

— Непостижимый вы народ. Однако спасибо. Солдаты далеко?

— Мы не слышали погони, но решили дождаться темноты. Здесь мы в безопасности. Если начнут обыскивать лес, перейдем в укрытие.

— Это хорошо. Ночью на электростанции я кое-кого повстречал, и теперь нас всюду ищут. Как бы там ни было, доведем дело до конца.

Я со стоном уселся, и доктор приблизился со шприцем в руке.

— Это обезболивающее, — пояснил он. — Возбуждающие средства пока противопоказаны.

— Доктор, вы гений.

Черная птица, свесив голову, покоилась в моих руках. От нее пахло ракетным топливом. Я дважды нажал на клюв. Птица открыла глаза.

— Говорит капитан Варод, — произнесла она и опрокинулась кверху лапками. — В зобу птицы есть панель управления. Открой ее.

— Сколько световых лет до него, а все командует, — проворчал я, ощупывая грудку птицы.

Стирнер и врач следили за мной, тараща глаза. Я нашел кнопочку, нажал, и откинулась покрытая перьями дверца, за которой поблескивала панель управления. Видимо, эта кнопка снова включила птицу, так как из нее посыпались новые указания:

— Установи на шкалах координаты светила и координаты планеты. Обозначения должны соответствовать действующему в настоящее время галактическому коду.

Я заскрежетал зубами.

— Откуда я их возьму?!

— Если это невозможно, поставь на предел регулятор мощности передачи и нажми кнопку включения.

Я сделал, как сказала птица, и отступил на шаг. Птица задрожала и заверещала. Из широко раскрытого клюва появилась тонкая антенна. Когда она выдвинулась на два фута, у птицы загорелись глаза. Антенна загудела, затем птичьи глаза потухли. Антенна медленно втянулась в клюв.

— Очень интересно, — заметил доктор Лум. — Вы можете что-нибудь объяснить?

— Нет. Наверное, эта дурацкая птица может.

— Объясняю, — каркнула птица. — Поскольку на панели не установлены координаты этой планеты, я не могу вести передачу на ССВ. Для ССВ-связи необходимо точно направить луч. Поэтому пришлось отправить сигнал на обычных радиоволнах. Как только радиостанции Лиги получат сигнал, будет установлено направление на источник и начнется передача на ССВ.

— Если к тому времени тебя никто не раздавит! — заорал я и поднял ногу. Но доктор удержал меня. Птица еще не договорила.

— Я выключаюсь — необходимо беречь энергию. Ты должен находиться рядом с радиостанцией, чтобы не пропустить вызов на ССВ.

— Находиться рядом! — закричал я. — Хорошо, я попрошу, чтобы тебя положили мне в гроб! — Поймав укоризненные взгляды Стирнера и Лума, я утихомирился. — Простите, я погорячился. На то есть основания.

— Слишком большое расстояние, да? — спросил Стирнер.

— Да, — буркнул я, вспомнив, что он инженер. — ССВ — это сверхсветовые волны, межзвездное расстояние для них пустяк. Но обычные радиоволны движутся со скоростью света. Далеко отсюда до ближайшей звезды?

— Три целых две десятых светового года.

— Замечательно! Один шанс на миллион, что неподалеку от звезды окажется станция Лиги, но даже в этом случае пройдет три года. А может пройти и десять лет, и двадцать, и пятьсот. До той поры даже косточки наши сгниют.

— Вам не в чем себя винить, — сказал врач. — Вы сделали все, что могли.

— Ну конечно, доктор. Я всегда играю до конца, поскольку не люблю проигрывать.

— Я вас очень уважаю — у вас огромное самообладание.

— Не самообладание это, а всего лишь поза. Вы не забыли на дереве флягу с водой?

— Не забыл, держите.

Я уселся под деревом, глотнул воды и отпихнул умолкнувшую птицу. И задумался. Потом вздохнул.

— Выход, конечно, есть. Но далеко не простой. Придется мне проникнуть на один из кораблей. Заберусь в радиорубку и определю координаты.

— Наверное, это очень опасно, — сказал Стирнер.

Я глухо рассмеялся.

— Не просто опасно — самоубийственно... — Издалека донесся крик, и я умолк.

— Вас ищут, — сказал Стирнер, помогая мне встать. — Надо уходить.

Доктор подхватил меня с другой стороны — и очень своевременно, иначе бы я свалился. К счастью, идти было недалеко — до опушки леса. Прячась за деревьями, мы разглядывали мирный сельский пейзаж. Поле пересекал ряд опор высоковольтной линии, между ними провисали тяжелые провода. Линия обрывалась неподалеку от нас.

— Здесь провода уходят под землю, — пояснил Стирнер, показывая на массивное бетонное сооружение.

— Чего и нам желаю. — Я показал на цепь солдат.

— Не волнуйтесь, они нас не заметят. Бежим.

Мы выбежали из леса и распластались на бетонной стене рядом с красной металлической дверью, украшенной черепами и скрещенными костями — предупреждением о мгновенной смерти. Все это не испугало Стирнера, быстро набравшего на замке нужный код. Тяжелая дверь распахнулась, мы торопливо вошли и закрыли ее за собой.

— А вдруг они захотят сюда заглянуть? — спросил я, осматривая ярко освещенную комнату. Впрочем, смотреть было не на что, кроме толстого кабеля, идущего от потолка к полу.

— Не получится. Дверь очень прочна, косяк вмурован в стену. Да и зачем им это?

Думать над этим вопросом я не мог — мне было очень плохо. Я сел, потом лег, потом на секунду закрыл глаза.

И проснулся от мерзкого, как дыхание свинобраза, привкуса во рту.

— Йик... — икнул я.

— Очень рад, что вы поспали, — сказал доктор, тут же вонзая мне в руку иглу. — Отдых — лучшее лекарство. Этот укол окончательно снимет усталость и боль.

— Надолго я вырубился?

— На весь день, — сказал Стирнер. — Уже поздний вечер, солдаты давно ушли. Мы уже собрались вас будить. Воды?

Я высосал полфляги и потянулся. Мне было гораздо лучше. Я встал на ноги и заметил, что не качаюсь. Пора идти.

Доктор нахмурился.

— Надо бы подождать, пока укол подействует.

— Спасибо, подействует в дороге. Нас долго не было в городе, и я начинаю волноваться.

Ходьба окончательно меня исцелила. В лесу было тихо и спокойно, и мы могли разговаривать без опаски. Стирнер пружинисто шагал, врач поглядывал на меня и вскоре попросил остановиться, чтобы вложить мне в ладонь диагностический прибор. Отклонений от нормы он не обнаружил, и мы пошли дальше. Погруженный в свои мысли, я даже не заметил, как мы добрались до города. Едва я увидел впереди здания, как ко мне вернулись все дурные предчувствия.

Еще затемно мы тихо пробрались вдоль заборов к коттеджу, где нас ждал Мортон.

— Ты принес птицу! — обрадовался он.

Я кивнул, бросил ее на кушетку и рухнул рядом.

— Да, но толку от этого мало. Дело в том, что прибытие помощи откладывается на неопределенный срок. Пришлось вызвать ее по обычному радио.

— Да, действительно, это очень плохо, — сразу приуныл Мортон. — А тут, пока вас не было, стали брать заложников. Зеннор выступил по телевидению — сказал, что будет расстреливать их по одному, пока горожане не вернутся к работе. Первого обещал расстрелять на рассвете, затем через каждые десять минут... — У него задрожал голос. — Когда солдаты подошли к дому Шарлы, хозяева вышли им навстречу. Сдались, чтобы спасти меня. Теперь они заложники и ждут смерти!

Глава 21

— Этого не может быть! — сказал доктор, ошарашенный, но спокойный. — Человеческие существа просто не способны на такое!

— Заблуждаетесь! — воскликнул я, нервно расхаживая по комнате. — Может, человеческие существа и не способны на такое, зато звери вроде Зеннора... Впрочем, виноват — Зеннор хуже любого зверя. Но я уверен, что все кончится благополучно. Ваши люди, наверное, уже взялись за дело. Правда, Стирнер?

— Нет. Если вы постигли основные идеи индивидуального мютюэлизма, то должны понимать, что каждый человек — это от-

дельная и цельная сущность, отвечающая только за себя. Чтобы с ней ни делал Зеннор, к другим это отношения не имеет.

— А вот Зеннор так не считает.

— В таком случае он ошибается.

Я взвыл и вырвал из чуба клок волос. Что за чертовщина?!

— Посмотрим на это под другим углом зрения. Если вы не спасете заложников, то их смерть будет на вашей совести.

— Зато, поддавшись на провокации Зеннора, я тем самым покажу, что мои действия зависят от его воли. И тогда — конец индивидуальному мютюэлизму. Нет, мы выбираем пассивное сопротивление. Никто не сможет запугать нас или подчинить себе...

— Но сможет убить.

— Да, — мрачно кивнул Стирнер. — Если Зеннор будет стоять на своем, некоторые из нас погибнут. Но смерть — это тоже самозащита. Можно ли заставить человека работать, убив его?

— Я понял идею, но не скажу, что она мне по душе — надо найти менее болезненный выход. Чего от вас требует Зеннор?

— Слишком многого, — ответил Мортон. — Сначала он хотел, чтобы возобновилось снабжение электроэнергией здания, занятого военными. Потом ему понадобились регулярные поставки продовольствия. За это он обещал отпустить заложников.

— Это невыполнимо, — вздохнул доктор Лум. — Ничего они не получат, поскольку ничего не хотят дать взамен электроэнергии. То же касается и продовольствия. Рынки пусты, так как фермеры перестали возить в город продукты.

— Но чем тогда питаются горожане? — удивился я.

— Сами ходят на фермы. Город опустел почти на треть.

— Как опустел? Куда девались жители?

— Кто куда. — Стирнер улыбнулся, глядя на мою изумленную физиономию. — Я вижу, вы совершенно не представляете, как действует наша экономика. Попробую объяснить на простейшем примере. Возьмем фермера. Он производит сельскохозяйственную продукцию, обеспечивая себя всем необходимым.

— Так уж и всем? — усомнился я. — А если ему понадобятся новые башмаки?

— Он пойдет к башмачнику и выменяет обувь на еду.

— Бартер! — воскликнул Мортон. — Самая примитивная экономическая система. Но для современного технологизированного общества она неприемлема... — Он запнулся, обводя взглядом комнату.

Стирнер снова улыбнулся.

— Разумеется, неприемлема. Но индивидуальный мютюэлизм не сводится к бартеру. Индивидуум добровольно объединяется с другими индивидуумами для производства промышленных изделий или, скажем, строительства домов. За каждый час работы он получает вирр.

— Что получает?

— Трудочас. За вирр он может получить определенные товары и услуги.

— Короче говоря, вирры — это деньги, — заключил Мортон. — А деньги — это капитализм. Значит, ваше общество — капиталистическое.

— Боюсь, что нет. Индивидуальный мютюэлизм — это не капитализм, не коммунизм, не социализм, не вегетарианизм и даже не жуткий монетаризм, погубивший множество технологизированных цивилизаций. Я знаком с этими терминами по трудам Марка Четвертого. Физически вирр не существует, в отличие от редких металлов или морских раковин. Его нельзя вложить в дело, и с него нельзя получить прибыль. В этом — главное отличие вирра от валюты. Поэтому у нас нет банков в привычном смысле этого слова — в них нечего вкладывать.

В голове у меня все перепуталось.

— Минуточку, минуточку. Я видел на улице автомобили. На какие средства они приобретены?

— Денег не нужно, — мягко ответил Стирнер. — Если вам понадобился автомобиль, идите к тем, кто их производит. Пока будете пользоваться — будете платить, вернете — перестанете платить. Главный принцип индивидуального мютюэлизма: каждому — по потребностям, от каждого — по способностям для общего блага.

— Нельзя ли пояснить? — Я налил себе вина и залпом осушил бокал, надеясь, что спиртное прочистит мозги.

— С удовольствием. Когда-то я читал — и дрожал от негодования! — о философии под названием «трудовая этика». Дескать, индивидуум обязан трудиться в поте лица, чтобы добывать элементарные средства к существованию. По мере совершенствования технологий все больше людей вытесняется из производства машинами. Удел безработных — быть брошенными на произвол судьбы, голодать и подвергаться гонениям, как преступники. Зато обладатели капитала, как утверждает эта лицемерная доктрина, не обязаны трудиться. Достаточно, если они будут увеличивать капиталы и присматривать за нищими. Ужасно? Ужасно. Иное дело — мютюэлизм. Чем больше всего производится, тем богаче общество, тем выше стоимость вирра.

До меня начало доходить.

— Еще один вопрос. Если стоимость вирра растет, то за ту же зарплату индивидуум может работать меньше?

— Именно так.

— Значит, сорокачетырехчасовая рабочая неделя становится не нужна. Сколько часов индивидуум должен работать, чтобы не помереть с голоду?

— Два часа в неделю обеспечат ему скромный кров, еду и одежду.

— Я хочу здесь поселиться, — тихо сказал Мортон.

Я понимающе кивнул — и замер, чтобы не спугнуть заскочившую в голову идею. Цап! И ухватил ее за хвост. Неплохо. Стоит попробовать. Но попозже, сначала надо позаботиться о заложниках.

— Скоро рассвет. Мне очень понравилась ваша лекция, Стирнер, большое спасибо. Теперь я знаю об индивидуальном мютюэлизме намного больше, чем прежде. Во всяком случае, достаточно, чтобы сформулировать вопрос: как вы поступаете в чрезвычайных обстоятельствах? В случае наводнения, например, или прорыва плотины? Иными словами — в случае катастрофы, угрожающей не индивидуумам, а коллективу?

Доктор шагнул вперед и поднял указательный палец.

— Хороший вопрос! Великолепный вопрос! — Он взял с полки толстый том. — Ответ на него — здесь! Марк Четвертый учел эту ситуацию. Вот что он пишет: «...Пассивное сопротивление — ваше единственное оружие. Но ни в коем случае не насилие. Но пока вы создаете самое ненасильственное государство, индивидуумы, считающие насилие нормой, будут применять его по отношению к вам. Запомните: мертвые не принесут пользы обществу, исповедующему индивидуальный мютюэлизм. Пока не пришел день полного освобождения, вы должны сосуществовать с другими. Вы можете покинуть их, но они могут пойти за вами и навязать вам свое присутствие. В этом случае вы и вам подобные должны относиться к исходящему от них насилию как к стихийному бедствию, например, извержению вулкана или урагану. Разумный человек не станет обсуждать с раскаленной лавой вопросы этики, а отойдет подальше; не будет читать мораль ветру, а найдет укрытие от него».

Захлопнув книгу, доктор Лум снова торжественно поднял палец.

— Мы спасены! Марк Четвертый предвидел наше несчастье и оставил необходимые наставления!

— Действительно, — с энтузиазмом подтвердил Стирнер. — Пойду передам всем остальным. — Он выскочил за дверь.

Я только рот раскрыл, проводив его взглядом. То, что вертелось у меня на языке, высказал Мортон:

— Что-то я не пойму, к чему клонит этот ваш Марк Четвертый.

— Марк Четвертый — сама ясность, — назидательно ответил доктор Лум. — Ясность и мудрость! Не подчинившись Зеннору, мы обречем себя на смерть. Поэтому мы подчинимся — и уйдем.

— Теперь я ничего не понял, — сказал я.

— Мы пустим ток и откроем рынки. Захватчики получат продукты, а некоторые фермеры заработают полноценные вирры, ведь они будут спасать народ от стихийного бедствия. Зато другие не будут работать, и поставки продовольствия для нужд города прекратятся. По мере уменьшения запасов провизии ускорится отток населения. Исчезнет нужда в электричестве, и с электростанции уйдет обслуживающий персонал. Скоро в городе останутся только солдаты.

— Похоже, вы верите в то, что говорите. Видимо, я недооценивал вашу приверженность. Позвольте еще один вопрос. Теоретический.

— Теоретические вопросы — самые лучшие вопросы!

— Вы правы. Допустим, я прихожу в далекий город и прошу работу. Мне не откажут?

— Разумеется, нет! Это же основной принцип индивидуального мютюэлизма.

— А вдруг там просто не найдется работы?

— Такого быть не может. Вспомните, мы говорили о растущей покупательной способности вирра. Теоретически чем она выше, тем меньше часов уходит на отрабатывание элементарных благ. Придет время, когда нескольких секунд в неделю будет достаточно...

— Спасибо, понял. Еще один-единственный вопросик. Если какой-нибудь солдат вдруг уйдет из армии...

— Он имеет на это полное право!

— Да, но его начальство придерживается иного мнения. Но допустим, он пришел в далекий город, нашел работу, встретил девушку, и все такое... Это возможно?

— Возможно? Еще бы! На том и стоит индивидуальный мютюэлизм.

— Я так и думал, что ты так думаешь! — Мортон вскочил и восторженно хлопнул меня по спине.

— Вычеркнем офицеров и унтер-карьеристов. Все остальные кто? Мобилизованные. Многие из них уклонялись от призыва.

Если дать им возможность разбрестись, Зеннор скоро останется без армии.

Тут распахнулась входная дверь, и я нырнул под стол. Но это вернулся ликующий Стирнер, а за ним — отпущенные заложники. Мортон бросился к Шарле и схватил ее за руку, а я не удержался от похвалы:

— Отличная работа, Стирнер.

— Я воспользовался телевизофоном, что стоит на той стороне улицы. Оплатил канал всеобщего оповещения и рассказал о нашем открытии. В тот же миг возобновилась подача электроэнергии, а затем Зеннор получил первую партию продовольствия. Он выполнил обещание и отпустил заложников.

— Должно быть, он празднует победу. А знаете, что мы придумали в ваше отсутствие? Способ разгромить его в пух и прах. Даже в том случае, если не придет флот Лиги.

— Я воодушевлен, но не улавливаю суть.

— Все объясню, только давайте сначала выпьем за победу.

Эта идея пришлась по душе всем. Осушив бокалы, мы с Мортоном не без интереса выслушали песнь о том, как индивидуальный мютюэлизм избавляет человечество «от ига угнетения». Стихи были настолько же отвратительны, насколько хороша теория, хотя я не мог не оценить героических усилий автора, пытавшегося найти рифму к «индивидуальному мютюэлизму». Впрочем, времени я зря не терял, приводя в порядок мысли. Поэтому, когда песня кончилась и певцы потянулись за бокалами, чтобы промочить горло, я взял слово.

— Люди добрые, я считаю своим долгом рассказать вам о толпе головорезов в мундирах, захвативших вашу прекрасную планету. Такая толпа, да будет вам известно, называется армией. Армия появилась на заре развития человечества, когда физическая сила была средством выживания. Гены воинственности оказались стойкими. Дикари, защищавшие свои семьи от врагов, передавали эти гены детям. Впоследствии они вызвали великое множество бед, и вы сами имеете шанс в этом убедиться. Истребив опасных животных, люди стали уничтожать друг друга. Должен со стыдом признать, что мы, люди, — единственная форма жизни, уничтожающая себе подобных организованно и методично. Последнее достижение генов воинственности — армия. Наверху стоят старики, так называемые офицеры. Они практически ничего не делают, только командуют. Внизу — солдаты, выполняющие приказы. Между солдатами и офицерами — прослойка унтер-офицеров, отвечающих за выполнение приказов. Нам с вами

особо интересен тот факт, что солдаты мобилизованы и многие из них всячески пытались увильнуть от мобилизации.

Мне пришлось объяснять, что такое мобилизация.

Когда улеглось возмущение, я продолжал:

— Меня радует ваша реакция. Как вы считаете, среди вас найдутся желающие помогать несчастным молодым людям, не получая за это никаких вирров?

— Это наш долг, — ответил доктор, и остальные дружно кивнули. — Все равно что спасти утопающего.

— Вот и замечательно. Давайте разучим еще одно словечко...

— Можно я угадаю? — спросил Мортон.

Я кивнул.

— Дезертирство!

— Правильно!

Глава 22

Вскоре энтузиазм угас. Стирнер предложил дать нам выспаться, а затем продолжить собрание. Меня отвели в небольшую комнату, где над мягкой постелью висел портрет Марка Четвертого. Глотнув напоследок винца, я отключился.

Вечером я собрал воедино зачатки своего плана и сказал команде:

— Сначала попробуем сами. Если получится, научим остальных. Мы будем действовать, как древние мошенники, в свое время я узнал этот термин, когда изучал историю преступности, — я не стал объяснять, что занимался этим с целью совершенствования в преступном ремесле. Простоватым последователям ИМ это понять было бы трудно.

— Сегодня же я пойду в одну из харчевен, или как они здесь называются... подсяду к какому-нибудь солдату и заведу с ним дружескую беседу. Вы, Стирнер, будете сидеть за соседним столиком или неподалеку от него. Я пересажу солдата поближе к вам, чтобы вы могли слышать наш разговор. Шарла тоже будет с вами — она ваша дочь.

— Ошибаетесь. Шарла мне не дочь.

— Разумеется, но сегодня пусть будет дочерью. Понарошку. У вас есть театр?

— Ну конечно. Сказать по правде, в юности я увлекался сценическим искусством, пока не открыл для себя прелести электротехники. Даже играл заглавные роли в классических пьесах. Как это, дайте припомнить... «Жить или не жить...»

— Замечательно! Великолепно! Я счастлив, что среди нас есть опытный актер. Сегодня вы сыграете роль отца Шарлы. Если в точности выполните мои инструкции, все получится. Дельце-то пустяковое, яблочко, как говорится, созрело и готово упасть к нам в руки.

— А мне что делать? — спросил Мортон. — Ты говорил, что на этот раз я понадоблюсь.

— А как же! Тебе поручается важная работа — записывать на пленку нашу беседу. Магнитофон не показывай, микрофон держи поближе к говорящим. Сможешь?

— Смогу!

Дождавшись темноты, мы вышли на улицу. Впереди шагали добровольцы из незнакомых нам горожан, проверяя, нет ли на пути застав или патрулей. Как только таковые обнаруживались, нам давали знать, и мы поспешно сворачивали. Прогулка оказалась довольно приятной, хоть нам и пришлось попетлять.

Был ранний вечер, тем не менее вывески увеселительных заведений не горели. Стирнер вел нас в «Толстый фермер» — свою излюбленную харчевню. Там сидели несколько человек, но среди них — ни одного военного.

— Ты говорил, что солдатам выданы увольнительные и что они наведываются сюда. Что-то я их не вижу.

— Видимо, они перестали сюда заходить, потому что их не обслуживают.

— А почему их не обслуживают?

— Потому что они не платят.

— Похоже на правду. Но раз они захватчики, почему бы не потребовать, чтобы их обслужили.

— Стоит им потребовать, как все расходятся, а харчевня закрывается.

— Ясно. Ладно, все по местам. Пойду погляжу, нет ли кого на улице.

Стоя на тротуаре с незажженной сигарой в руке, я чувствовал себя едва ли не сутенером. К счастью, никто из прохожих не обращал на меня внимания. Зато я пристально разглядывал толпу — высматривая тех, кого никак видеть не хотелось, — полицейских, ребят с нашивками и шевронами.

Вскоре в поле моего зрения попали две невоенные фигуры в военной форме. Руки в карманах, кепи под неуставным углом — стыд и позор! Они подошли к «Толстому фермеру» и с тоской уставились в окно. Я приблизился к ним.

— Ребята, огоньку не найдется?

Оба подпрыгнули как ужаленные и разом повернулись ко мне.

— Ты по-нашему говоришь? — воскликнул один из них.

— Да. Я горжусь своими лингвистическими способностями. Если помните, я спрашивал насчет огонька.

— Я не курю.

— И правильно делаете, табак — яд. Но, может быть, у кого-нибудь из вас найдется зажигалка?

Солдаты отрицательно покачали головами, мрачно глядя на меня. Я поднял палец с таким видом, будто меня осенила спасительная идея.

— Вот что мы сделаем: зайдем в это милое заведение, и я попрошу у кого-нибудь прикурить. А потом мы с вами потолкуем за кружкой пива, и я попрактикуюсь в вашем языке. Не возражаете?

— Не выйдет. Как только мы закажем пива, харчевня закроется и все разойдутся.

— Это потому, что у вас нет вирров, местных денег, нашего всеобщего эквивалента. Зато у меня вирров куры не клюют. Идем, я угощаю.

Солдаты живо исчезли за дверью. Когда я вошел, они уже приплясывали от нетерпения возле стойки.

— Три кружки пива, — заказал я, бросая пластмассовый вирр-диск Стирнера в прорезь на поверхности стойки. — Большие.

Пока робот-бармен, блестящий хромом и медью, с крышечками от бутылок вместо глаз, нес пиво, я получил обратно диск, служивший кредитной карточкой.

— Выпьем за армию, ребята! — торжественно сказал я, поднимая кружку. — Надеюсь, вы довольны карьерой, которую выбрали.

Они с энтузиазмом хлебнули и сразу привычно заныли, что мне напомнило недавнее армейское прошлое.

— Выбрали? Как бы не так — нас мобилизовали! Насильно затащили в армию. Мы прятались, ловчили, да все без толку, — заныли они, осушив кружки. — Что в ней хорошего, в армии? Муштровка, издевательство, вонючие начальники... Такую профессию разве выбирают добровольно?

— Разумеется, нет! Но кормят-то вас, надеюсь, сносно?

Я с наслаждением выслушал вопли и проклятия по адресу самоприготовляющейся колбасы и заказал пива. Когда солдаты утопили носы в пене, я предложил:

— Я знаю, у вас только что был обед, но очень уж уютно смотрятся три свободных стула за столиком, где сидят пожилой джентльмен и милая птичка. Надеюсь, друзья, вы позволите угостить вас добрым бифштексом?

Ответом был частый топот сапог. Перед нами поставили тарелки, и мы их мигом подчистили, стараясь не чавкать, — с нами как-никак юная дама.

Высосав по кружке пива, солдатики стали откровенно пялиться на Шарлу.

Пора было переходить ко второму этапу.

— Но если в армии не очень хорошо кормят, — сказал я, — то это, должно быть, компенсируется заботливым отношением сержантов к нижним чинам?

Сочувственно кивая и внутренне ухмыляясь, я выслушал поток жалоб на командиров, уборные, кухню и прочие прелести, столь любезные сердцу служивого человека. Затем я мигнул Стирнеру и откинулся на спинку стула.

— Простите, молодые люди с далекой планеты, что я вмешиваюсь, но мы с моей дочерью Шарлой поневоле слышали ваши слова. Неужели возможно, чтобы человека против его желания заставляли служить в армии?

— Еще как возможно, папаша. Привет, Шарла. Ты когда-нибудь ходишь гулять с кем-нибудь еще, кроме отца?

— Да, и очень часто. Я просто обожаю красивых молодых людей. Таких, как вы.

Мы утонули в прозрачных озерах ее глаз и, побултыхавшись немного, вынырнули, чуть живые от любви. Стирнер что-то говорил солдатам, но они не слышали. Мне пришлось поставить большие кружки пива, чтобы заслонить Шарлу от вытаращенных глаз моих приятелей.

— Я искренне сочувствую вам, молодые люди. На нашей планете такое просто невообразимо. Подобное насилие противоречит нашим законам, которые утверждают, что никаких законов быть не должно. Но почему вы позволяете, чтобы с вами так обращались?

— Нету выбора, папаша. Нас держат за колючей проволокой, с нас глаз не спускают днем и ночью; кто бежит, в того стреляют, а кого ловят, ставят к стенке. Да и бежать некуда, и спрятаться негде.

Он тяжко вздохнул. По щеке его друга сбежала слеза.

— Н-да, — произнес Стирнер. — У нас такое невозможно. Тут нет колючей проволоки, и никто не стал бы за вами следить и уж тем более расстреливать. В нашей огромной стране любой готов помочь человеку, попавшему в беду.

Солдаты подались вперед, напрягая затуманенные пивом мозги. «Д-дьявол...», — пробормотал один из них. Шарла ангельски улыбнулась.

— Я не понимаю этого слова, молодой человек, но чувствую, что оно выражает недоверие. Можете не сомневаться, мой отец говорит правду. Вот, смотрите. Это железнодорожные билеты до городка, где мы живем, маленького идиллического городка фермеров. Ехать туда на скором поезде один день. Видите, машина ошиблась и вместо двух билетов выдала четыре? Надо бы вернуть, но, если хотите, можете взять их как сувениры.

Два билета молниеносно исчезли.

— На перрон можно подняться по боковой лестнице, ее не охраняют, — невинно добавила Шарла.

— Надо спешить, а то не успеем к отходу поезда. — Стирнер встал и поднял с пола сверток. — Прежде чем уходить, я должен посетить *нужник*, как говорят у нас на ферме. — У меня есть два сына, молодцы примерно вашего роста и сложения. Я везу им новую одежду. — Сделав шаг к выходу, он обернулся. — Если нужно, я могу одолжить ее вам.

Солдаты ринулись за ним к двери. Шарла проводила их томным взглядом.

— Ты хорошо знаешь тот городишко? — спросил я. — Сможешь объяснить ребятам, как найти друзей?

— Ни разу там не была, нашла это место на карте. Не волнуйся, они получат помощь и убежище. Я провожу их и через два дня вернусь. А вот и они. Смотри, какие красавчики! Разве им не к лицу гражданская одежда?

«Уроды!» — ревниво подумал я, сожалея, что не могу поехать вместе с ними. Я подошел к столику, за которым, страдальчески глядя в спину уходящей Шарле, сидел Мортон. Мне пришлось дважды толкнуть его, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не волнуйся, она вернется. Ты все записал?

— Каждое слово. Нельзя ли еще пива? Я только одну кружку выпил — меня Шарла угостила перед тем, как ты вошел. Ты, я видел, еще и бифштекс зака...

— Какое еще пиво на посту, солдат?

К нам подошел Стирнер с корзиной в руке.

— Здесь их мундиры.

— Отлично. Нам они понадобятся для съемки. А теперь — в студию видеозаписи.

В здании, где находилась студия, нас уже ждали. Я протянул одному из техников кассету со звукозаписью.

— Нужно несколько сот копий.

— Сделаем за час. — Кассету вырвали из моей руки. Я повернулся к переполненным энтузиазмом работникам студии.

— Директор?

Вперед вышел статный рыжеволосый человек.

— К вашим услугам. Прожекторы, колонки, камера — все готово.

— Замечательно. Как только мой помощник наденет мундир, начинайте съемку. Где здесь можно переодеться?

Вытащив мундир из корзины, Мортон держал его двумя пальцами, как дохлую крысу.

— Даже смотреть на него противно, — сказал он. — Как представлю на себе эту гадость...

— Мортон, заткнись, — перебил я.

Встряхнул мундир и осмотрел его. Отличный наряд. Я быстро напялил его.

— Ты теперь актер, Мортон, будешь играть солдата. Сыграешь роль — и снимешь форму навсегда. Можешь даже сжечь ее. Тебе будут аплодировать тысячи зрителей. Давай, наряжайся. Вот так.

Я сел, просунул ноги в штанины, и тут из кармана что-то со звоном упало на пол. Нагнувшись, я поднял с пола диск с личным номером. Рядовой Пайк 0765, видимо, страстно желал стать снова беззаботным штатским и оставил все, что могло напомнить ему об армии. Пока я подбрасывал диск на ладони, в мозгу моем зашевелилась мысль... Но меня отвлек вопль:

— Не надо! Когда у тебя вот так блестят глаза, это означает, что нам предстоит лезть к тигру в пасть. Чур, на этот раз — без меня.

Я похлопал его по плечу, поправил галстук.

— Успокойся. Ты прав, у меня родилась отличная идея. Но ты на сей раз не понадобишься. Пошли сниматься, а потом я расскажу, что придумал.

Я поставил Мортона на фоне стены. Он выглядел так, будто ждал расстрела, но искать более подходящую декорацию не было времени.

— Снимайте его в полный рост, — сказал я директору. — Дайте мне микрофон. Когда будете готовы, скажите.

Мортон заморгал, пригвожденный к стене лучами прожектора. Мне в ладонь сунули микрофон.

— Тише. Звук. Камера. Съемка!

— Приветствую вас, леди и джентльмены Чоджеки. Перед вами — типичный солдат армии захватчиков с инопланетного острова Невенкебла. Вместе с видеокассетой вы получите аудиокассету с интервью, взятым нами у других солдат. Вы не раз содрогнетесь от ужаса, слушая их жалобы на подневольную службу, а потом — я обещаю! — не удержите слез облегчения, когда они решат сбросить мундиры и удалиться под сень деревьев и сияющее солнце индивидуального мютюэлизма.

Я шпарил как по писаному, даже Стирнер захлопал в ладоши, не говоря о техниках. Мортон сцепил руки над головой и поклонился.

— Тихо! — выкрикнул я, и мигом наступила тишина. Я вышел перед камерой и показал на Мортона: — Вот таким солдатам надо давать пристанище, леди и джентльмены. Но при этом не забывайте убедиться, что на рукавах у них нет значков отличия. Людей с шевронами необходимо остерегаться, ибо они — порабощенные дьяволы во плоти. Также не разговаривайте с людьми, носящими на плечах металлические украшения. Эти люди — так называемые офицеры, они очень глупы и потому опасны. Надо обходить их стороной, как и индивидуумов в красных кепи и с буквами В и П на рукаве.

Теперь вы знаете, кого надо опасаться, а к кому можно подходить смело. Увидев бедолагу в форме рядового, улыбнитесь ему и шепните: «Ты любишь свежий воздух?» Если он улыбнется и ответит утвердительно, значит, он наш. Действуйте, и да поможет вам Марк Четвертый!

— Готово, — сказал оператор.

Едва погасли юпитеры, Мортон стащил с себя форму.

— А что за мура насчет свежего воздуха? — спросил он у меня.

— Никакая не мура, дружище, — ответил я, вытаскивая из кармана его куртки увольнительную. — Я собираюсь оповестить солдат, что завтра, выйдя за ворота, они могут уже не возвращаться.

— Так и знал, что ты затеваешь самоубийство, — пробормотал Мортон. — Ведь для того, чтобы оповестить солдат, надо проникнуть в лагерь.

— Совершенно верно, — кивнул я.

Глава 23

— Это самоубийство, — с дрожью в голосе повторил Мортон.

— Напротив — очень разумный ход. Этой свинье Зеннору и в голову не придет искать меня среди солдат. У меня есть увольнительная на сегодня. Я приду в лагерь пораньше, под тем предлогом, что в городе солдату делать нечего. Побываю в уборной, в пивной для нижних чинов — везде, где собираются рядовые, — и потолкую с ребятами. И еще кое-что сделаю, о чем тебе пока знать ни к чему. Ты за меня не волнуйся.

«Я сам за себя волнуюсь», — мысленно добавил я. В армии меня ждала масса ловушек, и все они были смертельно опасны.

— Но как ты оттуда выберешься? — Казалось, голос Мортона доносится издали, с трудом пробиваясь сквозь черную завесу моих дурных предчувствий.

— Ну, это меня меньше всего беспокоит, — честно ответил я и повернулся к Стирнеру, который спокойно слушал наш разговор. — Помните, что делать с кассетами?

— Мы в точности исполним ваши инструкции. Добровольцы ждут не дождутся, когда им дадут кассеты, чтобы раздать их другим добровольцам, а те тоже сделают все, что от них требуется.

— Прекрасно. Но с раздачей кассет надо потерпеть хотя бы до завтрашнего вечера. Нужно, чтобы побольше солдат узнало пароль. Если офицеры сразу заметят неладное, это существенно затруднит нашу работу. Они возьмут под наблюдение или вовсе перекроют железную дорогу. Поэтому надо заранее подготовить другие пути. В общем, позаботьтесь обо всем, пока меня не будет. Назначаю вас ответственным за дезертирство.

— Когда вы рассчитываете вернуться?

— Как получится. Постараюсь не задерживаться.

Больше говорить было не о чем. Нахлобучив на голову кепи, я повернулся к выходу.

— Удачи, — сказал Мортон мне вслед.

— Спасибо. Да, удача мне не помешает.

Шагая по пустым улочкам, я испытывал острую тоску. А утопить ее было нечем, поскольку вирр-диск я вернул Стирнеру, а деньги на этой планете ничего не стоили. Оставалось брести мимо вывесок, суливших недоступные для меня удовольствия, и прижиматься носом то к одному, то к другому окну, как это делали другие неприкаянные в мундирах. У многих не выдерживали нервы, и хотя вечер только что наступил, они тащились в городской парк, где был разбит лагерь.

Я побрел вслед за ними и вскоре оказался под яркими фонарями, возле колючей проволоки, окружавшей зеленый парк. Раньше он был излюбленным местом отдыха горожан, а теперь на вытоптанной траве стояли серые армейские палатки. Солдат удобствами не баловали, но офицеры жили в сравнительно комфортабельных сборных бараках.

Чтобы приблизиться к воротам, где военные полицейские проверяли увольнительные у понурых рядовых, мне пришлось собрать в кулак всю свою волю. И хотя рассудок убеждал меня, что никто не ждет в лагере чужого, все животные инстинкты верещали от ужаса.

Разумеется, все прошло без сучка без задоринки. Крошечные глазки полицейского вытаращились из-под кустистых бровей на увольнительную, а затем волосатая лапа махнула: проходи, мол. Направляясь к палаткам, я позвенел в кармане мелочью, забытой на радостях прежним владельцем мундира. Этих монеток как раз должно было хватить на кружку разбавленного пива в солдатской пивной. Как говорится, лучше что-то, чем ничего.

Найти пивную было проще простого — из нее доносилась музыка, напоминающая работу камнедробилки.

Вскоре я вошел в провисшую палатку, тускло освещенную лампочками, предназначенными, видимо, только для того, чтобы приманивать летающих насекомых. За грязными деревянными столами на скамьях, сколоченных из неструганых досок, сидели рядовые и потягивали дрянное теплое пиво. Я взял кружку и приблизился к одной из компаний.

— Для меня найдется местечко?

— Найдется. В преисподней.

— Большое спасибо. Ты всех туда посылаешь?

— Каждого осла.

— Совсем как горожане.

Эта реплика вызвала интерес. Здоровяк, с которым я беседовал, выпучил на меня мутные глаза. Остальные тоже обернулись и навострили уши.

— Ты что, тоже из увольнения? А нас завтра отпустят. Ну, как там, расскажи.

— Паршиво там. В пивнушках не обслуживают. А хватаешь кружку — закрывают заведение и расходятся по домам.

— Это мы уже слышали. Но тут ничего не поделаешь.

— Ну почему же? Можно снять форму, уехать куда-нибудь подальше, ну и жить там в свое удовольствие. Вкусно есть, сладко пить, целовать девушек.

Теперь на меня смотрели по-другому. Глазища — что пушечные жерла: казалось, вот-вот грянет залп. Над столом повисла мертвая тишина.

— Что ты сказал? — наконец шепотом спросил здоровяк.

— Что слышал. Идешь в ресторан, садишься за столик, никого не задираешь. Если тебя спрашивают: «Вы любите свежий воздух?» — отвечаешь: «Да, люблю». И все. Тебе дадут штатскую одежду и билет на поезд. Садишься в вагон и ту-ту на другой конец страны. Туда, где тебя вовек не найдут.

— А ты не заливаешь?

— А зачем? Да вы и сами можете убедиться. Кто мешает? Что бы с вами ни случилось — хуже, чем в армии, не будет. — Этот железный довод подействовал не только на здоровяка.

— А ты-то почему вернулся?

— Хороший вопрос. — Я сунул ему под нос увольнительную. — Видишь? Действительна до полуночи. Я вернулся за письмами от мамочки. Ну, до встречи в раю — если захочешь туда попасть.

Я вышел из пивной и направился в сортир, где играла в орлянку другая компания. Поймав подброшенную кем-то монету, я воспользовался этим как поводом, чтобы завести беседу, уронил семена в благодатную почву и удалился, не сомневаясь, что «сортирный телеграф» не подведет. Зная эту публику, я был уверен, что завтра никто не вернется из увольнения. Любопытно, как это воспримет генерал Зеннор?

Пора начинать осуществление плана номер два.

Прежде всего, решил я, надо вырасти в чине. Прозябать в рядовых — нет уж, увольте. Я уже побывал офицером и ни на что другое не согласен.

С этими мыслями я направился прямо в гнездышко этих распрекрасных птичек — офицерский клуб. Найти его было не труднее, чем пивную, благодаря пьяным, которые тащились в противоположном направлении. Армия есть армия: чем выше твой ранг, тем крепче выпивка. Миновав двух майоров, цепляющихся друг за друга, полковника, блюющего на живую изгородь, и неподвижно лежащего в канаве капитана, я увидел впереди клуб. И спрятался в кустах, чтобы понаблюдать за входом.

Это была лихая холостяцкая гулянка. Слышались нестройные голоса, распевавшие похабные песни. На газоне вяло кипели по меньшей мере две драки.

Из клуба то и дело выходили подгулявшие офицеры. У меня сложилось впечатление, что командный состав армии завоевателей пьян поголовно. Я сидел в кустах, поджидая, когда появится стоящая жертва.

Наконец она появилась и, шатаясь, побрела ко мне. Она противно орала, ошибочно полагая, что поет. Вскоре жертва остановилась под фонарем неподалеку от меня, и я смог разглядеть ее как следует.

Капитан. Рост, телосложение почти как у меня. На груди — уйма фальшивых медалей и прочих побрякушек. Как раз то, что нужно. Сейчас подойду сзади, возьму за шею, нажму пальцем куда надо и оттащу бесчувственное тело в кусты. Плевое дело.

Капитан умолк и пошел дальше. Я крался за ним, как призрак. Наконец подскочил, привычно схватил за шею, нажал на сонную артерию... и, перелетев через его голову, с треском рухнул на живую изгородь.

— Что? Бунтовать? — прорычал капитан, заметно протрезвев и приближаясь ко мне на полусогнутых ногах.

Я с трудом поднялся, сделал обманный выпад левой и рубанул сверху вниз правой. Он поставил блок и попытался пнуть меня ногой в живот.

— Захотел убить офицера? Понимаю и не упрекаю. А мне всегда хотелось прикончить рядового. Вот и случай подвернулся.

Он наступал, а я пятился. «Медальки-то, оказывается, настоящие! — мелькнула мысль. — Подумать только — в армии Зеннора есть настоящие офицеры!»

— Смерть офицерам! — заорал я и выбросил ногу, целясь ему в челюсть.

Попасть не попал, зато по инерции развернулся. Воспользовавшись этим, я бросился бежать. Осторожность, как говорится, не порок. Смелость города берет, но города мне были ни к чему. Мне хотелось жить.

Рыбкой перемахнув через изгородь, я вскочил на ноги и услышал, как капитан с ревом ломится сквозь кусты. Впереди стояли палатки, к ним я и бросился. Перепрыгнул через растяжку, проскочил под другой. Топот позади стих, зато раздался громкий вопль и стук падения — капитан споткнулся о растяжку. Отлично, я выиграл несколько ярдов.

Стрелой промчавшись между палатками, я выбежал на дорогу и понесся к зданию, откуда доносились музыка и звон бьющегося стекла, и вскоре оказался на заднем дворе.

Пора перейти на шаг. Капитана вроде не видать.

— Эй вы, черти ленивые! Хватит сачковать. Хватайте пиво и бегом в зал!

Стоявший в дверях толстый повар пялился во тьму. Приглядевшись, я увидел у стены несколько темных фигур. Кухонные рабы зашевелились и медленно, как на казнь, поплелись к штабелю ящиков с пивом. Чтобы уподобиться этим несчастным, достаточно было снять форменную куртку. Скомкав ее и затолкав в щель между ящиками, я схватил один из них и понес к дверям.

Работа на кухонном наряде — самая унизительная в армии. Настолько унизительная, что ею запрещено наказывать провинившихся. Поэтому ею охотно наказывают. Это каторжный труд от зари до зари — мыть грязные миски и кружки. На такую работу добровольцев не находится. Здесь меня никто не будет искать.

С ящиком в руках я приблизился к повару в грязно-белой куртке с сержантскими нашивками на рукаве. Он осклабился и ткнул в меня огромным черпаком.

— Откуда ты взялся?

— Это ошибка! — захныкал я. — Не знаю, за что на меня сержант взъелся. Отпустите меня, пожалуйста!

— Что?! — зарычал повар. — Я тебя так отпущу, что навсегда здесь останешься! Сдохнешь здесь и будешь зарыт под полом. А ну, живо котелок мыть!

Подгоняемый ударами черпака, я поспешил к «котелку». Он оказался высотой с меня, и далеко не один.

Я трудился в поте лица, пока не решил, что капитан, на которого я напал, наверняка успокоился и отправился спать. Когда я разгибал спину, в пояснице громко хрустнуло. Шея болела, пальцы стали похожи на дохлых слизней. Меня разбирала злость. Нет, такая работа — не для Стальной Крысы. Тут я быстро заржавею...

Повар-холерик больно треснул меня черпаком по плечу и прорычал в ухо:

— Шевелись, ленивый осел! Не сачковать!

Что-то во мне щелкнуло, а глаза заволокло мутной пеленой. С каждым из нас такое случается. Оболочка цивилизованности тонка, из нее норовит вырваться дикий зверь.

Мой зверь вырвался. Придя в себя, я обнаружил, что держу повара за шею, окуная его голову в мыльную воду. Измученный, я разжал пальцы, позволив толстяку растянуться возле котла. Он хрипел, пуская пузыри носом и ртом.

— Очухается, — сказал я обступившим меня солдатам. — Кто-нибудь из поваров это видел?

— Нет. Они в кладовке, пьяные...

— Отлично. — Я сорвал со стены и смял список кухонного наряда. — Вы свободны. Расходитесь по палаткам и помалкивайте о том, что видели. Повар, к сожалению, будет жить.

Они торопливо разошлись. Я тоже вышел в каморку, где повара хранили одежду. Там нашлась белая куртка с сержантскими нашивками на рукаве. Как раз то, что мне нужно. Напялив ее, я направился в зал.

Вечеринка была в самом разгаре. Гремела музыка, орали офицеры, звенело стекло. Фигуры в мундирах с погонами одна за другой исчезали под столами. Пробираясь в этом пьяном аду, я то и дело наступал на бесчувственные тела. Особо я не осторожничал — памятуя о встрече с бравым капитаном, который со мной не церемонился. Один из тех, о кого я споткнулся, привлек мое внимание. Опустившись на колени рядом со сладко посапывающим майором, я вытянул руку вдоль его руки. Длина рукавов подходящая. В плечах китель тоже не должен жать...

— В чем дело? — раздался голос сверху, и я понял, что мои действия не остались незамеченными.

— Майору скоро на дежурство. Мне приказано его поднять. Вставайте, майор. Ну, быстренько.

Затащив майора в кладовку, до потолка заставленную ящиками с крепкими напитками, я запер дверь.

Форма подошла мне идеально, даже фуражка сидела на голове как влитая. Я почувствовал себя новым человеком. Офицером.

Глядя в зеленое бутылочное стекло, я завязал галстук. Мне предстояло спасти мир. Не в первый раз и, похоже, не в последний...

Глава 24

Оглянувшись на бутылки, я потянулся за одной из них — и шлепнул себя по запястью.

— Нет, Джимми! Не надо! Сегодня ты уже хлебнул пивка, этого достаточно. Тебе понадобится сравнительно трезвая голова, чтобы выполнить задуманное.

А что я задумал? Сущий пустяк: проникнуть на какой-нибудь корабль, найти радиорубку и узнать координаты Чоджеки. Легко сказать, но не так легко сделать...

Хорошо, что первая задача — найти корабли — была уже выполнена. Еще засветло я увидел три звездолета, залитых светом прожекторов.

Веселье в клубе шло на спад, и я решил, что самое время прогуляться к стоянке кораблей. Стоя среди шатающихся офицеров, я стряхнул пыль с петлиц, поправил медали на груди. Целая коллекция! Перевернув самую большую и блестящую медаль, я прочел надпись: «Шесть недель без венерических болезней в боевой обстановке». Чудненько. Надо полагать, остальные награды — за столь же славные подвиги. Пора идти.

Бар оградили решеткой, солдаты укладывали на носилки тех, кто не мог идти. Остальные потихоньку брели к выходу, только два седых полковника, упершись друг в друга лбами, безуспешно пытались разойтись посреди зала. Я дал повиснуть на себе двум или трем офицерам.

— Нам по пути, джентльмены! Я вам помогу.

— Друг... ты... настоящий друг... — выдохнул мне в лицо один из них, и содержание спирта у меня в крови резко подскочило.

Мы вышли из клуба, пробрались между машинами, куда загружали алкоголиков с погонами офицеров, и побрели по дороге. Я

не знал, где находятся ДОСы, но меня это не интересовало. Как и моих спутников, полностью сосредоточившихся на переставлении ног.

Перед нами из-за угла появилось отделение военных полицейских. Увидев блеск серебряных звезд на погонах, они сочли разумным раствориться во тьме.

Мои попутчики становились все тяжелее и все медленнее брели по проходу между палатками к ярко освещенному длинному зданию — видимо, одному из павильонов, реквизированных у горожан со всем имуществом парка. У входа в здание стояли двое часовых; камни вдоль дорожки были выкрашены в белый цвет, а над дверью красовалась надпись: «ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ЗЕННОРА».

Пожалуй, мне не сюда. Я свалил свою ношу на траву возле плаката «Стой! Часовой стреляет без предупреждения!» — и пошел прочь, слыша за спиной храп. Но вскоре наткнулся на патрульных.

— Эй, молодцы! — крикнул я. — Вызовите дежурного по гарнизону. Видите вон там офицеров? Они больны. Наверное, им отравили пищу.

Я метнул в патрульных свой самый тяжелый взгляд. На их лицах не дрогнул ни один мускул.

— Есть, сэр! — сказал сержант.

Они повернулись и пошли прочь. Я последовал их примеру. И вскоре добрался до выжженной спортплощадки, где стояли три космических корабля, ощетинившихся пушками, — видимо, чтобы произвести впечатление на туземцев. Или чтобы успешно отразить атаку врага, которой генералы не дождутся. Наверное, генералы ужасно огорчились, поняв, что туземцы не дадут повода уничтожить себя с помощью этих блестящих игрушек.

Генералы затеяли войну — но на нее никто не пришел. Как им не посочувствовать?

Я шел медленно и часто спотыкался, чтобы во мне издали узнавали офицера. Вот и трап, а над ним — открытый люк. Я — офицер, возвращаюсь на свой корабль. И вернусь, если никто меня не задержит, например, часовой, стоящий на нижней ступеньке трапа.

— Стой! Вы куда, сэр?

— К чертовой бабушке... — пробормотал я и попытался его оттеснить. Рядовой — что с ним церемониться.

— Майор, сэр, ваше величество... Не могу я вас так пропустить, покажите, пожалуйста, пропуск.

— У чертовой бабушки пропуск... Какой еще пропуск, если это мой корабль?

Мимо него — по ступенькам. Шаг за шагом к открытому люку. Навстречу коренастому старшему сержанту, вежливо загородившему проход.

— Это не ваш корабль, сэр. Я знаю всех офицеров экипажа. Вы с другого корабля.

Я открыл рот, чтобы возразить, осадить, наорать. Но прикусил язык, разглядев синие, словно отлитые из пушечного металла, челюсти, горящие глаза и кустистые брови. Даже волосы, торчащие из сломанного сержантского носа, казались стальными.

— Не мой?

— Не ваш.

— Ну конечно, не мой... — Я повернулся и, шатаясь, спустился на траву. Назад, Джим, назад. Надо найти укромное местечко и придумать что-нибудь поумнее.

Прячась в тени высокого дерева, я смотрел на корабли и ломал голову, как бы проникнуть на один из них. Час был поздний, пьяниц не видать, лагерь затих. Только полицейские патрули бродят среди палаток. Придется дождаться утра. Днем несколько опасней, но попробовать стоит. Вокруг кораблей будет больше суеты, и, возможно, я сумею проскочить. А сейчас следует подумать о собственной безопасности. И немного вздремнуть. Я зевнул, ушибленные ребра сразу заныли.

Внезапно со стороны штаба послышались громкие голоса. Вскоре на дороге появилась группа быстро идущих офицеров. Среди них я сразу узнал отвратительную фигуру Зеннора и отступил в тень. Надо держаться от него подальше.

Или не надо? Подавив желание удрать из лагеря и продолжить существование, я стоял под деревом и лихорадочно соображал. Офицеры пересекли стадион и приблизились к кораблю, на который меня не пустили. Наконец в мозгу окончательно сформировалась спасительная идея, и я покрылся потом при мысли, что сумею ее осуществить. Огромным усилием воли я заставил себя покинуть укрытие и побежал к кораблю.

Если Зеннор или кто-нибудь из его свиты оглянется — я пропал! Но офицеры — это создания, предназначенные для движения вперед и преодоления препятствий, встречающихся на пути. Они решительно шли вперед, а я бежал за ними. Со стороны могло показаться, что один офицер отстал от своих товарищей и догоняет их.

Неподалеку от трапа я перешел на шаг и, как только офицеры исчезли в люке, приблизился к часовому...

— Где генерал? Срочная депеша для генерала! Срочная!

Прихрамывая (старая рана, память о героическом прошлом), я прошел вверх по ступенькам. В воздушном шлюзе стоял второй часовой.

— Где генерал?

— В каюте капитана, сэр, — ответил часовой.

— Кажется, на кораблях этого класса каюта капитана — возле радиорубки.

— Так точно, майор. Каюта номер девять.

Я быстро прошел через шлюз и уже медленнее двинулся по коридору. Никто не встретился мне на пути, хотя сверху доносились голоса. Я поднялся на вторую палубу, дошел до конца коридора, там остановился и медленно сосчитал до двухсот.

— Ты смел, Джим, но глуп, — пробормотал я и кивнул, соглашаясь с собой. — Вперед.

К каюте номер девять я приближался на цыпочках. Из-за двери слышались голоса. Рядом с ней была другая дверь с табличкой «Радиорубка».

Ну, Джим, сейчас или никогда. Осмотрись. Никого не видать? Отлично. Сделай глубокий вдох. Что это за гулкая барабанная дробь? А, это твое сердце. Пора бы привыкнуть — оно всегда так бьется, когда тебе страшно. Не обращай внимания. Подойди к двери, возьмись за ручку...

Да, но где ручка? Снята. Дверь заварена наглухо и опечатана.

Пока я констатировал этот факт и раздумывал, что он означает, над ухом прозвучал голос:

— Что вы здесь делаете?

Сердце, метавшееся в груди, окончательно сорвалось с якоря и прыгнуло в горло. Я проглотил его, обернулся, сделав жуткую гримасу, посмотрел на человека в форме. На его погоны. И процедил сквозь зубы:

— Вас я о том же хочу спросить, лейтенант. Что вы здесь делаете?

— Я на своем корабле, майор.

— И это дает вам основание хамить старшему по званию?

— Виноват, сэр, я не видел ваших знаков различия. Но вы подошли к радиорубке, а нам приказано...

— Знаю, что вам приказано. Никого не подпускать к опечатанной радиорубке.

— Правильно.

Я приблизил лицо к его лицу и, скалясь, смотрел, как он бледнеет. Трудно одновременно скалиться и цедить слова сквозь зубы, но у меня получилось.

— В таком случае могу вас обрадовать: мне приказано выяснить, как вы выполняете приказ. Где генерал Зеннор?

— Там, майор.

Я повернулся и двинулся в указанном направлении. В том, куда мне меньше всего хотелось идти. Но что еще оставалось делать? Если сразу пойти к выходу, лейтенант заподозрит неладное и, не дай бог, поднимет тревогу. А если я пойду к генералу, он успокоится.

Решительно отворив дверь капитанской каюты, я шагнул внутрь. Офицеры совещались у карты, висящей на противоположной стене. Зеннор стоял спиной ко мне.

Я повернулся направо и увидел книжные полки. Не медля, подлетел к ним, провел пальцем по корешкам книг. Прочитать их названия я не мог, так как глаза заливало потом. Пришлось вытащить книгу наугад. Я направился к выходу, скосив глаза на офицеров.

Никто не обратил на меня внимания. Я замедлил шаг, напрягая слух, но ничего не разобрал.

Когда я вышел в коридор, лейтенант уже скрывался за поворотом. Я потихоньку двинулся к выходу, ожидая, что вот-вот включится сирена тревоги. Спустился на нижнюю палубу, миновал шлюз и сошел по трапу в гостеприимную тьму.

Услышав мои шаги, часовой резко обернулся, и мое сердце последовало его примеру. Вскинув руку к козырьку, я пошел прочь от застывшего с оружием в руках часового, ожидая выстрела в спину.

Но он не выстрелил. Я пересек поле и углубился в тень деревьев. Потом остановился и прислонился к стволу дерева. И вздохнул так, как никогда прежде не вздыхал. Подняв руки, чтобы вытереть пот со лба, я обнаружил, что все еще держу книгу.

Книгу? Какую книгу? А, ту самую, что украл из каюты капитана часов этак четыреста двадцать назад. Повернув ее к далекому фонарю, я разобрал название: «Ветеринарная практика в частях роботокавалерии».

Книга выпала из ослабевших пальцев, и я медленно сполз на землю.

Глава 25

Я отдыхал в темноте, стараясь думать не о ветеринарной практике в частях роботокавалерии, а о том, почему дверь в радиорубку оказалась опечатанной.

Может быть, это сделали для того, чтобы не пустить туда меня? Как бы высоко я себя ни ценил, эта версия выглядела сомнительной. Едва ли Зеннор и прочие дрожат от страха, вспоминая Джима ди Гриза. Достаточно вспомнить капитана, которого я совсем недавно пытался раздеть. Нет, Зеннор опечатал радиорубку по другой причине. По какой?

Попробуем рассуждать логически. На корабле, где я побывал, рубка заперта наглухо, значит, и на других кораблях то же самое. Какой смысл запирать только одну рубку? Никакого. Но зачем вообще это делать? Разумеется, чтобы не было радиосвязи. Между кем и кем? Между командованием армии и частями? Чепуха, ни одна современная армия без радиосвязи не обходится. Между кораблями? Но ведь флот уже на Чоджеки.

Остается только межпланетная связь. Ну конечно! Помнится, флот стартовал тайно и в дикой спешке, Зеннор понимал, что за ним следит Лига, понимал, что его смогут остановить только в том случае, если будут знать, куда он направляется. Так что полет на Чоджеки — это, образно говоря, пробный шар, запущенный через Галактику. Рискованная игра. Впрочем, не очень рискованная, поскольку генералы имеют дело с безоружным противником. Зеннор знал, что у флота Лиги есть шпионы — вспомним рыскавшие по острову пеленгаторы. Он убежден, что я — шпион Лиги, и допускает, что в армии могут быть и другие агенты. Поэтому он решил соблюдать радиомолчание до тех пор, пока не добьется своего, пока не наступит время, когда Лига уже ничем не сможет ему помешать...

Неплохо для Зеннора... и очень плохо для меня. Я отправил просьбу о помощи, и сейчас она еле-еле плетется в межзвездном пространстве со скоростью света. Лучше забыть об этом, а также расстаться с мечтами о сверхскоростной связи. Надо смотреть на вещи трезво. Возможно, мне до конца дней своих суждено жить на этой планете. Поэтому надо позаботиться, чтобы Зеннор и его головорезы не дышали мне в затылок. Придется отобрать у Зеннора армию. Когда все солдаты разбегутся по планете, можно будет сделать следующий шаг. Какой — я пока не придумал, но придумаю обязательно. Может быть, открою свободную продажу спиртных напитков офицерам и сержантам? Судя по тому, что я сегодня видел, они за год сопьются и вымрут от цирроза.

Я зевнул и обнаружил, что почти заснул.

«Не смей спать! — одернул я себя, вскакивая на ноги. — Если ты здесь заснешь, то запросто можешь проснуться на том свете. За работу! Надо срочно уносить отсюда ноги, поскольку больше тебе здесь делать нечего. Назад, к теплу, свету и обществу дам, прочь от

этих противных холостяков, которые сквернословят, пьянствуют и играют в азартные игры».

И все-таки я здорово вымотался. Чем идти пешком, лучше найти какое-нибудь транспортное средство. Может, возле офицерских домов найдется что-нибудь подходящее? Ведь офицеры редко ходят пешком.

Действительно, возле ДОСа стояли мотоциклы и штабные автомобили. А чуть дальше высилась тень командирской машины. Знакомая штучка. Я забрался на сиденье. Ясно, почему вокруг нет часовых, — из замков вынуты ключи зажигания. Я улыбнулся. Если напрямую соединить провода, мотор заработает не хуже, чем от поворота ключа. Вскоре я с удовлетворением услышал шум двигателя. Ну а теперь смело включаем фары, и полный вперед!

А куда — вперед? Естественно, не в ворота. Днем через них можно проскочить с колонной, но сейчас они наверняка на запоре, и у меня потребуют пропуск. Можно, конечно, соврать что-нибудь насчет ночных маневров, но вдруг не поверят?

Я медленно проехал мимо ворот и двинулся дальше вдоль колючей проволоки. Выбрав участок изгороди, где поблизости не было патрулей, я остановил машину, вылез и подошел к проволоке.

Десятифутовая проволочная изгородь. Если наехать на нее, то наверняка сработает сигнализация, но я не заметил уходящих куда-нибудь проводков или взрыхленной земли под проволокой — ничего, что указывало бы на мины. Неважно, если поднимется тревога. Пока сюда доберутся эти увальни полицейские, я буду далеко. Я завел машину, поставил на самую малую скорость и нажал газ.

Проволока с треском лопнула. Засверкали искры — так и знал, что она под напряжением, хорошо, что командирская машина надежно защищена. А теперь — полный ход; по безлюдным улицам вылетаем на площадь, огибаем огромную статую Марка Четвертого и выруливаем на широкий проспект, по которому мы с Мортоном шли, когда сбежали от Зеннора. Впереди — река и мосты, а на той стороне — жилые кварталы. Машина прогромыхала по мосту. Никто за мной не гнался.

Вот и замечательно. Я проехал вдоль набережной, сбросил скорость, направил машину под углом к реке и выпрыгнул. Разбив в щепки скамейку — жаль, конечно, — машина красиво спикировала в воду. Плеск, бульканье — и тишина. Глубина в этом месте была порядочная. Вдали выла сирена. Я быстро пересек парк и вышел на улицу. Я устал, но надо было подальше

отойти от реки — на берегу остались следы гусениц, днем их будет хорошо видно.

Я брел наугад, часто сворачивая, и вскоре заблудился.

— Хорошего понемножку, Джим, — пробормотал я, привалясь к стене и чувствуя, что вот-вот упаду в обморок.

Река осталась далеко позади, я шел наугад и совсем заблудился. Рядом в стене были ворота. «*Dun Roamin*» — значилось на деревянной вывеске. Понятно. Собравшись с силами, я отворил ворота, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Пришлось постучать еще раз, прежде чем за дверью послышался шорох и в окнах вспыхнул свет.

— Кто там? — раздался мужской голос, и дверь распахнулась настежь. Прожив на Чоджеки несколько дней и слегка привыкнув к обычаям туземцев, я все же сомневался, что так следует встречать незваных ночных гостей.

— Джим ди Гриз, усталый инопланетник.

Из дверного проема высунулась седая борода дряхлого старика. Он моргал, глядя на меня.

— Неужели! О, какое счастье для старого Кзолгосца! Входи же скорей, славный инопланетник, мой дом — твой дом. Чем я могу помочь тебе?

— Спасибо, спасибо. Для начала погасите свет, а то вдруг патруль заметит. А потом дайте мне поспать, я с ног валюсь от усталости.

— Все, что пожелаешь! — Он погасил свет. — Иди сюда, в комнату моей дочери, она уже замужем и живет на ферме. Сорок гусей и семнадцать коров. Сейчас зашторим окна, и можно будет зажечь свет...

Старый Кзолгосц был исключительно гостеприимен, хоть и очень болтлив. В комнате на кровати лежало штук двадцать кукол.

— Умойся, друг мой Джим, а я пока приготовлю чудесный горячий напиток.

— Я бы предпочел, чтобы в нем присутствовал алкоголь, друг мой Кзолгосц.

— Ну о чем разговор!

Когда я снимал с себя последнюю военную шмотку, он вернулся с высокой фиолетовой бутылью, двумя стаканами и пижамой с огромными блестящими красными пуговицами. Оставалось надеяться, что они не будут светиться в темноте.

— Домашнее вино из ягод гингль, — сказал он, наполняя стаканы. Мы чокнулись, выпили и вытерли губы. Я вздохнул от переполнявшего меня блаженства с примесью ностальгии.

— Знаете, я не пил домашнего вина с тех пор, как покинул ферму. А тогда любил опрокинуть бутылочку в хлеву свинобразов. Бывало, наклюкаешься и поешь им чего-нибудь...

— Как это мило! Ну а теперь я оставлю тебя, друг мой Джим, пожелав спокойной ночи.

Идеальный хозяин дома, он исчез прежде, чем я успел его поблагодарить. Глядя на портрет Марка Четвертого, я поднял стакан, осушил его и рухнул на кровать.

Проснувшись, я долго лежал, моргая и глядя на полоску света между шторами. Зевая, я поднялся, распахнул шторы и выглянул в цветущий сад. Старый Кзолгосц оторвался от работы, помахал мне рукой и рысью бросился в дом. Вскоре он постучал, отворил дверь и вошел с подносом.

Когда я, мыча от удовольствия, расправлялся с бифштексом и яичницей, запивая соком, Кзолгосц сказал:

— Я кое с кем поговорил и думаю, ты будешь обрадован, узнав, что подготовка дня «Д» идет полным ходом.

— Дня «Д»?

— День Дезертирства. Он начнется вечером. На пути выведено несколько дополнительных поездов, и вся страна готовит прием новым гражданам.

— Фантастика! Надеюсь, для меня у вас тоже найдется местечко. Похоже, мне придется здесь погостить немного дольше, чем я собирался.

— Да будет тебе известно, ты не просто гость. Скажи, тебя устроила бы должность преподавателя в университете?

Я улыбнулся.

— К сожалению, я не получил даже среднего образования, потому что сбежал из школы.

— Прошу извинить меня за провинциальное невежество, но мне незнакомы такие выражения, как «сбежал из школы» и «среднее» образование. У нас ученики посещают школу, когда хотят, и учат, что хотят и сколько хотят. Единственное обязательное требование — чтобы ученик изучал индивидуальный мютюэлизм, это необходимо для счастливой и полноценной жизни.

— А за обучение, надо полагать, платят родители?

Кзолгосц в ужасе отшатнулся.

— Ну что ты! Конечно, нет! Родители окружают детей любовью и заботой, но не мешают им постигать доктрины мютюэлизма. На каждого родившегося сразу открывается счет, но, пока человек не сможет зарабатывать, начисление вирров идет в дебет. Ребенок не будет считаться полноправным гражданином, пока не оплатит этот счет.

— Принудительный детский труд! — Я был потрясен. — День и ночь малютки гнут спину за корку хлеба?

— Дружище Джим, что у тебя за воображение! Нет, дети в основном работают по дому, помогая матери и получая те же вирры, которые платит матери отец...

— Прошу вас, довольно! У меня мало сахара в крови, и я плохо соображаю, а индивидуальный мютюэлизм — такая тонкая штука, что сразу в ней разобраться невозможно.

Он кивнул.

— Я понимаю. Не расстраивайся, Джим. Ты расскажешь обо всем, что произошло с человечеством после того, как мы уединились на Чоджеки, а мы познакомим тебя с гениальными творениями Марка Четвертого, да будут вечно бежать электроны по его проводам!

Неплохое пожелание давно исчезнувшей машине. Я никак не мог привыкнуть к тому, что туземцы боготворят какую-то жестянку с микросхемами, какой бы умной она ни была. Ну да ладно, это их дело. А мне пора приниматься за работу.

— Вы можете узнать, где находится мой друг Мортон?

— Буду счастлив тебя проводить, друг мой Джим.

— Вы знаете... — Я запнулся. — Ну да, в городе всем известно, где мы прячемся.

— Совершенно верно. Ты умеешь ездить на велосипеде?

— Давненько не приходилось, но разучиться делать это невозможно.

Велосипед — отличная штука, особенно когда на улицах их полным-полно, а тебе ни к чему выделяться из толпы. Я скатал форму — на всякий случай — и надел мешковатые шорты, которые предложил Кзолгосц. Эти шорты да моя майка — чем не костюм велосипедиста?

Я вышел в сад и отжался сто раз. Поднявшись на ноги, увидел человека, который стоял рядом, опираясь на руль ярко-красного велосипеда.

— Простите, если я вмешиваюсь в ваш ритуал. Мне позвонил Кзолгосц, чтобы я доставил вам велосипед. Вот, пожалуйста, самый лучший из моего запаса.

— Спасибо, велосипед — просто чудо. Но, боюсь, я не смогу за него заплатить...

Он улыбнулся.

— Вы уже заплатили. Я заехал в банк, стоимость велосипеда вычтена из вашего счета. Кстати, меня попросили передать вам вот это.

Моргая, я уставился на вирр-диск, который он мне вручил. На нем было оттиснуто: «Джим ди Гриз». В маленьком окошечке виднелось: «Баланс *64.6.78*».

— Служащие банка просили передать, чтобы вы с ними связались. Они не знают, сколько часов в эту ночь вы занимались общественно полезным трудом. Если вы им позвоните, они будут очень благодарны.

— *Я принят в систему!* — *обрадовался я.*

— Ну конечно! — заулыбался незнакомец. — Вы — индивидуум, и индивидуальный мютюэлизм — для вас. Добро пожаловать. Желаю, чтобы ваш вирр-счет рос и чтобы ваша жизнь была долгой и счастливой.

Глава 26

Генералы спохватились только наутро. А всю ночь к нам поступали сообщения о фантастическом успехе дня «Д». Отпущенные в увольнение солдаты первому же встречному говорили о своей величайшей любви к свежему воздуху. Им предлагали войти через черный ход в ближайший магазин готового платья, давали там штатскую одежду и билеты на поезд. Последний поезд ушел около полуночи, затем поток дезертиров иссяк.

Ночью военные не поднимали шума. В лагере было не меньше четырех ворот, и возле них стояли знаменитые своим кретинизмом военные полицейские. Наверняка они полагали, что все солдаты, которых они выпустили, возвратились через другие ворота.

Дезертиров было так много, что даже дополнительные поезда ушли полнехонькими. Свыше сотни беглецов остались в городе — им не хватило мест.

На свои средства я приобрел гигантский телевизор и подарил его хозяевам дома. Мы с Мортоном смотрели городской канал, когда вмешались военные. Особого восторга при этом мы не испытали, так как день был праздничный — годовщина создания первого блока Марка Четвертого или что-то в этом роде — и по телевизору показывали парад клуба юных велосипедисток.

Внезапно экран погас, а когда засветился снова, на нем появилась отвратительная физиономия Зеннора.

— Выключи! — простонал Мортон. — Нам скоро завтракать!

— Пусть поговорит. Вряд ли он скажет что-нибудь приятное, но рано или поздно нам все равно передадут.

— Внимание! — сказал Зеннор, и Мортон возмущенно фыркнул, а я махнул рукой, чтобы он замолчал. — Все вы меня знаете: я

генерал Зеннор, командующий армией освободителей. Вы знаете, что я добрый, вежливый и терпеливый...

— Ему бы романы писать!

— Тихо!

— ...но жесткий. И теперь пришло время проявить справедливую твердость. Я узнал, что в нашей доблестной армии нашлось несколько трусов, решившихся на дезертирство. Я хочу, чтобы вы знали: это серьезное преступление, и наказание за него — смертная казнь...

— Еще бы! Как иначе удержишь от развала эту гнилую армию?

— ...и я знаю, что никто из вас не хочет, чтобы эта кара постигла глупых молодых людей. Поэтому довожу до вашего сведения, что я решил продлить все выданные вчера увольнительные на двадцать четыре часа. Они действительны до двенадцати ночи. Ни один солдат, вернувшийся на базу до полуночи, не будет наказан. Я настоятельно советую жителям города объяснить это неразумным юнцам, которых вы прячете. Скажите им, пусть возвращаются.

С его лица исчезла фальшивая улыбка. Он приблизился к камере и прорычал:

— Скажите им, что после полуночи я уже не буду добрым, терпеливым и вежливым. Я введу чрезвычайное положение. Перекрою все дороги из города и обыщу квартал за кварталом, здание за зданием. Каждый дезертир, которого я поймаю, получит возможность выпить кружку пива и написать одно письмо домой. После этого он будет расстрелян!

Вы все поняли? Это первое и последнее предупреждение. У вас есть время до полуночи. Больше я с вами цацкаться не стану, дезертиры! Считайте себя покойниками, если...

Я выключил телевизор.

— Как страшно! — буркнул Мортон. У него был очень испуганный вид впечатлительного человека. — Включи телик, досмотрим девочек.

Я включил. Но парад уже кончился, и показывали длинноволосого человека, который с энтузиазмом читал лекцию об индивидуальном мютюэлизме.

— Знаешь, Мортон, а ведь он имел в виду и нас.

— Не надо! Молчи! Я знаю — очередная серия космической оперы. Мне надо выпить.

— Не надо. Тебе надо посидеть спокойно, собраться с мыслями и помочь мне найти выход. Впрочем, что-нибудь слабенькое, вроде пива, не помешает.

— Извините, я невольно подслушал. — Стирнер появился в дверях с подносом, на котором стояли бутылки и кружки. — Если не возражаете, я к вам присоединюсь. Жарко сегодня.

Мы сдвинули кружки и хлебнули пива.

— Есть новости из города? — спросил я.

— Разумеется. Все поезда, покидающие город, проверяются патрулями, так что на поезде больше не выбраться.

— А шоссейные дороги?

— На них заставы. Над окраинами города летают машины на вертящихся крыльях...

— Вертолеты.

— Благодарю, я запомню это слово. Всех, кто покидает город, задерживают, заставляют прижимать пальцы к какой-то пластинке, которую помещают в машину. Потом отпускают.

— Очень мило, — пробормотал я. — Проверяют отпечатки пальцев. Значит, днем нам не выбраться — наши отпечатки заложены в память компьютера. Придется ждать темноты...

— Не хочу показаться мрачным, — произнес Мортон, — но мне это все не нравится. Вертолеты, инфракрасные детекторы, пулеметные установки, смерть с неба...

— Понял тебя, Мортон. Слишком опасно. Надо найти другой выход.

Наш диалог прервало появление на экране велосипедистов, крепких парней с волосатыми ногами. У Мортона заклокотало в горле, но он утих, как только увидел на экране улыбающихся и машущих телезрителям девушек.

— У-у-у! — закричал я, вскакивая на ноги. — О-о-о!

— Вторая дверь слева по коридору.

— Заткнись, Морт. Это вдохновение, а не запор. Ты видишь гения за работой. Перед тобой — единственный человек на планете, знающий, как нам выбраться из города целыми и невредимыми.

— Как?

— А вот как! — Я показал на экран. — Стирнер, садитесь за телефон и договаривайтесь с кем нужно. Я хочу, чтобы сегодня к вечеру этот клуб выехал из города. Можно бы и раньше, но мы не успеем собраться.

— Куда собраться! — воскликнул Мортон. — О чем ты говоришь?

— Кажется, я понимаю, — сказал Стирнер. — Вы хотите выехать на велосипедах. Но вас остановят.

— Нет, не остановят. Потому что ты угадал только наполовину. Мы загримируемся под девушек.

Как только эта идея проникла в их сознание, они захлопали в ладоши. Потом мы взялись за дело.

Обдумывая план операции, я почти не замечал, что происходит кругом, Казалось, комната превратилась в проходной двор. Я машинально жевал бутерброд и, моргая, глядел на стену, когда меня окликнул Мортон:

— Джим, скоро нам выходить. Ребята уже собираются на площади. Не смейся! — воскликнул он, покраснев.

Но как было не засмеяться при виде такой красотки? Даже то, что он обрил ноги, не сделало его женственнее. Правда, пышный парик и накладные груди помогли, но за девушку его можно было бы принять только издали.

— Надо бы губы подкрасить, — сказал я.

— Ну конечно. Посмотрим еще, что из тебя получится. Переодевайся!

Я переоделся. Короткая плиссированная юбка очень шла к рыжему парику. Я вздохнул, глядя на себя в зеркало, и произнес:

— Ничего, Джим. Лучше ты никогда не выглядел.

Мы выкатили велосипеды за ворота, поблагодарив радушных хозяев и выразив надежду, что встретимся после войны. Стирнер был нашим проводником. Он сразу вырвался вперед, и нам, «девушкам», пришлось попотеть, чтобы догнать его.

На площади Марка Четвертого было столпотворение — там собрался весь город. Велосипедный клуб девушек Беллегаррика выстроился там в полном составе. Девчонки были еще привлекательнее, чем по телевизору. Правда, не все, потому что среди них были не девушки. В смысле — парни. Наши беглецы. Впалые щеки, узкие бедра, глупые смущенные улыбки... Некоторые из них годами не видели велосипеда. Они катались по площади, виляя и часто падая.

— Внимание! — крикнул я. Шум немного утих. — Во-первых, перестаньте ругаться — постыдитесь этих добрых людей, ради вас рискующих своей жизнью. Во-вторых, если кто-нибудь упадет, проезжая заставу, мы все пропадем. Поэтому тех, кто в себе не уверен, прошу пересесть на трехколесные велосипеды или на задние сиденья тандемов.

— А куда мы едем? — выкрикнул кто-то.

— Приедем — узнаешь. Все, пора. Когда я скажу «поехали» — дружно стартуем. Кто зазевается — тот олух. Ругаться можно только старшим по званию. Я главный, и потому буду ругаться за всех, пока мы не выберемся отсюда. По коням!

«Девушки» следом за мной сделали два-три круга по площади. Потом я дал сигнал настоящим велосипедисткам. Они были

прекрасны. Стремительно и четко они разделились на две колонны и окружили нас. Их президент с флагом клуба понеслась по широкой гладкой дороге, а девушки дружно последовали за ней.

Ближайшая застава ждала нас на перекрестке. На углу нас отсекла колонна клуба ветеранов — все спортсмены либо седые, либо лысые. Но они резво крутили педали тощими шишковатыми ногами, громко щелкая суставами. Подъехав к барьерам, они спешились и принялись стаскивать их с дороги. Как ни орали сержанты и офицеры, они не смогли остановить наших помощников, и вскоре мы проскочили в образовавшуюся брешь.

Некоторые девушки в порыве энтузиазма бросились помогать старикам. Другие смеялись и целовали офицеров.

Мы крутили педали что было сил. Потея, виляя, ругаясь. Проскочили заставу и скрылись за поворотом.

— Продолжать движение! — орал я. — Мы еще не вырвались. До леса никому не останавливаться. Вперед! Вперед! Кто последний — тот осел!

Наконец на краю леса свернули с дороги и горохом посыпались в кювет.

— А больше... мы... не будем так жать? — спросил Мортон. Он лежал на спине и стонал.

— Это еще что, Морт. Крепись. Тебе надо тренироваться.

Он сел и уставился в ту сторону, куда смотрел я. На дороге появился клуб девушек. Нежная кожа, развевающиеся на ветру волосы, блестящие глаза. И корзинки с едой.

Выпив по стакану пива, мои подопечные ожили. Армия казалась дурным сном; впереди их ждала свобода.

Для них это был первый день новой жизни — и он был похож на день в раю.

Я веселился и шутил вместе с ними, но смех мой был неестественным, а улыбка — вымученной. Мне не давали покоя мысли о Зенноре. Как поступит этот маньяк, узнав, что потерял половину армии?

Глава 27

Приказ подниматься «девушки» встретили стонами и воплями протеста.

— Тихо! — прикрикнул я на них. — У нас жесткий график. Если хотите выбраться отсюда живыми, слушайте меня. Когда я скажу «лягушка» — прыгайте. Ясно?

Я подождал, пока утихнет веселое кваканье, и добавил:

— Ехать нам еще примерно полчаса. И чем стонать, поглядите лучше на милых, нежных девушек, которые ради вас рискуют жизнью. Они не стонут, а ведь им еще возвращаться в город кружным путем. Давайте же поблагодарим их!

В многоголосом «спасибо!», грянувшем за этим призывом, я различил звуки нескольких поцелуев. Пришлось громко свистнуть, чтобы привлечь к себе внимание.

— Скоро приедем на фабрику. От нее идет железнодорожный путь. Сразу после нашего прибытия по нему отправится на север товарный состав. На нем мы поедем в далекие края. А теперь — по коням!

Ехали мы в тишине — моих галантных попутчиков одолевала усталость. Когда над нами пролетел вертолет, они изрядно струхнули. Я приказал парням опустить головы, а девушкам — махать руками и улыбаться. Это подействовало — больше над нами не летали. Подъезжая к фабрике, мы услышали гудок поезда. Состав только что вывели на путь.

— Открывайте двери вагонов! — приказал я. — И залезайте побыстрее, пока нет вертолетов. Берите с собой велосипеды — вам зачтут их стоимость в банке. Поцелуйте девушек на прощание. Через минуту отправляемся.

Я поискал глазами Ниби — загорелую рыжеволосую красотку, президента клуба велосипедисток. Передав флаг помощнице, она подъехала ко мне с улыбкой, от которой чуть не задымились шины моего велосипеда.

— Можно мне сопровождать тебя, инопланетник Джим? Умоляю — не отказывай.

— Глунк...

— Надо думать, это означает согласие. — Она забралась в вагон, втащила свой велосипед и уселась на тюк сена. — Ты очень добр. Я еще вчера училась в школе, но сегодня мы все покидаем Беллегаррик. Моя родина — на севере, там у моей семьи небольшая ферма в селе, которое называется Линг. Я говорила с отцом, матерью, братьями и сестрами — они будут очень рады, если ты поживешь у нас, сколько пожелаешь.

Увидев, как позеленел Мортон, я понял, что он все слышал.

— Почту за честь. Это просто замечательная идея.

Ниби улыбнулась, но улыбку как ветром сдуло, когда она взглянула на Мортона.

— Твой друг не заболел?

— Нет. — Меня переполняла щедрость. — Просто ему некуда ехать, и он надеется, что ты и его пригласишь.

— О чем разговор.

Мортон тут же порозовел и глуповато заулыбался.

— С благодарностью принимаю твое приглашение. Но надолго я у вас остаться не смогу. Как только Шарла, моя приятельница, даст о себе знать, сразу уеду.

— Так ты ее не забыл? — с притворным удивлением спросил я, и он вонзил в меня такой взгляд, что Ниби отвернулась.

Путь был нам не в тягость — поезд шел быстро, вагон не трясло. Уже через час мы перестали бояться вертолетов, зная, что удалились от города на приличное расстояние. Бывшие «девушки» спали на сене, подложив под головы ватные груди. В сумерках поезд сделал первую остановку. В вагоны загрузили корзины с едой и бутылки с напитками.

Наевшись и напившись, я заснул, а проснулся от прикосновения к плечу чьей-то мягкой ладони.

— Приехали, — сказала Ниби. — Буди своего друга.

Дверь вагона была открыта, снаружи медленно проплывали огни. Вскоре поезд остановился. Мы спрыгнули на перрон, взяли свои велосипеды и, попрощавшись с парнями, спустились на шоссе и поехали вслед за Ниби. Дорога была превосходная, ночь — теплая. Над головами раскинулась на полнеба величественная туманность, и мы, казалось, плыли в ее холодном белом сиянии.

— Ни за что не вернусь на Невенкебла, — пропыхтел Мортон.

— Но у тебя там родные.

— Попав в армию, я их потерял.

— Ты прав, — кивнул я. — Ну, на этой планете нет ничего общего с тем, что мы видели в армии. Хотя, честно говоря, я не совсем понимаю, как смог индивидуальный мютюэлизм привести общество к такому благополучию. Впрочем, благополучие — слишком сильно сказано. Не надо забывать о Зенноре.

— А как бы хотелось забыть!

Наутро мы добрались до фермы. Встретило нас все семейство. Видели бы вы, какой стол накрыла хозяйка к нашему приезду. И мы сделали все, чтобы ее не обидеть. Наконец, отдуваясь, встали из-за стола. Семья помаленьку разошлась на работу.

— Хорошо здесь, — произнес Мортон.

— Здесь здорово! — согласился я.

— Стоимость еды вычтена из твоего счета. — Улыбаясь, Ниби вернула мне вирр-диск. — Половина будет возмещена за счет Мортона, когда у него появятся вирры.

— Непостижимая все-таки эта штука — индивидуальный мютюэлизм, — сказал я. — Мне бы хотелось побольше узнать о вашей жизни.

— Буду рада ответить на любые вопросы, — заверила меня Ниби с улыбкой, от которой у меня потеплело в груди. Но улыбка через секунду увяла. — Давай поговорим об этом позже. Я бы хотела, чтобы вы сейчас посмотрели телевизор. Мы записали утренние новости.

«Наверняка эти новости связаны с Зеннором, — мрачно подумал я. — А значит, они наверняка дурные».

Экран засветился, грянул бравурный марш. По дороге шагала пехота, ехали танки. Стреляли пушки. «Запись» — сразу понял я, узнав базу Мортстерторо. Видимо, это зрелище должно было вселить ужас в сердца непокорных туземцев. Но я уже достаточно хорошо знал жителей Чоджеки и не сомневался, что их изумляет напрасная трата средств, и только. Я выключил звук и подождал, пока уедет последний танк. Затем появился Зеннор.

— Мы могущественны, мы несокрушимы, и мы победим! — заявил он ледяным тоном. — Жители Чоджеки, до сих пор я был добр к вам. Даже готов был пощадить сбежавших солдат. Но теперь я вижу, что по-хорошему с вами нельзя. Ну что ж, вы получите небольшой урок. Я научу вас уважать нашу армию.

Вы помогли скрыться дезертирам, которые заслуживают смертной казни. Это не вызывает у нас сомнений. Как иначе объяснить, что ни один из них не воспользовался амнистией? Что ни один из них не найден? Без вашей помощи они не смогли бы выбраться из города. Следовательно, население Беллегаррика виновно в измене, в содействии предателям-дезертирам и будет сурово наказано. Я обращаюсь к населению всей планеты. Жители Беллегаррика сознают свою вину и пытаются избежать наказания. Словно трусливые черви — каковыми они являются, — эти негодяи спешат расползтись в разные стороны. Город совершенно опустел, но не всем удалось скрыться. Мы захватили сотни и сотни предателей. Однажды мы брали заложников, и это привело к желаемым результатам. В тот раз я пожалел их и отпустил целыми и невредимыми, но на сей раз не ждите от меня пощады.

Слушайте меня, жители планеты! Во-первых, все дезертиры должны быть немедленно возвращены в город. Я обещаю помиловать их и заменить смертную казнь службой в штрафных батальонах. Я уже говорил, что у меня доброе сердце.

Во-вторых, я требую восстановить снабжение города всем необходимым и открыть рынки. Пусть те, от кого это зависит, сегодня же вернутся в город. Беллегаррик должен жить нормальной жизнью, как до нашего прибытия.

Он сделал драматическую паузу, потом ткнул пальцем прямо в объектив камеры.

— И эти требования будут выполнены, иначе через сутки я расстреляю десять заложников. Впрочем, я все равно их расстреляю, подчинитесь вы или нет. Это и будет уроком, который я вам обещал. Если вы не подчинитесь, я ежедневно буду казнить по десять человек. Как только эта мера окажет нужное воздействие, казни прекратятся. Но я прикажу их возобновить, когда сочту необходимым.

Экран потемнел, и я обнаружил, что смотрю, не мигая, на Мортона.

— Редкий случай психопатологии, — заметила Ниби. — Не замеченное врачами изменение генетического кода. Ведь он сумасшедший, правда? По-моему, он бредил. Разве нормальный человек может убивать людей?

Краснея от стыда за род человеческий, я промолчал. Ответил Мортон, кипевший от гнева:

— Зеннор это может. Я родился и вырос в стране, где власть в руках таких, как он. Поверь, он выполнит свою угрозу.

— Надо его остановить. Как это сделать?

— Это очень сложный вопрос. Ведь вы не заставите дезертиров вернуться. Насколько я вас знаю, даже просить их об этом не станете. А они вряд ли захотят вернуться сами. Будь у вас правительство, оно бы, наверное, вступило с Зеннором в переговоры и сумело найти компромиссное решение. Но он все еще не верит, что у вас нет правительства. Даже подумать страшно о том, что нас ждет в будущем.

— Но подумать надо, — с мрачной решимостью, какой прежде я за ним не замечал, сказал Мортон. — Зеннора необходимо убить. Иного выхода у нас нет.

— Убить?! — воскликнула Ниби. — Но это ужасно!

— А что ты предлагаешь?

— Увы, мне нечего предложить. Решить эту проблему мог бы только гениальный Марк Четвертый.

— Может быть, — пробормотал я. — Но мне кажется, это и ему не по плечу.

— Для Марка Четвертого нет неразрешимых задач, — тихо и твердо произнесла она.

Я разозлился — они слишком высокого мнения о своем божестве.

— Слова, слова. Извини, но это больше смахивает на слепую веру, чем на здравый смысл. Нет, Ниби, нам самим придется выкручиваться, поскольку твой Марк Четвертый давным-давно превратился в ржавчину. Нам он уже не поможет.

— Он мог бы нам помочь, — упорствовала Ниби. — Но мы, к сожалению, не должны его просить о помощи. В этом — суть индивидуального мютюэлизма. Мы сами должны решать свои проблемы. Он дал нам свои труды — и этого достаточно.

— Можете попросить, но не станете? Нет, милая. Не станете просить, потому что не можете. Марка Четвертого давным-давно нет.

— Неправда! — воскликнула она, затем, расценив мою реплику как неудавшуюся шутку, улыбнулась. — Марк Четвертый в Беллегаррике. Он никогда не покидал города.

Я беспомощно посмотрел на Мортона. Если в тот момент у меня было такое же выражение лица, как у него, значит, я выглядел полным идиотом. Ниби нетерпеливо ждала, пока к нам вернется дар речи. Ко мне он вернулся чуть раньше.

— Марка Четвертого... не стало... тысячи лет назад...

— Почему? Что мешает искусственному разуму существовать вечно? Ведь приходящие в негодность детали можно заменять на новые безо всякого ущерба для интеллекта. Мы надеемся, что он доволен тем, как мы строим свою жизнь. Но никто и никогда не попросит его о помощи.

— Ошибаешься. Я попрошу, — сказал я, поднимаясь. — Причем ни секунды не колеблясь. Ведь это из-за него сотням заложников грозит расстрел. Пускай этот умник как следует пошевелит своими искусственными извилинами, чтобы их спасти.

— Но тебе придется вернуться в Беллегаррик, — сказал Мортон.

Я хмуро кивнул.

— Да, Морт, да, дружище. Надо разыскать логово этого великого электронного философа. Надеюсь, мои вопросы не вызовут у него короткого замыкания.

Глава 28

— Тебе известно, где находится Марк Четвертый? — обратился я к Ниби. Она отрицательно покачала головой.

— Увы! Но я точно знаю, что Марк прилетел сюда вместе с нами и помогал строить Беллегаррик. И с тех пор он не покидал города.

— Надеюсь, кто-нибудь мне подскажет, где его искать. — Я надолго задумался, потом щелкнул пальцами. — Наш старый друг Стирнер — вот кто! Он — крупнейший специалист по электричеству. Если даже он не знает, где Марк, то наверняка сведет меня с тем, кто знает. Как с ним связаться?

— Видеофон к твоим услугам.

— Благодарю, Ниби. Но у меня нет номера Стирнера, как и представления о том, где он находится.

— Номера нет ни у кого. И где твой друг, тоже неважно. Вызови ЦС и попроси, чтобы тебя с ним соединили.

— ЦС?

— Центральную станцию. Ладно, я сама вызову.

Она нажала несколько клавиш, и на экране высветились слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ИМЯ». Как умно и вежливо! Я мысленно снял шляпу перед человеком, составившим эту программу.

Потом на экране появилось слово «ВЫЗОВ». Когда светящиеся буквы померкли, я увидел мрачное лицо Стирнера. Он вымученно улыбнулся, и я сразу понял, что он тоже смотрел новости.

— А, мой добрый инопланетный друг Джим. Надеюсь, ты в добром здравии. Могу я чем-нибудь помочь?

— Конечно, можешь. Мне бы хотелось потолковать с вашим полубогом. Марком Четвертым.

— Странное слово. Я никогда не считал его полу...

— Ладно, не считал — и не считай. Ты знаешь, где он?

— Разумеется.

— Сможешь меня к нему провести?

— А вот это — вопрос непростой. Помнится, я читал, что после постройки города к Марку нередко обращались за советами и консультациями. Но это было сотни лет назад. Сам бы я туда никогда не пошел, но тебя отвести могу, потому что уважаю твою индивидуальность наравне с индивидуальностью Марка Четвертого. В этом мире каждый должен идти своей дорогой.

— Я собираюсь вернуться в город.

— Советую быть осторожным. У нас тут беспокойно. Движение поездов остановлено, кто пытается выбраться из города, тех задерживают. Насколько мне известно, никто из дезертиров не вернулся.

— Ничего, что-нибудь придумаю. Не отходи от видеофона, я сегодня приеду. Мне надо поговорить с Марком Четвертым, пока Зеннор не натворил беды.

Я повесил трубку и уставился в пространство. Но в этом пространстве идеи не витали.

— Что-нибудь посоветуешь? — спросил я у Мортона.

— Разве что вернуться под видом раскаявшегося дезертира.

— Я уже обдумал эту идею. И отверг. Меня попросту расстреляют.

— А я могу дать совет? — спросила Ниби.

— Ну разумеется.

— Поедем в город вдвоем. У нас тут театральная труппа с превосходными гримерами и костюмерами. Загримируем тебя под старика, а я буду твоей дочерью и водителем.

— Превосходно! — И в порыве энтузиазма я вскочил на ноги, обнял Ниби и поцеловал. И быстро сел, потому что во мне началась буря, которая разметала все полезные мысли. Это прекрасная, умная, привлекательная девушка, и надо все это выкинуть из головы на время.

— Мой брат отведет тебя в театр, а я позабочусь о транспорте. Просто нет слов, как я рада, что могу тебе помочь! Это так здорово! Гораздо интересней, чем в школе.

— А что ты там изучала?

— Вулканологию. Я без ума от магмы и шлаков. Когда спускаешься в кратер...

— Отлично. С удовольствием тебя послушаю, но позже. Ладно?

— Ладно... А вот и мой брат.

Поезд, которым я возвращался в Беллегаррик, состоял из двух вагонов и предназначался, по-видимому, специально для меня. Мортон, провожавший меня, выглядел виноватым, но не мог скрыть радости, что остается. Попрощавшись с ним, я с кряхтением поднялся в тамбур, опираясь на трость — ведь я был убеленным сединами старцем, а в подобный образ необходимо вжиться. Седая борода, слезящиеся красные глаза, морщины, как на голенище старого сапога, — иными словами, в лингском театре работали профессионалы. Специальная упряжь под одеждой сгибала меня в три погибели.

Поезд мчался быстро и без остановок, и довольно скоро мы прибыли к месту назначения. На платформе нас ожидал черный автомобиль. Водитель вышел и распахнул перед нами дверцу.

— Вам приходилось водить такую машину? — спросил он.

Ниби кивнула.

— Отличная модель.

— Вы правы. — Он показал, где находится электрогенератор, а где — двигатель. — Экологически чистый, — добавил водитель.

Ниби уселась за руль, и меня вдавило в спинку сиденья многократной перегрузкой. Мы пулей понеслись по пустой дороге.

— Перед заставой я приторможу. Правда, здорово? Давай выжмем предельную скорость, а?

— Н-не... не надо! — прохрипел я. — Хоть я и глубокий старик, мне еще неохота сводить счеты с жизнью.

Расхохотавшись, Ниби сбросила скорость примерно до звуковой. Она неплохо знала дорогу — наверное, благодаря велогонкам. Внезапно она нажала на тормоза. Мы потихоньку свернули за угол, где путь преграждали барьеры.

— О, шалопаи! — воззвал я к военным, грозно потрясая тростью. — Зачем вы перегородили дорогу?

Ко мне неторопливо подошел толстый капитан, что-то выковыривая из зубов. Наверное, остатки саморазогревающейся колбасы.

— Не ори, старый хрыч. Куда прешь?

— О, неужели ты такой дурак, каким выглядишь, или ты не слышал, что приказал твой самый главный начальник? Городские служащие должны вернуться в город. Я — инженер-электрик, и если тебе нужен свет в уборной и холод в холодильнике, немедленно пропусти меня!

— Побереги глотку, папаша, — проворчал офицер. Тем не менее он отошел и жестом велел двум сержантам отодвинуть барьер. Рядовых я поблизости не заметил и мысленно пожелал сержантам, чтобы перемена деятельности пошла им на пользу.

Мы поехали дальше и, когда застава скрылась из виду, остановились возле видеофонной будки. Я выбрался из машины и, ковыляя, как заправский ревматик, вошел в будку.

— Ты уже в городе? — спросил Стирнер.

— Только что прибыл.

— Очень хорошо. Встретимся у входа.

— У входа? А где он?

— На площади Марка Четвертого, разумеется. Где еще, по-твоему, он может находиться?

Хороший вопрос. А мне-то показалось, что там только статуя. Мне и невдомек было, что Марк — это резиденция Марка.

Пока мы туда добирались, я избавился от всего, в чем уже не было нужды, — начиная с упряжи. Бороду, правда, оставил — на тот случай, если по пути нам встретятся патрульные. И они встретились.

— Притормози, — велел я Ниби. — Не стоит привлекать к себе внимание.

Сержант, возглавлявший патруль, устремил на нас пылающий взгляд. Я игнорировал его, зато с любопытством посмотрел на его подчиненных. Когда патруль сворачивал за угол, последние двое солдат отделились и метнулись в открытую дверь здания. И исчезли. Выходит, дезертиры не только не возвращаются — их число растет!

Отлично! Если так пойдет и дальше, в армии Зеннора скоро останутся только офицеры и сержанты, а с таким контингентом войну не выигрывают.

На площади я сорвал бороду и избавился от морщин, тем самым сбросив лет сорок. Стирнер уже ждал возле статуи.

— Хотел бы я пойти с тобой, — сказал он.

— И я, — подхватила Ниби. — Наверное, потолковать с Марком было бы просто здорово. Но идти к нему непрошеными нам нельзя.

— Как туда войти?

Стирнер показал на маленькую бронзовую дверцу в пьедестале.

— Сюда.

— А ключ?

Стирнер и Ниби в изумлении уставились на меня:

— Какой еще ключ? Не заперто!

— А, ну конечно, — пробормотал я. Подумать только! Сотни, нет, тысячи лет эта дверь открыта, и никто не удосужился войти!

Они торжественно пожали мне руку. Как если бы вы попрощались с настоятелем местной церкви, вздумай он взобраться по лестнице на свидание с богом.

Ручка была тугая, повернуть ее было трудно. Я толкнул дверь, она медленно отворилась, тихонько скрипнув. Вниз вели пыльные ступени. Вспыхнул свет, одна лампочка, как видно, перегорела. Надеюсь, Марк Четвертый еще не перегорел. Я чихнул, когда мои ноги потревожили пыль веков. Последовал долгий спуск вниз. Лестница заканчивалась в маленькой комнате, где была большая, покрытая золотом дверь. На ней бриллиантами были выложены бессмертные слова: «Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, Я МЫСЛЮ». А пониже красовалась надпись, сделанная маленькими красными буквами: «Пожалуйста, вытирайте ноги!»

Перед дверью лежал коврик. Я вытер ноги, глубоко вздохнул и взялся за ручку, изготовленную из цельного рубина.

Дверь бесшумно отворилась (похоже, петли были недавно смазаны), и я вошел в просторное помещение. Там было сухо, гудел кондиционер. Посреди комнаты стоял Марк Четвертый. В

точности такой, как на портретах. С той лишь разницей, что от него к множеству стоящих поблизости аппаратов шли провода.

Шкалы приборов вспыхнули, и телекамера повернулась в мою сторону. Встав напротив нее, я с трудом подавил желание отвесить поклон. Кто его знает, как приветствуют разумную машину?

Марк Четвертый молчал, и мне становилось все неуютней. Я кашлянул.

— Я полагаю, вы — Марк Четвертый?

— Разумеется. А кого еще вы ожидали здесь гррк...

Голос сменился жутким скрежетом. На передней панели отскочила крышка, и из отверстия повалил дым. Я разозлился.

Отлично! Просто замечательно! Сотни лет этот электронный всезнайка бездельничает в склепе, храня в ячейках памяти мудрость веков, а стоит мне войти и задать один-единственный вопрос, он взрывается и издыхает... Скверная шутка.

За спиной у меня загудело, и я отскочил, повернулся и принял защитную стойку. Но это оказался всего-навсего робот-ремонтник на колесиках. Он подъехал к Марку Четвертому и сунул в отверстие клешнеобразный манипулятор. С хрустом выдрав оттуда перегоревшую деталь, робот бросил ее на пол, вставил новую и убрался восвояси.

— Нет, — глубоким, звучным голосом ответил Марк Четвертый. — Я не взорвался и не издох. Это случилось с блоком имитации голоса. Я слишком давно им не пользовался. Ты — инопланетник Джим ди Гриз.

— Совершенно верно, Марк. Для машины, давным-давно не вылезавшей из склепа, ты неплохо осведомлен.

— А зачем мне вылезать, Джим? Я же компьютер. Какая разница, где расположен мой главный процессор?

— Правильно, я об этом как-то не подумал. — Я уступил место роботу-уборщику, подобравшему с пола негодную деталь. — Ладно, Марк. Если ты знаешь, кто я такой, то тебе, наверное, известно, что творится в городе.

— Разумеется, известно. Давно не было такой суматохи.

— И как тебе это нравится? — Этот холодный, загадочный электронный интеллект начинал меня раздражать. Когда он хохотнул, я невольно вздрогнул.

— Спокойно, Джим, спокойно. Я просто подключил к голосовой цепи блок эмоций. Он был отключен много веков назад, потому что верующие предпочитали слушать безапелляционный голос. Может, ты предпочитаешь женский? — добавил он мягким контральто.

— Если не трудно, оставь мужской, это как-то больше подходит к ситуации. Хотя странно, что я связываю пол и машину. А для тебя есть разница?

— Ни малейшей: он, она или оно — выбирай сам. Для меня пол ничего не значит.

— А для нас, людей, значит очень много — тебе, наверное, этого не хватает.

— Чепуха. Невозможно сожалеть о том, чего никогда не имел. Ты же по ночам не плачешь от того, что на твоих пальцах нет фоторецепторов?

Это он хорошо завернул; старина Марк был не прост. Но как ни приятно поболтать, пора переходить к сути визита.

— Марк, я пришел по очень важному делу.

— Несомненно.

— Ты смотрел выступление Зеннора по телевизору, ты знаешь, что происходит. Этот кровожадный дебил собирается расстрелять завтра поутру десять твоих приверженцев. Что ты намерен предпринять?

— Ничего.

— Ничего?! — Придя в бешенство, я ударил ногой по панели. — Ты... Ты придумал индивидуальный мютюэлизм! Ты распространил свое учение по Галактике! Ты привел сюда верующих — и теперь, когда им грозит гибель, решил остаться в стороне?

— Пошел ты к черту, Джим, — добродушно сказал он. — Я опубликовал политико-философский трактат. Только и всего. Люди его прочли, вдохновились и прилетели сюда, захватив меня с собой. У них своя голова на плечах. Так что остынь, детка, и не позволяй эмоциям возобладать над логикой.

Я снова уступил место роботу-уборщику. Приблизившись к Марку Четвертому, он мокрой тряпкой стер с панели отметину от моего ботинка.

Я сделал глубокий вдох и успокоился. Действительно, эмоциями делу не поможешь.

— Ты прав, Марк. Послушай, завтра на этой самой площади погибнут люди. Неужели ты ничем им не поможешь?

— А чем я могу помочь? Советом? Так любой совет можно найти в моих книгах. Люди ровно столько знают об индивидуальном мютюэлизме, сколько и я.

— И ты будешь равнодушно смотреть, как их убивают?

— Люди и раньше умирали за убеждения.

— Чудесно. А вот я не считаю, что это правильно. И кое-что предприму, в отличие от тебя.

— Что ты предпримешь?

— Еще не знаю. Посоветуй что-нибудь.

— Что?

— Как спасти людей. Как сорвать экзекуцию и уничтожить Зеннора...

И тут меня осенило. Дискутировать с Марком не имело смысла — надо было попросту воспользоваться его разумом. Если в его ячейках хранится информация, накопленная за тысячи лет, то наверняка там имеются сведения, которые мне нужны. Ведь у меня есть птица-шпион!

— Ладно, Марк. Ты все равно поможешь мне, дружище. Мне нужна кое-какая информация.

— Ну о чем разговор.

— Тебе известны координаты этой звездной системы и этой планеты?

— Конечно.

— Ага! Дай-ка мне распечаточку, да побыстрее! Я пошлю сигнал на ССВ, позову на помощь флот Лиги.

— Не вижу в этом смысла.

Я взорвался.

— Не видишь смысла?! Ах ты, идиотская машина! Я тебя прошу поделиться информацией, а ты не видишь смысла в том, чтобы спасти людям жизнь...

— Джим, друг ты мой инопланетный! Не выходи из себя, от этого повышается кровяное давление. Дослушай до конца. Я хотел добавить, что координаты нашей планеты тебе ни к чему. Ты уже послал сигнал на ССВ, когда включил замаскированный под птицу передатчик.

Глава 29

— Я послал сигнал на ССВ? — обалдело переспросил я.

— Да.

— Но... Но... — Я умолк и, мысленно схватив себя за шиворот, хорошенько встряхнул. «Логика, Джим! Сейчас нужна логика!» — Но в своей речи, записанной на пленку, капитан Варод утверждал, что для этого необходимо знать координаты планеты.

— Это была откровенная ложь.

— Как и утверждение, что птица отправила радиограмму на обычных волнах?

— Конечно.

Я нервно расхаживал по комнате. Телекамера поворачивалась вслед за мной. «Что происходит? Почему Вародобманул меня? А если он получил сигнал — почему молчит? Ведь если он получил сигнал и не выслал флот мне на помощь, то ответственность за гибель людей ляжет на его совесть. Но офицеры Лиги дорожат своей репутацией, не могут они пойти на такое! И все же Марк, наверное, не лжет». Я резко обернулся к нему.

— А ну-ка, старая мыслящая жестянка, ответь, где сейчас флот Лиги? Уже прибыл или еще в пути?

— Извини, Джим, но чего не знаю, того не знаю. На последнем нашем орбитальном телескопе батареи сели лет двести тому назад. Понятия не имею, где этот флот, о котором ты говоришь. Но подозреваю, что очень и очень неблизко.

Внезапно на меня накатила усталость, и я остановился. Да, денек нынче выдался еще тот. Я окинул комнату взглядом.

— Тут есть старый ящик или что-нибудь в этом роде? Мне бы сесть.

— О, прошу прощения. Наверное, хозяин из меня не слишком гостеприимный. Не было практики.

В комнату въехал диван на колесиках и остановился возле меня. Я с удовольствием на него плюхнулся. Было трудно воспринимать Марка в среднем роде, учитывая его голос и манеры.

— Очень мягко. Премного благодарен. — Я облизал губы, и Марк понял намек.

— Располагайся поудобнее. Выпьешь что-нибудь?

— Почему бы и нет? Хорошая выпивка разговору не повредит.

— К сожалению, бар у меня сейчас не самый изысканный. Есть вино, но ему уже лет четыреста. Как бы в голову не ударило.

Ко мне подъехал столик. Сдув пыль с бутылки, я включил электронный откупориватель, и тот снял древнюю пробку целой и невредимой. Я наполнил бокал и понюхал.

— О-о! Божественный запах!

Вкус оказался и того лучше. А вдвоем они — запах и вкус — живо прочистили мне мозги. Я почувствовал, что смогу, пожалуй, справиться со своими проблемами.

— Который час? — поинтересовался я.

— До обещанной генералом Зеннором экзекуции более шестнадцати часов.

Потягивая вино, я перебирал всевозможные варианты.

— Я послал сигнал, значит, флот идет на помощь. Но рассчитывать на его своевременное прибытие не приходится. Все-таки

один плюс в этом есть — мне теперь не надо волноваться, что на этой планете я обречен жить до конца своих дней. Ладно, перейдем к делу. Что я могу предпринять для спасения людей, учитывая, что ты и твои мютюэлисты палец о палец для этого не ударите?

— Это не совсем так, Джим. Сейчас в городе проходят совещания, на которых обсуждается этот вопрос. К тому же многие жители вернулись.

— Что, решили смириться? Согласились работать на оккупантов?

— Отнюдь нет. Они намерены протестовать, но в какой форме выразить свой протест, еще не придумали.

— Откуда ты все это знаешь? Через шпионов?

— Не совсем. Я подключился к каналам связи и прослушиваю все видеофонные переговоры.

— А к армейским каналам ты тоже подключился?

— Да. Очень интересно.

— Ты понимаешь язык пришельцев?

— Я понимаю все языки на свете. Четырнадцать тысяч шестьсот двенадцать языков.

— Jamen, e'n ting er i hvert fald sikker. Du taller ikke dansk.

— Og hvorfor sa'ikke det? Dansk er da et smukt, melodisk sprog.

Прекрасно. Я-то думал, что, кроме меня, никто на свете не владеет датским. Но я был уверен, что знаю язык, о котором Марк и слыхом не слыхивал. Древний язык под названием «латынь». На нем говорит только тайное общество — настолько тайное, что я больше ничего не стану о нем рассказывать.

— Nonne cognoscis linguam Latinam?

— Loquarne linguam Latinam? — Голос Марка вдруг стал отрывистым, раздражительным. — Quid referam in singulorum verborum delectu, in coniunctorum compositione, et structura, in casuum atque temporum discriminatione, in cetnrarum concinnitate formularum, in incisorum membrorumque conformatione, in modulandis circumdictionibus, in elegantiarum cuiusque generis aqccurata, elaborataque frequenatione quantus tum sim et quam purus putus Ciceronianus? Ex qua Cicero mortuus est, meis verbus nihil latinius. Memoria vero libros omnium auctorum latinorum tam veterum quam recentiorum et neotericorum continet. Voces peregrinae et barbarae quae latinis eloquiis inseruntur, omino mihi notae sunt. Nae tu es baro et balatro, nam ego studeo partes difficiles cognoscere quas scholastici doctores gestant, latebras singulas auxilio mei ipsius cerno. Doctissimi enimvero homines omnino universitatum modernarum me rogant sensus omnium talium verborum.

Я только рот разевал, пока он все это излагал.

— Джим, ты уловил нюансы? Понял, что такое настоящая латынь Цицерона? Каждое слово подобрано и продумано, как и структура предложений, контрасты падежей и времен, мыслей и фраз...

Он, точнее, оно, еще долго продолжало в том же духе. Хвастало. Болтая с Марком, я невольно очеловечивал его. Ее. Это.

Марк — это не человек, а мыслящая машина с непревзойденными умственными способностями. Как бы найти им полезное применение, вот вопрос.

— Марк, скажи, ты мне поможешь?

— Всем, чем могу.

Попивая вино, я чувствовал, как его живительные токи разбегаются по телу. А главное — они здорово стимулировали мозги, пробуждали память. Мне вспомнилось одно пустяковое, казалось бы, событие, свидетелем которого я стал по пути сюда.

— Марк, сегодня я видел, как дезертировали двое солдат. А, кроме них, в городе сейчас есть дезертиры?

— Да, и предостаточно. Сто двадцать один... прости, сто двадцать два. Только что прибыл еще один.

— Они все вооружены?

— То есть имеют орудия убийства? Да, все. Они сбежали из патрулей, разгуливающих по городу.

Но согласятся ли они воспользоваться своим оружием? А если согласятся, что мы сможем сделать? Мысль помаленьку обретала форму. Клин клином вышибают. Ничего другого не остается.

Налив себе еще вина, я повернулся к гостеприимному электронному хозяину.

— Я хотел бы встретиться и поговорить с дезертирами. И чтобы у них было с собой оружие. Ты мог бы это организовать?

Он долго молчал — видимо, рассчитывал последствия. Но я его не торопил.

— Все готово, — сказал он вдруг. — После наступления темноты люди, у которых они прячутся, приведут их в спортивный центр. Это совсем недалеко от места, выбранного генералами для казни.

— Ты идешь впереди меня на один шаг.

— Надо полагать. Ведь я, что ни говори, куда разумнее, чем ты. Ну а поскольку до намеченного сбора еще не один час, не хочешь ли воспользоваться возможностью поболтать со мной? А то я уже тысячу лет, а то и больше, не имею представления о том, что творится в Галактике.

Тот день и вечер были для меня необычны. Память у Марка оказалась весьма внушительной, какой ей и полагалось быть, и я узнал от него много интересного. Но на один вопрос он так и не сумел мне толком ответить: где родилось человечество? Потому что он был собран много веков спустя после того, как люди вышли в Галактику.

— Как и ты, Джим, я знаю только мифы, легенды... Будто бы человечество появилось на планете под названием не то Грязь, не то Земля. Но в моей памяти, увы, нет ее координат.

— Да я просто так спросил, не расстраивайся. Но мне, кажется, пора идти. Приятно было с тобой потолковать.

— И мне. Заходи в любое время.

— Обязательно зайду. Скажи, ты можешь выключить свет, когда я буду наверху лестницы?

— Запросто. Ты даже не представляешь, как тут все автоматизировано.

— А с электричеством нет проблем?

— Смею тебя заверить, никаких. Первое чувство, которое я познал, — это тяга к выживанию. В моем распоряжении вся электроэнергия города, загородные электростанции, аварийные батареи и бензиновый генератор, который можно завести в течение десяти минут. За меня не беспокойся.

— Не буду. Пока.

Я поднялся по длинной лестнице, и, как только дотронулся до двери, все лампы погасли. Притворив дверь, я осторожно выглянул и, не обнаружив патрулей, распахнул. Стирнер и Ниби сидели на скамье, дожидаясь меня.

— А вы не боитесь, что враг наткнется на вас после наступления комендантского часа?

— Не о чем беспокоиться, — ответил Стирнер. — Из армии сбежало столько солдат, что патрулирование, по всей видимости, прекращено. Военные не покидают базы и здания муниципалитета. Ну, расскажи, о чем ты говорил с Марком Четвертым? — Стирнер и Ниби даже дрожали от возбуждения.

— Да, собственно, о пустяках. Но Марк оказался очень гостеприимен. Кстати, у него там припасено два-три ящика отменного вина...

— Я верю всему, что говорят о Марке Четвертом, — сказал Стирнер, и Ниби кивнула. — Но мне жаль, что он не помог тебе решить проблему казней.

Я часто заморгал.

— Откуда ты знаешь? Я ничего подобного не говорил!

— А зачем говорить? Марк Четвертый прекрасно знает, что с этой проблемой мы справимся сами. И мы с ней справимся. Решение уже принято. Завтра на место казни соберется весь город. Мы заслоним приговоренных собой.

— Благородно, но бессмысленно. Вас попросту перестреляют.

— Тогда наше место займут другие. Рано или поздно у военных кончатся заряды, и они поймут, что убийствами ничего не добьешься. Я уверен, что они не такие изверги, как их предводитель.

— Я бы не очень на это рассчитывал. Впрочем, у меня есть альтернативная идея. С помощью Марка я организовал сбор всех находящихся в городе дезертиров. Если вы окажете любезность и проводите меня в спортивный центр, у вас будет возможность ознакомиться с моим планом. Надеюсь, он покажется вам более разумным, чем ваш.

Мы неторопливо прогулялись до спортивного центра. Идти по вечерним улицам города было одно удовольствие — впервые я не опасался, что столкнусь с захватчиком. Нам встречались только группы горожан, идущих в том же направлении, что и мы, сопровождая вооруженных дезертиров. Те ухмылялись, не скрывая радости, что вырвались из армии. Глядя на них, я начинал волноваться — согласятся ли они пожертвовать своей едва обретенной свободой? Но у меня был только один способ выяснить это.

Спортивный центр представлял собой стадион под куполом. На нижних рядах кресел разместились дезертиры, на верхних — зрители. Я подождал, пока все усядутся и угомонятся, и взял микрофон.

— Уважаемые бывшие военнослужащие, друзья мои! Многие из вас меня не знают...

— Все тебя знают, Джим! — крикнул кто-то. — Ты — тот самый парень, который едва не задушил генерала.

— В следующий раз будь удачливей!

Улыбаясь, я подождал, пока утихнет шум.

— Спасибо, друзья, я рад, что вы одобрили мой поступок. Наш любимый генерал, этот подлец Зеннор, затеял поутру расстрелять нескольких безоружных граждан. Тех самых людей, которые помогали вам и вашим товарищам бежать, которые протянули нам руку дружбы и дали приют. Теперь наша очередь помочь, и я скажу, как мы это сделаем.

Мы повернем это оружие, с которым нас научили обращаться, на Зеннора и его подручных и пообещаем стереть их в порошок,

если они посмеют тронуть мирных жителей. Это рискованный шаг, и нам его не простят. Но что-то ведь надо делать!

Ребята пошумели, поспорили, но в конце концов большинство проголосовало «за». Меньшинство, не сочтя возможным с достоинством удалиться, вынуждено было уступить. Горожане развели нас переулками по домам, выходящим окнами на площадь, и мы уснули в обнимку с оружием. Я не сомневался, что многие дезертиры ночью разбегутся, но надеялся, что оставшихся хватит, чтобы оказать мне мощную огневую поддержку.

В первых лучах зари я разглядел на площади движущиеся фигуры. Отодвинув в сторону плюшевого мишку, я смотрел вниз из окна магазина игрушек, который служил мне укрытием. На площади собирались войска. Привезли на грузовике и десяток заложников, связанных и в наручниках. Когда стало светлей, я увидел, что на площади нет рядовых. Ну конечно, Зеннор больше не доверяет рядовым грязную работу. Наверняка они сидят взаперти под надежной охраной.

Зеннор вышел из здания муниципалитета и остановился посреди площади. И в тот же миг до меня донеслось рычание моторов и лязганье гусениц. На площадь выехали тяжелые самоходные артиллерийские установки. Этого я не учел. Как и того, что Зеннор вытащит из кобуры пистолет и высадит одно из окон магазина игрушек.

— Выходи, ди Гриз! Все кончено! — заорал он и следующим выстрелом продырявил плюшевого мишку.

Я отворил дверь и вышел на тротуар. А что еще оставалось делать? На все окна, за которыми прятались мои друзья повстанцы, были нацелены пушки. А на лице Зеннора сияла злобная, торжествующая улыбка.

— Ты не забыл меня? Я — генерал. Неужели ты всерьез допускал, что твой идиотский замысел увенчается успехом? Мой агент во всех подробностях рассказал мне об этой дурацкой затее. Хочешь на него посмотреть?

По сигналу Зеннора из здания муниципалитета вышел один из дезертиров. У него были темные очки и огромные усы. Когда он снял то и другое, я его узнал:

— Капрал Гоу!

— Разжалован в рядовые за то, что не сумел тебя задержать. Меня бы расстреляли, если бы я не был достаточно богат, чтобы откупиться. Но мое падение — это и твое падение. Эти вонючие свиньи, рядовые, не разговаривали со мной, потому что знали, кем я был раньше. Но я все равно заподозрил неладное, а когда они начали дезертировать, доложил генералу. По его приказу я отправил-

ся в город, и там изменники туземцы дружно склоняли меня к дезертирству. Я согласился, и в результате генерал Зеннор получил исчерпывающий рапорт.

— Ты — крыса!

— Не смей оскорблять меня, шпион! Добрый генерал восстановил меня в звании капрала. А ты проиграл!

— Это точно! — подтвердил Зеннор, прицеливаясь мне в переносицу. — Ты проиграл, и пусть эта мысль будет твоей последней мыслью. Тебе конец!

Глава 30

Признаться, тот момент в моей жизни был одним из самых неприятных. Чего уж приятного, когда рядом с тобой стоит генерал-убийца и ласкает пальцем спусковой крючок пистолета, нацеленного на тебя. За ним с оружием на изготовку стояли его головорезы, а моих обезоруженных солдат со всех сторон пинками сгоняли на площадь.

— Даром тебе это не пройдет, Зеннор, — не очень уверенно сказал я. Но ничего другого в тот миг мне в голову не пришло.

— Еще как пройдет, щенок! — Поглаживая спусковой крючок, он целился мне в переносицу. Потом опустил пистолет. — Но я не хочу, чтобы ты отделался так легко. Перед смертью ты увидишь, как я перестреляю всех мерзавцев-дезертиров. Они имели наглость выступить с оружием в руках против своего командующего. За эту ошибку они понесут суровое наказание. Потом я казню десять заложников, как и обещал. Потом, и только потом, я убью тебя.

— Если я сам тебя до того не прикончу! — зарычал я, чувствуя, как рот ощерился в зверином оскале. Терять мне было нечего. Вытянув руки перед собой, я пошел на Зеннора. И он побежал.

Но убежал он недалеко — всего лишь к ближайшей заложнице, седоволосой старушке. Он схватил ее за руку и прижал ствол пистолета к ее виску.

— Ну, смелее, ди Гриз! Еще шаг вперед, и я нажму на спуск. Или ты в этом сомневаешься?

Нет, я не сомневался. Поэтому я остановился. Вот-вот должно было случиться непоправимое — а я ничего не мог поделать. У врагов было оружие, у меня не было ничего.

И в этот момент сквозь мрачную пелену тягостных мыслей я услышал топот множества ног. Я оглянулся. Как и Зеннор.

Из-за угла показалась толпа горожан. В первом ряду шагали Стирнер и Ниби.

— Нет, уходите! — закричал я. Ниби улыбнулась мне. И продолжала идти рядом со Стирнером. Зеннор теперь целился именно в Стирнера — но тот, казалось, даже не заметил этого, остановился и заговорил:

— Люди, немедленно сложите оружие! Мы не причиним вам зла, потому что мы никому...

— Еще одно слово — и я тебя пристрелю! — заорал Зеннор, побледнев, и прицелился в Стирнера. Тот холодно, равнодушно смотрел на него.

— Верю, — сказал он. — До сего момента я сомневался в том, что человеческому существу под силу убить другое человеческое существо, но теперь увидел тебя и убедился в этом.

— Вот и прекрасно! В таком случае...

— Замолчи! Я все равно сделаю то, что задумал. Отберу у тебя оружие. Если не получится — это сделает кто-нибудь другой. Если и он погибнет — его место займет третий. Рано или поздно у вас кончатся патроны, и вы будете обезоружены. Вам не победить.

— Ошибаешься! — крикнул Зеннор. На его губах выступила пена, а в глазах горело безумие. Он оттолкнул заложницу и прижал пистолет к груди Стирнера. — Кишка у вас тонка, ребята. Стоит мне выстрелить и забрызгать толпу твоей кровью, как она разбежится. Стоит моим людям дать залп — и уцелевшие обратятся в паническое бегство. Сейчас мы так и сделаем, и ты меня не остановишь...

Я бросился к нему. Он толкнул на меня Стирнера, ударил меня пистолетом по голове, а затем прижал его к моему виску.

— Ди Гриз, тебе не терпится умереть? В таком случае ты будешь первым.

В этот миг на нас упала тень, и в небесах загремел голос:

— Война окончена! Опустите оружие.

Над нами висел громаднейший крейсер, ощетиненный пушечными стволами, нацеленными на войска Зеннора.

Прибыл флот Лиги!

Но слишком поздно для меня.

— Ни за что! — закричал Зеннор. — Огонь! Уничтожить заложников! Сбить корабль!

Не забыл он и обо мне. Плотнее прижал пистолетное дуло к моему виску и нажал на спуск.

Осечка!

Я заметил, что сустав его пальца побелел от напряжения — он изо всех сил давил на спуск. Лицо Зеннора стало пепельно-серым — он понял, что происходит. Я отскочил и выбил пистолет из его руки.

Присев на корточки, я распрямился, как туго сжатая пружина, и вложил все свои силы в апперкот. Зеннор аж в воздух взлетел, а потом рухнул. Глядя на распростертое на земле бесчувственное тело и глуповато улыбаясь, я потер разбитые суставы.

— Ваше оружие не действует! — громыхал с небес голос, порядочно искаженный эхом. Но я безошибочно узнал голос капитана Варода. — Корабль распространяет вокруг себя поле энтропии, не позволяющее электронам двигаться или металлу соприкасаться с металлом. На живые существа это поле не действует, поэтому я прошу уважаемых жителей Чоджеки оказать нам услугу и разоружить захватчиков.

Послышался частый топот — дезертиры первыми бросились выполнять просьбу Варода. Я полюбовался на вытаращенные глаза офицеров и отвисшие челюсти сержантов. В днище корабля появилось отверстие, по тросу к земле скользнула знакомая фигура. На мое плечо легла рука. Я оглянулся и встретил сияющий взгляд Ниби.

— Вот и все, Джим.

— Да, все хорошо, что хорошо кончается. Захватчики улетят и никогда не вернутся. Вы снова будете хозяевами своей планеты. И мир воцарится навеки.

— Ты тоже улетишь?

Мое сердце гулко екнуло. Схватив Ниби за руку, я чуть не утонул в омутах ее глаз.

Но вовремя вынырнул на поверхность.

— Не знаю... Здесь, конечно, замечательно, но, боюсь, для меня такая жизнь была бы слишком спокойной. Ты уж меня извини. В раю, конечно, неплохо, но я к нему не привык. Во Вселенной еще столько планет, где я не бывал... К сожалению, мне придется улететь.

— Оставайся лучше здесь, Джим, — посоветовал Варод, приближаясь к нам. — Иначе снова угодишь за решетку. Не забудь — на одной из планет тебя ждут не дождутся.

— И это говорите вы, Варод! — возмутился я. — После того как обманом заманили меня сюда и бросили на произвол судьбы, хоть я и послал вам сигнал на ССВ. Если бы вы немного опоздали, погибла бы половина населения планеты...

— Ничего подобного! Мы все время находились на орбите и следили за происходящим. И слышали каждое слово Зеннора. Мы прибыли через два дня после того, как ты отправил сигнал.

— Через два дня? Слушали Зеннора? Быть того не может! Марк Четвертый знал бы об этом.

— А он знал. Мы с ним постоянно консультировались. Эта гениальная машина очень нам помогла.

— Ты хочешь сказать, что Марк Четвертый лгал мне? Как и ты?

— Да.

Я открыл и закрыл рот. Поразмыслил. Сказал:

— Так... Какого же черта вы заставили меня рисковать своей шкурой, если могли приземлиться давным-давно?

— Мы ждали выборов, — улыбаясь, ответил он. — Сделали все возможное, чтобы выманить Зеннора с его родной планеты. Подсовывали ему «шпионов» с радиопередатчиками, чтобы он знал, что за ним наблюдают, а стартовав, отказался от мысли поддерживать радиосвязь с Невенкебла. А здесь за него взялся ты и причинил ему массу хлопот. Должен тебя поздравить — ты прекрасно справился со своей ролью. У него совершенно не было времени думать о контактах со своей базой. А мы тем временем осуществили у него на родине небольшой государственный переворот, отобрав у военных бразды правления и передав их гражданским. Отныне на Невенкебла будет царить мир, а у власти стоять выборное правительство из штатских. А эти обезоруженные вояки будут возвращены на родину и демобилизованы.

— Вы меня выставили на посмешище, — дружелюбно сказал я. — Заставили таскать каштаны из огня.

— Я впервые слышу это выражение, но ты, наверное, хочешь сказать, что тебе пришлось делать для нас грязную работу?

— Примерно так.

— Ты прав, но не совсем. Ведь у тебя была своя причина, по которой ты прибыл сюда. Если бы мы не следили за тобой и не пришли на помощь, ты бы погиб.

С этим трудно было спорить. Да, я прилетел сюда по своей воле. Опустив взгляд на бесчувственное тело Зеннора, я с трудом подавил желание сломать ему два-три ребра.

— Что вы с ним сделаете?

— Зеннор психически болен и подвергнется лечению. Потом он станет совершенно иным человеком.

— А как насчет меня?

— Советую остаться здесь. Все-таки ты совершил побег из-под стражи, да и в Райском Уголке тебя ждут не дождутся...

— Не тычьте меня носом в старые прегрешения, — возмутился я. — Вы что, забыли, что я — тайный агент флота Лиги? Что я вам помог обнаружить эту планету и сделал все, чтобы обеспечить вам успех? Даже от вашего имени обещал кое-кому вознаграждение...

— Да, я знаю, птица подслушала твой разговор с тем солдатом, Аспайей. Не беспокойся, мы ему заплатим.

— И мне заплатите.

Он потер подбородок и ухмыльнулся.

— Под платой ты подразумеваешь прощение всех грехов?

— Не только. Вы ликвидируете мое досье и выплатите мне жалованье за все то время, которое я работал на вас.

— Ладно. Пока ты служишь флоту, никто не напомнит тебе о прежних проступках. Пожалуй, со временем из тебя получится неплохой агент, хотя ты слишком горяч...

— Ни за что! — воскликнул я. — Никогда! Чтобы я служил закону? Чтобы я получал мизерную зарплату и ждал жалкой пенсии? Лучше смерть, чем позор! Нет, капитан, у меня собственные планы на будущее. Заплатите — и до свидания!

— Мечтаешь о карьере преступника?

— Совсем напротив. Я клятвенно вам обещаю — больше никаких преступлений! — Я прижал одну руку к сердцу, а другую поднял над головой. — Жизнь дала мне хороший урок. Я проклинаю свое преступное прошлое и даю торжественное обещание стать добропорядочным членом общества.

— Ну что ж, малыш, ты меня радуешь. Так и быть, я позабочусь, чтобы тебе заплатили жалованье. Хорошо, что ты решил встать на правильный путь.

— Да, сэр! Отныне я — честный человек.

Да, я солгал. Солгал с легким сердцем. А что еще оставалось делать, если все кругом, в том числе капитан флота Лиги и величайший искусственный разум во Вселенной, не стеснялись обманывать бедного мальчишку, бывшего пастуха свинобразов?

У меня пересохло в горле, и я остро ощутил желание промочить его четырехсотлетним винцом. Отчетливо представив в своей руке полный стакан, я мысленно поднял его и произнес тост — за мое будущее!

Облизав сухие губы, я повернулся к Ниби и Стирнеру.

— Друзья мои, сегодня у нас праздник. Предлагаю его отметить. Между прочим, тут неподалеку есть замечательный винный погребок...

Глава 31

— Несомненно, — произнес Стирнер, и глаза его увлажнились от нахлынувшего чувства, — это лучший бокал вина из всех, которые я пил, когда-либо мечтал выпить, мог выпить, выпил, или выпью, или мог себе представить, что буду пить...

— Несмотря на то что с ораторским искусством у вас плоховато, — заметил Марк Четвертый, — я понимаю ваши чувства. Теперь, когда вы все продегустировали вино — искренне рад, что оно вам понравилось, — предлагаю тост. За спасителя планеты Джеймса ди Гриза. Наша благодарность не имеет границ, Джим.

— Благодарим! — хором воскликнули все, подняли бокалы и выпили. Кроме Марка — ему поднять было нечего. Вместо вина один из роботов влил солидную порцию электролита в сухой аккумулятор — Марк поведал, что внезапный прилив электронов его стимулирует.

— Благодарю вас, друзья, спасибо. — Я поднял бокал в ответном тосте: — За Мортона и Шарлу, которые сидят на диванчике, держатся за руки, краснеют и собираются пожениться.

Опять все радостно выпили, Марк Четвертый хохотнул от электронной щекотки. Я снова поднял бокал.

— Этот бокал я хочу поднять в честь моего проводника и учителя Стирнера. И товарища по приключениям Ниби — пусть вечно мчит ее велосипед.

Последовали крики радости, а я обернулся к сверкающей машине.

— И наконец, — но не в последнюю очередь — за Марка Четвертого — наставника и учителя, духовного лидера, хранителя вина. За Марка!

Когда хор голосов утих и была откупорена следующая бутылка, Марк обратился к благодарной аудитории:

— Спасибо, спасибо вам, последователи индивидуального мютюэлизма. Слишком долго я был *адиноким*...

Адиноким? Значит, поплыл на своих электронах! Да он пьян!

— ...отшельником, взирающим на праздник жизни, кипящий надо мной. А теперь я наконец рад вас приветствовать, рад вашей компании. И давайте откроем еще винца.

Стирнер, шатаясь, пошел за бутылкой, Ниби отправилась ему на помощь. Мортон и Шарла забылись в счастливом объятии. Марк что-то бормотал про себя.

Это был идеальный момент для того, чтобы незаметно исчезнуть. Ненавижу прощания. Тихонько, чтобы никого не беспокоить, я встал и вышел. Закрывая дверь, заметил, что телеглаз Марка повернулся мне вслед и подмигнул диафрагмой. Я подмигнул в ответ, закрыл дверь, повернулся и медленно поднялся по лестнице.

Как бы мне ни нравилась эта планета и люди, ее населяющие, я знал, что все это не для меня. Слишком цивилизованно и мирно. Ни тебе полиции, ни тебе преступности — что мне тут делать?

Вперед, Джим, вперед! К звездам!

Стальная Крыса

Глава 1

Дверь моего кабинета внезапно распахнулась — и я понял, что игра окончена. Дельце было что надо — денежное, но ему пришел конец. Когда полицейский вошел, я сидел в кресле, изобразив на лице счастливую улыбку. Тяжелая походка, хмурый взгляд, полное отсутствие чувства юмора сразу выдавали в нем служителя закона. Он еще не открыл рот, а я уже знал, что он скажет.

— Джеймс Боливар ди Гриз, я должен арестовать вас по обвинению...

Для пущего эффекта я подождал слова «обвинению». Когда оно было произнесено, я нажал кнопку, приводящую в действие пороховой заряд, установленный на потолке. Поперечная балка треснула, трехтонный сейф рухнул прямо на голову полицейского. Потрясающая картина. Когда пыль осела, из-под сейфа виднелась лишь неестественно вывернутая рука. Она пошевелилась, и указательный палец обвиняюще нацелился на меня. В его голосе, глухо доносившемся из-под сейфа, звучали недовольные нотки:

— ...по обвинению в незаконном въезде, краже, подлоге...

Он бубнил, перечисляя длинный список моих преступлений, но все это я уже слышал. Это абсолютно не мешало мне перекладывать деньги из ящиков стола в чемодан. В конце прибавилось еще одно обвинение и, готов поспорить на во-о-от такую пачку тысячных кредиток, в его голосе звучала обида.

— Вы также обвиняетесь в нападении на полицейского робота. Поступок бессмысленный, так как мой мозг и речевой аппарат бронированы, а в средней части тела...

— Слушай, Джордж, все это мне известно. Но на макушке твоей тупой головы установлен маленький передатчик, а мне бы не хотелось, чтобы ты сообщил обо мне своим приятелям. По крайней мере, в данный момент.

Пинком ноги я открыл в стене потайную дверь, ведущую в подвал. Когда я обходил груду железа на полу, робот попытался схватить меня за ногу. Но я ожидал этого, и его пальцы сомкнулись в двух дюймах от моей лодыжки. Я не раз встречался с полицейски-

ми роботами и прекрасно знал, что их невозможно уничтожить. Хоть бей их по голове, хоть с ног сбивай, они преследуют тебя, непрерывно читая мораль. Так дело обстояло и на этот раз. Он убеждал меня покончить с преступной жизнью и стать порядочным гражданином. Робот продолжал молоть чушь, и его голос эхом отдавался на лестничной клетке, когда я уже добрался до подвала.

Теперь на счету была каждая секунда. Через три минуты полиция сядет мне на хвост, так что у меня оставалась ровно одна минута и восемь секунд, чтобы покинуть здание. Надо было действовать. Еще один пинок — и я оказался в помещении для срывания этикеток. Ни один робот не посмотрел в мою сторону, когда я шел по проходу. Впрочем, я бы удивился, если бы это было не так. Эти допотопные модели М годились только для самой простой и однообразной работы. Именно поэтому я их и взял напрокат. Их абсолютно не интересовало, зачем они срывают этикетки с банок с фруктами или что находится на другом конце ленты конвейера, доставляющего консервы через стену. Они не подняли взгляд, даже когда я открыл дверь, которая всегда была на замке. Я не стал закрывать ее за собой — какие теперь могут быть секреты.

Пробежав вдоль грохочущего конвейера, я пролез в дыру, которую сам прорубил в стене правительственного склада. Конвейер тоже установил я. И то и другое, разумеется, шло вразрез с законом. Открыв еще одну дверь, я оказался на складе. Автоматический погрузчик деловито снимал консервные банки со стеллажей, тянущихся под самый потолок, и ставил их на ленту конвейера. Его и роботом назвать было трудно, он выполнял только заложенную в него программу по погрузке консервов. Обойдя его, я побежал по проходу, слыша, как стихают позади звуки моей противозаконной деятельности. Работа не прекращалась ни на секунду, и я искренне радовался этому.

Да, бизнес был что надо. За мизерную сумму я арендовал помещение, примыкавшее к задней стене правительственного склада. Прорубив дыру в стене, я получил доступ к продовольственным запасам, к которым в таких больших складах не прикасались месяцами, если не годами. То есть не прикасались до тех пор, пока там не появился я.

После того как я прорубил дыру и установил конвейер, все остальное было делом техники. Я взял напрокат роботов, чтобы те срывали старые этикетки и лепили на их место наклейки, которые я сам печатал. Таким образом, мой товар появлялся на рынке вполне законным путем. Мой ассортимент отличался разнообразием, а затраты, благодаря этой хитроумной операции, были крайне низкими. Я мог продавать товар дешевле, чем мои конкуренты,

и зарабатывал приличные деньги. Местные оптовики быстро почуяли выгоду и завалили меня заказами на несколько месяцев вперед. Отличная операция. Она могла бы длиться еще долго.

Не успела эта мысль выкристаллизоваться в моем мозгу, как я подавил ее. Богатый опыт подсказывал мне, что если операция закончена, то она действительно ЗАКОНЧЕНА! Меня так и подмывало остаться еще на один денек или получить деньги еще по одному чеку. Ах, как известно мне это чувство! Но я также знал, что нет лучшего способа познакомиться с полицией.

«Проиграл сегодня, отыграешься завтра». Это мой девиз, и, надо сказать, лишь благодаря ему я все еще на свободе.

А всякие мечтания бесполезны, когда улепетываешь от полиции.

Добежав до конца прохода, я выбросил из головы все мысли. Снаружи все здание оцеплено полицией, так что следовало действовать быстро и без ошибок. Я огляделся — никого. Сделав два шага, я нажал на кнопку вызова лифта. Я давно установил в лифте датчик и знал, что им пользуются только раз в месяц.

Пустой лифт появился через три секунды. Я запрыгнул в него и нажал кнопку последнего этажа. Он поднимался целую вечность, но в данном случае понятие времени субъективно. Подъем длился ровно четырнадцать секунд. Началась самая опасная его часть. Я сжал в руке пистолет 0,75-го калибра. С одним полицейским мне еще удастся справиться...

Двери открылись, и я опустил пистолет. Никого. Было оцеплено все внизу, а на крышу послать полицейских не догадались.

На открытом воздухе я услышал ласкающие душу завывания сирен. Судя по всему, внизу собралась половина полицейских этого города. Для меня это все равно что овации для артиста.

Доска лежала за шахтой лифта, там, где я ее и оставил. Немного покоробилась на солнце, но все еще довольно крепкая. Я подтащил ее к парапету и перекинул к соседнему зданию.

Идти по доске — дело опасное, тут спешка ни к чему. Став на край доски и прижав чемодан к груди, я медленно двинулся вперед, стараясь удержать равновесие. До земли — тысяча футов, но главное — не смотреть вниз...

Готово. Теперь медлить нельзя. Надо спрятать доску за парапет — это собьет их со следа, и я выиграю несколько драгоценных минут. Теперь пробежать десять шагов — и передо мной дверь на лестничную клетку. Она открылась легко. Еще бы, я ведь не пожалел масла для петель. Оказавшись внутри, я запер дверь на засов и облегченно вздохнул. Самое худшее позади, осталось самое простое. Если пару минут меня никто не будет беспокоить, полиция

никогда не найдет Джеймса Боливара ди Гриза, известного как Скользкий Джим.

Грязной и плохо освещенной лестницей на крышу сроду никто не пользовался. Я проверил ее неделю назад и ни оптических, ни акустических «жучков» не обнаружил. На толстом слое пыли виднелись лишь отпечатки моих ног. Что ж, будем надеяться, что за это время никаких «жучков» здесь не установили. Придется идти на риск, а без этого в нашем деле никак.

Прощай, сорокапятилетний бизнесмен Джеймс ди Гриз, весом девяносто восемь килограммов, с толстыми щеками и солидным брюшком, чья фотография вместе с отпечатками пальцев хранится в полицейских картотеках на тысяче планет. Сначала надо избавиться от отпечатков. Когда их надеваешь, они словно вторая кожа, а стоит капнуть растворителем, и они слезают, как перчатки.

Теперь одежда, затем корсет, в котором я носил двадцать килограммов свинца, смешанного с термитом. Хороший был животик. Немного отбеливателя из пузырька — и мои волосы, а заодно и брови приобрели естественный коричневый цвет. Теперь немного болезненная операция — вытащить расширители из ноздрей и подушечки из-за щек. Затем контактные линзы голубого цвета. Я разделся догола и почувствовал себя так, будто заново родился на свет. Впрочем, так оно и было. Я стал совершенно другим человеком — на двадцать килограммов легче, на десять лет моложе. Да и внешность изменилась. В чемодане лежали комплект одежды и темные очки. Деньги были аккуратно уложены в кейс.

Выпрямившись, я почувствовал, что действительно помолодел лет на десять. Без свинцового корсета походка стала легкой и пружинистой.

Термит уничтожил все улики. Свалив все в кучу, я поджег запал. В веселом пламени огня сгорели флакончики, одежда, туфли и все остальные мои вещи. Разумеется, полиция сможет обнаружить обгорелый участок цементного пола и соскоблить со стены пару молекул для микроанализа, но это все, на что они могут рассчитывать. Языки горящего термита еще отбрасывали на меня отблески, когда я спустился на три пролета и оказался на сто двенадцатом этаже.

Мне все еще везло. Когда я открыл дверь, на этаже никого не было. Через минуту скоростной лифт доставил меня вместе с другими бизнесменами в холл.

Выйти на улицу можно было через единственную дверь, над которой располагалась портативная камера. Никто не останавливал людей, входящих и выходящих из здания. Вряд ли кто-нибудь из них обращал внимание на камеру и группку полицейских, толкующихся возле нее. Не торопясь, я направился к выходу. В нашем деле главное — выдержка.

На мгновение я оказался в поле зрения беспристрастного стеклянного глаза. Ничего не произошло, и я понял, что меня не узнали. Камера была напрямую связана с компьютером в полицейском управлении. Если бы моя внешность хоть немного походила на мой портрет в картотеке, мне бы не дали и шагу ступить — роботы-полицейские сразу схватили бы меня. Трудно тягаться с компьютером, чья реакция измеряется миллисекундами, но его можно обмануть, что я и проделал в очередной раз.

Я взял такси и отъехал на десять кварталов от здания. Затем пересел в другое. Но только в третьем я почувствовал себя в безопасности и направился в космопорт. Звуки сирен затихли вдали, и лишь изредка мне попадались патрульные машины, следующие в противоположном направлении.

Столько шума из-за такого мелкого мошенничества, но это свойственно всем сверхцивилизованным мирам. Преступления там случаются настолько редко, что стоит только полиции натолкнуться на малейшее нарушение закона, как они выкладываются на полную катушку. Я, в принципе, не осуждал их. Выписывать всю жизнь штрафы за неправильную парковку, вероятно, ужасно скучно. Пусть спасибо скажут, что я хоть немного разнообразил их унылое существование.

Глава 2

Поездка в космопорт, который находился, разумеется, далеко от города, была приятной. У меня хватило времени, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Я даже немного пофилософствовал. И самое главное — я мог насладиться хорошей сигарой. В своем предыдущем образе мне приходилось курить сигареты, и я никогда, даже в полном одиночестве, не нарушал этого правила. Сигары хранились в герметически закрытой коробке, куда я их положил полгода назад, и совсем не потеряли своей свежести. Я глубоко затянулся, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж. Хорошо ничего не делать, почти так же, как и быть при деле. Я никогда не мог прийти к окончательному выводу — какое же состояние мне больше всего нравилось? Полагаю, и то и другое, в зависимости от обстоятельств.

Мой образ жизни настолько не похож на жизнь подавляющего большинства людей, что вряд ли в нашем обществе меня могут понять. Люди живут в богатом союзе миров, где и само слово

«преступление» давно потеряло смысл. Существуют, конечно, и такие, кто недоволен сложившимся положением вещей, кое-кто из них поступает вразрез с социальными правилами. Несмотря на века генетического контроля, иногда еще такие индивидуумы появляются на свет. Но их быстро выявляют и приводят в норму. У других это проявляется только тогда, когда они становятся взрослыми. Мелкие кражи в магазинах и квартирные ограбления — это все, на что они способны. В зависимости от степени своей сообразительности им удается оставаться на свободе неделю или месяц. Но судьба их предрешена — полиция вычисляет и арестовывает их.

Вот, пожалуй, и все преступления, которые совершаются в нашем чудесном обществе. Вернее, девяносто девять процентов преступлений. Но лишь ради последнего, самого главного процента существуют полицейские управления. В этот процент вхожу я и горстка подобных мне людей, разбросанных по всей Галактике. Теоретически нас нет, а если мы и существуем, мы не можем нарушать закон, однако именно этим мы и занимаемся. Мы — крысы в подполье общества, не признающие его запретов и правил. Чем мягче законы общества, тем больше в нем крыс. Ведь в деревянных домах крыс было больше, чем в зданиях из бетона, что пришли им на смену. Но и там водятся крысы. Сейчас наше общество построено из железобетона и нержавеющей стали. Щелей стало меньше, и крысе приходится быть изворотливой, чтобы их обнаружить. В таких условиях выживают только стальные крысы.

Стать стальной крысой очень почетно, и можно получить массу удовольствий, если вас не поймают, конечно. Но вы обречены на одиночество. Социологи до сих пор спорят о причинах нашего существования, а некоторые в него просто не верят. Согласно наиболее распространенной теории, мы — жертвы психологических расстройств, которые проявились не в детские годы, когда их можно было легко вылечить, а гораздо позже. Я часто думал об этом, но к определенному выводу так и не пришел.

Пару лет назад я сам написал книжонку по этому вопросу — под псевдонимом, разумеется, — и читатели восприняли ее довольно благосклонно. По моей теории, отклонения не относятся к психологической сфере, а носят чисто философский характер. На определенной стадии своего развития человек должен сделать выбор — либо жить, не признавая законов общества, либо умереть от абсолютной скуки. В законопослушной жизни нет ни будущего, ни свободы. Хотите жить по-другому? Тогда придется нарушать законы. Солдаты удачи и авантюристы не могут одновременно и

жить в обществе, и находиться вне его. Это раньше было возможным, а сегодня надо сделать выбор: все или ничего. Чтобы не сойти с ума, я выбрал последнее.

Такси прибыло в космопорт, и я без сожалений прервал свои грустные размышления. В нашем деле нельзя хандрить и жаловаться на судьбу. Только ощущение опасности может прочистить мозги. Расплачиваясь с водителем, я обманул его, стащив одну кредитку прямо из-под носа. Он не заметил этого, и его доверчивость позабавила меня. Я оставил ему щедрые чаевые, ведь я не собирался грабить его, а обманул просто от скуки.

За окошком билетной кассы сидел робот, на лбу у которого была установлена камера. Пока я покупал билет, она тихо жужжала, запоминая мою внешность и место назначения. Обычная полицейская процедура. Я бы удивился, если бы этого не произошло. Меня не пугало, что описание моей внешности появится в полицейских управлениях, поскольку на этот раз я не собирался предпринимать путешествие в другую звездную систему, как обычно поступал после каждого крупного дела. В этом не было никакой необходимости. Правда, после крупного дела в одном мире или небольшой системе тут уже ловить нечего, но вокруг Бета Сигнус вращалось около двадцати планет, чьи условия мало отличались от земных. Опасно было оставаться лишь на этой — третьей — планете, а на остальных мне ничего не грозило. Между планетами существовала жесткая конкуренция, и полицейские управления неохотно сотрудничали друг с другом. За это они и поплатятся. Мой билет был на Мори — восемнадцатую планету, где жители в основном занимались земледелием.

В космопорту было полно небольших магазинчиков. Я все их обошел и приобрел новый чемодан, полный комплект одежды и дорожные принадлежности. Последний мой визит был к портному. Он подобрал мне пару дорожных костюмов, и я зашел с ними в примерочную кабинку. Разумеется, по чистой случайности я повесил один костюм таким образом, что он закрыл объектив камеры. Я пыхтел и шаркал ногами, делая вид, что переодеваюсь, а на самом деле подделывал только что купленный билет. При помощи ножа для обрезки сигар, в котором у меня был небольшой компостер, я проделал несколько дырок в перфокарте билета, изменив место назначения. Теперь я уже направлялся не на восемнадцатую планету, а на десятую. На этой операции я терял двести кредиток. В этом-то вся и хитрость. Не надо стараться увеличить стоимость билета — подделку легко обнаружить. Но если вы уменьшаете стоимость и теряете при этом деньги, все подумают, что ошиблась

машина. Ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения, ведь терять деньги на подделке — явная глупость.

Чтобы не вызвать подозрения у полиции, я снял костюм с камеры и стал примерять его, придирчиво рассматривая себя в зеркале. До отправления корабля оставался час, и я с пользой для дела провел это время. Я отправился в автоматическую химчистку, где мне выстирали и выгладили только что купленную одежду. Ничто так не вызывает подозрения таможенников, как полный чемодан новой одежды с этикетками.

На таможне не возникло никаких проблем, и, зайдя в полупустой салон корабля, я выбрал место рядом со стюардессой. Я флиртовал с ней до тех пор, пока она возмущенно не удалилась, причислив меня к категории нахалов и приставал. Сидевшая рядом старушка составила обо мне точно такое же мнение и, одарив меня презрительным взглядом, демонстративно отвернулась к окну. Я безмятежно заснул. Уж если нет возможности остаться незамеченным, то лучше быть замеченным и причисленным к определенной категории людей. Тогда вас невозможно отличить от других подобных типов, чего я и добивался.

Когда я проснулся, корабль уже подлетал к десятой планете. Я продолжал дремать, пока мы шли на посадку, затем выкурил сигару, ожидая, когда таможенники закончат осматривать мои вещи. Кейс, набитый деньгами, не вызвал у них никаких подозрений, так как еще полгода назад я предусмотрительно подделал свои документы и теперь в графе «профессия» у меня значилось «банковский курьер». Межпланетный кредит на этих планетах почти отсутствовал, и таможенники привыкли, что курьеры постоянно возят с собой огромные суммы денег наличными.

По привычке заметая следы, я оказался в большом промышленном городе под названием Бругг, в тысяче километров от места моего приземления. Используя новое удостоверение личности, я поселился в небольшой гостинице, расположенной на окраине города.

Обычно после большого дела я отдыхаю месяц-другой, но на этот раз потребности в отдыхе я не ощущал. Делая небольшие покупки, необходимые мне для восстановления личности Джеймса ди Гриза, я прикидывал, чем бы мне заняться. В первый же день я обнаружил одно место, показавшееся мне легкой добычей, и с каждым днем я все больше и больше убеждался в этом.

Я никогда не повторялся, и это позволяло мне ускользать от полиции. Обдумав какое-нибудь выгодное дельце, я претворял его в жизнь и больше никогда к нему не возвращался. Единственное, что было в этих делах общим, так это то, что все они приносили

мне деньги. Вот только вооруженного ограбления за мной еще не числилось. Пора было восполнить этот пробел.

Восстанавливая образ Скользкого Джима, я отращивал брюшко и обдумывал план операции. К тому времени, когда я изготовил себе новые отпечатки пальцев, план был готов. Как и всякий гениальный план, он был прост; ведь чем меньше сложностей, тем меньше вероятность случайного прокола.

Я решил ограбить «Морайо», крупнейший универмаг в городе. Каждый вечер в одно и то же время бронированный фургон забирал дневную выручку и отвозил ее в банк. Как можно упустить такую заманчивую добычу — гигантскую сумму денег в мелких купюрах. Основная сложность заключалась в том, как унести такую уйму денег. Как только я нашел ответ на этот вопрос, можно было начинать операцию.

Все приготовления существовали только в моей голове, пока я входил в образ Джеймса ди Гриза. Нацепив на себя пояс с грузом, я вновь почувствовал себя в форме. Я снова перешел на сигареты и принялся за работу. Пару дней я посвятил тому, что приобретал и воровал необходимые мне вещи. Операцию я запланировал на следующий день.

Ключевую роль в операции я отвел большому трейлеру, который купил накануне. Сделав кое-какие усовершенствования в кабине, я припарковал его в Г-образной аллее в полумиле от «Морайо». Трейлер блокировал въезд в аллею, но это не имело значения, так как ею пользовались только утром. Ленивой походкой я направился к магазину. Когда я подошел к нему, бронированный фургон уже был там. Прислонившись к стене огромного здания, я наблюдал, как охранники грузят деньги. Мои деньги.

Человек со слабыми нервами и бедным воображением пришел бы в ужас от этой картины. По крайней мере пять вооруженных охранников стояли у входа, еще двое сидели в фургоне. Добавьте к этому еще водителя и его помощника. У тротуара урчали три мотоцикла — они должны были сопровождать фургон в пути. Впечатляющее зрелище. Я затянулся сигаретой, стараясь не рассмеяться от мысли, что все их тщательно продуманные предосторожности — лишь пустая трата времени.

Я считал мешки с деньгами по мере того, как их выносили из магазина. Их всегда было пятнадцать, ни больше ни меньше. Это упрощало мою задачу. Как только четырнадцатый мешок загрузили в фургон, в дверях магазина появился пятнадцатый. Водитель, как и я, тоже считал мешки и вылез из кабины, чтобы запереть заднюю дверь фургона.

Мы двинулись с места одновременно. Когда он подошел к задней двери, я уже находился рядом с кабиной фургона. Я быстро залез внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощник успел только открыть рот и выпучить глаза, когда я бросил ему на колени анестезирующую бомбу. Он тут же отключился. Разумеется, у меня в носу стояли защитные фильтры. Заводя двигатель левой рукой, правой я бросил бомбу побольше через окошко внутрь фургона. До меня донеслись звуки падения тел.

Все это заняло не более шести секунд. Охранники, стоявшие у входа, только сейчас стали соображать, что происходит что-то непонятное. Помахав им рукой, я нажал на газ, и броневик рванул от обочины. Один из охранников попытался запрыгнуть в открытую заднюю дверь, но немного опоздал. Все произошло так быстро, что им в голову не пришло открыть огонь, хотя я был уверен, что без стрельбы не обойдется. Размеренная жизнь притупляет рефлексы.

Мотоциклисты среагировали гораздо быстрее, и не успел я отъехать на сто футов, как они сели мне на хвост. Я слегка притормозил, дав им возможность приблизиться, а затем снова нажал на газ, чтобы они не обогнали меня.

Сирены завывали, а мотоциклисты стреляли в меня из пистолетов. Все, как я и планировал. С огромной скоростью мы неслись по улицам, оставляя другие машины далеко позади. У мотоциклистов не было времени на размышления, и они считали, что скоро полиция меня перехватит. Ситуация была настолько комичной, что я громко хохотал, срезая углы.

Разумеется, полицию уже оповестили, и все дороги впереди перекрыли. Но эти полмили мы проскочили за несколько секунд. Увидев въезд в аллею, я направил фургон туда, одновременно нажав на кнопку моего карманного коротковолнового передатчика.

Сработали мои дымовые бомбы, установленные вдоль аллеи. Они, как и все мои прочие изобретения, были кустарного производства, но тем не менее вся аллея оказалась в густом облаке дыма. Я слегка сдал вправо, пока фургон не коснулся крылом стены. Снизив скорость, я повел машину, что называется, на ощупь. Мотоциклисты такого сделать не могли, поэтому должны были выбирать: либо остановиться, либо ринуться в темноту. Я надеялся, что они примут разумное решение и не станут подвергать себя риску.

Радиоимпульс, взорвавший дымовые бомбы, должен был одновременно открыть задние двери моего трейлера и опустить аппарель для въезда. Во время испытаний все происходило именно так. Оставалось надеяться, что система сработает и на этот раз. Ориентируясь по скорости, я попытался определить расстояние до моего трейлера, но, видимо, ошибся в расчетах. Передние колеса броне-

вика врезались в аппарель, и он не заехал, а залетел вовнутрь. Меня сильно тряхнуло, но я все же успел нажать на тормоза, прежде чем меня выбросило из кабины.

Темень стояла, как ночью. От этих дымовых бомб и сильного удара вся операция чуть не пошла насмарку. Пока я стоял, прислонившись к машине, драгоценные секунды уплывали. Не знаю, сколько времени прошло, пока я сориентировался, но, когда я подошел к задней двери, до меня из клубов дыма донеслись голоса охранников. Они услышали, как я со скрипом поднял покореженную аппарель, и мне пришлось успокоить их, швырнув две газовые бомбы.

Дым уже понемному рассеивался, когда я залез в кабину грузовика и завел двигатель. Проехав несколько футов по аллее, я выбрался на солнечный свет. Впереди, на главной улице, стояли две полицейские машины. Выехав на улицу, я остановился и внимательно посмотрел по сторонам. Никто не обращал внимания на мой трейлер. Видимо, все события происходили на другом конце аллеи. Я нажал на газ и поехал в обратную сторону от магазина, который только что ограбил.

Разумеется, я проехал всего лишь несколько кварталов в этом направлении, а затем повернул на боковую улицу. Развернувшись, я снова направился к универмагу «Морайо» — месту моего последнего преступления. Прохладный ветер, врывавшийся через открытое окошко, взбодрил меня, и, весело насвистывая, я повел грузовик по боковым улицам.

Мне хотелось подъехать к главному входу в универмаг, чтобы посмотреть, как они там суетятся, но нарываться на неприятности у меня не было желания. Да и некогда было. Я заранее наметил маршрут и теперь вел машину по улицам, где почти отсутствовало движение. Через несколько минут я оказался на грузовом дворе универмага «Морайо». Здесь тоже царило некоторое оживление, но работа шла своим чередом. Там и тут небольшие группки грузчиков и водителей обменивались своими впечатлениями по поводу происшедшего, а роботы, не умевшие сплетничать, продолжали работать. Все они настолько были увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания, когда я остановил свой трейлер рядом с другими фургонами. Выключив двигатель, я облегченно вздохнул и откинулся на сиденье.

Первая часть операции прошла нормально. Впрочем, вторая часть была не менее важной. Я вытащил из своего набрюшника аптечку, которую всегда беру с собой на дело. Обычно я не доверяю стимуляторам, но от удара голова все еще шла кругом. Я впрыснул себе в локоть два кубика линотена, и в голове снова

прояснилось. Походка вновь стала пружинистой, когда я направился к задним дверям трейлера.

Помощник водителя и охранники все еще были без сознания и должны были пребывать в таком состоянии еще часов десять. Я аккуратно уложил их рядом с броневиком, чтобы они мне не мешали, и принялся за работу.

Броневик занимал почти весь трейлер. Я знал, что так оно и будет, поэтому коробки прикрепил к стенкам. Это были чудесные упаковочные коробки с надписью «Морайо» на боках. Я давно украл их со склада, и вряд ли их пропажу заметили. Вытащив коробки, я принялся набивать их деньгами. Пот лил с меня градом, и мне пришлось даже снять рубашку.

Почти два часа у меня ушло на то, чтобы заполнить коробки и заклеить их лентой. Каждые десять минут я выглядывал в глазок, установленный в двери, но снаружи все шло своим чередом. Несомненно, полиция закрыла все въезды и выезды из города и теперь прочесывала улицы в поисках фургона. Я готов был побиться об заклад, что им никогда в голову не придет искать фургон на заднем дворе обворованного универмага.

На складе, где я украл коробки, я позаимствовал и накладные. Вписав в них различные адреса получения груза, который, разумеется, был оплачен, я прикрепил их к коробкам. Операция шла к концу.

Уже стемнело, но я знал, что грузовое отделение работает допоздна. Двигатель завелся с пол-оборота, я выехал со стоянки и стал подавать к платформе. В этом месте, где грузовой двор соединялся с приемным участком, было довольно спокойно, и я постарался поставить трейлер как можно ближе к разделяющей черте. Убедившись, что никто из рабочих не смотрит в мою сторону, я открыл заднюю дверь. Ведь даже самому тупому из них стало бы интересно, с какой стати из грузовика выгружают коробки с ярлыками универмага. Установив коробки на платформу, я быстро набросил на них брезент. Все это заняло несколько минут. Усевшись рядом, я закурил.

Ждать долго не пришлось. Не успел я докурить сигарету, как появился робот из отдела отправки.

— Эй, иди сюда! М-19, который грузил эти коробки, перегорел. Надо срочно позаботиться о грузе.

В глазах робота загорелось чувство долга. Некоторые из последних моделей М воспринимают работу с большой ответственностью. Я быстро отошел в сторону, так как из дверей склада появились автопогрузчики и М-грузчики. Не успел я и глазом моргнуть, как мой груз исчез с платформы. Закурив еще одну сигарету, я стал

наблюдать, как на мои коробки ставят штампы и грузят на ленту транспортера.

Теперь мне осталось только бросить свой трейлер на какой-нибудь тихой улочке и изменить внешность.

Усевшись в кабину, я впервые за все время почувствовал, что происходит нечто странное. Я, разумеется, наблюдал за воротами грузового двора, но невнимательно. Машины въезжали и выезжали. И тут меня как громом ударило. Одни и те же машины ездили туда-сюда! Большой красный грузовик только что выехал через ворота. Звук его мотора становился все тише и тише по мере того, как он удалялся по улице. Затем снова послышался рев мотора, и тот же самый грузовик въехал во двор через другие ворота. За стеной стояли полицейские машины.

Они ждали меня.

Глава 3

Впервые за всю мою преступную карьеру я почувствовал страх загнанного человека. В первый раз полиция села мне на хвост, когда я этого не ожидал. Деньги, конечно, потеряны. Я о них уже и думать перестал. Надо было спасать свою шкуру.

Никаких необдуманных поступков. Пока я чувствовал себя в относительной безопасности. Кольцо, разумеется, смыкалось, но медленно, ведь они не знали, где именно я нахожусь. Попробуй найди человека на таком огромном грузовом дворе. Но как они вообще вышли на меня? Вот что меня беспокоило больше всего. У местной полиции отсутствовал опыт, и они никак не смогли бы так быстро напасть на мой след. Тем более что следов я не оставлял. Тому, кто устроил мне здесь ловушку, нельзя было отказать в сообразительности.

Внезапно меня осенило:

Специальный Корпус.

Об этом ничего не писали, но слухи о нем ходили в любом из тысячи миров Галактики. Специальный Корпус, входивший в Лигу, брал на себя решение задач, с которыми не могли справиться отдельные планеты. Говорили, что именно Корпус покончил с остатками банды Хэкселла после заключения перемирия, прикрыл лавочку нелегальных торговцев «T&Z» и, наконец, поймал Инскиппа. Теперь пришел и мой черед.

Они ждали, когда я попытаюсь смыться. Вероятно, они думали так же, как и я, и перекрыли все выходы. Надо соображать быстро и действовать правильно.

Есть только два выхода. Через ворота или через универмаг. Ворота слишком хорошо охранялись, чтобы через них прорваться, а вот в магазине полно дверей. Мне подходил только этот вариант. Как только я принял это решение, я понял, что точно такая же мысль пришла в голову моим преследователям — к дверям магазина двигались люди. Меня опять охватил страх, и я окончательно разозлился. Меня бесила сама мысль, что кто-то может меня перехитрить. Ладно, посмотрим кто кого. У меня в запасе оставалась еще пара трюков.

Сначала надо сбить их с толку. Я завел трейлер, переключил на первую скорость и поехал к воротам. Закрепив руль, я выпрыгнул из кабины и помчался обратно в сторону склада. За спиной послышались выстрелы, страшный грохот и крики. Последнее мне понравилось больше всего.

На дверях, ведущих в универмаг, висели замки. И допотопная сигнализация, которую я мог вывести из строя за пару секунд. При помощи отмычки я открыл замок и пнул дверь ногой. Хотя сигнального звонка не было слышно, я знал, что где-то в здании на табло индикатора загорелась лампочка, показывающая, что дверь открыта. Повернувшись, я изо всех сил помчался к последней двери, расположенной на противоположном конце здания. На этот раз, прежде чем войти в дверь, я заранее отключил сигнализацию. Оказавшись внутри, я запер ее за собой.

Нет ничего труднее, чем убегать, сохраняя при этом спокойствие. Задыхаясь, я добежал до служебного входа. Несколько раз я видел впереди горящие фонари полицейских и сворачивал в первый попавшийся коридор. Просто удивительно, как это они меня не засекли. Перед дверью, через которую я хотел выскочить, стояли два типа в форме. Прижимаясь к стене, я подобрался к ним поближе и, когда нас разделяло не более двадцати футов, швырнул газовую гранату. Сначала мне вдруг показалось, что они в противогазах и я попался, но они рухнули на пол. Один из них загораживал дверь. Отодвинув его в сторону, я приоткрыл ее на несколько дюймов.

Прожектор был установлен футах в тридцати от двери, не дальше. Когда он вспыхнул, мне показалось, что я ослеп. Яркий свет резанул по глазам. Только я успел плюхнуться на пол, как автоматная очередь разнесла дверь в щепки. В ушах звенело от грохота разрывающихся пуль, но все же я услышал приближающийся топот. Выхватив свой пистолет 0,75-го калибра, я выпустил все патроны в дверь, целясь выше, чтобы никого не задеть. Вряд ли это остановит их, но задержит точно.

Тут же они открыли ответный огонь. Такое впечатление, что их там был целый взвод. Свистели пули, от стен отлетали куски пластмассы. То, что надо; я был уверен, что за моей спиной никто не появится. Прижимаясь к полу, я отполз в сторону, подальше от линии огня. Пару раз завернув за угол, я теперь мог встать, не боясь, что меня пристрелят. Колени тряслись, в глазах рябило. Прожектор неплохо поработал, и я видел все как в тумане.

Я медленно шел, стараясь уйти как можно дальше от стрельбы. Взвод открыл огонь, как только я попытался выйти. Значит, им приказали стрелять в каждого, кто попытается покинуть здание универмага. Чудесная ловушка. Полицейские будут искать меня, пока не найдут. А стоит мне только выйти, как меня пристрелят. Я чувствовал себя, как крыса, попавшая в западню.

Внезапно во всем универмаге зажегся свет — я замер. Я стоял возле витрины сельскохозяйственных инструментов. В другом конце зала находилось трое солдат. Мы заметили друг друга одновременно, и не успел я шмыгнуть за дверь, как вокруг засвистели пули. Они привлекли и военных, значит, хотели взять меня во что бы то ни стало. Невдалеке виднелись шахта лифта и лестница, ведущая наверх. В одно мгновение я оказался возле лифта, нажал на кнопку подвального этажа и выскочил из кабины до того, как двери успели закрыться. Затем я помчался обратно к лестнице, ожидая, что солдаты появятся в любой момент. Я успел подняться на первую площадку, когда дверь внизу распахнулась. Удача все еще не покинула меня. Солдаты не заметили меня и думали, что я спустился на лифте вниз. Привалившись к стене, я слышал, как они с криками понеслись в подвал.

Но один из них оказался не таким тупым, как остальные. Вместо того чтобы отправиться в подвал по ложному следу, он стал медленно подниматься по ступенькам. У меня не осталось ни одной гранаты, поэтому пришлось идти впереди него по лестнице, стараясь не производить шума.

Я крался по ступенькам в одних носках, повесив ботинки на шею, а он грохотал своими сапожищами по металлической лестнице. Так мы преодолели четыре пролета.

Я уже было занес ногу, чтобы подниматься дальше, как вдруг услышал, что кто-то спускается вниз, топоча солдатскими сапогами. Рядом была дверь, и я шмыгнул за нее. Передо мной тянулся коридор, по обе стороны которого были расположены двери. Я помчался вперед, стараясь добежать до конца коридора до того, как дверь сзади распахнется и меня изрешетят автоматными очередями. Коридор, казалось, никогда не кончится, и я понял, что добежать до конца у меня не хватит времени.

Я, как крыса, искал щель, где бы укрыться, но ее не было. Я тыкался во все двери, но они были заперты, все до одной. Лестничная дверь позади меня распахнулась, и я скорее почувствовал, чем увидел, как автоматы нацелились на меня. Я боялся оглянуться. Неожиданно одна из дверей поддалась, и я влетел туда, не соображая, что произошло. Быстро закрыв ее за собой, я привалился к стене, дыша, как загнанный зверь. Внезапно свет в комнате зажегся, и я увидел сидевшего за столом человека. Он улыбался.

Есть какой-то предел человеческому терпению, и я достиг его. Мне уже было все равно — пристрелит он меня или угостит сигаретой. Он не сделал ни того ни другого. Вместо этого он предложил мне сигару.

— Угощайтесь, ди Гриз. Вы, кажется, такие предпочитаете?

Насколько все-таки мы рабы своих привычек. Даже когда рядом ходит смерть, мы не можем от них отказаться. Пальцы сами взяли сигару и засунули ее в рот. Я глубоко затянулся. Все это время я не сводил глаз с человека, ожидая любого подвоха.

Наверное, ожидание смерти было написано у меня на лице. Он кивнул мне на кресло, держа руки на столе. Я все еще держал его на мушке моего пистолета.

— Садитесь, ди Гриз, и уберите пушку. Если бы я хотел вас убить, я сделал бы это гораздо раньше, а не стал заманивать в эту комнату. — Он изумленно поднял брови, увидев выражение моего лица. — Уж не думаете ли вы, что оказались здесь случайно?

Именно так я и думал, но теперь... Какой же я болван! Мне стало мучительно стыдно. Меня обвели вокруг пальца, и у меня не было другого выбора, как достойно сдаться. Швырнув пистолет на стол, я плюхнулся в предложенное кресло. Он убрал оружие в ящик и немного расслабился.

— Мне было немного не по себе, когда вы таращили на меня глаза и размахивали своей пушкой.

— Кто вы такой? — резко спросил я.

Он улыбнулся.

— Кто я такой, абсолютно не важно. Главное, какую организацию я представляю.

— Корпус?

— Именно. Специальный Корпус. Уж не приняли ли вы меня за местного полицейского? Полиция получила приказ стрелять в вас без предупреждения. Они позволили Корпусу участвовать в этом деле только после того, как я рассказал, где вас можно найти. Это мои люди заманили вас сюда. Здешние полицейские пристрелили бы вас, не раздумывая.

Неприятно, конечно, слышать такое, но это была правда. Они манипулировали мной, как запрограммированным роботом М-класса. Сидевший за столом человек — на вид ему было лет шестьдесят пять, это я только сейчас заметил, — поймал меня по всем правилам. Игра закончилась.

— Ладно, мистер сыщик, я сдаюсь. Что дальше вы со мной собираетесь делать? Психологическая переориентация, лоботомия или банальный расстрел?

— Боюсь, что вы не угадали. Я просто хотел предложить вам работать на Корпус.

Все это прозвучало настолько нелепо, что я чуть не свалился с кресла от смеха. Межпланетный вор Джеймс ди Гриз в роли полицейского? Вот потеха. Он спокойно ждал, когда у меня пройдет приступ веселья.

— Допускаю, что на первый взгляд это кажется нелепым. Подумайте и скажите, кто может лучше выследить вора, как не другой вор?

Он был прав, но я не хотел в обмен на свободу становиться стукачом.

— Звучит заманчиво, но, боюсь, вынужден буду отклонить ваше предложение. Вы же знаете, у воров существует свой кодекс чести.

Это его разозлило. Когда он помахал перед моим носом пудовым кулачищем, я понял, что он гораздо крупнее, чем показался мне сначала.

— Хватит говорить глупости! Не корчите из себя героя детективного сериала. Вы еще никогда за свою жизнь не встречались с другим преступником. А встретив, не задумываясь, передали бы его полиции, если бы это принесло вам выгоду. Вами движет только эгоизм, и вы наслаждаетесь, делая то, чего не могут сделать другие. Пора признаться себе в этом. Хватит играть роль межпланетного плейбоя. Вы можете заняться работой, где потребуются все ваши таланты и способности. Вам приходилось когда-нибудь убивать?

Внезапный вопрос застал меня врасплох, и я не сразу ответил.

— Насколько я знаю, нет.

— А я знаю точно, так что можете спать спокойно. Вы не убийца, я проверил это, прежде чем начать охоту на вас. Именно поэтому я и уверен, что вы согласитесь работать на Корпус и получать удовольствие, вылавливая настоящих преступников, а не тех, кто просто бросает протест обществу. Людей, которые убивают и получают наслаждение от убийства.

Все это звучало довольно убедительно, на все у него был готовый ответ. У меня оставался последний аргумент.

— А что случится, если в Корпусе узнают, что вы принимаете на работу бывших преступников? Да нас обоих поставят к стенке.

Теперь он расхохотался. Я не видел в этом ничего смешного и не стал разделять его веселье.

— Начнем с того, мой друг, что я и есть Корпус, по крайней мере, человек, который им руководит. Как, ты думаешь, меня зовут? Гарольд Питерс Инскипп, вот кто я такой!

— Уж не тот ли Инскипп...

— Тот самый. Неуловимый Инскипп. Человек, ограбивший «Фарсидион II» во время полета и провернувший все те дела, о которых вы, вероятно, читали в свои юношеские годы. Меня завербовали точно так же, как сейчас я вербую вас.

Он знал, что я у него на крючке, и выложил последний довод.

— А откуда, по-вашему, мы набираем своих агентов? Не тех отличников технических школ, которые преследовали вас сейчас. Я имею в виду настоящих агентов. Тех, кто планирует и осуществляет операции. Они бывшие преступники. Все до одного. И чем лучше они действовали на свободе, тем большую пользу они приносят Корпусу. Вселенная огромна, и каких только проблем у нас не возникает. Мы берем на работу только настоящих профессионалов. Что скажете?

Все это было настолько внезапно, что времени подумать не оставалось. Я мог бы спорить с ним целый час, но мозг уже принял решение. Я готов был сказать «да».

Я, конечно, что-то терял, но особо не печалился. Я не потеряю свободу и буду работать с людьми. Прощайте, беззаботные деньки, я снова становлюсь полноправным членом общества.

От этой мысли на душе у меня потеплело. По крайней мере, моему одиночеству пришел конец. Взамен того, что я потеряю, я приобрету дружбу.

Глава 4

Как глубоко я ошибался.

Люди здесь просто поражали меня тупостью. Я был для них очередной шестеренкой в отлаженном механизме. Я делал все, что мне говорили, удивляясь, как меня угораздило вляпаться в такую историю. Впрочем, удивляться было особенно нечему, я ведь знал, как это случилось. Потянулись однообразные будни.

Школа находилась на планетоиде, и я понятия не имел, какие планеты располагаются по соседству и как называется эта звездная система. Все это держалось в глубоком секрете, потому что тут, очевидно, располагались штаб-квартира Специального Корпуса и главная учебная база.

Это мне нравилось. Только поэтому я и подавил в себе мысль о побеге. Предметы были скучными, но материальная база — будь здоров. Только теперь я понял, какими примитивными были мои операции. Да имей я такую технику, мне бы равных не нашлось! Эта мысль постоянно преследовала меня в минуты депрессии и тоски, но я гнал ее прочь.

Потом вообще началась тоска зеленая. Почти все время занимала работа с архивами, где мы изучали бесчисленные победы и некоторые поражения Корпуса. Я несколько раз уже порывался смыться отсюда ко всем чертям, но меня одолевало любопытство — а что, если все это часть испытательного периода? Я умерил свой норов и, стараясь не помереть со скуки, стал присматриваться, что к чему. Я поставил себе целью вырваться из этого рабства. Пришлось попотеть, но я достиг своей цели.

Когда я собрал все данные, все уже спали. Впрочем, я был этому только рад.

Что касается вскрытия замков и сейфов, то без ложной скромности признаюсь — равных в этом деле мне нет. Замок на двери спальни Инскиппа был просто допотопным. Через секунду я бесшумно пробрался в его комнату. Но он все равно услышал меня. Зажегся свет, и я увидел дуло пистолета 0,75-го калибра, направленное мне в грудь.

— Я-то думал, у тебя мозгов побольше, ди Гриз! — рявкнул он. — Подумать только, залезть в мою спальню! Да я мог тебя пристрелить!

— Не думаю, — ответил я, глядя, как он прячет свой пистолет под подушку. — Вы из тех любознательных людей, которые, прежде чем нажать курок, должны выяснить, что происходит. К тому же, будь ваш экран включен, я бы не стал шастать тут по ночам. Я бы просто позвонил.

Инскипп зевнул и налил стакан воды из графина.

— Если я возглавляю Специальный Корпус, это не значит, что я обязан работать круглые сутки. — Он опустошил стакан. — Надо же мне когда-нибудь спать. Мой экран принимает только экстренные вызовы. Не хватало мне еще утешать каждого агента.

— Значит, — как можно ласковее сказал я, — вы полагаете, что я пришел к вам за утешением?

— Мне все равно, зачем ты пришел, — проворчал он, накрываясь одеялом. — Убирайся отсюда и приходи завтра, в рабочее время.

Теперь он был в моих руках. Ему так хотелось спать, но скоро сон с него как рукой снимет.

— Знаете ли вы, что это такое? — спросил я, сунув ему под нос фотографию.

Инскипп медленно приоткрыл один глаз.

— Похоже на большой военный корабль Империи, — пробормотал он. — А теперь убирайся с моих глаз долой!

— Отличная мысль, несмотря на такой поздний час, — ободряюще сказал я. — Это последний имперский крейсер. Одна из самых разрушительных военных машин, когда-либо построенных человеком. Полмили защитных экранов и вооружение, способное испепелить в долю секунды любой существующий флот...

— Если не считать, что последний крейсер такого типа пустили на металлолом тысячу лет назад, — пробормотал он.

Чтобы исключить всякие недоразумения, я наклонился и прошептал ему прямо на ухо:

— Все правильно. А если я скажу, что этот корабль строят сейчас?

С каким удовольствием я наблюдал, как, отбросив в сторону одеяло, Инскипп вскочил с постели. Еще секунду назад он находился в горизонтальном положении, а теперь стоял, рассматривая фотографию при свете лампы. На его пижаме не было пуговиц, и мне было видно, как его худое тело покрылось гусиной кожей. Но, несмотря на это, голос Инскиппа звучал грозно.

— Говори, ди Гриз! Говори, черт тебя побери! — зарычал он. — Что это за чепуха насчет военного корабля? Кто его строит?

Достав пилочку для ногтей, я принялся за маникюр, краешком глаза наблюдая, как его лицо наливается краской. Я наслаждался чувством превосходства.

— Вы правильно сделали, что направили ди Гриза работать в архиве. Копаться в папках столетней давности — что может быть лучше, чтобы сломить его строптивость. Надо же как-то научить Скользкого Джима дисциплине, показать ему, на чем стоит Корпус. Впрочем, архив уже давно пора было привести в порядок.

Инскипп открыл рот, издал какой-то нечленораздельный звук и снова закрыл его. Он понял, что чем больше он будет меня прерывать, тем длиннее будет моя речь. Я кивнул, отмечая его сообразительность, и продолжал:

— Итак, вы решили сломить мой дух под видом изучения истории деятельности Корпуса. Надо сказать, ваш план провалился.

Покопавшись в архивах, я обнаружил там массу интересного. Особенно меня заинтересовала система КП — каталог памяти. Такая машина, что собирает поступающую информацию со всех планет Галактики, обрабатывает ее соответствующим образом и отправляет в архив. Там я и натолкнулся на этот корабль. Космические корабли всегда интересовали меня...

— Еще бы, — грубо прервал меня Инскипп. — Сколько ты их угнал за свою жизнь.

С обидой посмотрев на него, я медленно продолжал:

— Не буду утомлять вас деталями, раз вам так не терпится все узнать. Одним словом, я наткнулся на этот план.

Как только я вытащил план из кармана, он вырвал его у меня из рук.

— Что ты хочешь этим сказать? — пробормотал он, внимательно изучая чертеж. — Обычный транспортный корабль, приспособленный для перевозки пассажиров. При чем здесь имперский крейсер?

Трудно презрительно кривить губы и говорить одновременно, но у меня это получилось.

— Естественно, ни один дурак не будет сообщать в регистр Лиги, что строит военный корабль. Но, как я уже сказал, в кораблях я немного соображаю. Мне показалось, что его размеры слишком уж велики для той цели, для которой он якобы предназначается. И так слишком много существует кораблей, которые только зря переводят топливо. Незачем строить новые. Поразмыслив, я дал команду машине, чтобы мне представили полный список кораблей такого размера, которые когда-либо строились. Представьте себе мое удивление, когда, попыхтев три минуты, машина выдала список, где числилось только шесть кораблей. Один построили для колонизаторов, направляющихся в другую галактику. Насколько мне известно, он все еще в пути. Пять других относились к кораблям класса Д, построенных для перевозки больших масс людей в эпоху Экспансии. Сейчас такие громадины никому не нужны. Я никак не мог взять в толк, зачем кому-то понадобился такой корабль. Отключив в системе КП временной ограничитель, я просмотрел всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящие аналоги. И я их нашел. Это оказался военный корабль из Золотого Века Имперской Экспансии. Машина даже выдала мне чертеж.

Инскипп вырвал его у меня из рук и принялся сравнивать оба чертежа. Глядя через его плечо, я указывал на наиболее интересные детали.

— Обратите внимание, планировка машинного зала слегка изменена, чтобы увеличить емкость грузового трюма для хранения дос-

таточного количества оружия. Надстройка легко убирается, и на ее месте устанавливаются орудийные башни. Корпуса кораблей одинаковы. Пара незначительных изменений — и неуклюжий транспортный корабль превращается в быстроходный крейсер. Все это можно сделать во время сборки. Пока Лига сообразит, что к чему, корабль будет готов. Разумеется, все это может оказаться чистой случайностью, несмотря на то что чертежи совпадают в шести местах. Но я готов спорить на все что угодно, что это не так.

Но Инскипп спорить не стал. С его-то опытом он сразу сообразил, что дело тут нечисто. Натягивая штаны, он буквально засыпал меня вопросами.

— Как называется эта миролюбивая планета, стремящаяся возродить этот кошмар из прошлого?

— Циттануво. Вторая планета звезды Б в Северной Короне. Единственная планета, где живут колонисты.

— Никогда о такой не слышал, — сказал Инскипп, когда мы спускались в кабинет на его личном лифте. — Это и хорошо и плохо. Не впервые неприятности происходят там, откуда их не ждешь.

Как и всякий человек, фанатически преданный своему делу, он без всяких угрызений совести разбудил своих подчиненных, нажав на кнопку срочного вызова. Заспанные клерки быстро принесли все необходимые документы. Мы тут же принялись их изучать.

Скажу без ложной скромности, что скоро Инскипп пришел к тому же выводу, что и я. Отшвырнув папку в другой конец комнаты, он хмуро уставился в окно, за которым начинался рассвет.

— Чем больше я об этом деле думаю, — сказал он, — тем больше оно кажется мне подозрительным. У этой планеты нет никаких причин, чтобы строить военный корабль. Но они строят его, в этом я не сомневаюсь. Но зачем? У них процветающая культура, нет безработицы, в избытке тяжелые металлы и эффективная система хозяйствования. Ни врагов, ни междуусобиц, ничего подобного. И если бы не этот военный корабль, это была бы идеальная планета Лиги. Надо узнать о них побольше.

— Я уже позвонил в космопорт — от вашего имени, разумеется, — сказал я, — и приказал, чтобы приготовили скоростной курьерский корабль. Через час я отправляюсь на Циттануво.

— Не слишком ли ты торопишься, ди Гриз? — ледяным тоном спросил он. — Пока еще я здесь командую и сам могу решить, когда ты сможешь действовать самостоятельно.

Я не стал с ним спорить, так как все теперь зависело от его решения.

— Просто я решил помочь, шеф. Думал, вдруг вам понадобится дополнительная информация. Ведь речь пока не идет об операции. Это просто разведка. Я могу справиться с этим не хуже любого квалифицированного оперативника. К тому же я наберусь опыта, который мне необходим для работы в Корпусе.

— Ладно, — сказал он. — Хватит языком молоть. Отправляйся и узнай, что там происходит. Потом вернешься и доложишь. И больше ничего. Это приказ.

По его тону я понял, что он не надеялся на такой исход. И он был прав.

Глава 5

В вещевом отделе и отделе документации меня снабдили всем необходимым. Солнце едва поднялось над горизонтом, когда моя ракета, как серебряная стрела, взмыла в небо.

Путешествие заняло всего несколько дней. За это время я изучил всю информацию, касающуюся Циттануво. И чем больше я узнавал об этой планете, тем меньше понимал, зачем им боевой корабль. Это не укладывалось ни в какие рамки. На Циттануво жили колонисты из системы Челлини, и я не раз бывал в подобных поселениях. Все они объединялись в свободный союз, и, хотя случались разногласия, до применения военной силы дело никогда не доходило. Уж если у них и было что-то общее, так это отвращение к войне.

И все-таки они тайно строили военный корабль.

Устав от бесплодных размышлений, я принялся играть сам с собой в трехмерные шахматы. Этим я занимался до тех пор, пока на экране не появилась Циттануво.

Один из моих девизов гласит: «Тайное надо делать явно». Фокусники называют это отвлечением внимания. Дайте людям взглянуть на то, что вы хотите спрятать. Поэтому, не спеша приблизившись к планете, я приземлился в полдень на самом крупном космодроме Циттануво. Я уже был одет соответственно своей роли и вышел из корабля, как только амортизаторы перестали вибрировать. Накинув на плечи меховую накидку, я застегнул ее платиновой пряжкой и спустился по трапу. Приземистый робот модели М-3 грохотал сзади с моим багажом. Я сразу же направился к главному выходу, не обращая внимания на суету, царившую в таможенном отделе. И только

когда какой-то мелкий чин подбежал ко мне, я сделал вид, будто только сейчас заметил таможенников.

Не успел он и рта открыть, как я разразился целой речью.

— Прекрасная планета! Изумительный климат! Идеальное место для жизни. Приветливые люди, готовые помочь незнакомцу, и все такое прочее. Это мне по душе. Я очень благодарный человек. Очень рад с вами познакомиться. Я — Великий Князь Сент-Анжело.

Горячо пожав ему руку, я сунул туда сотенную кредитку.

— А теперь, может, вы позовете таможенников, чтобы они прямо здесь осмотрели мой багаж? Не будем терять время. Мой корабль открыт, и они могут его проверить когда угодно.

Мои манеры, одежда, драгоценности, новенькие шикарные чемоданы, небрежность, с которой я раздавал деньги, могли означать только одно. Столь богатый человек не стал бы заниматься мелкой контрабандой. Служащий что-то пробормотал мне с улыбкой, сказал несколько слов в телефонную трубку, и дело было сделано.

Заглянув для проформы в один или два чемодана, таможенники быстро наклеили бирки на мой багаж и пропустили через барьер. Я пожал всем руки, вложив каждому в ладонь по кредитке, и двинулся в путь. Меня уже ждало такси, и мне порекомендовали хороший отель. Усаживаясь в машину, я согласно кивнул, а робот в это время укладывал чемоданы в багажник.

Корабль был абсолютно чист. Все необходимое мне для работы лежало в моем багаже. Кое-что настолько опасное и смертоносное, что мне грозили бы крупные неприятности, если бы таможенники были повнимательней.

Придя в номер отеля, я переоделся и изменил внешность. Разумеется, после того, как робот проверил все помещения.

Замечательная штука, эти роботы Корпуса. С виду самые настоящие тупые М-3. Но это только внешне. Мозги у них первоклассные, к тому же весь корпус у них нашпигован различными приборами и приспособлениями. Робот медленно двигался по комнате, раскладывая мой багаж и дорожные принадлежности. Он следовал по определенной схеме, исследуя одновременно каждый дюйм поверхности. Закончив проверку, он доложил мне о результатах.

— Все комнаты проверены. Обнаружен только один оптический «жучок» на той стене.

— Может, не стоит указывать на него? — спросил я робота. — Полиции это может показаться подозрительным.

— Исключается, — с механической уверенностью произнес робот. — Я вывел его из строя.

Находясь в безопасности, я сбросил свои роскошные одежды и облачился в черную как ночь форму адмирала Великого Флота Лиги. Мне выдали ее со всеми знаками отличия, золочеными галунами и необходимыми документами. Мне она казалась слишком помпезной, но для Циттануво это было в самый раз. Как и на других планетах, здесь форме придавали большое значение. Рассыльные, дворники, клерки — все они имели свою характерную униформу. Так что мой черный мундир должен был придать мне соответствующий авторитет.

Перед выходом из отеля я накинул поверх формы длинный плащ, но не мог придумать, куда деть украшенную золотом фуражку и кейс с документами. Я до сих пор еще не знал всех возможностей псевдоробота М-3 и решил проверить.

— Эй, коротышка, — позвал я. — Есть ли в твоем стальном брюхе какие-нибудь ящики?

Мне показалось, что робот взорвался. У него было больше ящиков, чем у сотни кассовых аппаратов. Большие и маленькие, узкие и широкие, они выскочили из него в разные стороны. В одном из них лежал пистолет, в двух других — гранаты, остальные были пустыми. Засунув в них свою фуражку и кейс, я щелкнул пальцами. Ящики встали на свое место, и металлический корпус стал гладким, как раньше.

Я нацепил кепку, поплотнее запахнул плащ и был готов. За багаж я не беспокоился, он мог сам постоять за себя. В крайнем случае, все пистолеты, газовые бомбы, отравленные иглы просто взлетят на воздух. М-3 спустился на грузовом лифте. Я сбежал по ступенькам, и мы встретились на улице.

Еще светило солнце, и я не стал брать вертолет, а остановил такси. Выехав за город, мы не спеша направились к резиденции президента Феррaро и добрались туда, когда уже смеркалось.

Как и всякий повелитель богатой планеты, он жил в великолепном дворце. Правда, охрана оказалась никудышной, и мы с трехсотпятидесятикилограммовым роботом беспрепятственно преодолели ее, так что ни одна сигнализация не сработала. Президент Феррaро был холостяком и в это время ужинал. Это позволило мне спокойно исследовать его кабинет.

Я не нашел там ничего. Ничего связанного с войнами и строительством военного корабля. Будь я простым шантажистом, тут бы мне хватило компромата, чтобы всю оставшуюся жизнь ни в чем не нуждаться. Но меня, однако, интересовало нечто более значительное, чем политическая коррупция.

Когда Ферраро вошел в свой кабинет после ужина, там было темно. Проклиная слуг, он стал нащупывать выключатель. Прежде чем он нашел его, робот закрыл дверь и включил свет. Я сидел за его столом, положив на его личные бумаги свой пистолет. На лице я попытался изобразить зловещую гримасу. Не успел он очухаться, как я рявкнул:

— Идите сюда и садитесь. Быстро!

В этот момент робот дал ему пинка, так что у президента не осталось другого выбора. Увидев на столе свои бумаги, он вытаращил глаза и пробормотал что-то нечленораздельное. Пока он не оправился от испуга, я сунул ему свои документы.

— Я — адмирал Тар, командующий Великого Флота Лиги. Можете проверить мои полномочия.

Я не беспокоился — документы нельзя было отличить от настоящих. Ферраро внимательно просмотрел их и даже проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время прийти в себя, и он перешел в наступление.

— Как вы посмели ворваться в мой кабинет и рыться в моих бумагах?

— У вас крупные неприятности, — как можно более зловеще произнес я.

От этих слов Ферраро побледнел. Я продолжал напирать.

— Я вынужден вас арестовать за воровство, вымогательство, заговор и многое другое, что прояснится после изучения этих документов. Взять его!

Последние слова предназначались роботу, который отлично справился со своей ролью. Сделав шаг вперед, он обхватил президента за запястье, но тот даже не заметил этого.

— Я все объясню, — в отчаянии взмолился он. — Не знаю, что у вас тут за бумаги, поэтому не стану утверждать, что они фальшивые. У меня ведь так много врагов. Если бы Лига только знала, сколько трудностей приходится преодолевать на этой отсталой планете...

— Достаточно, — остановил его я. — Все это в свое время расскажете на суде. Меня интересует только одно. Зачем вы строите военный корабль?

Президент был великим актером. Он выпучил глаза, открыл рот и рухнул в кресло, будто его огрели молотком по голове. Когда к нему наконец вернулся дар речи, слова уже были не нужны — всем своим видом он выражал оскорбленную невинность.

— Какой еще корабль? — пробормотал он.

— Военный крейсер, который строят на космической верфи Сенерентолы. Якобы по этим чертежам. — Я бросил их на стол и

указал ему на подпись. — А вот и ваши инициалы. Вы сами разрешили строительство.

Ферраро все еще никак не мог прийти в себя, пока изучал чертежи и свою подпись. Я не стал его торопить. Отложив чертежи в сторону, он покачал головой.

— Не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузового и пассажирского лайнера. Подпись действительно моя.

Формулируя следующий вопрос, я тщательно подбирал слова.

— Значит, вы понятия не имеете, что по этим чертежам строится крейсер?

— Я только знаю, что это чертежи обычного грузового корабля, который может использоваться и как пассажирский лайнер.

Казалось, что говорит невинный младенец. Что ж, его еще, наверное, никогда не хватали за руку. Откинувшись в кресле, я закурил сигару.

— Кстати, насчет робота, который вас держит. — Он обернулся, будто только сейчас заметив, что все это время робот держал его за запястье как в наручниках. — Это не простой робот. На кончиках пальцев у него полно всяких интересных приборов — термодатчики, гальванометры и тому подобное. Пока мы беседовали, он измерял температуру вашей кожи, кровяное давление, потообразование и другие параметры. Иными словами, перед вами быстродействующий и надежный детектор лжи. Сейчас мы послушаем, сколько вы нам всего наврали.

Ферраро дернулся от робота, будто это была ядовитая змея. Я выпустил кольцо дыма.

— Доложи, — приказал я роботу, — сколько он наврал?

— Много, — сообщил тот. — Семьдесят четыре процента всех его утверждений были лживыми.

— Отлично. — Я кивнул, приготовившись захлопнуть ловушку. — Значит, он знал о военном корабле?

— Субъект ничего не знал о военном корабле, — беспристрастно доложил робот. — Все его заявления, касающиеся строительства военного корабля, были правдивыми.

Теперь настала моя очередь таращить глаза, а Ферраро тем временем взял себя в руки. Он, конечно, не знал, что меня не интересуют его остальные махинации, но заметил мою растерянность. Усилием воли я заставил себя проанализировать ситуацию.

Если президент Ферраро ничего не знал о строительстве военного корабля, значит, его использовали как ширму. Но кто же тогда стоял за этим? Военная хунта, которая хотела отстранить его от власти? Я слабо разбирался в местных политиче-

ских делах и решил взять Ферраро к себе в союзники. Используя компрометирующие документы, я мог бы управлять им, как марионеткой. Но этого не понадобилось. Как только я показал ему оба чертежа и объяснил, в чем их сходство, он сразу же все понял. Он больше меня хотел найти того, кто использовал его как слепое орудие. По молчаливому согласию о компромате мы забыли.

Мы решили, что первым делом надо поехать на космические верфи Сенерентолы. Он уже принялся рассуждать, как он может использовать это против своих политических противников, но я дал ему понять, что Лига, и в особенности Флот Лиги, желали бы приостановить строительство корабля. После этого он может спокойно играть в свои политические игры.

Урегулировав этот вопрос, он вызвал машину и взвод охраны. Мы торжественно покатили в сторону космических верфей. Дорога туда заняла четыре часа, и все это время мы обсуждали наши планы.

Управляющего звали Рокка, и он мирно спал, когда мы приехали. Увидев мундиры и наставленные на него пистолеты, он так испугался, что едва устоял на ногах. Полагаю, что он был таким же мелким мошенником, как и Ферраро. Человек с чистой совестью вряд ли бы так напугался. Долго не раздумывая, я подсоединил к нему свой ходячий детектор лжи и принялся задавать вопросы.

Еще не закончив допрос, я понял, что к чему. Я с ужасом осознал, что управляющий верфью ничего не подозревал о строящемся здесь военном корабле.

Человек с меньшим, чем у меня, жизненным опытом уже давно усомнился бы в своей правоте. Но только не я. Корабль все еще продолжал совпадать с крейсером в шести ключевых местах. А в совпадения я не верил. Из двух зол надо выбирать меньшее. Не веря в случайности, я доверился своему инстинкту.

Сравнив оба чертежа, я снова обратил внимание на надстройку. Чтобы превратить пассажирский лайнер в военный корабль, от нее надо было избавиться в первую очередь.

— Рокка! — рявкнул я, как настоящий космический волк. — Посмотри на эту штуковину на носу корабля. Ее все еще строят?

Он покачал головой.

— Нет, чертежи изменили. Здесь мы установили защитное устройство от метеоритов, чтобы корабль мог проходить опасные участки.

Раскрыв кейс, я вытащил оттуда второй чертеж.

— Уж не так ли выглядит ваше устройство? — спросил я, швырнув чертеж на стол.

Он потер подбородок, рассматривая схему.

— Вроде бы, — нерешительно произнес он. — Но утверждать не могу. Этим занимались другие, а я отвечаю только за окончательную сборку. Но эта штуковина похожа на ту, которую они установили. Полно всяких силовых кабелей...

Без всякого сомнения это был крейсер. Я уже поздравил себя с удачей, когда до меня дошел смысл сказанного.

— Установили! — закричал я. — Вы сказали, установили?

Рокка, казалось, съежился от моего крика.

— Да, — пробормотал он. — Совсем недавно. Помню, там еще были кое-какие трудности...

— А еще что? — перебил его я. От напряжения я даже вспотел. — Двигатели, приборы управления — это они тоже установили?

— Разумеется, — ответил он. — Как вы узнали об этом? График предельно сжали, и это вызвало массу всяких трудностей.

Теперь я уже обливался холодным потом. Я чувствовал, что где-то допустил просчет. По плану они должны были закончить сборку корабля только через год. Но уж если они изменили чертежи, почему бы им не изменить и сроки?

— Хватайте оружие! По машинам! — закричал я. — К кораблю! Если его уже почти достроили, нам грозят серьезные неприятности! Очень серьезные!

Взревели моторы, завыли сирены. Скучавшие до этого охранники оживились. Мы летели через ночь, как на крыльях.

Но это не помогло. Мы все равно опоздали. Ночной сторож яростно махал нам руками, и мы остановились.

Корабля не было.

Ни Рокка, ни президент не могли в это поверить. Они изумленно бродили по пустой площадке. Я даже не стал вылезать из машины, а, откинувшись на сиденье, жевал сигару, проклиная себя за тупость.

Истина была рядом, а я-то вбил себе в голову, что правительство строит корабль. Оно участвовало в этом деле, но всего лишь как прикрытие. Ни один мелкий политик не додумался бы до затеи с таким размахом. Я учуял крысу — стальную крысу. Кто-то действовал так же, как действовал я до того, как встал на путь истинный.

Теперь, когда этот грызун ускользнул от меня, я знал, где и как его найти. Рокка, управляющий верфи, рвал на себе волосы, ругаясь на чем свет стоит. Президент Ферраро достал свой пистолет и

хмуро уставился на него. Трудно сказать, что он замышлял — убить кого-нибудь или покончить с собой. Впрочем, меня это мало волновало. Его беспокоили только следующие выборы, когда избиратели и политические противники снимут с него шкуру за исчезновение корабля. Меня волновало нечто большее.

Я должен был отыскать крейсер до того, как он начнет бороздить просторы Галактики.

— Рокка! — крикнул я. — Быстро в машину. Мне надо просмотреть ваши отчеты — все до единого. Немедленно!

Он устало сел в машину и принялся давать указания шоферу, прежде чем до него дошел смысл моих слов. Вспомнив, что на улице ночь, он запротестовал.

— Но, адмирал... В такое время? Все еще спят...

Я заворчал, и этого было достаточно. Все остальное он прочел у меня на лице. Схватив трубку телефона, он отдал соответствующие распоряжения.

Когда мы приехали, во всех кабинетах горел свет.

Обычно я ненавижу всякую бюрократическую писанину, но в тот момент я ее боготворил. Это была настоящая наука. Стоило пропасть одной заклепке, как тут же об этом составлялся отчет в пяти экземплярах. Затем это шло в соответствующий раздел архива — «заклепка», «потеря», «расследование». Все необходимые мне факты были похоронены в этих бумажных катакомбах. Оставалось только найти их. Я не стал терять время, докапываясь до причины постройки корабля, а принялся исследовать последние модификации, такие, как оружейная башня, чтобы сразу же выйти на преступников.

Как только клерки поняли, что от них требуется, они тут же принялись за работу, подстегиваемые чувством патриотизма и грозными окриками начальства. Стоило мне только указать им нужное направление, и все документы оказывались на моем столе.

Понемногу картина стала проясняться. Целая паутина подлогов, взяток, махинаций и обмана. Создать это мог только такой гениальный мошенник, как я. Во мне возникло чувство ревности. Как и все великое, идея была чрезвычайно проста.

Злоумышленник или несколько злоумышленников приспособили строительство корабля для собственных целей. Сначала речь шла о постройке транспортного судна, но затем в чертежи стали вноситься изменения. Приказы проходили через многие инстанции, подтасовывались и видоизменялись. Все это было сделано гениально. Мне стоило немалого труда докопаться до источников этих приказов. Некоторые из них существовали только

на бумаге. А другие вносили такие изменения, что я просто диву давался, как это раньше никто не заподозрил неладное. Потом мне объяснили, что у начальников этих отделов работала временная секретарша, когда их собственные болели. Все они получили пищевое отравление. Прямо эпидемия какая-то. И каждую из них по очереди замещала одна и та же девушка. Внеся изменения в планы строительства крейсера в одном отделе, она переходила в другой.

Эта девушка явно была помощницей главного преступника, который и придумал весь план. Он, как паук, дергал за ниточки, руководя всеми действиями. Я ошибался, полагая, что здесь работает целая банда. Преступник просто подделывал чужие подписи. А когда не мог это сделать, выполнял работу сам. Таинственный злоумышленник занимал должность помощника главного инженера. Одна из ниточек клубка вела к нему. У него тоже имелась секретарша, которая «болела» именно тогда, когда заменяла других девушек в нужных отделах.

Когда я наконец встал из-за стола, спина у меня горела так, будто туда вставили раскаленную проволоку. Проглотив таблетку, я посмотрел на измученных клерков, которые вместе со мной бодрствовали эти семьдесят два часа. Они сидели, прислонившись к мебели, и ждали моего решения. Даже президент Ферраро был здесь. Его шевелюра значительно поредела, а оставшиеся волосы торчали во все стороны.

— Вы обнаружили эту банду преступников? — спросил он, снова пытаясь вырвать клок волос.

— Да, нашел, — хрипло ответил я. — Но не банду, а одного мастера криминального таланта. Все ваши продажные клерки и мизинца его не стоят. Ему помогала женщина. Всю работу они проделали вдвоем. Его зовут Пепе Неро, хотя имя явно вымышленное. А девушку зовут Анжелина...

— Стража! Схватить их!

Ферраро выскочил из комнаты. Я был вынужден обращаться к его спине.

— Это было бы наилучшим решением. Но в данный момент это затруднительно — ведь они не только построили крейсер, но и украли его. Управление кораблем автоматическое, никакой команды не требуется.

— Что же вы собираетесь предпринять? — спросил один из клерков.

— Абсолютно ничего, — ответил я ему, как истинный космический волк. — Флот Лиги уже сжимает вокруг них кольцо, и скоро вы услышите об их поимке. Благодарю вас за помощь.

Глава 6

Я молодцевато козырнул, и они вышли из комнаты. Хмуро глядя им вслед, я на мгновение позавидовал их вере в мощь Флота Лиги. В действительности Флот был такой же липой, как и мое адмиральское звание. Этим делом занимался только Корпус. Надо было немедленно сообщить информацию Инскиппу. Я уже посылал ему психограмму, но ответа пока не последовало. Может быть, когда он узнает о личности злоумышленников, дело сдвинется с мертвой точки.

Я зашифровал свое сообщение (код был несложным) и отнес его в передающий центр. Психограммист находился в своем прозрачном кабинете, когда я вошел к нему, закрыв за собой дверь. Глядя перед собой отсутствующим взглядом, он тихо говорил в микрофон, посылая сообщение через просторы Галактики. Снаружи стенографисты записывали, расшифровывали и подшивали поступающие сообщения, но через изолированные стены не проникало ни звука. Когда психограммист наконец закончил, я протянул ему листок бумаги.

— Лига, Центральная-14, срочно!

Он удивленно поднял брови, но вопросов задавать не стал. Имея в своем распоряжении целую команду психограммистов, он установил контакт за несколько секунд. Он медленно читал шифровку, шевеля губами, но не произнося слова вслух. Его мысли распространялись вперед на расстояние в несколько световых лет. Когда он закончил, я забрал у него листок, порвал его, а обрывки сунул в карман.

Ответ пришел почти сразу же. Очевидно, Инскипп ждал моего сообщения. Отключив микрофон, чтобы стенографисты ничего не слышали, я сам принялся записывать кодовые группы.

— ...ксибб дфил фдно, а если не выполнишь, можешь не возвращаться!

В конце сообщение шло открытым текстом, и психограммист улыбнулся, произнося эти слова. Я перестал писать и пригрозил ему, чтобы он не вздумал кому-нибудь сообщить эту секретную информацию. В противном случае я обещал его лично пристрелить — улыбка медленно сползла с его лица. Но мне от этого легче не стало.

Расшифрованное сообщение оказалось не таким уж и плохим, как я представлял раньше. До получения следующего приказа я должен был найти и вернуть украденный корабль. Лига обещала мне всяческую поддержку. Звание адмирала оставалось за мной до окончания работы. Я должен был постоянно держать Инскиппа в курсе дела. И только последние слова шифровки портили всю картину.

Я получил свое долгожданное задание. Однако на нормальном языке оно звучало как ультиматум — если я не найду корабль, мне не сносить головы. И ни слова благодарности за мои усилия по раскрытию преступления. Нет в мире справедливости.

Преисполненный жалостью к самому себе, я отправился спать. Раз моя основная работа теперь заключалась в ожидании, я мог ждать и во сне.

Да, теперь мне оставалось только ждать. Конечно, я занимался и другими вопросами — распорядился, чтобы мне предоставили крейсер, собирал дополнительную информацию о похитителях, но все это было второстепенным по сравнению с главной задачей — ждать плохих новостей. Оставлять Циттануво и бросаться в погоню не имело смысла, так как украденный корабль мог двигаться в любом направлении. С каждой минутой сфера его вероятного местонахождения росла в геометрической прогрессии. Команда моего крейсера несла круглосуточное дежурство, и я запретил им отходить от корабля дальше, чем на сто ярдов.

Пепе и Анжелина умели заметать следы, и мне приходилось довольствоваться скудной информацией. Никто не знал, откуда они, лишь небольшой акцент выдавал в них чужаков. Имелась плохая фотография Пепе, толстощекого парня с хмурым взглядом. Фотографию девушки разыскать не удалось. Сгорая от нетерпения, я заставлял психограммиста сообщать мне обо всех происшествиях в космосе. Мы со штурманом отмечали их точками на карте, проверяя, не попадают ли они в сферу возможного нахождения украденного корабля. Некоторые попадали, но при дальнейшем расследовании это оказывалось просто совпадением.

Я приказал сообщать мне обо всех происшествиях в любое время дня и ночи. Однажды дежурный разбудил меня и протянул листок бумаги. Протерев глаза, я прочитал первые две строчки и тут же нажал на кнопку тревоги, расположенную рядом с моей постелью. Надо сказать, флотские ребята знали свое дело. Не успел я дочитать сообщение, как завыли сирены, команда задраила люки и крейсер взлетел. Оправившись от перегрузки, я дочитал сообщение до конца. А потом перечитал еще раз более внимательно.

Именно этого я и ждал. Свидетелей трагедии не было, но мониторные станции зарегистрировали вспышку энергии, как при использовании оружия большой мощности. При помощи три-

ангуляционного метода были определены координаты, по которым обнаружили грузовое судно «Мечта Оггета». В его корпусе зияла дыра величиной с железнодорожный туннель. Груз плутония исчез.

Читая сообщение, я почувствовал руку Пепе. На его крейсере отсутствовала команда, и он действовал наверняка. Если бы он угрожал другому кораблю или вел с ним переговоры, его шансы на успех значительно снизились бы. Поэтому он просто приблизился к ничего не подозревавшему грузовозу и расстрелял его из своих чудовищных пушек. Восемнадцать человек команды погибли на месте. Теперь воры стали и убийцами.

Необходимо было принимать решение. Но я боялся совершить ошибку. Пепе оказался безжалостным убийцей. Он брал все, что хотел, устраняя всех со своего пути. Я должен сделать так, чтобы трупов было как можно меньше.

Конечно, идеальным вариантом было послать против него вооруженный до зубов флот и изрешетить его из орудий. Прекрасная мысль, только вот где найти этого Пепе? Крейсер, разумеется, огромный корабль, но в масштабах Галактики он просто пылинка. Пока он будет держаться вдали от пассажирских маршрутов и планет с радарными станциями, нам его не отыскать.

Как же мне его найти? А когда найду — как захватить? Эта адская штука уничтожит самый мощный корабль Флота. Этот вопрос мучил меня днем и не давал спать ночью, но ответа я не находил.

Решение пришло со временем. Раз я не знаю, где может находиться Пепе, надо сделать так, чтобы он появился там, где нужно мне.

У меня имелись кое-какие преимущества. Самое главное заключалось в том, что я заставил его сорваться с места, когда он был еще не готов. Ведь не случайно он улетел с Циттануво именно в тот день, когда я прибыл на планету. Его план наверняка включал систему предупреждения о приближающейся опасности. Двигатели крейсера, системы управления и основное вооружение были установлены за несколько недель до моего прибытия. Но полностью работа не была закончена. Один свидетель утверждал и даже нарисовал, как во время взлета с крейсера свисали кабели силовой установки.

Мое появление вывело Пепе из равновесия. Теперь я должен толкнуть его так, чтобы он упал. Надо думать так же, как он, предвидеть его следующий ход — и поймать в ловушку. Вор ловит вора. Теория прекрасная, но на практике она сразу же забуксовала.

Чтобы прояснилось в голове, пришлось выпить и закурить сигару. Выпуская кольца дыма, я глядел в потолок и размышлял. В конце концов, не все можно сделать с помощью крейсера. Нельзя, скажем, грабить банки, взламывать сейфы и печатать фальшивые деньги. Для пиратства крейсер в самый раз, но больше он ни на что не годится.

— Прекрасно... Но почему ему понадобился именно военный корабль?

Говорить с самим собой — плохой признак, но сейчас мне было все равно. Я зациклился на мысли о космическом пиратстве, но вдруг — бац! — меня осенило.

Зачем ему понадобился именно военный корабль? Годы труда и титанические усилия, чтобы получить корабль, которым едва ли смогут управлять два человека. Затратив в десять раз меньше усилий, Пепе мог бы построить себе меньший по размерам корабль, который тоже прекрасно подходил бы для пиратства.

Но только для пиратства. Пепе был нужен военный корабль, и он его получил. Это значило, что он задумал нечто большее, чем простое пиратство. Что именно? Этот Пепе был одержим маниакальной идеей собственного превосходства, как зациклившийся компьютер. Когда-нибудь станет известно, как ему удалось избежать официального тестирования. Но не это меня волновало. Моя задача — поймать его.

План действий постепенно складывался в моей голове, и я дал ему время как следует созреть. Сначала я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепе. Не так-то легко поймать человека, который обвел вокруг пальца целую планету, строя военный корабль, да к тому же и угнал его. Крейсеру нужна команда и база, где можно заправляться горючим.

О горючем он уже позаботился. Свидетельство тому — продырявленный корпус «Мечты Оггета». В Галактике полно планет, на которых он может устроить себе базу. С командой дело обстояло сложнее — где ее найти в наше мирное время? Но и тут я продумал несколько вариантов. Пару налетов на тюрьмы и психбольницы — и у вас команда, которой позавидует любой пиратский капитан. Однако этот парень имел в виду нечто более крупное, чем обыкновенное пиратство. Может быть, он хотел править какой-нибудь планетой или целой системой? Или чем-нибудь побольше? От этой мысли мне стало не по себе. Если он действительно задумал нечто подобное, остановить его будет нелегко. Во время Королевских Войн горстка авантюристов, имея в своем распоряжении пару кораблей, установила такую Империю. А хитрости у них было поменьше, чем у Пепе. В конце концов с ними справи-

лись — ведь у них все держалось на авторитете одного человека, — но какой ценой!

Вот такой план задумал Пепе, я чувствовал это нутром. Возможно, я ошибался в деталях, но это неважно. Я понял, чего он хотел и как хотел этого добиться. В преступлении, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, существуют свои законы. Уж я-то об этом знал.

— Вызовите ко мне офицера связи! — заорал я в микрофон селектора. — И пару стенографистов! Быстро — речь идет о жизни и смерти!

Последняя фраза совсем не соответствовала моему образу. Я застегнул воротничок, поправил медали и расправил плечи. Когда в дверь постучали, я снова был адмиралом.

По моему приказу корабль вышел из искривленного пространства, чтобы наш психограммист мог связаться с другими операторами. Капитан Стенг недовольно ворчал, что мы зря висим в космосе с выключенными двигателями, теряя драгоценные дни, а половина его команды выполняет какие-то ненормальные приказы. Он никак не мог понять, чего я добиваюсь. Поэтому я и был адмиралом, хоть и временным, а он оставался простым капитаном.

Выполняя мои распоряжения, штурман снова начертил на карте сферу возможного нахождения похищенного корабля. Туда входили планеты, до которых похитители могли долететь за один день. Их было немного, и психограммист по очереди устанавливал с ними контакт, передавая сообщения флотским офицерам по связи с общественностью. Постепенно сфера расширялась, захватывая новые планеты, связаться с которыми наш психограммист уже не мог. К тому времени я подготовил текст основного сообщения и указания по его использованию. Психограммист передал все это на Центральную-14. Там штатные психограммисты стали выходить на связь с планетами, список которых мы постоянно пополняли.

Все мои сообщения касались одной и той же темы. В самых различных формах и стилях я излагал одну и ту же мысль. Я хотел, чтобы основная информация об этом появилась во всех газетах и журналах планет, входящих в сферу возможного нахождения похищенного корабля.

— Что, черт побери, все это значит? — раздраженно ворчал капитан Стенг.

Он давно уже решил, что вся наша операция обречена на провал, и большую часть времени проводил в своей каюте, размышляя

о том, как все это отразится на его послужном списке. От скуки или любопытства он прочитал одно из моих сообщений.

— «Миллиардер ищет свой собственный мир... Роскошная космическая яхта с запасом топлива на сто лет...» — Лицо капитана побагровело, и он отшвырнул листок в сторону. — Какое отношение вся эта чушь имеет к нашей операции?

Со мной он разговаривал вежливо, но, видно, уже заподозрил, что я не настоящий адмирал. Впрочем, приказы пока еще отдавал я, и наши отношения носили официальный характер.

— Эта чушь и есть та приманка, на которую клюнет наша рыбка, — объяснил я. — Ловушка для Пепе и его сообщницы.

— А кто этот таинственный миллиардер?

— Он перед вами, — сказал я. — Мне всегда хотелось быть богатым.

— А эта космическая яхта, где она?

— Строится на верфи в Удридде. Как только мы закончим предварительную подготовку, то немедленно отправимся туда.

Капитан Стенг бросил листки с сообщениями на стол и тщательно вытер руки, как будто боялся подцепить какую-нибудь инфекцию. Он силился понять, что у меня на уме, но у него ничего не получалось.

— Непонятно, — пробормотал он. — Откуда вам знать, что этот убийца прочитает хотя бы одну из заметок? А если и прочитает, почему он клюнет на это? Мне кажется, вы зря теряете время — он выскользнет у нас из рук. Надо объявить тревогу и оповестить все корабли. Привести в боевую готовность Флот и выслать патрули на все пассажирские линии...

— Он легко скроется от них, а может просто уничтожить. Ни один наш корабль не может сравниться с его громадиной. Это не выход. Пепе хитер, как игральный автомат, запрограммированный на выигрыш. В этом его сила, но и слабость тоже. Такие типы считают, что их никто не перехитрит. А именно этим я и собираюсь заняться.

— Весьма скромное заявление, — заметил капитан Стенг.

— Стараюсь не скромничать, — отпарировал я. — Ложная скромность порождает некомпетентность. Я поймаю бандита и скажу вам, как я это сделаю. Скоро он снова нанесет удар, и где бы он ни совершил нападение, будут газеты с моим сообщением. В любом случае он заберет все газеты и журналы. Отчасти, чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом, чтобы получить необходимую информацию. Такую, как расписание движения кораблей.

— Это всего лишь предположения. Откуда вам знать?

Меня уже начинала раздражать его уверенность в моем неминуемом провале. С трудом сдерживая себя, я сделал последнюю попытку.

— Да, это предположение, но оно основывается на фактах. С «Мечты Оггета» бандиты забрали все газеты и журналы, мне сразу это бросилось в глаза. Мы не в силах предотвратить следующее нападение разбойничьего крейсера, но после этого мы сможем заманить его в ловушку.

— Не знаю, не знаю, — ответил капитан. — По-моему...

Я так никогда и не узнал, что же он хотел сказать, но совсем не сожалел об этом. Он настолько уже мне надоел, что еще немного, и я бы вышел из роли адмирала.

Рев сирены прервал его на полуслове, и мы со всех ног бросились в радиорубку. Капитан Стенг прибежал первым. Еще бы, это был его корабль, и он знал там все короткие пути. В руках психограммист держал стенограмму сообщения и доложил нам о случившемся одной фразой. Глядя мне в глаза, он холодно отчеканил:

— Они снова нанесли удар. Напали на флотский спутник снабжения и убили тридцать четыре человека...

— Если ваш план не сработает, адмирал, — хрипло прошептал мне на ухо капитан, — я лично прослежу, чтобы с вас сняли шкуру!

— Если мой план не сработает, капитан, с меня нечего будет сдирать. А теперь, если вы не возражаете, мы направимся на Удридде, где я немедленно пересяду на свою яхту.

Недоверие и подозрительность моих помощников раздражали меня до крайности. Я руководствовался теперь злостью, а не логикой. Я постарался взять себя в руки и привести в порядок мысли.

— Отставить выполнение последней команды! — крикнул я, снова входя в роль космического волка. — Выйдите на связь и узнайте, забрали ли они нашу приманку во время налета.

Пока психограммист с отсутствующим взглядом бормотал себе под нос, я неторопливо просматривал лежащие на столе бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали результата, почти не скрывая своей ненависти к моей персоне. Ответ пришел через десять минут.

— Ответ положительный, — сообщил психограммист. — За двадцать часов до нападения к спутнику подходило судно, которое, среди всего прочего, оставило там и газеты с вашей статьей.

— Очень хорошо, — спокойно констатировал я. — Передайте общий приказ прекратить печатать эти статьи. Приказ передать

только через психограммистов. Категорически запрещаю использовать другие средства связи Флота. Никто не должен нас подслушивать.

Я вышел из радиорубки с видом хозяина положения. Нельзя, чтобы они видели мое лицо, на котором выступил холодный пот.

Мы направились на Удридде, где меня ждала моя яхта миллиардера под названием «Эльдорадо». Управляющий верфи показал мне корабль, тщетно пытаясь скрыть свое любопытство. Испытывая садистское наслаждение, я ни словом не обмолвился о цели моего путешествия, отомстив таким образом Флоту. Проверив системы управления и специальную аппаратуру, я выгнал всех с яхты. В систему автоматического навигатора была заложена программа с необходимыми курсами. Оставалось только нажать на кнопку, и яхта отправится в путь. Я нажал на кнопку.

Это был прекрасный корабль. Строители позаботились обо всем. От носа до дюз яхта была покрыта чистым золотом. Из всех благородных металлов золото производит самый большой эффект. Внутреннее убранство кают поражало своим великолепием. Вряд ли за такое короткое время можно было проделать такую работу, очевидно, Флот просто отдал мне чью-то шикарную яхту, установив на ней необходимое оборудование.

Все было готово. Либо Пепе сделает неверный шаг, либо я направлюсь на свою райскую планету миллиардера. В этом случае мне лучше там и остаться.

Теперь, когда я находился в космосе, меня стали одолевать прежние сомнения. План, который еще недавно я считал идеальным, показался мне никуда не годным.

— Не дрейфь, моряк, — сказал я вслух адмиральским голосом. — Ничего не изменилось. Учитывая обстоятельства, лучшего плана тебе не придумать.

А так ли это? Мог ли я быть уверенным, что Пепе, летая на своей громадине и питаясь флотским пайком, проявит интерес к роскоши и комфорту? А если он равнодушен к роскоши, может, ему захочется прибрать к рукам чужую планету? В объявлениях, которые были напечатаны во всевозможных газетах, я указал все то, на что он может польститься. Наживка была на крючке. Но клюнет ли он?

Трудно сказать. Я нервничал, постоянно думая об одном и том же. Навязчивые мысли так и лезли мне в голову. Следующие четыре дня тянулись мучительно долго.

Глава 7

Когда завыл сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Меня, разумеется, могли убить в мгновение ока, но я относился к этому равнодушно. Пепе заглотил наживку. Только его крейсер мог дать такую отметку на экране, находясь на большом расстоянии. Включив двигатель на полную мощность, он стремительно приближался ко мне. Яхта слегка качнулась, когда крейсер создал вокруг меня силовое поле. Одновременно заработал зуммер приемника. Я дал ему немного позвенеть, а затем включил радио. Из динамика загрохотал голос:

— ...что вы под прицелом орудий военного корабля! Не пытайтесь бежать, посылать сигнал о помощи или предпринимать другие действия...

— Кто вы такие и, черт возьми, что вам надо? — завопил я в микрофон.

Я включил сканнер, чтобы они видели меня. Мой же экран оставался темным, они не собирались показывать себя. С одной стороны, это облегчало мою задачу — я играл роль перед невидимой аудиторией. Они видели мою роскошную одежду и шикарную каюту. Мои руки оставались вне поля их зрения.

— Неважно, кто мы такие! — снова загрохотало радио. — Выполняй приказы, если тебе дорога жизнь. Не прикасайся к пульту управления, пока твоя яхта не пришвартуется. Затем будешь выполнять мои распоряжения.

Послышались два приглушенных щелчка, когда магнитные клещи захватили корпус яхты. Она накренилась, когда ее поволокли к крейсеру. Я в ужасе закатывал глаза, озираясь в поисках выхода, поглядывая одновременно на экраны внешнего обзора. Яхту прижало к исполинскому корпусу военного корабля. Я нажал кнопку, давая команду роботу с автогенным устройством.

— А теперь я вам кое-что покажу! — рявкнул я в микрофон — испуганный миллиардер исчез. — Прежде всего я повторю ваше предупреждение — выполняйте приказы, если хотите жить. Я покажу вам, почему...

Когда я повернул выключатель, на экране появились картинки, идущие друг за другом в строгой последовательности. Сначала вид корпуса корабля с магнитными бомбами. Меня уже на экране не было. Теперь работал сканнер, установленный в генераторном зале. Бросив взгляд на монитор, я принялся натягивать скафандр. Я делал это быстро, одновременно продолжая давать пояснения.

— Сейчас вы видите генераторы корабля, — сказал я. — Девяносто восемь процентов энергии идет сейчас на питание электромагнитов. Вам не удастся отсоединить от себя яхту. Впрочем, я бы и не советовал этого делать.

Надев скафандр, я продолжал говорить в микрофон шлема. На экране монитора появилась следующая картинка.

— Сейчас перед вами водородная бомба. Стоит вам только отключить магнитное поле, как она взорвется.

Схватив переносной монитор, я помчался к шлюзовой камере.

— А это уже другая бомба, — продолжал объяснять я, одним глазом глядя на экран, а вторым кося на медленно открывающуюся дверь камеры. — Ее датчики присоединены к корпусу яхты. Если вы выстрелите в яхту или попытаетесь проникнуть на нее, сразу же сработает детонатор.

Я уже находился в космосе, приближаясь к гигантскому крейсеру.

— Что вам надо? — Это были первые слова, которые Пепе произнес после своих угроз.

— Мне надо поговорить с вами. Есть одно дельце, которое принесет выгоду нам обоим. Но сначала я покажу вам остальные бомбы, чтобы вы правильно понимали смысл нашего сотрудничества.

Мне нужно было во что бы то ни стало и дальше отвлекать их внимание, на этом основывался весь план. Мониторы продолжали выдавать заранее подготовленные картинки. Давая краткие описания своего арсенала, который мог уничтожить оба наши корабля, я пролез в дыру, проделанную в корпусе крейсера. Согласно чертежам, тут отсутствовала броня и не было сигнальных датчиков.

— Ладно-ладно... Я верю, что ваша яхта нашпигована смертоносными бомбами. Достаточно демонстраций. Скажите, что вы задумали?

На этот раз я оставил его без ответа, так как, выключив микрофон, уже мчался, как гончая, по коридорам крейсера. Если верить чертежам, впереди находилась рубка управления. Пепе должен быть там.

Войдя внутрь, я ткнул дуло пистолета ему в затылок. Анжелина стояла рядом, вглядываясь в экран.

— Игра закончена, — произнес я. — Медленно вставай, и никаких движений руками.

— Что это значит? — раздраженно спросил он, глядя на экран. Девушка первая поняла, что произошло. Резко повернувшись, она указала на меня.

— Он здесь!

Они совершенно не были готовы к такому повороту дела и теперь испуганно смотрели на меня.

— Ты арестован, король преступного мира, — сказал я. — И твоя подружка тоже.

Закатив глаза, Анжелина упала на пол. Может быть, она и притворялась, но мне было все равно. Я продолжал держать Пепе на мушке, когда он поднял ее и усадил в амортизационное кресло возле стены.

— Что... Что же теперь будет? — пробормотал он. Толстые щеки тряслись, а в глазах появились слезы.

Это зрелище оставило меня равнодушным, я ведь помнил, сколько трупов он оставил на своем пути. Споткнувшись, он рухнул в кресло.

— А что они сделают со мной? — спросила Анжелина, открыв глаза.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Это решит суд.

— Но ведь это он заставил меня все делать, — заплакала она.

Девушка была молодая, красивая, с темными волосами, и заплаканные глаза совсем не портили ее.

Пепе закрыл лицо руками, и плечи его затряслись. Я направил пистолет в его сторону.

— Хватит, Пепе. Я не верю твоим слезам. Сюда направляются корабли Флота. Минуту назад они получили автоматический сигнал тревоги. Думаю, им приятно будет увидеть человека, который...

— Не отдавайте меня им! Пожалуйста! — Анжелина вскочила на ноги и прижалась спиной к стене. — Меня посадят в тюрьму, изменят мой мозг! — Она дрожала, двигаясь вдоль стены.

Я снова повернулся к Пепе, не желая ни на секунду выпускать его из поля зрения.

— Ничем не могу помочь, — ответил я девушке.

Повернув голову, я увидел, что она исчезла за потайной дверью.

— Не пытайтесь убежать! — крикнул я ей вслед. — Это ни к чему не приведет!

Пепе хрюкнул, и я быстро повернулся к нему. На лице у него не было никаких следов слез. Он уже не плакал, а смеялся.

— И вас она обвела вокруг пальца, мистер Умный Полицейский. Бедная, маленькая Анжелина с кроткими глазами. — Он согнулся от приступа хохота.

— Что это значит? — рявкнул я.

— До вас еще не дошло? Все, что она вам рассказала, — чистая правда, за исключением одного. Именно она разработала весь

план, руководила постройкой корабля, а затем и украла его. Она втянула меня в это дело, управляя, как марионеткой. Я влюбился в нее, радуясь и презирая себя одновременно. Я рад, что все наконец закончилось. По крайней мере, я дал ей возможность убежать. Я думал, что лопну от смеха, когда она прикинулась невинной жертвой!

Я похолодел.

— Это ложь! — хрипло произнес я, сам не веря в свои слова.

— Зачем мне лгать? Ваши ребята разложат мой мозг по кусочкам и все равно докопаются до правды. Мне нет нужды притворяться.

— Ей не удастся спрятаться, мы обыщем весь корабль.

— А ей и незачем прятаться, — ответил Пепе. — В одном из отсеков стоит быстроходный катер. Она уже отчаливает. — Пол под нами задрожал.

— Флот поймает ее, — сказал я, пытаясь убедить себя самого.

— Возможно, — сказал Пепе. Он перестал смеяться и выглядел теперь очень усталым. — Может быть, они ее и поймают. Но я дал ей шанс. Моя игра проиграна, но она знает, что я любил ее до конца. — Он поморщился, как от внезапной боли. — Впрочем, вряд ли ее это интересует.

Я продолжал держать его под прицелом, и никто из нас не пошевелился до тех пор, пока не подошли корабли Флота и тяжелые башмаки не загрохотали по коридорам. Я захватил крейсер и покончил с космическим разбоем. Вряд ли меня упрекнут в том, что я упустил девушку. Если ей удастся уйти от кораблей Флота, вся вина за это ляжет на них, а не на меня.

Я победил по всем правилам.

Но особой радости не чувствовал. Внутренний голос подсказывал, что с Анжелиной мы еще встретимся.

Глава 8

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои мрачные предчувствия не оправдались. Нельзя винить Флот за то, что Анжелина обвела их вокруг пальца, — они не первые и не последние, кто недооценил эту девушку с наивными глазами. Себя я тоже старался не винить. Я уже допустил одну ошибку, позволив ей уйти, но второй раз ошибаться не собирался. Я не совсем поверил в историю, которую рассказал мне Пепе. Возможно, он хотел сбить меня с толку и отвлечь внимание. По характеру я очень недоверчивый человек. Так что я не стал рисковать и направил дуло пистолета ему

между глаз, держа палец на спусковом крючке до тех пор, пока флотские пехотинцы не ворвались в рубку и не арестовали его. Как только Пепе оказался у них в руках, я тут же послал сигнал тревоги, сообщая о побеге Анжелины. Не успели еще корабли получить сигнал, как ее катер появился на экране моего радара.

Я облегченно вздохнул. Жаль было бы упускать ее, если она действительно являлась вдохновителем всей операции. Анжелина, Пепе и военный корабль — чудесный подарок я преподнесу Инскиппу. Кольцо кораблей Флота неумолимо сужалось, и у нее не было ни малейшего шанса скрыться от них. Уж в таких-то делах Флот знал толк, рано или поздно они ее схватят. Передав военный корабль Флоту, я вернулся на свою шикарную яхту, налил полный бокал шотландского виски из бортовых запасов (такого не отыскать нигде в радиусе двадцати световых лет от Земли) и закурил длинную сигару. Удобно устроившись перед экраном, я наблюдал за погоней.

Анжелина отчаянно пыталась сорваться с крючка, совершая немыслимые развороты. Как ее только не расплющило от пятнадцатикратных перегрузок. Но все уловки ни к чему не привели. Кольцо продолжало сжиматься. Анжелина просто тянула время. Но никто не обращал на это внимания до тех пор, пока группа захвата не ворвалась на ее корабль.

Конечно, он был пуст.

Только через десять дней, собрав по крохам всю информацию, мы установили, что же произошло на самом деле. Беглянка действовала так безжалостно и жестоко, что я сразу узнал знакомый почерк еще до того, как врачи подтвердили, что Пепе говорит правду. Анжелина все время опережала нас. Вылетев на катере с крейсера, она и не собиралась скрываться, а, наоборот, на полной скорости полетела к ближайшему флотскому кораблю. Никто из двенадцати членов экипажа не имел ни малейшего понятия, что же произошло на крейсере, так как я еще не передал сигнал тревоги. Надо было сделать это сразу, как только она убежала. Тогда никто бы из этих двенадцати не погиб. Нам никогда не узнать, каким образом ей удалось усыпить их бдительность. Наверное, рассказала им душещипательную историю, как ей чудом удалось скрыться от бандитов. Как бы там ни было, она захватила корабль. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальных она пристрелила. Мы узнали об этом, когда обнаружили этот корабль дрейфующим в нескольких парсеках отсюда. Захватив корабль, она установила автопилот катера на выполнение головокружительных сальто, чтобы сбить нас с толку. Пока мы азартно охотились за катером, она постепенно отстала от других кораблей

и скрылась в неизвестном направлении. Дальше ее след терялся, хотя, судя по всему, она захватила еще один корабль. Что за корабль и куда она на нем улетела, оставалось загадкой.

Вернувшись в штаб-квартиру Корпуса, я попытался объяснить это Инскиппу. Сидя с непроницаемым лицом, он холодно смотрел на меня, и я поймал себя на том, что стараюсь оправдаться.

— Что ж, всех все равно не победишь, — сказал я. — Мне удалось захватить крейсер и Пепе — да пребудет его стертая личность в покое. Анжелине удалось бежать, обведя меня вокруг пальца. Тут я признаю свое поражение. Но и ребят с Флота она тоже перехитрила!

— Чего ты так злишься? — бесцветным голосом сказал Инскипп. — Никто не обвиняет тебя в нарушении долга. Такое впечатление, что у тебя совесть нечиста. Ты хорошо поработал. Чудесная работа. Прекрасная... для первого задания...

— Опять за свое? — нахмурился я. — Пытаетесь прощупать, насколько я созрел? А его зачем сюда привели? — Я кивнул в сторону Пепе Неро, сидевшего за соседним столиком.

Он медленно ел, что-то бормоча себе под нос с отсутствующим взглядом. Ему промыли мозги и ввели туда информацию о новой личности. От старого Пепе осталось только тело, которое любило Анжелину и похитило крейсер.

— Психиатры сейчас работают над новой теорией «тело — личность», — спокойно ответил Инскипп, — так что мы держим его под наблюдением. Если в его новой личности снова проявятся его криминальные черты, возможно, мы завербуем его в Корпус. Что ты на это скажешь? Или он раздражает тебя?

— Дело не в нем, — отрезал я. — После той бойни, которую он устроил ради своей подружки-психопатки, можете хоть гамбургер из него сделать. Но он напоминает мне, что Анжелина все еще на свободе и замышляет новые преступления. Я хочу отправиться на ее поиски.

— И речи быть не может, — ответил Инскипп. — Я уже тебе об этом говорил. Вопрос исчерпан.

— Но я бы мог...

— Что бы ты мог? — Он прищелкнул языком. — У каждого полицейского Галактики имеется ее фотография, и поиски не прекращаются ни на секунду. Или ты полагаешь, что справишься с этим лучше?

— Вряд ли, — проворчал я. — Ладно, катись все к черту. — Отодвинув тарелку, я встал и как можно естественнее потянулся. — Пойду-ка я лучше домой, возьму бутылку чего-нибудь покрепче и утоплю в ней все свои печали.

— Вот так-то лучше. И забудь про Анжелину. Я жду тебя завтра у себя в кабинете ровно в девять. Трезвым.

— Рабовладелец, — застонал я и, повернувшись, направился по коридору в сторону жилых помещений. Отойдя на безопасное расстояние, я вышел через боковую дверь и помчался в космопорт.

Этот урок мне преподала Анжелина. Если у тебя есть план — немедленно приводи его в действие. Не давай ему залеживаться, иначе он покроется плесенью. Другие люди поймут, что у тебя на уме. Сейчас я пытался перехитрить одного из самых проницательных, и от одной только мысли об этом мне стало не по себе. Я сознательно нарушал приказ Инскиппа и вообще решил уйти из Корпуса. Хотя это и не совсем соответствовало действительности — ведь я хотел закончить работу, которую мне поручил Корпус. Но у них на этот счет было свое мнение.

Дома у меня оставались инструменты, различные приспособления и приличная сумма денег, которые так нужны были для работы. Придется от них отказаться. К тому времени, когда Инскипп задумается, с чего это я вдруг резко изменил свою точку зрения, я хотел быть уже далеко в космосе.

Механик при помощи грузового робота устанавливал корабль на стартовой площадке. Подойдя поближе, я спросил официальным тоном:

— Это мой корабль?

— Нет, сэр. Это для агента Нильсона. А вот и он сам.

— Сбегай в диспетчерскую и уточни все как следует. Не теряй времени.

— Новое задание, Джимми? — спросил Нильсон, подходя ко мне.

Я смотрел вслед механику, пока тот не скрылся за углом.

— Все то же самое, — ответил я. — Как твои успехи в теннисе? — Я замахнулся воображаемой ракеткой.

— Все лучше и лучше. — Повернувшись, он стал осматривать корабль.

— Я покажу тебе один новый удар, — сказал я и резко ударил его по шее ребром ладони.

Он рухнул как подкошенный, и я оттащил его за бочки со смазочным материалом. Затем осторожно взял из его ослабевших пальцев коробочку с лентами курсов.

Еще до возвращения механика я забрался на корабль и задраил за собой люк. Сунув курсовую ленту в блок управления, я запросил разрешения на взлет. Мне показалось, что я ждал целую вечность. Лоб покрылся испариной. Наконец зажглась зеленая лампочка.

Первый этап прошел успешно. Как только стартовые ускорители включились, я схватил отвертку и набросился на пульт управления. Там всегда находилось дистанционное управление, чтобы при необходимости управлять кораблем из центра. Я обнаружил это еще во время моего первого полета на корабле Корпуса. Любопытство — полезная штука. Отсоединив контакты, я направился в машинное отделение.

Возможно, я был излишне подозрителен. Или слишком невысокого мнения о человечестве и об Инскиппе тоже. Впрочем, он руководствовался собственными правилами. Более доверчивый человек не обратил бы внимания на самоликвидатор, установленный в двигателе. В случае захвата корабля он подрывался по радиосигналу из центра. Я не думал, что они решатся на такой шаг по отношению ко мне, но тем не менее решил обезвредить бомбу.

Самоликвидатор представлял собой целый блок, встроенный в корпус двигателя. Крышка поддалась сразу же, и перед глазами у меня предстала путаница проводов, ведущих к взрывателю. Его шестигранная головка была плотно закручена, и я ободрал кожу на пальцах, пытаясь хоть немного повернуть ее. Пальцы кровоточили, когда я наконец выкрутил ее из гнезда. Взрыватель повис на проводах, как зуб на оголенном нерве.

Внезапно он взорвался, оглушив и окутав меня облаком черного дыма.

С удивительным спокойствием я посмотрел сквозь рассеивающийся дым на черную дыру в заряде взрывчатки. Ее хватило бы, чтобы превратить в пыль корабль со всем его содержимым.

— Инскипп, — хрипло произнес я, но мой голос сорвался. — Инскипп, я понял тебя. Ты хотел уволить меня из Корпуса. Но я сам подаю в отставку!

Глава 9

Трудно передать словами облегчение, которое я испытывал. Я снова действовал сам по себе и не подчинялся ничьим приказам. Я даже принялся напевать себе под нос, выводя корабль из искривленного пространства, чтобы заложить новую ленту курса. Я выбрал ее наугад, и теперь перехватить меня было невозможно. База Специального Корпуса осталась далеко позади.

Куда лежал мой путь, я еще не знал. Тут надо было немного поразмыслить, хотя цель была ясна с самого начала. Поиски Анжелины. Сначала мне показалось глупым брать на себя работу Корпуса. Раз они сами не захотели мне ее поручить, пусть сами ее и выполняют. Но потом я понял, что Корпус тут ни при чем. Маленькая Анжелина обвела меня вокруг пальца, а Скользкий Джим ди Гриз такие вещи не прощает. Она станет для меня призовой медалью. Пусть это эгоистично. Но эгоизм — единственная движущая сила для людей нашей профессии. Исчезнет он — исчезнет все. Я пока еще не решил, что сделаю с Анжелиной, когда найду ее. Возможно, передам ее полиции, ведь подобные ей люди бросают тень на наше ремесло. Впрочем, зачем делить шкуру неубитого медведя.

Нужен был план, и я принялся искать необходимые для этого вещи. На какое-то ужасное мгновение мне показалось, что на корабле нет сигар. Но затем блок снабжения заскрипел и выдал мне их из дальнего угла морозильника. Не совсем подходящее место для хранения сигар, но это лучше, чем ничего. Из спиртных напитков Нильсон предпочитал особый сорт крепкого виски, который я принялся поглощать с большим удовольствием. Промочив горло, я закурил сигару, закинул ноги на стол и принялся размышлять.

Для начала я мысленно перенесся в то место, откуда исчезла Анжелина. Лучше, конечно, было бы на самом деле отправиться туда, но не такой уж я дурак. Уж наверняка там ошивается пара кораблей Флота, готовых открыть пальбу при первом удобном случае. Впрочем, для подобных задач существует компьютер, куда я и ввел нужные координаты. Я не стал рыться по справочникам — эти цифры огнем горели перед моими глазами. Компьютер обладал огромной памятью и мгновенно проделывал любые операции. Он блаженно заурчал, когда я попросил его сообщить координаты всех звезд, расположенных рядом с исходной точкой. Через тринадцать секунд он уже просмотрел все свои каталоги и весело звякнул, сообщая об окончании работы. Я выписал номера лишь первой дюжины звезд — остальные находились слишком далеко — и выключил компьютер.

Теперь я должен думать так же, как Анжелина. Представить себя убийцей, за спиной у которого двенадцать трупов и за которым идет непрерывная охота. Куда ни глянь, одни враги. Несомненно, компьютер украденного флотского корабля выдал ей точно такой же список. Куда лететь? Надо немедленно принимать решение. Куда-нибудь смотаться. Подальше отсюда. Один взгляд на список — и ответ готов. Две ближайшие звезды располагались в

одном и том же секторе в пятнадцати градусах друг от друга. Расстояние до них было примерно одинаковым. А вот до третьей звезды расстояние было раза в два больше, да и находилась она совершенно в другом секторе.

Надо лететь к двум звездам. Это самое разумное решение, которое можно принять в такой спешке. Вперед, к звездам, их мирам и пассажирским линиям, где можно раздобыть другой корабль. От флотского корабля надо избавиться как можно быстрее, ведь его ищут по всей Галактике. Захватить новый корабль, а затем? Что затем?

Тут мое логическое мышление зашло в тупик, и мне пришлось выводить его оттуда при помощи виски и свежей сигары. Блаженно прикрыв глаза, я снова погрузился в раздумья. Итак, захватить корабль и направиться к ближайшей планете. В космосе Анжелине постоянно грозит опасность. Надо приземлиться и изменить свою внешность. Взглянув на планеты, вращающиеся вокруг ближайших двух звезд, я сразу же сделал свой выбор. Планета с варварским названием Фрейбур.

Там еще вращалось с полдюжины других обитаемых планет, но они отпадали. Либо населения было мало и новый человек мог привлечь всеобщее внимание, либо организация находилась на таком высоком уровне, что скрыться там не представлялось возможным. У Фрейбура отсутствовали все эти недостатки. Планета вступила в Лигу всего двести лет назад, и общество там пребывало в состоянии безмятежного хаоса. Смесь старого и нового, доконтактной культуры и постконтактной цивилизации. Прекрасное место для Анжелины, чтобы затеряться, а затем в нужное время снова появиться в новом обличье.

Придя к подобному умозаключению, я почувствовал двойное удовлетворение. Это было не просто упражнение для мозгов, я и сам находился примерно в таком же положении, что и Анжелина. Инцидент с самоликвидатором лишний раз доказывал, что Корпус ценит свои корабли и что он низкого мнения о дезертирах. Фрейбур подходил для меня как нельзя лучше. Выпивка и сигары подействовали на меня, и я безмятежно уснул.

Когда я проснулся, пора было выходить из искривленного пространства и менять курс. Но прежде я должен был кое-что проверить. Кое-что из того, чему не учили в школе Специального Корпуса. Одна из особенностей искривленного пространства заключается в необычном распространении волн. Особенно радиоволн. Они не просто распространяются во все стороны. Стоит передать сигнал на одной частоте, как тут же он принимается обратно на всех остальных частотах. Этот экзотический эффект

не представляет никакого интереса, разве что для специалистов по искривленному пространству, однако позволяет узнать, не установлены ли «жучки» на корабле. Логично предположить, что все корабли Специального Корпуса оснащены «жучками». Спрятанный передатчик, работающий на постоянной частоте, сразу же выведет их на мой след. Его-то я и собирался найти, прежде чем приближаться к планете.

Динамики хрипели и шумели. Я проклинал свое бывшее начальство. Прежде чем тратить время на поиски, надо было убедиться, что подобный передатчик существует. Источник сигнала был слишком слабым, чтобы передавать на большие расстояния. Установив пару экранирующих щитов, я убедился, что таинственный сигнал есть не что иное, как радиация, исходящая от самого приемника. После экранирования эфир затих. Вздохнув с облегчением, я вывел корабль из искривленного пространства.

Установив нужный курс, я направил корабль к цели. Порывшись в корабельном оборудовании, я кое-что подобрал для себя. Необходимо было изменить свою внешность, чем я и занялся. Я с превеликим удовольствием воссоздал образ Скользкого Джима. Расширители в ноздри, подушечки за щеки, немного красителя на голову — и старый боевой конь готов к работе.

Хмуро посмотрев на свое отражение в зеркале, я выругался и снял весь грим так же тщательно, как и накладывал. Одно из моих основных правил гласило — никогда не расслабляться. Механическое повторение всегда приводит к неприятностям. Инскипп прекрасно знал мою прежнюю личность, так что меня сейчас ищут и под этой, и под той внешностью.

Тщательно принявшись за работу, я создал себе абсолютно другой образ — изменив черты лица и прическу. Мне не трудно будет его поддерживать в дальнейшем. Чем сложнее грим, тем сложнее уход за ним. Что меня ждало на Фрейбуре, я не знал и не хотел усложнять себе жизнь излишними сложностями. Я хотел безо всяких забот попытаться выяснить, не оставила ли там свой след Анжелина.

До конца полета оставалось еще два дня, и я с пользой потратил это время на изготовление различных приспособлений, которые могли мне пригодиться на Фрейбуре. Гранаты, пистолеты, кольца с взрывателями — обычный набор. Не успел я убрать за собой, как раздался сигнал, извещавший, что путешествие подошло к концу.

Единственным городом с космодромом на Фрейбуре был Фрейбурбад, расположенный на берегу огромного озера — единственного источника питьевой воды на планете. Глядя, как солнечные

блики играют на его поверхности, мне внезапно захотелось искупаться. Очевидно, потому, что я решил утопить корабль. Вернее, спрятать его на дне озера, чтобы всегда иметь под рукой.

Я спустился к горной гряде, и вряд ли на экранах радаров появилась отметка от моего корабля. Пролетая над озером после наступления сумерек, я заметил навигационный радар космопорта, но приближаться к берегу в мои планы не входило. Дождь лил как из ведра, уменьшая видимость и мое желание искупаться. Я приводнился недалеко от берега. За это время я собрал в сумку все свои приспособления. Весила она немало, но не оставлять же на корабле то, что мне может пригодиться. Сумка была из водонепроницаемой ткани, а я натянул скафандр и открыл дверь шлюзовой камеры. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я поплыл к невидимому берегу. Сзади раздалось бульканье, и мой корабль медленно погрузился в воду.

Плавать в скафандре так же легко, как и заниматься любовью в условиях невесомости. Силы уже оставляли меня, когда я наконец добрался до берега. Сбросив скафандр, я получил большое удовольствие, наблюдая, как он плавится в огне трех термитных шашек. Еще с большим удовольствием я пинком сбросил его шипящие останки в озеро. Дождь смыл все следы костра. А в такую погоду вряд ли свет от него можно было заметить издалека. Забравшись под водонепроницаемую накидку, мокрый и жалкий, я ждал рассвета.

Наверное, я задремал, потому что, когда открыл глаза, было уже светло. Что-то было не так, и прежде чем я сообразил, что меня разбудило, чей-то голос произнес:

— В Фрейбурбад собрались? Конечно, куда еще можно идти? Я и сам туда направляюсь. У меня лодка. Старая, но крепкая. Уж лучше на лодке, чем пешком...

Голос продолжал бубнить, но я его не слушал. Я проклинал себя за то, что этот тип с долгоиграющим голосом застал меня врасплох. Он плыл рядом с берегом. Его низко сидящая в воде лодка была завалена мешками и тюками, над которыми торчала голова хозяина. Пока его губы шевелились, я согнал с себя остатки сна и внимательно рассмотрел его. У него была нечесаная борода, торчавшая во все стороны, из-под подобия шляпы смотрели маленькие темные глазки. Охвативший меня сначала испуг улетучился. Если парень не подсадная утка, то эта случайная встреча может оказаться как нельзя кстати.

Когда бородач замолк, чтобы перевести дыхание, я решил принять его предложение и, схватившись за край лодки, подтянул ее к себе. Взяв вещи и держа руку на пистолете, я прыгнул в лодку. Мои

предосторожности оказались излишними. Незнакомца звали Зуг, это мне удалось выяснить из его не прекращавшегося монолога. Повернувшись к корме, он завел мотор. Это был видавший виды атомный теплообменник, простой, но довольно эффективный. Никаких подвижных деталей, он просто засасывал воду из озера, доводил ее до кипения и с силой выталкивал через другое отверстие. Работал он почти бесшумно, поэтому я и не проснулся, когда Зуг подплыл на лодке.

Личность Зуга не вызывала никаких подозрений, хотя я все время держал пистолет под рукой. Мне просто повезло, что я встретился с ним. Поток слов ни на секунду не прекращался, и я понял, что служило тому причиной. Судя по всему, Зуг был охотником и после нескольких месяцев одиночества вез на продажу меха и шкуры. При виде человека у него начался словесный понос, который я и не пытался остановить. Из его монолога я узнал много полезного.

Я беспокоился о своей одежде. В конце концов я решил надеть космический комбинезон нейтрального серого цвета. Такие можно встретить — с небольшими вариациями — на всех планетах Галактики. Зуг не обратил на него никакого внимания. Это говорило о многом — ведь он разбирался в одежде. Свою куртку он, очевидно, сам сшил из выделанной шкуры. Иссиня-черного цвета, она, должно быть, была красивой, пока вся не покрылась грязью. Штаны были сделаны из сукна машинной выработки, а ботинки, как и у меня, из вечного пластика. Уж если на его наряд не обращали внимания, то за свою одежду я могу не волноваться.

Снаряжение у Зуга было таким же пестрым, как и его одежда. Смесь старого и нового. Что еще ожидать от планеты, лишь недавно вошедшей в Лигу. Электростатическое ружье соседствовало с пучком стальных стрел для арбалета. Судя по всему, этот болтун пользовался и тем и другим с одинаковой легкостью. Устроившись на мягких тюках, я наслаждался, разглядывая пейзаж в утреннем тумане и слушая непрерывную болтовню.

К полудню мы добрались до Фрейбурбада. Зугу больше нравилось говорить, чем слушать, поэтому несколько моих неопределенных высказываний о том, что я собираюсь делать в городе, вполне удовлетворили его любопытство. Ему очень понравились пищевые концентраты из моего запаса, и в ответ он угостил меня домашней бражкой, которую сам гнал в своем горном жилище. Вкус у нее был ужасным, а во рту осталось ощущение, будто там пошуровали наждаком, смоченным в серной кислоте. Но после нескольких глотков это ощущение исчезло, и мы в прекрасном расположении духа продолжили путешествие, пока не пришвартовались у пропахшей рыбой пристани в пригороде Фрейбурбада. Когда мы вылезали из лодки, то чуть не перевернули ее. Это показалось нам ужасно забавным. Думаю, вы понимаете, в каком состоянии мы тогда находились. Добравшись до города, я сел на лавку в парке, чтобы мои мозги слегка проветрились.

Повсюду была та же смесь старого и нового. Рядом с пластиковыми зданиями стояли кирпичные дома с потрескавшейся штукатуркой. Сталь, стекло, дерево и камень присутствовали в равных пропорциях. Люди также были одеты в самые разнообразные наряды. Скорее я обращал на них внимание, чем они на меня. Только робот-газетчик не отставал от меня, выкрикивая на ухо заголовки, пока я не купил газету, чтобы отвязаться от него. По-видимому, здесь была в ходу валюта Лиги, так как робот не выразил протеста, когда я сунул кредитку в щель на его груди, и даже дал сдачу в фрейбурских гильденах. Без сомнения, курс обмена был просто разорительный. По крайней мере, именно такой курс я бы и установил, если бы сам закладывал программу в робота.

Новости меня не интересовали, а вот объявления я просмотрел с гораздо большим интересом. Глядя на рекламы шикарных отелей, я мысленно сравнивал цены и предлагаемые удобства.

Это заставило меня ужаснуться, лоб покрылся испариной. Как быстро мы теряем старые привычки. Всего лишь месяц я на стороне закона, и уже рассуждаю, как честный человек!

— Ты преступник, — пробормотал я, стиснув зубы, и плюнул на табличку «Не плевать». — Ты ненавидишь закон и прекрасно без него обходишься. Ты самый честный человек в Галактике. Ты не можешь нарушить закон, который сам устанавливаешь для себя. Ведь если закон тебе не подходит, ты просто меняешь его.

Это была чистая правда, и я ненавидел себя, что так быстро все позабыл. Короткий период работы в Корпусе чуть не разрушил все мои антиобщественные наклонности.

— Придумай какую-нибудь гадость! — громко выкрикнул я, напугав девушку, прогуливавшуюся по дорожке.

Дабы она убедилась, что правильно расслышала мои слова, я оскалился самым гнусным образом, и она поспешно скрылась. Это уже лучше. Сам я направился в противоположную сторону в поисках возможности совершить какой-нибудь мерзкий поступок. Прежде чем искать Анжелину, я должен восстановить свой прежний образ.

Такую возможность я нашел сразу же. Через десять минут я обнаружил подходящий объект. Все необходимое оборудование ле-

жало у меня в сумке. Рассовав по карманам то, что понадобится мне для работы, я запер сумку в автоматической камере хранения.

Первый Банк Фрейбура просто умолял, чтобы его ограбили. Здесь все располагало к грабежу — три выхода, четыре охранника и толпа народа. Четыре живых охранника! Да ни один банк не стал бы платить им жалованье, если бы имел электронную сигнализацию. Я напевал себе под нос, стоя в очереди к кассиру — тоже живому человеку. Полностью автоматизированные банки грабить не трудно, просто используется другая техника. Но самая легкая добыча — это банки, где вместе с машинами работают и люди.

— Разменяйте десятизвездник Лиги на гильдены, — сказал я кассиру, швырнув блестящую монету на стойку.

— Да, сэр.

Мельком взглянув на монету, он сунул ее в щель кассовой машины и стал отсчитывать мне гильдены еще до того, как на табло загорелась надпись «Деньги настоящие». Кассир выкладывал передо мною деньги, а я медленно считал их. Делал я это механически, так как все мои мысли были сконцентрированы на монете достоинством в десять кредиток, которая сейчас совершала путешествие по машинным внутренностям. Когда я убедился, что она приземлилась в подземном сейфе, я нажал кнопку передатчика у меня на запястье.

То, что произошло, можно описать только одним словом — прекрасно. Подобные моменты долго остаются в памяти, вызывая счастливые воспоминания. Я не жалел о тех часах, которые понадобились, чтобы распилить монету, сделать ее полой и засунуть внутрь взрывчатку со встроенным в нее радиоприемным устройством. Какой великолепный взрыв! За глухим ударом в недрах сейфа послышался треск и скрежет. Одна из стен огромного сейфа рухнула, и оттуда рекой хлынули деньги, сопровождаемые клубами дыма. Кассовый аппарат звякнул, что-то в нем заклинило, и все остальные денежные аппараты как с ума посходили. Поток монет различного достоинства устремился на изумленных посетителей, которые, впрочем, быстро справились с удивлением и принялись набивать карманы. Их счастье длилось недолго. Тот же сигнал взорвал дымовые и газовые бомбы, которые я заранее разложил по урнам. Пока царила суматоха, я подбросил парочку бомб кассирам. Этот газ я сделал сам, смешав слезоточивую смесь с компонентами, вызывающими рвоту. Он сразу же возымел действие. (В банке, конечно, не было детей. Я не могу быть жестоким по отношению к юным созданиям, которые не могут себя защитить.) Через пару минут и клиенты, и служащие

банка уже ничего не видели и были слишком заняты собой, чтобы обращать на меня внимание.

Когда газ стал подбираться ко мне, я наклонился и надел защитные очки. Теперь я был единственным в банке человеком, который не потерял способность видеть. Дышал я через носовые фильтры, которые предусмотрительно вставил заранее, и мог не беспокоиться за содержимое моего желудка. Кассир, сидевший напротив меня, куда-то исчез, и я ловко нырнул в окошко, проехавшись по стойке на животе.

Теперь можно было и делом заняться, ведь деньги валялись повсюду. Я не стал обращать внимания на мелочь, а направился прямо к сейфу, откуда извергался золотой поток. Через пару минут я наполнил сумку и собирался уходить. Дым возле дверей понемногу рассеивался, но я исправил это недоразумение, швырнув туда еще несколько гранат.

Все шло как по маслу. Только один придурковатый охранник портил всю картину. Сообразив, что здесь что-то не так, он принялся палить во все стороны. Странно, что он никого не успел прихлопнуть. Я отнял у него пистолет и стукнул его им по затылку.

Теперь дым у дверей стал таким плотным, что через стекло ничего нельзя было увидеть. С улицы тоже не было видно, что происходит в банке. Смекнув, что дело нечисто, два полицейских ринулись внутрь, держа пистолеты наготове... но тут же стали такими же беспомощными, как и все остальные. Тут я принялся помогать бедным посетителям, подталкивая их к дверям. Когда там собралась небольшая толпа, мы все выбрались на улицу. Я снял очки и не открывал глаз, пока не оказался на свежем воздухе. Сердобольные люди помогли мне подняться. Я поблагодарил их, смахнул с глаз слезы и пошел своей дорогой.

Все очень просто. Все очень просто, когда у тебя есть план и ты не рискуешь по глупости. Настроение у меня резко поднялось, а кровь весело бежала по жилам. Я снова жил преступной жизнью, и от этой мысли у меня стало легко на душе. Теперь найти след Анжелины — пара пустяков. Для меня не существовало никаких преград.

Я снял комнату в отеле для космонавтов недалеко от порта. Переодевшись, я отправился наслаждаться радостями жизни. В округе располагалось немало различных заведений, и я добросовестно обошел их все до единого. В одном из них я съел отбивную, а в остальных выпивал по рюмочке. Если Анжелина была на Фрейбуре, она, несомненно, посещала эти места. Я чуял, что могу напасть на

ее след именно здесь. Преступников всегда тянет в подобные места.

— Может, угостишь меня? — равнодушно спросила меня проститутка, и я с таким же равнодушием отрицательно покачал головой.

С наступлением сумерек эти бледные создания ночи постепенно выходили на промысел. Я получил уже немало предложений, ведь я прикидывался отдыхающим космонавтом — лучший источник наживы для подобных женщин. Эта была последней из тех, кто подходил ко мне. Смазливое личико, да и фигурка получше, чем у остальных. С возрастающим интересом я посмотрел ей вслед. Короткая, обтягивающая юбка с разрезами по бокам. Туфли на высоких каблуках и покачивающиеся бедра произвели на меня ошеломляющее впечатление. Подойдя к бару, она прислонилась к стойке, рассматривая посетителей, и я не мог оторвать от нее глаз. Блузка была сделана из узких блестящих полосок, закрепленных только вверху и внизу. При ходьбе они расходились, обнажая соблазнительные участки белоснежной кожи. Думаю, что на мужчин это действовало неотразимо.

Прошло немало времени, прежде чем мои глаза, начав осмотр с лодыжек, наконец достигли ее лица. Оно было привлекательным. И знакомым...

Сердце бешено застучало у меня в груди, и я чуть не свалился со стула. Это было невероятно, но факт...

Это была Анжелина.

Глава 10

Она обесцветила волосы и слегка изменила черты лица. Ровно настолько, чтобы ее нельзя было узнать по фотографии или описанию, имевшимся в полиции. Теперь ее никто не мог опознать.

Кроме меня, конечно. Я видел ее на похищенном крейсере и разговаривал с ней. Но самое главное заключалось в том, что она понятия не имела, кто я такой. Она видела меня только мельком, и то в скафандре с затемненным стеклом шлема. К тому же в то время ей надо было думать о том, как спастись, а не разглядывать меня.

Я чувствовал себя на вершине блаженства. Даже зловонный воздух притона показался мне ароматом. Расслабившись, я удивлялся иронии судьбы. Однако надо сказать, она знала, что делала. Я и не предполагал увидеть ее здесь, хотя старался пре-

дусмотреть все варианты. Зная, что у нее с собой полно ворованных денег, я и мысли не допускал, что она примет образ проститутки, перебивающейся случайными заработками. Выдержка у нее будь здоров, тут ничего не скажешь. Она безукоризненно играла свою роль. Не будь она убийцей — какую команду мы бы с ней составили!

Мое сердце снова застучало, когда я понял, в какой тупик завели меня чувства. Анжелина приносила несчастье всем, кого встречала на своем пути. В ее хорошенькой головке работал первоклассный, но преступный мозг. Мне бы лучше думать не о ее соблазнительной фигурке, а о тех трупах, которые она оставляла за собой. Оставалось сделать только одно — схватить ее и передать Специальному Корпусу. Я даже не вспомнил, как относился к Корпусу, а Корпус ко мне. Это неважно. Главное, надо чисто сработать, пока я не передумал.

Подойдя к стойке бара, я сел рядом с ней и заказал две двойные порции местной кислятины. На всякий случай я понизил голос, изменил манеру разговаривать и подпустил акцент. Анжелина слышала мой голос и могла легко узнать его, поэтому предосторожности никогда не помешают.

— Пей, куколка, — сказал я, поднимая свой бокал и ухмыляясь. — Потом пойдем к тебе. У тебя есть комната?

— Найдется, если у тебя есть десятка. В кредитках Лиги, разумеется.

— Конечно, — проворчал я, притворившись оскорбленным. — На что, по-твоему, я покупаю это пойло?

— Ты же не в забегаловке, где платишь после, — с прекрасно разыгранным равнодушием произнесла она. — Гони монету, тогда и пойдем.

Я бросил ей монету, и она поймала ее на лету. Взвесив на ладони, она попробовала ее на зуб и спрятала в сумочку. Я надеялся, что восторг, с которым я наблюдал, как она играет свою роль, она принимает за страсть. И только когда она повернулась ко мне спиной, я заставил себя вспомнить, что я здесь не ради удовольствия, а должен исполнить свой долг. Чтобы не расслабляться, я стал думать о трупах, что плавали в глубинах космоса. Осушив стакан, я вышел за ней на шумную улицу, любуясь ее грациозной походкой.

Оказавшись в лабиринте темных аллей, я насторожился. Анжелина хорошо играла свою роль, но я сомневался, что она спит с космонавтами, волею судьбы оказавшимися в местном порту. Скорее всего у нее был сообщник, который поджидал ее клиентов, зажав в руке какой-нибудь тяжелый предмет. А может быть, мне не

давала покоя моя всегдашняя подозрительность. Рука сжимала в кармане пистолет, но воспользоваться им мне так и не пришлось. Мы прошли по одной улице, а затем повернули под арку. Она первая вошла в дом. Никто из нас не произнес ни слова.

Когда она открыла дверь в свою комнату, я немного успокоился. Комната была безвкусно обставлена и так мала, что сообщник вряд ли мог тут спрятаться. Анжелина направилась к постели, а я повернулся и проверил, заперла ли она за собой дверь. Дверь была заперта.

Когда я повернулся, на меня смотрело дуло пистолета 0,75-го калибра такого большого, что она держала его обеими руками.

— Что это еще за шутки, — возмутился я, отгоняя мысль, что где-то совершил непростительную ошибку. Я все еще сжимал в кармане пистолет, но доставать его было равносильно самоубийству.

— Я убью тебя, даже не спрашивая имени, — улыбнулась она, сверкнув белоснежными зубами. — Ты сорвал мою операцию с крейсером.

Она все не стреляла, а ее улыбка становилась все более зловещей. Она наслаждалась, следя за выражением моего лица, когда я проклинал себя за тупость. Охотник и жертва поменялись местами. Она заманила меня в ловушку, и я ничего не мог поделать.

Видя, как мысли отражаются у меня на лице, Анжелина мелодично рассмеялась. Она была артисткой до мозга костей и ждала момента, когда я наконец осознаю всю безвыходность своего положения. Когда мое отчаяние достигло предела, она нажала на спусковой крючок.

Затем еще раз, и еще...

Четыре пули в сердце, и последний выстрел между глаз.

Глава 11

Нельзя сказать, что я пришел в сознание, скорее ощутил себя в кровавом, пульсирующем болью тумане. С болью пыталась соперничать тошнота, но боль победила. Положение осложнялось еще и тем, что мои глаза были закрыты, а попытка открыть их принесла мне невыносимые страдания. Наконец мне это удалось, и я увидел над собой очертания лица, выплывавшего из красного тумана.

— Что случилось? — поинтересовалось лицо.

— Именно это я хочу спросить у тебя, — произнес я и замолчал, пораженный, что у меня такой слабый и дрожащий голос.

Что-то коснулось моих губ, и я увидел окровавленную салфетку, удаляющуюся от моего лица.

Я усиленно заморгал глазами, и размытое пятно превратилось в молодого человека, одетого в белый халат. Доктор, сообразил я. Мы находились в движении, очевидно, меня везли в машине «Скорой помощи».

— Кто это стрелял в тебя? — спросил доктор. — Нам сообщили о выстрелах, и скажи спасибо, что мы приехали как раз вовремя. Ты потерял много крови — мы уже сделали переливание, — кроме того, имеются множественные переломы лучевой и локтевой кости, одно пулевое ранение в руку и другое в области правого виска — вероятно, повреждение черепа. Судя по всему, сломаны ребра и повреждены внутренние органы. Кто-то испытывает к тебе сильную неприязнь. Но кто?

Кто? Моя дорогая Анжелина, вот кто. Искусительница, ведьма, убийца, вот кто хотел отправить меня на тот свет. Теперь я все вспомнил. Огромное дуло пистолета, в котором запросто поместится звездолет. Ослепляющее пламя, летящие в меня пули и невыносимая боль, когда мой гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя мощь выстрелов. Я вспомнил, как надеялся, что она ограничится этим, и как надежда растаяла, когда дымящееся дуло пистолета уставилось мне в лицо.

Я вспомнил, как в отчаянии закрыл лицо руками и отклонился в сторону, пытаясь спастись.

Надо же, мне это удалось. Ударившись в кость руки, пуля срикошетила и лишь царапнула череп вместо того, чтобы проделать в нем дырку. В результате — море крови и бездыханное тело на полу. И тут Анжелина допустила единственную ошибку. Грохот выстрелов в крошечной комнатушке, кровь и вполне натуральный труп, наверное, испугали ее. Стремясь как можно скорее скрыться с места преступления, она не удосужилась убедиться в моей смерти.

— Лежи, — приказал доктор. — Будешь шевелиться — я вкачу тебе укол, который отключит тебя на неделю.

Только теперь я заметил, что сижу на носилках и смеюсь как ненормальный. Я легко дал себя уложить, так как при каждом движении мою грудь пронзала боль.

Мой мозг уже начал строить планы, как с наибольшей выгодой воспользоваться сложившейся ситуацией. Не обращая внимания на боль, я прикидывал, как бы не упустить счастье и заставить Анжелину поверить, что я действительно мертв.

Мы уже подъезжали к больнице, когда я умудрился стащить ручку и стопку медицинских бланков с полочки над моей головой.

Моя правая рука действовала, хотя каждое движение отдавалось болью. Робот прикрепил носилки к каталке и повез меня в приемный покой. Сунув какие-то бумаги в держатель над моей головой, доктор на прощание помахал мне рукой. Я вежливо улыбнулся в ответ, а робот продолжал толкать каталку.

Как только доктор скрылся из виду, я вытащил бумаги и быстро пробежал их глазами. Судьба подарила мне уникальную возможность; главное, чтобы хватило времени ею воспользоваться. Это было заключение врача, составленное в четырех экземплярах. Пока данные не ввели в компьютер, меня не существовало. Из этого статистического отчета я должен был заново родиться в больнице. Но рождаться мне было ни к чему. Я сбросил подушку на пол, и робот остановился. Он не обращал никакого внимания на то, что я лихорадочно пишу, и не высказал никакого возмущения, когда я еще пару раз скидывал подушку. За это время я изготовил фальшивку.

Этот доктор Маквбклз — по крайней мере, именно это можно было прочесть в его росписи — совершенно не умел составлять документы. Он оставил много пустого места между последней строчкой заключения и своей подписью. Я заполнил его, подражая почерку доктора.

«Обширное внутреннее кровоизлияние, шоковое состояние, — написал я. — Умер по пути в больницу». Это звучало достаточно убедительно. Я быстро дописал: «Все попытки реанимировать пострадавшего окончились неудачей».

У меня возникли сомнения в правильности написания слова «реанимировать», но если доктор Маквбклз пишет слово «пациент» через «о», то он вполне мог ошибиться и здесь. Последнюю фразу я написал для того, чтобы меня не тыкали всякими иголками и электродами, пытаясь вернуть к жизни.

— Тут У.П. — «Умер по пути», Свенд, — произнес кто-то, шурша бумагами у меня над головой.

Я услышал, как робот покатил прочь, безразлично восприняв тот факт, что писавший и швырявший подушки больной внезапно скончался. Что мне нравится в роботах, так это отсутствие любопытства. Я стал думать о смерти, надеясь, что мое лицо примет соответствующее выражение. Кто-то схватил меня за ногу, стаскивая ботинок вместе с носком. Рука сжала ступню.

— Бедняга, — сочувственно сказал голос. — Еще теплый. Может, позвать реаниматоров?

Какой назойливый тип.

— Не-а, — послышался более рассудительный голос. — Они уже пытались это сделать по дороге сюда. Тащи его в морг.

Ужасная боль пронзила мою ногу, и я чуть не испортил все представление. Невероятным усилием воли я заставил себя не шевелиться, пока этот идиот закручивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке болталась бирка, и я от всей души пожелал, чтобы такую же бирку привесили ему на ухо. Боль перекинулась на грудь, голову и руки, когда я изображал окоченевший труп, лежа на трясущейся каталке.

Где-то позади открылась тяжелая дверь, и меня обдало холодным воздухом. Я чуть-чуть приоткрыл глаза. Если трупы на этой бойне рассовывают по индивидуальным холодильникам, я был готов внезапно воскреснуть. Я совсем не собирался отдать концы в морозильной камере с дверью, которую можно открыть только снаружи. Удача все еще сопутствовала мне, так как мой мучитель ввез меня на каталке в большой зал. Повсюду стояли мраморные столы, на которых лежали усопшие, прибывшие сюда раньше меня.

Без церемоний меня сбросили на холодную поверхность стола. Шаги постепенно стихли, тяжело хлопнула дверь, свет погас.

Тут я совсем пал духом. Слишком много событий для одного дня — меня успели ранить, контузить и покалечить. Поэтому пребывание в темной комнате, полной трупов, подействовало на меня весьма угнетающе. Не обращая внимания на боль в груди и бирку на пальце ноги, я кое-как слез со стола и отправился искать дверь. Я пережил немало неприятных минут, блуждая в потемках среди трупов, но наконец наткнулся на стену. Мои пальцы нащупали выключатель, и я зажег свет. Естественно, мое настроение сразу же улучшилось.

Дверь была лучше не придумаешь — без окошка и с ручкой изнутри. Имелся даже засов, и я долго ломал голову над тем, кто же мог им воспользоваться. Впрочем, я сам решил задвинуть его, чтобы никто не нарушил мой покой.

В комнате было полно народу, но на меня никто не обращал внимания. Первым делом я снял проволоку с пальца и как следует растер его. На желтой бирке стояли буквы У.П. и от руки написанный номер, точно такой же, как и на подделанном мною бланке. Я не мог упустить такой возможности. Сняв бирку с самого изуродованного трупа, я прикрепил к нему свою. Сунув его бирку себе в карман, я решил немного развлечься и поменять бирки у всех остальных. У трупа с самыми большими ногами я снял правый ботинок и натянул его на свою окоченевшую левую ногу. У всех трупов бирки висели на больших пальцах левой ноги, и я громко выругался, проклиная эту ненужную педантичность. Я был голым по пояс — верхнюю часть костюма и пуленепробиваемый жилет сня-

ли врачи. Пришлось позаимствовать теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей, который в ней уже не нуждался.

Только не думайте, что все было так просто, меня буквально шатало из стороны в сторону. Закончив свое дело, я выключил свет и приоткрыл дверь холодильника. Воздух в коридоре показался мне раскаленным, как в доменной печи. Вокруг не было ни души, и я побрел к ближайшей двери. За ней оказалась кладовая, где единственной полезной вещью был стул. Я уселся на него и немного передохнул, а затем снова отправился на поиски. Следующая дверь была закрыта, но третья открылась, и я оказался в темной комнате, где кто-то ровно дышал во сне. То, что мне и нужно.

Не знаю, кто это был, но поспать он любил. Я обшарил всю комнату и долго возился, натягивая на себя чужую одежду, а он так и не проснулся. Тем лучше для него, а то я не раздумывая проломил бы ему череп. Мне все уже порядком надоело, к тому же боль снова дала о себе знать. Нахлобучив на голову шляпу, я вышел из комнаты. В конце коридора сновали люди, но никто не обратил на меня внимания. Я вышел из больницы и побрел под дождем по улицам Фрейбурбада.

Глава 12

По вполне понятным причинам события той ночи и последующих нескольких дней почти не остались в моей памяти. Возвращаться в отель было опасно, но пришлось пойти на риск. Вряд ли Анжелина знала, где я живу, а если и знала, то скорее всего теперь это ее не интересовало. Я умер, и она потеряла ко мне всякий интерес. Судя по всему, я оказался прав, так как после возвращения в отель меня никто не беспокоил. Я попросил управляющего, чтобы вместе с едой мне каждый день приносили по две бутылки виски. Пусть меня считают запойным пьяницей. Алкоголь и еда постепенно возвращали меня к жизни. Заглатывая пригоршнями антибиотики и болеутоляющие лекарства, я считал себя счастливым.

На третье утро я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука еще ныла при каждом движении, синяки на груди приобрели золотисто-фиолетовый оттенок, но голова почти не болела. Пора было подумать о будущем. Я отхлебнул немного виски, которое годилось разве что для промывки труб, и позвонил, чтобы мне прислали газеты за последние три дня. Допотопная система доставки чихнула, и газеты вывалились на стол. Внимательно просмотрев их, я понял, что мой план сработал гораздо лучше, чем я ожидал.

Все газеты пестрели сообщениями о моем убийстве. Ни один из этих недотеп-репортеров не удосужился взглянуть на труп, все сведения о моей смерти они почерпнули из врачебных документов. И все. Никаких Скандалов О Пропаже Трупа в Больнице или Иска По Поводу Того, Что в Гробу Не Дядя Фрим. Если даже мои проказы в морге и обнаружили, то больница не стала предавать их гласности, хотя наверняка за это кому-то влетело.

Анжелина, моя меткая красавица, теперь наверняка считала меня мертвым. Просто прекрасно. Как только я снова смогу отправиться на ее поиски, работать будет проще: ведь она уверена, что мои бренные останки сгорели в местном крематории. У меня было достаточно времени, чтобы не спеша продумать план во всех деталях. Пора внести ясность — кто охотник и за кем охотятся. Я получу от ее ареста такое же удовольствие, как и она, когда палила в меня из своей портативной гаубицы.

Неприятно, но факт — она все время опережала меня. Сначала угнала крейсер у меня из-под носа, устроила несколько разбойных нападений в космосе, а затем выскользнула у меня из рук. Но самое унизительное то, что, охотясь за ней, я сам попался в расставленную ею ловушку. Анализируя события последних дней, я был вынужден признать этот очевидный факт. Убегая с захваченного крейсера, она притворилась истеричкой. На самом же деле она внимательно изучала мою внешность, каждую интонацию моего голоса. Анжелина, запечатлев в памяти мой образ, постоянно просчитывала, как я стану действовать, отправившись за ней в погоню. Выбрав самое безопасное место, она принялась ждать моего появления. Она была готова к встрече со мной, а я — нет. Все это уже в прошлом. Теперь моя очередь сдавать карты.

Я обдумал и взвесил множество самых разнообразных планов. Но, прежде чем приступить к их осуществлению, мне необходимо полностью изменить свою внешность. Иначе Анжелину мне не поймать. К тому же это пригодится мне, чтобы не попасть в лапы Корпуса. Нам об этом не говорили на занятиях, но я был уверен — покинуть Специальный Корпус можно только ногами вперед. Хотя я еще полностью не пришел в себя, голова у меня уже соображала. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое пожертвование в фонд местной библиотеки в виде вступительного взноса. К счастью, там оказались фотокопии всех городских газет за многие годы. Я познакомился с ярким образчиком желтой прессы с милым названием «Жареные факты». «Жареные

факты» были рассчитаны на непритязательную аудиторию — словарный запас газеты насчитывал не более трехсот слов; в ней смаковались различные зверства, а также трагические происшествия. Большую часть страниц занимали сообщения об авиакатастрофах, разумеется, со множеством цветных фотографий. Печатались, конечно, и различные криминальные истории, доказывающие, что Фрейбуру еще далеко до развитых галактических цивилизаций. Среди этих леденящих душу историй я обнаружил то преступление, которое искал.

Человечество всегда экспериментировало с законодательством, придумывая такие термины, как «непредумышленное убийство» или «убийство при смягчающих вину обстоятельствах», как будто убитого можно было оживить. Хотя мода на преступления и наказания менялась, к некоторым из них общество всегда относилось с отвращением. Речь идет о врачебных преступлениях. Я слышал, что некоторые дикие племена убивают своих знахарей, если больной умирает. Здесь есть определенная доля здравого смысла. Эта ненависть к костоломам вполне объяснима. Заболевая, мы полностью отдаем себя в руки врача. Мы доверяем абсолютно незнакомому человеку самое дорогое, что у нас есть. Если он это доверие не оправдывает, у родственников жертвы или чудом выживших пациентов возникает естественное возмущение.

Обычного гражданина Вульфа Сифтерница раньше называли «многоуважаемый доктор Сифтерниц». «Жареные факты» рассказывали с сочными подробностями, как он совмещал жизнь хирурга и повесы, пока нож в его дрожащих руках не отрезал ТО вместо ЭТОГО, и жизнь выдающегося политика не укоротилась на несколько лет, за которые он мог бы сделать столько полезных дел на благо общества. Нет оснований не верить доктору Вульфу, что он опохмелился перед операцией, значит, фатальная судорога в пальцах была вызвана не похмельным синдромом, а белой горячкой. Его лишили права заниматься врачебной деятельностью и оштрафовали на такую сумму, что все его сбережения быстро исчезли. Ведь суд признал его виновным не только в халатности, но и в более серьезных врачебных преступлениях. Судьба жестоко обошлась с Вульфом, именно такой человек и был мне нужен. Когда я уже более-менее мог стоять на ногах, я решил нанести ему официальный визит.

Для профессионала с моими способностями отыскать в чужом городе на далекой планете человека, живущего на полулегальном положении, — пара пустяков. Дело техники, а с ней у меня все в порядке. Когда я барабанил в замызганную деревянную дверь

дома, расположенного в трущобах, я собирался сделать первый шаг в осуществлении своего плана.

— У меня к тебе дело, Вульф, — сказал я мутноглазому типу, открывшему мне дверь.

— Проваливай ко всем чертям, — ответил он, пытаясь захлопнуть дверь перед моим носом.

Я помешал ему, предусмотрительно подставив ботинок, и без всяких усилий вошел в дом.

— Я не занимаюсь врачебной практикой, — проворчал он, глядя на мою забинтованную руку. — И полицейских стукачей не лечу, так что вали отсюда.

— Не надо повторяться, — сказал я ему.— Я пришел, чтобы предложить вам совершенно законную сделку с соответствующей оплатой наличными. А если она вдруг окажется незаконной, то кого это волнует. — Не обращая внимания на его протесты, я заглянул в соседнюю комнату. — Согласно абсолютно достоверной информации, вы живете здесь в незаконной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу вам сказать, совершенно не предназначается для ее прекрасных ушек. Где она?

— Ушла! — заорал он. — И ты тоже убирайся! — Схватив за горлышко бутылку, он сделал угрожающий жест.

— А как тебе это понравится? — спросил я, швырнув на стол пачку новеньких кредиток. — А вот это? И это? — Я добавил еще две пачки.

Бутылка выскользнула у него из пальцев и покатилась по полу, а глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит. Я прибавил еще несколько пачек и этим полностью завоевал его внимание.

Уговаривать его не пришлось. Как только он понял, что я не шучу, осталось лишь согласовать детали. Вид денег отрезвил его, и хотя его все время била дрожь, рассуждал доктор вполне здраво.

— И еще, — сказал я, поднимаясь со стула. — Ты расскажешь об этом своей ненаглядной Зине?

— Вы с ума сошли? — с неподдельным изумлением спросил Вульф.

— Я думаю, ты не расскажешь ей. Но если только мы вдвоем будем знать об этой операции, то как ты объяснишь свое отсутствие и источник внезапного богатства?

Это еще больше возмутило его.

— Объяснять? Ей? Да она не увидит ни меня, ни денег, как только я уйду из этого дома. Что произойдет ровно через десять минут.

— Понятно, — сказал я.

Довольно неблагородно с его стороны так относиться к несчастной девушке, которая содержала его с помощью самого древнего в

мире ремесла. Я решил как-нибудь помочь бедняжке. Потом, конечно. Первым делом я должен был проследить, чтобы Джеймс Боливар ди Гриз исчез навсегда.

Не скупясь, я заплатил за все хирургическое и операционное оборудование, заказанное Вульфом. По возможности я старался покупать автоматические приборы, так как ему предстояло работать одному. Загрузив все это во взятый напрокат фургон, мы вместе отправились в загородный дом. Мы оба боялись упускать друг друга из виду, и это понятно. Доверительные отношения не складывались, и труднее всего было решить финансовый вопрос. Этот доктор Вульф решил, что, как только он закончит работу, я тюкну его по черепу и заберу обратно свои деньги. Он и не подозревал, что, пока существуют банки, проблем с наличностью у меня не возникнет. В конце концов я согласился на все его условия, и мы приступили к нашей ответственной работе.

Дом находился в пустынной местности, на вершине утеса на дальнем конце озера. Еду нам привозили раз в неделю вместе с лекарствами и необходимыми медицинскими принадлежностями. Операция началась.

Современная хирургическая техника избавила меня от боли и неприятных ощущений. Я был прикован к постели и иногда накачивался таким количеством транквилизаторов, что дни проходили в сонном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил подбросить таблетку снотворного в стакан Вульфа с безалкогольным напитком. Полнейшее воздержание от спиртных напитков на время всей операции было одним из обязательных условий нашей сделки. Когда это становилось для него невыносимым, я поддерживал его волю с помощью очередной пачки денег. Все это сильно действовало ему на нервы, и я пришел к выводу, что крепкий сон ему не повредит. Мне также хотелось провести небольшое расследование. Убедившись, что доктор заснул, я открыл дверь в его комнату и обшарил ее снизу доверху.

Полагаю, что пистолет он взял просто на всякий случай, но мало ли что может прийти в голову такой неуравновешенной личности. Мне уже надоело изображать из себя мишень. Пистолет был карманного типа, калибр 0,50; небольшая, но опасная штучка. Отлаженный механизм, заряженные патроны, вот только стрелять он больше не будет после того, как я спилил боек.

Найденный фотоаппарат совсем не удивил меня, потому что давно уже не верю в благородство. Вульфу было недостаточно, что я финансировал его, и он на всякий случай решил подготовить материалы для шантажа. На пленках была запечатлена моя внешность до и после операции. Все пленки — даже неотснятые — я положил под рентгеновский аппарат и как следует засветил их.

Пока в голову Вульфа не приходили горестные мысли об отсутствии горячительных напитков и пышнотелых женщин, он отлично справлялся со своими обязанностями. Изогнув и укоротив мои бедра, он изменил мой рост и походку. Руки, лицо, череп, уши — все было переделано, чтобы создать нового человека. Искусное применение определенных гормонов вызвало изменение пигментации, моя кожа и волосы потемнели, изменилась даже сама структура волосяного покрова. Вершиной мастерства доктора Вульфа была кропотливая операция на моих голосовых связках. Голос стал более низким и грубым.

Когда все закончилось, Скользкий Джим ди Гриз умер, а вместо него родился Ханс Шмит. Не совсем оригинальное имя, но я собирался пользоваться им только для общения с доктором Вульфом до того, как я приступлю к реализации моего плана.

— Хорошо, просто замечательно, — сказал я, глядя в зеркало и ощупывая руками чужое лицо.

— Господи, наконец-то я смогу выпить,— простонал Вульф, сидевший позади меня на упакованных чемоданах. В последние несколько дней он пристрастился к медицинскому спирту, пока я не добавил туда моего любимого рвотного порошка. Теперь он не мог дождаться момента, когда сможет как следует напиться. — Давайте оставшиеся деньги, которые мне причитаются, и поехали отсюда.

— Спокойствие, доктор, — ответил я, передавая ему пачку денег.

Сорвав банковскую упаковку, он быстро принялся считать деньги, нежно дотрагиваясь до них пальцами.

— Не стоит терять время, — сказал я ему, но он не обратил на мои слова никакого внимания. — Я позволил себе написать на каждой банкноте «УКГАДЕНА» чернилами, которые начинают светиться, когда в банке их проверяют ультрафиолетом.

Его пальцы замерли, а лицо побледнело. Я предупредил его, чтобы он не волновался — ведь это так влияет на сердце.

— Что значит украдены? — наконец пробормотал он.

— Это значит, что я расплатился с тобой украденными деньгами. — Его лицо стало еще бледнее. Я был уверен, что с таким кровообращением ему не дотянуть и до пятидесяти. — Не волнуйся. Остальные купюры, которые я тебе дал раньше, не помечены. Я уже расплачивался ими раньше без всяких осложнений.

— Но... зачем? — запинаясь, спросил он.

— Законный вопрос, доктор. Точно такую же сумму — с непомеченными кредитками — я отослал твоей старой подружке Зине. Она ведь столько для тебя сделала, надо уметь отдавать долги.

Он не сводил с меня глаз, пока я скидывал с утеса медицинское оборудование. Я старался не поворачиваться к нему спиной, все остальные меры предосторожности были приняты еще раньше. Когда выражение отчаяния исчезло с его лица, а на губах заиграла скрытая усмешка, я понял, что пришло время выложить все до конца.

— Воздушное такси прибудет с минуты на минуту. Мы улетаем вместе. Вынужден тебя огорчить — в Фрейбурбаде у тебя не будет времени, чтобы отыскать Зину и вытрясти из нее деньги, как ты задумал. — Виноватое выражение его лица лишний раз подтвердило, что он еще новичок в подобных делах. Я продолжал, надеясь, что он с благодарностью послушает, как поступают настоящие преступники. — Все рассчитано по минутам. Так получилось, что сегодня из космопорта почти одновременно вылетают два корабля. На одном полечу я, а на другом — ты. Я оплатил твой билет, хотя вряд ли дождусь от тебя благодарности. — Он взял билет с брезгливостью старой девы, дотрагивающейся до мертвой змеи. — Надо торопиться, чтобы скорее смыться, извиняюсь за рифму. Через несколько минут после старта твоего корабля в полицию доставят письмо, в котором описывается твоя роль в операции.

Милый доктор Вульф переваривал информацию, пока мы ждали такси, и, судя по мрачному выражению лица, не мог найти для себя никакой лазейки. В такси он отвернулся к окну и всю дорогу молчал. В космопорту он не попрощался со мной и даже не проклял меня напоследок, а сразу же сел на свой корабль. Я же просто направился к своему, но заходить в него совсем не собирался. У меня не было ни малейшего желания улетать с Фрейбура и тем более сообщать полиции о незаконной операции. Эта маленькая ложь помогла мне спровадить доктора-алкоголика в полет. Его ждало одиночное путешествие к циррозу печени. Мне же было незачем улетать, наоборот, у меня были веские основания, чтобы остаться.

Анжелина все еще находилась на этой планете, и я не хотел, чтобы кто-нибудь помешал мне ее отыскать.

Возможно, это покажется хвастовством, но за это время я хорошо узнал Анжелину. Шарики в наших порочных мозгах вращались в одном направлении. Я чувствовал, что вполне могу предугадать ее дальнейшие действия. Во-первых, она счастлива, что наконец

прикончила меня. Ей трупы доставляют такую же радость, как другим девушкам — новые платья. Теперь, когда она считает меня мертвым, разыскать ее не составит труда. Разумеется, она уже предприняла обычные меры предосторожности против полиции и других агентов Корпуса. Но ведь они не знают, что она на Фрейбуре, моя смерть никак не была связана с Анжелиной. Ей нет смысла убегать отсюда, на этой планете она легко найдет себе подходящий образ и соответствующую внешность. Нет никаких сомнений, что она захочет остаться на Фрейбуре. Такое впечатление, что эта планета специально создана для незаконных операций. Я немало шатался по Вселенной, но такой лакомый кусочек мне еще не попадался. Жуткая смесь старого и нового. В старом, феодальном Фрейбуре с его замками любой незнакомец сразу бы привлек к себе внимание. Современные планеты Лиги с их компьютерами, механизацией, роботами и бдительной полицией тоже не лучшее место для незаконных операций. И только там, где эти две культуры смешиваются, появляется обширное поле деятельности для таких людей, как я.

На Фрейбуре довольно спокойно, вы можете вполне доверять заключению экспертов Лиги. Прежде чем завезти сюда антибиотики и компьютеры, они убедились, что здесь поддерживается должный порядок. Но для смекалистых людей всегда найдется возможность чем-нибудь поживиться. Главное — знать, где искать. Анжелина это знала, и я тоже.

Однако через несколько недель безуспешных поисков до меня наконец дошло, что мы ищем разные вещи. Не могу сказать, что все это время я провел без пользы, так как обнаружил массу возможностей для незаконного обогащения. Если бы не Анжелина, я бы навсегда остался в этом воровском раю. Но мысль об ее местонахождении постоянно мучила меня, как больной зуб.

Видя, что интуиция не помогает, я обратился к научным методам. Арендовав самый лучший компьютер, я загрузил в его блоки памяти целую библиотеку и поставил перед ним массу задач. Израсходовав кучу киловатт-часов энергии, я стал специалистом по экономике Фрейбура, но в поисках Анжелины не продвинулся ни на шаг. В ней бушевала неуемная страсть к власти и контролю, но я понятия не имел, в чем может заключаться ее деятельность. Существовало много возможностей захвата власти на Фрейбуре, но расследование показало, что Анжелина ими не воспользовалась. Король Виллельм IX держал в руках все бразды правления на планете. Полное изучение Виллельма, его семьи и близких королевских родственников вскрыло один сочный скандал, но не обнаружило Анжелину. Я зашел в тупик.

И только когда я стал искать утешение в бутылке, меня вдруг осенило. Паралич нервных клеток в моем пропитавшемся алкоголем теле и стал источником идеи. Только дурак может утверждать, что соображать лучше на трезвую голову. Впрочем, тут все обстояло совсем по-другому. Я уже не думал, а просто дал волю чувствам. Злость к Анжелине приглушила во мне все остальные чувства. Я душил подушку, представляя, что это ее шея, и вдруг воскликнул:

— Она же просто сумасшедшая! Чокнутая! — Когда я обессиленно свалился в постель, все закружилось вокруг в бешеном хороводе, и я пробормотал: — Просто психованная. Я сам должен сойти с ума, чтобы знать, что ей дальше взбредет в голову.

Тут мои глаза закрылись, и я уснул. Мысли медленно просачивались через пропитанный алкоголем мозг и постепенно складывались в стройную систему.

В голове что-то замкнуло, и я сел в постели с широко открытыми глазами, пораженный страшным открытием. Понадобится вся моя сила воли, чтобы сделать это.

Чтобы найти Анжелину, я должен стать сумасшедшим.

Глава 13

При свете холодной утренней зари идея не стала выглядеть более привлекательной, но и не стала менее очевидной. Я стоял перед выбором — делать это или нет. В том, что Анжелина была сумасшедшей, не было никаких сомнений. Все ее поступки отличались полным безразличием к человеческой жизни. Она презирала людей и с удовольствием убивала их. А может, и с равнодушием. Сомневаюсь, чтобы она вела счет своим преступлениям. По сравнению с ней я сопливый новичок. Я никогда не прибегал к убийству, мало того, в моей деятельности в этом не было никакой необходимости.

Да, ди Гриз никогда не убивал! Мне не стыдно признаться в этом, наоборот, — я горжусь. Я всегда трепетно относился к человеческой жизни — величайшей ценности на свете. Анжелина любила только саму себя и свои желания. И больше ничего. Исследуя ее сущность, я мог бы представить образ ее мышления.

По крайней мере, теоретически это не составляло никакого труда. У меня был опыт работы с психотропными наркотиками, и я хорошо представлял себе их действие. За несколько столетий наука изобрела лекарства, которые могли создать у человека любой образ мышления. Есть желание недельку побыть в роли параноика? Достаточно одной таблетки, и вы почувствуете, что это такое. Некоторые принимали эти наркотики, чтобы расслабиться, но я всегда их сторонился. Человека с таким тонким строением серого вещества, как у меня, на это могли толкнуть лишь очень серьезные причины. Например, необходимость найти Анжелину.

Главным качеством этих наркотиков было то, что их действие ограничивалось временными рамками. Стоит лекарству выйти из организма, как все галлюцинации пропадают. По крайней мере, я надеялся на это. Ни в одном рецептурном справочнике не указывалась та смесь, в которой я нуждался. Поистине титаническая работа — искать в справочнике описания всех этих милых привычек Анжелины и находить для них соответствующий препарат. Пришлось даже обратиться за профессиональной помощью, не раскрывая, разумеется, истинной цели моего любопытства. В конце концов передо мной стоял флакончик с мутноватой жидкостью и магнитофон, на котором были записаны соответствующие внушения. Их полагалось слушать в процессе действия лекарства. Оставалось только сделать последний шаг. Впрочем, прежде надо было предпринять кое-какие меры предосторожности. Я снял комнатку в дешевом отеле и попросил, чтобы меня не беспокоили. Я впервые отважился на такой поступок и на всякий случай оставил записку на видном месте. Приготовления заняли у меня несколько часов, и наконец я понял, что просто тяну время.

— Не так-то просто стать сумасшедшим по своей воле, — сказал я своему бледному отражению в зеркале. Отражение согласно кивнуло, и мы оба закатали рукава и приготовили шприцы. — Будь что будет, — произнес я, введя иглу в вену, и до упора нажал на поршень шприца.

Результат поразил меня, если этими словами можно передать мое разочарование. В ушах зазвенело, в затылке появилась боль, но все это быстро исчезло, и я чувствовал себя, как и прежде. Я понял, что надо чем-то заняться, и стал читать газету, пока не устал. Мне стало скучно. Я отправился спать, включив магнитофон, который нашептывал мне в уши непреложные истины: «Ты самый умный, самый лучший, и горе тому, кто в этом сомневается» или «Умнее тебя нет никого на свете, а все остальные — дураки».

Наушники врезались в уши, не давая заснуть, вкрадчивый голос вывел меня из терпения. Ничего не изменилось, эксперимент сорвался, и неудача разозлила меня. Я сломал наушники, и мне стало легче, потом скомкал магнитофонную ленту и совсем успокоился.

Уже несколько дней я не брился и основательно зарос щетиной. Намазав щеки кремом, я заглянул в зеркало и обомлел. Новое лицо подходило мне лучше, чем старое. Из-за родовой травмы или уродства родителей — я ненавидел их за то, что, кроме как родить меня, они ничего полезного не сделали, — лицо не соответствовало моей личности. Новое лицо было гораздо лучше. Более красивое и более мужественное. Я должен был поблагодарить за этот шедевр доктора Вульфа. Поблагодарить пулей. Чтобы он никогда не навел на меня полицию. Наверное, в тот день стояла жара и у меня был солнечный удар, раз я позволил ему уйти живым.

На столе лежал листок бумаги с одним-единственным словом, написанным моим почерком. Я никак не мог припомнить, зачем его там оставил. «Анжелина» было написано на нем. Анжелина! С каким удовольствием я сжал бы ее нежное белое горло руками и душил до тех пор, пока у нее не вылезли бы глаза. Ха! Я засмеялся, представив себе эту картину. Впрочем, нельзя подходить к такому важному делу столь легкомысленно. Я обязан найти ее, и ничто меня не остановит. Она обвела меня вокруг пальца и хотела убить. Она, безусловно, заслуживала смерти. Жаль, конечно, губить такой талант, но что поделаешь. Я разорвал листок на клочки.

Вдруг я почувствовал, что стены и потолок комнаты давят на меня, и решил поскорее выйти. Я пришел в бешенство, когда не обнаружил ключа. Я помнил, что вытащил его из двери, но куда дел — забыл. Когда дежурный портье наконец-то поднял трубку, я хотел высказать ему все, что думал об их отеле, но воздержался. С подобными типами надо разговаривать при помощи кулаков. Пневмотруба выплюнула запасной ключ, и я наконец вышел из комнаты. Мне нужно было поесть, выпить и поразмышлять в спокойной обстановке.

В ближайшей забегаловке я нашел все, что нужно, после того, как выгнал оттуда всех проституток. Жалкие существа! Анжелина в своей роли выглядела в сто раз лучше, чем все это стадо вместе взятое. Анжелина. Я думал лишь о том, как отомстить ей. Выпивка согрела желудок, а мысли об Анжелине — душу. Неужели я действительно когда-то хотел передать ее полиции или даже убить? Как я мог? Никогда еще я не встречал такой умной женщины. А как она выглядела в том платье! Разве можно такое забыть? Приручить бы ее чуть-чуть, и мы бы составили с ней чудесную пару! От этой мысли я покраснел и залпом осушил стакан.

Я должен был отыскать ее. Она ни за что не улетит с такой планеты, как эта. Девушка с ее амбициями здесь может легко

достигнуть желаемого. Это именно то место, где она должна находиться. Очевидно, она всегда жалела, что родилась женщиной. Зная, что она выше толпы, она снова и снова доказывала это себе и всем остальным. Своим появлением я оказал Анжелине неоценимую услугу. Стыдно вспомнить — я вел себя как неотесанный болван. Покончив со мной, Анжелина могла расслабиться и спокойно заняться своими делами. Кроме меня, ей больше никто не мог угрожать.

Вдруг мною овладело какое-то смутное беспокойство. Я напряг память и понял. Действие укола заканчивалось! Нужно срочно возвращаться в отель. Надо же, а раньше я боялся, что это опасная штука, а на самом деле — этот наркотик безвреднее аспирина. Но в то же время — лучше него нет ничего во всей Галактике. Передо мной открылись безграничные возможности, мозг прояснился, а мысли стали логичными. Никогда больше не вернусь в прежнее состояние, когда в голове царит вечная путаница.

Заплатив бармену, я нетерпеливо постукивал пальцами по стойке, пока он медленно отсчитывал сдачу.

— Умнее всех, что ли? — громко сказал я, чтобы все присутствующие меня услышали. — Если клиент спешит, значит, нужно его обсчитать? Не хватает двух гильденов.

Я держал деньги на ладони, а когда он наклонился, чтобы пересчитать их, я заехал ему по физиономии. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я высказал все, что о нем думаю. Во фрейбурском сленге полно оскорбительных выражений, и я выбрал самые сочные из них. Жаль, что я торопился, а то бы преподал ему хороший урок. Повернувшись, я уже собрался уходить, продолжая следить, что творится за моей спиной, в зеркале, висящем напротив. Я поступил правильно. Бармен достал из-под стойки здоровенный обрезок трубы и занес над моей головой. Я стоял неподвижно, представляя собой замечательную мишень, но когда его рука пошла вниз, сделал шаг в сторону, и труба прошла в миллиметре от меня.

Тогда я схватил его за руку и просто сломал ее о стойку бара. От его воплей на душе у меня полегчало. Стоило, конечно, сломать что-нибудь еще, чтобы он заорал как следует, но меня поджимало время.

— Видели, как он подло напал на меня? — спросил я у ошеломленных посетителей, продвигаясь к двери. Из-за стойки доносились приглушенные стоны бармена. — Я схожу за полицией. Присмотрите, чтобы он никуда не убежал.

Разумеется, он так же хотел убежать, как и я сообщить в полицию. Я уже был далеко, прежде чем посетители сообразили, что же произошло на самом деле.

Я не мог бежать, чтобы не привлекать к себе внимания. Направляясь в отель быстрой походкой, я весь взмок от напряжения. В комнате я первым делом посмотрел на стол, где стоял флакончик и лежал завернутый в марлю шприц. Огромным усилием воли я сдержал дрожь в руках.

Рухнув после укола в кресло, я схватил флакончик и увидел, что жидкости там осталось на донышке. Надо было срочно пополнить запасы наркотика. Я хорошо запомнил формулу и без труда мог приготовить очередную порцию. Правда, аптеки в этот час закрыты, но это лишь облегчало работу. Историки утверждают, что оружие изобрели раньше, чем деньги. В чемодане у меня лежал пистолет 0,75-го калибра, при помощи которого я мог приобрести гораздо больше, чем на все деньги Галактики.

Это была моя ошибка. У меня появились какие-то смутные предчувствия, но я решительно отмел их. Видимо, после укола я сильно расслабился. Я хотел поскорее раздобыть необходимые компоненты и быстро вернуться в отель. Размышляя, как получше мне это провернуть, я открыл чемодан и протянул руку к лежащему поверх одежды пистолету. Внутренний голос мне что-то говорил, но я не обратил на него внимания. Что-то было не так... Я уже схватился за рукоятку пистолета, когда в мозгу у меня прояснилось. Но это случилось слишком поздно.

Отшвырнув пистолет, я кинулся к двери, но не успел выскочить. Позади разорвалась граната с сонным газом, которую я сам положил под пистолет. Уже проваливаясь в сон, я продолжал удивляться своей собственной глупости...

Глава 14

Придя в себя после действия газа, я испытал огромное сожаление. В самом деле, наш мозг всегда удивляет нас. Действие моего дьявольского зелья прошло. Память заработала, когда я убрал постгипнотическую блокировку. Все подробности моего сумасшествия всплыли в памяти. Хотя эти воспоминания вызывали у меня тошноту, одновременно я сожалел, что больше не вернусь в подобное состояние. Тогда я чувствовал ни с чем не сравнимую свободу, и жизнь других людей ничуть не волновала меня. Извращенное, но чрезвычайно приятное чувство. Привыкаешь, как к

наркотикам. Чувствуя отвращение, я испытывал желание повторить все сначала.

Несмотря на двенадцать часов вынужденного сна, я чувствовал себя полностью разбитым. Мне пришлось собрать все силы, чтобы добраться до постели. Я налил себе стакан виски из предусмотрительно припасенной бутылки. Потягивая стимулирующую жидкость, я старался привести в порядок свои мысли, а это была задача не из легких. Я много читал о темных желаниях, лежащих в нашем подсознании, а теперь и сам столкнулся с этим. Теперь пора проанализировать кое-какие мысли, которые выплыли на поверхность.

Стоит наконец разобраться в моем отношении к Анжелине. Нужно признаться, что я испытывал к ней сильное влечение. Любовь? Может, и любовь, называйте это, как хотите, но только не юношеская страсть. Я не закрывал глаза на ее недостатки. Наоборот, я еще больше возненавидел их, когда узнал, как ее убийственно аморальная сущность отражается на моем сознании. Но логика и здравый смысл не имеют ничего общего с эмоциями. С одной стороны, я ее ненавидел, а с другой — никак не мог отделаться от влечения к личности, столь похожей на меня. Во мне заговорили низкие инстинкты — какая бы из нас получилась пара! Разумеется, это невозможно, но кто запретит мне мечтать об этом? Говорят, часто любовь и ненависть стоят рядом, так вот это был тот самый случай. Анжелина была чертовски привлекательной женщиной. Я сделал изрядный глоток виски.

Теперь я легко найду Анжелину. Мне даже стало не по себе от такой уверенности. За время помрачения моего ума я не узнал о ней ничего нового, однако уяснил, в какую сторону у нее сдвинуты мозги. Ее тянуло к власти, но вряд ли, действуя через короля, она могла добиться исполнения своих желаний. Теперь я это понял. Она предпочитала перевороты, убийства, заговоры и прочие беспорядки. Так случалось в старые времена, когда верховную власть на Фрейбуре захватывали силой. Корону мог получить любой представитель дворянства, и стоило королевской хватке чуть ослабнуть, как в результате дворцового переворота возникал новый монарх. Но все это происходило до того, как на Фрейбуре поработали специалисты — социологи из Лиги.

Мне стало ясно, что старые времена скоро вернутся. Чтобы удовлетворить свои амбиции, Анжелина была готова утопить этот мир в крови, посеять вражду и смерть. Теперь она готовила кого-то для этой работы. Какого-нибудь эгоистичного вельможу, который еще играл важную роль в полуфеодальном Фрейбуре и мечтал за-

нять трон. Анжелина уже применяла подобный метод и, несомненно, воспользуется им еще раз.

Неясно было только одно. Кто этот человек?

После подобных погружений в глубины самоанализа во рту у меня стало так гадко, что даже алкоголь не помог избавиться от этого неприятного ощущения. Надо было как следует встряхнуться и разогнать застоявшуюся кровь. Выслеживая ставленника Анжелины, я как раз успокою свои нервы и подзаряжусь энергией. Подумав об этом, я сразу же воспрянул духом и, схватив газету, стал изучать светскую хронику. Через два дня должен был состояться Большой Бал. Чудесное прикрытие для задуманной операции.

Эти два дня я посвятил решению кое-каких задач, чтобы довести свой план до совершенства. На каждом королевском приеме обязательно присутствует болван, который учиняет какой-нибудь скандал, коего с нетерпением ждут все присутствующие. Только человек с такими яркими талантами, как у меня, может создать такой образ. Порывшись в справочниках, я нашел себе родину — отдаленную провинцию, где единственным богатством был местный диалект, над которым потешались фрейбурские шутники. Из-за этого население Мистельдросса отличалось драчливостью и невероятным упрямством. Тамошних дворян никто не знал, и это давало мне возможность присвоить себе имя графа Бента Дибстола. На местном диалекте мое фамильное имя переводилось как «бандит» или «сборщик налогов» и давало представление о тамошней экономике и происхождении родового титула. Пока военный портной подгонял мой сшитый на заказ мундир, я заучивал свою скучную биографию, отмечая места, которые смогут развеселить присутствующих.

Затем я послал увесистую пачку денег покалеченному бармену — ведь теперь бедняга работал с загипсованной рукой. Он действительно обсчитал меня, но понес за это слишком суровое наказание. Успокоив таким образом совесть, я почувствовал себя гораздо лучше.

Полуночный визит в королевскую типографию обеспечил меня приглашением на бал.

Когда я одним из первых появился во дворце, мундир сидел на мне как влитой, а сапоги ослепительно сверкали. Королевская кухня пользовалась заслуженной репутацией, а предстоящая работа раздразнила мой аппетит. Грохоча саблей и шпорами — на Фрейбуре подобным аксессуарам еще уделяли большое внимание, — я склонился в поклоне перед королем и смотрел ему в глаза, пока тот пытался произнести какую-то нечленораздельную

фразу. Его стеклянные глаза тускло блестели, что подтверждало слухи о том, что на каждый прием он приходит уже в стельку пьяный. Он ненавидел подобные сборища и предпочитал копаться со своими жуками, поскольку был энтомологом-любителем и знал в этом деле толк. Затем я подошел к королеве, которая была моложе его лет на двадцать и обладала весьма пышными формами. Ходили слухи, что ей до смерти надоели всякие жуки и она предпочитает гомо сапиенс. Я решил проверить это утверждение, пожав ей руку чуть сильнее, чем требовалось. В ответ я получил такое же пожатие и заинтересованный взгляд. После чего я направился к буфету.

Пока я ел, гости продолжали прибывать. Наблюдая за ними, я усердно поглощал яства и перепробовал все вина. Я уже насытился, когда все остальные только приступили к трапезе, и принялся ходить среди толпы. Особое внимание я обращал на женщин, которым это явно нравилось, потому что мое лицо и щегольской мундир выделяли меня среди остальных. Я, конечно, не рассчитывал сразу же обнаружить Анжелину, но решил не упускать ни малейшей возможности. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но стоило мне только поговорить с ними, как становилось ясно, что эти типичные представительницы голубой крови не имели ничего общего с моей космической разбойницей. Моя задача облегчалась тем, что все местные красавицы явно страдали ожирением, в то время как Анжелина была гибкой и стройной. Я снова направился к бару.

— Следуйте за мной! Именем короля! — прогнусавил мне в ухо чей-то голос, и меня грубо схватили за рукав.

Обернувшись, я свирепо посмотрел на типа, вцепившегося в мой мундир.

— Отпусти рукав, а то я разобью твою дурацкую рожу, — выдал я на сочном мистельдроссианском диалекте.

Он отдернул руку, будто дотронулся до раскаленной плиты, и покрылся красными пятнами.

— Вот так-то лучше, — добавил я. — Кто меня хочет видеть? Король?

— Ее величество королева, — пробормотал он.

— Отлично. Я и сам хотел с ней повидаться. Показывай дорогу.

Я прокладывал себе путь через толпу, а мой новый приятель семенил позади, тщетно пытаясь обогнать меня. Дойдя до группы придворных, окружавших королеву Хейду, я остановился, пропуская его вперед, и он, задыхаясь и вытирая лоб, представил меня королеве.

— Ваше величество, это барон...

— Граф, а не барон, — перебил я его на своем наречии. — Граф Бент Дибстол из бедного провинциального рода, чей титул несколько веков назад у нас обманом забрали негодяи и мошенники князья.

Я сурово взглянул на своего проводника, будто он был главным виновником, и он снова покраснел.

— Что это у вас за награды? — спросила королева низким голосом, напомнившим мне мычание коровы на лугу.

Она указала на мою широкую грудь, увешанную побрякушками, которые я купил сегодня утром у одного антиквара.

— Это галактические награды, ваше величество. Младший сын провинциального дворянина, обнищавшего в результате подлого заговора, не мог рассчитывать на продвижение по службе здесь, на Фрейбуре. Поэтому я решил провести лучшие годы своей жизни в Звездной Гвардии, участвуя в космических битвах и сражениях. Но вот этой медалью я действительно могу гордиться... — Перебирая пальцами позвякивающие железяки, я наткнулся на невзрачную штуковину, украшенную блестящими кометами. — Это Галактическая Звезда, самая почетная награда в Гвардии.

Я любовно посмотрел на медаль. Это действительно был гвардейский значок, выдаваемый то ли за выслугу лет, то ли за проявленное усердие на кухонных работах.

— Великолепная награда, — сказала королева.

В медалях она разбиралась не лучше, чем в нарядах, но чего можно ожидать на этой отсталой планете.

— Действительно. Мне бы не хотелось рассказывать, за что я ее получил, но если ваше величество прикажет... — застенчиво сказал я.

Я бессовестно врал им о своих подвигах, а они слушали раскрыв рты. Я надеялся, что на следующий день обо мне начнут сплетничать и кое-что может дойди до Анжелины, где бы она ни пряталась. Вспомнив о ней, я почувствовал, как мое вдохновение иссякает, и, извинившись перед слушателями, вернулся в бар.

Остаток вечера я провел, рассказывая о своих замечательных подвигах каждому, кто попадал в поле моего зрения. Большинство из них слушали с удовольствием, смеясь надо мной. Единственный, кто не получил от этого удовлетворения, был я сам. Если сначала мой план казался мне хорошим, то теперь я полностью в нем разочаровался. Я мог месяцами вращаться в дворцовых кругах без всякой надежды найти след Анжелины. Надо было ускорить этот процесс. В голове у меня засела одна мысль, но она граничила с безумием. Один неверный шаг, и меня либо убьют, либо навсегда отлучат от королевского двора. С последним я еще как-нибудь смогу

смириться, хотя это затруднит поиски моей драгоценной беглянки. Чтобы избавиться от сомнений, я бросил монетку, и, конечно, выпало то, что я загадал, так как еще до броска прижал ее пальцем к ладони. Пора было приступать к активным действиям!

Еще до прихода сюда я рассовал по карманам несколько мелочей, которые могли пригодиться на приеме. Одна из них гарантировала мне великолепный предлог, чтобы приблизиться к королю. Сунув эту штуковину в карман, я наполнил вином самый большой бокал и стал слоняться по полутемным переходам в поисках своей жертвы.

Если на приеме король Виллельм уже появился пьяным, то сейчас казался полностью парализованным. Думаю, сзади в его белую королевскую мантию был вшит стальной стержень, потому что, могу поклясться, собственный позвоночник его уже не держал. Но он продолжал пить, качаясь из стороны в сторону, а его голова, казалось, вот-вот отвалится. Его окружала куча стариков, предававшихся воспоминаниям о былых временах. Стоило мне подойти поближе, как они стали бросать на меня уничтожающие взгляды. Я был выше их ростом и ярче одет, поэтому, когда король наткнулся на меня взглядом, он стал медленно поворачивать голову в мою сторону. Один из старцев уже встречался со мной и был вынужден представить меня королю.

— Очень рад познакомиться с вашим величеством, — пьяным голосом пробормотал я. Король даже не заметил этого, но все остальные недовольно поморщились. — Я в некотором роде и сам энтомолог и, простите за выражение, хотел бы следовать по вашим королевским стопам. Полагаю, на Фрейбуре надо уделять большее внимание формениферам, лепидоптерам и другим видам. Они заслуживают большего уважения. Надо почаще использовать их изображения на флагах, в геральдике...

Я продолжал нести всякую чушь и заметил, как присутствующие стали проявлять нетерпение. Король, который едва ли улавливал одно слово из десяти, устал кивать, и его внимание стало рассеиваться. Старички не знали, как им избавиться от пьяного. Кто-то взял меня за локоть, и тогда я выложил козырную карту.

— Думаю, это заинтересует ваше величество, — пробормотал я, шаря в кармане. — Этот уникальный экземпляр я хранил долгие световые годы и хочу, чтобы он занял достойное место в вашей королевской коллекции.

Вытащив плоскую пластиковую коробочку, я сунул ее королю под нос. Он с трудом сфокусировал на ней свои водянистые глаза и тихо ахнул. Остальные тоже сгрудились вокруг меня, и я дал им

возможность несколько секунд полюбоваться великолепным экземпляром.

Должен сказать, что это был великолепный жук. Правда, он не путешествовал со мной через долгие световые годы — я сделал его сегодня утром. Большинство частей было от других насекомых, а там, где природа сплоховала, я восполнил этот недостаток кусочками пластмассы. Тело жука было размером с ладонь, с тремя рядами разноцветных крыльев. Снизу крепилось множество ног, взятых, по крайней мере, у дюжины других насекомых. От внимания окружающих не ускользнули такие детали, как массивное жало, три глаза и хвост в виде штопора. Я специально сделал коробочку из цветного пластика, чтобы скорее скрыть, чем подчеркнуть детали.

— Посмотрите получше, ваше величество, — сказал я, раскрывая коробочку.

Мы оба покачивались из стороны в сторону. Держа в одной руке и бокал, и коробочку, я другой рукой вытащил монстра. Я сжал его большим и указательным пальцами, а король нагнулся, расплескивая вино из своего бокала. В этот момент я сделал неуловимое движение большим пальцем, и жук, как живой, нырнул в королевский бокал.

— Спасите его! Спасите его! — заорал я. — Это редчайший экземпляр.

Сунув пальцы в бокал короля, я принялся вылавливать жука. Вино пролилось на золоченые манжеты Виллельма. Толпа ахнула, послышались злые голоса. Кто-то грубо схватил меня за плечо.

— А ну-ка, убери свои грязные лапы, — закричал я, сбрасывая руку.

Насекомое выскользнуло у меня из пальцев, шлепнулось на королевскую грудь и стало медленно сползать, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Наверное, я пользовался клеем низкого качества. Пытаясь спасти жука, я опрокинул свой бокал с вином на королевскую мантию. Толпа загудела.

Король, однако, отнесся ко всему довольно спокойно. Раскачиваясь, как дерево в бурю, он смог пробормотать лишь: «Я говорю... Я говорю...» Он даже не проявил никакого неудовольствия, когда, вытирая носовым платком вино с его груди, я, как бы случайно, наступил ему на ногу. Толпа окружила меня. Кто-то схватил за руку, но я вырвался, стукнув короля Виллельма IX в его монаршью грудь, и от удара его королевская вставная челюсть выпала на пол. Тут такое началось...

Все старички разбежались кто куда. Молодые дворяне встали на защиту своего короля, и мне пришлось показать им пару приемчиков, которым я научился на других планетах. Недостаток техники они восполняли избытком энергии, и началось настоящее столпотворение. Женщины визжали, мужчины ругались, а короля унесли на руках. Тут мои дела пошли совсем плохо, хотя я давал не меньше, чем получал сам.

Последнее, что осталось в моей памяти, это то, как несколько человек держали меня, а один бил изо всех сил. Я саданул ему по физиономии ногой, но меня скрутили, и в глазах у меня потемнело.

Глава 15

Несмотря на мое грубое поведение, тюремщики обращались со мной вежливо. А я по мере сил мешал им выполнять свою работу. Не для того я добровольно сел в тюрьму, чтобы стать образцовым заключенным. Я здорово рисковал, сыграв такую шутку с королем. Оскорбление королевской особы относится к тем преступлениям, которые обычно караются смертью. К счастью, темный Фрейбур уже пропитался цивилизованностью Лиги, и местные власти из кожи вон лезли, чтобы показать свою приверженность законам. Но я упрямо стоял на своем. Когда мне приносили еду, я проглатывал ее, а тарелки демонстративно разбивал, протестуя против незаконного ареста.

Крючок с наживкой был заброшен. Я хотел создать себе соответствующую рекламу, и все мои синяки были лишь малой платой за подобное удовольствие. Несомненно, обо мне говорили. Говорили, как о предателе своего класса, неистовом драчуне, нарушителе спокойствия, каким-то чудом появившемся в этом тихом мире. Короче говоря, таких людей ненавидят добропорядочные жители Фрейбура, но именно таким человеком должна была заинтересоваться Анжелина.

Несмотря на кровавое прошлое Фрейбура, здесь почти не осталось настоящих мужчин. В низших сословиях их по-прежнему хватало — в портовых трактирах кишмя кишели обезьяноподобные личности с пудовыми кулаками и мозгами размером с горошину. Анжелина могла найти там любых добровольцев. Но одни лишь штурмовые отряды не помогут ей добиться победы. Ей нужны союзники и помощники из высшего сословия, а, судя по моим наблюдениям, на Фрейбуре людей с такими талантами не густо. Поэтому я и постарался показать все свои качества, которые могли ее заинтересовать, причем сделал это так, чтобы она не заподозри-

ла, что весь этот спектакль разыгран специально для нее. Западня была открыта, и я ждал, когда в нее попадется птичка.

В замке загремел ключ.

— К вам посетители, граф Дибстол, — сказал охранник, открывая решетчатую дверь.

— Пусть катятся ко всем чертям! — заорал я. — Я не хочу никого видеть на вашей гнусной планете!

Не обращая внимания на мою просьбу, он впустил в камеру начальника тюрьмы и двух престарелых типов в черных одеяниях с мрачными лицами. Я демонстративно отвернулся. Они подождали, пока охранник уйдет, а затем самый худой из них открыл папку и двумя пальцами вытащил оттуда листок бумаги.

— Я не собираюсь подписывать прощальную записку самоубийцы, чтобы вы потом прихлопнули меня во сне, — грубо сказал я.

Он слегка опешил, но постарался не обращать внимания на мои слова.

— Несправедливое заявление, — торжественно произнес он. — Я королевский прокурор и никогда не прибегаю к подобным мерам.

Все трое одновременно кивнули, как будто их дернули за веревочки. Эффект был настолько поразительным, что я тоже чуть не кивнул.

— Добровольно я не расстанусь с жизнью, — быстро повторил я. — Это мое последнее слово.

Но королевского прокурора, немало повидавшего на своем веку, трудно было сбить с толку. Кашлянув, он зашелестел бумагами.

— Вас обвиняют в совершении серьезных преступлений, молодой человек, — забубнил он, изобразив на лице скорбную маску. Я безразлично зевнул. — Однако я надеюсь, что вас не предадут суду, — продолжал он, — ибо это причинит вред другим лицам. Сам король заинтересован в этом, он искренне желает закончить дело мирным путем. Я пришел сюда, чтобы исполнить его желание. Подпишите эту просьбу о прощении, и вас посадят на корабль, сегодня вечером вылетающий с Фрейбура. С вас будут сняты все обвинения.

— Хотите избавиться от меня, чтобы скрыть пьяные драки, которые происходят во дворце? — презрительно спросил я.

Лицо королевского прокурора покрылось багровыми пятнами, но он сдержал себя. Если меня вышвырнут с планеты, все мои усилия пойдут прахом.

— Ваши речи оскорбительны, сэр! — возразил он. — Не забывайте, что вы и сами в этом замешаны. От чистого сердца предлагаю вам принять снисходительность его королевского величества и подписать. — Он протянул мне бумагу, но я разорвал ее на клочки.

— Чтобы я еще извинялся? Никогда! — закричал я. — Я защищал свою честь от пьяниц и воров, потомков тех, кто лишил мой славный род его законных прав!

Тогда они ушли, причем начальнику тюрьмы, как самому молодому из всех, я показал дорогу пинком в зад. Все шло по плану. Дверь с лязгом закрылась, и я — мятежный и воинствующий сын земли Фрейбурской — остался сидеть в камере. Я сделал все возможное, чтобы привлечь внимание Анжелины. Если же она не заинтересуется мною, я рискую провести остаток дней в этих мрачных стенах.

Ожидание всегда плохо действовало мне на нервы. Я могу предаваться размышлениям в спокойные моменты, но по натуре я — человек действия. Одно дело приготовить план и смело претворять его в жизнь. Совсем другое — сидеть в сырой тюремной камере и размышлять, сработает ли план и не вкралась ли какая ошибка в расчеты.

Может, сбежать отсюда? Дело нетрудное, но я решил воспользоваться этим лишь в самом крайнем случае. Выйдя на свободу, мне придется скрываться, и Анжелина не сможет вступить со мной в контакт. От нетерпения я сгрыз на руках все ногти. Следующий шаг должна сделать Анжелина, мне же оставалось терпеливо ждать. Я надеялся, что она примет правильное решение, проанализировав мои неистовые выходки.

Через неделю я стал потихоньку сходить с ума. Королевский прокурор больше не показывался, и мне никто не предъявлял никаких обвинений. Они не знали, что со мной делать, и надеялись, что я сбегу из тюрьмы. Что я уже и был готов сделать. Выйти из этой убогой тюрьмы не составляло никакого труда. Но я ждал весточки от моей любимой преступницы. Я проигрывал в голове различные варианты. Может, она окажет какое-нибудь давление на нужных людей при дворе, и меня освободят? Или передаст напильник, чтобы я выбрался отсюда своими силами. Эта возможность казалась мне наиболее подходящей, и каждый раз я с нетерпением разламывал хлеб, надеясь отыскать что-нибудь внутри. Однако ничего не находил.

На восьмой день Анжелина сделала свой ход в наиболее привычной для нее манере. Ночью я проснулся от какого-то странного предчувствия. Никакого шума не было слышно, и я на цыпоч-

ках подошел к двери и через решетчатое окошко увидел приятную картину. В конце коридора на полу валялся ночной охранник, а над ним стоял человек в черном, сжимая в мускулистой руке увесистую дубинку. Затем появился второй человек в таком же одеянии, и они вдвоем потащили охранника к моей камере. Один из них вытащил из кармана кусок красной ткани и вложил его в бесчувственные пальцы охранника. Когда они подошли к моей камере, я отскочил от двери и бесшумно нырнул под одеяло.

В замке заскрежетал ключ, и в камере зажегся свет. Я сел в кровати, моргая, будто только что проснулся.

— Кто вы? Что вам надо? — спросил я.

— Быстро вставайте и одевайтесь, Дибстол. Мы освободим вас, — сказал головорез, сжимая в руке дубинку.

Я задумчиво почесал подбородок, затем спрыгнул с кровати и прижался спиной к стене.

— Убийцы! — зашипел я. — Так вот что придумал подлый король Вилли? Хотите накинуть мне на шею петлю, а потом заявить, что я сам повесился? Что ж, без боя я не сдамся!

— Не будьте идиотом! — прошептал мужчина. — И не надо орать. Мы пришли, чтобы освободить вас. Мы — друзья.

Еще двое в черном вошли в камеру, а в коридоре мелькнул четвертый.

— Друзья? — закричал я. — Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за это преступление!

Человек из коридора что-то прошептал остальным, и они направились ко мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это был мужчина невысокого роста, если это только был мужчина. Одежда на нем висела свободно, а на голову был натянут чулок. Анжелина как раз такого роста. Но прежде чем я успел что-нибудь рассмотреть, головорезы набросились на меня. Я врезал одному в живот и отскочил в сторону. Но в тесной камере преимущества были на их стороне. Я был бос и без оружия, а они не стеснялись использовать свои дубинки. Я с трудом сдержал улыбку, когда они повалили меня на пол.

Я для вида сопротивлялся, когда они тащили меня туда, куда я и стремился попасть.

Глава 16

От полученных ударов в голове у меня шумело, но когда один из них раздавил у меня под носом ампулу с каким-то зельем, я потерял сознание. Поэтому я понятия не имел, долго ли меня везли и в

какой части Фрейбура нахожусь. Мне, наверное, ввели антидот, потому что первым, кого я увидел, был костлявый тип со шприцем в руке. Он поднял мне веко, и я отбросил его руку.

— Собираешься пытать меня перед смертью, свинья! — закричал я, вспомнив свою роль.

— Не беспокойтесь, — раздался позади меня низкий голос, — вы среди друзей. Среди тех, кто так же, как и вы, выступает против существующего режима.

Голос совершенно не был похож на голос Анжелины. Как и его владелец, тучный мужчина с кислым лицом. Врач выскользнул из комнаты, оставив нас одних, и я подумал, что мой план провалился. Этот толстяк с маленькими глазками и массивной челюстью мне кого-то напоминал — приглядевшись, я узнал в нем одного из представителей фрейбурского дворянства. Глядя на это уродливое лицо, я попытался вспомнить, кто он такой.

— Рденрандт... Граф Рденрандт, — сказал я, припоминая, что я о нем читал. — Если бы вы не были первым кузеном его величества, может, я вам бы и поверил. Трудно представить, что вы можете украсть из королевской тюрьмы человека для своих собственных целей...

— Какая разница, что вы там себе представляете, — злобно огрызнулся он. Он легко терял контроль над собой, но все же взял себя в руки. — Хоть Виллельм и является моим кузеном, это не значит, что я считаю его достойным правителем планеты. Вы много говорили о ваших правах, которых когда-то лишили ваш род. Это действительно так или вы просто очередной придворный болтун? Подумайте, прежде чем ответить — вам предстоит сделать важный шаг. Есть люди, которые, как и вы, жаждут перемен.

Мне надо было сыграть роль импульсивного энтузиаста, преданного друга или смертельного врага. Схватив его руку, я принялся трясти ее изо всех сил.

— Если вы говорите правду, то вы приобрели соратника, готового идти с вами до самого конца. Но если вы лжете и это очередная королевская уловка, тогда, граф, приготовьтесь сражаться!

— Незачем сражаться, — сказал он, с трудом освобождая свою руку. — По крайней мере, друг с другом. Впереди нас ждет трудная дорога, и нам надо ценить взаимное доверие. — Он хрустнул пальцами и хмуро посмотрел в окно. — Искренне надеюсь, что на вас можно положиться. Фрейбур теперь не похож на тот мир, которым правили наши предки. Лига превратила наших людей в сопляков. Не на кого положиться.

— А те головорезы, которые вытащили меня из тюрьмы? Они ведь неплохо справились с работой.

— Они могут работать только мускулами! — Он плюнул на пол и нажал кнопку на ручке кресла. — Мозгов у них ни на грамм. Таких я могу найти сколько угодно. А мне нужны люди, которые могут помочь мне привести Фрейбур к светлому будущему.

Я не стал упоминать о человеке, который руководил головорезами прошлой ночью. О том, что стоял в коридоре. Если Рденрандт не собирался упоминать об Анжелине, мне тоже лучше молчать. Раз уж ему так хотелось удостовериться, что мозги у меня работают, я решил ему немного подыграть.

— Это вам пришло в голову сунуть в руку охранника обрывок мундира? Прекрасная мысль.

Прищурившись, он внимательно посмотрел на меня.

— А вы наблюдательны, Бент.

— Дело привычки, — ответил я, одновременно пытаясь изобразить скромность и самодовольство. — Этот кусок материи с пуговицей в руке охранника выглядел так, будто его оторвали в драке. Материал красного цвета, а ваши люди, как я заметил, были одеты во все черное. Вы решили сбить всех с толку...

— Я не могу нарадоваться, что вы решили присоединиться к нам, — сказал он, обнажив неровные зубы. Очевидно, он считал, что именно так выглядит улыбка. — Как вы знаете, люди старого князя носят красную форму...

— А старый князь является главным помощником Виллельма IX, — закончил я за него. — Вам совершенно не повредит, если он выйдет из доверия короля.

— Совершенно, — повторил Рденрандт, снова демонстрируя свои кривые зубы.

Мне он уже порядком надоел. Но уж если его выбрала Анжелина своим ставленником, значит, лучшего нельзя было найти. Но вряд ли такой самодовольный тупица обладал достаточным воображением, чтобы по достоинству оценить все замыслы Анжелины. Хотя, думаю, ей нужны были его деньги и титул. Снова мне стало интересно, где же сама Анжелина?

Что-то загрохотало в дверях, и я подпрыгнул от неожиданности. Но это был всего лишь робот, так гремевший и скрипевший, что я удивился, как он вообще функционирует. Граф приказал монстру отправиться к стойке бара, и когда робот повернулся, я увидел, что у него из плеча торчит труба. В воздухе чувствовался запах дыма.

— Он что... работает на угле? — удивился я.

— Именно, — ответил граф, наполняя бокалы. — Прекрасный пример, до чего довело нашу экономику правление Виллельма Безмозглого. В столице, разумеется, таких роботов не встретишь!

— Надеюсь, — сказал я, тараща глаза на клубы дыма, извергаемые механизмом. Весь корпус робота был покрыт пятнами ржавчины и угольной пыли. — Конечно, я долго отсутствовал... Все меняется...

— Не так быстро! И перестаньте тут строить из себя галактического аристократа, Дибстол. Я был в Мистельдроссе и видел, как живут в вашем захолустье. У вас вообще нет роботов, даже таких. — Граф злобно пнул робота, и тот зашатался. Чтобы не упасть, он открыл свои клапаны и направил поток пара в ножные поршни. — Скоро уже двести лет, как Лига выкачивает с планеты все богатства, а нас держит на привязи — и ради чего? Чтобы король Фрейбурбада купался в роскоши. А сюда они присылают только системы управления и мозги роботов. Остальное приходится делать самим — вот и получаются такие уродливые монстры. Странные у них понятия о прогрессе!

Он осушил свой бокал. Я не стал объяснять ему основы галактической торговли, престижа различных планет и множественных уровней межкоммуникаций. Эта затерянная планета тысячу лет развивалась вне галактической культуры, пока с ней не установили контакт после периода Распада. Приходилось медленно приобщать их к культуре, чтобы никакие катаклизмы не нарушили естественный процесс. Разумеется, сюда могли хоть завтра завезти миллиард роботов. Но улучшило бы это экономику? Уж лучше снабжать их основными блоками, из которых они сами могли собирать роботов. А если им не нравится конечный результат, пусть вместо того, чтобы жаловаться, улучшают дизайн.

Граф, конечно, думал по-другому. Анжелина тонко сыграла на его предрассудках и личных амбициях. Все еще глядя на робота, граф наклонился и постучал пальцем по шкале прибора, установленного на боку этого ходячего механизма.

— Это же надо! — закричал он. — Давление упало до восьмидесяти фунтов! Сейчас он рухнет на пол и подожжет весь дом! Заправься, идиот, быстро!

Какие-то реле щелкнули в корпусе робота. Он нагнулся и поставил поднос с бокалами на стол. Сделав большой глоток, я с наслаждением наблюдал за происходящим. Еле передвигая ноги, робот подошел к камину. Он открыл дверцу у себя на животе, и оттуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, робот забросил ее себе в топку и закрыл дверцу на жи-

воте. Из его трубы повалил густой черный дым. По крайней мере, у робота хватило соображения не вытряхивать золу прямо здесь.

— Пошел вон, болван! — заорал граф, заходясь от кашля.

Дышать в таком дыму было невозможно. Я снова наполнил свой бокал. Граф Рденрандт начинал мне понемногу нравиться.

Он бы мне нравился гораздо больше, если бы я обнаружил здесь Анжелину. Все здесь явно указывало на ее присутствие, но самой ее видно не было. Меня провели в соседний зал, где я познакомился с некоторыми офицерами из гвардии графа. Один из них, Курт, молодой, но бедный дворянин, показал мне окрестности. Место представляло собой помесь феодального замка и маленького городка, отделенного от главного города высокой крепостной стеной. Тут не наблюдалось никакой военной активности, правда, несколько солдат лениво стреляли по мишеням. Все это выглядело слишком мирно. Но все же меня привезли с какой-то целью. Не случайно же я сюда попал. Я принялся осторожно расспрашивать Курта, и он откровенно отвечал на мои вопросы. Как и большинство провинциальных дворян, он недолюбливал центральную власть, но полностью зависел от нее. Его завербовали, и он поддерживал затею графа, хотя смутно понимал, к чему это все приведет. Сомневаюсь, что ему приходилось убивать на своем веку. Хотя он с готовностью отвечал на все мои вопросы, один раз я все же уличил его во лжи.

Мы поприветствовали проходящих мимо женщин, и Курт сказал, что это жены офицеров.

— А вы тоже женаты? — поинтересовался я.

— Нет. Все времени не хватало. А сейчас не до этого. Когда все закончится и жизнь войдет в нормальное русло, тогда и о семье можно будет подумать.

— Отличная мысль, — согласился я. — А что граф? Он женат? Когда надолго уезжаешь, всегда забываешь такие вещи, как жены, дети и тому подобное.

Услышав мой вопрос, Курт слегка вздрогнул.

— В принципе, да. В смысле, граф был женат, но с женой произошел несчастный случай, и теперь он уже не женат... — Он запнулся и быстро перевел разговор на другую тему.

Где бы ни появлялась Анжелина, там всегда присутствовала пара-тройка трупов. Нетрудно догадаться, что именно она стояла за «случайной» смертью жены графа. Если бы смерть произошла по естественной причине, Курт не стал бы уходить от разговора. Он больше не говорил на эту тему, а я не допытывался. Я напал на след. Хотя самой Анжелины я не видел, здесь все говорило о ее присутствии. Теперь это дело времени. Надо побыстрее отвязаться

от Курта и отправиться на поиски головорезов, которые вытащили меня из тюрьмы. Я угощу их выпивкой, покажу, что не в обиде за их тумаки. А затем выпытаю у них все о человеке, который руководил ночной операцией.

Но Анжелина сама сделала первый шаг. С грохотом и шипением один из угольных роботов принес мне записку. Меня хотел видеть граф. Я пригладил волосы, одернул рубашку и направился к нему в кабинет.

Я приятно удивился, что в такое раннее время граф уже пьян. К тому же в его сигарете был не только табак — в комнате витал приторный запах наркотиков. Все это означало, что граф собирается рано проститься с этим миром, но скорбных мыслей по этому поводу у меня не возникало. Вряд ли он догадался о моих чувствах, потому что я вытянулся по стойке смирно, преданно выпучив глаза.

— Пришло время действовать, сэр? Вы поэтому послали за мной? — спросил я.

— Садись, садись, — пробормотал он, указывая мне на стул. — Не торопись. Хочешь закурить? — Он подвинул ко мне коробку, и я с отвращением посмотрел на тонкие коричневые сигареты.

— Благодарю вас, сэр. Но я на время бросил эту привычку. Чтобы разить врага, нужен глазомер и твердый палец на спусковом крючке.

Мысли графа витали где-то далеко, и вряд ли до него дошли мои слова. Оглядывая меня с ног до головы, он задумчиво жевал губами. Наконец в его затуманенном мозгу возникло какое-то решение.

— Что ты знаешь о семье Радебрехен? — ошарашил он меня внезапным вопросом.

— Абсолютно ничего, — искренне ответил я. — А что?

— Пойдем со мной. — Вставая с кресла, он чуть не свалился.

Пройдя через многочисленные комнаты замка, мы остановились у двери, похожей на все остальные. Правда, перед этой дверью стоял здоровенный верзила, небрежно скрестив руки на груди. В правой руке он держал пистолет.

— Все в порядке, — почему-то недовольным тоном сказал граф. — Он со мной.

— Я должен его обыскать, — ответил охранник. — Таков приказ.

Интересная штука. Кто командует графом в его собственном замке? Чего тут непонятного? Кроме того, я узнал голос охранника — это был один из тех, кто вытащил меня из тюрьмы. Ловко

обыскав меня, охранник отступил в сторону. Граф открыл дверь, и я пошел за ним, стараясь не наступать ему на пятки.

Насколько все-таки практика отличается от теории. Хотя я и ожидал увидеть здесь Анжелину, меня как током ударило. У меня даже волосы зашевелились на голове. Я так долго ждал этого момента. Большим усилием воли я напустил на себя безразличный вид. Хотя не совсем уж безразличный — ведь перед молодым здоровым парнем сидела такая красотка.

Конечно, эта девушка лишь отдаленно напоминала Анжелину. Но, вне всякого сомнения, это была она. Она изменила черты лица и прическу. Но новое лицо было таким же ангельским, как и прежнее. Фигура осталась такой же, хотя и в нее Анжелина внесла некоторые изменения. В отличие от меня, она довольствовалась лишь поверхностным перевоплощением.

— Это граф Дибстол, — представил меня Рденрандт, похотливо уставившись на нее своими затуманенными глазенками. — Тот, с которым вы хотели встретиться, Энжела.

Итак, она оставалась ангельским созданием, только под другим именем. Плохая привычка, но я не стал ей об этом говорить. Я знал немало людей, которые попались на том, что их новое имя слишком было похоже на старое.

— Спасибо, Касситор. — Ничего себе имя — Касситор! Если бы меня звали Касситор Рденрандт, я бы тоже все время ходил с кислым лицом. — Очень любезно с вашей стороны привести сюда графа Бента, — сказала она тихим и бесцветным голосом.

Касси, очевидно, ожидал более теплого приема и теперь переминался с ноги на ногу, что-то бормоча себе под нос. Но Анжелина-Энжела опустила температуру еще на пару градусов, занявшись перекладыванием бумаг на столе. До графа наконец дошло, что его выпроваживают, и он ушел, продолжая бормотать себе под нос. На сей раз я уловил одно очень короткое и неприличное слово из местного жаргона. Мы остались одни.

— Зачем вы врали, что служили в Звездной Гвардии? — тихо спросила она, продолжая заниматься своими бумагами.

Я снисходительно улыбнулся и сдул пылинку с рукава.

— Ну не мог же я рассказать этим чудесным людям, чем я действительно занимался все это время? — с наигранным простодушием ответил я.

— И чем же вы занимались, Бент? — тем же ровным голосом продолжала она.

— Это уж мое дело, — в тон ей ответил я. — Раз мы играем в вопросы и ответы, мне бы хотелось узнать, кто вы и почему пользуетесь большей властью, чем сам граф Касситор?

Не обратив внимания на мою реплику, Анжелина вернула разговор в прежнее русло.

— Пока здесь командую я, так что отвечайте на мои вопросы. Вряд ли вы поразите меня своими ответами. Вы удивитесь, что я так много о вас знаю.

Нет, любовь моя, я совершенно не удивлюсь. Но надо было немного поартачиться.

— Это ведь вам принадлежит мысль о заговоре. — То было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да, — ответила она, положив карты на стол и, вероятно, надеясь на такую же откровенность с моей стороны.

— Ну, если вы хотите знать, — ответил я, — то я занимался контрабандой. Интересное занятие, если знаком с конъюнктурой. Несколько лет я посвятил этому прибыльному бизнесу. Но затем некоторые правительства увидели во мне конкурента. Они считали, что право обманывать народ принадлежит только им. Пришлось мне вернуться в родное захолустье, чтобы немного передохнуть.

Мой ангелочек захотел проверить правдивость моих слов и подверг меня пристрастному допросу, проявив большую компетентность в вопросах контрабанды. Я без труда отвечал на ее вопросы, так как заработал на этом нелегальном деле астрономические суммы. Правда, я не хотел выглядеть слишком опытным жуликом и описал ей карьеру удачливого, но еще неопытного контрабандиста. Я изо всех сил старался войти в роль, чтобы мой рассказ звучал правдиво. Это был ответственный момент, ничего в моей биографии или поведении не должно было напоминать о Скользком Джиме ди Гризе. Я хотел показаться местным мошенником, рвавшимся на покорение Вселенной.

Обратите внимание — атмосфера, в которой велся разговор, была непринужденной. Выпивка, сигареты. Она хотела, чтобы я расслабился и допустил промашку. Что я и умышленно сделал пару раз, слишком уж похваляясь своими успехами, чтобы она отнесла это на счет юношеского задора. А затем я и сам задал ей вопрос.

— А какое отношение имеет к вам местное семейство Радебрехен?

— Почему это вас интересует? — холодно спросила она.

— Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрандт спрашивал меня о них, прежде чем привести сюда. Я сказал, что ничего не знаю. Они имеют к вам какое-то отношение?

— Они хотят меня убить, — ответила она.

— Убить вас? Такую красавицу? — Я постарался изобразить на лице обольстительную улыбку. Но она не обратила на нее никако-

го внимания. — Чем я могу быть вам полезен? — спросил я деловитым тоном, раз моя мужская привлекательность не заинтересовала ее.

— Я хочу, чтобы вы стали моим телохранителем, — сказала она. А когда я улыбнулся и открыл рот, добавила: — Только избавьте меня от пошлых комплиментов по поводу моего тела, которое вы с удовольствием будете охранять. Я достаточно наслушалась подобной чепухи от Касситора.

— Просто я хотел сказать, что принимаю ваше предложение. — Это была ложь, так как именно такая фраза и крутилась у меня на языке. Я напомнил себе, что не должен расслабляться в присутствии Анжелины. — Расскажите мне о людях, которые замышляют убить вас.

— Дело в том, что граф Рденрандт был женат, — поигрывая бокалом, произнесла Анжелина. — Его жена совершила самоубийство довольно глупым образом, бросив на меня тень. Ее семья — Радебрехены, разумеется, — считают, что это я ее убила, и хотят отомстить мне. В этой глухой провинции Фрейбура еще сохранились традиции вендетты, и эти богатые идиоты слепо придерживаются их.

Теперь мне все стало ясно. Граф Рденрандт — прирожденный приспособленец — решил увеличить свое состояние, женившись на девушке из богатой семьи. Все шло нормально, пока не появилась Анжелина. Жена оказалась лишней, и Анжелина, не зная местных традиций, связанных с вендеттой, убрала со своей дороги препятствие. Что-то сорвалось или граф где-то ошибся, одним словом, Радебрехены решили отомстить. Теперь мой ангелочек хочет поставить меня между собой и убийцами. Очевидно, ей очень не хочется покидать эту планету. Я решил идти ва-банк.

— Это было самоубийство? — спросил я. — Или вы убили ее?

— Да, я убила ее, — ответила она.

Все карты лежали открытыми на столе. Решение было за мной.

Глава 17

А что еще мне оставалось делать? Я позволил, чтобы в меня стреляли, избивали, кидали в тюрьму не для того, чтобы просто арестовать ее. Разумеется, я арестую ее потом, ведь в замке графа сделать это просто невозможно. К тому же я хотел получше разобраться в мятежной деятельности графа, так как подобного рода вещи находятся в компетенции Специального Корпуса. Уж если я

собираюсь вернуться в его ряды, мне стоит прихватить с собой парочку трофеев, чтобы доказать свою лояльность.

Впрочем, я не горел желанием вернуться в Корпус. Трудно забыть, как они со мной обошлись. Не все так просто. Приходилось учитывать кучу различных факторов. Например, я наслаждался общением с Анжелиной и, находясь рядом с ней, забывал о трупах, плавающих в безднах космоса. Конечно, они являлись по ночам, чтобы терзать мою совесть, но я так уставал за день, что засыпал раньше, чем они успевали сделать свое дело.

Жизнь представлялась мне постелью из роз, и я хотел наслаждаться, пока лепестки еще не завяли. Наблюдать, как Анжелина работает, было истинным удовольствием. Если бы меня прижали к стене и заставили говорить чистую правду, я бы признался, что кое-чему у нее научился. Без всякой помощи она одна организовала заговор на мирной планете, и, судя по всему, ее ждал успех. Я помогал, чем мог. Несколько раз она обращалась ко мне за советом и всегда следовала моим рекомендациям. Конечно, раньше я никогда не участвовал в мероприятиях по свержению правительств, но преступные законы универсальны, и надо только уметь их правильно применять. Впрочем, такое случалось редко. В течение первых недель большую часть времени я выполнял обязанности простого телохранителя, защищая свою патронессу от возможных покушений. Ситуация была настолько ироничной, что вызывала у меня улыбку.

Однако в нашем маленьком мятежном раю не обошлось и без змия, имя которому — Рденрандт. Скоро я пришел к выводу, что он никакой не заговорщик. Чем меньше времени оставалось до начала восстания, тем бледнее он становился. Ко всему этому примешивались и его физические пороки. Назревал конфликт.

Леди Анжелина и граф обсуждали свои дела, а я сидел в приемной. Когда выпадала возможность, я всегда бессовестно подслушивал. И на этот раз, проводив Анжелину в комнату, я неплотно прикрыл дверь. Носком ботинка я открыл ее пошире, и до меня донеслись голоса. Они громко спорили, и мне даже не приходилось прислушиваться. Граф кричал, и я понял, что он готов шантажировать Анжелину. Затем его тон изменился, он что-то тихо бормотал, и я не мог уловить ни слова. Похоже, он что-то обещал и бессовестно льстил. Ответ Анжелины я услышал сразу — громкое и четкое «нет». От его рева я подскочил на месте.

— Ну почему? Всегда только «нет»! С меня достаточно!

Послышался треск рвущейся одежды, и что-то тяжелое с грохотом свалилось на пол. Одним прыжком я влетел в комнату. Секунду я наблюдал за картиной сражения. Одежда Анжелины была разорвана на плече, и костистые пальцы графа вцепились в ее тело. Сжимая в руках пистолет, я кинулся ей на помощь, но Анжелина опередила меня. Схватив со стола бутылку, она ловко ударила графа по голове. Тот упал как подкошенный. Она уже поправляла свою порванную блузку, когда я подбежал к ней.

— Спрячьте пистолет, Бент. Все кончено, — спокойно произнесла она.

Я исполнил ее приказ только после того, как убедился, что граф лежит без движения. Жаль, у меня просто руки чесались врезать ему как следует. Мой ангелочек уложил его одним ударом. Когда я поднялся, Анжелина уже выходила из комнаты, и я бросился за ней. Бросив мне: «Ждите здесь», она скрылась в своей спальне.

Не нужно обладать большой фантазией, чтобы предвидеть грядущие неприятности. Очнувшись, граф наверняка изменит свое мнение об Анжелине и всяких там заговорах. Я размышлял об этом, когда дверь приоткрылась и Анжелина пригласила меня войти.

На ней было длинное платье, скрывающее синяки. Внешне она выглядела спокойно, но в глазах горел неистовый огонь. Я заговорил о том, что, несомненно, волновало ее сейчас.

— Может, отправить графа в семейный склеп к его родовитым предкам?

Она покачала головой.

— Он еще пригодится. Я взяла себя в руки, возьмите и вы себя.

— За меня не беспокойтесь. Но почему вы думаете, что он не откажется от дальнейшего сотрудничества? Ему еще долго придется мучиться от головной боли.

Она отмахнулась, подобные мелочи ее не интересовали.

— Я еще могу на него влиять и заставлять делать то, что хочу. В определенных вопросах, разумеется. Он ограниченный человек. Я не знала об этом, когда выбрала графа на роль руководителя заговора. Боюсь, что надежды, которые я на него возлагала, не оправдаются. И все из-за его трусости. Мы будем использовать его только в качестве прикрытия, но вся власть будет принадлежать нам.

Я не стал спешить с ответом и обдумал ее слова со всех сторон.

— Что значит это слово «мы»? Каким образом я вписываюсь в эту картину?

Откинувшись на спинку кресла, Анжелина убрала со лба золотистый локон. Затем она лучезарно улыбнулась мне.

— Я хочу, чтобы вы участвовали в этом деле, — вкрадчиво проворковала она. — В качестве партнера. Сначала мы держим впереди графа, а после победы убираем его. Дальше действуем только вдвоем. Согласны?

— Ну... — нерешительно произнес я. — Ну, — снова повторил я, уже усвоив смысл сказанного.

Впервые за всю свою жизнь я почувствовал, что мне не хватает слов. Я принялся мерить комнату шагами, пытаясь собраться с мыслями.

— Конечно, дареной ракете в дюзы не смотрят, но почему я? Простой, работящий телохранитель, который спит и видит, как бы вернуть обратно свои поместья и титул. И такой скачок — от посыльного до президента. С чего бы это все?

— Зачем спрашивать, когда тебе и так все известно? — сказал она и улыбнулась так, что температура в комнате поднялась градусов на десять. — Ты в этом деле разбираешься не хуже меня, к тому же тебе это нравится. Вдвоем мы организуем такой переворот, какого еще не знали во всей Галактике. Ну как?

Пока она говорила, я расхаживал взад-вперед. Затем она встала и взяла меня за руку, прекратив мое бесполезное передвижение по комнате. Меня обожгло от этого прикосновения. Улыбнувшись, она приблизила ко мне свое лицо и произнесла так тихо, что я едва расслышал:

— Это будет прекрасно... Ты и я... вместе.

Еще бы! Случаются моменты, когда слова не нужны, и тогда говорит ваше тело. Сейчас был именно такой момент. Мои руки сами обняли Анжелину и прижали к моему телу, а наши губы встретились.

На какое-то мгновение она крепко обняла меня, и ее губы ожили. Но это закончилось так быстро, что я даже засомневался — было ли все это на самом деле или нет? Теплота куда-то исчезла, и чары пропали.

Она не сопротивлялась и не вырывалась из моих объятий, но ее губы вдруг стали безжизненными, а глаза пустыми. Так она и стояла, пока мои руки сами собой не опустились. Я отошел в сторону, а она села в кресло.

— Что-нибудь не так? — не своим голосом спросил я.

— Всем вам подавай смазливое личико... — По ее щекам катились слезы. Никогда она еще не высказывала своих искренних чувств. — Неужели все мужчины одинаковы?

— Неправда! — воскликнул я, непонятно почему разозлившись. — Ты сама хотела поцеловать меня... Не отрицай этого! Что с тобой произошло?

— А ее бы ты поцеловал? — крикнула Анжелина, охваченная чувствами, которых я не в силах был понять.

Сдернув с шеи цепочку, она швырнула ее мне. На ней висел маленький медальон, еще хранивший теплоту ее тела. Я лишь мельком успел взглянуть на фотографию внутри медальона, как Анжелина, передумав, вырвала цепочку у меня из рук. Вытолкав меня из комнаты, она захлопнула дверь и загрохотала засовами.

Охранник удивленно поднял брови, но я не обратил на него внимания и отправился к себе. На какую-то долю секунды мои эмоции заглушили голос разума, и то же самое, очевидно, случилось с Анжелиной. Но что означала ее внезапная холодность? И что это за фотография? Зачем она носит ее с собой?

И хотя я лишь мельком взглянул на нее, этого было вполне достаточно. На фотографии была изображена молодая девушка, возможно, ее сестра. Бедняжка, один из ужасных примеров того, что в природе возможны любые комбинации. Она была безобразно уродлива, другого слова и не подберешь. Дело не в горбатой спине, кривой челюсти или огромном носе. Все черты составляли единое отталкивающее целое. Мне она не понравилась. Но при чем тут?..

И тут меня словно обухом по голове ударило. Какой же я был дурак! Анжелина на мгновение позволила мне заглянуть в свое темное прошлое.

Конечно, девушка на фотографии и была Анжелина.

Теперь все стало на свои места. Много раз, глядя на нее, я поражался, как за такой ангельской внешностью может скрываться такой извращенный ум. Теперь я понимал, что первоначально этот ум находился совершенно в другой оболочке. И мужчины страдают от уродства. Что уж говорить про женщин. Как жить на свете, если каждое зеркало — враг, а люди при встрече спешат отвернуться? А как быть, если к тому же природа наградила проницательным внутренним «я», которое все видит, все сознает, делает соответствующие выводы, замечая даже малейшие признаки отвращения?

Другая девушка могла и покончить с собой, но только не Анжелина. Я мог лишь предполагать, какой путь выбрала она. Ненавидя себя и презирая весь мир с населяющими его людьми, она без малейших угрызений совести шла на любое преступление, чтобы добыть деньги. Деньги на операцию, чтобы исправить хотя бы один физический недостаток. Потом ей понадобились деньги для по-

следующих операций. Возможно, кто-то стал на ее пути, и она, не задумываясь, убила его, может быть, даже получив от этого удовольствие. Медленный путь через преступления и убийства к красоте. И за время этого пути мозг, родившийся в уродливом теле, претерпевал кошмарные изменения.

Бедная Анжелина. Я мог бы пожалеть ее, если бы забыл о трупах, которыми она усеяла весь свой путь. Какая трагическая судьба у этой бедной одинокой девушки — выигрывая одно сражение, она проигрывала другое. Деньги, которые она платила за операции, помогли придать ее телу превосходные — даже ангельские формы. Но мозг во время этого процесса деформировался и скоро стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, почему нельзя изменить мозг? Может быть, я смогу что-нибудь для нее сделать?

Размаху моих мыслей мешали тесные стены комнаты, и я вышел на свежий воздух. Близилась полночь, все ворота и двери были закрыты, а внизу, наверное, уже выставили охрану. Не желая давать ненужные объяснения или пользоваться отмычкой, я поднялся наверх. В этот час сады, разбитые на крыше, пустынны, и я смогу побыть там в одиночестве.

На Фрейбуре нет луны, но ночь стояла ясная, а звезды освещали все вокруг. Охранник на крыше отдал мне честь, и я заметил, как в его руке мелькнул огонек сигареты. Надо бы сделать ему замечание, но голова у меня была занята другими мыслями. Завернув за угол, я облокотился на парапет и невидящим взглядом уставился на темные вершины гор.

Но что-то беспокоило меня, и через минуту меня осенило. Охранник! Он курил, хотя на посту это запрещено. Есть у меня такой недостаток, как излишняя придирчивость. Во всяком случае, меня это раздражало, и я хотел вернуться, чтобы сказать ему пару ласковых слов.

Однако на прежнем месте я его не нашел. Что ж, должно быть, он ходит по маршруту и не теряет бдительности. Я уже хотел возвратиться, как вдруг заметил сломанные цветы, свисавшие с края крыши. Я глазам не мог поверить, ведь граф так заботился о своем саде, обходя его каждый день. А когда я увидел среди цветов темное пятно, у меня появилось нехорошее предчувствие.

Это был часовой — мертвый или без сознания. Я не стал это выяснять. Только с одной целью здесь мог появиться кто-нибудь чужой. Чтобы убить Анжелину. Ее комната располагалась на самом последнем этаже, прямо подо мной. Бесшумно подбежав к краю крыши, я перегнулся через парапет. Пятью метрами ниже белела

площадка ее балкона, на котором притаилась какая-то черная бесформенная фигура.

Мой пистолет остался в комнате. Это был один из тех немногих моментов, когда меня застали врасплох. Моя забывчивость могла стоить Анжелине жизни.

Все эти мысли пронеслись в голове за те секунды, пока я ощупывал парапет. Пальцы наткнулись на блестящий шарик, из которого тянулась невидимая нить, тонкая, но прочная, как канат. Убийца спустился при помощи небольшого приспособления, выпускающего из себя нить на манер паука. Нить представляла собой мономолекулярную субстанцию, способную выдержать вес человека. Я не мог спуститься по ней, иначе мне как бритвой разрежет руки.

Оставался только один способ попасть на крохотный балкон, висевший над двухкилометровой пропастью. Решение еще не сформировалось в моей голове, когда я залез на парапет. На мгновение я остановился, пытаясь удержать равновесие. Окно подо мной бесшумно распахнулось, и я прыгнул вниз, стараясь попасть в убийцу.

В полете меня развернуло, и вместо того, чтобы прыгнуть на него, я лишь задел его по плечу. Мы оба растянулись на балконе. От удара балкон дрогнул, но древние каменные опоры выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что его плечу досталось не меньше, чем моим ногам. Некоторое время я не мог пошевелиться и только хватал ртом воздух. Падая, я выбил у него из рук длинный тонкий кинжал. Убийца потянулся за ним. Он схватил его, и я бросился в бой. Зарычав, он нанес мне удар, разорвав ткань на рукаве. Не успел он опомниться, как я схватил его за руку и одним движением вывернул ее.

Мы боролись молча, как в каком-то кошмарном сне. Мы оба еще не пришли в себя, но дрались отчаянно, не на жизнь, а на смерть. Из-за ушиба ноги я не мог подняться, и он всем телом навалился на меня. Я изо всех сил пытался удержать его руку со смертоносным кинжалом. В тишине было слышно только наше хриплое дыхание.

Убийца стал брать верх. Лезвие ножа опускалось все ниже и ниже. Хотя пот заливал мне глаза, я заметил, что его вторая рука безжизненно висит. При падении я сломал ему кость, а он даже не издал ни звука.

Когда на кон поставлена жизнь, ни о какой честной борьбе не может быть и речи. Изловчившись, я высвободил ногу и ударил коленом по его сломанной руке. Он содрогнулся. Я ударил еще раз, посильнее. Он изогнулся, и я дернулся в сторону, чтобы он потерял равновесие. Чтобы не упасть, он согнул руку в локте, и я изо всех сил повернул его кисть в обратную сторону.

Моя затея почти удалась, но он был сильнее меня, и лезвие лишь поцарапало ему грудь. Когда я попытался повторить свой прием, он вдруг дернулся и затих.

Сначала я подумал, что он просто хитрит, но это было не так. Когда он упал на бок, я почувствовал, как в спазме у него затвердели все мышцы. Я разжал хватку, только когда за моей спиной в окне зажегся свет. Только теперь я увидел ужасное желтое пятно на лезвии кинжала. Мгновенно действующий паралитический яд. Там, где лезвие задело рукав моей рубашки, тоже виднелась желтая полоска. Я знал, что этот яд смертелен, когда просто касается незащищенного участка кожи.

Осторожно, пытаясь сдержать дрожь в руках, я медленно снял рубашку. И только бросив ее на труп, позволил себе упасть навзничь и отдышаться.

Нога уже действовала, хотя и ужасно болела. Но раз она выдерживала мой вес, перелома не было. Повернувшись, я заковылял к окну и распахнул его. Свет осветил лежащий позади меня труп. Анжелина спокойно сидела в постели, положив руки на одеяло. Только по глазам было видно, что она поняла, в чем дело.

— Он мертв, — прохрипел я и сплюнул. — От собственного яда.

Я принялся ходить по комнате, проверяя, как действует моя нога.

— Я спала и не слышала, как он открыл окно, — сказала она. — Спасибо.

Актриса, лгунья, мошенница, убийца. Она могла сыграть сотни ролей, придать любой оттенок своему голосу. Но последнее слово она произнесла искренне. Попытка убийства произошла почти сразу же после сцены с медальоном. Ее защита ослабла, и она дала волю настоящим чувствам.

Волосы рассыпались у нее по плечам, скрывая бретельки ее полупрозрачной ночной рубашки. От этого я совершенно потерял голову. Став на колени перед кроватью, я обнял Анжелину за плечи и заглянул в глаза, пытаясь найти ответы на все вопросы. Разорванная цепочка с медальоном лежала рядом на тумбочке. Я взял его.

— Неужели ты не понимаешь, что эта девушка осталась только в твоей памяти, — сказал я. Анжелина не шелохнулась. — Все прошло. Ты была ребенком, а теперь стала женщиной. Той девушки давно не существует!

Размахнувшись, я швырнул медальон в окно.

— Ты не похожа на эту девушку из прошлого, Анжелина! — почти закричал я. — Ты — это ты и больше никто!

Я поцеловал ее, на этот раз она меня не отталкивала. Я нуждался в ней, а она — во мне.

Глава 18

Уже светало, когда я перенес тело убийцы в графские покои. Меня лишили удовольствия разбудить его — это уже сделал начальник охраны, обнаруживший убитого часового на крыше. Смерть наступила от удара отравленным кинжалом. Охранники вместе с графом столпились возле погибшего, высказывая свои догадки о причине его смерти. Они заметили меня, лишь когда я бросил тело убийцы рядом с убитым часовым. От неожиданности они вздрогнули.

— А вот и убийца, — не без гордости сообщил я.

Граф Касситор, судя по всему, узнал этого головореза, так как задрожал всем телом и выпучил глаза. Очевидно, это был какой-то родственник по линии жены — шурин или деверь. Думаю, он никогда не верил, что семейство Радебрехен исполнит свою угрозу мести.

Но нервозность начальника караула навела меня на мысль, что я ошибся. Он переводил взгляд с трупа на графа и обратно. Мне стало интересно, какие мысли роятся в его тупой башке. Дело было явно нечисто, и я задумал выяснить, в чем загвоздка. Я решил при первой же возможности по-приятельски поболтать с начальником караула. Пожевав губами и похрустев пальцами, граф приказал убрать трупы.

— А вы, Бент, останьтесь, — сказал он, когда я собрался уйти вместе с остальными.

Я уселся в кресло и стал ждать, пока он закроет дверь на ключ. Затем он направился к бару и выпил залпом полный стакан местного пойла. Наливая себе второй, он вспомнил обо мне и предложил отведать этой отравы. Разумеется, я не стал отказываться. Потягивая отвратительную жидкость, я размышлял, чем же так обеспокоен граф.

Проверив, все ли двери закрыты, граф захлопнул единственное окошко. Открыв специальным ключом нижний ящик своего стола, он вытащил оттуда небольшой электронный прибор с кучей индикаторов и телескопической антенной.

— Ничего себе! — заметил я, когда он выдвинул антенну.

В ответ он лишь исподлобья взглянул на меня и стал настраивать прибор. Лишь когда на индикаторе загорелась зеленая лампочка, он заговорил.

— Знаете, что это такое? — спросил он, указывая на прибор.

— Конечно, — ответил я. — Правда, на Фрейбуре таких не видел. И не думал, что они здесь есть.

— А их тут и нет, — пробормотал он, добиваясь максимальной яркости зеленой лампочки. — Это единственный прибор на всей планете, и я хочу, чтобы вы никому о нем не рассказывали. Никому, — повторил он.

— Меня такие вещи вообще не интересуют, — равнодушно ответил я. — Думаю, что у каждого человека есть право на свои тайны.

Я сам любил тайны и пользовался такими определителями подслушивания не один раз. Они сразу же засекали любые электронные подслушивающие устройства и сообщали об этом условным сигналом. Можно, разумеется, обмануть такой определитель, но это нелегко. Пока никто не знал, что у графа имеется такой приборчик, он мог быть уверен, что его никто не подслушивает. Но кто мог его подслушивать? Граф находился в центре замка и прекрасно знал, что «жучки» работают только на близком расстоянии. Я смекнул, что дело здесь нечисто, и уже догадывался, кого опасается граф.

— Вы неглупый человек, граф Дибстол, — сказал он, имея в виду, что я значительно глупее его. — Вы много путешествовали, бывали на других планетах. Конечно, вы видите, в каком отсталом и угнетенном мире мы живем. Поэтому вы и согласились помочь мне сбросить это ярмо с шеи нашей планеты. Ради победы не страшны никакие жертвы.

От напряжения он даже вспотел и вернулся к своей ужасной привычке хрустеть пальцами. Там, куда Анжелина заехала ему бутылкой, голова была заклеена пластырем. Я надеялся, что она у него раскалывается от боли.

— Эта чужестранка, которую вы охраняете... — Повернувшись в сторону, граф продолжал наблюдать за мной краешком глаза. — Она, конечно, оказала нам значительную помощь, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Один раз на нее уже покушались, будут и другие попытки. Радебрехены — древнее и уважаемое семейство. Присутствие здесь этой женщины оскорбляет их самолюбие. — Отхлебнув из бокала, он выложил главный козырь. — Думаю, что вы сможете выполнить ее работу. Не хуже ее, а, может быть, и лучше. Что скажете?

Очевидно, я просто блистал талантами, или же на этой планете не хватало заговорщиков. За последние двенадцать часов мне уже второй раз предлагали сотрудничество в установлении нового порядка. Я твердо знал, что Анжелина предлагала мне это искренне, а вот от предложения Касси Рденрандта довольно дурно попахивало. Я решил подыграть, чтобы выяснить окончательные намерения графа.

— Почту за честь, великий граф, — рассыпался я в благодарностях. — Но что делать с чужестранкой? Не думаю, что она будет в восторге от вашего решения.

— Мне все равно, что она там себе думает, — проворчал он, дотрагиваясь пальцами до ушибленной головы. Справившись со своими чувствами, он продолжал, лицемерно ухмыляясь: — Мы не будем с ней суровы. Посадим ее в тюрьму. У нее есть несколько преданных охранников, но мои люди справятся с ними. А вы арестуете ее в нужное время. Просто передадите ее тюремщикам. С одной стороны, там она будет в безопасности, а с другой — не будет мозолить глаза и навлекать на нас неприятности.

— Прекрасный план, — как можно искреннее произнес я. — Жаль, конечно, сажать в тюрьму эту бедную женщину, но раз этого требуют интересы дела. Цель оправдывает средства.

— Вы правы. Мне бы тоже хотелось так четко формулировать свои мысли. У вас поразительные способности говорить цветистыми фразами. Давайте-ка я запишу ее. Значит, цель оправдывает...

Он принялся старательно царапать пером по бумаге. Вот так знал историю человек, стремившийся осуществить заговор! Я пытался припомнить еще парочку подходящих афоризмов, но меня вдруг охватила внезапная ярость. Я вскочил с кресла.

— Нам нельзя терять время, граф, — сказал я. — Арестуем ее сегодня в шесть часов вечера. У вас будет достаточно времени, чтобы обезвредить ее охрану. Я буду с ней и, как только получу от вас сигнал, тут же арестую ее.

— Молодец. Вы, как всегда, человек действия, Бент. Я согласен с вашим планом.

Мы пожали друг другу руки, и я напряг всю свою волю, чтобы не раздавить его вялую влажную ладонь. Затем я немедленно отправился к Анжелине.

— Нас здесь не подслушивают? — спросил я.

— Нет, комната экранирована.

— У твоего бывшего приятеля графа Касси имеется определитель подслушивания. Так что он вполне мог установить «жучки» в твоей комнате.

Это не произвело на Анжелину никакого впечатления. Сидя перед зеркалом, она расчесывала волосы. В другое время я бы залюбовался подобной картиной, но сейчас было не до того.

— Я знаю об этом, — спокойно ответила она, продолжая причесываться. — Это я сделала так, чтобы он попал ему в руки. Но граф, разумеется, об этом не догадывается. Не знает он и того, что на определенных частотах детектор не работает. Я внимательно слежу за его действиями.

— Значит, ты слышала, как он предложил мне перебить твою охрану, а тебя заточить в каземат?

— Нет, не слышала, — с присущими ей спокойствием и самообладанием сказала Анжелина. Она улыбнулась мне в зеркало. — Я вспоминала о том, что произошло между нами этой ночью.

Ох уж эти женщины! Все у них вперемешку. Может, им это помогает, но для тех из нас, кто считает, что логика и чувства — разные вещи, это неприемлемо. Я постарался убедить ее в серьезности положения.

— Ладно, если такие мелочи тебя не интересуют, — безразличным тоном сказал я, — возможно, тебя удивит кое-что другое. Убийцу подослали не Радебрехены. Это дело рук графа.

Наконец-то Анжелина перестала причесываться, и ее глаза расширились. Она не стала задавать глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

— Думаю, ты до конца не понимаешь, как отчаянно ненавидит тебя граф. Когда ты огрела его бутылкой, его терпение лопнуло. Это было последней каплей. Начальник охраны опознал в убийце одного из людей графа. Теперь понятно, как ему удалось пробраться на крышу и узнать, где твоя комната. Покушение произошло сразу же после твоей ссоры с этим сварливым Касситором.

Пока я говорил, Анжелина снова принялась расчесывать свои кудряшки. Ее безразличие уже начинало действовать мне на нервы.

— Ну? Что ты на все это скажешь? — раздражаясь, спросил я. — Что ты собираешься делать?

— А не кажется ли тебе, что меня больше интересует, что собираешься делать ты?

За этим внешне спокойным вопросом стояло очень многое. Заметив, что она наблюдает за мной в зеркало, я отошел к окну и стал смотреть на злополучный балкон и покрытые снегом вершины. Что я собираюсь делать? Да, ну и вопросик она мне подкинула.

Что я вообще собирался делать? Со всех сторон на меня сыпались предложения занять ведущую роль в заговоре, к которому я не имел ни малейшего отношения. Или имел? Зачем я вообще здесь? Чтобы арестовать Анжелину и передать ее Специальному Корпусу? Похоже, я давно об этом забыл. Надо срочно принимать решение. Моя маскировка пока действовала, но надолго ли ее хватит? Не будь Анжелина уверена в моей смерти, она бы давно уже меня раскусила. Ведь я-то легко узнал ее, несмотря на пластическую операцию.

И тут меня словно обухом ударило. Существует такой термин, как «избирательная забывчивость», когда мы стараемся выбросить из головы неприятные воспоминания. Не могла же моя маскировка держаться так долго. И тут я вспомнил слова, которые произнес прошлой ночью.

— Ты не похожа на ту девушку, Анжелина, — шептал я. — Все это осталось в прошлом... Анжелина.

Она не поправила меня.

Только ее уже звали не Анжелина. Здесь ее знали как Энжелу. Когда я к ней повернулся, то выглядел довольно растерянным. Она ничего не сказала, а лишь загадочно улыбнулась. Правда, расчесываться перестала.

— Ты знала, что я не граф Бент Дибстол, — с трудом выдавил из себя я. — Когда ты догадалась?

— Давно. Как только ты здесь появился.

— Ты знаешь, кто я?..

— Если ты имеешь в виду настоящее имя, то нет. Но я помню, как ты меня разозлил, сорвав всю мою затею с крейсером. И помню, с каким удовольствием я застрелила тебя во Фрейбурбаде. Так как же тебя зовут?

— Джим, — ответил я, не в силах отвести от нее взгляд. — Джеймс ди Гриз, по прозвищу Скользкий Джим.

— Замечательно. А мое настоящее имя — Анжела. Это отец мой так пошутил, поэтому я обрадовалась, увидев его в гробу.

— Почему ты не убила меня? — спросил я, догадываясь, кто приложил руку к смерти ее отца.

— Зачем, дорогой? — искренне спросила она. — В прошлом мы оба допускали ошибки. Понадобилось столько времени, чтобы понять, что мы с тобой — одного поля ягоды. Я ведь тоже могу спросить, почему ты меня не арестовал? Все ведь началось именно с этого?

— Да... но...

— Что «но»? Именно эта мысль привела тебя сюда, но ты не выдержал борьбы с самим собой. Поэтому я притворилась, что не узнала тебя. Ты повзрослел и выкинул из головы всякие мысли о полиции. Я не знала, чем все закончится, но надеялась на лучшее. Я не хотела тебя убивать даже в случае необходимости. С самого начала я знала, что ты меня любишь. Это отличалось от звериной похоти безмозглых мужланов, которые тоже клялись мне в любви. Им нравилась лишь оболочка — мое тело, а ты любишь меня всю, потому что мы с тобой одинаковы.

— Мы не одинаковы, — попытался возразить я, но она лишь улыбнулась. — Ты убиваешь... И тебе это нравится — в этом наше основное различие. Неужели ты не понимаешь?

— Чепуха! — возразила она, отметая эту мысль легким движением руки. — Вчера ты тоже убил человека — отличная работа, — но никакого раскаяния я не вижу. По-моему, тебе даже понравилось.

Не знаю почему, но я чувствовал, как петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильно, но что конкретно, я затруднялся сказать. Как найти выход? Какое принять решение?

— Давай улетим с Фрейбура, — наконец предложил я. — Забудем этот глупый заговор. Ведь погибнут люди, прольется кровь...

— Мы улетим, если найдем подходящее местечко, — сказала Анжелина, и в ее голосе зазвучала сталь. — Но это не главное. Прежде чем наслаждаться счастьем, в твоей голове надо кое-что подправить. Слишком много внимания ты уделяешь смерти. Неужели ты не понимаешь, как это глупо? Через двести лет ты, я и все живущие сегодня в Галактике отправимся в мир иной. Что изменится, если помочь некоторым отправиться туда чуть пораньше? При первой же возможности они сделают с тобой то же самое.

— Ошибаешься, — возразил я, понимая, что философия жизни и смерти намного сложнее.

Но в этот момент я никак не мог сформулировать свои мысли. Анжелина действовала на меня, как сильный наркотик, парализуя волю и освобождая чувства. Я прижал ее к себе и стал целовать, зная, что это решит многие вопросы, но затруднит принятие основного решения.

Раздался пронзительный зуммер. Анжелина тоже услышала его. Я нехотя расслабил объятия. Плюхнувшись в кресло, я отсутствующим взглядом смотрел, как она подошла к видеофону. Отключив изображение, она подняла трубку. Я не слышал, о чем говорил ее собеседник, так как Анжелина отключила динамик. Сказав пару раз «да», она вдруг бросила на меня взгляд. Я понятия не имел, с кем она говорила, впрочем, меня это совершенно не интересовало. Хватало других проблем.

Повесив трубку, она еще какое-то время молча стояла рядом с видеофоном. Я ждал, что она заговорит, но она молча подошла к комоду и выдвинула ящик. Там было полно всяких вещей, но она достала то, что я меньше всего ожидал увидеть.

Пистолет. Его широкое дуло смотрело на меня.

— Зачем ты это сделал, Джим? — спросила она, и в глазах у нее заблестели слезы. — Зачем ты это сделал?

Вряд ли она услышала бы мой невнятный ответ. Ее мысли витали совершенно в другом месте, хотя дуло пистолета продолжало смотреть мне прямо в лоб. Затем, стряхнув оцепенение, она вытерла глаза.

— Впрочем, ты ничего не сделал, — твердым голосом сказала она. — Я сама виновата. Поверила, что ты не такой, как все остальные. Ты преподал мне хороший урок. В благодарность за это я убью тебя сразу, а не заставлю мучиться, как мне бы этого хотелось.

— Что это все значит, черт побери! — закричал я, ничего не понимая.

— Хватит изображать из себя невинность, — сказала она, доставая из-под кровати маленький тяжелый чемоданчик. — Это звонили с радарного поста. Я сама установила там нужную аппаратуру и подкупила операторов, чтобы они сразу подали мне сигнал. Как ты знаешь, здесь приземлились несколько космических кораблей, и замок оцеплен. Твоя задача заключалась в том, чтобы отвлекать меня до последнего. Тебе это почти удалось.

Перебросив через руку плащ, она попятилась к стене.

— Если я поклянусь тебе, что не имею к этому никакого отношения, поверишь ли ты моему честному слову? Я ничего об этом не знал.

— Прямо вылитый космический бойскаут, — насмешливо сказала Анжелина. — Почему бы тебе не признаться во всем, все равно через двадцать минут ты умрешь.

— Я сказал тебе правду, — ответил я, прикидывая, смогу ли я вырвать у нее пистолет. Это было невозможно.

— Прощай, ди Гриз. Приятно было с тобой познакомиться. Напоследок хочу тебя обрадовать. Все твои старания были напрасными. За мной — дверь, ведущая в потайной ход, о котором никто не знает. Пока сюда доберется полиция, я буду уже далеко. И знай — я буду убивать, убивать и убивать. Никто меня не сможет остановить.

Продолжая целиться мне между глаз, Анжелина нажала на потайную кнопку в стене. Панель отодвинулась, открыв черный проем.

— Не надо устраивать сцен, Джим, — с усмешкой сказала она, глядя на меня через прорезь прицела. Палец на спусковом крючке напрягся. — Не ожидала от тебя таких детских уловок — смотреть через мое плечо удивленно раскрытыми глазами, будто у меня за спиной кто-то стоит. Я все равно не повернусь. Живым тебе не уйти.

— Замечательные последние слова, — произнес я, прыгая в сторону.

Раздался звук выстрела, и пуля ударила в потолок. Стоявший за ее спиной Инскипп вывернул ей руку и забрал оружие. Анжелина с ужасом смотрела на меня, не оказывая никакого сопротивления. На ее запястьях защелкнулись наручники, а она все еще не могла пошевелиться. Я ринулся вперед, выкрикивая ее имя.

Появившиеся два здоровяка в патрульной форме увели с собой Анжелину. Инскипп быстро запер за ними дверь. Я остановился перед ней, не в силах бороться, как Анжелина минуту назад.

Глава 19

— Выпей, — предложил Инскипп, опускаясь в кресло Анжелины и доставая из кармана плоскую фляжку. — Эрзац земного бренди, гораздо лучше местного растворителя пластмассы. — Он протянул мне стаканчик.

— Чтоб ты сдох... — И я добавил несколько крепких словечек из своего галактического лексикона.

Я попытался выбить стаканчик у него из рук, но он быстро опрокинул его в рот, ничуть не удивившись моему раздражению.

— Разве можно так разговаривать со своим начальником в Специальном Корпусе? — спросил он, снова наполняя стаканчик. — В нашей организации не придерживаются строгих правил, но есть же какие-то границы дозволенного.

Он протянул мне бренди, и на этот раз я его выпил.

— Зачем вы это сделали? — спросил я, раздираемый противоречивыми чувствами.

— Потому что этого не сделал ты, вот почему. Операция закончена. Ты успешно провел ее. До сих пор у тебя был испытательный срок, но теперь ты настоящий агент.

Порывшись в кармане, он выудил оттуда звезду из золоченой бумаги. Лизнув клейкую поверхность, он прилепил мне звезду на рубашку.

— Данной мне властью, — загнусавил он, — произвожу тебя в штатные агенты Специального Корпуса.

Выругавшись, я хотел сорвать с груди эту штуковину, но вместо этого рассмеялся. Чепуха какая-то. Именно так можно охарактеризовать проделанную мною работу.

— Я думал, что вы уже исключили меня из списков.

— Я не получил твоего прошения об отставке, — ответил Инскипп. — Впрочем, это не имеет значения. Из Специального Корпуса уйти нельзя.

— Да... Но вы забыли, что хотели подорвать меня на корабле, который я украл? Как видите, я вовремя успел обезвредить взрыватель.

— Ничего подобного, — ответил он, наливая себе еще бренди. — Ты так хотел поскорее увидеть Анжелину, что я подумал — а не позаимствует ли этот парень корабль еще до того, как мы сами ему его дадим? На корабле, который ты увел, был специально установлен разболтанный взрыватель. Он — а не заряд — должен был взорваться через пять секунд после вывинчивания. Полагаю, это вселяет уверенность в способных и перспективных агентов. Чтобы их не мучила совесть.

— Значит, все это было подстроено? — зарычал я.

— Разумеется. Хотя я предпочитаю использовать термин «выпускной экзамен». Таким образом мы узнаем, действительно ли наши новички решили до конца посвятить себя делу служения закону и порядку. Тогда они и сами решают для себя этот вопрос. Мы не хотим, чтобы впоследствии они раскаивались в выборе пути. Ты ведь разобрался в себе, Джим?

— Кое в чем разобрался. Но не во всем, — ответил я, не решаясь пока заговорить об Анжелине.

— Прекрасная операция. Должен заметить, ты проявил недюжинную фантазию. — Инскипп нахмурился. — Но я не могу одобрить твое ограбление банка. Корпус располагает большими средствами, и стоило тебе только попросить...

— Одни и те же деньги, — возразил я. — Откуда берет их Корпус? От правительств различных планет. А они откуда берут? Разумеется, из налогов. Вот я и взял их прямо из банка. Страховая компания возместит банку все убытки, объявит о меньшей прибыли за год и заплатит меньше налогов правительству. Результат один и тот же.

Инскиппу все это хорошо было известно, и он даже не удосужился мне ответить. Я все еще не решался спросить об Анжелине.

— Как вы меня обнаружили? — спросил я. — Ведь на корабле не было «жучков».

— Наивное дитя природы. — В притворном ужасе Инскипп взмахнул руками. — Неужели ты полагал, что у нас есть хоть один-единственный корабль, на котором не установлены «жучки»? Если не знаешь, где его искать, — никогда не найдешь. К твоему сведению, во внешней двери шлюзовой камеры, которая на вид литая, установлен мощный передатчик, излучающий сигналы на большое расстояние.

— Почему же я не слышал этих сигналов?

— Потому что он их не передавал. Дело в том, что в двери установлен и приемник. Так что передатчик работает только тогда, когда сам получит определенный сигнал. Мы дали тебе возможность оторваться, а потом стали следить. Сначала мы потеряли тебя в Фрейбурбаде, но потом напали на твой след в больнице, где ты устроил спектакль с трупами. Мы решили тебе помочь и уговорили врачей, чтобы они не поднимали шум. После этого мы взяли под пристальное наблюдение всех хирургов, так как твой следующий шаг был очевиден. Надеюсь, ты обрадуешься, узнав, что в твоей грудной клетке установлен миниатюрный передатчик.

Я посмотрел на свою грудь, но, конечно, ничего там не увидел.

— Жалко было упускать такую возможность, — продолжал Инскипп. — Однажды ночью, когда ты спал под воздействием снотворного, твой доктор наткнулся на вино, которое мы предусмотрительно вложили в один из продовольственных заказов. Конечно, он тут же оприходовал его, и один из наших хирургов сделал тебе маленькую операцию.

— Значит, с тех пор вы держали меня под наблюдением?

— Именно. Но ты все время действовал как надо.

— Так зачем вы тогда сейчас сюда принеслись? — огрызнулся я. — Я ведь не трубил в рожок.

Это был единственный вопрос, который сейчас меня волновал, и Инскипп задумался, прежде чем на него ответить.

— Значит, так, — сказал он и отхлебнул бренди. — Держа новичка на привязи, я всегда отпускаю веревку, но не настолько, чтобы он на ней повесился.

Что мне оставалось ответить на это?

Голос Инскиппа стал мягче.

— Арестовал бы ты ее, если бы мы не появились?

— Не знаю, — выдавил я из себя.

— А я знал, что произойдет, — сурово произнес он. — Вся операция бы сорвалась, а убийца смылась бы с этой планеты.

— Отпустите ее! — закричал я, схватив его за грудки. — Отпустите ее немедленно!

— Чтобы она опять оказалась на свободе и принялась за старое? — спросил он.

Я не знал, что ответить. Отпустив Инскиппа, я задумался, а он принялся поправлять пиджак.

— У тебя было трудное задание, — сказал он, убирая фляжку. — Иногда нелегко определить границу между добром и злом. А когда к делу подключаются чувства, то и вообще невозможно.

— Что с ней сделают? — спросил я.

Он помедлил с ответом.

— Хоть раз скажите мне правду, — попросил я Инскиппа.

— Ладно, скажу правду. Обещать не могу, но наши психиатры постараются ей помочь. Если, конечно, найдут причину ее поведения. Но это не всегда удается.

— Я подскажу им, в чем причина.

Он слегка удивился, доставив мне этим небольшое удовольствие.

— В этом случае у нее есть шанс. Я лично распоряжусь, чтобы испробовали все средства, прежде чем решиться на замену личности. Если это произойдет, ее тело останется прежним. А тел в Галактике много. Если ее приговорят к смерти, она станет трупом, которых в Галактике ничуть не меньше.

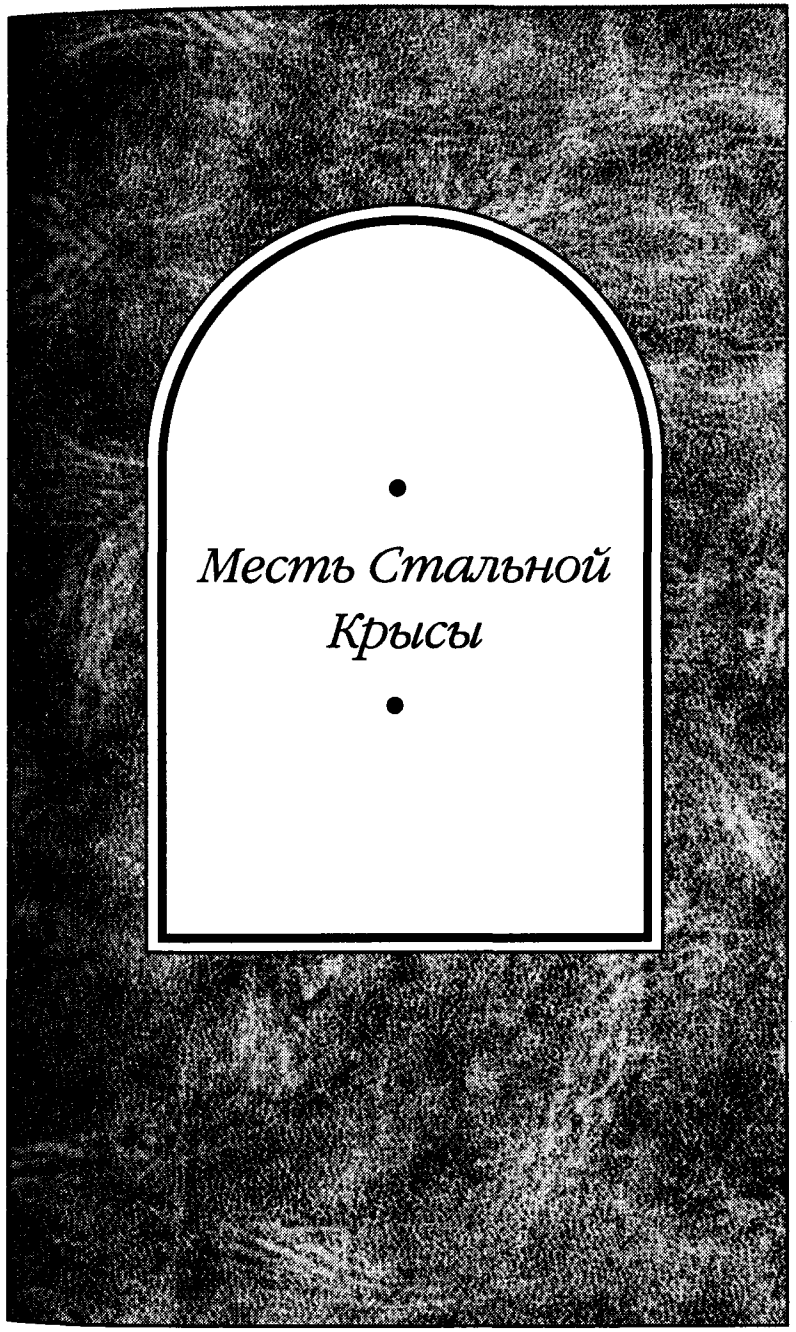
Я выхватил у него фляжку, прежде чем он успел спрятать ее в карман.

— Я-то вас знаю, Инскипп, — сказал я, наливая бренди. — Вы прирожденный вербовщик. Сначала ловите преступников, а потом берете их к себе на службу.

— А что еще остается делать, — сказал он. — Из нее выйдет прекрасный агент.

— У нас получится отличная команда, — ответил я, и мы подняли бокалы.

— За преступления!

Месть Стальной Крысы

Глава 1

Я стоял в унылой очереди налогоплательщиков, зажав в потной руке заполненные декларации и деньги. Наличные деньги, старомодные зеленые бумажки. Местная традиция, которая моими стараниями дорого обойдется здешним жителям. Я ожесточенно чесался, пытаясь унять страшный зуд под накладной бородой. Стоявший впереди мужчина отошел, и я оказался перед окошком. Палец прихватило клеем; пришлось потрудиться, чтобы оторвать именно его, а не бороду.

— Давайте, давайте, и побыстрее, — нетерпеливо протянула руку кассирша — стареющая дама с унылым лицом.

— Ну уж нет, — возразил я, отбросил прочь свои бумаги и выставил свой огромный 0,75 калибра безотказный пистолет. — Это вы давайте. Гоните денежки, которые вытянули из этих тихих олухов.

Я зловеще улыбнулся, чтобы показать, что это не шутки. Улыбочка вышла что надо: мои зубы были выкрашены в кроваво-красный цвет. Это помогло ей принять верное решение. Она подавилась собственным визгом и принялась выгребать кассу. Деньги я рассовал по карманам пальто.

— Что вы делаете? — ужаснулся стоящий за мной человек, выпучив глаза.

— Денежки загребаю. — Я бросил ему пачку банкнот. — Отчего бы и вам не взять немножко?

Он машинально поймал ее и уставился на деньги. Тут сработала сигнализация, и двери с треском захлопнулись. Кассирша умудрилась-таки нажать кнопку.

— Везет вам, — порадовался я, — однако не следует отвлекаться по мелочам, когда деньги выдаешь.

Она вскрикнула и стала было оседать, однако взмах пистолета и кровавая улыбка вернули ее к жизни, и денежки потекли опять. Вокруг заметались люди, энергичные охранники высматривали зачинщика беспорядка; пришлось нажать на кнопку радиореле. По банку прокатилась серия оглушительных взрывов: во всех ур-

нах бахнули газовые бомбы, заранее мною разложенные. Клиенты дружно завизжали. Пришлось ненадолго прервать возню с деньгами, чтобы надеть очки. И рот пришлось закрыть — дышать надо носом: в ноздрях установлены фильтры.

Это было потрясающее зрелище. Слепящий газ практически мгновенно парализует зрительный нерв, на некоторое время, разумеется. Через пятнадцать секунд в банке ослепли все.

Кроме вашего покорного слуги — Джеймса Боливара ди Гриза, человека выдающихся и разнообразных талантов. Весело похмыкивая закрытым ртом, я сгреб оставшиеся деньги. Из-под конторки доносилось хныканье моей «благодетельницы». Вокруг царила страшная неразбериха, люди размахивали руками, падали. Удивительное ощущение — словно ты один зрячий в мире слепых. Снаружи уже собралась толпа. Удивленные зрители облепили окна и двери, наблюдая разыгравшуюся драму.

Я сделал ручкой и улыбнулся — толпа отхлынула от дверей. Оставалось прострелить замок, да так, чтобы никого не задеть. Дверь распахнулась. Прежде чем выйти на улицу, я заложил в уши затычки и бросил на тротуар визжалку.

Как только она заработала, все кинулись прочь. Вы бы тоже побежали, услышав эту штуку. Визжалка издает жуткие звуки, по мощности равные грохоту землетрясения. В слышимом диапазоне — словно нож по стеклу, а ультразвуки порождают панику и ощущение неминуемой смерти. Совершенно безвредно, но эффективно. По опустевшей улице я подошел к подъехавшей машине. Голова слегка гудела от ультразвука, просочившегося сквозь затычки. Я плюхнулся на сиденье и с удовольствием расслабился. Анжелина погнала машину по улице.

— Все прошло гладко? — не отрывая глаз от дороги, спросила она и лихо свернула за угол.

Вдали завыли сирены.

— Гладко и мягко, как касторка под хорошее пирожное...

— Твои сравнения оставляют желать лучшего.

— Извини. Что-то желудок с утра расстроился. Зато теперь денег в карманах — девать некуда.

— Вот здорово! — От радости ее носик очаровательно сморщился.

Бесподобная улыбка. Мне страшно захотелось ее поцеловать, но пришлось сдержаться, чтобы не отвлекать от дороги. Я бросил в рот жевательную резинку — очистить зубы — и принялся снимать грим.

Машину тоже надо было преобразить. Анжелина свернула в тихий переулок, где не было ни души, припарковалась и нажала на кнопку.

О, техника может творить чудеса! Номерной знак перевернулся, но это так просто, что и говорить не стоит. Как только брызнули тонкие струйки каталитической жидкости, Анжелина включила дворники. Голубая краска превратилась в красную. А верх машины стал прозрачным — теперь мы сможем наслаждаться окружающими видами. Бесследно растворились и исчезли накладки под хромированный металл — от этого изменился тип машины. Когда процесс закончился, Анжелина медленно тронула автомобиль в ту сторону, откуда мы примчались. Ее рыжий парик и мои гримировальные принадлежности исчезли в бардачке. Мне пришлось подержать руль, пока она надевала огромные солнечные очки.

— Куда едем?

Навстречу, визжа сиренами, пролетели несколько полицейских машин.

— Я думаю, к морю. Солнце, воздух, пляж и все такое. Полезно и приятно.

— Чересчур полезно, ты не находишь? — Она с довольной улыбкой похлопала себя по округлившемуся животу. — Шесть месяцев, седьмой пошел, куда уж мне резвиться. Кстати... — Она метнула на меня быстрый взгляд и опять сосредоточилась на дороге. — Ты обещал, что у меня будет медовый месяц, как у всякой порядочной жены.

— Любовь моя, — проникновенно начал я, взяв ее руку, — при первой же возможности. Честной женщины мне из тебя не сделать — учитывая склад твоего ума, — но обещаю на тебе жениться и надеть роскошное...

— Ворованное!

— ...кольцо на этот нежный пальчик. Это я обещаю. Но как только мы попытаемся зарегистрировать свой брак, как только наши данные попадут в компьютер — игра кончена. Наш отпуск тоже.

— А ты будешь повязан на всю жизнь. Лучше уж я тебя сейчас охомутаю, а то потом с таким животом мне будет не с руки за тобой гоняться. Сейчас мы пообедаем на побережье и целый день будем наслаждаться свободой. А утром, сразу после завтрака, поженимся. Обещаешь мне это?

— Есть только одна проблема...

— Обещай, Скользкий Джим, я тебя знаю!

— Слово даю, вот только...

Она резко затормозила. Мне в лицо уставился мой собственный безотказный 0,75-го калибра пистолет. Он, оказывается, очень большой. Анжелина держала палец на спусковом крючке.

— Обещай, скользкий, шустрый, изолгавшийся пройдоха, а не то я разнесу тебе башку.

— Дорогая, ты ведь меня любишь!

— Конечно, люблю. Но если ты не станешь моим, то лучше уж тебе быть мертвым. Ну?

— Утром мы поженимся.

— До чего трудно убедить некоторых мужчин, — прошептала она, прижимаясь ко мне и засовывая пистолет обратно в мой карман.

Потом так страстно поцеловала меня, что я на секунду преисполнился оптимизма насчет завтрашнего дня.

Глава 2

— Куда собрался, Скользкий Джим? — Анжелина выглядывала из окна нашей комнаты.

Я замер у калитки.

— Хочу окунуться, любовь моя. — Я беззаботно открыл калитку.

Бахнул выстрел, разнесший калитку в щепки.

— Распахни-ка халат, — попросила она ласково и дунула в дуло пистолета.

Пожав плечами, я распахнул халат, из-под которого торчали голые ноги. На мне, конечно, была одежда, просто брюки были закатаны до колен, а туфли лежали в карманах. Анжелина понимающе кивнула.

— Поднимайся наверх. Никуда ты не пойдешь.

— Конечно, не пойду. — От злости меня прямо в жар бросило. — Боюсь, ты неправильно меня поняла. Не такой я человек. Захотелось, понимаешь, пройтись по магазинам... и...

— Поднимайся.

Я потащился наверх. Божье наказание — это сказано про мою Анжелину. Медики из Специального Корпуса сумели избавить ее от наклонности к убийству, распутать узлы в подсознании. Казалось, им удалось подготовить ее к новой, счастливой жизни. Но легкая встряска — и Анжелина стала прежней. Тяжко вздыхая, я взбирался по лестнице на негнущихся ногах.

И ощутил себя подлым негодяем, когда увидел, что она плачет.

— Джим, ты меня не любишь!

Классический прием, старый как мир, но безотказный.

— Люблю, — искренне возразил я. — Но это просто... рефлекс. Или что-то в этом роде. Я люблю тебя, но брак мне кажется чем-то вроде тюрьмы.

— Брак — это настоящая свобода, а никакая не тюрьма. — Она легкими прикосновениями поправила макияж, подвергнувшийся разрушительному воздействию слез.

Только сейчас я заметил на ней белое платье и белоснежные кружева в волосах.

— Это как в холодную воду окунуться. — Она успокаивающе потрепала меня по щеке. — Если это делать быстро, то холода не чувствуешь. Приведи в порядок брюки и не забудь надеть туфли.

Что я и сделал, а когда выпрямился, то увидел, что дверь в соседнюю комнату открыта и там уже стоят Вершитель Браков и два свидетеля. Как только грянули мощные аккорды органной музыки, Анжелина мягко взяла меня под руку. И настойчиво потянула вперед. Я на секунду замер — и шагнул навстречу неизвестности. Орган промычал последние ноты, морока рассеялась. Когда Анжелина подняла лицо для поцелуя, то я с трудом подавил стон.

Среди множества бутылок, стоявших в баре, мои пальцы безошибочно нащупали пузатую бутылку. Пот Сирианской Пантеры — этот могучий напиток был запрещен на большинстве цивилизованных планет за производимый им мощный эффект. Большая рюмка подействовала почти сразу, я прямо ощутил ее сокрушительное воздействие. Поэтому не мешкая налил вторую.

Видимо, я долго так сидел, погруженный в хаотические мысли, потому что Анжелина — моя навеки Анжелина (тяжелый вздох) — появилась передо мной переодетая в свободные брюки и свитер, с уложенными чемоданами. И выхватила стакан из моей руки.

— Будет развлекаться, — беззлобно сказала она. — Вечером попразднуем, а сейчас ехать надо. Брачная запись в любой момент может попасть в компьютерную сеть. Как только мелькнут наши имена — поднимется суета, как в день получки. Последние два месяца полиция вешает все преступления на нас — так что они тут же кинутся по нашим следам.

— Помолчи. — Я, пошатываясь, встал. — Это и так ясно. Выводи машину и поехали.

Я хотел помочь ей вынести вещи, но пока сформулировал свое предложение, она уже спустилась по лестнице. Делать нечего — поплелся к выходу. Машина нетерпеливо рычала, через открытую дверцу было видно, как Анжелина столь же нетерпеливо притопывает ногой. Как и все машины в Камате, эта приводилась в движение паровым двигателем, который топился при помощи

хитрого приспособления, загружавшего в топку торфяные брикеты. На то, чтобы поднять пар, обычно уходило не менее получаса. Все это промелькнуло у меня в голове, как только я уселся в машину. Значит, Анжелина все продумала заранее. Мой посильный и единственный вклад в общее дело состоял в том, что я напился, — так себе помощь.

— Отрезвляющие пилюли у тебя есть? — Голос мой звучал хрипловато.

Я еще не кончил говорить, а пилюля уже была на ладони. Маленькая такая, розовая, украшенная черным черепом со скрещенными костями. Это изобретение какого-то сумасшедшего химика работало словно некий метаболический пылесос. Через несколько секунд после растворения в желудке вещество попадало в систему кровообращения и удаляло не только алкоголь, но и все его побочные продукты. Несчастную жертву оставалось только пожалеть — трезвел человек практически мгновенно.

— Без воды я проглотить это не смогу, — промямлил я, тупо уставившись на пластиковую чашку в ее руке. Отступать было некуда. С дрожью я бросил смертоносную пилюлю в рот и осушил чашку.

Это только так говорят, что все происходит почти мгновенно, — в реальном времени, видимо, так оно и есть. Субъективно это длится часы. Представьте, что вам в глотку вставили пожарный шланг и включили воду. Кажется, что изо всех отверстий тела, включая поры, начинают бить очищающие струи, — и вы промыты начисто.

— У-ух, — слабо выдохнул я, выпрямился и промокнул платком лоб.

— Надеюсь, тебе полегчало?

Анжелина выехала на кольцевую развязку, бросила быстрый взгляд на карту и свернула на нужную дорогу.

— Все уже подняты по тревоге, включая армию и флот. Я подслушала радиопереговоры.

— Оторваться сможем?

— Сомневаюсь — если только тебя не осенит гениальная идея. Они уже сомкнули кольцо и теперь потихоньку сжимают его. Прикрывают даже с воздуха.

Я еще не успел оправиться после героического приема таблетки. Мой взбудораженный мозг, видимо, пока соединялся с голосовыми связками напрямую, без всякого участия рассудка.

— Отличное начало семейной жизни. Теперь понятно, почему я избегал женитьбы все эти годы.

Машина слетела с дороги прямо на лужок под синими деревьями. Анжелина выскочила, хлопнула дверью и уже доставала чемодан. Я и опомниться не успел. Попытался покаяться.

— Я осел...

— Тем более глупо было за тебя выходить! — Голос ледяной, ровный, глаза сухие. — Я тебя надула и заставила жениться только потому, что мне показалось, что и ты этого хочешь. Но, видимо, я ошиблась, поэтому лучше исправить ошибку в самом начале. Извини, Джим. Ты изменил всю мою жизнь, а мне хотелось преобразить твою. Мне было хорошо с тобой. Спасибо и до свидания!

К концу этой небольшой речи мой мозг обрел обычную форму. Я выскочил из машины и взял ее за руки.

— Анжелина, то, что ты сейчас услышишь, я говорю в первый и последний раз в жизни. Постарайся понять и запомнить то, что я тебе скажу. Когда-то я был первым мошенником во всей Вселенной, но затем был вынужден поступить в Специальный Корпус и заняться ловлей преступников. Вот и тебя взял. Ты ведь была не просто мошенница, а безжалостная убийца с садистскими наклонностями. — Тут я крепче сжал ее руки, почувствовав, как она напряглась. — Ты должна знать это, потому что так оно и было. Но теперь все изменилось. Переменилась и ты, хоть и не без помощи врачей. Я люблю тебя такую. Но хочу напомнить, что любил тебя и прежде, и это объясняет многое. И если я иногда взбрыкиваю и бранюсь по утрам — не придавай этому значения. Договорились?

Договорились. Она уронила чемодан прямо мне на ногу — я и вздрогнуть не посмел, — кинулась мне на шею, осыпала поцелуями и повалила в высокую траву. Я отвечал ей горячей взаимностью. Наверное, это эффект медового месяца. Отлично...

Когда парочка махоциклов, подвывая, остановилась у нашей машины, мы замерли. Эти машины использовались только в полиции, потому что могли развить скорость куда большую, чем паровички на торфе. Это были трехколесные экипажи с большим тяжелым маховиком между задними колесами. Ночью маховик раскручивают до максимальной скорости, и в течение дня он снабжает электроэнергией приводные электромоторы колес. Просто и эффективно, вот только несколько опасно.

— Поддер, это та самая машина! — Полицейский старался перекричать вой маховика.

— Надо доложить. Они не могли далеко уйти. Теперь-то мы их точно возьмем!

Ничто меня так не бесит, как наглая самоуверенность мелких служак. Уже взяли, во дают! Один из них высунулся из-за машины и уставился на наше уютное гнездышко. Он все еще таращился,

когда я ухватил его за шею и вытащил на траву. Было интересно наблюдать, как потихоньку вываливается его язык, наливается кровью лицо, закатываются глаза — но Анжелина все испортила. Она содрала шлем с головы полицейского, потом резко, но аккуратно ударила в висок каблуком туфли. Бедолага потерял сознание.

— А меня-то обвинял, — прошептала моя суженая. — Сам ты садист.

— Я доложил, все оповещены. Теперь им никуда не деться... — с энтузиазмом начал было оставшийся служака и уставился на дуло служебного пистолета своего приятеля. Анжелина вынула из сумочки капсулу снотворного и раздавила у него под носом.

— Что дальше, босс? — спросила она, с улыбкой поглядывая на две фигуры в черных мундирах, лежавшие рядышком на травке.

— Я вот что думаю. — Пришлось потеребить подбородок и нахмурить брови, чтобы выглядеть соответственно. — Наш беззаботный отпуск длится уже более четырех месяцев, но все хорошо, что хорошо кончается. Конечно, продлить его в наших силах. Но это было бы по меньшей мере неразумно — на нас могут обидеться. Кроме того, — хоть мне и нравится твоя фигура — сейчас ты не в лучшей форме для всякой беготни, погони и прочей суеты. Может, нам лучше вернуться на службу?

— Я ждала, что ты предложишь именно это. Ограбление банка и утренняя слабость как-то не вяжутся. Наверное, вернуться будет лучше всего.

— К тому же все нам будут рады. Поскольку в отпуске нам было отказано, мы просто вынуждены были угнать этот почтовый корабль.

— Не говоря уж о том, что деньги на расходы пришлось воровать, — ведь со счета мы ничего снять не могли.

— Правильно. За мной, вернемся с шиком!

Мы сняли с полицейских мундиры и бережно уложили спящих на заднее сиденье машины. У одного из них нижнее белье было розовое в горошек, а у второго — более практичного черного цвета, но отделанное кружевами. У меня даже зародились определенные сомнения по части морального облика полиции на Камате, хотя вполне возможно, что здесь это обычное дело. И все-таки я был рад уехать. В мундирах, шлемах и очках мы безмятежно катили себе по дороге на махоциклах, приветствуя несущиеся навстречу машины и броневики. Не дожидаясь, когда поднимется переполох, я затормозил посреди дороги и остановил один из броневиков. Анжелина проехала чуть дальше, не желая никого шокировать видом беременного полицейского.

— Мы их засекли! — рявкнул я. — Вырубите приемник — у них есть радиоперехватчик. Следуйте за мной.

— Показывай дорогу! — встрепенулся водитель, его напарник радостно кивнул.

Видимо, они уже видели впереди славу и блеск медалей. Я поехал к лесному озеру по заброшенной дороге. Тут на берегу стоял ветхий сарай с пристанью.

Я махнул рукой и остановился. Потом побежал к машине, заговорщицки приложив к губам палец. Водитель опустил стекло и нетерпеливо высунулся наружу.

— Дышите глубже, — посоветовал я, забросив в кабину газовую гранату.

Клубы газа, судорожные вздохи — и две фигуры лежат на травке.

— Хочешь взглянуть, какое у них белье? — ехидно поинтересовалась Анжелина.

— Отнюдь. Мои заблуждения мне дороже, даже если они беспочвенны.

Махоциклы быстро прокатились по причалу и свалились в воду, подняв тучу брызг и пара. Кабина броневика проветрилась. Мы погрузились и поехали. Анжелина с аппетитом уплетала найденный в кабине бутерброд. Избегая главных дорог, мы направились в город, чтобы попасть в главное управление полиции. Я хотел повидаться кое с кем.

Подземный гараж управления был пуст, мы на лифте поднялись в здание. Безлюдно было и на этажах, кроме штабного помещения. Анжелина осталась ждать меня в пустом кабинете. Она развлекалась, вскрывая секретные файлы.

Опустив очки на нос, я вошел в обшарпанное пыльное помещение.

Никто даже не обернулся в мою сторону. Человек, который был мне нужен, прохаживался, посасывая потухшую трубку. Я шагнул вперед и отдал честь.

— Сэр, там кто-то вас спрашивает.

— Что? Что такое? — встревожился он.

Харольд Петерс Инскипп, директор и мозг Специального Корпуса, был сегодня явно не в духе.

Выйдя за дверь, я снял очки.

— Мы готовы вернуться, сэр, — отрапортовал я, — но только если вы сможете по-тихому вытащить нас с этой планеты. Не хочется связываться с местной полицией.

Инскипп так сжал челюсти, что перекусил мундштук трубки. Отплевываясь на ходу, он последовал за мной в кабинет, где нас поджидала Анжелина.

Глава 3

— Гр-р-р-рм! — зарычал Инскипп, потрясая бумагами, которые трещали, как кастаньеты.

— Очень выразительно, — одобрительно заметил я, доставая из кармана сигару. — Однако маловато информации. Нельзя ли немного подробнее? — И аккуратно отрезал кончик сигары, без единой трещинки. Идеально.

— Да вы отдаете себе отчет, во что обошлись ваши игры? Во сколько миллионов? Экономика Каматы...

— Ничуть не пострадала. Правительство возместит убытки всем потерпевшим и вычтет эту сумму из ежегодного взноса в бюджет Специального Корпуса. У которого и так денег больше чем нужно. Кроме того, здесь есть свои выгоды. Интригующее развлечение для населения, повышение газетных тиражей, хорошая тренировка для засидевшихся полицейских — это отдельная история, — полевые учения, доставившие массу удовольствия всем участникам. Вместо того чтобы попусту сердиться, власти могли бы заплатить нам за это волнующее представление.

Я раскурил сигару и выпустил колечко ароматного дыма.

— Перестань умничать, мошенник. Если мы передадим тебя и твою молодую жену властям Каматы, то вам и через шестьсот лет из тюрьмы не выбраться.

— Это невозможно, Инскипп, сами вы мошенник. У вас не хватает полевых агентов. Мы вам нужны больше, чем вы нам. Давайте прекратим пустую болтовню и перейдем наконец к делу. Я уже понес наказание. — Я оторвал от мундира пуговицу и бросил ему. — Сорвите все мои награды и лишите звания. Полностью признаю свою вину. Давайте дальше.

Он напоследок рыкнул, бросил бумаги в урну и вытащил большую красную папку. Она угрожающе загудела у него в руках. Устройство безопасности опознало отпечаток большого пальца и отключилось. Папка раскрылась.

— Это очень важное, сверхсекретное задание.

— Разве я когда-нибудь получал другие?

— К тому же чрезвычайно опасное.

— Вы просто втайне завидуете моей красоте и желаете сжить меня со свету. Не томите, Инскипп. Хватит играть, рассказывайте

по существу. Мы с Анжелиной в любом случае справимся лучше, чем ваши престарелые, дряхлые агенты.

— Эта работа для тебя одного. Анжелина несколько...

Лицо его стало пунцовым, и он уткнулся в бумаги.

— О-го-го! — завопил я. — Грозный, бесстрашный Инскипп, глава тайных галактических сил. Не может произнести слово «беременна»! А «крошка»? Нет, а «секс»? Ладно, быстро скажите три раза вслух «секс, секс, секс» — это вам поможет.

— Заткнись, ди Гриз, — проворчал он. — Хоть женился, и то ладно, видно, в тебе осталась капля порядочности. Анжелина останется! Эта работа для одного, и ты отправишься один. Но учти, она может остаться вдовой.

— Ей черное не к лицу, и только потому вы этого не дождетесь. Рассказывайте.

— Для начала кое-что посмотрим.

Он вынул из папки кассету и опустил в прорезь стола. Сверху опустился экран, свет погас. Начался фильм.

Съемка велась ручной камерой, цвет иногда пропадал, выглядело все очень непрофессионально. Но это был лучший любительский фильм из всех, что я видел, — материал был хорош. И, несомненно, подлинный.

Кто-то с кем-то воевал. Был погожий день, в голубом небе висели белые облачка. И черные клубы разрывов зенитных снарядов. Но огонь был не очень плотным, он не мог остановить лавину военных транспортников, которые быстро снижались и заходили на посадку. Это был средних размеров космопорт, неподалеку стояло несколько грузовых кораблей. Низко над землей промчался летательный аппарат, взметнулись бомбовые разрывы — видимо, над укреплениями защитников. До меня вдруг дошла вся невероятность происходящего.

— Но ведь это космические корабли! — ахнул я. — И транспортники тоже космические. Что за ослы затеяли межпланетную войну? Неужели они надеются победить? И какое отношение все это имеет ко мне?

Фильм закончился, вспыхнул свет. Инскипп разглядывал свои сложенные на столе руки.

— К вашему сведению, господин Всезнайка, это вторжение завершилось успешно — как и несколько других. Этот фильм был снят контрабандистом, одним из наших постоянных осведомителей. У него хороший скоростной корабль, и только поэтому ему удалось ускользнуть.

Это меня сразило. Я сделал глубокую затяжку и попытался вспомнить все, что знал о межпланетных войнах. Собственно,

вспоминать-то особо было нечего. Потому что это была полная бессмыслица. Может быть, иногда в Галактике местные условия и складываются удачно: ну, скажем, есть звездная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна из них отсталая, а другая технически развита — то первую можно захватить. Но только при условии, что нет серьезного сопротивления. Расстояние делает войну невыгодной. Приходится выводить в космос целую армию с оружием, боеприпасами, да еще и с запасом питания — а это огромный расход энергии, стоимость транспортировки просто колоссальная. А если захватчики встретят решительное сопротивление, то вторжение теряет всякий смысл. И это в пределах одной системы, где планеты по галактическим меркам практически соприкасаются. Войну между планетами из разных звездных систем невозможно себе даже представить.

Но нет ничего невозможного, если люди берутся за дело всерьез, как мы только что видели. Такие вещи, как насилие, война, кровопролитие, до сих пор остаются привлекательными для темных сил человечества, несмотря на многовековой мир. Тревожные мысли охватили меня.

— Вы хотите сказать, что произошло успешное вторжение?

— И не одно.

При этих словах на лице Инскиппа появилась нехорошая ухмылка.

— А вы лично и Лига в целом желаете это прекратить?

— В точности так, Джим.

— И столь важное задание доверяете такому шалопаю, как я?

Он вынул из моих пальцев окурок сигары, кинул его в пепельницу — и торжественно пожал мне руку.

— Это дело как раз для тебя. Иди и возвращайся с победой.

Я выдернул руку из предательского пожатия, вытер пальцы о штаны и снова взял свой окурок.

— Сдается мне, что мои похороны будут самыми пышными за всю историю Корпуса. Может быть, позволите узнать некоторые подробности, или предлагается путешествие на грузовом корабле с завязанными глазами, да еще в одну строну?

— Терпение, мой мальчик, терпение. Ситуация выглядит следующим образом. В средствах массовой информации об этом ничего не сообщалось по политическим соображениям. На захваченных планетах к тому же очень строгая цензура. Как нам удалось узнать — между прочим, человек заплатил жизнью за эту информацию, — ответственность падет на Клианду, это третья планета в системе Эпсилон Инди. В этой системе всего около сорока планет, но только три из них пригодны для жизни. Несколько лет назад

Клианда захватила две соседние планеты, но нам тогда показалось, что тревожиться еще рано. Однако с тех пор аппетиты клиандцев выросли, а это уже настораживает. До сих пор межзвездные войны считались невозможными, но Клианда уже захватила пять планет в ближайших системах и, похоже, не собирается останавливаться. Непонятно, как это им удалось, но это факт. У нас есть агенты на захваченных планетах, но узнать удалось очень немного. Было принято решение на самом высоком уровне — поверь мне, ты бы встал и отдал честь, если бы услышал имена этих людей, — внедрить человека на Клианду, который смог бы разобраться на месте и тем самым помог бы разрубить сей гордиев узел.

— Если отбросить все ваши сложные и путаные метафоры, то и полному дураку ясно, что это просто самоубийство. Вместо этого мы могли бы...

— Нет, Скользкий Джим, ты полетишь. Отвертеться тебе не удастся.

Однако я попытался отвертеться. Но ничто не помогло. Мне вручили копии всех отчетов, ментаграмму языка и ключ от патрульного корабля, на котором и предстояло лететь. Домой я вернулся в мрачнейшем настроении. Анжелине, видимо, надоело причесываться и красить ногти, и она развлекалась метанием ножа в цель. Получалось у нее отлично. Даже из-под руки она могла попасть в любую из мишеней по выбору.

— Надо бы сделать мишень в виде Инскиппа, — буркнул я. — Это будет намного интереснее, да и куда приятнее.

— Неужели этот гадкий старикашка посылает моего ненаглядного на задание?

— Этот старый, вонючий козел хочет моей смерти. Задание настолько секретное, что я никому не имею права о нем рассказывать, даже тебе. Поэтому — вот бумаги и читай сама.

Пока она читала, я зарядил ментаграмму в ментограф. Эта штука запишет клиандский язык прямо мне под корку мозга, без мучительного и долгого учебного процесса. Первый сеанс займет около получаса, затем потребуется еще дюжина сеансов покороче, для закрепления материала. После чего я смогу говорить на языке вполне свободно, правда, схлопочу приступ жуткой головной боли в результате электронного вмешательства в мозг. Одно хорошо: когда прибор работает, сознание полностью отключается, что мне сейчас и нужно.

Последовал миг забытья, и вот Анжелина уже осторожно снимает шлемофон с моей головы и протягивает таблетку. Пришлось полежать немного с закрытыми глазами, пока не утихла боль. Мягкие губы коснулись моего лица.

— Они хотят избавиться от тебя, но ты не сдавайся. Ты обязательно победишь и когда-нибудь займешь кресло Инскиппа.

— Со щитом иль на щите, так, что ли? Победа или смерть? А обо мне ты подумала?

— Постоянно думаю, но такова уж нелегкая женская доля. Я не хочу мешать твоей карьере.

— Спасибо, что объяснила, а то я и не знал бы, что делаю карьеру.

— ...и сделаю все, чтобы тебе помочь.

— Ты не сможешь полететь со мной по причине, которая уже вполне очевидна.

— Знаю, но мысленно я буду всегда с тобою. А как ты собираешься попасть на эту планету?

— Сяду на свой юркий патрульный кораблик, быстро подлечу и, прикрываясь радарным экраном, войду в атмосферу.

— И разлетишься на отдельные атомы. Почитай отчет того парня, что выбрался оттуда последним, и придумай что-нибудь получше.

Прочитал. Кошмар. Бросил отчет в кучу бумаг.

Все понятно. Эта планета целиком милитаризована. Похоже, там даже домашняя живность скачет в мундирчиках. Вламываться туда подобным образом — значит начинать игру по их правилам, да еще на их поле. К чему они не привыкли — так это к мягкому и хитрому подходу, к изысканному мошенничеству и искусному обману. Другими словами: пролезай, втирайся, делай свое дело и поскорей смывайся.

— Не нравится мне все это, — нахмурилась моя любимая. — Будь осторожен, Джим, береги себя. Мне сейчас вредно волноваться.

— Единственное, о чем тебе стоит волноваться, так это о судьбе той жалкой планетки, когда на нее обрушится Скользкий Джим.

Я чмокнул ее в щеку и вышел, гордо подняв голову и расправив плечи.

Ах, если бы в душе была хотя бы десятая доля этой наигранной уверенности! Дело предстояло — хуже некуда.

Глава 4

Я тщательно продумал все приготовления к этой сложной операции. Не раз мне приходилось с каменным лицом выслушивать стенания Инскиппа по поводу дороговизны мероприятия. Но в конце концов не ему, а мне придется лезть в петлю. Хотелось подстраховаться от любых неожиданностей, чтобы надежно обеспечить себе физическое выживание. Но даже самые сложные дела когда-нибудь кончаются. Вот наконец продуманы последние детали, сделаны последние распоряжения. И овца отправилась на бойню.

Б-е-е-е. Я сидел в баре межпланетного корабля «Каннетава» с бокалом в руке, катая в пальцах потухшую сигару, и чувствовал себя совсем голым. Посадка на Клианде была объявлена через час. Я был абсолютно голым, в переносном смысле, конечно. Потребовалось огромное напряжение воли, чтобы дисциплинированно оставить все запрещенные вещи. Никаких мини-бомб, газовых капсул, микропил, подслушивающих устройств. Ничего. Даже любимая отмычка извлечена из-под ногтя большого пальца. Даже...

Тут я скрипнул зубами и осмотрелся. Посетители бара самозабвенно напивались, на меня никто не обращал внимания. Я вытащил из кармана бумажник и ковырнул один из швов. И натурально, обмер. Ах память, память... Она не только позволяет запомнить, но и помогает забыть. Мое подсознание отчаянно сопротивлялось. Только разум мог согласиться с такой дикостью, как высадка на Клианду безо всяких привычных приспособлений. Я отработанным жестом сжал бумажник. В руку скользнула миниатюрная, удивительно прочная отмычка. Настоящее произведение искусства. Я даже хлебнул за ее здоровье, на прощание. И по пути в каюту выбросил ее в урну. Она отправится обратно, а я сойду на эту исключительно негостеприимную планету.

В каждом отчете отмечалось, что на Клианде самая свирепая таможня во всей Галактике. Контрабанда там попросту исключена. Не стоит и пытаться. Я просто должен быть тем, за кого себя выдаю. Торгашом, представителем компании «Фразолетто-Мучо Лтд», поставлявшей оружие. Эта компания действительно существует, и я действительно ее представитель, тут не подкопаешься. Пусть попробуют.

Они, конечно, попробовали. Посадка на Клианду ничем не отличалась от посадки в тюрьму. Как только группа пассажиров сошла с трапа, всех сразу загнали в зловещую серую комнату. Под жесткими взглядами вооруженных до зубов охранников мы сбились в жалкую кучку. Наш багаж свалили рядом. Пока «Каннетава» не взлетела, ничего не происходило. Затем нас стали вызывать по одному.

Можно было немного понаблюдать, и я с радостью воспользовался этой возможностью. Важные военные, не обращая на нас ровно никакого внимания, слонялись туда-сюда, грохоча тяжелы-

ми ботинками и побрякивая оружием. Мундиры были все одного цвета, на первый взгляд, совсем не военного — смесь алого с темно-красным. Но я быстро понял, что это цвета крови, венозной и артериальной. Они вызывали навязчивое отвращение. Все охранники были здоровяки с огромными челюстями и маленькими поросячьими глазками. Они носили шлемы из фибростали с черными козырьками и прозрачными забралами. Каждый был вооружен универсальной винтовкой системы «гаусс» — жуткое оружие. Эти винтовки снабжены электробатареями огромной емкости. При нажатии на спусковой крючок в канале ствола создается сильное магнитное поле, которое разгоняет заряд не хуже любого патрона взрывного действия. У такой винтовки есть несколько преимуществ: высокий темп стрельбы, возможность стрелять практически бесшумно и любым типом зарядов — от отравленных игл до разрывных пуль. Это оружие часто упоминается в отчетах Корпуса, но до сих пор его никто не видел. Я сразу прикинул, как рассеять эту тайну.

— Пас Ратунков, — выкрикнул чей-то голос.

Вздрогнув, я вспомнил, что это мой псевдоним. И неуверенно взмахнул рукой, когда охранник направился в нашу сторону. Видимо, они специально ставят на ботинки железные подковки, так сказать, для усиления эффекта. Мне захотелось заиметь парочку таких башмаков. Клианда начинала мне нравиться.

— Вы Пас Ратунков?

— Это есть я, к вашим услугам. — Я тщательно коверкал местный язык на иностранный манер.

— Возьмите багаж и следуйте за мной.

Он тут же развернулся, но я отважился его окликнуть:

— Извините, сэр, но мне не унести все сразу.

Презрительно окатив меня ледяным взглядом, он ткнул винтовкой в дальний угол тюремного покоя.

— Тележка там.

Пришлось тащиться за тележкой. Это была замызганная платформа на маленьких колесиках, снабженная электроприводом. Я быстро погрузил вещи и отыскал взглядом своего проводника. Тот уже стоял у распахнутой двери, положив палец на спусковой крючок. Электромотор взвыл на предельных оборотах, и я галопом поскакал вслед за тележкой.

Досмотр начался.

Это теперь легко говорить. Все равно что сказать: «Я бросил атомную бомбу и пошел дальше». Впервые в жизни меня подвергали такому тщательному обыску. Приятно было сознавать, что свою отмычку я нашел первым.

В белой комнате с белыми стенами было десять человек. Шестеро занялись моим багажом, а четверо — непосредственно моей персоной. Для начала меня раздели и загнали во флюороскоп. С увеличительным устройством. Через несколько секунд состоялось совещание над снимками моих зубных пломб. Было решено, что одна из них необычайно велика и форма у нее несколько странная. Невесть откуда явилось жуткое зубоврачебное кресло. Операция началась немедленно. Зуб временно залепили цементом — надо отдать им должное, — пока пломбу исследовали на спектроскопе. Когда выяснилось, что пломба сработана из обычного сплава, они ничуть не расстроились. Досмотр продолжался.

Пока мое тело подвергалось изучающему массажу, один из инквизиторов приволок ворох бумаг. В основном это были психограммы, полученные в ответ на запросы местных властей. Они связались с моими работодателями, Фразолетто-Мучо, и выяснили все о моей работе. На все вопросы я ответил в основном правильно, только пару раз пискнул невпопад, когда исследователи добрались до чувствительных частей тела. Все шло хорошо, наконец мое досье было закрыто.

Во время всей этой катавасии я краем глаза наблюдал за своими чемоданами. Они пострадали еще больше. Каждый из них раскрыли, вещи вывалили на белоснежные столы. Затем чемоданы разобрали на части. На мелкие части. Швы распороли, замки разобрали, ручки сняли. Потом обломки запаковали в пластиковые мешки и сдали в хранилище. Очевидно, для более детального исследования. Одежда удостоилась лишь беглого осмотра. Вскоре выяснилось почему. Потому что больше я ее не увижу до самого отъезда.

— Вам выдадут клиандскую одежду, — объяснил один из инквизиторов. — Носить ее — одно удовольствие.

В этом я сильно усомнился, но счел за благо промолчать.

— Это религиозный символ? — спросил другой, держа в руках фотокарточку.

— Это портрет моей жены.

— Разрешается иметь только религиозные символы.

— Она у меня сущий ангел.

Это их убедило, с великой неохотой карточку вернули. Разумеется, не оригинал — это было бы слишком опасно. Мне выдали фотокопию. Анжелина на копии выглядела куда более сердитой, а может, мне просто показалось.

— Все личные вещи, включая документы, будут вам выданы перед отъездом, — холодно проинформировали меня. — На Клиан-

де вы обязаны носить местную одежду и соблюдать здешние законы. Вот ваши личные вещи.

Из всего багажа мне были выданы только три предмета первой необходимости.

— Это ваше удостоверение.

Я радостно схватил его, словно некое свидетельство реальности собственного существования, да и совсем голым стоять было холодновато.

— А что в этом ящике? — скрипучим голосом спросил инспектор. Все бросили работу и плотным кольцом окружили подозрительный ящик. Выражение лиц означало, что мне уже вынесен смертный приговор вне зависимости от ответа. Я слегка отпрянул, в испуге закатив глаза.

— Господа, я не сделал ничего плохого... — вырвалось у меня.

— Что это?

— Оружие...

Послышались негромкие возгласы, один из инспекторов даже завертелся, будто ища винтовку, чтобы прикончить меня на месте.

Я испуганно забормотал:

— Но, господа, вы должны меня понять. Я прибыл на эту планету по делам. Наша фирма «Фразолетто-Мучо Лтд» — старейший и широко известный производитель военной электроники. Это образцы нашей продукции. Некоторые из них очень хрупкие. Открывать разрешается только в присутствии специалистов.

— Я специалист по оружию! — Один из них шагнул вперед. Я его еще раньше приметил благодаря лысой голове и жуткому шраму, пересекавшему один глаз.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Меня зовут Пас Ратунков. — Мое имя не произвело на него ровно никакого впечатления, а своего он не назвал. — Если мне вернут ключи, буду рад ознакомить вас с содержимым.

Прежде чем позволить мне приступить к показу, они приволокли камеру, чтобы заснять всю процедуру. Я открыл замок и откинул крышку ящика. Специалист по оружию уставился на образцы, разложенные по отделениям. Я пустился в объяснения:

— Наша фирма является разработчиком и единственным производителем блоков памяти для дистанционных взрывателей. Это самая компактная и универсальная модель на сегодняшний день. — С помощью пинцета я извлек взрыватель размером с булавочную головку. — Это модель для использования в стрелковом оружии. Выстрел активизирует взрыватель, который детонирует, когда снаряд попадает в цель. А вот это взрыватель для тяжелых орудий и ракет. — Все придвинулись, снедаемые любопытством, когда я вынул

пластинку Мем-4 и принялся расписывать достоинства взрывателя. — Очень прочная конструкция, способная выдерживать невероятное давление, тысячекратные перегрузки, взрывы. Его можно настроить на цель определенного типа и запрограммировать на определенное время срабатывания с момента выстрела. Взрыватель к тому же снабжен системой распознавания, что исключает взрыв вблизи своих объектов. Уникальная модель.

Я положил взрыватель на место и захлопнул крышку ящика. По рядам зрителей прокатился вздох восхищения. Вот такие вещи они любят по-настоящему. Специалист по оружию уважительно приподнял ящик.

— Для демонстрации вам его выдадут.

Досмотр шел к концу. Больше ничего интересного не предвиделось. Ребята безо всякого интереса выдавливали из тюбиков зубную пасту и выковыривали из баночек крем. Вконец утомившись, они свалили мои вещи в кучу, затем кинули мне новую одежду.

— На одевание четыре с половиной минуты, — объяснил инспектор. — Возьмите эти сумки.

Одежду никак нельзя было назвать стильной. Серого, немаркого цвета белье было сшито из материала, на ощупь напоминавшего смесь дерюги с наждачной бумагой. Я вздохнул и начал одеваться. Верхняя одежда представляла собой цельный комбинезон с желтыми и черными поперечными полосами. В нем я стал похож на гигантскую осу. Что ж, если на Клианде это считается хорошим тоном, то ничего не поделаешь. Да и выбора нет. Я схватил выданные мне сумки, при этом тонкие ручки пребольно впились в ладони, и потащился к выходу.

— Машина там. — Стоявший на выходе охранник указал на беспилотный экипаж с куполообразной крышей, находившийся в огромном ангаре, выкрашенном все в тот же серый цвет. При моем приближении дверца машины распахнулась.

— С удовольствием воспользуюсь машиной, — дружелюбно кивнул я, — знать бы еще, куда ехать.

— Машина знает. Садитесь.

Не самый блестящий собеседник в этой Галактике. Я забросил внутрь сумки и уселся. Дверь автоматически захлопнулась, на панели робошофера вспыхнули огоньки. Машина тронулась, впереди распахнулись тяжелые ворота. Потом еще одни и еще. И все толстые да крепкие, как в банке. Наконец мы выбрались на открытое пространство. Я зажмурился от солнечного света. Затем принялся с интересом осматривать окрестности.

Клианда, если судить по этому городу, — мир модернизированный, механизированный и очень занятой. Дороги были заби-

ты машинами и грузовиками, которые, видимо, управлялись роботами — уж больно равномерно и с четкими интервалами они двигались. Тротуары тянулись вдоль дороги и над ней. Мелькали вывески, витрины, мундиры. Мундиры! Одним этим словом невозможно описать сверкающее многоцветное великолепие. Все были наряжены в мундиры разнообразных фасонов и расцветок. Что, видимо, обозначало принадлежность к различным ведомствам и службам. И никто не был одет в черное с желтым. Еще одна непредвиденная проблема, но я лишь пожал плечами. Утопающему дождик не помеха. Да, дело будет нелегким, от начала до конца.

Машина выскочила из общего потока, нырнула в туннель и остановилась у богато украшенной двери. Над входом большими золотыми буквами было начертано: «Злато-Злато», что можно приблизительно перевести с клиандского как «роскошный». Приятная неожиданность. Увешанный лентами и значками швейцар рванулся было к двери, но, разглядев мое одеяние, презрительно скривил губы, отпустил ручку двери и отправился восвояси. Вместо него появился субъект в темно-сером костюме. На плечах у него были серебряные знаки отличия в виде скрещенных кинжала и топора, а вместо пуговиц — серебряные черепа. Не очень располагающая внешность.

— Паков, — буркнул жутковатый тип. — Я ваш телохранитель.

Я выбрался из машины и, подхватив — самолично, прошу заметить — сумки, потащился за этим сторожевым псом в холл, как выяснилось, отеля. Мое удостоверение было принято исключительно нелюбезно, однако комнату мне все-таки отвели. Коридорный мальчишка с кислой миной проводил меня. Видимо, у меня был статус условно уважаемого торгового представителя инопланетной компании. Не скажу, что мне это сильно понравилось. Осиные цвета моего наряда выдавали чужака, следовательно, и обходиться со мной будут как с чужаком.

Апартаменты были роскошны: пуховой мягкости кровать, насекомых до черта. Я имею в виду «жучков» для подслушивания и подсматривания. Они были везде. Каждая вторая ручка на мебели — микрофон, лампы слегка поворачивались, отслеживая мое перемещение. Когда я отправился бриться, через полупрозрачное зеркало в ванной на меня уставился телеглаз; даже на рабочем конце зубной щетки был встроен телеобъектив — видимо, чтобы раскрыть неведомые тайны, скрытые в дуплах коренных зубов. Очень умно!

Это им так казалось. А меня очень развеселило. Я от души рассмеялся, притворившись, что кашляю, чтобы не дразнить попусту

своего телохранителя. Который неотвязно таскался за мной по всему номеру. Похоже, спать он будет на полу у моей кровати.

Все это бесполезно. Как писали древние, свобода смеется над тюремщиками. Джим ди Гриз обычно тоже. Потому что он страшно много знает — извините за нескромность — о подсматривании и подслушивании. Это был тяжелый случай. Положим, установлено страшное количество «жучков». А что делать со всей этой информацией? Компьютерный анализ для подсматривания не годится, а это означает, что нужно привлечь множество людей. Но всему есть предел, иначе число персонала будет увеличиваться в геометрической прогрессии. Потребуются наблюдатели за наблюдающими и т. д. Вне всякого сомнения, за мной будет следить огромный штат, это участь иностранцев. Соответствующим образом будут оборудованы машина, обычные маршруты передвижения, а не только мое жилище.

Но весь город «жучками» не обвешаешь, да это и бессмысленно. Мне придется играть свою роль, пока не появится возможность вырваться за пределы просматриваемых зон. Пока не появится план бесследного исчезновения. Шанс у меня будет только один, который должен сработать безукоризненно, иначе одной дохлой крысой в мире станет больше.

Паков следил за каждым моим шагом. Последнее, что я видел перед сном, и первое, на что натыкался взгляд поутру, — это маленькие острые глазки. Меня это устраивало. С Паковым придется распрощаться в первую очередь, а пока его присутствие успокаивающим образом действовало на моих наблюдателей. Пусть себе спокойно спят. Я тоже выглядел спокойным — но только выглядел. А на самом деле внимательно изучал город, пытаясь отыскать крысиную лазейку.

И на третий день нашел. Это был один из многих вариантов и, как скоро подтвердилось, — самый лучший. Был разработан соответствующий план, и в назначенный вечер, довольный, я завалился спать. Улыбку, конечно, заметили в инфракрасном диапазоне — но что может рассказать улыбка?

Четвертый день начался, как обычно, с завтрака в номере.

— Что-то аппетит сегодня разгулялся, — порадовал я хмурого Пакова. — Видимо, сказывается благотворная атмосфера вашей прекрасной планеты. Придется взять добавку.

И взял. Съел еще один завтрак. Когда выпадет случай поесть, я не знал и решил заправиться впрок.

Все шло как обычно. В назначенный час мы вышли из отеля, сели в поджидавшую нас машину. Она двинулась по заложенному в бортовой компьютер маршруту — на военный полигон, где я демонстрировал эффективность взрывателей Фразолетто-Мучо. Уже

было разворочено немало мишеней, а сегодня предстояло взорвать очередную партию. Это было страшно увлекательно.

Мы промчались по автостраде, затем свернули на боковую улицу. Движение здесь было слабое — как обычно, — пешеходов не было совсем. Мелькали перекрестки, а внутри у меня все сильнее затягивался знакомый тугой узел. Ну, все или ничего — пора, Скользкий Джим.

— Апчхи! — довольно натурально чихнул я и полез в карман за носовым платком.

Паков насторожился. Он всегда был начеку.

— Пыль проклятая, черт ее подери, — пожаловался я, — взгляните, это случайно не генерал Трогбар?

Натаскан Паков был отменно. Взгляд его оторвался лишь на секунду. Но мне большего и не требовалось. В платок был завернут увесистый столбик монет. Единственное оружие, которым мне удалось обзавестись под неусыпным надзором властей. Я изготовил его ночью, под простыней. Как только Паков отвел глаза, сверток врезался ему в висок. Он с тихим стоном обмяк.

Стон еще звучал, а я уже давил на кнопку аварийной остановки. Сработали тормоза, мотор затих, и машина остановилась. В двенадцати шагах от намеченной точки. Точно в яблочко. Выскочив из машины, я рванул что было сил.

Потому что, как только я обезвредил Пакова и нажал аварийную кнопку, на пульте слежения вспыхнул сигнал тревоги — салон машины был напичкан микрообъективами. Команда преследователей стартовала одновременно со мной. В запасе у меня были считанные секунды, самое большее — минута.

Хватит ли времени?

Пригнув голову, я на полной скорости нырнул в служебный проезд. Он тянулся позади зданий и выходил на соседнюю улицу. Роботы загружали в контейнеры мусор, не обращая на меня никакого внимания. Это были простые машины типа М, запрограммированные на самую примитивную работу.

Другое дело погонщик. Это был человек с электрохлыстом для управления роботами. Хлыст щелкнул и обвился вокруг меня, в бок кольнул электрический разряд.

Глава 5

Довольно неприятно, мягко говоря, но я укол едва ощутил. Напряжение было небольшое, как раз такое, чтобы управлять роботами, а не разрушать блоки памяти. Я ухватился за хлыст и резко дернул.

В полном соответствии с планом. Каждый день, проезжая мимо, я видел погонщика и его стадо на одном и том же месте. Что-что, а порядок на Клианде в чести. Погонщик, детина с толстой шеей и зверской физиономией, просто обязан был кинуться на бежавшего чужака — и он не обманул моих надежд.

Когда я рванул хлыст на себя, погонщик потерял равновесие и сделал шаг вперед, разинув рот. Пришлось треснуть ему по отвисшей челюсти. Рот захлопнулся.

Верзила зарычал, тряхнул головой и, вытянув руки, бросился на меня.

А вот так мы не договаривались, это не по плану. Он должен был тут же рухнуть и дать мне возможность осуществить задуманное до подхода главных сил. Откуда мне было знать, что у него не только интеллект как у булыжника, но и прочность черепа соответствующая? Меня прошиб пот, и я едва успел увернуться. Его руки схватили воздух. Уходило время, которого и так не было. Надо обезвредить этого медведя, и как можно быстрее.

И я его обезвредил. Не очень изящно, зато надежно. Сделал боковую подсечку и вспрыгнул ему на спину, чтобы ускорить падение. Потом схватил за голову и трахнул о мостовую. Целых три раза — опасаясь, правда, что дорожное покрытие треснет раньше, чем эта башка, — только после этого он хрюкнул и затих.

Вдали завыла сирена. Я вспотел еще разок. Роботы продолжали грузить мусор, не обращая внимания на людские проблемы.

На погонщике была форма очень символичного грязно-зеленого цвета. Комбинезон застегивался одной-единственной застежкой-молнией. Я расстегнул ее и раздел неподвижное грузное тело. А сирены выли все ближе и ближе. А тут пришлось еще стаскивать ботинки, чтобы снять штаны. Операция довольно утомительная, а главное — очень не ко времени.

Эхо сирены отразилось от стен проезда, взвизгнули тормоза.

В страшной спешке я натянул комбинезон поверх осиного костюма и наглухо застегнул молнию. Послышался топот бегущих ног. Схватив хлыст, я полоснул ближайшего робота.

— Погрузи тело в контейнер! — приказал я и отступил назад, следя, как он грузит бывшего хозяина.

Как только его ноги исчезли в баке, появился первый солдат в красном мундире.

— Чужак! — завопил я, указывая хлыстом вдоль проезда. — Он туда побежал. Очень быстро. Я не смог его догнать.

Солдаты побежали тоже очень быстро. И это хорошо, потому что ботинки погонщика валялись у всех на виду. Я швырнул их в

контейнер вслед за хозяином. Потом принялся охаживать хлыстом шестерых роботов.

— Переходим на следующий участок! — приказал я в надежде на то, что они запрограммированы на дежурный обход.

Так оно и было. Грузовой робот двинулся вперед, остальные гуськом потянулись за ним. Я с хлыстом в руке замыкал колонну. Наша маленькая процессия вышла на улицу, забитую солдатами и полицейскими. Вокруг сновали машины, водители орали на нас. Колонна роботов пробивалась через эту толчею на другую сторону улицы, мне ничего не оставалось, как поспешить за ними с застывшей улыбкой. Давать новые команды было боязно — чего доброго эта механическая команда устроит сидячую забастовку прямо на проезжей части. Мы миновали машину, из которой вытаскивали ослабевшего Пакова. Пришлось отвернуться от него. На легкий холодок в спине я старался внимания не обращать. Если он узнает меня...

Казалось, прошло два дня, прежде чем первый робот скрылся в переулке и я оказался в относительно безопасном месте. Несмотря на прохладную погоду, пот лил с меня градом. Роботы приступили к работе, а я привалился к стене, чтобы хоть немного перевести дух. На злополучной улице машин становилось все больше. Да, кругом действительно были всерьез озабочены моей судьбой. Над головой прогрохотало звено самолетов.

Что дальше? Хороший вопрос. Очень скоро, как только след чужака будет утерян, кто-нибудь обязательно вспомнит о единственном свидетеле его побега. И они непременно захотят потолковать с погонщиком роботов. Пока этого не произошло, мне следует где-нибудь спрятаться — но где? В средствах я был сильно ограничен: команда роботов-мусорщиков, электрохлыст и два мундира — один под другим, — каждый из которых делает меня весьма заметной персоной. Электрохлыст годился лишь на то, чтобы погонять роботов, не та сила тока, чтоб использовать его в качестве оружия. Что же делать?

Внезапно рядом послышался скрежет, я отпрыгнул в сторону. Ржавая дверь скользнула вверх, и на улицу выглянул толстый человек в белом колпаке.

— Слободан, я приготовил для тебя бочку, — крикнул он и удивленно воззрился на меня. — Да ты не Слободан...

— Точно. Я не Слободан. Его здесь нет. Он в больнице. Грыжу удаляет.

Неужели это счастливый случай? Говорил я быстро, а думал еще быстрее. На соседней улице суеты было хоть отбавляй, однако

сюда, в служебный проезд, пока никто не заглядывал. Я стегнул ближайшего робота хлыстом.

— Следуй за этим человеком, — приказал я и махнул рукой в нужном направлении. Белый колпак скрылся, робот последовал за ним, а мне оставалось пойти следом.

Прямо на кухню. Очевидно, это ресторан — кухня была огромна. Кроме нас, тут никого не было.

— Когда вы открываетесь? — поинтересовался я. — Аппетит от работы разыгрался.

— Только вечером. Эй! Скажи этому роботу, чтобы отстал от меня. Пусть лучше заберет помои.

Повар метался по кухне, а робот преданно топал по пятам. Прекрасная пара.

— Робот! — Я щелкнул хлыстиком. — Хватит тебе бегать за этим человеком. Возьми его за руки, чтобы не дергался.

Электронные рефлексы робота сработали гораздо быстрее, чем реакция повара. Стальные руки сомкнулись. Повар жалобно раскрыл рот — пришлось закрыть его колпаком. Он сердито замычал и принялся жевать кляп. И жевал все время, пока я привязывал его к стулу. Кляп пришлось тоже обвязать. Никто пока не появлялся — вот ведь повезло!

— Вон отсюда! — Я щелкнул по металлической спине и отослал робота прочь.

Роботы вкалывали, а я беззаботно полеживал, пока не пришло время давать новые указания.

— Возвращайтесь. На то же самое место, откуда утром пришли. Вперед!

Они четко, по-военному, развернулись и потопали восвояси. Слава богу, хоть в другую сторону от улицы, на которой мы недавно были. Я вернулся на кухню. Опасаться пока нечего. Рано или поздно меня, конечно, вычислят через мусорщика, но где я покинул команду роботов — этого так сразу не узнать. Все складывалось просто прекрасно.

Связанный повар ухитрился повалить стул и теперь полз к выходу, извиваясь всем телом.

— Нехорошо, — пожурил его я, снимая со стены самый большой тесак.

Он испуганно замер, вытаращив глаза. Положив тесак и хлыст на видное место, я огляделся. Надо отдышаться и немного подумать. Хватит метаться и импровизировать. Внезапно издалека донеслись стук в дверь и резкий звонок. Пришлось опять взяться за тесак. Похоже, вся операция пройдет под лозунгом: «Выдумывай и пробуй!»

— В чем дело? — поинтересовался я у повара, вынув на секунду кляп.

— Это у главного входа. Кто-то пришел, — хрипло выдохнул он, не отрывая глаз от занесенного над его головой тесака.

Я вставил кляп на место, прокрался к двери и чуть-чуть приоткрыл ее. Там был пустой и темный обеденный зал. Со стороны главного входа доносились звон и стук. Из ресторана на шум никто не явился, видимо, никого тут не было, кроме нас с поваром.

— Чего надо? — попытался я изобразить манеру повара обращаться с людьми.

— Служба ремонта холодильников. Вы нас вызывали. В чем дело? Какие проблемы?

— Большие! — Сердце мое радостно екнуло. — Захватите инструменты.

Механик приволок огромный ящик. Я впустил его, аккуратно закрыл дверь, а потом плашмя съездил ему тесаком по голове. Он немедленно свалился. Мундир у него был темно-зеленый, это немного лучше, чем наряд осы или мусорщика, да и выбора нет. Я быстро раздел его, а потом привязал к стулу напротив повара. Они затеяли молчаливый разговор взглядами. Впервые преследователи отстали от меня на целый корпус. Если повезет, то обоих пленников обнаружат не раньше чем через несколько часов, и только потом полиция выйдет на мой след. Я напялил зеленую униформу, приготовил несколько бутербродов, захватив ящик с инструментами, отдал честь обоим пленникам и покинул ресторан через главный вход. Там стоял большой моторобот и тихонько гудел. В руках у него был еще один ящик с инструментами. На его железной груди, как и у меня, красовался знак фирмы.

— Прокатимся с комфортом, — порадовался я. — Держи. — И едва успел отдернуть руку, когда его рука ухватилась за ящик.

В поездках по городу я часто встречал таких мотороботов, однако вблизи их видеть не приходилось. На спине у него было что-то вроде сиденья для оператора, но как туда взобраться — решительно не ясно. Может, он должен встать на колени, или где-то есть ступенька, или еще как? По улице проносились машины и роботы, быстрым шагом приближался отряд солдат. Меня опять прошиб пот.

— Я хочу есть, и немедленно.

Ничего не произошло. Солдаты подошли еще ближе. Робот возвышался недвижный как статуя. От него помощи не дождешься. Что-то надо делать. Я одной ногой уперся в выступ на его бедре, ухватился за сигнальный фонарь и вскарабкался в седло. Внутри загудели моторчики — робот приспосабливался к моему весу. Мимо протопали солдаты. Не обращая на меня внимания.

Сиденье было удобное, обзор прекрасный. Моя голова возвышалась над землей метра на три. Вот только непонятно, что делать дальше. Хотя если смотаться отсюда, то наверняка появятся какие-то варианты. На голове робота находился небольшой пульт управления. Я нажал кнопку с надписью «Марш». Робот задрожал и принялся маршировать на месте. Для начала неплохо. Довольно быстро обнаружилась кнопка «Вперед». Мы тронулись вперед легкой рысью. Вскоре вся полицейская кутерьма осталась далеко позади.

Нужен план. Мой механический скакун мчался через центр города, а я предавался размышлениям. Опять я один против целого мира. Очень поэтично, но нелегко. Утешает только то, что мне уже приходилось бывать в такой ситуации, а мир Клианды такого еще не видел. Вся система безопасности свидетельствовала о том, что иностранцев здесь бывает мало, а те, что появляются, находятся под строгим надзором. Вероятно, власти еще ни разу никого не упускали, и мой побег — это большая неприятность. Полетят головы. Прекрасно. Лишь бы не моя. В каком-то смысле даже есть некоторое преимущество. Властям обо мне ничего не известно, кроме легенды прикрытия. Если удастся раствориться в этом жутком мире, то обнаружить меня будет невозможно. До тех пор пока я буду лежать на дне. Активную деятельность придется ненадолго отложить. Сейчас надо спасать свою бесценную шкуру, а уж потом можно подумать о будущем.

Впереди показался выезд из города. И многочисленная охрана, которая внимательно обыскивала и осматривала всех выезжающих. Легкого нажатия на кнопку «Влево» было достаточно, чтобы мой скакун устремился в боковую улочку, унося меня от опасности. Город я покину, как только захочу. Просто еще время не пришло.

К полудню мои познания о городе расширились, равно как и мозоли на заднице. Робот двигался все медленнее, очевидно, он нуждался в подзарядке.

Я бы тоже не отказался подзаправиться бутербродами из инструментального ящика. Нам обоим необходим отдых. Не исключено, что моих пленников уже обнаружили и охота идет по новому следу. По пустынным боковым улочкам я пробрался в район заводов, чтобы отыскать укромное местечко. Тут было несколько заброшенных заводов и складов, которые вполне подошли бы для моих целей.

Так оно и было. На окнах висела паутина, петли ворот покрыты ржавчиной. Вокруг никого, а замок такой, что можно открыть пальцем в полной темноте. Вскоре дверь распахнулась. Так и есть — ни души. Мы скользнули внутрь, засов с легким щелчком встал на место. В дальнем углу двора покоился огромный древний механизм, словно заброшенный в джунглях идол. Валявшиеся у его подножия листы картона напоминали жертвенные подношения. Прекрасно. Перекусив, я успокоился. Осмотрел здание и отыскал пустую комнату без окон. Притащил туда фонарик, карандаш и чистый лист жертвенного картона. Пора предпринять следующий шаг.

Зажав в руке карандаш, я уставился на освещенный чистый лист картона и заговорил вслух:

— Слушай внимательно. Память начинает работать. Отсчет начнется с десяти. Моя усталость будет нарастать, и на счет «ноль» я усну. Ключевое слово для памяти — Занаду![1] — Десять, — бодро произнес я. — Девять... — Напала зевота.

На счет «пять» глаза сомкнулись. Не помню, дошел ли я до нуля.

Глава 6

Когда я проснулся, пальцы мои не гнулись, руку свело, глаза жгло нестерпимо. Большой лист картона был сплошь покрыт сложной, запутанной схемой. Подсознание — это отличное место, где можно прятать самые разные вещи. Я не только получил схему, но и понял, как ею пользоваться. План был потрясающе прост. Я даже позавидовал разработчику. Потребуется немного времени и куча электроники. Ее предстоит украсть. Я потянулся, размял онемевшие мускулы. День выдался тяжелый, а гипнотический транс — это вам не обычный сон. Завтра будет полегче, да и погоня немного поутихнет.

Следующие два дня были заполнены хлопотами. Стальная Крыса обрела нору, теперь нужно поработать. Город жил своей обычной жизнью. Поиски наверняка шли не ослабевая, но где-то вдали от моего убежища. Я паял, клепал, беззаботно воровал еду и необходимые предметы. Похоже, на Клианде преступности практически не было, как не было и никаких предосторожностей против воровства, которым я занимался довольно активно. Либо преступники были уничтожены как класс, либо они правят этой планетой. Последнее очень похоже на правду. Период моего уединения скоро подойдет к концу. Придется выйти из укрытия и заняться активным шпионажем, то есть своей непосредственной работой.

[1] З а н а д у (*лит.*) — райская долина (например, в поэме С. Кольриджа «Кубла Хан»). — *Прим. пер.*

Удрать из города оказалось намного легче, чем я думал. Ненавязчиво отираясь у ворот, я выяснил, что проверкой занимаются военные, и занимаются с присущими им простотой и прямодушием. Обмен четкими приветствиями, проверка бумаг, беглый осмотр, шлепок печати — и проваливай. Надеюсь, что у меня тоже не будет особых трудностей. Пришлось захватить военный грузовик, чтобы придать операции военный вид. Это было вечером. Я поставил робота на дороге. Грузовик с визгом затормозил. Из окна, осыпая меня проклятиями, высунулся водитель. Многие ругательства я слышал впервые и постарался их запомнить на будущее. К счастью, он оказался один.

— Тебя тем же самым и по тому же месту, — огрызнулся я. — Нехорошо так со штатскими разговаривать. Положение чрезвычайное.

— Какое положение? — спросил он подозрительно.

— Чрезвычайное! — с воодушевлением ответил я.

Он сразу обмяк, как только игла впилась ему в шею. Не зря же я сделал набег на склад медицинских препаратов. Я отодвинул его в сторону, загнал робота в кузов и понесся к своему убежищу за вещами. Мои пожитки прекрасно разместились среди ящиков с провизией, банок с ваксой и прочими военными припасами. Переодевшись в красный солдатский мундир, я уложил воина спать в своей зеленой униформе, сердечно распрощался с роботом — единственным своим приятелем на этой недружелюбной планете. Он в ответ промолчал, но я на него не в обиде. Поехали.

Военные с обычной для них сдержанностью приняли мои бумаги, проверили, отметили, и вот она — свобода. Я весело помчался навстречу ночи и второй фазе своего плана. Чтобы запутать следы, пришлось долго петлять, менять машины. Потом был длинный перегон через центральную пустыню к намеченной цели. Это была огромная скала, одиноко торчавшая среди песчаного моря. Формой она сильно напоминала горшок и по-клиандски называлась Лунак. Что на местном языке означает «горшок». Судите сами о богатстве воображения местных жителей. Машина скрылась под маскировочной сеткой. Мне пришлось потратить целых семь дней, чтобы сделать все необходимое. Своими руками, правда, не без помощи землеройного робота, я выстроил ни много ни мало — полностью автономное подземное убежище в ста метрах от Горшка.

На этом подготовка к третьей части операции была закончена. Она начнется этой ночью. Мой маленький самодельный радиопередатчик был настроен и готов к работе. Его антенна указывала точно в зенит. Ровно в полночь я отправил в космос узкий, направленный радиосигнал. Передатчик работал только тридцать секунд.

Вот и все. Кости брошены, следующий ход теперь за ними. Они — это отдел Специального Корпуса, который готовил эту часть операции. Надеюсь, что подготовились они на совесть, но это выяснится только вечером следующего дня. Если все правильно (на слове «если» я закусил губу), то они — и только они — примут мой сигнал. Очень узкий и очень направленный. Такой сигнал невозможно засечь. Клиандцы ничего не должны узнать. В движение придут огромные силы. Мощные компьютеры сделают расчеты, полыхнут пламенем дюзы гигантских ракет. Выбранный метеорит придет в движение. Далеко в космосе, вне радиуса действия локаторов Клианды. Он двинется сюда, точно нацеленный на одинокую скалу под названием Горшок. Ждать его придется целый день и еще ночь.

Чтобы не трепать нервы томительным ожиданием, я устроил себе маленький праздник. С хорошей едой, если консервированную пищу можно назвать хорошей, и доброй выпивкой — тут выбор был побольше. Обед с вином, затем крепкие напитки. На десерт я выкурил сигару и посмотрел на портативном проекторе пару непристойных фильмов из армейской фильмотеки, довольно крутых. Для солдат. Но сейчас в пустыне они смотрелись вполне прилично. А потом меня сморил сон.

Так прошла ночь, затем день, и снова наступила ночь. Как только стемнело, я выбрался наружу и принялся рассматривать через бинокль черное небо. Квадрат за квадратом. Ничего. До условленного часа было еще далеко, а я уже сгорал от нетерпения. Теперь весь план представлялся мне совершенно абсурдным. Вдобавок ко всему я чувствовал себя совершенно одиноким и заброшенным на чужой планете, за многие световые годы от цивилизации. Очень неприятное ощущение. Пришлось хорошенько хлебнуть из фляжки.

Если все идет нормально, то сейчас огромный каменный монолит несется к Клианде, курсом на столкновение. Когда его засекут локаторы системы обороны, то примут за обычный космический мусор. Он войдет в атмосферу и вспыхнет. Это исключит всякие подозрения, если они возникнут. Ни одно живое существо не в состоянии вынести такого сочетания перегрузки и температуры. Траекторию падения проследить будет практически невозможно из-за большого количества сопутствующих обломков. Метеорит

пронзит атмосферу и с сокрушительным ударом врежется в землю. Расследование будет неспешным, и до прибытия исследовательской партии много чего должно произойти. Я надеюсь. Это все выглядит очень неплохо в теории, а на практике представляется полным сумасшествием.

Ровно в полночь на небе вспыхнула звезда. Я со вздохом облегчения отложил в сторону фляжку. Все шло точно по расписанию. Звезда загоралась все ярче, еще ярче и еще. И летела прямо на меня. Расчеты делали первоклассные астрономы и компьютеры, это было известно — но не до такой же степени! Может, эта штука рухнет прямо мне на голову?

Не прямо. Метеорит слегка отклонился в сторону. Послышался жуткий рев, будто вскипел огромный чайник. Как только горящий болид скрылся за Горшком, раздался раскатистый взрыв, пламя на миг осветило окрестности. Я не мешкая вскочил в машину. Вперед!

Фары выхватили из темноты свежую воронку, над которой висели тучи дыма и пыли. На дне ее дымился обломок метеорита. Точно в десятку! Я отогнал машину за ближайший пригорок и нажал на кнопку передатчика. Раздался второй взрыв, куда более слабый. Над головой просвистели осколки. При помощи зарядов метеорит был расколот надвое. Амортизирующая жидкость, предохранявшая груз, быстро впиталась в землю.

Тут послышался быстро нараставший рев реактивных двигателей. Пришлось потушить фары. Черные треугольники мелькнули над головой и заложили вираж. Тут уж я в полной мере оценил как степень подозрительности клиандцев, так и четкость работы радарно-компьютерной службы. Времени оказалось не так уж много. Стараясь не обращать внимания на жар, исходящий от метеорита, я спрыгнул в кратер.

Оборудование, запакованное в плоские контейнеры, было цело. При тусклом свете звезд я перетащил их в машину. Над головой кружили самолеты, пытаясь обнаружить точное место падения болида. Не много же они могли рассмотреть на такой скорости, да еще ночью. Наверняка уже выслан менее скоростной самолет. Специально оборудованный для поисковых работ. При этой мысли у меня в голове раздался шум воображаемых пропеллеров. Это меня подстегнуло. Тяжело отдуваясь, я загрузил в машину последний ящик, дождался, когда самолеты проскочат мимо, и поехал к своей норе. Ехать пришлось на максимальной скорости, объезжая ямы и валуны, подпрыгивая на ухабах. Самолеты легли на обратный курс, пришлось остановиться и ждать, пока они опять пролетят, стараясь самому себе казаться меньше малого. Еще один бросок — и я у входа в

убежище. Как только первые контейнеры скрылись под землей, послышался шум двигателей. Вдали блеснули огни фар. Я как попало побросал контейнеры вниз и уже собрался нырнуть вслед за ними, но тут над головой мелькнули огромные крылья и меня накрыл слепящий свет.

В глазах еще плясали блики, но я на ощупь включил зажигание, передачу и выскочил из рванувшейся вперед машины. Опять накатила волна света, я как подкошенный рухнул на бок и замер.

Свет проникал даже сквозь закрытые веки. Мне показалось, что прошла вечность, а не несколько секунд. Я кубарем скатился вниз, в кровь побив колени об острые углы контейнеров. Потом, словно крот, в кромешной тьме толкал и пихал ящики сквозь тесный ход. Сверху доносился рев самолетов, затем послышалась стрельба, загремели взрывы.

— Отлично, — выдохнул я. — Оружие делается для того, чтобы из него стрелять, вот они и стреляют. Я так и думал, что эти ребята любят пострелять, и рад, что не ошибся.

Громкий взрыв возвестил, что моей машине пришел конец. Лучше и быть не может. Я на ощупь отыскал передатчик и не спеша взобрался по лестнице.

Удобно расположившись на верхушке лестницы, упершись локтями в землю, я наблюдал за представлением. В небе выли реактивные самолеты, трещали пропеллеры. Гремели разрывы бомб, посвистывали пули. Красиво горела моя машина, выбрасывая языки пламени каждый раз, когда в нее попадал шальной снаряд или пуля. Треск выстрелов и грохот разрывов понемногу стихали. Чтобы оживить бой, я нажал на кнопку передатчика.

С вершины Горшка ударили скорострельные орудия, время от времени взлетали ракеты. Каждый второй снаряд был трассирующим, так что шоу удалось на славу. Самолеты перестроились и снова бросились в атаку. Вершина Горшка и земля вокруг него потонули в пламени. Для этой шутки я использовал исключительно клиандское оружие. Было забавно наблюдать, как армия воюет, по сути дела, сама с собой. Метрах в тридцати от меня взорвалась бомба, за шиворот посыпался песок. Эта часть спектакля подошла к концу. Пора играть финал.

Я торопливо полез назад в нору, обрушивая за собой тучи песка, втащил лестницу и провода. Песок, вынутый при строительстве, удерживался над входом при помощи досок, и, когда я их выбил, он обвалился вниз с неожиданной скоростью. Я едва успел закрыть дверь. Потом сосчитал до десяти, чтобы обвал наглухо запечатал входную шахту, и нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

А это была важная часть всей операции. Пока наверху рвутся бомбы и содрогается земля, лишнего взрыва никто не заметит. Того самого взрыва, который должен уничтожить все следы моей деятельности. Если заряд сейчас не взорвется, то найти меня и выкурить из норы будет очень и очень просто...

Тут меня осенило — нельзя быть таким глупым. Это очевидно — сигнал моего маломощного передатчика не может пробиться сквозь толщу песка. Я включил фонарь и сразу увидел торчавший из стены провод, на нем даже бирка висела с номером 2. Если бы не спешка проклятая...

Но спешить все-таки надо. Грохот наверху затихал. Видимо, автоматический противник на вершине Горшка был окончательно и полностью разбит. Если мой маскирующий взрыв не грянет прямо сейчас, то позже он будет выглядеть, мягко говоря, подозрительно. Я прикрутил провод номер 1 к антенне и опять нажал на кнопку. Повисла мертвая тишина.

Пока не грохнуло прямо над головой. Взрыв, казалось, перетряхнул все мои кости. Бетонная пещера загудела, как барабан, с потолка посыпались осколки и пыль. Теперь я в безопасности. Как таракан за печкой. Включив свет, я осмотрел убежище, в котором мне предстояло прожить пару недель. Автономный энергоблок, пища, вода, регенератор атмосферы — все, что нужно человеку для жизни. Кристаллические схемы, приборы, прибывшие в метеорите. Надо немного поработать, чтобы привести в порядок свою экипировку, и я буду готов сразиться с целым миром. Тем временем пустыню тщательно прочешут, погоня утихнет. Никогда им не додуматься до того, чтобы копнуть у себя под носом, никогда! С довольной улыбкой я откупорил бутылку за свое здоровье.

Глава 7

Уже не вор и не беглец. На тринадцатый день я открыл дверь и снова выбрался на поверхность. Этот символический акт означал окончание моего затворничества и начало новой жизни на Клианде. Имея всевозможные удостоверения и разнообразные мундиры, было легко играть любые роли в этом жутком обществе. Я старался держаться поближе к военным и копил силы для главной атаки.

Чтобы подготовить ее, мне понадобилось вылететь в Досадинглуп, небольшой провинциальный городок, расположенный по соседству с военной базой Глупост. Насколько мне было известно, там же находился главный космопорт, откуда стартовали межпланетные экспедиции. Вот почему я отирался около стойки регист-

рации мест — хотелось узнать, кто и где будет сидеть. В результате мое место оказалось рядом с очень интересной персоной.

Интересной только для меня, позвольте уточнить. С точки зрения любого нормального человека пилот-майор был не очень привлекателен. У него была огромная, зловеще выдающаяся вперед челюсть, а ямочка на подбородке казалась трещиной. Из-под мощных обезьяньих надбровных дуг подозрительно смотрели черные глазки, огромные ноздри заросли шерстью. Но меня не это волновало. Я рассматривал черную форму Космической Армады, многочисленные награды за отличную службу, значок старшего пилота в форме ракеты с крылышками. Такой-то мне и нужен.

— Добрый вечер, сэр, очень рад. — Я опустился в соседнее кресло. — Приятно путешествовать с хорошим попутчиком.

В ответ он навел на меня свой нос-двустволку и презрительно фыркнул, что означало конец приятного разговора. Улыбнувшись, я пристегнул ремень. Самолет рванулся в ночное небо, тело мягко вжалось в кресло. На крейсерской скорости крылья почти полностью спрятались в фюзеляж. Я достал фляжку и две рюмки.

— Осмелюсь предложить вам, пилот-майор, выпить немного в знак признательности за вашу многотрудную службу во славу нашей Клианды.

На этот раз он не фыркнул, а нечистым ногтем ковырнул в зубах и вытащил на свет божий остаток обеда. Внимательное изучение показало, что остаток слишком велик, чтобы им бросаться, и майор с удовольствием его проглотил. Да, у простого человека и удовольствия нехитрые. Я предложил ему кое-что получше.

— Ничего стоящего крепкому парню тут не подадут. А это — нарколет. — Я причмокнул от удовольствия.

Он в упор глянул на меня, и его губы сложились в непривычную для них улыбку.

— Хлебну, пожалуй, — произнес он грубым голосом.

Еще бы, маленькая фляжка такого напитка обошлась бы ему в месячное жалованье. Нарколет — самый дивный напиток из всех известных человечеству, изготавливается из редкого растения на маленькой планетке где-то на окраине Галактики, в очень ограниченном количестве. Успокаивающий, нежный, обворожительный, пьянящий, бодрящий, возбуждающий, стимулирующий. Он вобрал в себя лучшие качества всех напитков, к тому же не дает никаких побочных эффектов и не вызывает никакого похмелья. Майор взял предложенную рюмку, втянул аромат устрашающими ноздрями и проглотил напиток одним духом.

— Недурно, — похвалил он.

В ответ на столь простодушный комплимент я улыбнулся и назвал свое новое имя. Он немного подумал и довольно быстро сообразил, что от него ждут того же.

— Пилот-майор Васька Хулья.

— Очень приятно, сэр, очень приятно. За ваше здоровье я выпью прямо из горлышка, рюмки для такого случая слишком малы.

Наш остроносый самолет еще не успел добраться до звукового барьера, а я уже почти полюбил майора. Это была здоровая, цельная человеческая глыба, без единой трещинки сомнения, без малой оспинки неудовлетворенности. Как паук не может быть плохим пауком, а пиявка не может быть плохой пиявкой, так и майор был совершеннейшим ублюдком. Дух его взыграл, язык развязался, и пилот-майора понесло.

— На двоих у нас было двенадцать бутылок, пачка забитых косяков, нормально на пару дней, мы сняли двух телок, одну про запас, ну так, на всякий случай, и давай их...

Или о представителях иных миров:

— Просто животные. С ними приличному человеку путаться никак нельзя. Конечно, Клианда это центр по-настоящему разумной жизни во всей Вселенной, единственная цивилизованная планета...

И так далее, и в том же духе. Мне оставалось только кивать головой, изображая восхищенное внимание. Великолепный экземпляр, как я уже отметил. Сильно он меня порадовал, когда сообщил, что его только что перевели на базу Глупост после переподготовки. Это было его первое назначение на такую крупную базу после долгих лет службы на передовой. Да, судьба играет человеком.

Надо было решаться на очень рискованный шаг — но упускать такой шанс нельзя. После долгих недель изучения общественного устройства Клианды я знал этот мир в совершенстве. Так мне казалось. Пришло время проверить свои познания на практике. Большей частью я вращался на задворках светского общества, а не среди военной элиты, а военные здесь — высшая каста. Они правили этим миром, и не только этим. Вопреки всем законам логики, истории и мирового порядка. Надо собраться с силами и преодолеть последнюю преграду.

Я поступлю в армию. В чине пилот-майора. Самолет зашел на посадку, и я приступил к активным действиям.

— Васька, а тебе что, сразу надо прибыть на базу? — После крепкого мы перешли на «ты».

Он отрицательно мотнул головой.

— Завтра явлюсь.

— Отлично. Не собираешься же ты провести последний вечер в холодной постели офицерской гостиницы?

Я принялся описывать все прелести теплой постельки. Упомянул и хорошую еду, и добрую выпивку, так, на всякий случай. Фляжка поднялась еще раз, и мой друг с энтузиазмом одобрил мой план.

Мы получили багаж и не мешкая отправились на роботакси в «Досадинглуп Роботник». Сеть таких отелей, полностью роботизированных, механизированных и компьютеризированных, покрывала всю планету. Люди из обслуживающего персонала появлялись там лишь изредка, чтобы проверить автоматику и забрать выручку из кассовых аппаратов. Мне довольно часто приходилось пользоваться отелями такого типа, по вполне понятным причинам, но людей встречать не приходилось. Случалось иногда сталкиваться только с другими постояльцами. Гостиницы «Роботник» — это настоящие островки уединения в океане всеобщего любопытства. Там, конечно, были свои неудобства, но я научился их не замечать. Вот в «Роботник» мы и отправились.

Когда мы подошли к двери, она гостеприимно распахнулась. Навстречу нам из ниши выкатился робот и запел:

Мы известны в целом мире.
Добро пожаловать в «Досадинглуп Роботник»!
О багаже я позабочусь. Прикажите — все исполню!

Все это было исполнено мягким контральто в сопровождении оркестра духовых инструментов. «Дежурное блюдо» всех «Роботник»-отелей. Я это просто ненавидел. Поэтому пнул робота, чтобы не путался под ногами, и показал на роботакси.

— Багаж там. Пять мест. Тащи.

Тот откатился к машине, засунул внутрь цепкие манипуляторы. А мы вошли в холл.

— Разве у нас не четыре места? — Васька задумчиво нахмурил бровь.

— Ты прав. Наверное, я ошибся. — Но робот уже тащил наши четыре чемодана плюс заднее сиденье, выдранное с мясом из салона такси. — Теперь уже пять.

— Добрый вечер... джентльмены. — Робот-портье слегка запнулся, считая нас и определяя наш пол. — Чем могу служить?

— Нам нужен самый лучший номер. — Я назвал вымышленное имя и адрес, опуская банкноты по 100 богинье в прорезь конторки.

В «Роботнике» было принято платить вперед, сдача выдавалась при отъезде. Коридорный робот, вооружившись ключом, провел нас до номера, распахнул дверь, и вновь грянула торжественная музыка, словно возглашая второе пришествие.

— Спасибо и проваливай!

Я нажал кнопку на его груди с надписью «Чаевые». Два богинье автоматически были поставлены мне в счет.

— Закажи еду и выпивку, — предложил я пилот-майору, показав на меню, висевшее на стене. — Все, что пожелаешь, но бифштексы и шампанское — обязательно.

Ваське эта идея понравилась. Пока я разбирал чемоданы, он хлопотливо нажимал на кнопки. С помощью наручного детектора мне удалось выяснить, что в номере стоит только один оптико-акустический «жучок», в том же самом месте, что и в других отелях. Издержки стандартизации. Перед тем как открыть чемодан, я заслонил его креслом.

Дверца буфета распахнулась — прибыло шампанское и охлажденные фужеры. Васька с упоением жал на кнопки. Мой кредит, высвеченный на табло большими цифрами, стремительно таял. Чтобы отвлечь его от этого занятия, я выстрелил пробкой в стену прямо над его головой и наполнил бокалы.

— Выпьем за Космическую Армаду! — Я протянул ему бокал, незаметно бросив туда зеленую пилюлю.

— За Космическую Армаду!

Он разом осушил бокал и затянул воинственную песню о сверкающих ружьях, бравых солдатах, пылающем солнце. Мне она не понравилась с первых слов. А ведь придется выучить.

— Ты выглядишь усталым, — оборвал я его. — Не хочешь ли поспать?

— Поспать?.. — Голова его сонно качнулась.

— Мне кажется, тебе вздремнуть не помешает.

— Вздремнуть...

Бокал выпал из его рук на ковер. Васька с трудом поднялся, дотащился до ближайшей кровати и обессиленно рухнул.

— Да ты совсем замотался. Спи спокойно, к обеду я тебя разбужу.

Гипнопилюля сделала свое дело. Васька послушно закрыл глаза и сразу захрапел. Если нас кто-то и подслушивал, то ничего подозрительного не услышал. Подали роскошный обед — его хватило бы на целый взвод. Старина Васька моих денег не пожалел. Я слегка перекусил перед работой. Потом открыл чемодан, приготовил необходимые инструменты и материалы.

Первым делом обезболивающая инъекция, чтобы «заморозить» лицо. Как только препарат подействовал, я усадил храпящего пилот-майора лицом к свету. Это будет совсем не трудно. Сложение у

нас примерно одинаковое, а полное сходство и не требуется. Лишь бы было похоже на карточку в его удостоверении. На плохоньком фото был изображен некто, более напоминавший обритую наголо обезьяну, чем нормального человека. С подбородком пришлось повозиться изрядно. Обильные инъекции желеобразного пластика придали ему героические Васькины пропорции. Пока пластик не затвердел, я вылепил мелкие детали и занялся бровями. Немного пластика, и искусственные черные волосы обеспечили желаемое сходство. Контактные линзы изменили цвет глаз, а распорные кольца увеличили ноздри. Оставалось только перенести отпечатки пальцев на слой прозрачного пластика, покрывающего мои подушечки. Но это уж совсем чепуха.

Пока я подгонял по фигуре парадный Васькин мундир, Васька успел перекусить. А потом заснул опять, но на этот раз в другой комнате, чтобы не храпеть у меня над ухом.

Я выпил и тоже завалился спать. Завтра будет тяжелый день — предстоит вживаться в новый образ. Начнется служба в Космической Армаде.

Если повезет, то я раскрою тайну выдающихся военных успехов Клианды.

Глава 8

— Извините, сэр, но я не могу вас пропустить, — произнес охранник.

Ворота были стальные, тяжелые. По верху высокой каменной стены тянулись ряды колючей проволоки.

— Что значит не могу? Мне приказано явиться на Глупост, — заорал я. — Давай жми на кнопку или что там у тебя и открывай ворота.

— Я не могу их открыть, сэр, база закрыта изнутри, здесь просто наружный караульный пост.

— Позови своего командира.

— Я уже здесь, — раздался голос рядом. — В чем дело?

Я обернулся и впился глазами в лейтенантский значок, а офицер в свою очередь уставился на мой знак пилот-майора. Этот раунд остался за мной. Он отвел меня в караульное помещение, где принялся названивать по видеофону. Наконец с экрана на меня сурово глянул полковник со стальными глазами.

— Пилот-майор, база закрыта, — отчеканил он.

— Но у меня приказ, сэр.

— Вы обязаны были явиться вчера, а не сегодня.

— Извините, сэр, тут, видимо, какая-то ошибка. У меня в приказе указано сегодняшнее число.

Я достал бумаги и сразу увидел, что явиться надо было действительно вчера. Здорово меня Васька подставил. Полковник зловеще улыбнулся, как удав лягушке.

— Если бы ошибка была в бумагах, пилот-майор, то исправить ее было бы проще простого. Но поскольку ошибка лежит на вашей совести, лейтенант, то это сильно меняет дело. Ступайте на пропускной пункт.

Экран погас. Ухмыляющийся лейтенант выдал мне новенький комплект лейтенантских значков. Пришлось своими руками понизить себя в чине. Надеюсь, в Космической Армаде повышение получить так же просто. Постовой проводил меня к другой двери. Проверка бумаг и отпечатков пальцев заняла всего несколько минут. Наконец распахнулась последняя дверь, и я оказался на базе Глупост.

Появилась машина, солдат погрузил в нее мои чемоданы. Мы поехали к офицерским казармам, где мне отвели комнату. Всю дорогу я глазел по сторонам. Но ничего интересного не увидел. Кто видел хоть одну военную базу в своей жизни — тот видел все базы. Здания, палатки, марширующие солдаты, машины — всегда одного цвета и везде одинаковы. Однако мне нужно узнать кое-что поважнее. Солдат доставил мои чемоданы в комнату, откозырял и исчез. Тут со второй кровати раздался хриплый голос:

— У вас случайно выпить не найдется?

Присмотревшись, я разглядел в куче одеял тощего субъекта в темных очках. Видимо, эта фраза отняла последние его силы. Он застонал и дохнул перегаром.

— Случайно найдется. — Я открыл окно. — Меня зовут Васька. Что вы предпочитаете?

— Остров.

Напиток с таким названием был мне неизвестен. Может быть, так зовут моего соседа. Я вытащил из своих запасов бутылку самого крепкого и налил полстакана. Он схватил его трясущимися пальцами и, весь дрожа, выпил. После этого ему полегчало настолько, что он даже смог сесть и протянуть стакан за следующей порцией.

— Вылетаем через два дня, — поведал сосед, осторожно принюхиваясь к напитку. — Это случайно не растворитель?

— Нет. Запах сделан специально для военной полиции. Куда летим?

— Шутить с утра изволите? Всем известно, что никто и никогда не знает — куда. Вы случайно не из службы безопасности?

Он заговорщицки подмигнул. С вопросами мне надо бы пока повременить. Я с улыбкой налил и себе.

— Шутка и вправду неудачная. По правде сказать, я и сам неважно себя чувствую. С утра проснулся пилот-майором...

— И уже лейтенант. Быстро получил — легко потерял.

— Не так-то легко даются звания.

— Извините. Просто болтаю. Сам я вечный лейтенант, и другие ощущения мне неведомы. Будьте любезны, плесните еще чуток, а? Тогда я смогу одеться и мы пойдем в клуб и выпьем по-человечески. Нам предстоят жуткие сухие недели без единой капли, до самого возвращения.

Час от часу не легче. Стало быть, перед боем клиандские воины укрепляют свой дух простой водицей? Что же делать? Сделав приличный глоток, я погрузился в мрачные размышления.

Настоящий Васька Хулья будет обнаружен очень скоро. Как это предотвратить — ведь база закрыта?

Следующий глоток попал мне не в то горло. Я закашлялся. Остров участливо хлопнул меня по спине.

— Нет, это все-таки растворитель, — мрачно пошутил он, натягивая мундир.

В офицерский клуб я отправился в мрачнейшем настроении. Остров отнес мою неразговорчивость на счет недавнего понижения в чине и не приставал. Что же делать? Надо бы выпить. Сейчас полдень, а бежать с базы лучше поздно вечером. Всему свое время. А сейчас надо хорошенько выпить с новыми товарищами по оружию да заодно заняться сбором информации. Для этого, собственно, я здесь и нахожусь. Перед уходом я сунул в карман пачку проалка. Если принимать по пилюле каждые два часа, то алкоголь полностью нейтрализуется, правда, появится жуткая изжога, но что делать? Буду пить и слушать. Первую таблетку я принял уже в дверях клуба.

Это было очень нелегко. Надо учесть, что пить мне пришлось непрерывно, да еще и других угощать, оставаясь при этом трезвым. Время перевалило за полдень, в клуб тянулись томимые благородной жаждой офицеры. У нашего гостеприимного стола собралось не меньше дюжины бойцов. Все охотно пили, но интересного рассказывали мало.

— Пейте, ребята, пейте, — щедро угощал я, — там ведь этого не будет.

Разговоров, понятное дело, было много. Я кое-что узнал о боевых кораблях. Офицеры громко хвастались атаками, бомбардировками и славными боевыми победами. Единственное, что удалось выудить из этой болтовни, так это полный список побед. Мне

было известно, что на Клианде сильная армия, но, глядя на это сборище пьяниц, невозможно было поверить, что она так сильна. Однако это факт. После бесконечных хвастливых историй о сокрушительных победах я начинал во все верить. Ребята здесь — настоящие орлы, а Космическая Армада — непобедима. Это было невыносимо. Орлы валились под стол, но их места занимали другие. Павших уносила прислуга. Я заметил, что остался последним из самых стойких, и решил оставить стол традиционным способом. Закрыв глаза, я откинулся на спинку стула в надежде, что этого будет вполне достаточно. Падать на грязный, заплеванный пол страшно не хотелось. В конце концов они заметили, что я отключился. Сильные руки ухватили меня под мышки, потащили и свалили на что-то.

Когда шаги прислуги затихли, я приоткрыл глаза. Вдоль стен полутемной комнаты стояли койки. Рядом безмятежно похрапывал Остров, трогательно сложив губы наподобие буквы О. Остальные были заняты тем же. Я натянул перчатки и никем не замеченный вышел на улицу через заднюю дверь. Уже почти стемнело. Пора выбираться с базы, только не ясно, каким образом.

Ворота исключались. Стальные, закрытые на все засовы, с полным комплектом охраны. Пришлось пройти мимо. Вдоль стены через каждые сто шагов стояли часовые, а электронные устройства и того чаще. Темнота сгустилась, за стеной зажглись прожекторы. Их свет заиграл на колючках проволоки, протянутой сверху. Все это надежно предотвращало любое проникновение извне, равно как и побег изнутри. Я медленно шел, стараясь перебороть надвигающуюся депрессию. Миновал небольшой аэродром с двумя взлетными полосами и несколькими ангарами. Тут же стояли самолеты. Мне страстно захотелось угнать один из них, но — взлететь-то не проблема, вопрос, где садиться. Мне нужно попасть в город, а не к черту на кулички. Высокий металлический забор отделял аэропорт от космопорта. Можно запросто туда пробраться — однако что это даст? Вдали высилась все та же стена. Вспыхнули посадочные огни, воздух разорвал страшный рев. Обернувшись, я угрюмо наблюдал, как на посадку заходит штурмовик. Очень похожий на те, что бомбили мои позиции в битве при Горшке. Он коснулся полосы, завизжали тормоза, турбины взревели в тормозном режиме — а я уже мчался назад, обгоняя свои мысли.

Безумие? Возможно. Но я давно привык полагаться на интуицию и отточенные рефлексы в своей работе. В нелегкой работе мошенника и вора. Ноги несли меня вперед, а в голове уже сложился четкий план. Стало понятно — это ТО, ТО, что надо. Быстро, кра-

сиво, четко и рискованно. Я на бегу достал из кармана накладные усы и прилепил их.

Самолет уже заруливал на стоянку, я едва успевал. К штурмовику подкатила машина, прибежали механики. Один из них приставил к фюзеляжу легкий трап. Фонарь кабины раскрылся, словно пасть аллигатора. Я поднажал, догоняя пилота, который направился к машине. Когда я подбежал, тот уже сидел внутри. Здоровенный такой детина в тяжелом летном костюме с золотыми майорскими значками в петлицах.

— Извините, сэр, — выдохнул я, — но командующий приказал, чтобы вы срочно доставили ему пакет.

— Что за чертовщина? — зарычал он.

Выглядел майор усталым. Я мигом забрался на заднее сиденье.

— Вы что же, ничего не знаете?! О боже! Водитель! Гоните, и побыстрей!

Водитель, как ему и положено, погнал. Я вытащил трубку из кармана и поднес ее к губам, тихонько позвав:

— Майор...

Недовольно ворча, он повернул голову. Я дунул.

Майор удивленно хрюкнул, дотронувшись рукой до иголки, вонзившейся в его щеку, — и резко повалился вперед. Пришлось его подхватить.

— Водитель — стой! С майором что-то.

Водитель, человек явно без большого воображения, бросил быстрый взгляд и нажал на тормоз. Как только мы остановились, он тоже получил наркоиглу и вслед за майором погрузился в сон. Я уложил их рядышком на землю, снял с майора летный костюм и шлем. Затем натянул костюм поверх мундира, застегнул шлем и опустил на глаза защитные очки. Вся операция заняла не больше минуты. Оставив парочку досыпать, я погнал машину обратно к самолету. Пока все идет хорошо, но основные трудности впереди. У стоянки самолетов я лихо затормозил.

— Внимание! — заорал я, подбегая к трапу. — Срочно подготовить самолет к взлету!

Вместо того чтобы отсоединять провода и шланги, механики обалдело уставились на меня. Пришлось дать доброго пинка самому ближнему из них. Тот сразу все понял. Остальные тоже взялись за дело. Все, кроме седого сержанта с очень подозрительной миной. Он подошел поближе и смерил меня подозрительным взглядом.

— Это персональный самолет майора Лопта, сэр. Вы случаем не ошиблись?

— Что за дурацкие вопросы? Давно не служили рядовым?!

Он на секунду задумался, затем без лишних слов удалился прочь. А я направился к самолету. Взобравшись по трапу, я увидел, что он сидит в машине и возится с передатчиком. Это была моя ошибка. Радио надо было вывести из строя. Как только я занес ногу в кабину, он бросил микрофон и заорал:

— Задержать его! Приказа на вылет не было!

Механик, державший трап, ухватил меня за ногу, пришлось ударить его в грудь. Усевшись в кресло, я отправил трап вслед за ним.

Ситуация быстро развивалась в нежелательном направлении. Я думал, что у меня будет больше времени, чтобы ознакомиться с системой управления. Летный стаж у меня был порядочный, но в кабине клиандского самолета мне сидеть еще не доводилось. Поэтому я не только не знал, где находится стартер, но даже освещение приборной доски смог включить далеко не сразу. А когда наконец включил, трап опять со стуком уперся в борт самолета. Мне всегда не нравились старые сержанты, военная косточка, основа армии, пропади они пропадом! Пришлось терять время — расстегивать костюм, лезть в карман.

Несколько гранат с веселящим и сонным газом на время вывели механиков из игры. Кто-то сразу заснул, кто-то принялся истерически хохотать. Но сержант держался на безопасном расстоянии и опять что-то кричал в микрофон. Ну наконец! Я нажал небольшую черную ручку с надписью: PALJENJE. И сразу ожили, заревели двигатели. Пуля пробила открытый фонарь прямо над головой. Пригнувшись, я нажал на газ и заметил, что сержант тщательно прицеливается. Самолет медленно двинулся вперед.

Винтовка плюнула огнем, и пуля с треском зарылась в спинку кресла. Иногда мне везет, ничего не скажешь. Я развернул самолет хвостом к стрелку и пустил ему в лицо добрую струю реактивного выхлопа. Самолет задрожал и рванулся вперед. В воздух взметнулся заправочный шланг, разбрызгивая топливо во все стороны. Его так и не успели отсоединить. Одному богу известно, где находилась кнопка управления заправочным клапаном, а искать времени не было. Логика подсказывала, что насосы закачивают топливо гораздо быстрее, чем оно выливается самотеком, — но логика утешает далеко не всегда. Мысленно я уже увидел, как самолет замирает на взлетной полосе, а вокруг медленно сжимается вражеское кольцо. В висках бешено застучала кровь.

Мой приятель сержант, видимо, много успел наболтать по радио. Когда я вырулил на полосу, то увидел, что тягачи успели ее заблокировать. Сзади выползало нечто напоминающее бронемашину. Сбросив скорость почти до нуля, я принялся изучать приборы.

И никак не мог найти того, что нужно! Но тут заметил сбоку еще одну группу переключателей. В тусклом свете разобрать надписи было совсем не просто. ISBACIVANJE. Вот она!

Когда я поднял глаза, первый тягач был прямо перед носом. Люди разбегались во все стороны. Нашаривая ногой педаль тормоза, я круто переложил руль. Нажал на правый тормоз и заложил резкий разворот. При этом снес примерно полметра крыла о кабину тягача. Блеснула вспышка выстрела. Но самолет уже развернулся. Я нажал на газ и на полной скорости рванул в противоположную сторону.

Посадочные огни мелькали все быстрее и быстрее, пока не слились в непрерывную полосу. Одной рукой я держал штурвал, а другой пристегивал ремни. Одной застежки не хватало. Уже приближался конец полосы, когда меня вдруг осенило, что я попросту сижу на ней. Пристегнул ее, схватил штурвал обеими руками и съехал с полосы.

Нужную скорость самолет, конечно, не набрал. Когда я взял штурвал на себя, даже нос не оторвался. Самолет запрыгал по кочкам к той самой стене, на которую я весь вечер любовался.

Все быстрее и быстрее, навстречу неизбежному столкновению.

Глава 9

Всегда важно рассчитать время. Чуть раньше и чуть позже, чем надо, — равно губительно. Когда стена нависла над самолетом так, что уже можно было разглядеть швы между блоками, — только тогда я нажал кнопку катапульты.

Бам! Все произошло очень быстро — но вовремя. Фонарь кабины исчез, отстреленный пиропатронами. Кресло так рвануло вверх, что мой бедный позвоночник, казалось, укоротился наполовину. Словно в замедленном кино, за одну бесконечную долю секунды я вылетел из самолета. И прямо перед собой увидел каменную стену. Поднялся над ней и взмыл в черное небо.

В высшей точке траектории за спиной раздался резкий хлопок. Вверх взметнулся белый султан парашюта. Я падал прямо на крыши домов.

Парашют раскрылся, и меня резко тряхнуло, а еще через несколько мгновений кресло ударилось о землю. Мягкая ткань медленно осела, накрыв меня легкими складками.

Должен с сожалением отметить, что я на миг растерялся. События разворачивались слишком стремительно, а последний эпизод меня просто ошеломил. Мотая головой, я отчаянно хватал ртом

воздух, пока наконец не пришел в себя и не догадался отстегнуть ремни. Потом ползком выбрался из-под парашюта.

С противоположной стороны улицы на меня глазели мужчина и женщина. Больше никого не было видно. Только сзади, за высокой черной стеной, языки пламени лизали темное небо, вверх вздымались клубы дыма, слышались глухие взрывы. Прекрасно.

— Идут испытания, — пояснил я зрителям и скрылся за углом.

В темном подъезде я снял летный костюм. Шлем аккуратно положил сверху. И неторопливой походкой направился в «Роботник».

— Прекрасно исполнено, Джим, — похвалил я сам себя и хлопнул по плечу — себя же.

И тут же понял, что придется вернуться на базу еще до рассвета, но до поры отогнал эту мысль. В первую очередь то, что в первую очередь. Надо надежно нейтрализовать настоящего Ваську Хулья, чтобы полностью принять его образ.

Когда я вошел в номер, мой приятель беспокойно ворочался на койке, мотая головой из стороны в сторону и пытаясь вырваться из ослабевших объятий гипнотического транса. Да еще и робот-уборщик добавлял суеты. Он уже пропылесосил комнату и теперь пытался заправить койку, на которой маялся Васька. Ногой я двинул ему по кнопке «Зайди позже», затем заказал обед на две персоны. Чтобы дать передышку Васькиному подсознанию, пришлось ему внушить, что он не ел два дня и что это лучший обед в его жизни. Сопя, рыча и чавкая, он набросился на еду. Я тоже немного перекусил и, чтобы привести мысли в порядок, заказал себе крепенького.

Что же делать с моим приятелем, который столь безмятежно поглощает пищу? Сам факт его существования есть постоянная угроза моей безопасности. В этой жизни есть место только для одного Васьки Хулья. Убить его? Это проще простого. Потом разрезать на части и сжечь в печи. И останется от него лишь горстка безымянного праха. Сильное искушение, тем более что за свою недолгую, но неправильную жизнь он сгубил немало безвинных душ. Это будет справедливое возмездие. Искушение, конечно, сильное, но не до такой же степени! Хладнокровное убийство для меня не выход. Убивать мне приходилось, но только для самозащиты. Надо признаться, что я глубоко почитаю жизнь в любых ее формах. Теперь, когда мы знаем, что выше неба есть только небо, всякие представления о загробной жизни безвозвратно осели в книгах по истории, равно как и странные, полузабытые религиозные идеи. Исчезли и рай и ад. Мы встали перед необходимостью устраивать рай и ад здесь и сейчас и сильно в этом преуспели при помощи метатехно-

логии и прикладных наук. Теперь жизнь в цивилизованном мире несравненно лучше, чем в мрачную эпоху религиозных предрассудков.

Но вместе с улучшением жизни пришло ясное понимание того, что здесь и сейчас — это все, что мы имеем. Каждый из нас лишь на краткий миг получает в дар яркую искру сознания посреди жуткой тьмы вечности, и каждый должен распорядиться этим мигом сам. Это означает, что необходимо глубоко и свято чтить жизнь любого существа и что самым тяжким преступлением является уничтожение любой жизни. Но клиандцам такой образ мысли совершенно чужд. Вот почему мне доставляло огромное наслаждение вставлять палки в колеса их нехитрого военного механизма. Что я с удовольствием и делал. Вот почему я не могу разложить негодяя Ваську на молекулы, хотя это был бы самый простой выход. Опуститься до этого означало бы уподобиться клиандцам и принять за истину варварское рассуждение, что цель оправдывает средства. Я вздохнул, отхлебнул из стакана, и все мечты о печке вылетели у меня из головы.

Но что же делать? Хорошо бы посадить его на цепь в глубокой пещере с запасами еды, но для этого как минимум нужна пещера. Не годится. Было бы времени побольше, можно было бы изменить его внешность и память и месяцев на шесть упрятать в тюрьму или психушку. Но на такую сложную затею времени совсем нет. Времени в обрез, до утра — в противном случае придется отказаться от мысли использовать Васькин образ. На базе, наверное, уже вовсю идет перекличка, надо бы подумать, как туда вернуться, а не ломать голову над судьбой этого негодяя. Тут я заметил, что его живот раздулся до опасных размеров, и быстренько укоротил ему аппетит. Васька сытно рыгнул, отвалившись на спинку кресла. С тихим шорохом в стене открылась панель. Из ниши выкатился робот-уборщик.

— Можно сделать у вас уборку? — вопросил он.

Я в двух словах объяснил ему, что он может сделать, но таких команд в его программе не было. Он растерянно жужжал и щелкал, пока не получил долгожданное разрешение. Я угрюмо наблюдал, как он суетился, заправлял кровати, — и тут в кромешной тьме забрезжил проблеск идеи.

Васька безо всяких проблем прожил в «Роботнике» целый день. А сколько, в принципе, он может здесь прожить? Теоретически — бесконечно, если положить на его счет достаточно денег. Но без дополнительного внушения он через день-два выйдет из гипнотического транса. Или не выйдет? Прежде чем делать окончательные выводы, надо побывать в центральном пункте управления отелем. Идея может оказаться правильной.

Внушив Ваське, что перед ним самое восхитительное зрелище в его жизни, я усадил его смотреть историко-космическую оперу по стереовизору. Затем нагрузился инструментами и отправился. В стенах, конечно, есть служебные ходы для роботов, но они узкие, темные и пыльные. Это на крайний случай. Несмотря на то что отель полностью механизирован, построили его все-таки люди, и они же его должны ремонтировать при необходимости. Замаскированная дверь сравнительно быстро отыскалась в коридоре недалеко от холла. Она была выкрашена в цвет стены, видимо, для того, чтобы создать впечатление, что «Роботник» роботизирован целиком. Убедившись в отсутствии сигнализации, я вскрыл дверь. Замок был прост, как фермерская шутка. Никем не замеченный, я быстро проскользнул внутрь.

Видимо, таракан внутри радиоприемника чувствует себя точно так же. Кругом торчали разные электронные устройства, кабели и провода висели, словно электроспагетти. В компьютерах шуршали бобины с лентами, щелкали реле, трещали приводы. Я осторожно пробирался вперед, обходя всевозможные люки, внимательно глядя по сторонам, пока наконец не попал в центральный пункт управления. Перед пультом стояло кресло, в которое я и уселся. Внимательно изучил ручки да кнопки и сразу приступил к работе.

В первую очередь — электронные «жучки» в Васькином номере. Совсем не нужно, чтобы его видели и слышали. Нужную сеть найти было нетрудно, тут же был и контрольный монитор. Для проверки я его включил. Ясное дело, просматривался каждый номер. Там происходило немало интересного, но лично я предпочитаю участие зрелищу, к тому же я человек женатый. Да и времени нет. Все цепи прослушивания соединялись в толстый кабель, который сквозь стену уходил, видимо, в полицейский участок или специальное бюро. Это навело меня на мысль. Жаль, нет времени на установку устройства подачи ложного сигнала. Придется импровизировать. Я просто отключил Васькин номер, а вместо него включил в сеть другой. Схема была построена так, что номера можно было просматривать только поочередно. Поэтому невелик был шанс, что кто-то заметит, что из двух номеров идет одинаковый сигнал. Один из десяти тысяч. К тому же половина номеров пустовала, что сильно повышало шансы на успех.

Теперь Ваську никто не увидит и не услышит. Номер и услуги я могу оплатить хоть на год вперед, деньги есть.

Остается только придумать, как его задержать в номере на достаточно долгий срок. Но эту проблему — воображение у меня бо-

гатое — я решил довольно быстро. Вмонтировал в цепь Васькиного номера маленький магнитофон с таймером и спрятал его среди многочисленных электронных устройств. Затем поспешил в номер, чтобы проверить дело рук своих.

Васька взволнованно следил за битвой могучих космических крейсеров. Сверкали лазерные пушки, гремели взрывы, и тут раздался записанный на пленку голос. Мой голос.

— Васька, слушай внимательно. У тебя был тяжелый день, ты хочешь спать. Ты зеваешь. Выключай свет и ложись. Спи спокойно, утро вечера мудренее.

Но это была ложь. Для Васьки утро не будет мудренее вечера. Это каждый раз будет одно и то же утро. Мой голос убаюкает его и загонит в еще более глубокий транс. Он начисто забудет прошедший день и проснется в последнее утро своего отпуска. Проснется с легким похмельем, захочет отдохнуть. Полежит, почитает, немного поест, посмотрит стереовизор и пойдет спать. Как говорится, в свое удовольствие. И так каждый день, пока не сломается магнитофон.

План был прост и эффективен. Половину оставшихся денег я потратил на оплату счета вперед, так что кредит вышел вполне приличный, затем с чувством огромного удовлетворения вывесил за дверью табличку: «Не беспокоить».

Наконец-то с Васькой улажено. Ощутив приближение депрессии, я включил свет, чтобы отыскать бутылку с напитком, вселяющим мужество и бодрость.

Как же все-таки проникнуть на базу? Там, вероятно, удвоили охрану и утроили бдительность.

Мозг окружала стена тяжелой депрессии, стена не хуже настоящей. Той самой, которую я совсем недавно перепрыгнул, с немалым, правда, шумом. Теперь хорошо бы вернуться, да так, чтобы этого никто не заметил. Хоть под стеной пролезай. Но это исключено — за пару часов туннель незаметно не выроешь. Угнать самолет? Прыгнуть с парашютом? Еще в воздухе пристрелят. Самое поганое дело возвращаться на базу именно сейчас. Когда выставлена усиленная охрана и повсюду рыскают солдаты. И тут я понял, что и как надо делать. Основной принцип дзюдо гласит: используй силу противника против него самого, на его же погибель. Но вот как это реализовать?

Ответ пришел быстро. Вот что значит правильно сформулировать задачу! Я быстро запихнул в чемодан все необходимое, прихватил и взрывное устройство. Теперь можно заняться маскировкой. Ничего сложного не потребуется, так, лицо прикрыть. Боже, до чего приходится опускаться! Мундир исчез под длинным пальто, фуражку сменила широкополая шляпа, лицо скрыла моя старая, добрая, седая длинная борода. Вот я и готов. Тут я глубоко вздохнул, опрокинул маленькую на посошок и зашагал прочь от отеля. Отойдя на приличное расстояние, остановил роботакси, бросил чемодан на сиденье.

— База Глупост, главный вход, — приказал я, и такси рванулось вперед.

Глупо? Возможно. Но это единственный путь. В груди у меня испуганной бабочкой трепетал страх. Оно и понятно: впереди показалась толпа угрюмых, вооруженных до зубов охранников.

Занимался рассвет.

— База закрыта! — заорал подбежавший лейтенант, рывком распахнув дверь машины. — Что вам тут надо?!

— База? — проскрипел я в ответ, скверно изобразив старческий фальцет. — Разве это не центр оздоровления морковным соком? Видимо, такси ошиблось...

Лейтенант негодующе фыркнул, отвернулся — а я кинул парочку газовых гранат между его ног. И сразу еще пяток. Как только первые две взорвались, я опустил из-под шляпы на лицо противогазовую маску.

Что тут началось! Гранаты были заряжены отличной смесью: ослепляющий и веселящий газы плюс камуфляжный дым. Ослепшие, весело кашляющие люди смешались, послышались первые выстрелы. Я пробрался сквозь толпу суетящихся солдат прямо к воротам. Опустил чемодан на землю, открыл крышку. Донышки кумулятивных мин были прикрыты специальным составом, который намертво прилипал к стальным листам. В ворота ударила пуля и рикошетом прошила полу моего пальто. Я упал на землю, вытащил еще две гранаты и, не оглядываясь, швырнул их назад. Повалил дым. В полной темноте присоединил к головкам мин провод дистанционного взрывателя.

Время летело слишком быстро. За воротами меня уже наверняка ждали. Но отступать поздно, да и некуда. Я подобрал чемодан, потихоньку отошел в сторону и нажал на кнопку.

В темноте грохнул взрыв, тяжело ухнуло железо. Надеюсь, дыра получилась подходящая.

Спотыкаясь в темноте, я пробирался к воротам сквозь этот хаос.

Глава 10

Дыра получилась что надо. Клубы дыма медленно распространялись по ту сторону ворот. Войска были тут как тут: по железным листам щелкали пули, иногда проскакивая в брешь. Сзади донесся

крик раненого. Суматоха усиливалась. Я принялся швырять в дыру гранату за гранатой, стараясь не попасть под пули. Когда дым сгустился, быстро нырнул в пролом.

Шум на базе стоял невероятный. Выли сирены, трещали выстрелы, вопили люди — ад кромешный. Чтобы расширить зону действия, мне пришлось бросать гранаты во все стороны, как можно дальше. Оставшиеся я на всякий случай рассовал по карманам, еще пригодятся. Включил на чемодане устройство самоуничтожения и отбросил его в сторону — он взорвался ровно через пять секунд. Держась за стену, в полной темноте я побрел в сторону караулки. Еще до того как все началось, я заметил там несколько машин. Остается надеяться, что хоть одна из них еще стоит там. Когда дым поредел, я рванул со всех ног. Кто-то налетел на меня и с воплем рухнул. Однако я удержался на ногах. И тут же зацепился за бордюр и упал, перекувырнулся, вскочил и продолжал бежать. Лишившись, однако, шляпы. Звук мотора стал громче. Сквозь дымовую завесу показались очертания фургона. Он как раз трогался с места. Я не мешкая швырнул еще четыре гранаты. Как только взметнулись черные султаны разрывов, водитель резко затормозил. Я рывком распахнул дверь кабины. Водитель был в белом поварском наряде и колпаке. Я резко дернул его на себя и ударил в челюсть. Забрался на сиденье и рванул машину вперед. Дым рассеялся. Занимался день.

— Отлично исполнено, — похвалил я сам себя и, чтобы не привлекать внимания, снизил скорость. Навстречу в колонну по два бежали солдаты. Пригнувшись, я принялся сдирать бороду. Пора опять становиться Васькой.

Неожиданный удар опрокинул меня на бок. Я чуть было не выпустил из рук баранку. Фургон вильнул и полетел прямо на солдат, те разбежались кто куда. Краем глаза я успел заметить, что сзади что-то блеснуло. Второй удар пришелся в плечо. Из окошка кузова торчала рука, сжимавшая увесистый котелок. Я резко нажал на газ, рука исчезла. В суете мне и в голову не пришло, что в кузове могут оказаться люди.

Прямо перед носом машины по стене распластался насмерть перепуганный офицер. Навалившись всем телом на баранку, я с трудом вывернул, чудом избежав столкновения. Несколько долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Он наверняка успел разглядеть меня и теперь сможет точно описать мои приметы по рации. Может, оно и к лучшему. Время, казалось, ускорило свой бег. Когда снова появилась рука, я рубанул по ней ребром ладони и выбил котелок. Поднял его с пола и вернул обратно, но на этот раз с гранатой внутри. Надеюсь, это хоть немного успокоит хозяина. Следующий поворот пришлось пройти на полной скорости. Я выровнял вихляющий фургон и потрогал растущую шишку. Впереди показались бронемашины. Нажав на тормоз, я свернул в ближайший переулок. Пора избавляться от фургона.

Но что дальше? Находиться на улице небезопасно — можно навлечь на себя ненужные подозрения, а до офицерской казармы еще довольно далеко. Зато клуб совсем рядом. Но можно ли туда проехать? Вдруг там все еще спят мои вчерашние собутыльники? Такой шанс упускать нельзя. Если мне удастся пробраться на свою койку, то я буду вне всяких подозрений.

Клуб действительно оказался рядом. Я свернул в узкий переулок, остановил фургон и дальше отправился бегом. Срывая на ходу бороду, маску, пальто. Последнюю гранату я засунул в карман мундира, нахлобучил фуражку и свернул за угол. Из казармы по тревоге выбегали солдаты, но на меня никто не обратил внимания. Один поворот, другой, вот и клуб. Парадный вход был на замке, но задняя дверь наверняка открыта.

За углом послышались голоса.

— Это все?

— Не совсем, сэр. Двоих никак не разбудить, а один не хочет вставать.

— Я с ним сам поговорю.

Я быстро выглянул из-за угла. Похоже, опоздал. Офицер уже вошел в клуб, а на улице суетились солдаты, загружая хмельное офицерство в стоявший рядом фургон. Один из офицеров сидел на земле, обхватив руками голову, вяло отбиваясь от солдат, пытавшихся увлечь его в машину. Другой потихоньку блевал на стенку.

Шевели мозгами, ди Гриз, время не ждет. Я зажал в кулаке последнюю гранату и вышел из-за угла. Убедившись, что в мою сторону никто не смотрит, швырнул ее в сторону грузовика.

Она рванула, выбросив клубы дыма. Солдаты испуганно заверещали. Все глазели на взрыв. Всего восемь быстрых шагов — и я оказался у сидевшего на земле офицера, который, ни на что не отвлекаясь, тихонько постанывал. Сочувственно бормоча, я помог ему встать на ноги.

Тут на помощь нам пришли солдаты и потащили нас обоих в машину. Я споткнулся, но не упал — солдатские руки бережно подхватили меня. Все в порядке, оставалось сыграть только последний акт. Повар из фургона, конечно же, доложит о том, что героически треснул шпиона котелком по голове. Надо полагать, все головы будут проверены на предмет обнаружения ран. От шишки избавиться мне не удастся, но вот замаскировать ее можно. Это будет больно, но ничего не поделаешь.

Солдаты подсадили меня наверх. Как только они отпустили руки, я рухнул вниз и пребольно треснулся головой о землю.

Удар получился несколько сильнее, чем мне того хотелось, на голову словно расплавленного свинца плеснули. Я потерял сознание.

А когда очнулся, то уже сидел, по лицу стекала кровь. Тут же появился солдат с перевязочным пакетом. После перевязки меня осторожно погрузили в кузов. Чувствовал я себя очень скверно, и это было хорошо. Меня окликнул знакомый голос:

— Васька...

Это был мой сосед Остров, весь помятый и несчастный.

— У тебя выпить нету? — задал он свой утренний вопрос.

Выпивки не было. Пришлось ему удовольствоваться моей сочувствующей улыбкой.

Когда после недолгой поездки наш пьяный экипаж разгрузился, послышались негодующие крики — офицеры увидели, что их привезли не домой, а во двор административного корпуса. Хоть для меня это и не было полной неожиданностью, но пришлось немного поорать за компанию. Ясное дело; прошлой ночью кто-то сбежал с базы, а утром, наоборот, — кто-то на базу проник. Теперь всех будут пересчитывать по головам, пока отсутствующий или лишний человек не будет обнаружен. Нас по одному стали вызывать на проверку. Ожидание несколько затянулось, офицеры то и дело бегали в сортир. Сбегал туда и я. Для того чтобы вымыть руки, а заодно натереть глаза мылом. Оно жутко щипало, но я мужественно терпел несколько секунд, прежде чем промыть глаза водой. В зеркале отразились два горящих угля. Отлично.

Наконец я предстал перед усталым дежурным. Он бегло проверил документы и отметил мою фамилию галочкой. Все надеялись, что нас скоро отпустят. В ожидании многие уснули прямо на скамейках. Я тоже решил вздремнуть. Ночь выдалась тяжелая, а безмятежный сон в стане врага — лучшая маскировка для агента.

Меня разбудила внезапная тишина. Засыпал я под гул голосов, шарканье ног, стрекотанье конторских машин. Теперь все звуки потонули в бездонной тишине. Издалека донесся звук шагов, он становился все громче и громче. Шаги медленно приближались. Прямо ко мне и — слава богу — мимо. Глаз я не открывал, старался дышать ровно. И только когда шаги удалились, осмелился немного приоткрыть веки.

Поразительная все-таки тишина. Я увидел чью-то спину в сером мундире и фуражку того же цвета. Такой формы мне еще встречать не приходилось. Интересно, что происходит? Я, зевая, выпрямился, поскреб под повязкой голову. Человек тем временем

дошел до конца комнаты, обернулся и окинул нас тяжелым взглядом. Спереди он оказался столь же безликим, как и сзади. Жидковатые светлые волосы, полный подбородок, незапоминающееся, гладко выбритое лицо. Он заговорил тоном строгого школьного учителя. Офицеры хранили гробовое молчание.

— Господа офицеры, вероятно, вы, а точнее, самые трезвые из вас слышали взрыв и заметили клубы дыма неподалеку от грузовика. Этот взрыв устроил человек, который проник на территорию базы и который находится среди нас. Мы практически ничего о нем не знаем, но есть подозрение, что это инопланетный шпион...

Это утверждение вызвало удивленный ропот. Человек в сером выдержал паузу.

— Предпринимаются энергичные усилия по его задержанию. Поскольку вы волею случая оказались здесь, я побеседую с каждым из вас в отдельности и выясню, что вы можете сообщить в помощь следствию. Может, мне посчастливится обнаружить среди вас... того самого шпиона.

Последняя фраза повисла в невыносимой тишине. Закончив психологическую подготовку, серый человек скрылся в кабинете и стал по очереди вызывать офицеров. Я сильно порадовался, что мне в голову пришла удачная мысль упасть с грузовика.

Похоже, меня не случайно вызвали третьим. Почему? Может, я фигурой походил на бежавшего шпиона — Паса Ратункова? Или повязка? И, может, мое опоздание на Глупост? Какое-то основание для подозрений наверняка есть. Я вошел в кабинет и отдал честь. Человек в сером молча указал на стул.

— Подержите в руке эту вещицу, пока мы будем разговаривать, — звучным голосом произнес он, передавая мне серебристый полиграф-передатчик размером с яйцо.

Настоящий Васька никогда бы не догадался, что это такое, поэтому и я не подал виду. Просто глянул с интересом — будто не подозревая о том, что эта штука передает сигналы на детектор лжи, стоявший на столе, — и сжал в ладони. В голове у меня роились совсем не спокойные мысли.

Я пропал! Он вычислил меня! Он прекрасно знает, кто я на самом деле, и просто играет со мной!

Человек пристально вгляделся в мои покрасневшие глаза и презрительно скривил губы.

— По вам видно, что ночью вы повеселились на славу, лейтенант Хулья, — ровным голосом произнес он, устремив взгляд на шкалу детектора лжи.

— Так точно, сэр, понимаете... опрокинули с ребятами по паре рюмок напоследок.

Это я произнес вслух.

Про себя же вопил что было мочи.

Они пристрелят меня сразу, прямо в сердце! Я даже мысленно представил, как из дырявого моего сердца кровь толчками выплескивается на пыльный пол.

— Я вижу, вас недавно понизили в звании. Где вы храните шпионские принадлежности? Отвечайте, Пас Ратунков!

Как я устал... в гамаке бы сейчас покачаться, — думал я.

— Принадлежности, сэр?

Я мигнул распухшими веками и потянулся, чтобы почесать голову, но, коснувшись повязки, передумал.

Его глаза впились в меня. Серые такие глаза, почти под цвет формы. В спокойном взгляде читались сила и уверенность.

— Где это вы голову поранили? Странно, по описанию у шпиона точно такая же рана.

— Упал, сэр. С грузовика. Кто-то меня толкнул. Спасибо, солдаты перевязали. Вот! Можете сами у них спросить...

— Уже спросили. Напился как свинья, упал. Уронил честь и достоинство офицера. Идите и приведите себя в порядок, смотреть противно. Следующего позовите.

Я с трудом поднялся, стараясь не смотреть в холодные серые глаза, и поплелся прочь. Якобы забыв про зажатый в руке серебристый аппарат. Потом, спохватившись, вернулся и положил его на стол. Человек в сером даже не поднял головы от своих бумаг. Сквозь жидкие волосы на голове виднелся тонкий шрам. Я вышел.

Чтобы надуть полиграф, необходимо долго и упорно тренироваться. В свое время я такую тренировку прошел. Правда, необходимы некоторые дополнительные условия. А они сегодня были налицо. Допрос проводился без всяких предварительных тестов. Поэтому я в самом начале искусно разыграл панику — еще до того, как были заданы настоящие вопросы. Детектор все добросовестно записал. Всю мою дутую паническую реакцию. Я боялся. Действительно боялся этого человека, боялся детектора, всего боялся. Но когда он задал настоящий вопрос, на раскрытие шпиона, я уже был к этому готов и постарался максимально расслабиться. Детектор и это записал. Для обычного человека такой вопрос не имел никакого смысла, потому что предназначался исключительно для шпиона. Как только человек в сером увидел мою реакцию, то сразу прекратил допрос. Работы у него и так было невпроворот.

Когда я вернулся, Остров сидел, вытянувшись в струнку. От страха глаза его были как блюдца. Трезвый как стеклышко.

— Чего он от тебя хотел? — испуганным шепотом спросил он.

— Понятия не имею. Спрашивал что-то, спрашивал, я даже и не понял о чем, а потом отстал.

— Хоть бы меня не потянули.

— А кто он такой?

— Ты что, не знаешь? — Изумлению Острова не было предела.

Я устало пожал плечами, чтобы скрыть неловкость.

— Ты же знаешь, я здесь недавно...

— Все знают, кто такой Край.

— Так это он? — притворно изумился я, пытаясь изобразить испуг.

Мне это, похоже, удалось — Остров быстро и нервно оглянулся по сторонам. Чтобы прервать этот тяжелый и непонятный для меня разговор, я встал и кинулся в сортир. Сами понимаете, шутка ли — с самим Краем говорил.

А и вправду интересно, что это за Край такой?

Глава 11

Погрузка всем принесла облегчение: лучше уж добрая лихая война, чем подозрения и ползучие страхи, захлестнувшие Глупост в последние дни. Бесконечные допросы, проверки, а по ночам зловещий грохот сапог марширующего патруля. Я был бы по-настоящему горд, что учинил такой переполох, если бы сам не оказался жертвой режима. Машина уже слишком раскрутилась, менять планы было поздно, поэтому все шло по заранее утвержденному расписанию. Все бары закрылись на двое суток до наступления дня В, чтобы воины успели протрезветь. Несколько упрямцев, включая и меня с Островом, конечно, имели кое-что про черный день, но вскоре истощились и эти запасы. Наши чемоданы были отправлены на склад, для временного хранения. Взамен мы получили стандартные вещкомплекты военного образца. У меня была небольшая баночка порошкового алкоголя, замаскированная под зубной порошок, так, на всякий случай. Такой случай возникал всякий раз при одной только мысли о предстоящих сухих неделях. В общем, мы с Островом прикончили и этот порошок за сутки до наступления дня В. Наконец после очередной полночной переклички нас построили и повели на стартовую площадку. Черные ряды громадных кораблей в ожидании старта высились за воротами. Нас опять вызывали по одному и рассылали по местам.

Мне сначала это показалось страшно глупым — так начинать вторжение. Никаких тебе планов, никаких карт, ни учений, ни маневров — совсем ничего. Но потом до меня дошло — ведь это иде-

альный способ сохранить секретность операции. Пилоты все опытные. Войска рвутся в бой. Боеприпасы получены. Где-то наверху, в секретных сейфах, лежат готовые планы, маршрутные карты и ленты. Нам их не покажут, пока не выйдем в подпространство, а там связь с внешним миром принципиально невозможна.

Я с особенным удовольствием узнал, что назначен старшим пилотом на транспортный корабль, и надеялся с честью исполнить свой долг. Видимо, меня не случайно поселили вместе с Островом, потому что он появился в рубке буквально через несколько минут после меня и сообщил, что назначен вторым пилотом.

— Прекрасно, — обрадовался я. — Сколько ты налетал на таком типе кораблей?

Он виновато сообщил, что очень немного, но я ободряюще похлопал его по плечу.

— Тебе повезло. Старина Васька не такой, как другие, у меня нет большого самолюбия. Для старого собутыльника мне ничего не жаль. Я, пожалуй, доверю тебе взлет, а если все пойдет нормально, то и посадку доверю. А теперь подай мне бортовое расписание.

Остров так расчувствовался, что в знак благодарности вытащил наливную ручку, заправленную чистым 200-процентным спиртом, и мы с удовольствием выпили. С чувством огромного удовлетворения и с обожженными глотками мы наблюдали за погрузкой войск. Спустя несколько минут в рубке появился седой бородатый полковник в полевой форме.

— Пассажирам вход воспрещен, — грозно рявкнул я.

— Заткнитесь, лейтенант. Я принес пленки с записью курса.

— Так давайте их.

— Или вы с ума сошли, или просто шутки у вас дурацкие. Да я вас под расстрел отдам!

— Извините, полковник, я сейчас плохо соображаю. Не выспался, знаете ли.

— Вижу. — Он слегка смягчился. — Некоторые послабления необходимы. Я так думаю. Но все уже позади. Слава Клианде!

— Слава Клианде! — дружно рявкнули мы в ответ.

Да, последние два дня были не из легких. Полковник озабоченно взглянул на часы.

— Время. Включить систему управления! — приказал он.

Я сделал знак Острову, он быстро нажал нужную кнопку. На экране появилась надпись: ЖДИТЕ. Мы подождали. Экран мигнул, и выскочила следующая команда: ЗАДАЙТЕ КУРС. Полковник вынул из сумки кассету с лентой. Нам пришлось расписаться в том, что кассету мы получили целой, в упаковке и с печатью. Остров вставил ее в бортовой компьютер. Покончив с делами, полковник удовлетворенно хмыкнул и вышел. Напоследок рявкнул вместо прощания:

— И смотрите у меня, если на старте перегрузка дойдет до 10g — отдам под трибунал.

— Пошел к черту, — дерзко парировал я, когда дверь за ним закрылась. Но даже эта жалкая выходка сильно подняла мой авторитет в глазах Острова.

Бестолковая спешка и томительное ожидание — вещи вполне обычные в любой армии. Теперь пришла очередь ожидания.

Наконец проверка готовности закончилась, и мы увидели, как корабли один за другим уходят ввысь. Транспортники всегда стартуют последними. И вот на экране вспыхнула зеленая надпись: СТАРТ. Мы отправились в путь. К безымянной планете, у неизвестной звезды — вот и все, что нам было известно. Компьютер сам считывал курс с ленты, информировать нас у него приказа не было.

Вся операция была тщательно засекречена, вплоть до момента высадки. Кораблем правил компьютер, выпивки не было никакой, мороженые продукты надоели до тошноты. Выяснилось, что в долгом путешествии, да еще без живительного алкоголя, Остров попутчик никудышный. О чем бы ни заходил разговор, заканчивался он неизменно рассказами о его школьных проделках. Спал я хорошо, особенно под эти россказни, но Острова это нисколько не смущало. Чтобы держать его в форме, я часто устраивал ему проверки по технике пилотирования, заодно и сам прилично освоил управление кораблем.

Управление было полностью автоматизировано. Экипаж состоял из меня да Острова. Дверь в пассажирский отсек была закрыта. Ключ хранился у нашего приятеля полковника. Он заглянул к нам пару раз за все время, чем не сильно нас порадовал. На седьмой день он встал у меня за спиной, чтобы посмотреть, как мы будем выходить из подпространства.

— Получите, прочитайте и распишитесь.

Мы молча подчинились. Исполнив формальности, он вскрыл пакет. Мы увидели надпись: ВТОРЖЕНИЕ. Похоже, наступают горячие деньки. Инструкции были достаточно просты: мне предписывалось переключить управление на флагманский корабль. С одной стороны обзорного экрана светило желтоватое солнце, с другой — голубой сферой нависала планета. Полковник жадно уставился на планету, словно хотел тут же откусить от нее кусок. Дальнейший ход событий сомнений не вызывал.

Вторжение началось. Большая часть флота шла впереди нас. Корабли были скрыты космической тьмой, только изредка россы-

пью звезд вспыхивали дюзы, когда менялся курс. Транспортный отряд двигался плотной группой, повинуясь командам флагмана. Изображение планеты наползало на экран. Она выглядела вполне мирно, хотя, по моим расчетам, передовой отряд уже начал штурм.

Предстоящее вторжение меня не радовало — радоваться надвигающейся войне может только сумасшедший, но я надеялся найти ответ на вопрос, ради которого оказался здесь.

До сих пор я был убежден, что межпланетные войны невозможны, однако сейчас сам участвовал в одной из них. Словно посетитель зоопарка, который разглядывает диковинного зверя и приговаривает: «Таких зверей не бывает».

Межпланетные войны принципиально невозможны.

Но войска наступали, могучая армада сокрушала мои убеждения. Безымянная планета приближалась, заполняя собой экран. Уже были заметны первые признаки войны — крохотные вспышки света на фоне ночного полушария. Мои худшие подозрения полностью подтвердились. Остров тоже заметил вспышки и азартно потряс кулаком.

— Всыпьте им как следует, ребята! — заорал он.

— Заткнись! Твое дело за приборами следить! — рявкнул я, охваченный внезапным приступом ненависти. И тут же раскаялся.

Остров просто продукт системы. Если родители свиньи — то дети у них поросята. А Остров с малых лет воспитывался в военном училище и, как ни странно, вспоминал об этом с удовольствием, хотя все истории, которыми он меня потчевал в дороге, носили явно садистский характер. Лишних вопросов он себе не задавал и свято верил в то, что клиандцы — богоизбранный народ, призванный нести свет цивилизации отсталым мирам. Удивительные вещи можно вбить человеку в голову, если колотить по ней с малолетства.

Нам разрешили взять управление на себя. Каждый транспортник должен был сесть в указанной ему точке. Настраивая радио, я мысленно проклинал маниакальную тягу клиандцев к секретности. Надо посадить набитый солдатами корабль — и неизвестно куда! Ясное дело, что на эту планету — этот факт они засекретить не могли, — но на какой континент? У какого города? Известно было только одно — корабли разведки установили радиомаяки. Мне сообщили частоту и позывные, и, как только они прозвучат, — надо заходить на посадку. Еще было известно, что точка посадки — космопорт. Вместе с последними инструкциями я получил большие, четкие снимки — клиандские шпионы работали четко — космопорта, сделанные с воздуха и с земли. Место посадки было обозначено красным крестом. Прекрасно.

— Есть сигнал!

Он звучал часто и громко: да-да-ди-да.

— Всем пристегнуться — посадка, — объявил я и ввел данные в компьютер.

Он мгновенно рассчитал траекторию приземления. Низко загудел ходовой генератор.

— Предупреди полковника и держи с ним постоянную связь до самой посадки.

Сквозь утренний туман мы падали навстречу своей судьбе. Бортовой компьютер, следуя за указующим лучом радиомаяка, вел корабль по плавной дугообразной траектории. Первые признаки сопротивления я заметил, когда мы пробили слой облаков и показалась поверхность планеты. Вокруг корабля показались черные султанчики разрывов.

— Они стреляют?! — поразился Остров.

— А ты что думал? На то и война.

Я очень удивился, что опытный офицер испугался жиденького огня. Затем отключил компьютерное управление и выключил ходовой генератор. Мы вошли в режим свободного падения. Теперь разрывы появлялись сзади и выше корабля: изменение скорости сбило прицел орудий.

Когда внизу показался космопорт, я включил маневровые двигатели, чтобы откорректировать курс. Мы быстро падали. Компьютер обсчитывал данные высотомера и высвечивал на экране красные сигналы тревоги. Я поспешно ввел программу посадки в режиме свободного падения с перегрузкой в 10g на нулевой отметке. Теперь корабль быстро проскочит зону обстрела: посадка пройдет на максимальной скорости, а торможение займет минимум времени.

Двигатели включились на высоте в три корпуса корабля от поверхности. Перегрузка вдавила нас в кресла. Я с трудом улыбнулся, представив на секунду перекошенную физиономию полковника. Компьютер отлично закончил посадку, двигатели отключились, как только опоры коснулись земли. Когда рев двигателей стих, я нажал кнопку выгрузки. С грохотом откинулись пандусы.

— Ну, теперь наше дело сторона, — сказал я, потянувшись всем телом.

Потом мы с Островом стояли и глазели через иллюминатор на высадку нашего воинства. И что самое удивительное — высадка проходила без всяких потерь с нашей стороны. Неподалеку виднелись воронки, на бреющем полете кружили штурмовики. Трудно было поверить, что сопротивление подавлено так быстро. Должно быть, на этой планете нет приличной армии. Только так и можно

объяснить успешное наступление клиандцев: они захватывают планеты, которые не в состоянии обороняться. Это стоит проверить. После того как войска выгрузились, появился полковник на командирской машине. Надеюсь, он не сильно пострадал от перегрузок.

— Хорошо бы выпивки достать, — произнес Остров, облизывая пересохшие губы.

— Ты останешься здесь. Присмотришь за кораблем и подежуришь на связи, — распорядился я, пристегивая кобуру.

— Все старшие пилоты одинаковы, — заныл он.

Похоже, на этот раз я попал в точку.

— Звание обязывает. Придет день, и ты тоже станешь первым. Я скоро вернусь.

— Выпивка обычно бывает в баре космопорта, — крикнул он вслед.

— Не учи ученого, — усмехнулся я, — а то я без тебя не знаю, где искать.

После посадки все внутренние двери открывались автоматически. Я по трапу спустился в пассажирский отсек и выбрался наружу. Свежий утренний ветер нес с собою запах пыли и взрывчатки. Дары клиандской цивилизации.

Вдалеке слышались выстрелы, с ревом пролетел самолет, но в остальном все было спокойно. Наступление прокатилось через космопорт, оставив после себя островок тишины. Вокруг не было видно ни души.

Я прошел таможенную зону и, повинуясь безошибочному инстинкту, быстро отыскал бар. Для начала выпил бутылку пива, а потом антареанского ладевандета. На стойке бара дружелюбно поблескивали ряды бутылок. Тут были и старые знакомые, и новые друзья. Я отобрал неплохую коллекцию. Хорошо бы найти какой-нибудь ящик или сумку — я открыл стенной шкаф и увидел там юношу, который с ужасом смотрел на меня.

— Не убивайте меня! — выкрикнул он на эсперанто.

Поскольку на эсперанто я говорил свободно, то сразу ответил на понятном ему языке.

— Мы принесли свободу на вашу планету, тебе нечего бояться. — Я хотел подстраховаться на тот случай, если об этом разговоре станет известно моему командованию. — Как тебя зовут?

— Пир.

— А как называется эта планета?

Не очень подходящий вопрос для офицера оккупационной армии, но парень был слишком напуган, чтобы удивляться.

— Бурада.

— Прекрасно. Приятно услышать правдивый ответ. Расскажи-ка мне что-нибудь о Бураде.

Парень несколько растерялся. Видимо, такого вопроса он не ожидал. Он на минуту замешкался, потом выбрался из шкафа, пошарил внутри и молча протянул мне рекламный буклет. На объемной картинке был изображен океанский берег с пальмами. От прикосновения моей руки картинка ожила: волны бесшумно обрушивались на золотой пляж, деревья раскачивались в упругих струях свежего бриза. Плывущие по небу облака превратились в буквы. «ПРЕКРАСНАЯ БУРАДА — ЭТО БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК», — прочитал я.

— Так, болтаем с врагом и мародерствуем, — раздался противный, до боли знакомый голос.

Я медленно обернулся и увидел своего недавнего приятеля — полковник стоял в дверях, поигрывая винтовкой. На его лице блуждала, что называется, зловещая улыбка.

— И посадка на 10g, — добавил он, припомнив свою тайную обиду. — Это, конечно, не повод для расстрела, но первых двух причин вполне достаточно.

Глава 12

Пир с воплем отпрянул к стене. Слов полковника он не понял, но быстро сообразил, что к чему. Заметив, что мои руки скрыты стойкой бара, я холодно улыбнулся. Обернулся к парню и жестом указал ему на дальний угол комнаты. Он послушно бросился туда. Во время этого отвлекающего маневра я спрятал буклет в карман и вытащил из кобуры пистолет. Когда я поднял глаза, полковник уже медленно поднимал винтовку.

— Вы ошиблись, — возразил я, — и тем самым нанесли оскорбление офицеру, который еще недавно носил звание пилот-майора. Я захватил бар по военным соображениям, чтобы солдаты чего доброго не перепились. Да еще и пленника взял. Вот что здесь происходит, полковник, и нечего на меня бочку катить.

Он все-таки поднял винтовку.

— Мне поверят на слово, что я пристрелил тебя, пытаясь прекратить мародерство, да еще при попытке оказать сопротивление.

— Меня пристрелить не так уж просто, — процедил я сквозь зубы, положил ствол пистолета на стойку бара и прицелился точнехонько в полковничий лоб. — Стреляю я неплохо, и пули у меня разрывные. Так что обещаю снести сразу полголовы.

Такого решительного отпора от простого пилота он никак не ожидал и на секунду растерялся. Пир вскрикнул, послышался глухой удар. Похоже, он упал в обморок, но проверять было некогда. Неприятная сцена затянулась. Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не появился солдат с полевым передатчиком. Полковник схватил микрофон и принялся командовать, а я запихнул за пояс пару бутылок и нырнул в служебную дверь, перешагнув по дороге через Пира, который все еще не пришел в себя. Полковник даже не заметил моего исчезновения. Я спокойно добрался до корабля и послал бутылки в служебном лифте наверх, Острову.

— Можешь выпить без меня, но только одну, — приказал я ему по бортовой связи. В ответ раздался счастливый вопль.

Теперь я был свободен. Не худо было бы воспользоваться таким случаем. Пока идет штурм, мне не мешает осмотреться. Конечно, можно нарваться на шальную пулю, но это, как говорится, издержки профессии. Как только штурм окончится, всякие передвижения будут строго ограничены. К тому же нет гарантии, что меня не отошлют обратно на Клианду. Буклет лежал в кармане мундира. Под воздействием тепла картинки ожили. Картинок было много, а карты и схемы практически отсутствовали. Это было настоящее чудо рекламного искусства: живые картинки звучали, издавали пленительные запахи неведомых цветов.

Была там и карта города, но слишком схематичная. Из нее удалось узнать, что космопорт называется Сукук и расположен он неподалеку от Сукук-сити. Я выбросил буклет и отправился на разведку.

Жуткое зрелище. Да, не скоро на солнечных пляжах Бурады снова появятся туристы. Проходя по разрушенным улицам, мимо почерневших от огня зданий, я размышлял, кому и зачем это нужно.

Война — занятие, безусловно, бессмысленное, но сейчас она казалась попросту отвратительной. Точнее сказать, ужасной: я увидел первые трупы. Послышалось шарканье ног — впереди показалась колонна пленных под охраной клиандских вояк. Раненых среди пленных было довольно много, но только некоторые из них были перевязаны. Проходивший мимо сержант отдал мне честь, вскинув руку в победном жесте. Я с трудом улыбнулся в ответ. Надо разыскать кого-нибудь из местных жителей, кто пока еще жив и на свободе, и попытаться хоть что-нибудь выяснить.

Но они нашли меня сами. Я свернул в боковую улочку с трудным названием Матбаацилик-сасуртмек. На улице с таким названием трудно ожидать чего-нибудь хорошего. Мои предчувствия полностью подтвердились. И довольно быстро. За следующим углом я увидел молодую женщину, которая целилась в меня из огромного охотничьего ружья. Она не успела и рта раскрыть, как мои руки уже взметнулись вверх.

— Руки вверх или я стреляю!

— Уже вверху — разве не видно? Да здравствует Бурада! Ура-ура...

— Кончай шутить, солдафон вонючий, а то я тебя пристрелю.

— Поверьте, я на вашей стороне и искренне желаю мира Бураде и благополучия ее гражданам. Без различия пола и возраста.

Она презрительно фыркнула и указала ружьем на темную дверь. Даже в гневе она была прекрасна: пылающие глаза, разрумянившиеся щеки. Черные волосы волной спадали на ее плечи. Несмотря на то что на ней был зеленый мундир и высокие армейские ботинки — она была очень женственна: никакая форма не могла скрыть такую роскошную фигуру. Я покорно направился к двери, как и было приказано. Она ловко вытащила мой пистолет. Я мог бы легко отнять оба ствола, но сдержался. В роли хозяйки положения она будет более разговорчива. Мы поднялись в полутемную комнату с небольшим окном. Здесь на столе лежала вторая девушка в форме. Глаза ее были закрыты, одна штанина отрезана начисто. На голой ноге виднелась неумело наложенная повязка. Кровь пропитала ее и растекалась лужей по столу.

— У тебя есть аптечка? — спросила моя конвоирша.

— Есть. — Я отстегнул аптечку от пояса. — Но сомневаюсь, что это ей поможет. Надо сделать переливание — она потеряла слишком много крови.

— Где? В лазарете оккупантов?

— Хотя бы. — Я проверил пульс, снял бинты, обработал рану антисептиками и наложил тугую повязку. — Пульс очень слабый. Не знаю, выживет ли она.

— Если не выживет — отвечать будешь ты! — В глазах девушки стояли слезы, а ружье упрямо смотрело мне в живот.

— Я сделал все, что мог, разве ты не видишь? Меня зовут Васька.

— Тазе, — машинально ответила она, — до переворота — гвардии сержант.

— До переворота? — растерялся я. — Ты имеешь в виду вторжение нашей армии?

— Да нет. Что-то я разболталась, пора тебя пристрелить...

— Не надо. Погоди стрелять. Ты что, не веришь, что я на вашей стороне?

— Нет.

— Уверяю тебя — я агент и работаю против Клианды. Для того и внедрился в Космическую Армаду!

— Чтобы спасти свою шкуру, ты наплетешь что угодно.

— И тем не менее это правда.

Я понял, что на слово мне не поверят.

— Тазе... — слабо простонала девушка на столе, мы разом обернулись. — Тазе... — простонала она еще раз, и голова ее откинулась.

Я понял, что погибну тоже. Тазе вскинула винтовку, костяшки ее пальцев побелели. Действовать надо было быстро. Я нырнул под винтовку и подкатился к девушке. Бабахнул выстрел, но меня не задело. Я перехватил винтовку за ствол и ударил ребром ладони по руке. Потом провел еще несколько приемов, которые обычно к женщинам не применяют, но ситуация была исключительная. Я отобрал винтовку и пистолет. Тазе лежала у стены и рыдала, ведь я едва не сломал ей руку.

— Послушай, извини, — примиряюще сказал я, — мне больше ничего не оставалось делать. Ты ж меня чуть не пристрелила.

Я разрядил винтовку, проверил затвор.

— То, что я тебе сказал, — правда. Я хочу вам помочь. Но сначала вы должны помочь мне.

Она растерялась, но слушала внимательно. Только изумленно заморгала, когда получила обратно винтовку и патроны.

— Будет лучше, если ты пока не будешь ее заряжать. А теперь постарайся мне поверить. Некую организацию очень беспокоят военные планы Клианды. А именно — захват чужих планет. Бурада — шестая в этом списке, и, судя по всему, оккупация закончится успешно.

— Но зачем они воюют?

Она явно заинтересовалась, можно было продолжать.

— Не столь важно — почему, по крайней мере сейчас. Агрессия свойственна некоторым общественным формациям. Меня скорее интересует вопрос — как? Как им удалось захватить планету, несмотря на то что здесь есть система обороны?

— Во всем виноват Консолослук, — с жаром ответила она, потрясая ружьем. — Я не хочу сказать, что Женская партия не делает ошибок, но по крайней мере они не такие глупые.

— Объясни, будь так любезна. Боюсь, что я тебя не вполне понимаю.

— Я тебе и объясняю. Мужики! — Она сплюнула, в глазах вспыхнула ярость. — Женская партия несколько веков подряд благополучно правила планетой. Мы процветали, успешно развивали туризм, все были довольны. Конечно, мужчины получали

право голоса на несколько лет позже, чем женщины, и не могли иметь престижную работу. Ну так что? На других планетах женщины поставлены в такие же и даже худшие условия. Но они бунтов не устраивают. Люди из партии Консолослук шныряли повсюду и распространяли лживые слухи. Права мужчин, дискриминация и все такое. Взбудоражили людей, получили несколько мест в парламенте, взбаламутили всю страну. Потом устроили однодневную революцию и захватили власть. Понадавали глупых обещаний. Очень им хотелось поиграть в государственных деятелей. Ничего себе деятели! Никакого понятия ни об управлении, ни об обороне. Когда еще и ваши высадились, то большинство из так называемых мужчин просто сбежали. Сдались без всякой борьбы, как трусы. Я, например, сдаваться не собираюсь.

— А может, они вынуждены были сдаться?

— Нет, они просто слабаки.

Я лихорадочно обдумывал услышанное. Неясные подозрения сменились предчувствием разгадки. Отдельные сведения стали складываться в моем сознании в единое целое, но радоваться было преждевременно. Идея еще не вполне оформилась, но если все сойдется — то все получится!

Я смогу выяснить, как клиандцам удается покорять другие планеты. План был прост, как все гениальное.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказал я Тазе. — Мне надо кое-что разузнать, поэтому я пока останусь в Космической Армаде. Но Бураду я покидать не намерен. Клиандцы еще слабы здесь, здесь они и будут разбиты. Ты когда-нибудь слышала о Специальном Корпусе?

— Нет.

— Сейчас услышишь. В общем, эта организация собирается оказать вам помощь. Они, конечно, засекли старт флота с Клианды и наверняка проследили за ним. Так все и планировалось. Сейчас на орбите Бурады, наверное, уже летает спутник связи. Он передаст наше сообщение прямо в Корпус, и сюда придет помощь. Ты можешь найти передатчик средней мощности?

— Да, но зачем? Почему я должна тебе верить? Может быть, ты лжешь.

— Может быть, но ты не имеешь права упускать такой шанс. — Я лихорадочно нацарапал записку. — Мне надо спешить. Я должен вернуться на корабль, пока меня не хватились. Сообщение ты передашь на этой вот частоте. Это очень просто. К тому же ты ничем не рискуешь, но можешь спасти свою планету.

Она с сомнением посмотрела на бумажку.

— Трудно поверить, что ты агент и хочешь нам помочь.

— Можете не сомневаться, он действительно агент, даю честное слово, — раздался голос за моей спиной. Я медленно обернулся, и сердце у меня замерло.

В дверях стоял Край, весь в сером. И еще двое, тоже в серой форме, стояли рядом, направив на меня ружья. Край выставил свой палец, словно пистолет.

— Мы давно за тобой следили, все ждали удобного случая, чтобы получить максимум информации. Теперь пришло время приступать к операции по уничтожению этого вашего Специального Корпуса.

Глава 13

— Похоже, становится модным входить без стука. Ха, ха, ха... — надсадно пошутил я, хотя мне было совсем не до шуток.

Край холодно улыбнулся.

— Вы имеете в виду полковника? Да, это я его приставил присматривать за вами. Может, хватит ломать комедию, Пас Ратунков или как там вас...

— Васька Хулья, лейтенант Космической Армады, если угодно.

— Пилот-майор Хулья был обнаружен в отеле «Досадинглуп Роботник». Так мы вышли на ваш след. Ваш замечательный план мог бы сработать, если бы не перегорела сеть оптической слежки. Монтер обнаружил Ваську, а когда выяснилось, что он путается в датах, то об этом доложили мне... А вот это я заберу.

Край выдернул записку из онемевших пальцев Тазе. Он чувствовал себя очень уверенно. Я схватился за грудь, закатил глаза и покачнулся.

— Это слишком... — забормотал я. — Что-то с сердцем... не стреляйте... это конец.

Край и его парни холодно взирали на мое представление. Они и пальцем не шевельнули, когда я вскрикнул, весь изогнулся и выпал из окна.

Трюк был исполнен прекрасно. В туче брызг битого стекла я вылетел в окно, приземлился на плечо, сделал кувырок и вскочил на ноги, готовый бежать.

И увидел перед собой винтовку. Неулыбчивый человек в сером держал меня на прицеле. Он спокойно молчал, не торопясь начинать разговор, да и я не сразу нашелся что сказать. Из разбитого окна послышался холодный голос Края:

— Девушку отправим в лагерь для военнопленных, а шпиона заберем с собой. Глаз с него не спускать, вы видели, на что он способен.

Нехорошо, мрачно подумал я. Очень нехорошо. Так удачно внедрился, узнал все, что нужно, а информацию передать не сумел, что лишает ее всякого смысла. Хуже того. Край может использовать ее в своих грязных целях. В таком мрачном настроении меня и затолкнули в машину. Бежать было решительно невозможно: люди в сером ни на секунду не опускали винтовок.

Поездка была короткой и на редкость неприятной. Похоже, что трофейный грузовик, на котором мы ехали, на Бураде использовали для перевозки мусора или даже чего-нибудь похуже. Но жуткий запах беспокоил как будто только меня. Серые парни этой вони не чувствовали и не сводили с меня глаз. Машина шла плавно и бесшумно. Двигатель работал на газе. Газогенератор вырабатывал электроэнергию, которая приводила в движение ходовые электродвигатели, расположенные в каждом колесе. Я лихорадочно строил планы: выпрыгнуть из кузова на ходу; порвать питающий кабель, проходивший по полу. Но все они казались нехороши, так мы и доехали безо всяких осложнений. Под дулами ружей меня проводили в здание командного пункта, отвели в пустую комнату и приказали раздеться. Затем с помощью портативного флюороскопа тщательно и бесцеремонно обследовали, извлекая из укромных уголков моего тела все микроприборы и микроприспособления, и только после этого выдали новую одежду.

Костюм был необычный. Цельный, сплошной комбинезон из мягкого эластичного пластика, который одновременно защищал и согревал тело. Идеальная тюремная роба — пластик был совершенно прозрачным. Такая одежда производила настолько сильный психологический эффект, что я поневоле проникся уважением к людям в сером. Вся процедура прошла в полной тишине, несмотря на мои попытки завязать разговор. Мой наряд венчал металлический ошейник. Он тонким шнуром соединялся с небольшой коробочкой, которую держал один из серых парней. Все это выглядело довольно неприятно. Мои подозрения подтвердились довольно быстро. Все вышли, и мы остались вдвоем с парнем, что держал пульт.

— Я могу сделать вот так, — произнес он бесцветным, как и его форма, голосом и нажал на кнопку.

То, что я испытал, было очень неожиданно и очень больно. Свет невиданной силы ослепил меня. В ушах, казалось, загремел гром. Кожа горела огнем, словно облитая кислотой.

Когда зрение и слух вернулись, я лежал на полу. Чуть саднила разбитая голова. Лежать было так хорошо. Коробочка, видимо, генерировала нейротоки определенной частоты. Нет нужды пытать тело, можно просто подавать болевые импульсы непосредственно в нервную систему.

— Встать! — приказал мучитель, и я быстро повиновался.

— Приказывайте все, что вам угодно и когда только заблагорассудится. Вы хотели, чтобы я все понял, так вот — я все понял и готов повиноваться. Честное слово, я буду хорошо себя вести.

Пока, во всяком случае. Пока не найду лазейки из этой западни. Я покорно поплелся в другую комнату, где меня поджидал Край за огромным металлическим столом. Комната была очень пыльная. От мебели и картин остались только светлые пятна на стенах. Единственным предметом, не считая стола, был большой сверкающий крюк, вделанный в потолок. Неудивительно, что кольцо, болтавшееся на конце пульта, точно наделось на крюк. Я стоял перед своими тюремщиками, посаженный на цепь.

Край смерил меня изучающим взглядом. Это удалось ему без особого труда — ведь мой костюм был совершенно прозрачным. Меня это мало смущало — к наготе я относился совершенно равнодушно. Куда более неприятным был его холодный, бездушный взгляд. Выражаясь возвышенно, в данный момент я был в полной его власти. Неизвестно, что за пакость он задумал. Надо попытаться хоть что-нибудь выяснить.

— Что вы хотите узнать? — поинтересовался я.

— Совсем немного, но об этом позже.

— А почему не сейчас? Принимая во внимание современную технику гипноза, обработку наркотиками, добрые старые пытки — вроде вашего нейроустройства, — утаить что-либо от добросовестного следователя практически невозможно. Поэтому спрашивайте — а я буду отвечать.

И с превеликим удовольствием поведаю то немногое, что мне известно о Специальном Корпусе. Расположение баз хранилось в секрете даже от нас, агентов, на случай вроде этого.

Я очень удивился, когда он отрицательно покачал головой.

— Рассказывать ты будешь позже. Сначала я хочу убедить тебя в серьезности моих намерений. Прежде всего я задам тебе несколько вопросов, а потом завербую. И ты будешь на нас работать. Совершенно добровольно. И чтобы ты поверил мне, начну с того, что тебя не убьют. Сильные люди смело встречают смерть. Для них это самый простой выход. У тебя не будет такого выхода.

От таких речей мне всегда становилось скучно. Я ожидал обычного интенсивного допроса, но у него были более обширные планы. Пришлось оставить шутливый тон и говорить начистоту.

— Увольте. Я ненавижу вас и вашу организацию, не разделяю ваши цели и не намерен менять свои взгляды. Даже если я соглашусь работать на вас, вы никогда не сможете полностью мне доверять — давайте не будем обманывать друг друга с самого начала.

— Напротив, — произнес он и нажал кнопку на столе. Коробочка наверху загудела, наматываясь на шнур. Чтобы не задохнуться, мне пришлось встать на цыпочки. Ошейник пребольно впился в горло. — Скоро ты сам будешь меня умолять, чтобы тебе позволили сотрудничать с нами, и будешь плакать от отчаяния, когда я тебе откажу. Пока наконец твое заветное желание не исполнится. Это будет самый счастливый день в твоей жизни. А сейчас я продемонстрирую очень простое, но эффективное средство убеждения.

Ноги мои дрожали от усталости, но, чтобы не задохнуться, мне приходилось стоять на пальцах. Край поднялся, обошел меня сзади — потом вдруг схватил мои руки и прижал к краю стола. Из стола выскочили браслеты и намертво зажали мои кисти. Точнее говоря, предплечья, сами кисти как раз остались свободными. Мне оставалось только шевелить пальцами. Передо мной появился Край. Он нагнулся и вынул что-то из ящика стола.

Это был топор. Металлический топор с длинной ручкой — такими в древности валили деревья. Край обеими руками ухватился за ручку и занес топор над головой.

— Что вы делаете? Остановитесь! — завопил я, уставившись на топор и извиваясь. Он с силой ударил.

Возможно, я закричал, и даже наверняка. Слишком уж сильна была боль.

Жутко было видеть свою отрубленную правую кисть, неподвижно лежавшую на крышке стола, на бившую из разорванных сосудов кровь. Топор опять взметнулся вверх. На этот раз я точно закричал и вопил до тех пор, пока он не опустился и не отхватил левую кисть. Кровь залила весь стол и медленно стекала на пол.

Сквозь боль и ужас, охватившие меня, я ясно видел лицо Края. Он улыбался. Впервые улыбался.

Тут я потерял сознание. А может, умер, не знаю. Весь мир провалился в черный колодец. Осталась только боль, но и она вскоре исчезла.

...Я открыл глаза и понял, что лежу на полу. Одному богу известно, сколько прошло времени. Мысли путались в голове. Пришлось напрячь память, чтобы вспомнить недавние события. Вдруг

ясно вспомнились отрубленные руки. Я резко сел и нервно потер ладони. Кисти были в полном порядке. Что происходит?

— Встать! — раздался голос Края.

Тут я понял, что сижу около стола, ошейник был по-прежнему на шее, и от него к потолку тянулся шнур. Я поднялся и посмотрел на стол. Крови не было.

— Готов поклясться... — начал было я и осекся, увидев на крышке стола две глубокие царапины, оставленные топором. Поднял руки и уставился на запястья.

Красные рубцы опоясывали мои руки, по краям шли точки от снятых швов. Но кисти были в полном порядке. Что же все-таки произошло?

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду? — бесцветным голосом произнес Край.

— Что вы сделали со мной? Не могли же вы сначала отрубить мне руки, а потом пришить их обратно?! Невозможно так быстро... — Тут я понял, что совсем запутался, и умолк.

— Ты не веришь, что это было на самом деле? Мне что, повторить?

— Нет! — я почти выкрикнул, испуганно шарахнувшись от стола.

Край довольно кивнул.

— Итак, обучение началось. Ты утратил чувство реальности. Ты не знаешь, что произошло, — но не хочешь, чтобы это повторилось. Все идет нормально. В конце концов ты полностью утратишь связь с прежней реальностью, со своей прежней личностью. Когда это произойдет, ты станешь одним из нас. И только после этого мы займемся Специальным Корпусом. Ты не просто все расскажешь, но и примешь самое активное участие в разработке плана по его уничтожению.

— Ничего у вас не выйдет, — убежденно возразил я, хотя в душе такой уверенности не было. — Я ведь не единственный. Корпус активно работает против вас. Ваш крах — это только вопрос времени.

— Совсем наоборот, — возразил Край, сцепил руки и опустил их на стол перед собой, совсем как школьный учитель. — Мы уже давно следим за деятельностью Корпуса, и до сих пор нам удавалось держаться чуть впереди. Для того чтобы получить необходимую информацию, нам пришлось захватить и подвергнуть пыткам нескольких агентов Корпуса. Так мы узнали, что готовится операция, которую возглавит полевой агент. В данном случае — ты. После этого нам оставалось только ждать. И как только ты появился, мы тебя взяли. Все очень просто. А теперь с твоей помощью мы разгромим Корпус.

Он почти убедил меня. Предложенный им план выглядел вполне разумным, но я сразу отогнал эту предательскую мысль. Хватит с ним соглашаться, надо атаковать, это всегда лучше, чем защищаться.

— Грандиозный замысел. Надеюсь, вы сумеете проглотить такой огромный кусок, не подавившись. А вы не забыли, что Лигу поддерживают сотни планет? Вы отдаете себе отчет в том, что они могут с вами сделать?

— Сотни планет вместе — это только теоретически, на практике — это сотни отдельно взятых планет. Мы будем захватывать их одну за другой, по очереди, и рано или поздно они покорятся. Остановить нас невозможно. Наступление развивается по нарастающей. По мере расширения империи скорость наступления будет увеличиваться.

— Но у всякой скорости есть свой естественный предел, — вставил я, пытаясь взять ироническую ноту. — Ваша тактика мне понятна. Вы нападаете только на те планеты, которые в данный момент не способны оказать сопротивление. Не так ли?

— Совершенно верно.

Он согласно кивнул, и я продолжил:

— Вы выбираете планету, среди населения которой существует определенный слой диссидентов. Недовольные, как известно, были даже в раю, так что с диссидентами у вас проблем нет. Здесь, на Бураде, это были мужчины из партии Консолослук. Они жаждали прийти к власти. Вы дали им все необходимое. Ваши подпольные резиденты снабдили их деньгами, оружием, помогли организовать пропаганду, то есть подготовили переворот — и переворот свершился. Вы ничего взамен не просили, прекрасно понимая, что в случае оккупации сопротивление будет чисто символическим. Ваши агенты проследили за тем, чтобы армия сложила оружие в самом начале войны. Сражение было выиграно задолго до начала! Неудивительно, что ваши вояки не привыкли к поражениям.

— Ты очень наблюдателен, именно так мы и действуем. Твой анализ проницателен и точен, в смысле описания нашей тактики.

— Как видите, я вас раскусил, — радостно брякнул я.

— Совсем наоборот. Это мы тебя раскусили. Ты единственный, кто смог понять нашу тактику, но рассказать об этом никому уже не сможешь.

— Ну, это еще неизвестно, — храбрился я.

— Тебе, может быть, и неизвестно, зато нам известно точно. Мы перехватили твое сообщение, стало быть, отправлено оно не будет.

Пока в Корпусе будут дожидаться твоего рапорта, время будет упущено. Они просто не успеют ничего предпринять, потому что мы приступим ко второму этапу операции. У нас много союзников. Ведь на оккупированных планетах теперь у власти дружественные нам правительства. Мы в состоянии собрать огромную армию. Разумеется, из наемников. Они составят ударные части... Многие из них, конечно, погибнут, но мы будем побеждать всегда — за счет огромного резерва живой силы. Интересный план, не так ли?

— Ничего у вас не выйдет! — воскликнул я, пытаясь заглушить гадкое чувство обреченности. — Рано или поздно, но Корпус разобьет вас!

Интересно, каким образом, если единственный агент в стане врага уже схвачен? Себя-то я убедил в неминуемой победе светлых сил, но на противника сил уже не осталось.

Край поднялся из-за стола и направился ко мне.

— Что же, пора приступать к обучению.

Не могу передать тот ужас, который охватил меня при этих словах.

Глава 14

Меня отвели в камеру. Это была пустая, без единого окна комната, из мебели — только параша в углу. В потолке торчал крюк, к которому человек в сером прикрепил шнур от моего ошейника.

— Вряд ли я помру от голода, — сказал я, — потому что раньше подохну от жажды.

Он ничего не ответил и ушел, но вскоре вернулся с пластиковой бутылью воды и стандартным пайком клиандской армии. Еда не самая роскошная, но все лучше, чем ничего, жить можно.

Все время, пока я ел и пил, последняя мысль вертелась у меня в голове. Жить можно. Как бы там ни было, меня не убьют. Я им нужен, действительно нужен. Они понимают, что Специальный Корпус уже наступает им на пятки. Им придется приложить все силы, чтобы его остановить. Край наполовину убедил меня. Ничего не скажешь — убеждать он умеет. Я глянул на свои руки и содрогнулся. Да уж, *убедил*. Но зачем ему это нужно?

Затем, что я не просто пешка в его игре. Я могу переломить ход событий в любую сторону. Сейчас Клианда успешно расширяет свои владения — но все может рухнуть. Если Специальный Корпус получит мою информацию, то сможет нейтрализовать агентов Клианды и предотвратить оккупацию других планет. Возможно, клиандская армия будет разбита здесь, на Бураде. Даже если я перейду на сторону противника, Корпус им все равно не одолеть. Хотя это сильно осложнит ситуацию, потому что операция Края вступит во вторую стадию.

Но это означает, что серые люди допустили ошибку. Им следовало убить меня сразу, как только стало ясно, кто я такой. Конечно, если при помощи пыток им удастся меня сломить, то в их руках я буду представлять серьезную угрозу. Но тут есть одно «но». Они упустили из виду важный факт: пока я жив, я буду представлять собой смертельную угрозу для Клианды.

Они допустили ошибку. Ухватившись за эту мысль, я пережевывал ее так же тщательно, как свой паек. Конечно, я у них в плену. В плену? Ха! В плену только мое тело. А ум — конечно, нет. Посредством нейропыток и бесед они чуть было не подчинили себе мой интеллект. При одном только воспоминании об учиненной казни мой желудок спазматически сжало, и я потерял всякий аппетит. Надо выбросить эти мысли из головы. Мне же будет лучше.

Хотя нет: помнить об этом надо и думать надо. Но совсем не так, как им этого хочется. Это был трюк, не что иное, как трюк. Так это и следует понимать. Дожевывая остатки малоаппетитного обеда, я усиленно себя убеждал. Послушай, ди Гриз, ты достаточно много знаешь о законах реальности, чтобы безошибочно определить чужое вмешательство. Ты ведь и сам постоянно изменяешь реальность к своей собственной выгоде и к неудовольствию окружающих. А вот теперь и с тобой сыграли такую же штуку. *Кровь хлещет из отрубленных кистей!* Спокойно, спокойно. Воспоминаниями займешься позже. Сейчас надо заняться вещами вполне реальными.

Реальность. Никакими самыми расчудесными лекарствами отрубленные руки не залечишь ни за два часа, ни за два дня.

Где-то на подсознательном уровне я чувствовал, что между пыткой и выздоровлением прошло совсем немного времени. У каждого из нас в глубине мозга есть часы, которые постоянно отсчитывают суточные ритмы, не останавливаясь ни на секунду. Эти-то часы мне и подсказывали, что с момента моего ареста прошло совсем немного времени. Но что реально могло подтвердить это ощущение? Я провел рукой по лицу, затем по волосам. Щетина есть, но не очень длинная, волосы в полном порядке. Но меня запросто могли постричь-побрить, нет, тут не зацепишься.

А ногти? Я всегда их подстригаю коротко, а коротко подстриженные ногти особых примет не имеют. Хотя погоди, подумай. Ну же, вспоминай. Ведь что-то было. Что-то незначительное, мелкое. Да! Во время посадки, в суете, я сломал ноготь на левом мизинце. Нет, не торопись смотреть, постарайся вспомнить точно. Сломал-

ся ноготь... не отвлекайся... совсем маленький кусочек. Воспоминание не очень приятное, но что поделаешь. Я оторвал надломленный кусочек, появилась крохотная капелька крови. Потом в суете все это забылось.

Я осторожно поднял левую руку и поднес к глазам. Так, мизинец, ноготь — и крохотная ранка.

Попался Край, старый ты плут!

Судя по ранке, я торчу здесь день или два, никак не дольше. Красные шрамы на руках — ну и что, шрамы как шрамы. Сделать такие — пара пустяков. А как же пытка? Край просто вмешался в мое сознание, возможно, при помощи гипноза, но это неважно.

Край и его команда совсем не такие умные, как кажется. Они наверняка проделывали такие штуки и раньше и, видимо, полностью убедили себя в безотказности этого метода. Возможно, точно так же они вербовали агентов на других планетах для подготовки вторжения. Вполне возможно. Но Край и его головорезы привыкли работать с обычными людьми, у которых практически отсутствует воображение, которые привыкли считать свое убогое существование истинной реальностью. Такие люди обычно считают, что их мир — единственно реальный мир, а город, в котором они живут, — лучший город в этом мире. Если выдернуть их из привычной обстановки и слегка нажать на мозги — то серое вещество сразу из ушей полезет. Такие слизняки — легкая добыча для серых.

Но только не благородный, гордый, гибкий, бесчестный и переменчивый Джим ди Гриз Скользкий. Человек с тысячью лиц, знаток многих культур, квалифицированный лингвист. И они хотели сломать мою реальность? Просто смешно. Ха-ха.

Но я не просто хохотал — я скакал и прыгал. Носился и радостно вопил: «Ура! Победа!» Однако из-за шнура с ошейником бегать можно было только кругами. Пришлось разнообразить удовольствие и поиграть в гигантские шаги. Шнур был настолько тонок, что висеть на нем было практически невозможно. Но можно сделать петлю — качайся себе на здоровье. Такую петлю я и сделал. Ухватился за нее, оттолкнулся ногой и полетел. Потом оттолкнулся сильнее — взлетел еще выше. Отличное развлечение. Тут рука моя соскользнула, петля развернулась.

На этом все могло и закончиться — мое тело всем своим весом обрушилось на металлический ошейник. Именно так производится казнь через повешение. Человек погибает не от удушья, а от разрыва ствола спинного мозга, когда тело, так сказать, вздергивают.

Все это мгновенно пронеслось в моем мозгу, пока я пытался ухватиться за шнур и смягчить рывок. Слава богу, удар ошейника пришелся спереди шеи, не сбоку, а то вполне мог раздаться резкий хруст и — конец. Было очень больно, перед глазами все кружилось. Облегченное «уф!» получилось довольно сиплым, потому что горло перехватило.

Я присел, отхлебнул воды и почувствовал себя несколько лучше — и только теперь удивился, что никто не пришел взглянуть на мое бесчинство. Камера наверняка прослушивается и просматривается, но, может быть, акробатика их не интересует? А может быть, все настолько заняты войной, что присматривать за мной некому? Если это в самом деле так, то грех не использовать такую возможность.

Из пустых пакетов и смятой бутылки получилась прекрасная подкладка для рук. Затем я свернул двойную петлю рядом с ошейником, крепко ухватился за нее, подпрыгнул что было сил и всем весом обрушился на шнур.

А заодно и на собственные руки. На десятом прыжке уже казалось, что руки выскакивают из суставов, чего нельзя было сказать о моей привязи. Задумано неплохо. Пульт, шнур, кольцо, крюк — деталей достаточно много, и поломка любой из них могла принести мне свободу. Но, похоже, мой скелет развалится еще быстрее. Я отдышался, стер со лба пот и предпринял тринадцатую попытку.

Счастливая чертова дюжина! Что-то щелкнуло, и металлическая коробка пульта больно треснула меня по голове.

Я был свободен. Надолго ли — не ясно, возможно, всего на несколько секунд. Теперь надо встать. Беги — билась в голове мысль, — беги отсюда, пока за тобой не пришли. Но сначала надо повредить пульт, потому что эта штука может управляться дистанционно, по радио. Я внимательно осмотрел пульт и заметил, что лопнуло кольцо, за которое он подвешивался на крюк. На пульте было с полсотни красных кнопок. Одна только мысль о том, чтобы нажать одну из них, повергла меня в дрожь. Сверху были две кнопки побольше: красная и черная. Красная была нажата. Логически рассуждая, теперь надо нажать на черную, чтобы пульт отключился. Но воспоминание о боли мешало логически мыслить. Собравшись с духом, я нажал на черную кнопку.

Ничего не случилось. Это я почувствовал. Немного осмелев, нажал одну маленькую кнопку, потом другую. Опять ничего. Пульт превратился в безжизненный кусок металла. Надеюсь, что навсегда. Я намотал на руку шнур. Потом подошел к двери — не заперто. Либо охрана плохая, либо она слишком доверяет нейроприборам. Слегка приоткрыв дверь, я приник к щели. По коридору к

моей камере шли два человека в сером. Они тащили жуткий на вид аппарат. Деталей мне разглядеть не удалось, но общее впечатление было не из приятных. Я бесшумно закрыл дверь. Новый этап в программе укрощения ди Гриза? Ручка двери повернулась, подтверждая мое предположение.

Мне хотелось преподнести сюрприз этой парочке, но не сразу, не с порога же. Спрятавшись за дверью, я дождался, пока они управятся с громоздким пыточным аппаратом. Когда, кряхтя и ухая, они ввалились в камеру, я выскочил из-за двери, размахивая пультом.

Один из них как раз нагнулся, внимательно изучая прищемленную ногу, ему-то и досталось пультом по голове в первую очередь. Второй тем временем попытался вытащить пистолет, но мое колено врезалось ему пониже живота, и он рухнул, не успев довести дело до конца. Я вынул пистолет из ослабевшей руки.

Большую часть времени, которое мне пришлось провести в этом здании, я был в сознании, и мне казалось, что я точно помню, где выход. Главный вход находится этажом ниже, но там охрана. Пистолет был заряжен. Тип патронов проверять было некогда — наверняка что-нибудь убойное. Меня это вполне устраивает. Я намотал на руку шнур, глубоко вздохнул — и нырнул за дверь.

Коридор был пуст — хорошее начало. Никого так и не встретив, я рысью добежал до лестницы и запрыгал вниз через две ступеньки. Ниже должен быть первый этаж — меня содержали на втором. Но память меня подвела, на деле все оказалось совсем не так. Лестница опускалась гораздо ниже следующего этажа. Когда этот факт наконец дошел до моего сознания, я остановился как вкопанный и осторожно глянул вниз.

Там было, по меньшей мере, еще восемь этажей.

В висках застучали маленькие молоточки. Опасения, что мое сознание засорено иллюзиями и ложными воспоминаниями, вполне подтвердились. Где правда, а где вымысел? Меня пронзила жуткая мысль, что все события попросту внушаются мне, чтобы доказать невозможность побега. Что, если я так и буду спускаться вниз по бесконечной лестнице, а потом вдруг очнусь в камере, прицепленный к крюку? Если все обстоит именно так, то тут уж ничего не поделаешь. Надо действовать, несмотря ни на что, а там видно будет. Если здание реально, то лестница обязательно куда-нибудь да выведет. Вот и надо посмотреть — куда.

Четырьмя этажами ниже, когда от быстрого кружения по лестнице уже слегка помутилось в голове, я встретил первого человека. Человека в сером с винтовкой. Я ожидал этой встречи, а он — нет, и мой выстрел прозвучал раньше.

Отличный выстрел. Пистолет, оказывается, был заряжен разрывными пулями. Сраженный выстрелом, серый отлетел к стене и затих. Не дожидаясь, пока стихнет эхо выстрелов и осядет пыль, я бросился вниз по лестнице, невзирая на риск. Ждать было еще рискованнее.

Лестница закончилась в полуподвальном этаже. Я с разбегу врезался в стену. Сверху доносился грохот башмаков, раздавались крики. Взяв пистолет на изготовку, я открыл дверь и шагнул в темноту.

Сначала меня охватила полная растерянность, но потом глаза привыкли к темноте, и я увидел вдалеке слабый свет. Шершавые стены и пыль указывали на то, что это именно подвал. И прекрасно, этажом выше меня наверняка ожидал слишком теплый прием. Если удастся выбраться отсюда, то не все еще потеряно. Спотыкаясь о какой-то хлам, я пробирался к свету. Невидимая полоса препятствий кончилась, но радости от этого было мало... Я увидел окно. Очень маленькое, все в пыли и дохлых мухах, да еще и под самым потолком. К тому же с прочной решеткой.

В темноте послышался топот ног, потом глухие удары. Посыпались проклятия. Что делать?

Понятно — что. Выбираться. Я шагнул назад, прикрыл лицо и выстрелами разнес решетку. А заодно и кусок стены вокруг окна. На это ушли последние патроны. Я выбросил ненужный больше пистолет и по куче щебня выбрался наружу.

И помчался вперед. Кто-то окликнул меня, но отвечать было некогда. Я летел из последних сил. Сбежать — несложно, сложнее — остаться на свободе. Босой, в костюме из прозрачного пластика, с ошейником, я представлял собой довольно необычное, если не сказать незабываемое, зрелище. Надо спрятаться, зарыться где-нибудь, избавиться от ошейника, переодеться. Отдохнуть тоже не мешает.

На полной скорости я завернул за угол и налетел на человека. Мы оба рухнули. Я в полном изнеможении перекатился на спину, пытаясь отдышаться. И только теперь разглядел лицо товарища по несчастью. И не поверил своим глазам.

— Остров, — выдохнул я, — дружище! Помоги, я попал в переделку. Видишь, как местные...

Тут Остров, человек вообще-то очень мягкий, превратился в сущего зверя. Лицо его исказилось, глаза выпучились — прямо ужас. Он навалился на меня и прижал к земле.

— Какие еще местные? — прохрипел старина Остров. — Тебя ищет Край. Ты преступник.

Глава 15

Я попробовал сопротивляться, но без особого успеха. Слишком устал. Мне, правда, удалось разок треснуть Острова по голове железной коробкой пульта. Его глаза закатились, однако хватки он не ослабил, пока не подоспел небольшой отряд людей в сером. Они оторвали Острова от меня и прикладами подняли меня на ноги. Поднимался я медленно. Преодолевая усталость и жуткое отчаяние. Да и спешить было некуда.

Их было шестеро плюс страшно сконфуженный Остров.

— Понимаешь, меня все время Край допрашивал. Он сказал, что Васька в розыске...

Он замолк, серые не обращали на него никакого внимания. Я — другое дело.

— Ты что, хочешь, чтобы я тебе спасибо сказал? Подонок. Друзей закладываешь?

Тут мои слова перешли в хрип, потому что один из серых сильно дернул за ошейник. Один из этих пяти. Я в растерянности заморгал глазами — готов поклясться, их только что было шесть.

Пока я соображал, что к чему, на шее одного из них сомкнулась пара чьих-то рук. Его рот в удушье раскрылся, глаза выпучились. Мне стоило больших усилий, чтобы самому не вытаращиться от изумления. Мгновение — и номер пятый исчез из поля зрения. Чтобы отвлечь на себя внимание остальных, я отчаянно забился и даже исхитрился лягнуть Острова в коленную чашечку, чтобы и ему было чем заняться.

— Зачем ты меня бьешь? — жалобно заныл он.

Я улыбнулся в ответ, заметив, что настал черед номера четвертого.

Было что-то удивительное в этом бесшумно-эффектном исчезновении врагов. Это мне напомнило об одном охотнике, с которым я охотился уж и не помню на какой планете. Большой был профессионал. Дождавшись стаи птиц, он сначала подстреливал последнюю. Потом опять последнюю и опять. Так ему удалось подстрелить пять-шесть птиц, не спугнув всей стаи. Здесь применялся тот же принцип, причем не менее профессионально.

Но люди — не птицы. Номер четвертый забился и все испортил. Оставшиеся переполошились. Я подождал, пока они повернут свои головы, чтобы выяснить, что происходит, и врезал ближайшему из серых ребром ладони по шее. Усталость ослабила удар, пришлось добавить ему еще немного, чтобы успокоить. Пока я управлялся, вокруг раздавались глухие удары и сдавленные крики.

А когда наконец выпрямился, то увидел, что все серые, включая и Острова, лежат без чувств, а мои спасители укладывают последнего. Это был здоровый мужик, он держался хорошо, но не долго, класс не тот. Что самое интересное, уложили его две женщины в цветастых бурадских платьях и туфлях на высоком каблуке. В одной из них я узнал сержанта Тазе. Что-то начало проясняться. Вторая женщина была поменьше ростом, хрупкого сложения, с хорошо знакомой мне фигурой и лицом, которое забыть невозможно. Это была... моя жена.

— Ну-ну. — Анжелина успокаивающе потрепала меня по щеке, одновременно целуя в другую. — Надеюсь, ты сможешь немного пробежаться, а то вон еще головорезы подтягиваются.

Тут же, словно в подтверждение ее слов, свистнула шальная пуля.

— Бежим... — прохрипел я и неуверенно заковылял, не вполне понимая, что происходит.

Хоть хватило ума не задавать лишних вопросов. Тазе обхватила меня рукой и потащила вперед. Анжелина отхватила ножом шнур. Мы мчались вперед весьма живописной группой: я в прозрачном костюме и две девушки в скромных платьях, вот только некому было на нас полюбоваться.

— Давай-давай, пошевеливайся!

Тазе затащила меня за угол. Сзади послышались выстрелы. Я из последних сил переставлял ноги, тупо соображая, сколько смогу еще протянуть.

Тазе, видимо, знала, что делает. Она снова повернула и почти заволокла меня по ступеням в дом. Она закрыла дверь на засов, и мы двинулись по коридорам в глубь здания, в то крыло, где окна выходили во двор. Тут было довольно высоко. Тазе, словно кошка, мягко спрыгнула первой и помогла спуститься мне, Анжелина придерживала меня сверху. Было довольно странно ощущать себя игрушкой в женских руках. Тазе побежала вперед и распахнула большие ворота. Там стояла клиандская военная машина с генеральским флажком на антенне.

— Это уже лучше, — обрадовался я, еле переставляя бесчувственные ноги.

— Вы двое садитесь назад, — приказала Тазе, надевая каску и армейскую куртку.

Я даже и спрашивать не стал о судьбе прежнего владельца автомобиля. Забрался назад и прижался к Анжелине. Когда машина тронулась, я почувствовал себя в безопасности. И прежде чем задавать вопросы, позволил себе наконец поцеловать жену.

— А фигура у тебя стала получше, — отдышавшись, заметил я.

— Ты, верно, рад будешь услышать, что стал папашей. У нас близнецы. Мальчики. Страшные обжоры, все в папу. Я назвала их в твою честь: Джеймс и Боливар.

— Как тебе угодно, дорогая. Кстати, не расскажешь ли, как ты здесь оказалась?

— Я оказалась здесь, чтобы позаботиться о тебе.

— Это понятно. — Я кивнул, даже не пытаясь вникать в женскую логику. — Абсолютно ясно. Последний раз я тебя видел, когда ты несла свой живот в больницу.

— Роды прошли прекрасно, я тебе уже говорила, ты что, не слушаешь? Потом я узнала, что клиандцы собираются захватить эту планету и ты, возможно, примешь участие в походе.

— Тебе что, Инскипп рассказал?

— Конечно, нет! — Она негодующе фыркнула. — Я вскрыла секретные файлы его компьютера и все узнала. Он, конечно, крепко осерчал, но удержать меня не смог. И был прав, что не стал мне мешать. Даже обещал присмотреть за малышами. Мы вышли на орбиту, приняли твое сообщение, и я сразу отправилась сюда, вот и все. Не понимаю, как ты позволил так с собой обращаться?

— В твоем рассказе мне не все ясно, — настаивал я. — Например: какое такое сообщение?

— Мое сообщение, — пояснила Тазе, которая слушала наш разговор. — Ты, верно, забыл, что я гвардии сержант. Мне удалось прочитать твою записку перед тем, как у меня ее забрали. И, уж конечно, я успела запомнить текст и радиочастоты. Эти свиньи запихнули меня в лагерь для гражданских военнопленных, но я сбежала в ту же ночь.

Тазе рассказывала совершенно спокойно, хотя, если вспомнить недавние события, — чего ей волноваться?

— Как только сообщение было получено, я отправилась сюда в разведывательной шлюпке. — Рассказывая, Анжелина не переставала орудовать отмычкой. — Пришлось пробиваться с боем. Для покорителей Галактики эти ребята слишком посредственные пилоты. Здесь я встретила Тазе. — Тут Анжелина понизила голос и зашептала мне на ухо: — Как близко ты успел с ней познакомиться?

При этом она потянула за ошейник.

— Да мы виделись всего-то один раз, — прохрипел я. — К тому же она не в моем вкусе.

— Не ври, ди Гриз, тебе всегда нравились такие фигуристые девчонки.

Я растерянно заморгал и постарался вернуть разговор в прежнее русло.

— А как вы меня разыскали? Как вам это удалось?

— Довольно просто. — Ошейник наконец щелкнул и раскрылся. Я с облегчением потер занемевшую шею. — Серые занимают одно-единственное здание, мы долго за ним наблюдали, чтобы выяснить, как туда легче проникнуть. Только солдаты сильно мешали — все время к нам приставали. Зато мы получили от них всю необходимую информацию. И эту машину, кстати, тоже.

Я на мгновение представил себе, как эти в полном смысле слова сногсшибательные красотки расправляются со своими ухажерами. За судьбу водителя и его друзей можно было уже не волноваться.

— А теперь расскажи нам, что с тобой приключилось, — попросила Анжелина, устраиваясь поудобнее в предвкушении занимательной истории. — До смерти интересно узнать, что это за штука была у тебя на шее и чего ради ты разгуливаешь в таком до неприличия прозрачном наряде?

И я начал свое повествование, которое женщины без конца перебивали охами и ахами. А слушая эпизод с ампутацией рук, они просто окаменели от ужаса. Тазе даже машину остановила, чтобы поближе взглянуть на шрамы. Остаток истории они дослушали с остановившимися глазами. Мне даже жалко стало тех ребят в серых мундирах, которым еще суждено попасть этим дамам в руки. Когда я добрался до конца своего рассказа, мы как раз приехали. Распахнулись большие ворота и, пропустив нас внутрь, сразу захлопнулись. Тут было полно симпатичных девушек с оружием. Я даже поразился, что партия мужчин вообще могла сопротивляться такому правительству. Тут, вероятно, надо благодарить Клианду. Что касается всяких армий и правительств, то тут я радикальный анархист и твердо убежден — чем меньше этого добра, тем лучше. Но если без них никак не обойтись, то уж лучше пусть будут такие симпатяшки. Но тут я понял, что мои мысли опять утрачивают реальность, и решительно тряхнул головой. Меня проводили в комнату, где стояла армейская кровать. Я рухнул на нее как подкошенный.

— Одежду, — попросил я, — и что-нибудь выпить, все равно, в какой последовательности.

И стыдливо прикрылся одеялом, чтобы не смущать попусту этих амазонок. Кроме того — рядом была моя жена. Она прекрасно понимала, что значит «выпить», и решительно отвергла стакан с водой, который одна из дам попыталась было мне вручить, и вытащила маленькую фляжку со спиртным. Напиток приятно обжег глотку; в голове, казалось, заплясали язычки пламени.

— Боюсь, мои мысли... мое восприятие реальности несколько нарушено, — признался я и, взглянув на Анжелину, понял, что

она уже это заметила. — Они что-то со мной сделали. Надеюсь, это скоро пройдет.

— Ух, доберусь я до них, — процедила сквозь зубы Анжелина под одобрительный шепот присутствующих.

Я на мгновение устало прикрыл глаза, а когда открыл, в комнате уже никого, кроме Анжелины, не было. Горел мягкий свет, за окном было темно. Словно вырезали кусок фильма. Как это ни противно, но надо признать, что Край умеет вправлять мозги.

— Есть хочется, — сказал я Анжелине.

Она присела на кровати и взяла меня за руку.

— Ты много говорил во сне. Рассказывал какие-то жуткие вещи.

— Теперь мне намного лучше. Когда вернемся на базу, медики вычистят из мозгов всю эту гадость. А сейчас есть более важные вещи. Необходимо организовать мощное сопротивление, пока клиандцы не спохватились. И еще...

— Нет.

— Что значит «нет»?

Мне показалось, что я пропустил часть разговора. Неужели опять последствия обработки мозгов, или это просто женская логика.

— Я повторяю: нет. Это уже не наша забота. Пока ты спал, я послала Инскиппу подробный доклад о планах клиандцев, об их тактике, о намерении разбить Корпус — обо всем, что ты успел рассказать.

— Надеюсь, ты не забыла упомянуть источник? — нахмурившись, поинтересовался я.

Она потрепала меня по руке.

— Конечно, нет, милый. Это целиком твоя заслуга, я и не думала присваивать ее.

Я сразу устыдился своих слов и извинился. Она в ответ тоже извинилась за то, что не учла состояния моего ума, мы выпили, и все уладилось. Я опять заговорил о делах.

— Значит, ты передала отчет. И что потом?

— Потом он попал на передающий корабль, а оттуда, по псисвязи, на стол Инскиппа. Он прислал ответ: «Отчет получен, благодарю за службу, немедленно возвращайтесь». Как видишь, нам приказано вернуться.

Я презрительно фыркнул и сделал глоток.

— Ты думаешь, я тут же улечу?

— Но ты нездоров. Тебе нужен хороший уход. Задание ты выполнил...

— Я тебя не о том спрашиваю. Как ты думаешь, я могу сейчас вернуться?

Анжелина попыталась рассердиться, но притворяться она умела плохо и обреченно пожала плечами.

— Конечно, нет. Не такой ты человек. Сначала мы должны разбить врага, освободить Бураду и покончить с агрессором.

— Не все сразу, но в общих чертах верно. Необходимо создать движение сопротивления, с нашей помощью Тазе с этим прекрасно справится. Но есть более важная задача. Мы должны взять в плен Края или одного из его серых ребят.

— Отличная идея! А то они возомнили себя великими специалистами по части пыток. Надо преподать им небольшой урок. Мне помнится, как...

— Анжелина! Я вовсе не это имел в виду. В тебе заговорили старые привычки.

— Полная чушь! Признаюсь, я использовала пару старых приемчиков, но исключительно из добрых побуждений. Это меня полностью оправдывает.

— Конечно, так оно и есть, но тем не менее... Я ведь не о том веду речь. Одного из этих серых необходимо подвергнуть тщательному лабораторному обследованию. Когда ты сегодня с ними схватилась, ты не заметила ничего странного?

— Ничего особенного. Да и не до того было. Ну разве что одеты они слишком легко и какие-то холодные на ощупь.

— Верно. А еще они никогда не смеются, не проявляют вообще никаких эмоций. Разговаривают только в случае крайней необходимости. У них много всяких интересных особенностей.

— Дорогой, ты хочешь сказать, что это роботы? Или какие-нибудь зомби? Такие вещи встречаются только в детских книгах.

— Смейся, смейся. Конечно, не роботы, для этого они слишком одушевленные. Мне лично кажется, что это не гуманоиды, а враждебная нам форма жизни.

— А мне кажется, что тебе пора вздремнуть. Свет я погашу.

— Перестань острить! Черт тебя возьми! Это вовсе не плод больного воображения. Этот вопрос меня мучает с тех пор, как я впервые увидел Края. Это же так очевидно. Клиандские солдаты смертельно боятся Края и его подручных. Они даже избегают говорить о нем. Люди в сером тщательно изолированы от клиандского общества и во всем отличаются от клиандцев. Как будто это совсем другие люди. Мне думается, что когда-то серые обследовали населенные людьми планеты и обнаружили, что Клианда больше других подходит для их целей. Строго иерархическое, милитаризованное общество, все члены которого носят форму. Чтобы захватить

власть, надо просто внедриться на высший уровень. Похоже, им это удалось. Они не занимают постов ни в каких общественных институтах, вообще никаких постов, столь дорогих сердцу любого военного, и тем не менее правят этим миром.

— Но...

— Погоди. Ты еще не веришь, но уже начинаешь сомневаться. Так ты поможешь мне добыть экземпляр для обследования?

— Помогу ли я? — Она, как девчонка, захлопала в ладоши. — Да я сгораю от нетерпения. Правда, я могу его немного помять, но ведь главное, чтоб он хоть немного шевелился?

Прежде чем я успел что-либо ответить, в комнату вернулась Тазе с охапкой одежды.

— Быстро одевайся, — приказала она. — Это самые большие ботинки, которые нам удалось найти. Надеюсь, они тебе подойдут.

— А что за спешка? — удивился я.

— Есть причины. Вокруг здания стоят войска и тяжелые орудия. Мы в окружении.

Глава 16

Ботинки были и малы, и тесны, но я натянул их не мешкая.

— Нас выследили? — спросил я Тазе.

— Нет, конечно, нет. Я в этом деле не новичок. Машину мы сразу перегнали в другое место.

С трудом ворочая мозгами, я сражался со вторым ботинком. Тут раздался сигнал видеофона — все замерли, глядя на аппарат, как на ядовитую змею. После второго сигнала вспыхнул маленький экран, и оттуда глянуло бесстрастное лицо Края.

— Вам уже известно, что здание окружено, — спокойно произнес он. — Сопротивление бесполезно, ди Гриз. Если вы сдадитесь, никто из ваших друзей не пострадает...

Мой ботинок врезался в экран, изображение вспыхнуло и погасло. Я схватил аппарат и грохнул его о стенку. Меня прошиб холодный пот. То, что любой видеофон можно включить с центральной станции, было мне прекрасно известно, однако это был тот случай, когда знания утешают мало.

— Без паники! — крикнул я, обращаясь больше к самому себе, потому что Анжелина и Тазе были абсолютно спокойны.

Я скакал по всей комнате на одной ноге, пытаясь натянуть ботинок. Наконец я налетел на кровать и сел. Тяжело дыша, я загибал пальцы.

— Забудем на время об этом звонке и попытаемся осмыслить, что же происходит. Первое: хвоста за нами не было. Второе: машину сразу отогнали, значит, это тоже отпадает. Третье: Край знает, что я здесь, следовательно, они вшили в мое тело радиопередатчик. Как только мы выберемся отсюда, потребуется рентгеноскоп и услуги хирурга.

— Мне кажется, что все гораздо проще, — заявила Анжелина.

— Будь добра, объясни. Если ты соображаешь лучше, чем я, — в настоящий момент это не комплимент — то поделись.

— Пульт нейроаппарата. Ты говорил, что он может включаться дистанционно, по радио.

— Конечно! Радиопередатчик может быть составной частью пульта. Тазе, аппарат еще здесь?

— Да, внизу. Мы подумали, что он может еще пригодиться.

— Вот и пригодился. Когда мы уйдем, пульт останется здесь. Пусть себе думают, что мы находимся в здании. Если только удастся выбраться, второй раз они так легко меня не найдут. Тазе, расскажи вкратце, что это за здание и как нам отсюда выйти?

— Это завод, его бывшая хозяйка сейчас в нашем отряде. Выбраться отсюда невозможно, нам остается только сражаться до последней капли крови. Но мы дорого продадим наши жизни! Мы возьмем с собой в могилу много этих грязных сволочей!

— Отлично, отлично. Мы отдадим жизнь, когда это потребуется. Но ди Гриз сможет отыскать путь к спасению там, где другие впадают в отчаяние. Хозяйка фабрики здесь? Прекрасно, быстро позови ее сюда.

Тазе бегом отправилась исполнять приказ, а я повернулся к жене.

— Я полагаю, дежурный комплект снаряжения у тебя с собой? Типа того, что был у нас во время медового месяца.

— Конечно: бомбы, гранаты, взрывчатка, газовые заряды.

— Молодец, девочка. С такой женой я чувствую себя в полной безопасности.

Вбежала Тазе в сопровождении еще одной амазонки. Та была немного постарше, с благородной проседью в волосах, но так же полногруда, с обольстительной фигурой зрелой женщины... Я перехватил холодный взгляд Анжелины и попытался сконцентрироваться на более неотложных делах.

— Я Джеймс ди Гриз, межзвездный агент и шпион.

— Гвардеец Файда Фиртина, — рявкнула амазонка и, щелкнув каблуками, отдала честь.

— Отлично, Файда, рад с вами познакомиться. Вольно. Насколько мне известно, вы владелица этого здания.

— Так точно. Объединение по производству робутлеров «Фиртина Лтд». Продукция высшего качества.

— Чего?

— Робутлеров.

— Не сочтите меня назойливым, но что такое робутлеры?

— Прекрасный аппарат, необходимый в каждом приличном доме. Программнообучаемый говорящий робот со специальными функциями. Дворецкий, слуга и незаменимый помощник, который, собственно, и делает дом домом, снимает с плеч хозяйки тяжелый груз повседневных забот...

Дальше пошли сплошные цитаты из рекламного проспекта, но я уже не слушал. В голове начал было складываться план — но ход мыслей был прерван звуками стрельбы.

— Они предприняли пробную вылазку, — доложила Тазе, приложив ухо к передатчику, — но понесли потери и отступили.

— Продолжайте их сдерживать. Пока есть надежда взять меня живым, тяжелые орудия они в ход пускать не будут. — Я подозвал хозяйку фабрики, которой, похоже, не терпелось продолжить рекламную кампанию. — Файда, нарисуйте план первого этажа здания и прилегающих территорий.

Рисовала она быстро и аккуратно — сказывалась военная выучка, — точно отмечая окна, двери и прилегающие улицы.

— Как выглядят ваши робутлеры? — спросил я.

— Размерами и фигурой они напоминают человека, это самая оптимальная форма для домашней обстановки. К тому же...

— Прекрасно. А сколько есть готовых, прошедших испытания, с заряженными батареями?

Она задумчиво нахмурилась.

— Надо бы проверить по бумагам, но примерно сто пятьдесят — двести штук.

— Отлично, больше нам и не нужно. Вы не разоритесь, если они будут уничтожены во имя освобождения Бурады? Надеюсь, ваша страховка покроет убытки.

— Каждый робутлер фирмы «Фиртина» с радостью бы отдал за это свою жизнь, будь он наделен эмоциями. Но они принципиально не способны к насилию и не могут управляться с оружием.

— От них этого и не потребуется. Это наша проблема. Отряд робутлеров будет прикрывать наш отход. А теперь, девушки, подойдите поближе, и я изложу вам свой план.

Наконец-то мозги старого ди Гриза заработали как надо. Казалось, стрельба удесятерила мои силы, встряхнула душу. Приготовления заняли несколько минут, и спустя полчаса наши войска были готовы к атаке.

— Все поняли задачу? — спросил я роботов, заполнивших весь нижний коридор.

— Да, сэр. Поняли, сэр. Спасибо, сэр, — очень вежливо ответили они.

— Тогда приготовьтесь. Это самое важное дело в вашей электронной жизни. Вы выступите по моему приказу и будете действовать, как я вам велю.

— Хорошо, сэр. Спасибо, сэр.

В основном отряде прикрытия роботов было больше сотни. Они стояли четкими рядами, тихо жужжа. Первые шеренги были наряжены в форму, которую удалось отыскать, остальные — кто в фуражке, кто в куртке, а некоторые даже в штанах. Большую часть одежды пожертвовали девушки, что для меня было вовсе не утешительно, учитывая мое семейное положение в настоящий момент. Вокруг было слишком много загорелых тел, чтобы нормальный мужчина мог остаться равнодушным. Было даже приятно немного побыть среди роботов. У них были ладные, крепкие фигуры. Каждый держал в руках обрезок трубы или кусок пластика, напоминавший ружье. Будем надеяться, что в суматохе они вполне сойдут за людей. Взглянув на часы, я поднес ко рту передатчик.

— Всем внимание. Готовность пятнадцать секунд. Приготовить бомбы. К окнам не подходить. Так, пригнулись, подошли... выдернуть предохранители... ОГОНЬ!

Девушки дружно метнули бомбы с верхних этажей, на улице послышались глухие разрывы. В основном это были дымовые бомбы с примесью слезоточивого и усыпляющего газа. Я выждал пять секунд, чтобы дымовая завеса стала плотной, и только после этого распахнул ворота. Когда створки открылись, в помещение повалили клубы дыма.

— Смелей, ребята, вперед! — крикнул я.

Роботы как один подняли левую ногу, и отряд устремился вперед.

— Спасибо, сэр, — выпевали их металлические глотки, когда ряд за рядом они проходили мимо меня.

Из верхних окон грянули выстрелы, снизу раздался ответный огонь. Все шло по плану. Прошло пятнадцать секунд, пора начинать вторую атаку.

— Внимание всем оставшимся робутлерам! ВПЕРЕД! — крикнул я по радио.

По этому приказу изо всех дверей и выходов здания в клубах дыма повалили робутлеры. У меня не было ни времени, ни оборудования, чтобы организовать радиоперехват переговоров против-

ника, но и так легко было представить, что сейчас происходило. Надеюсь, что происходило.

Здание было окружено войсками неприятеля. В ярком полуденном свете нашу крепость можно было рассмотреть до мельчайших деталей. И вдруг все переменилось: дым, газ, крики со всех сторон. Так и есть — штурм! В дыму замелькали фигуры, надо стрелять. Бах! Бах! Смерть бурадским боевикам! Но эти прямо как из железа — по ним стреляют, а им хоть бы что. Началась паника. Пронесся слух, что атака предпринята сразу по нескольким направлениям. Какая из них настоящая, а какая — только прикрытие? Куда перебрасывать войска? Куда двигать подкрепление?

По моим прикидкам, паника должна была достигнуть пика через минуту. Потом дым рассеется, вместо трупов будут обнаружены разбитые роботы, и все станет ясно. Нам надо успеть выбраться до этого. После бомбовой атаки отряд Тазе быстро занял исходную позицию. Одна минута — это совсем немного времени для того, чтобы спуститься с верхних этажей вниз. Однако большая часть отряда была уже на месте. Тазе пересчитывала свое воинство.

— Все в сборе, — объявила она, поставив последнюю отметку в списке.

— Выступаем через пять секунд. — Я взглянул на часы и поднял руку. — Пошли! Анжелина, приготовь гранаты!

Небольшая дверь пожарного выхода распахнулась. Анжелина метнула в дым несколько гранат, чтобы усилить завесу. Разговоры смолкли, в наступившей тишине ясно слышались выстрелы и крики. Среди этого шума мне послышалось: *«Спасибо, сэр»*. Файда пошла первой, мы потянулись следом, положив руки на плечи друг другу. Я шел в середине цепи, следом за Анжелиной, держась за ее плечо. Думаю, это вышло случайно, не стала бы она специально лишать меня удовольствия подержаться за обнаженное плечо одной из бурадских красавиц. Двигаться в полной темноте было несколько неприятно, в основном из-за визга невидимых пуль, я надеюсь, шальных. Улица была очень узкая, с обеих ее концов стояли клиандские посты. Если бы они знали, что тут происходит, то немедленно открыли бы перекрестный огонь. Но в данный момент они занимались робутлерами. Нам надо было тихо пройти метров двадцать и добраться до жилого дома на противоположной стороне улицы. Если все пройдет нормально, то мы сможем пробраться дальше, на торговую площадь. Там мы разделимся и скроемся в лабиринте улочек и переулков, раство-

римся среди пешеходов, прежде чем обнаружится наше исчезновение. Надеюсь, все так и будет.

По шагам получалось, что я уже почти у цели. Значит, половина наших уже в безопасности. И тут совсем рядом внезапно раздался голос:

— Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это точно роботы?

Наша цепочка замерла. Голос был мужской, говорил мужчина по-клиандски.

— Роботы? Какие еще роботы? — отозвался я, снял со своего плеча чью-то руку и положил ее на плечо Анжелины. — Вперед, — шепнул я ей на ухо.

Вышел из цепочки и, громко топая ботинками, пошел на голос.

— Да, он точно говорил про роботов, — сказал голос.

Цепочка за моей спиной с тихим шорохом пришла в движение. Я громко закашлялся, продвигаясь в сторону невидимого противника, выставив перед собой руки, чтобы при случае немедленно вступить в борьбу.

Все бы ничего, но вдоль улицы подул ветерок. В лицо повеяло свежестью, в дыму показался просвет. Я уставился на клиандского солдата в полной боевой выкладке, с винтовкой наперевес. На его лице застыло удивление. Понятно отчего. Вместо своего приятеля он увидел незнакомого субъекта. Небритого, с дрожащими пальцами и покрасневшими глазами, в шароварах и женских ботинках. Он прямо рот разинул.

Это оцепенение длилось ровно столько, чтобы я успел его достать. Пришлось схватить за горло — чтоб он не закричал, и за винтовку — чтоб он, чего доброго, меня не подстрелил. Так мы молча боролись, пока нас снова не накрыл дым. Мой противник не стрелял, не кричал, но и не сдавался. Он был крепок и мускулист, но, к счастью, не слишком сообразителен. Ухватившись за винтовку обеими руками, он пытался вырвать ее у меня. Когда наконец до него дошло, что можно управиться и одной рукой, а другой мне хорошенько врезать, я сделал подсечку и свалился на него сверху. Падая, он умудрился пару раз весьма чувствительно заехать мне в живот. Когда мы упали, я вышиб из него весь дух.

Я присел на бесчувственное тело, чтобы унять головокружение и боль в животе, но тут рядом раздался еще один голос:

— Что за шум? Кто здесь?

Я глубоко вздохнул и постарался ответить как можно увереннее:

— Это я, — отличный ответ, на все случаи жизни, — оступился и упал. Палец вывихнул...

— Не ной, медаль получишь. А теперь заткнись.

Я заткнулся, взял винтовку, поднялся — и понял, что потерял всякую ориентацию в непроницаемом дыму.

Очень неприятное ощущение. Дым уже понемногу рассеивался, а я не имел ни малейшего понятия, куда двигаться. Ошибка в направлении может стоить жизни.

Меня охватила паника! Правда, только на одно мгновение. В тяжелой ситуации я всегда разрешаю себе немного попаниковать. Это улучшает кровообращение, стимулирует работу сердца, повышает адреналин и проч., то, что и требуется в такой ситуации. Но паниковать пришлось недолго. Время поджимало. После того как улеглись эмоции, захлопнулся рот и пропали мурашки на спине — заработал логический аппарат.

ПЕРВОЕ: Я не один. Беглецы уже скрылись в здании и теперь находятся в безопасности, но Анжелина не могла меня бросить. Она ждет меня снаружи, у спасительной двери, это ясно как день!

ВТОРОЕ: Она не потеряла ориентации, а я потерял. Значит, она найдет меня сама.

— Этот палец убьет меня, сержант, — заныл я и присвистнул якобы от боли. Один короткий свист, один длинный. По коду, который Анжелина прекрасно знала, это означало букву «а». О том, что мне нужна помощь, она и сама догадается.

— Прекратить свист и разговоры! — зарычал в ответ голос. — Ты кто такой?

Порывшись в памяти, я вспомнил имя, которое совсем недавно слышал.

— Это я, сержант, Зобно. Этот палец...

— Какой еще Зобно?! — вдруг возник еще один голос. — Зобно это я!

— Нет, я! — заорал я. — Кто это там вякает?

— А ну-ка оба сюда — быстро! — приказал сержант. — Через пять секунд стреляю!

Зобно затопал в темноте, а я — наоборот — безмолвно замер на месте, предчувствуя, как пули вопьются в мое тело, но тут кто-то дернул меня за рукав.

— Анжелина? — вздрогнув, прошептал я, в ответ она молча обняла меня. Я было потянулся к ней, но она уже тащила меня за руку. Сзади послышались голоса, потом бухнула винтовка, посыпались команды.

Я споткнулся о невидимую ступеньку, и проворные руки втащили меня в дверь.

Глава 17

ПРОВЕРКА... проверка...

Слова с трудом пробивались сквозь хриплое рычание нападавших на меня плюшевых мишек. Я мог бы их победить даже несмотря на то, что леденцовые палочки, которыми я орудовал, словно мечами, все время ломались. Но даже и без палочек, если ударить мишку, он сразу валится — удар не держит. Я бы справился с ними, если бы не эти чертовы деревянные солдатики. Из них вышел бы отличный костер, и я уже нашаривал спички, когда один из них вонзил мне в руку штык игрушечной винтовки. От резкой боли я заморгал, открыл глаза и увидел бородатое лицо доктора Мутфака, который внимательно смотрел на меня.

— Тревога, ах, как это не вовремя! Я сделал вам инъекцию, чтобы нейтрализовать действие гипнонаркотика. — Он выдернул иглу, и я невольно потер руку. — Очень, очень не вовремя.

— Это не моя вина, — пробормотал я в полусне, мне все же хотелось сначала покончить с мишками.

— Лечение идет прекрасно, но его нельзя прерывать. Я погрузил вас в прошлое, в детство — да! — это было интересное, если не сказать пугающее, детство! Вы должны позволить мне описать этот случай. Обычно плюшевый мишка символизирует тепло и уют, но ваше изломанное подсознание трансформировало этот образ во...

— Извините, доктор, но об этом позже, — пришла мне на помощь Анжелина.

Прямо золотая богиня, она появилась с балкона, где принимала солнечную ванну. Детали ее купальника по размерам не превосходили крыла небольшой бабочки.

Я сел и замотал головой, пытаясь разогнать наркотический туман. Мы были в красивой, роскошно обставленной комнате, с окном во всю стену, на самом верхнем этаже отеля «Ринга Балиги». Отель по праву считался одним из лучших на Бураде. Он располагался посреди лагуны, добраться сюда можно было либо по воде, либо по воздуху. В этом и состояло его главное преимущество — обо всех непрошеных гостях нас могли предупредить заранее. Вот и сейчас пришло предупреждение — система работала идеально. На время лечебных сеансов я всегда надевал плавки, на всякий случай, ну вроде сегодняшнего. Взявшись за руки, мы с Анжелиной побежали к лифту. На посадочной площадке послышался шум моторов. Едва мы ухватились за поручни, кабина скоростного лифта провалилась вниз.

— Сил-то у тебя хватит? — спросила Анжелина.

— Немного голова кружится, но это пройдет. Как ты думаешь, он хороший психиатр?

— Говорят, что лучший на планете. Если кто-то и может обнаружить все ловушки, которые поставил Край, то только он.

— Он мог бы работать чуточку быстрей. Мы уже три дня копаемся в моем детстве.

— Ты, должно быть, был жутким ребенком. Я узнала такие вещи...

Прежде чем я успел придумать достойный ответ, лифт остановился на уровне моря. Из закрытой купальни ступени вели прямо в океан. Здесь нас поджидал служитель. Мы быстро надели аппараты для подводного плавания и нырнули. Опустились на дно и поплыли дальше, пробираясь между рифами. Здесь нас никто не найдет. Я включил сонар.

— Обычная проверка, — сообщил оператор. — Если они двинутся на нижний уровень, я дам знать.

Мы с Анжелиной погрузились достаточно глубоко. Вокруг сновали разноцветные рыбки, колыхались водоросли. Теплая прозрачная вода привела меня в чувство, голова стала легкой и ясной. Мы добрались до грота, окруженного кораллами, и опустились на песчаное дно. Это место мы отыскали во время наших первых погружений. Я обнял Анжелину. Она прижалась ко мне, и наши маски соприкоснулись. Теперь можно поговорить.

— Что новенького было слышно про Края, пока доктор копался в моих мозгах?

— Они переехали. Видимо, вторжение прошло нормально, и теперь клиандские войска готовятся к оккупации. Они захватили огромное административное здание, Октагон. Оно называется так потому, что по форме представляет собой восьмигранник. Похоже, там теперь главный административный центр — вокруг все время суетятся люди в сером. Видимо, там они и обосновались.

— Интересно, почему же они переехали?

— Тебя, наверное, испугались.

Я фыркнул, хотя в маске это было нелегко.

— Все шутишь, однако в твоих словах правды больше, чем ты думаешь. Конечно, надо прекратить всю операцию клиандцев в целом, но сейчас следует особо заняться людьми в сером и для начала захватить хотя бы одного из них. Для этого мне необходимо проникнуть в здание.

— Ничего подобного.

Она ущипнула меня за бок. Я попытался было стряхнуть ее руку, но под водой это не так-то просто оказалось сделать. Пришлось щипнуть ее в ответ. Понятное дело, она оказалась более

уязвимой. Некоторое время мы беззаботно резвились, пока я не вспомнил, с чего началась эта возня, и твердо вернулся к прерванному разговору.

— Почему бы мне не попробовать? Хорошенько замаскируюсь, по-клиандски я говорю прилично, систему знаю изнутри...

— А они прилично знают тебя. За входом следят камеры, напрямую соединенные с компьютером. Тебя можно опознать по фигуре, по голосу, по весу, по рисунку сетчатки, по походке. Все это изменить невозможно, и ты это прекрасно знаешь. Тебя возьмут прямо на входе.

— К сожалению, ты права, — пробормотал я. — Может, у тебя есть другой план?

— Есть. Я тоже говорю по-клиандски, и моих данных у них нет. К тому же на этой планете я единственный агент со стажем, кроме тебя, конечно.

— Нет.

— Почему же сразу нет? — Она нахмурилась и снова ущипнула меня. — Ты мой муж, но не хозяин — понятно? Работаю я не хуже, а иногда и лучше тебя, а дело надо делать. Умерь, пожалуйста, свое самомнение.

Конечно, она была права, но признаваться в этом не хотелось.

— Я же о тебе беспокоюсь.

Она тут же растаяла — всякая женщина любит знаки внимания — и благодарно приникла ко мне.

— Джим, ты все-таки любишь меня, хотя и странною любовью. Все будет в порядке, вот увидишь. У клиандцев служат женщины, во вспомогательных частях — хотя я не представляю себе, как они носят эту жуткую форму. Мы захватим одну из них, я возьму ее форму и документы, пройду в здание, отыщу Края...

— А ты не наделаешь глупостей?

— Ну что ты! В одиночку мне не управиться, я только все испорчу. Это будет разведка. Я все осмотрю, сделаю подробный план, выясню систему охраны и вернусь.

— Великолепно. — Я почувствовал прилив сил, все мои опасения исчезли. — Это совершенно необходимо для того, чтобы подготовить успешное похищение. Мы неожиданно ворвемся, схватим Края — и быстро назад.

Пискнул сонар, я включил связь.

— Они ушли. Можете возвращаться.

Взявшись за руки, мы не спеша поплыли обратно, наслаждаясь прогулкой. На берегу нас поджидал доктор Мутфак.

— Прекрасно. Сейчас мы продолжим сеанс. Надо до конца разобраться с плюшевыми мишками и двигаться дальше.

Он нетерпеливо притопывал ногой, пока мы с Анжелиной обнимались и целовались. Чтобы избавить Анжелину от ненужных переживаний, я быстро вернулся в комнату и предоставил себя в распоряжение доктора. Ни к чему ей лишний раз волноваться перед такой сложной операцией. Махнув мне на прощание, она отправилась одеваться. Я успел помахать в ответ, пока доктор Мутфак не всадил иглу. В этой душе нет места чувствам.

Похоже, лечение и в самом деле продвигалось успешно. Когда я опять проснулся, плюшевых мишек и след простыл. Вспоминались взрывавшиеся космические корабли, яркие вспышки света. За окном догорал закат. Доктор Мутфак собирал инструменты.

— Все прекрасно, — произнес он. — Лечение продвигается как нельзя лучше.

— Вам удалось обнаружить следы вмешательства Края?

— Следы?! — Его ноздри гневно раздулись, он нервно затеребил бороду. — Да у меня такое впечатление, что он ботинки вытирал о ваши мозги! Мясники они, настоящие мясники! Одно утешает — такие следы трудно не заметить. Изъяты целые куски памяти, а на участки искусственной амнезии наложены ложные воспоминания. Эти воспоминания, несомненно, представляют клинический интерес. Хотел бы я узнать, как они это делают. Из ваших слов явствует, что все было сделано быстро, но на удивление совершенно, вплоть до мельчайших деталей и ощущений.

— За это я ручаюсь.

— Я думаю, что вы даже не в состоянии отличить ложные воспоминания от истинных, вот в чем сила такого вмешательства в память. К настоящему времени я сумел удалить наиболее важные из них, которые причиняли вам наибольшее беспокойство, остальными займемся попозже. А сейчас взгляните на свои руки и расскажите мне, что это за красные полосы.

— Полосы как полосы, — ответил я. Потом почему-то вспомнилась камера, мелькнуло смутное воспоминание об отрубленных руках, не знаю почему. Обычные красные полосы. — Ложная память?

— Да, самый отвратительный ее фрагмент. Но об этом я расскажу в следующий раз. Сейчас вам необходимо отдохнуть.

— Отличная мысль, но сначала мне хотелось бы перекусить...

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетела Тазе. Лицо ее было ужасно. У меня в груди шевельнулся страх. Я сел, наблюдая, как она возится с телевизором. Клиандцы организовали пропагандистскую программу, которую, впрочем, никто не смотрел.

Вспыхнул экран, и я увидел лицо Края. Он заговорил, едва сдерживая улыбку, если по отношению к нему так вообще можно было выразиться.

— Это запись, ее повторяют все время, — пояснила девушка.

— ...и мы хотим, чтобы он это знал. Некоторые из вас знают человека по имени Джеймс ди Гриз. Свяжитесь с ним. Пусть он посмотрит эту передачу. Это сообщение специально для вас, ди Гриз. Мы хотим, чтобы вы вернулись. Анжелина в наших руках. Она цела и невредима — пока, — и до утра ей не причинят никакого вреда. Ди Гриз, я предлагаю вам связаться со мной и договориться о встрече. Пока, Джим.

Глава 18

В такие моменты мне всегда хотелось побыть одному. Тазе сразу все поняла и ушла, как только я показал на выход. Однако доктор попытался завязать разговор, пришлось взять его за шиворот и выбросить за дверь, которую Тазе услужливо приоткрыла. Потом я что было сил грохнул по телевизору. Акт бессмысленного разрушения принес мне некоторое облегчение. Я даже смог налить себе порцию крепкого. Со стаканом в руке я тяжело опустился в кресло, невидящим взглядом уставился в усыпанное звездами небо и принялся разрабатывать план. Это будет непросто — до утра оставалось совсем немного времени.

Смутная мысль, не дававшая мне покоя, оформилась в ясное решение. Придется мне вернуться и опять надеть ошейник — тут уж ничего не поделаешь. Что и говорить, о том времени у меня остались не самые лучшие воспоминания. При этой мысли мозг содрогнулся в черепной коробке. Моему серому веществу так сильно досталось в последнее время, что напрягать его совсем не хотелось. Но деваться было некуда. Ошейника не избежать в любом случае, стало быть, надо его как-то нейтрализовать. Это будет очень не просто. Я тщательно взвесил все возможности и, когда план был готов, вызвал Тазе, чтобы ввести ее в курс дела.

— Это невозможно! — воскликнула она, выслушав меня. Готов поклясться, что в огромных прекрасных ее глазах стояли слезы. — Предать себя в руки этих негодяев. Ради женщины. Ах, если бы мужчины на этой планете были хоть немного похожи на тебя! Невероятно...

Подавив искушение насладиться теплым чудом женского сочувствия, я принялся копаться в сумках с оружием.

При виде гранат мисс Тазе мгновенно исчезла, а сержант Тазе проявила живейший интерес.

— Это для второй части операции, — пояснил я. — Первая часть состоит в том, чтобы проникнуть в здание и освободить Анжелину. Этим я займусь сам. Надеюсь, что попутно мне удастся захватить одного из серых, но если нет — придется отложить это на время. Вторая часть операции состоит в том, чтобы выйти из Октагона. Тут потребуется ваша помощь. Мне нужен план здания, кроме того, хотелось бы поговорить с человеком, который знает его изнутри, желательно с бывшим охранником — так легче определить наиболее слабые точки. Вы сможете это устроить?

— Конечно, — бросила Тазе через плечо, направляясь к двери. Надежная девушка эта Тазе.

До рассвета оставалось два часа. Подготовка к первой части операции была закончена, а вот отход подготовить оказалось не так просто. Для нашего небольшого отряда Октагон был неприступной крепостью. Отсутствие летательных аппаратов и тяжелой техники дела тоже не упрощало. И сводило практически к нулю возможность отступления как по земле, так и по воздуху. Наконец отыскали и приволокли дрожащего техника из обслуживающего персонала здания. Он водил по схеме трясущимися пальцами.

— Туннель для кабеля, сэр, проходит под улицей, затем под стенами и выходит в полуподвал, сектор семнадцать. Это довольно большой туннель, там проложены силовые и телефонные линии.

— Он наверняка прослушивается и просматривается, — заметил я, — но это легко исправить. А теперь, уважаемые дамы, записывайте, повторять я не буду. Порядок операции следующий...

Все приготовления закончились за двадцать минут до рассвета. Первые группы отправились на исходные позиции, а я по видеофону связался с Краем. Соединили нас сразу. Я заговорил, не давая ему рта раскрыть.

— Я хочу поговорить с Анжелиной, и немедленно, хочу удостовериться, что с ней ничего не случилось.

Он, похоже, ждал этого, поэтому спорить не стал. Анжелина вошла в кадр. Я сразу заметил ненавистный ошейник со шнуром.

— У тебя все в порядке?

— Все нормально. Если можно себя нормально чувствовать в одной комнате с этим уродом, — спокойно ответила она.

— Они ничего с тобой не сделали?

— Ничего. Вот только ошейник надели и прикрепили к потолку, наверное, чтобы не сбежала. Но ты можешь себе представить, как этот негодяй угрожал мне. И что у него за мозги такие...

Тут она замерла, глаза ее закатились. Видимо, Край применил нейроудар. Недолго он проживет, если я доберусь до него. На экране опять появилось его лицо. Мне стоило больших усилий просто молча смотреть:

— Ты немедленно придешь, ди Гриз, и сдашься. У тебя осталось несколько минут. Ты знаешь, что может случиться с твоей женой. Если ты сдашься, мы ее немедленно освободим.

— А где гарантии, что вы сдержите слово?

— Никаких гарантий. Но у тебя все равно нет выбора, не так ли?

— Я приду, — пообещал я как можно более спокойно и отключил видеофон, но успел услышать, как Анжелина вскрикнула: «Нет!»

— Одежда высохла? — спросил я, снимая башмаки и рубашку.

— Почти, — ответила Тазе.

Вместе с еще одной девушкой они просушивали клиандский мундир, выбранный мною для проведения операции. Перед просушиванием его вымочили в химической ванне.

— Ладно, и так сойдет. Ждать больше некогда.

Оставалось несколько сырых пятен, но это не имело большого значения. Мы вышли на причал, у которого нас поджидал катер. На другом берегу стояла машина. На заднем сиденье с черным саквояжем на коленях сидел доктор Мутфак и что-то бормотал.

— Не нравится мне все это, — пожаловался он. — Это грубое нарушение медицинской этики.

— Война, доктор, — это нарушение всех моральных и этических законов, и с этим ужасом необходимо бороться любыми доступными средствами. Извольте выполнять, что вам приказано.

— Я все сделаю, можете не беспокоиться. Но имеет право человек обсудить этическую сторону вопроса?

— Обсуждайте на здоровье. Только шприц не забудьте наполнить.

Мы припарковались на темной улочке неподалеку от Октагона.

— Катализатор! — приказал я. — Только не пролейте. Наносите под мышками, там никто не заметит.

Я поднял руки и почувствовал, как брызнула теплая жидкость, затем быстро опустил их и зажал мокрую ткань. Выбрался из машины и сунул руку в окно, где в нее вонзилась игла. Ну вот и все. Когда я сворачивал за угол, машина уже исчезла.

Впереди на фоне светлеющего неба горой высился Октагон. Мы едва успели вовремя. Впереди был нужный мне подъезд, там поджидали два человека в сером. У обоих на поясе висели пистолеты. Выглядели они очень внушительно. Я молча подошел. Один из них защелкнул наручник на моем запястье, и меня повели внутрь, мимо безмолвных охранников. На лестнице я споткнулся и после этого стал переставлять ноги намного осторожнее. Видимо, подействовал укол. Разговаривать с конвоирами было не о чем, да и они по обыкновению были не очень разговорчивы. Они просто вели меня туда, куда им было приказано. Доставили в нужную комнату, вытащили пистолеты и сняли наручники.

— Снять одежду, — приказал один из них.

Я с трудом сдержал улыбку. У стены стоял флюороскоп и прочее оборудование. Процедура осталась прежней, эти парни привычек не меняют. Неужели они не понимают, что пристрастие к порядку их когда-нибудь погубит? Похоже, не понимают. Я сбросил одежду и отдал себя на растерзание.

Естественно, они ничего не нашли, потому что искать было нечего. Была одна вещица, но я был уверен, что им ее никогда не найти, — и они ее не нашли. Парни неспешно продолжали обыск, а я хотел только одного — чтобы все побыстрее кончилось. От укола голова слегка кружилась. Ощущение было такое, словно меня укутали ватным одеялом. Похоже, эффект от инъекции достиг пика и скоро пойдет на спад. Я должен управиться с делами, пока действие укола существенно не ослабло, иначе все пойдет насмарку.

— Одевайтесь, — с каменным лицом произнес конвоир, протягивая уже знакомые мне прозрачные шаровары.

Я нагнулся, чтобы скрыть улыбку. Получилось-таки! Они спокойно ждали, пока я возился с застежками. Пальцы слушались плохо. Когда на шее защелкнулся ошейник, я вздохнул от облегчения. Мы приближались к цели, почти не отклоняясь от графика. Один из конвоиров взял пульт и повел меня. Пришлось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. К тому же такая демонстрация покорности была как нельзя кстати. Мы шли широкими коридорами, мимо лестницы. Я отсчитывал в уме шаги, чтобы запомнить расположение и оценить расстояние.

Наконец мы вошли в кабинет Края. Он ждал за столом, недвижный и бесстрастный, как паук в центре паутины. Анжелина сидела напротив, ее пульт был подвешен к потолку.

— Ты в порядке? — спросил я, едва переступив порог.

— Конечно, в порядке. Тебе не стоило приходить.

Немного успокоившись, я повернулся к Краю, заметив, что охранник закрывает дверь.

— Но теперь-то вы ее отпустите? — спросил я.

— Разумеется, нет. Это было бы глупо. — Его лицо даже не дрогнуло.

— Я так и думал. Расскажите, как вам удалось ее схватить?

— У тебя в памяти был четкий образ твоей жены. Когда мы узнали, что тебе помогли бежать две женщины, то сразу поняли, что одна из них — Анжелина. Компьютер опознал ее, как только она вошла в здание.

— С нашей стороны было глупо так рисковать, — произнес я, повернувшись к Анжелине и разглядывая охранника.

Он собирался подвесить мой пульт на крюк в потолке. Если он сделает это — мы пропали.

Мне оставалось только броситься на него.

— Держи его! — заорал Край.

Охранник поднял глаза и принялся быстро нажимать на пульте кнопки.

Делать вид, что все в порядке, не было никаких сил. От боли выворачивало желудок, мышцы жгутом скрутила судорога. Я рухнул прямо у ног охранника, не достав до него самую малость. Инъекция блокировала боль, но не полностью. Некоторые рецепторы не потеряли чувствительности. На глаза навернулись слезы, все было как в тумане. Перед лицом появилась нога в ботинке, да что толку?

И тут показалась рука, охранник собирался меня поднять. Безымянным пальцем я царапнул кожу на тыльной стороне его ладони.

Он сразу вздрогнул, медленно согнулся и рухнул рядом со мной, выронив при этом пульт. Который упал достаточно близко, чтобы я смог нажать нужную кнопку.

Боль мгновенно отступила. Но оставался еще Край. Я с трудом поднялся, разгибая непослушные ноги.

Ситуация в считанные секунды кардинально изменилась. Анжелина лежала на столе, ухватившись за ошейник и извиваясь от боли. Край, стоя на коленях позади стола, доставал пистолет. Он уже поднимал его, когда я прыгнул. Слишком поздно, мне уже не достать его. Сейчас он меня пристрелит.

И тут грохнул отдаленный взрыв. Пол дрогнул, с потолка посыпалась известка, свет замигал. В отличие от меня Край этого не ожидал, его реакция на мгновение задержалась. Я успел-таки перелететь через стол и ногтем царапнуть его.

Он выстрелил, но пуля впилась в стену, потому что на спуск он нажал уже без сознания, падая на пол.

Анжелина атаковала одновременно со мной. Подтянувшись на шнуре, она ударом ноги свалила Края. Но он отомстил, воспользовавшись радиоуправлением, и только после этого вытащил пистолет. Этот акт садизма, можно сказать, и погубил его — я успел до него добраться. Но Анжелина дорого за это заплатила.

Когда я взобрался на стол, то не мог спокойно смотреть на ее тело. Перед креслом Края было множество разных кнопок и тумблеров, но разбираться было некогда. Я просто сдернул с крюка пульт и отключил его. Анжелина открыла глаза. Не двигаясь, она следила за тем, как я обшаривал ящики стола.

— Ты, милый, просто гений, — слабым голосом сказала она.

Я наконец нашел ключ и нагнулся, чтобы открыть ошейник.

— Как тебе это удалось?

— Я просто перехитрил их, вот и все. Они не смогли найти никакого оружия в моей одежде, потому что она сама была оружием. Ткань была пропитана тантуралином, который легко превращается в сильную взрывчатку. Под мышки я нанес катализатор — но тепло моего тела блокировало реакцию. Пока мундир был на мне — все было в порядке, но, как только меня раздели — я это предвидел, — катализатор начал охлаждаться, температура упала до критического уровня...

— Бах, и все взорвалось. Ты гений! — Она приподнялась, обняла меня и поцеловала.

Ошейник наконец раскрылся. Однако я быстро взял себя в руки и мягко отстранился. Анжелина неуверенно села и, взяв ключ, занялась моим ошейником.

— Я полагаю, что ты так же просто объяснишь, как тебе удалось убить этих подонков?

— Никто их не убивал, они просто без сознания. Я заточил один ноготь, чтобы легче было поранить кожу, и смазал его калланитом.

— Понятно! Невооруженным глазом его не увидеть, тут нужен хороший спектрометр, а чтобы жертва потеряла сознание, калланита нужно ничтожно мало. А что же дальше?

— Надо бы сделать один звонок, на тот случай, если снаружи взрыв не был услышан. Чтобы не сорвалась вторая часть операции. Хотя у них есть приборы...

Не успел я закончить, как погас свет. Мы оказались в полной темноте — окон в комнате не было. Я растерялся, утратив визуальную связь с реальностью.

— Анжелина! — крикнул я срывающимся голосом. — Я накачался наркотиками до бровей, чтобы блокировать болевые ощущения. У меня полностью отключилось осязание. В темноте я могу только слышать. Помоги мне.

— Говори, что делать.

— Отыщи Края. Надо прихватить его с собой.

Она отволокла тело из-за стола, и, судя по звуку, не очень нежно. Затем помогла мне взвалить его на плечи.

— Теперь иди вперед и показывай мне дорогу. Я в темноте ориентироваться не могу. Пересечешь коридор, а потом вдоль стены налево. Примерно через сорок пять метров будет лестница. По лестнице вниз, до конца.

Анжелина взяла меня за руку, и мы тронулись. Я пару раз ударился о стену, но, ясное дело, нечувствительно. В коридоре идти было легче — под рукой была стена. Вдали послышались отчаянные крики. Моя самовзрывающаяся одежда наделала много шума, короткое замыкание тоже случилось очень кстати. Все шло как нельзя лучше, но тут тускло загорелось аварийное освещение.

Мы испуганно замерли, моргая от неожиданности. Ощущение было такое, словно мы оказались на залитых светом подмостках. Кроме нас в коридоре было еще человек шесть.

Но до нас и дела никому не было, у всех было полно своих забот. Мимо промчался толстый офицер, он ничего и никого не видел, насмерть перепуганный взрывами и темнотой.

— Быстро на лестницу, — скомандовал я и помчался вперед так быстро, как только позволяла моя ноша.

Миг удачи обычно краток. Аварийные лампы потускнели, готовые погаснуть в любое мгновение. Навстречу шел солдат, и ему хватило времени, чтобы нас рассмотреть. Он понял, что происходит что-то неладное, поднял винтовку и приказал нам остановиться.

У Анжелины в руке был пистолет Края, и она выстрелила первой. Солдат согнулся пополам, а мы уже были на лестнице — тут свет погас окончательно.

Спускаться было трудно, несмотря на то что я уже почти пришел в чувство. Но Края я все-таки уронил, и мы изрядно повеселились, немного прокатив его по ступенькам. Потом я налетел на Анжелину, и мы чуть было сами не свалились вниз. Дальше пошли осторожнее. Этажом ниже послышался голос:

— Стойте. Мы сейчас вам поможем.

Голос был женский, язык не клиандский — иначе Анжелина просто разнесла бы лестницу в прах. Мы стояли и ждали. По-

том чьи-то руки коснулись моего лица и надели мне на нос тяжелые очки. Очки были инфракрасные, а у девушки в руке был инфракрасный излучатель. Я опять мог видеть, причем изображение было очень контрастным. Теперь мы спускались почти бегом, а девушка что-то говорила в передатчик. Внизу нас дожидалась Тазе.

— Мы выслали людей вверх по всем лестницам встречать вас. Они сейчас подойдут. Нам сюда.

Наконец-то Края сняли с моего плеча. Ни боли, ни усталости я не чувствовал, но по тому, как дрожали мускулы, понимал, что настоящая боль еще впереди. Мы рысью влетели в раскрытый зев туннеля.

— Вперед! — приказала Тазе. — Там нас ждут машины.

Глава 19

Каждое движение вырывало стон из моей груди. Может, это выглядело несколько театрально, зато в Анжелине пробудились материнские чувства. Она суетилась, как курица над яйцом. Подсовывала мне под голову подушки, подносила напитки, фрукты резала на кусочки и клала прямо в рот. Я надеялся, что материнские хлопоты помогут ей забыть жуткие события вчерашнего дня. Во всяком случае, пока она ничего не говорила. В раскрытое окно веял теплый, ласковый ветер, над морем голубело небо.

— Потери были? — спросил я. — Все утро хотел поинтересоваться, да голова, видно, не в порядке.

— Ничего серьезного. Только ожоги и царапины да несколько легких ран в группе прикрытия. В целом все прошло по плану. Как только раздался взрыв, девушки закоротили силовые и телефонные сети Октагона. Потом прошли через туннель и вывели из строя аварийный электрогенератор. Остальное ты видел. Потерял сознание ты только в машине.

— Я бы с радостью и раньше его потерял, но мне не хотелось, чтобы меня тащили эти амазонки. Они не очень бережно обращаются с мужчинами. Надеюсь, теперь меня произведут в почетные девушки.

— Ну это еще неизвестно. Звонил доктор Мутфак, сказал, что Край скоро заговорит.

— Пойдем к нему. Я так долго ждал этого разговора!

Выбравшись из постели, я почувствовал себя старше на тысячу лет, казалось, что даже мышцы скрипят. На мне был купальный костюм, на Анжелине тоже. В отеле «Ринга Балиги» свободный

стиль был делом обычным. К тому же мы в любой момент должны быть готовы к погружению, если, не ровен час, явится военный патруль. Тут я призадумался.

— А что, если нагрянет клиандский патруль? Вы подумали, как спрятать Края?

— Это ты точно сказал — спрятать. Поскольку он без сознания, его можно просто положить в холодильник, да хорошо бы там и оставить.

— С местью подождем, сейчас необходимо получить информацию. Интересно, что доктору удалось вытянуть из этого нечеловека?

— Никакой он не нечеловек, — вскипел доктор Мутфак. Пока я спал, он упорно работал в мини-лаборатории при гостиничной больнице. — Я готов поставить на кон свою репутацию!

— Насколько я понимаю, ваша репутация имеет вес только в области нейроаналитики, — возразил я. — Вы уверены...

— Я не потерплю оскорблений! — заверещал доктор, встав на цыпочки. При этом ему удалось достать мне до плеча. — К оскорблениям со стороны женщин я уже привык, но не намерен терпеть то же самое от инопланетянина. Даже на той занюханной планете, где вы родились, должно быть известно, что всякое медицинское образование предполагает изучение фундаментальных основ биологии и психологии. Так уж получилось, что цитология — это мое хобби. Я могу показать вам такие клетки, что вы остолбенеете от удивления, так что я знаю, что говорю. У этого субъекта клетки вполне человеческие, значит, он человек. Нормальный гомо сапиенс.

— Но ведь есть существенные признаки: низкая температура тела, отсутствие эмоций и прочее.

— Все в пределах обычных вариаций. Приспособляемость людей очень высока, каждая конкретная среда обитания требует своей формы адаптации. В литературе встречаются куда более интересные случаи, чем этот индивидуум.

— А это случаем не робот? — спросила Анжелина чересчур невинно и отскочила, когда я кинулся к ней. Похоже, моя теория рухнула.

— Когда с ним можно будет поговорить? — спросил я.

— Скоро, скоро.

— Позвольте полюбопытствовать, как вам удалось заставить его отвечать вам?

— Хороший вопрос.

Мутфак задумчиво перебирал седую бороду, размышляя над тем, как бы получше объяснить святые тайны медицины такому профану, как я.

— Поскольку этот человек несет персональную ответственность за злостное вмешательство в ваш мозг, я не считаю себя обязанным придерживаться обычных эстетических норм, принятых между врачом и пациентом. К тому же именно этот человек руководил вторжением на мою родную планету.

— Вы делаете успехи, доктор.

— Я целенаправленно изменил его мыслительные процессы с учетом наших интересов. Нелегко было решиться на такое, ведь по отношению к вам был совершен аналогичный акт морального насилия, но я решил принять на себя всю ответственность. То, что он попал сюда в бессознательном состоянии, значительно упростило задачу. Я внедрил ложные воспоминания и подверг регрессии центр эмоций, реорганизовал участки памяти — в общем, сделал то, чего буду ужасно стыдиться всю оставшуюся жизнь.

Казалось, еще немного — и Мутфак расплачется. Я ободряюще похлопал его по плечу.

— Идет война, доктор, и сейчас вы солдат. Своими делами вы приближаете победу. И вы достойны всяческого уважения.

— Все равно это будет мучить меня всегда.

Он встряхнулся и снова превратился в ученого сухаря.

— Через несколько минут я выведу пациента из глубокого транса. Он проснется, но его сознание останется пассивным. Его эмоциональные реакции будут как у двухлетнего ребенка. Помните об этом. Не провоцируйте ненависть и не настаивайте на своих вопросах. Он сам захочет вам помочь, но и ему информация дается не всегда легко. Будьте осторожны, лучше задайте иной вопрос, но ни в коем случае не давите на него. Вы готовы?

— Думаю, готов.

Трудно было вообразить Края беспомощным двухлетним малышом.

Вслед за доктором мы с Анжелиной проследовали в палату. Когда мы вошли, нам навстречу поднялся ассистент доктора. Мутфак поправил лампу так, чтобы мы оставались в тени, а свет падал только на лицо Края, и только потом сделал укол.

— Это подействует быстро, — сказал он.

Край лежал, закрыв глаза, его лицо было неподвижно. Голову скрывала повязка, из-под которой к многочисленным аппаратам тянулись провода.

— Просыпайся, Край, просыпайся, — позвал доктор.

Лицо Края ожило: щеки дрогнули, глаза медленно раскрылись. Печать полного покоя лежала на его лице, губы изогнулись в застенчивой улыбке.

— Как тебя зовут?

— Край.

Его хриплый голос звучал совсем по-детски, без тени враждебности.

— Откуда ты прилетел?

Он нахмурился, заморгал и пробормотал что-то нечленораздельное. Анжелина нагнулась и потрепала его по руке, пытаясь успокоить.

— Не спеши, успокойся. Ты ведь прилетел сюда с Клианды?

— Да, — улыбнувшись, кивнул он.

— А теперь вспомни, у тебя ведь хорошая память — ты родился на Клианде?

— Н-нет, кажется. Я там долго жил, но родился не там. Я дома родился.

— Дом — это другая планета?

— Да.

— Расскажи, как там, у тебя дома?

— Холодно.

Его голос стал холодным, как само это слово, совсем как у взрослого Края. Лицо его постоянно менялось, отражая быструю смену чувств.

— Всегда холодно. Ничего не растет, нет ничего зеленого, только холод. Там надо любить холод, а я не любил, хотя жилось мне хорошо. Есть теплые миры; многие из нас, кто не любил холод, переселились туда. Но таких, вообще, очень мало. Мы не часто встречаемся, да и зачем? Я думаю, что мы друг друга не любим. Нельзя же любить снег, или лед, или холод. На снегу ничего не живет, и мы рыбачим. Только в море есть жизнь. Я однажды сунул туда руку. Я бы там не смог жить. А они живут, и мы их едим. Но есть теплые миры.

— Как Клианда? — мягко спросил я, подражая Анжелине.

Он улыбнулся.

— Как Клианда. Всегда тепло, даже жарко, очень жарко, но мне это не мешает. Странно, что на земле живут всякие существа, вместе с людьми. Много зелени.

— Как называется твой дом, холодная планета? — прошептал я.

— Называется... называется... название...

Все произошло почти мгновенно. Край забился в постели, лицо его задергалось, глаза уставились в одну точку. Доктор Мутфак закричал на него, приказывая забыть вопрос, лежать спокойно и пы-

таясь всадить иглу в дрожавшую руку. Но было поздно. Реакция вышла из-под контроля. Я клянусь, что в последнее мгновение Край полностью пришел в себя и в глазах его вспыхнула вполне осознанная ненависть.

Но только на мгновение. Секундой позже он выгнулся дугой, рухнул на кровать и затих без движения.

— Умер, — произнес Мутфак, уставившись на приборы.

— Ну хоть не зря. — Анжелина подошла к окну и распахнула шторы. — Не плохо бы искупаться, как ты думаешь, дорогой? А потом поразмыслим, как достать для доктора еще одного серого. Теперь мы знаем, каких вопросов надо избегать, и следующий протянет подольше.

Тут доктор взвился.

— Нет, второй раз я не смогу. Мы его убили, я убил. В его сознание был внедрен приказ: умереть, но местонахождения и названия планеты не открывать. Такое, в принципе, возможно, вы сами видели. Еще раз я на это не пойду.

— Мы по-разному воспитаны, доктор, — ровным голосом возразила Анжелина. — Для меня нет большой разницы — убит Край в бою или умер на допросе. Вы знаете, что это за человек и что он совершил.

Я молчал, потому что понимал их обоих. Анжелине Галактика представлялась джунглями, где выживает сильнейший. А доктор воспитывался в условиях матриархата, в стабильном, миролюбивом обществе, основанном на гуманистических принципах. И каждый по-своему был прав. Забавное существо — человек.

— Вы пока отдохните, доктор, — посоветовал я, — таблеточку примите. Вы уже сутки не спали, а это вредно. Завтра будем думать, а сейчас надо отдохнуть.

Я взял Анжелину за руку и вывел ее из комнаты. Маленький, печальный человечек сидел, уставившись глазами в пол.

— Ты не очень расстроился из-за Края, милый?

Анжелина продемонстрировала хмурую мину номер два. Это означало, что если я хочу нарваться на неприятности, то неприятности у меня будут.

— Я?! Нисколько, дорогая. Край основательно попортил мне мозги и то же самое пытался проделать с тобой. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что мы не успели вытянуть из него побольше информации.

— Следующий расскажет больше. По крайней мере, мы узнали, что твоя гипотеза верна. Может быть, это и чужая форма жизни, но происхождение у них точно не клиандское. Если мы сумеем вышвырнуть их отсюда, то вторжения и войны прекратятся.

— Легко сказать, да трудно сделать. Давай-ка искупаемся, а потом выпьем и подумаем.

Купание улучшило мое состояние, разыгрался жуткий аппетит. Я включил сонар и заказал бифштекс с пивом прямо в купальню. Это на время заглушило голод, ровно настолько, чтобы добраться до номера и заказать приличный обед.

Обед вышел ничего себе — в семь перемен. Сначала огненный бурадский суп, потом рыба, за ней мясо и так далее. Анжелина слегка перекусила и, прихлебывая вино, поджидала, пока я расправлюсь с едой. Насытившись, я со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Вот что я надумал, — устало произнес я.

— Не морочь мне голову. Мне показалось, что ты ел, как акула.

— Не остри, пожалуйста. Чтобы хорошо работать, надо хорошенько есть. Клианда — вот наша главная проблема. Точнее, люди в сером, которые подчинили себе экономику планеты. Готов поспорить — если их выдворить оттуда, то клиандцы сразу потеряют всякий интерес к межзвездным войнам.

— Проще некуда. Планомерный отстрел. Край говорил, что их не так уж много. Надо с ними покончить. Я с удовольствием поучаствую в таком мероприятии.

— Только не ты. Моя жена никогда не будет наемным убийцей. И потом, это не так просто — как с технической, так и с моральной стороны дела. Люди в сером умеют постоять за себя. А то, что цель оправдывает средства, — это положение обанкротилось так давно, что не стоит и вспоминать. Ты сама видела, что случилось с доктором Мутфаком, когда во имя благой цели он поступился моральными ценностями. Конечно, мы с тобой слеплены из другого теста, но массовое убийство — это совсем другое дело.

Анжелина побледнела, и я тут же раскаялся в своих словах и взял ее за руку.

— Я совсем не то хотел сказать. Мы же не о прошлом говорим.

— Это понятно, просто вдруг вспомнилось кое-что не совсем приятное. Давай не будет говорить об убийствах. Что еще можно предпринять?

— Много чего, я думаю. Надо только правильно поставить вопрос. Наверняка существует способ развалить клиандскую империю.

Анжелина поднесла к губам бокал. На ее лбу обозначилась морщинка, когда она задумчиво нахмурила брови.

— А если организовать восстания на захваченных планетах? — произнесла она. — Если клиандцы займутся усмирением

уже захваченных планет, то захват новых станет просто невозможен.

— Это уже ближе к истине, но не совсем верно. Движения сопротивления проблемы не решат, это видно на примере Бурады. Ты же слышала, что рассказывала Тазе, — сопротивление стихает в результате ответных действий клиандцев. Если убивают одного из них, они расстреливают двадцать обитателей Бурады. Местные жители в течение многих поколений жили в мире, они не способны вести партизанскую войну. Я сомневаюсь, что клиандцы применяли бы столь жестокие меры, если бы их не принуждали к тому люди в сером, а именно они и отдают приказы. Солдаты просто выполняют их, в этом и сила клиандской армии. Мы не сможем остановить клиандцев, поднимая в тылу восстания. А вот насчет захваченных планет ты права. Экономика Клианды построена на войне. Империя существует, пока она расширяется, в противном случае она просто умрет. Только своими силами Клианда не сможет построить и содержать военный космический флот, тут она напрямую зависит от захваченных планет. Эти планеты полностью подчинены Клианде и поставляют все необходимое для ведения войны. В результате нашествие все ширится, и ничто не может его остановить.

— Ах, если бы это нашествие было похоже на какую-нибудь форму жизни, что-нибудь вроде гадкой зеленой поросли! Тогда можно было бы оборвать побеги, вырвать ее с корнем. — Анжелина разломила булочку, чтобы проиллюстрировать свою мысль, а потом укусила ее. И собралась было заговорить опять, но я поднял руку.

— Постой. Не говори ничего. Я думаю. Что-то крутится в голове — сейчас, сейчас...

Я забегал по комнате, прикидывая и так и этак; что-то взвешивал, что-то сравнивал, что-то прибавлял, а кое-что, наоборот, выбрасывал и зачеркивал — будто решал сложную математическую задачу. Наконец все стало на свои места, все стало ясно и понятно. Я схватил стакан, рухнул в кресло и громко объявил:

— Я гений!

— Знаю. Поэтому я за тебя и вышла. Внешне ты не очень привлекателен.

— Ты скоро пожалеешь о своих словах, женщина. А сейчас выпьем за мой план и за победу!

Мы чокнулись и выпили.

— А что за план? — спросила Анжелина.

— Этого я пока рассказать не могу. И не потому, что ты будешь смеяться, а потому, что еще не проработаны все детали и он не закончен. Но первая часть операции ясна и должна начаться немедленно, если не раньше. Как ты думаешь, серые уже объявили, что Край похищен?

— Сомневаюсь. Переговоры клиандцев прослушиваются постоянно, но ничего подобного мы не слышали. Это не та новость, о которой они будут трубить на весь мир.

— Я тоже так думаю. Прибавь к этому исключительный эгоизм и свойственное им глубокое равнодушие друг к другу. Я собираюсь сыграть на том, что никто не знает о похищении Края.

— Каким образом?

— Доставай принадлежности и инструменты для пластического грима. Я намерен посетить военную базу в облике Края. У меня там дело.

Анжелина стала было протестовать, но я поднял палец, и она умолкла. Совсем как я, когда она отправлялась в Октагон. Возражать было бессмысленно, и она это понимала.

Поэтому молча отправилась за инструментами.

Глава 20

Мне была необходима клиандская машина. Достать ее было несложно. Надо просто взять у врага. Я был не очень доволен своим гримом, поэтому решил заняться делом, когда стемнеет, чтобы несходство с оригиналом не слишком бросалось в глаза. Нарядившись в мундир Края, я прихватил свой кейс и вместе с Гамалем направился к Октагону. Гамаль раньше служил полицейским во вспомогательных частях, для мужчины это редкость, потому что на Бураде полиция, как правило, состояла из женщин. Я предпочел бы взять с собой одну из девушек — они более уверены в себе, но в клиандских регулярных войсках женщин не было. Гамаль нервничал, глаза у него бегали. Мне это не нравилось, но делать было нечего.

— Ты понял свою задачу? — спросил я, затолкнув его в темный подъезд.

— Да, сэр, так точно, сэр.

Зубы у него стучат, что ли? Пес его знает. Я вытащил тюбик, который доктор Мутфак дал мне на всякий случай.

— Возьми две таблетки, разжуй и проглоти. Плясать не будешь, но нервничать перестанешь.

— Я не...

— Ты да. Бери и глотай.

Так он и сделал, а я быстрыми шагами направился к Октагону, стараясь держаться в тени. Прежде чем приступить к операции, осторожно выглянул из-за угла. Несмотря на поздний час, движение около здания было довольно оживленным, но ничего интересного для себя я не заметил. Наконец подъехала небольшая машина, из которой вышли два офицера. Машина сразу тронулась с места и поехала в мою сторону. Я вышел на дорогу и поднял руку. Завизжали тормоза, машина остановилась, едва не коснувшись меня бампером. Водитель перепугался не на шутку. Тем лучше.

— Вы что, всегда так ездите?

— Нет, сэр, но...

— Не надо оправдываться, меня это не интересует. — Я взобрался на сиденье рядом с ним. — Поехали, дорогу я покажу.

Под холодным, немигающим взглядом Края он увял, как подснежник в метель. Как только мы удалились от здания, я приказал ему остановиться и раздавил у него под носом капсулу со снотворным. Отдохнуть всегда полезно. А потом поехал туда, где меня поджидал Гамаль. Он уже взломал дверь склада, туда мы втащили спящего солдата. Клиандец будет спать до утра. Пока Гамаль переодевался, я подложил шоферу под голову стопку бумаги.

— Ты сможешь управлять машиной? — спросил я Гамаля.

— Смогу. Это наша машина. Они просто перекрасили ее.

— Вот так, значит, отбиваются трофеи. Сейчас отвезешь меня в космопорт. В воротах притормози, но совсем не останавливайся. И прошу тебя, не бойся, держись смелей. Когда блефуешь, это важно. Будь мужчиной!

— Я и есть мужчина, — заныл он, — но это женское дело. И зачем я только согласился?

— Заткнись и трогай. Прими-ка лучше еще пару таблеток.

Вдали показался космопорт, но меня беспокоил только мой водитель. Я по опыту знал, как все боялись Края. Может, этим объяснялся и панический страх Гамаля? Я вздохнул. Предполагалось, что Края знали все, — мне предстояло проверить это на практике. Когда мы подъехали, охрана вытянулась в струнку. Сержант начал было что-то говорить, но я оборвал его:

— К телефону не подходить. Мне кое-кого необходимо тут проверить, и я не хочу, чтобы об этом узнали заранее. Надеюсь, вы понимаете, что с вами будет, если вы нарушите приказ.

Последние слова пришлось прокричать: Гамаль от страха не слишком тормозил. Но, похоже, они все поняли правильно. Я успел заметить, что к телефону никто не подошел. Первый шаг сделан.

— Я больше не могу! — зарыдал вдруг Гамаль и развернул машину обратно к воротам. — Хочу домой. Я никогда не хотел служить в полиции, меня мама заставила. Она воспитывала меня как девчонку, а я хотел быть домохозяином, как мой отец.

Ворота быстро приближались. Я выругался, достал капсулу снотворного, раздавил у него под носом и только потом перехватил руль. Пришлось одной рукой крутить баранку, а другой держать Гамаля. Мы лихо развернулись и снова умчались в темноту. Интересно, что при этом подумали охранники?

Я успел заехать за какой-то ангар, прежде чем машина заглохла. В кузове лежали какие-то коробки и армейские одеяла. Я выбросил все, кроме одеял, которыми укрыл Гамаля, свернувшегося на полу калачиком. Вообще-то, надо бы его пристрелить или, на худой конец, выбросить. Но, в конце концов, он же не виноват, что вырос при матриархате. Пока никто в машину не заглядывал, беспокоиться особо не о чем, вряд ли следовало ожидать повышенного интереса к машине Края. Я подъехал к ближайшему кораблю и остановился неподалеку от трапа. Пора приступать ко второй части операции.

— Вам известно, кто я? — холодно поинтересовался я у караульного.

— Так точно, сэр! — Он вытянулся в струнку, глядя прямо перед собой.

— Пригласите главного инженера на палубу А.

— Его нет на борту, сэр.

— Я отмечу это нарушение режима, так ему и передайте. Позовите заместителя.

Часовой бросился к телефону, а я не спеша прошел внутрь. На палубе А меня поджидал инженер в замасленном комбинезоне. Он нервно протирал руки ветошью.

— Извините, сэр, мы ремонтируем генератор... — Он осекся под моим холодным взглядом.

— То, что у вас неполадки, мне хорошо известно, поэтому я пришел. Пройдемте в машинное отделение.

Он поспешил вперед, чтобы показать дорогу. Все оказалось намного проще, чем мне представлялось. Когда мы вошли, из недр разобранного генератора на меня взглянули три побледневших механика.

— Отошлите их! — приказал я. Повторять мне не пришлось.

Наклонившись к разобранному генератору, я с умным видом покачал головой. Затем обошел машинное отделение, постукивая по приборам и заглядывая в смотровые глазки. Инженер все время почтительно держался сзади. Мы подошли к главному генератору.

Я уставился на табличку, покрытую непонятными закорючками, потом обернулся к инженеру.

— А почему у вас установлена именно эта модель?

Нет такого инженера, который не любил бы поговорить о своих машинах. Этот не был исключением.

— К сожалению, это устаревшая модель, сэр, мы не успели сделать замену.

— Дайте мне технический паспорт.

Как только он вышел, я сжал ручку кейса и микробомба скользнула мне в ладонь. Оставалось только установить взрыватель на сорок минут и прилепить бомбу под станину главного генератора — там ее никто не заметит. Когда вернулся инженер с техническим паспортом, я рассматривал какой-то механизм. Затем к великой радости инженера я бегло пролистал документ и пару раз одобрительно хмыкнул. Все прошло настолько гладко, что мне даже стало немного стыдно.

— Поскорее заканчивайте, — ляпнул я, не уточняя, что именно, но получил в ответ самые горячие заверения, что будет закончено абсолютно все.

Я собирался повторить этот маневр и на следующем корабле. Что-то знакомое почудилось мне в его очертаниях, когда я припарковался рядом. Тут по трапу сошел Остров и увидел меня.

Меня эта неожиданная встреча ошеломила не меньше, чем Острова. Правда, он при этом побледнел и выпучил глаза, а я уставился на него холодным взглядом Края. А ну как он меня узнает? Ведь когда я был Васькой Хулья, то делил с ним комнату, пьянствовал, управлял этим кораблем, наконец. Слов нет, лицо Края — маскировка, конечно, хорошая, но выдержит ли она испытующий взгляд старого приятеля?

— Ну, — просипел я, заметив, что Остров не в силах ни говорить, ни шевелиться.

— Извините, сэр, вы меня напугали. Поймите меня правильно, сэр, я не ожидал вас здесь увидеть. — Он даже вспотел от волнения, но я молчал. — Что у вас с голосом, сэр? — наконец выдавил он. — Приболели?

Ну конечно, приболел. Я прекрасно понимал, что мне не удастся подделаться под голос Края настолько, чтобы провести человека, который совсем недавно его слышал, как, например, Остров. Но мне прекрасно было известно, что все охрипшие голоса похожи друг на друга. Но эту тему обсуждать с Островом не стоило.

— Контузия, — прохрипел я. — Надо ведь кому-то и воевать.

— Да, конечно, сэр, я понимаю.

Мне надоело смотреть, как он неловко переминался с ноги на ногу, и я двинулся дальше. Но тут он окликнул меня. Пришлось скроить недовольную мину и обернуться.

— Извините, что я вас задерживаю, сэр, но я хотел узнать про Ваську Хулья.

— Это не его имя. Он шпион. Вы что же, хотите восстановить отношения с вражеским агентом, так прикажете вас понимать?

Остров вспыхнул, но не унимался.

— Нет, конечно, сэр, он же шпион. Но мы были когда-то приятелями. Я просто спросил...

— Вопросы задавать — это мое дело, ваше дело — водить корабли.

Закончив разговор, я направился внутрь корабля. То, что Остров не оробел перед Краем, меня, честно сказать, удивило. Под личиной алкоголика скрывалась недюжинная личность.

Вторую бомбу удалось поставить так же легко, как и первую. Работа спорилась. Мне удалось поставить семь бомб, прежде чем взорвалась самая первая. Сигнал тревоги застал меня в машинном отделении девятого по счету корабля.

— В чем дело? — спросил я, прислушиваясь к вою сирен.

— Понятия не имею, — ответил пожилой инженер и снова повернулся к машинам. — Вот трубы у нас плохие, второсортные, а хороших не достать...

— Я вам не снабженец! — вконец потеряв терпение, гаркнул я. — Пойдите и выясните, в чем там дело!

Как только он вышел, я установил взрыватель на три минуты и поставил бомбу.

— Ну, что там такое? — спросил я, встретив инженера на трапе.

— Взрыв на корабле, в машинном отделении.

— Где?! Надо выяснить!

Эту фразу я прокричал взволнованно и быстро. Теперь бомбы рвались одна за другой. Сейчас поднимется паника. Тут-то мне самое время улизнуть с базы. Потому что они быстро поймут, что на всех кораблях взрывы произошли в одном и том же месте — в машинном отделении; то есть именно там, где совсем недавно побывал Край — вот что самое удивительное. Заподозрят его, конечно, не сразу, но поговорить со мной многие захотят немедленно. Надо уносить ноги. Стараясь не привлекать внимания, я быстро зашагал к своей машине.

И увидел там двоих из военной полиции. Они держали под руки полусонного Гамаля.

— Это ваша машина, сэр? — спросил один из них.

— Конечно. А в чем дело?

— Мы заметили в кузове этого типа. Он что-то бормотал, и мы сначала подумали, что он пьян. А когда прислушались, то поняли, что говорит-то он не по-нашему. Очень похоже на местный язык. Вы его знаете?

Я не колебался ни секунды. Война есть война, а на войне солдаты иногда гибнут.

— Никогда не видел.

Гамаль услышал мой голос и поднял голову. Нервы у него были ни к черту, а вот здоровьем бог не обидел, даже газ ему оказался нипочем. Он уцепился за меня и заорал:

— Спасите меня, они меня убьют, вытащите меня отсюда, я сюда по ошибке попал...

— Что он говорит? — спросил полицейский.

— Понятия не имею — мне сдается, что это один из диверсантов.

Время шло. Когда они вспомнят про Края?

— Посадите его в машину, вы поедете со мной. Я заставлю его говорить по-человечески.

Пока они возились, я завел двигатель и рванул. Они даже сесть не успели и повалились в кузове. Нисколько не скрываясь, я поехал к воротам.

На дороге стоял офицер. Он высоко поднял руку, приказывая остановиться. Пришлось в последнюю секунду затормозить.

— Выезд запрещен. База закрыта.

Лицо у него было решительное, злое, взгляд колючий, как и у меня.

— Я проеду, а вы придержите свои приказы для других.

— Мне приказано никого не выпускать. Никого.

— Я задержал диверсанта и везу его в Октагон на допрос. Ваше рвение похвально, капитан, но приказы здесь отдаю я.

— Я не могу вас пропустить.

Одно из двух — или он непроходимо туп, или уже получил приказ меня задержать. Разбираться было некогда. Я увидел, что один из охранников говорил по телефону, и это мне не понравилось. Пришлось вытащить пистолет.

— Отойдите, или я вас пристрелю, — спокойно потребовал я.

Он потянулся за винтовкой — и замер, в его глазах мелькнул страх. Очень неохотно капитан шагнул в сторону — я нажал на газ. Из караулки выскочил солдат. Он показывал на машину и что-то кричал. Но что именно — мне не удалось расслышать. Мне оглядываться было некогда — а вот полицейские, те наверняка оглянулись. Я увидел в зеркало, как они переговариваются, не ровен час, еще пистолеты достанут. Рисковать нельзя. Свернув за угол, я бросил в кузов гранату, затем остановил машину, чтобы выгрузить спящих красавцев.

Гамаль теперь крепко спал, везет же людям! Я громко зевнул и погнал машину.

Глава 21

— Рассказывай, ди Гриз, и постарайся ничего не пропускать.

Инскипп был в своем обычном настроении — рычал, фыркал, метался по кают-компании.

— Сначала скажите, как там мои детишки, сынки мои как? Ведь *я еще их не видел, как они там?*

— В самом деле, как дети? — поддержала меня Анжелина, удобно откинувшись в кресле.

Инскипп заворчал, но деваться ему было некуда.

— Прекрасно. Толстеют. Такие обжоры — все в папу. Скоро сам увидишь. Ну хватит об этом. Мне пришлось лететь черт знает за сколько световых лет, потому что операция застряла на месте. И что я вижу? Мои агенты покинули планету и спокойненько поджидают меня на орбите! Хотя упомянутая планета стонет под железной пятой Клианды. Объяснитесь.

— Мы победили.

— Это не шутки, ди Гриз. Я могу вас расстрелять.

— Вы меня не тронете. Слишком много в меня вложили. Я серьезно говорю. Мы победили. Стонущая под железной пятой Бурада пока об этом не знает. И клиандцы пока не знают. Это известно только нескольким посвященным — то есть нам.

— Но не мне. Давай выкладывай, и побыстрее.

— Позвольте сначала небольшое представление. Анжелина, радость моя, игрушка у тебя с собой?

Она, не вставая, открыла ящик и протянула мне Штучку. Штучка была гладкая, черная, размером с кулак. С каждого конца у нее было по нескольку небольших отверстий, а на одном конце поблескивали крохотные линзы. Я показал Штучку Инскиппу. Он с подозрением посмотрел на нее.

— Знаете, что это такое?

— Нет. И, сказать по правде, знать не хочу.

— Это памятник на будущей могиле милитаристских устремлений Клианды. Какого типа ваш корабль?

— Легкий штурмовик класса «Гнэшер». А к чему все это?

— Терпение — и вы поймете, что к чему.

Анжелина подала мне пульт управления. Я насадил Штучку на торчавшую из него антенну. Затем набрал на пульте код штурмовика класса «Гнэшер» и вынес Штучку в коридор, поближе к главному шлюзу. Анжелина тащила следом упирающегося Инскиппа.

— Представьте себе, — сказал я, — что наш корабль находится на земле и шлюз открыт. Любой шлюз рано или поздно открывается, а Штучка только этого и ждет. Как ждет этого и оператор, находящийся на расстоянии до трех километров от корабля. Как только шлюз открывается, он запускает Штучку. Она влетает в люк и...

Я нажал кнопку ПУСК, и Штучка стартовала. Посвистывая крохотными дюзами, она устремилась вперед, словно странный колибри, вниз по коридору, по направлению к корме.

— За ней! — крикнул я и побежал.

Мы догнали ее двумя палубами ниже, где путь ей преградила закрытая дверь, — но преградила лишь на время. Термический резак быстро прожег отверстие, и Штучка полетела дальше. Когда мы добежали до машинного отделения, она уже до половины прогрызла толстую дверь. Внутрь мы ворвались все вместе. Штучка с неуловимой быстротой облетела помещение кругом и резко нырнула прямо под главный генератор, где взорвалась, выпустив облачко черного дыма.

— Это безобидный дымовой заряд, — пояснил я. — В случае боевых действий аппарат снабжается зарядом взрывчатки, достаточным для того, чтобы вывести из строя главный генератор, но не причинять излишних разрушений. Очень гуманное оружие.

— Да ты рехнулся, ди Гриз.

— Не я. А не в меру развоевавшиеся клиандцы вместе с серыми парнями. Пойдемте выпьем, и я расскажу, как можно побыстрее с ними покончить.

Уютно устроившись в кресле и как следует промочив горло, я пустился в объяснения:

— Я лично вывел из строя главные генераторы на девяти клиандских кораблях, чтобы убедиться в том, что для такой операции нет никаких технических препятствий. Корабли клиандцев похожи на любые другие корабли, разве что они в большей степени стандартизованы, что сильно облегчает нашу задачу. Штучка создана именно для таких операций. Оператор занимает наблюдательный пост неподалеку от космопорта и следит за клиандскими кораблями с помощью бинокля. Когда на выбранном корабле открывается шлюз, Штучка стартует. Оператор только задает цель и определяет момент пуска. Дальше Штучка управляется микрокомпьютером, в память которого заложены данные о конструкции кораблей различных типов. Она проникает в машинное отделение и взрывает главный генератор. Тут-то клиандцам и конец.

— Генератору конец, — съязвил Инскипп, — но они его заменят — и порядок.

— Не порядок. Генератор заменить не так-то просто. Их выпускают всего несколько заводов в Галактике. Большинство планет просто покупает их у производителей. Я думаю, что на Клианде есть только один завод, но его легко обнаружить и уничтожить прямо из космоса.

— Но у них наверняка есть резервные склады.

— Резерв не безграничен, склады опустеют очень быстро. Кроме того, мы внедрим агентов на все захваченные клиандцами планеты и уничтожим генераторы на всех существующих на данное время кораблях: грузовых, транспортных, военных. Получить генераторы на других планетах они не смогут, — для этого Корпус введет эмбарго на всех дружественных нам планетах. Империя неминуемо рухнет.

— Это почему?

— Шевелите мозгами, Инскипп, если они у вас еще не совсем усохли. Анжелина открыла мне глаза. Империя клиандцев, чтобы выжить, должна непрерывно расширяться. Для того чтобы продолжать войну, им не хватит ресурсов собственной планеты. Поэтому они вынуждены захватывать все новые и новые. Но теперь это станет невозможно. Да, у них есть и планеты, и ресурсы — но что толку, если отсутствует транспорт? Наступление провалится из-за отсутствия кораблей и превратится в отступление. В конце концов им придется убраться на Клианду. Любая планета может выжить, опираясь исключительно на собственные ресурсы. А империя — нет. В течение года Клианда превратится в обычную захолустную планету, по которой будут разгуливать безработные парни в военной форме. Все встанет на свои места, возобновится нормальная торговля. Самое большее — через год. Ну, что скажете?

— Я думаю, что все так и будет и что я не зря на тебя рассчитывал.

Он расплылся в улыбке, я подмигнул Анжелине, и мы дружно выпили.

Глава 22

Мы уже стояли в шлюзе, готовые сойти с корабля, когда появился посыльный и вручил мне псиграмму. Анжелина бросила на нее сердитый взгляд.

— Если Инскипп опять хочет поломать наш отпуск, то лучше порви...

— Не волнуйся, — успокоил я ее, — нашему отпуску ничто не угрожает. Это от Тазе...

— Если эта грудастая девка не прекратит тебя преследовать, то у нее будут неприятности.

— Успокойся, дорогая. Это официальное сообщение. Результаты первых выборов после освобождения. Партия Консолослук получила отставку, девушки опять у власти. Тазе теперь занимает пост военного министра. Я думаю, что теперь эту планету будет нелегко завоевать. Тут еще сообщается, что мы награждены орденами Голубых гор первой степени. Официальная церемония вручения состоится при первом же нашем визите на Бураду.

— Но не думай, что ты полетишь туда один, Скользкий Джим.

Я тяжело вздохнул. Тут массивный люк откинулся, и вместе с порывом ветра в него ворвались бодрые звуки военного марша. В чистом голубом небе бежали белые облачка, коптер волочил огромный транспарант с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!».

— Очень мило, — заметил я.

— Гыр-гыр, — отозвался Боливар, а может быть, Джеймс. Различить их было очень трудно, а мое предложение — нарисовать одному на лбу букву «Б», а другому «Д» — Анжелина категорически отвергла. По крайней мере, на время. Склонившись над робоколяской, она поправляла одеяльца и всячески хлопотала над крохами. Но только мне было известно, что за поясом у нее пистолет, а в пеленках припрятан нож. Моя Анжелина настоящая тигрица-мать — когти у нее всегда наготове. Горе тому, кто осмелится поднять руку на детей ди Гриза!

— Это лучше, чем обычный дребезжащий эскалатор, — заметил я, указывая на платформу снаружи.

Украшенная флагами, до блеска надраенная платформа превратилась в роскошный пассажирский лифт. На ней свободно разместились все пассажиры вместе с оркестром. Который весело наяривал разудалый марш. Мы ступили на платформу, робоколяска выкатилась следом. Джеймс — или Боливар? — попытался было вылезти наружу, но мягкое щупальце уложило его на подушки.

— Выглядит совсем неплохо, — сказала Анжелина. — Не понимаю, чем ты недоволен.

— В прошлый раз прием был не столь радушен. А как тебе это нравится? — Я указал на ряды заброшенных, покрытых потеками ржавчины кораблей.

— Очень мило, — даже не оглянувшись, похвалила она, поправляя на малютке одеяло.

Как и все молодые папаши, я немного ревновал ее к детям и уже мечтал отправиться на новое совместное задание, чтобы хоть на время оказаться в центре ее внимания. Брачные узы меня уже не тяготили совершенно, более того, я, как добрый конь, полюбил свою узду.

— А это не опасно? — спросила Анжелина, когда мы ступили на землю и почетный караул бодро отдал честь. Тут было не меньше тысячи солдат, и у каждого — винтовка.

— Все оружие выведено из строя по условиям договора.

— А доверять им можно?

— Конечно. Что-что, а приказы выполнять они умеют.

Продвигаясь между застывшими рядами нарядных солдат, мы направились к зданию космопорта.

— Я сейчас тебе покажу, — произнес я и подвел ее к ближайшему солдату.

Это был настоящий вояка — высокий, подтянутый, со стальным взглядом и мужественным лицом.

— Напра-во! — рявкнул я командирским голосом.

Он быстро и четко исполнил приказ. Седой, заслуженный ветеран.

— Проверка... Открыть затвор!

Он опустил винтовку, открыл затвор и протянул мне оружие. Я взял винтовку и заглянул в казенник. Чисто. Потом поднял ствол вверх и увидел только черноту.

— Ствол чем-то забит.

— Так точно, сэр, приказ.

— Что там?

— Свинец, сэр. Сам заливал.

— Прекрасная винтовка. Держите, рядовой! — Я бросил винтовку, и он ловко поймал ее на лету. Что-то в нем привлекло мое внимание. — Мы не знакомы, рядовой?

— Возможно, сэр. Я служил на многих планетах. У меня был чин полковника.

В его глазах мелькнул какой-то блеск и тут же пропал. Конечно. Я не узнал его без бороды. Это был тот самый полковник, которого Край приставил ко мне и который пытался меня пристрелить после высадки на Бураду.

— Я его знаю. Когда-то у него был высокий чин, — сказал я Анжелине, когда мы отошли.

— Теперь у военных с работой трудно. Он, должно быть, рад, что есть хоть такая служба. Просто удивительно, как все переменилось.

— Но у них не было выбора. Когда империя рухнула, им пришлось вернуться на Клианду, и сразу выяснилось, что минеральные и энергетические ресурсы практически исчерпаны за годы правления военных. Надо было либо поднимать сельское хозяйство — либо голодать. Но похоже, что с этой проблемой они справились. Люди в сером покинули планету. Отправились искать приключений в других краях. Когда-нибудь мы обнаружим их.

— Страшные люди. Вот где пригодилась бы хорошая бомба.

— Полегче при детях. — Я похлопал ее по плечу. — Не заставляй их думать плохо о собственной матери.

— Они все прекрасно понимают. Не нравятся мне эти бывшие вояки.

— И не надо. У нас здесь достаточно агентов, чтобы полностью контролировать ситуацию. Так что все в порядке.

Анжелина недоверчиво фыркнула.

— Интересно, какой умник выдумал это турне?

— Я. Каюсь, виноват. И не смотри так на меня. Туризм даст им рабочие места и принесет деньги. К тому же эта сфера бизнеса не требует материальных ресурсов. Горные лыжи, купание... К тому же планета вызывает жгучий интерес у туристов из когда-то покоренных миров. Вот увидишь, клиандцы в этой области преуспеют.

Толпа носильщиков расхватала наш багаж. Да, многое здесь переменилось. Люди, несомненно, изменились в лучшую сторону. Не думаю, чтобы они были воинственными изначально, от природы. Как и в старые времена, я предпочел остановиться в отеле «Злато-Злато», он оставался лучшим в городе. Манеры швейцара сильно улучшились с тех пор, а портье даже склонился в приветливом поклоне.

— Добро пожаловать на Клианду, господин генерал, госпожа ди Гриз. Надеюсь, вам у нас понравится.

Титул всегда облегчает жизнь путешественника, особенно на этой планете. Я окинул взглядом холл и уставился на портье.

— Остров! Ты ли это?! — воскликнул я.

Он поклонился.

— Да, я Остров, к вашим услугам, сэр. Боюсь, однако, что вы меня знаете лучше, чем я вас.

— Извини. Конечно, не мог же ты узнать меня с этим лицом. Последний раз я с тобой разговаривал под видом Края, а еще раньше ты знал меня как Ваську Хулья.

— Васька — неужели? Да, похож, и голос тот же. — Его голос неожиданно дрогнул. — Надеюсь, ты меня простишь за нашу последнюю встречу? Я тогда очень переживал, что помог Краю схватить тебя, и был рад, когда узнал, что тебе удалось бежать. Я знал, что ты шпион, но...

— Ни слова больше. Все давно в прошлом. Я предпочитаю вспоминать о тебе как о выдающемся собутыльнике.

— Очень благородно с твоей стороны. Позволь мне пожать твою руку.

Пожав ему руку, я с любопытством посмотрел на него.

— Ты изменился, но тебе это к лицу. Потолстел, завел манеры.

— Спасибо, Васька. Пить я бросил, сижу на диете. Слава богу, что не надо больше летать на этих жутких кораблях. Наша семья всегда служила при гостиницах. Традиция своего рода. Приятно было вновь заняться привычным делом. И место неплохое, как видишь. Хорошего портье сейчас найти трудно. Распишись вот тут. — Он продолжал, понизив голос: — Ты меня прости, но я должен тебя предупредить. Не оборачивайся. У нас давно живет один человек, по-моему, он из команды Края. Весь персонал мне задергал. Я никак не мог понять, что ему тут надо. Похоже, он здесь по твою душу. Надеюсь, ты вооружен. Он сейчас подходит сзади, чуть справа, пиджак цвета сливы и шляпа в желтую полоску.

Я был в отпуске — и без оружия. Впервые за долгое время — последний раз в жизни. Тут я вспомнил об Анжелине — она как раз наклонилась над робоколяской.

— Не хотелось бы отвлекать тебя, дорогая, — с улыбкой произнес я, чувствуя, как мурашки побежали по телу, — но сзади сейчас подходит человек в фиолетовом пиджаке, это убийца. Займись им, пожалуйста, но, если можно, — сделай так, чтобы он остался в живых.

— Очень милая просьба! — Улыбнувшись, она похлопала по куче пеленок.

Я отошел к конторке, поглядывая на нее. Очаровательно улыбаясь, она беззаботно поправляла волосы. И теряла время. Я уже было хотел раскрыть рот и подать голос — но тут ее рука дернулась вниз. За моей спиной послышался сдавленный стон. Я резко обернулся.

Все было кончено. Фиолетовый пиджак потерял свою полосатую шляпу. Он судорожно сжимал правую руку, в которой торчал нож, — пистолет валялся на полу. Рядом появилась Анжелина, резко ударила его по шее и мягко опустила бесчувственное тело на пол.

— Ничего себе отпуск, — фыркнула она, но я знал, что приключение ей понравилось.

— Ну, дорогая, тебе за это медаль дадут. Корпус займется этим парнем, и мы наконец узнаем, где находится их планета.

Я обернулся к Острову.

— Огромное спасибо, ты спас мне жизнь.

— Не за что, сэр. Заботиться о клиентах — наш долг. Разрешите, я провожу вас в номер?

— Конечно, и не забудь про выпивку. Не составишь ли нам компанию?

— Ладно, в последний раз, коль такой случай. Должен заметить, вы счастливый человек — у вас прекрасная жена, она так о вас заботится.

— Я как-нибудь расскажу, как мы с ней познакомились.

Я с нежностью посмотрел, как Анжелина вытирает нож о рубашку бесчувственного парня и прячет в пеленки. Да, когда дети подрастут, им будет с кого брать пример.

Каждый мальчишка мог бы мечтать о такой матери.

Стальная Крыса спасает мир

Глава 1

— Ты мошенник, Джеймс Боливар ди Гриз, — прорычал Инскипп, злобно потрясая передо мной пачкой бумаг.

Я прислонился к шкафу в его кабинете, изображая оскорбленную добродетель.

— Я невиновен, — прорыдал я. — Я жертва целенаправленной, холодной, расчетливой лжи.

За спиной у меня был его сигарный ящик, и я ощупью, будучи большим специалистом в этом деле, исследовал замок.

— Хищение, обман, и что хуже всего — рапорты продолжают поступать. Ты обманывал собственную организацию, свой Специальный Корпус, своих же товарищей...

— Никогда! — вскричал я, незаметно работая отмычкой.

— Не зря же тебя прозвали Скользкий Джим!

— Недоразумение! Это просто детское прозвище. Мама считала, что я очень скользкий, когда намыливала меня в ванночке.

Ящик раскрылся, и нос мой задергался от аромата пахучих листьев.

— Знаешь, сколько ты украл? — Инскипп уже весь побагровел и выпучил глаза.

— Я? Украл? Да я бы скорее умер! — с пафосом продекламировал я, извлекая пригоршню невероятно дорогих сигар, предназначенных для начальства. Я найду им лучшее применение — выкурю сам.

Должен сознаться, мое внимание больше было сосредоточено на похищаемых табачных изделиях, чем на нудных обличениях Инскиппа, поэтому я не сразу заметил перемену в его голосе, но вдруг сообразил, что едва слышу его, — впрочем, это и к лучшему. Не то чтобы он заговорил шепотом — казалось, будто у него в глотке регулятор громкости и кто-то резко убавил звук.

— Продолжайте же, Инскипп, — твердо сказал я. — Или вас вдруг охватило чувство вины за эти ложные обвинения?

Я отошел от шкафа боком, чтобы скрыть движение, которым погружал в карман кредиток на сто экзотических сигар. Инскипп,

игнорируя меня, продолжал тихо бубнить, теперь уже беззвучно потрясая бумагами.

— Вам нехорошо? — спросил я с почти искренним сочувствием — он что-то совсем сдал.

Не повернув головы вслед за мной, он продолжал смотреть на то место, где я только что стоял, и все шевелил губами. И очень побледнел. Я моргнул и снова посмотрел на него.

Он не побледнел — он стал прозрачным.

Сквозь его голову начала явственно просвечивать спинка стула.

— Прекратите! — закричал я, но он, похоже, не услышал. — Что это еще за игры? Хотите надуть меня с помощью трехмерной проекции? Зря стараетесь! Скользкий Джим не из тех, кого надувают, ха-ха!

Быстро пройдя через комнату, я протянул руку и ткнул указательным пальцем ему в лоб. Палец прошел внутрь с легким сопротивлением, причем Инскипп как будто ничего не имел против. Как только я отдернул руку, раздался легкий хлопок, и он исчез без следа, а бумаги, которые некому стало держать, упали на стол.

— Ого! — не слишком осмысленно выдавил я и наклонился, чтобы поискать под стулом скрытую аппаратуру.

И тут с отвратительным треском взломали дверь кабинета.

Ну, в этом-то я разбираюсь. Я крутанулся, все еще полусогнутый, и приготовился встретить первого, кто войдет.

Твердым ребром ладони я угодил ему в горло, как раз под противогаз. Он забулькал и упал. Но за ним вломилось много народу, все в противогазах, в белых халатах, с черными ящичками за спиной, некоторые — с импровизированными дубинками. Очень все странно. Под их натиском я отступил, но успел съездить одному ногой в челюсть, а мощным ударом в солнечное сплетение свалил другого. Потом меня приперли к стенке. Я стукнул еще одного по затылку, он упал. И исчез, не долетев до пола.

Занятно! Число нападающих теперь стало быстро уменьшаться, поскольку те, кого я бил, пропадали. Наши шансы сравнялись бы, если бы как из-под земли не возникали другие люди в том же количестве. Я пробивался к двери, мне это не удавалось. Получил дубинкой по голове — дали, так сказать, по мозгам.

После этого я дрался, как в замедленной съемке. Ударил еще одного, но как-то без вдохновения. Меня схватили за руки и за ноги и потащили из комнаты. Для порядка я извивался и проклинал их на полдюжине языков, но результат, сами понимаете, был никакой. Меня вынесли и поволокли по коридору в стоявший наготове лифт. Один из нападающих взял коробку своего противогаза и, как я ни отворачивался, пустил струю газа мне в лицо. Я ничего не по-

чувствовал, но меня охватила злоба. Я брыкался, скрипел зубами и выкрикивал оскорбления. Люди в масках бубнили что-то в ответ — раздраженно, как мне казалось, и это только усиливало мое бешенство. Когда мы достигли места назначения, я был готов убивать — а меня нелегко довести до этого. И убивал бы, но меня привязали к электрическому стулу и прикрепили электроды к запястьям и лодыжкам.

— Скажите им, что Джим ди Гриз умер как мужчина, собаки! — крикнул я.

На голову мне опустили металлический шлем, но, пока он не закрыл лица, я успел прокричать:

— Да здравствует Специальный Корпус! Да здравствует...

Стало темно, и я понял, что сейчас последует электрошок, разрушение мозга, смерть.

Однако ничего не случилось, шлем сняли, кто-то снова пустил мне в лицо газ из баллона, и я почувствовал, что одолевавший меня гнев проходит так же быстро, как и пришел. Я поморгал и увидел, что руки и ноги свободны. Тут почти все сняли маски, и я узнал в них ученых и лаборантов Корпуса, работающих в этой самой лаборатории.

— Не соизволит ли кто-нибудь объяснить мне, что здесь происходит?

— Сначала закончим с одним делом, — сказал один из них, седой, с пожелтевшими зубами.

Он повесил мне на плечо черный ящичек и вытянул из него провод с металлическим диском на конце. Диск он прикрепил мне к затылку.

— Вы профессор Койпу, верно?

— Да. — Зубы двигались вверх-вниз, как клавиши фортепиано.

— Вы не сочтете меня грубым, если я попрошу объяснений?

— Вовсе нет. Это естественно в данных обстоятельствах. Очень жаль, что вынуждены были так с вами обойтись. Единственный способ вывести вас из себя и держать в таком состоянии. Человек, одержимый злостью, сосредоточен только на себе и за счет этого выживает. Если бы мы взывали к вашему рассудку, начали бы вам что-то объяснять, то навредили бы сами себе. Вот мы вас и атаковали. Угостили вас газом гнева, и сами им надышались. Единственный выход. О черт, теперь Магистеро. Даже здесь начинается.

Человек в белом халате засветился, стал прозрачным и исчез.

— Так же исчез Инскипп, — сказал я.

— Следовало ожидать. Одним из первых.

— Почему? — глупо улыбаясь, спросил я. В жизни не вел более идиотской беседы.

— Взялись за Корпус. Сначала убирают руководство.

— Кто?

— Не знаю.

Я скрипнул зубами, но сдержался.

— Не будете ли вы так любезны объяснить более подробно — или найти кого-нибудь потолковее.

— Прошу прощения. — Он промокнул пот со лба и облизнул сухие губы. — Видите ли, все произошло так быстро. И меры пришлось принимать экстренно. Война времен, если можно так выразиться. Кто-то где-то когда-то вмешался в ход времени. Естественно, первой мишенью они должны были избрать Специальный Корпус, независимо от того, какие у них еще цели. Поскольку Корпус — это самая эффективная, всеохватывающая, межнациональная и межпланетная правовая организация в истории Галактики, мы автоматически становимся главным препятствием на их пути. Рано или поздно, каковы бы ни были их честолюбивые планы относительно времени, они столкнутся с Корпусом. Поэтому они решили первым делом покончить с нами. Если убрать Инскиппа и других руководителей, вероятность функционирования Корпуса уменьшается, и все мы испаримся, как бедный Магистеро.

Я заморгал.

— А нельзя ли немного выпить?

— Прекрасная идея, присоединяюсь к вам.

Автомат наливал мерзкую зеленую жидкость по своему вкусу, но я, покрутив диск, заказал двойной Пот Сирианской Пантеры и больше половины вытянул одним глотком. Этот жуткий напиток, из-за своего гнусного воздействия на организм запрещенный в большинстве цивилизованных миров, в тот момент пошел мне только на пользу. Я допил стакан, и внезапное воспоминание выскочило из запутанных дебрей моего подсознания.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но не вы ли читали как-то лекцию о невозможности путешествий во времени?

— Конечно. Моя специальность. Дымовая завеса, так сказать. Для нас-то они давно возможны. Однако боялись использовать. Меняются линии времени и все такое. Именно это сейчас и происходит. Но у нас был долгосрочный план исследований. Потому-то мы и поняли, в чем дело, когда все началось. Поднялась тревога, а мы не успели никого предупредить. Да и что толку предупреждать? Мы знали, в чем состоит наш долг. Добавьте и то, что мы — единственные, кто может хоть что-нибудь сделать. Мы поставили аварийный фиксатор времени, вокруг лаборатории создали небольшие портативные приборы — один из них сейчас на вас.

— Как он действует? — спросил я, осторожно касаясь металлического диска у себя на затылке.

— Это запись вашей памяти, которая подается в мозг каждые три миллисекунды. Напоминает, так сказать, что вы — это вы, корректирует все изменения личности, которые могут вызвать нарушение временных линий в прошлом. Чисто защитное устройство, но это все, что у нас есть.

Краем глаза я увидел, как еще один человек испарился, и профессор помрачнел.

— Мы должны перейти в наступление, если хотим спасти Корпус.

— В наступление? Каким образом?

— Послать кого-нибудь в прошлое, чтобы обнаружить силы, ведущие войну времени, и уничтожить их, прежде чем они уничтожат нас. У нас есть такая машина.

— Иду добровольцем. Похоже, эта работа как раз по мне.

— Пути назад не будет. Это экспедиция только в один конец.

— Снимаю последнее заявление. Мне и тут хорошо.

Тут я кое-что вспомнил — информация, несомненно, была подана в мозг три миллисекунды назад — и укол страха послал в кровь порцию различных химических веществ.

— Анжелина, моя Анжелина! Я должен поговорить с ней.

— Она не одна на свете!

— Для меня она одна, профессор. И уйдите с дороги, чтобы я вас не зашиб.

Он отступил, хмурясь, бормоча что-то и постукивая ногтями по зубам, а я набрал номер видеофона. Аппарат дважды прогудел, и несколько секунд до ее ответа ползли, как улитки.

— Ты здесь! — выдохнул я.

— А где же мне быть? — Морщинка меж бровей омрачила ее классические черты, и она потянула носом, будто чуяла через экран запах спиртного. — Ты пил, да еще в такую рань.

— Только глоточек, но звоню не поэтому. Как ты там? Выглядишь ты здорово, отлично, совсем не прозрачная.

— Глоточек? Больше похоже, что целая бутылка.

В голосе появился металл, что напомнило о прежней, непреображенной Анжелине, самой жестокой и беспощадной преступнице во всей Галактике до того, как медики Корпуса промыли ей мозги.

— Предлагаю прервать этот разговор. Прими отрезвляющую таблетку и позвони, когда придешь в себя.

Она положила руку на кнопку отбоя.

— Нет! Я трезв как стеклышко и вовсе этому не рад. Очень срочно, красная кнопка, готовность номер один. Приезжай сюда как можно быстрее и привези близнецов.

— Конечно. — Она вскочила. — Где ты?

— Адрес лаборатории, быстро! — повернулся я к профессору Койпу.

— Уровень 112. Комната 30.

— Ты поняла? — спросил я, поворачиваясь к экрану.

Экран был пуст.

— Анжелина...

Я застучал по клавишам, снова набирая номер. Экран зажегся. На нем была надпись: «Номер отключен». Тогда я кинулся к двери. Кто-то сгреб меня за плечо, я отпихнул его, схватился за ручку и распахнул дверь.

Снаружи ничего не было. Бесформенное, бесцветное ничто, и что-то случилось с моей головой, когда я взглянул на это. Потом ручку освободили из моих пальцев, дверь захлопнули, и Койпу прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Лицо его исказилось от того же непреодолимого чувства, что испытывал и я.

— Все пропало, — хрипло сказал он. — Коридор, вся станция, все здание, все. Осталась только эта лаборатория, ее держит фиксатор времени. Специального Корпуса больше не существует: никто в Галактике и не вспомнит о нас. Когда фиксатор времени перестанет действовать, уйдем и мы.

— Анжелина — где она, где они все?

— Они никогда не рождались, никогда не существовали.

— Но я же помню ее, помню их всех.

— Вот на это мы и рассчитываем. Пока хоть один живой человек помнит нас, помнит Корпус, у нас есть микроскопический шанс впоследствии возродиться. Кто-то должен остановить атаку из времени. Не ради Корпуса, так ради цивилизации. История сейчас переписывается. Но не навеки, если мы сможем нанести ответный удар.

Путешествие в один конец. Жизнь в чужом мире, в чужом времени. Тот, кто решится на это, станет самым одиноким из людей, заброшенным за тысячи лет до рождения своих родных и близких.

— Готовьтесь, — сказал я. — Я пойду.

Глава 2

— Сначала нужно выяснить, куда вы направитесь. Место и время.

Профессор Койпу расхаживал по лаборатории, я за ним, не в лучшем состоянии духа. Он бубнил над табуляграммами компьютера, которые вываливались из печатного устройства на пол.

— Нужна точность, большая точность, — сказал он. — Мы произвели разведку в направлении, обратном ходу времени, идя по следам искажений. Планету мы определили. Теперь надо попасть в нужную точку времени. Если опоздаете, они могут уже закончить свою работу. Прибудете слишком рано — можете умереть от старости, прежде чем эти демоны родятся на свет.

— Прелестная перспектива. А что за планета?

— Название странное. Названия, скорее. «Грязь» или «Земля»... Что-то в этом роде. Считается легендарной колыбелью всего человечества.

— Еще одна? Никогда о ней не слышал.

— И вряд ли могли слышать. Уничтожена атомными войнами много веков тому назад. Итак: мы забросим вас в прошлое на 32 598 лет назад. Плюс-минус три месяца, большей точности на таком расстоянии гарантировать не можем.

— Не думаю, чтобы я это заметил. Какой это будет век?

— Это задолго до начала современного летосчисления. По примитивным календарям туземцев того времени — 1975 год от Рождества Христова.

— Не такие уж они туземцы, если фокусничают с временем.

— Скорее всего, это вовсе не они. Есть вероятность, что люди, которых вы будете искать, просто действуют в том периоде.

— Как я найду их?

— С помощью этого прибора. — Один из ассистентов протянул мне черную коробочку, на которой были разные шкалы и кнопки, а под прозрачным колпачком свободно плавала стрелка. Она дрожала, как охотничья собака, и указывала все время одно направление, сколько я ни вертел коробочку.

— Детектор генератора темпоральной энергии, — сказал Койпу. — Менее чувствительный, портативный вариант наших больших приборов. В данный момент указывает на нашу спираль времени. Прибыв на планету Грязь, вы воспользуетесь им для поиска тех, кто вам нужен. А это шкала напряжения поля, по ней определите примерное расстояние до источника энергии.

Я посмотрел на приборчик, и у меня в голове закопошилась одна мыслишка.

— Раз я беру прибор, значит, могу взять и другое снаряжение?

— Верно. Маленькие предметы, которые можно унести с собой.

Поле времени создает поверхностный заряд, подобный статическому электричеству.

— Тогда я возьму все оружие, какое только есть в лаборатории.

— Его здесь немного и все небольших размеров.

— В таком случае я сам его сделаю. Нет ли у вас здесь специалистов по оружию?

Он осмотрелся и задумался.

— Старый Ярл работал в оружейном отделе. Но делать сейчас оружие нет времени.

— Я не то имел в виду. Давайте его сюда.

Старый Ярл недавно прошел процедуру омолаживания и выглядел как бойкий девятнадцатилетний юнец, но, подойдя ближе, глянул подозрительно, по-стариковски.

— Вот что мне нужно, — указал я на блок памяти у него за спиной.

Он отшатнулся, вцепившись в свое сокровище.

— Это мое, говорю вам, мое! Не дам, и не просите, это нечестно. Без него я просто растаю. — Слезы старческой жалости к себе заволокли его молодые глаза.

— Держи себя в руках, Ярл! Вовсе я не хочу, чтобы ты таял, мне нужен только дубликат твоей памяти. Давай-ка мигом.

Он зашаркал прочь, бурча под нос, за ним последовали техники.

— Не понимаю, — сказал Койпу.

— Очень просто. Раз я воюю с большой организацией, мне может понадобиться тяжелое оружие. А как понадобится, я подключу старого Ярла к своему мозгу и, пользуясь его памятью, изготовлю оружие.

— Но он же станет вами, займет ваше тело — этого никто раньше не делал.

— А теперь сделаем. Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер. Переходим к другому важному моменту. Вы сказали, что путешествие будет в один конец и я не смогу вернуться.

— Да. Спираль времени перебросит вас в прошлое. Там не будет спирали, чтобы вернуть вас.

— Но, создав ее, я смогу вернуться?

— Теоретически. Никто еще не пробовал. У примитивных туземцев может не оказаться нужного оборудования и материалов.

— Значит, если достать материал, то спираль можно построить. Знаете ли вы, кто может это сделать?

— Только я один. Я изобрел спираль, и я сконструировал ее.

— Прекрасно. Мне понадобится и ваша память. Только уж вы, ребята, напишите на ящичках свои имена, чтобы я не перепутал специальности.

К профессору бросились сотрудники.

— Фиксатор времени слабеет! — истерически закричал какой-то инженер. — Когда поле отключится, мы погибнем, и будет так, будто мы никогда не существовали. Этого не может быть!

Один из коллег пустил ему в нос усыпляющий газ, и тот упал.

— Быстрее! — закричал Койпу. — Ведите ди Гриза к спирали времени, готовьте его!

Меня схватили и вытолкали в другую комнату, громко инструктируя друг друга на ходу. И чуть не уронили — двое исчезли одновременно. Большинство голосов звучало истерически — как и следовало при конце света. Только выдержка и опыт удерживали меня самого от общей паники. Пришлось наконец отогнать всех от космического скафандра, куда они пытались меня запихнуть, и самому закрыть его. Кроме меня, только один профессор Койпу сохранял хладнокровие.

— Надевайте шлем, но стекло не опускайте до последней минуты. Чудесно. Вот блоки памяти, предлагаю ножной карман как самое безопасное место. Гравитатор у вас за спиной. Полагаю, вы знаете, как управлять им. Гранаты — на перевязь. Темпоральный детектор сюда...

И так далее. Под конец я еле стоял на ногах, но не жаловался. Если я чего-то не возьму, у меня этого не будет. Пусть вешают.

— Автопереводчик! — закричал я. — Как я буду говорить с туземцами, не зная их языка?

— У нас его нет, — сказал Койпу, сунув мне под мышку контейнер с газовыми баллонами, — зато есть мнемограф.

— У меня от него голова болит.

— С его помощью вы изучите местный язык. В этом кармане...

— Что я буду делать, ведь вы ничего не объяснили? Где высаживаюсь?

— Очень высоко — в стратосфере. Меньше риска столкнуться с чем-нибудь. Мы доставим вас туда. А остальное — ваше дело.

— Смежная комната исчезла! — крикнул кто-то, в ту же минуту с хлопком исчезая сам.

— К спирали времени! — хрипло прокричал Койпу, и меня потащили к дверям, все медленнее и медленнее, поскольку ученые и техники лопались, как воздушные шарики.

Наконец их осталось только четверо, и я, тяжело навьюченный, ковылял, как древний старец.

— Спираль времени, — еле слышно сказал Койпу. — Это столб, колонна чистой энергии, которую свернули в спираль и держали под давлением.

Она была зеленая, светилась и заполняла почти все помещение — скрученная блестящая змея толщиной в мою руку — и что-то мне напоминала.

— Она похожа на большую сжатую пружину.

— Да, возможно. Мы предпочитаем называть ее спиралью времени. Ее сжимали... держали под давлением, тщательно рассчитав его величину. Вас поместят на внешнем конце и отпустят ограничитель. Забросив вас в прошлое, спираль отскочит в будущее, где энергия постепенно рассосется. Вам пора.

Нас осталось только трое.

— Запомните меня, — попросил маленький чернявый техник. — Запомните Чарли Нейта! Пока вы будете меня помнить, я никогда...

Мы с Койпу остались вдвоем, стены таяли, в воздухе темнело.

— Конец спирали! Держитесь за него! — крикнул Койпу.

Его голос ослаб или мне показалось?

Чуть не упав, я дотащился до конца светящейся спирали, протянул к нему руку. Коснувшись его, я ничего не ощутил, но сразу засветился таким же зеленым светом и с трудом видел сквозь него. Профессор стоял у пульта, включая автоматику. Вот он потянулся к большому рубильнику. Опустил его...

Глава 3

Все застыло.

Профессор замер у пульта управления, схватившись за рубильник. Я смотрел в том направлении и лишь поэтому видел его — теперь я мог смотреть только в одну точку. Так же застыло и тело — а мозг панически всколыхнулся и забился в своей костяной коробке, осознав, что дыхание остановилось. Насколько я мог судить, сердце тоже не билось. Что-то шло не так, я был уверен — ведь спираль времени оставалась туго свернутой. Тихая паника усилилась, когда Койпу стал прозрачным, а стены позади него совсем расплылись. Все исчезало, все таяло у меня на глазах. Очередь за мной? Как знать.

Примитивная часть моего существа, унаследованная от обезьяны, брыкалась, выла и металась. И в то же время я испытывал холодный, отстраненный интерес. Не каждому доводилось наблюдать распад своего мира, вися на конце геликоидного силового поля, которое будто бы может зашвырнуть тебя в далекое прошлое. Правда, свою привилегию я бы охотно передал любому, кто пожелает. Но таковых не находилось, и я все висел, выпучив глаза и застыв как статуя, а лаборатория все таяла вокруг меня, пока я не

очутился в межзвездном пространстве. Очевидно, даже астероид, на котором была построена база Специального Корпуса, не оставил следа в этой новой Вселенной.

Началось непонятное движение. Меня тянуло каким-то неописуемым образом в невообразимом направлении. Спираль времени начала раскручиваться. Может быть, она раскручивалась и раньше, но искажение времени не давало мне этого заметить. Некоторые звезды точно двигались все быстрее и быстрее, пока не превратились в размытые точки. Это зрелище не слишком ободряло, и я попытался закрыть глаза, но сковавший меня паралич не позволил. Мимо пролетела звезда, так близко, что я мог видеть ее ядро, и на сетчатке глаза долго сохранялось ее пылающее отражение. Все ускорялось по мере того, как возрастала моя скорость во времени; даже периоды жизни звезд — и те так замелькали, что я не мог за ними уследить, и весь космос превратился в серое пятно. То ли это пятно обладало гипнотическим эффектом, то ли на мозг повлияло движение во времени, но мысли мои совсем спутались, и я впал в состояние между сном и потерей сознания, которое продолжалось очень долго. А может, и недолго, я не уверен. Это могло продолжаться и мгновение, и вечность. Может быть, какой-нибудь уголок мозга и отразил страшное, медленное прохождение всех этих лет. Если так, я не хочу об этом знать. Я всегда стремился выжить. Стальная Крыса в бетонных туннелях общества, я рассчитываю только на себя. Гораздо легче потерпеть неудачу, чем добиться успеха, сойти с ума, чем здраво рассуждать, — нужна вся умственная энергия, чтобы выбрать правильный курс. И я существовал, и сохранял относительно здравый рассудок во время своего безумного путешествия, и ждал событий. После неизмеримого периода времени они начались.

Я прибыл. Конец пути был еще драматичнее, чем начало, — все произошло как-то сразу. Я снова мог двигаться. Я снова мог видеть, и сначала свет ослепил меня — словом, ко мне вернулись все пять чувств, которых я так долго был лишен.

Более того — я падал. Оживший от оцепенения желудок скрутило, а адреналин и прочие вещества, которые мозгу не терпелось впрыснуть в кровь последние 32 598 лет плюс-минус три месяца, наконец поступили, и сердце заколотилось в здоровом волнении. Падая, я развернулся, солнце перестало светить в глаза, и я глянул на черное небо вверху и пушистые белые облака внизу. Она ли это? Грязь, таинственная родина человечества? Ответа не было, но все же определенно приятно находиться в таком-то месте в такое-то время, когда вокруг ничего не растворяется. Все снаряжение, казалось, было при мне. Нажав кнопку на браслете управления, я по-

чувствовал тягу включенного гравитатора. Превосходно. Я выключил его и продолжал свободное падение, пока не ощутил трение скафандра о первые редкие слои атмосферы. Достигнув облаков, я легко, как падающий лист, погрузился ногами вперед в их мокрые объятия и еще замедлил скорость падения — двигался вслепую, отирая влагу, осевшую на лицевом стекле. Потом я вышел из облаков, поставил гравитатор на парение и медленно оглядел этот новый мир, возможную родину человечества и отныне, несомненно, мою родину навеки.

Надо мной висели облака, как мягкий серый потолок. В трех тысячах метров подо мной были деревья и луга, нечетко видные через запотевшее стекло. Рано или поздно надо было испробовать атмосферу, и, надеясь, что мои отдаленные предки дышали не метаном, я приоткрыл лицевое стекло и быстро втянул в себя воздух.

Неплохо. Он был холодный и немного разреженный на такой высоте, но сладкий и свежий. И не убил меня. Я совсем открыл стекло, глубоко дышал и смотрел на мир внизу. С высоты он казался достаточно приятным. Холмистая местность, покрытая деревьями, голубые озера, дороги, пересекающие долины, что-то вроде города на горизонте, извергающего дымовые выбросы. Пока что надо держаться от него как можно дальше. Сначала нужно обосноваться, осмотреться...

До моего сознания дошел звук, похожий на жужжание насекомого. Но на такой высоте насекомых не бывает. Мне бы и раньше пришло это в голову, не будь я занят ландшафтом внизу. Как раз вовремя заметив переход жужжания в рев, я извернулся, чтобы глянуть через плечо. И воззрился на округлый летевший объект, поддерживаемый архаическим пропеллером. В этом прозрачном аппарате сидел человек и в свою очередь пялил глаза на меня. Я нажал «подъем» на браслете и взвился под прикрытие облаков.

Не слишком хорошее начало. Пилот успел ко мне присмотреться — оставалось надеяться, что он не поверил своим глазам. Но он поверил. Должно быть, средства связи того периода были на высоте, а всеобщая паранойя поддерживала боевую готовность, ибо через несколько минут я услышал внизу рокот мощных реактивных двигателей. Машины покружили с воем и ревом, а одна даже поднялась за облака — мелькнула и исчезла серебристая стрела, подняв клубы тумана. Время уходить. Гравитатор не слишком приспособлен для движения по горизонтали, и все же я, плывя в облаках, постарался уйти как можно дальше от этих машин. Не слыша их некоторое время, я рискнул чуть-чуть спуститься. Нигде ничего. Я закрыл стекло скафандра и отключил гравитатор.

Спуск в свободном падении не мог продолжаться долго, но мне он показался очень даже долгим. Меня обуревали нездоровые видения: детекторы щелкали, компьютеры переваривали информацию, механические пальцы указывали, мощные боевые машины со свистом и ревом неслись ко мне. При падении я вращался и все косил глазами — не сверкнет ли где металл.

Но ничего не случилось. Медленно пролетели большие белые птицы, с пронзительными криками изменив курс, когда я пронесся мимо. Внизу голубым зеркалом лежало озеро, и я ненадолго включил двигатель, чтобы направить спуск туда. Если погоня все же начнется, я могу нырнуть под воду и буду вне досягаемости детекторов. Ниже уровня холмов, когда угрожающе близкая вода неслась навстречу, я включил полную тягу, вздрогнул и застонал — так врезались в тело лямки. Гравитатор за спиной неприятно нагрелся, но вспотел я не поэтому. Падать было еще долго, а вода с высоты казалась твердой, как сталь.

Когда я наконец остановился, ноги были в воде. Совсем неплохая посадка. Признаков погони все еще не было, я немного поднялся над водой и заскользил к серому утесу, выступавшему в воду на дальнем конце озера. Воздух был хорош, и все вокруг тихо. Ни голосов, ни шума машин, ни признаков человеческого жилья. Приблизившись к берегу, я услышал шелест листьев на ветру — вот и все. Превосходно. Надо было затаиться, чтобы сориентироваться в обстановке, — это место как раз подойдет. Серая скала подымалась стеной, высокая и неприступная. Я скользил вдоль нее, пока не нашел достаточно широкий выступ, и сел на него. Приятное ощущение.

— Давненько так сидеть не приходилось, — сказал я вслух, чтобы послушать свой собственный, родной голос. «Ага, — подсказало ехидное подсознание, — этак тридцать три тысячи лет». Я опять пал духом, захотелось выпить. Но это было единственное, что я не позаботился захватить с собой, и надо это побыстрее исправить. Отключенный скафандр начал греться на солнце, и я снял его, разложив все снаряжение на камне подальше от края.

Дальше что? В боковом кармане что-то захрустело, и я вытащил горсть неприлично дорогих поломанных сигар. Экая трагедия. Чудом одна из них уцелела, я откусил кончик, закурил и глубоко затянулся. Чудесно! Я курил, свесив ноги с обрыва, и настроение мое постепенно улучшалось. В озере плеснула рыба, на деревьях чирикали птички, а я задумался над дальнейшими действиями. Мне нужно убежище — но пока я буду его искать, возрастут шансы, что меня обнаружат. Почему бы тогда не остаться здесь?

Среди дребедени, которую мне насовали в последнюю минуту, был лабораторный прибор под названием «массер». Тогда я не хотел его брать, но его привесили к поясу, не слушая меня. Теперь я рассмотрел его. Рукоятка с вмонтированным источником энергии переходила в округлый корпус, а тот сужался в копьевидное острие. На этом острие генерировалось любопытное поле, позволяющее концентрировать почти все виды материи путем повышения связующей энергии молекул. Материал сжимался в объеме, хотя, конечно, сохранял свою массу. Некоторые предметы, в зависимости от материала и расходуемой энергии, можно было уменьшить наполовину.

Я дошел до самого края выступа — дальше был обрыв. Вытянув руку, я приставил острие к скале и нажал кнопку. Раздался громкий треск, и спрессованная глыба камня величиной с мой кулак отвалилась от скалы и упала на карниз. Она была тяжелая — будто свинец, а не камень. Сбросив ее в озеро, я прибавил мощность и взялся за работу.

Лиха беда начало, теперь дело пошло быстрее. Я разобрался, как генерировать почти сферическое поле, которое отламывало солидные куски сжатого камня с мою голову величиной. С трудом спихнув пару таких кругляков в озеро и еле удержавшись на карнизе сам, я срезал скалу под углом, а потом стал рыть выше этого ската. Глыбы отламывались сами, скатывались по откосу, описывали короткий полукруг и с шумом плюхались в воду. Временами я прекращал работу, прислушивался и осматривался. Было по-прежнему тихо. Солнце клонилось к горизонту, когда я выкопал славную пещерку, где как раз поместилось мое имущество со мной вместе. Берлога, в которую мне не терпелось заползти. Что я и сделал, слетав прежде к озеру за водой. Концентраты были безвкусные, но сытные, и желудок согласился с тем, что он пообедал, хотя и невкусно. При появлении первых звезд я планировал следующий шаг завоевания Грязи, или Земли, или как ее там.

Мое странствие было, должно быть, утомительнее, чем казалось, потому что, когда я проснулся, небо было черно, а на горах сидела полная оранжевая луна. Моя нижняя часть замерзла от сидения на холодном камне, и весь я застыл, оттого что спал скрюченный.

— Ну, могущественный творец истории, — сказал я со стоном, ибо мускулы ныли, а суставы хрустели. — Вылезай и берись за дело.

Вот именно, за дело. Действие вызовет противодействие. Пока я сижу здесь в берлоге, все мои планы бесполезны, ведь нет фактов, на которые можно опереться. Я еще не знал даже, тот ли это мир,

то ли время — ничего не знал. Надо выбираться отсюда и живей поворачиваться. Хотя бы одно, что я мог и должен был сделать сразу же, как прибыл. Бормоча проклятия в собственный адрес, я перерыл весь хлам, что притащил с собой, и вытащил черную коробочку — детектор генератора темпоральной энергии. Осветил его маленьким фонариком, и сердце ухнуло до самого желудка — стрелка плавала свободно, никуда не указывала. Никто не искажал время в этом мире.

— Вот дурак-то, — громко воскликнул я, ободрясь от звука самого родного мне голоса. — Эта штучка будет работать гораздо лучше, если ее включить.

Бывает. Сделав глубокий вдох, я нажал выключатель.

По-прежнему ничего. Стрелка была так же безжизненна, как мои напрасные надежды. Был еще шанс, что исказители времени все-таки здесь и в данный момент просто выключили свою машину. Будем надеяться, а теперь за работу.

Я спрятал на себе несколько полезных приспособлений и отсоединил гравитатор от скафандра. Его аккумулятор был разряжен только наполовину, так что он еще сможет какое-то время поднимать и опускать меня. Я просунул руки в лямки, сошел с карниза и направил свой полет по дуге в направлении ближайшей дороги, которую приметил при дневном спуске. Проплывая низко над деревьями, я отметил ориентиры и засек направление. Специальные часы со светящимся циферблатом, которые я всегда ношу на левой руке, показывают не только время. Если нажать на правую кнопочку, освещается стрелка радиокомпаса, нацеленная на мой бивуак.

Я скользил по воздуху, и вот лунный свет отразился от гладкой поверхности, которая шла полосой через лес. Сквозь деревья я опустился на землю. Ветки пропускали достаточно света, и не нужен был фонарик, чтобы найти дорогу. Последние несколько метров я шел с особой осторожностью. Дорога была пуста в обе стороны, и ночь тиха. Я наклонился и пощупал покрытие. Оно состояло из сплошного белого твердого вещества, не металла и не пластика, в котором прощупывались песчинки. Малоинтересно. Держась поближе к краю, я пошел пешком в направлении города, замеченного ранее. Медленно, зато экономится заряд гравитатора.

То, что случилось дальше, могу приписать только своей рассеянности, усугубленной усталостью и незнанием этого мира. Мысленно я был с Анжелиной, с детьми, с друзьями из Корпуса, и все они существовали только в моих воспоминаниях, не более реальные, чем персонажи прочитанного романа. Мысль эта очень меня удручала, и я не отогнал ее вовремя, так что внезапный рев мото-

ров застал меня совершенно врасплох. В тот момент я огибал небольшой холм — с обеих сторон поднимались крутые откосы. Мне бы сообразить раньше, что на этом повороте можно влипнуть, и принять соответствующие меры. Теперь же, пока я раздумывал, подняться мне вверх по склону на гравитаторе или еще куда-нибудь деться, из-за поворота показался яркий свет, и рев стал громче. В конце концов я просто нырнул в придорожный кювет, лег и сжался, закрыв лицо руками. Одежда на мне была нейтрального темно-серого цвета, неприметная на земле.

Захлебывающийся рев прокатился мимо, яркие огни метнулись по мне и пропали. Когда они проехали, я сел и посмотрел вслед четырем странным машинам. Детали были размыты, я ведь видел только силуэты на фоне их фар, но они показались мне очень узкими, вроде моноциклов, и у каждого сзади светился красный огонек. Шум моторов затих, послышалось звериное завывание сигналов, визг тормозов. Они замедляли ход. Должно быть, увидели меня.

Трескучие, льющиеся звуки эхом отдались в ущелье, а огни описали полный круг и двинулись ко мне.

Глава 4

Если сомневаешься, дай другому сделать первую ошибку — это старый мой девиз. Можно попытаться бежать, забраться наверх или взлететь, но вдруг у этих людей есть оружие? Тогда я стану хорошенькой мишенью. А удастся уйти — привлеку внимание к этому району. Лучше поглядим, кто они такие. Повернувшись к ним спиной, чтобы огни не слепили мне глаза, я терпеливо ждал. Машины с рокотом подкатили и выстроились вокруг меня полукругом. Моторы кашляли, фары слепили глаза. Я сощурился и вслушался в странные звуки, которые водители издавали при разговоре. Ни одного слова разобрать не удалось. Похоже было, что мой костюм находят экзотическим. Наконец они вроде бы договорились — мотор одной из невидимых машин заглох, а ее водитель вышел на свет.

Мы обменялись взаимно заинтересованными взглядами. Он был пониже меня, однако металлический шлем в форме ведра прибавлял ему роста. Шлем был усеян заклепками, а на макушке торчала длинная пика, безобразная, как и весь его наряд: сплошной черный пластик с блестящими кнопками и пряжками, а уж верхом вульгарности был стилизованный череп с костями у него на груди, утыканный какими-то фальшивыми драгоценностями.

— Кризл пртцблк? — сказал он крайне оскорбительным тоном, выпячивая челюсть.

Я улыбнулся, дабы показать, какой я добродушный, дружелюбный парень, и ответил как можно вежливее:

— Мертвый ты будешь еще противнее, чем живой, поганец, а ты им скоро станешь, если будешь так говорить со мной.

Он, похоже, удивился и провякал еще что-то столь же неразборчивое. К нему подошел другой, в таком же наряде, и указал на мою руку. Все посмотрели на мой ручной хронометр, и раздались пронзительные крики, сначала заинтересованные, потом злые — это я спрятал руку за спину.

— Прабл! — сказал первый головорез, шагнув вперед и протянув руку. Из другого кулака со щелчком выскочило сверкающее лезвие.

Этот язык я понимал и улыбнулся. Они — люди непорядочные. Вряд ли здешний закон поощряет вооруженное ограбление прохожих. Теперь я знал правила и мог играть.

— Прабл, прабл? — вскричал я, отпрянув, и будто в отчаянии воздел руки.

— Прабл драбл! — мерзко ухмыльнулся верзила, подскочив ко мне.

— А вот тебе прабл! — С этими словами я вскинул ногу и лягнул его в запястье.

Нож улетел во тьму, а парень завопил от боли. Вопль перешел в затихающее бульканье — это я ткнул вытянутыми пальцами ему в горло.

К этому моменту все должны смотреть только на меня, поэтому я вытряхнул из тайника в рукаве световую мини-ракету и бросил ее на землю перед собой, предварительно закрыв глаза.

Вспышка обожгла веки, а когда я открыл глаза, перед ними плавали световые пятнышки. Я отделался легче, чем мои обидчики, — их всех временно постигла слепота, судя по их стонам и жалобам. Никто мне не препятствовал, когда я обходил их и каждого хорошенько пинал куда следует. Все взвыли и забегали кругами, а двое столкнулись и принялись немилосердно избивать друг дружку. Пока они развлекались таким образом, я обследовал их средства передвижения. Странные машины всего на двух колесах и никакого гироскопического механизма, чтобы стабилизировать их при движении. На каждой — одно сиденье, на котором верхом сидит водитель. Машины выглядели очень опасно, и у меня не возникло желания учиться ими управлять.

Что же делать с этими типами? Мне никогда не нравилось убивать, и я не стану затыкать им рот таким способом. Если это пре-

ступные элементы, а похоже, что так, вряд ли они станут заявлять властям об этом случае. Преступные элементы! Да ведь такие информаторы мне и нужны. Хватит одного, предпочтительней тот первый — не будет мучить совесть, если придется проявить к нему строгость. Он стонал, приходя в сознание, но глоток сонного газа снова погрузил его в бессознательное состояние. На нем был широкий, утыканный бляхами ремень — похоже, прочный. Я пристегнул его к собственному поясу, дружески обнял за плечи и поднял гравитатор в воздух.

Мы тихо и плавно поднялись и, отплыв прочь от шумной маленькой компании, направились к моему озерному приюту. Исчезновение товарища покажется им весьма таинственным, но если заявят властям — ничего не добьются. Я собирался уединиться со своим спящим компаньоном на пару дней и выучить язык этой страны. Речь у него, конечно, ужасающая, но это можно исправить позднее. Мой приют гостеприимно разевал рот мне навстречу, и я скользнул внутрь, безжалостно свалив свою обмякшую ношу на камень.

Пока он со стонами приходил в себя, я все отыскал и приготовил. Наслаждаясь сигарой из своего карманного запаса, я молчал, а он постепенно и болезненно возвращался к жизни. Долго чмокал губами, прежде чем открыть глаза, и сел, после чего застонал и схватился за голову. Да, мой сонный газ дает болевые побочные эффекты, но помня, как пленный наставлял на меня нож, я немного примирился с его страданиями. Потом он дико огляделся, выпучил глаза на меня и мое оборудование, зыркнул в сторону черного входа и совершенно неожиданно дал деру. Хотел выскочить из отверстия. И шлепнулся ничком, так как был привязан проводом за ногу.

— А теперь кончаем игры и начинаем работать, — беззлобно сказал я, сажая его опять спиной к стене, и пристегнул ему к запястью прибор — простой, но эффективный.

Я настроил его, пока пленный спал. Там были датчики кровяного давления и сопротивляемости кожи. Результаты выводились на контрольное устройство у меня в руках. Принцип детектора лжи. Была там и схема негативного закрепления. В нормальных условиях я не стал бы применять такую технику к человеку — обычно ее используют в лабораториях для экспериментов над животными, — но для этого человека сделаем исключение. Мы же играем по его правилам — так сэкономим время. Когда он начал выкрикивать что-то — гнусные, надо полагать, оскорбления — и попытался сорвать с себя датчики, я включил закрепление. Он взвизгнул и энергично затрясся под током. Ничего страшного — я

пробовал на себе и установил болевой предел. Такую боль вполне можно вынести, но вряд ли кому захочется.

— Теперь начнем, — сказал я, — вот только приготовлюсь.

Он глядел во все глаза, как я прилаживал к вискам присоски мнемографа и включал ток.

— Ключевое слово, — я посмотрел на своего собеседника, — «урод». Начали.

Возле меня лежала кучка простых предметов, я взял один из них и показал ему. Потом громко сказал: «Камень» — и замолчал. Он тоже молчал, поэтому я включил закрепление, он подскочил и дико повел глазами.

— Камень, — спокойно и терпеливо повторил я.

Прошло некоторое время, прежде чем он стал усваивать. Я наказывал его за ругательства и не относящиеся к делу выражения и вдвойне наказывал за неправильное слово — на контроле было видно, когда он врет. Ему очень скоро надоело, и он решил, что проще всего называть слова правильно. Мы быстро покончили с названиями предметов и перешли к рисункам и показу разных действий. Я усвоил фразу «не знаю», благо она часто повторялась, и мой словарный запас рос. Микроволны мнемографа вбивали новый словарь в кору моего мозга не без болезненных побочных эффектов. Когда голова стала пухнуть, я принял обезболивающее и продолжал игру в слова. Вскоре их накопилось достаточно, чтобы перейти ко второй части курса — грамматике и структуре. «Как твое имя?» — мысленно произнес я и добавил ключевое слово «урод».

— Какой... имя? — произнес я вслух. Ну и противный же язык.

— Слэшер.

— Мой... имя... Джим.

— Отпусти меня, чего я тебе сделал?

— Сначала учиться... уйти потом. Теперь скажи, какой год?

— Чего какой год?

— Какой сейчас год, балда?

Я повторил вопрос и так и сяк. Наконец он проник сквозь толщу черепа Слэшера, а меня прошиб пот.

— А-а, год! 1975-й. 19 июня 1975 года.

Точно в яблочко! Через все века и тысячелетия спираль времени доставила меня в нужную точку. Мысленно я поблагодарил профессора Койпу и прочих исчезнувших ученых. Поскольку они жили только в моей памяти, это, наверно, и был единственный способ благодарности. Полученная информация воодушевила меня, и я продолжил урок языка.

Мнемограф вбирал новую речь, систематизировал ее и вбивал глубоко в мои несчастные синапсы. Я подавил стон и опять принял обезболивающую таблетку. К рассвету я ощутил, что достаточно владею языком, чтобы обучаться дальше самостоятельно, и выключил аппарат. Мой собеседник уснул, стукнулся головой о камень, но не проснулся. Я не стал его будить и снял с нас обоих всю электронику. После ночного бдения я и сам устал, но стимулирующая таблетка освежила меня. Кишки жалобно урчали от голода, и я достал припасы. Слэшер вскоре проснулся и разделил со мной завтрак, однако ел только те брикеты, от которых я отламывал сам. Я удовлетворенно икнул, он отозвался эхом. Некоторое время он взирал на меня, затем вынес суждение:

— А я знаю, кто ты.

— Так скажи.

— Ты с Марса, вот чего.

— Что такое Марс?

— Ну, планета такая.

— Ладно, пускай с Марса. Ты будешь делать, что я скажу, поможешь мне в деле — деньги надо.

— Я ж тебе сказал, меня досрочно выпустили. Сцапают — сразу посадят.

— А ты наплюй. Держись за меня, никто тебя не тронет. Бабками завалишься. А есть у тебя бабки? Хочу поглядеть.

— Нету! — ответил он, хватаясь за вздутие в нижней части своего туалета.

Теперь я мог раскусить, когда он врет, и без прибора.

Успокоив Слэшера сонным газом, я достал из его одежды нечто вроде широкого конверта с тонкими зелеными бумажками — несомненно, бабками, которых у него якобы не было. Смешно даже! Самая простая копировальная машина может печатать такие пачки — если только на них нет скрытых опознавательных знаков. Я подверг бумажки тщательному анализу и не обнаружил ни химической, ни физической, ни радиоактивной идентификации. Чудеса. Были, правда, в бумаге какие-то волокна, но дубликатор их отлично воспроизведет. Если бы у меня только был дубликатор. А может, и есть? Ведь на меня чего только не навешали. Я порылся в куче, и пожалуйста — нашел карманный дубликатор. При нем был запас очень компактного материала, который путем, кажется, клеточного деления разрастался в машине, и получался лист гладкого белого пластика, на котором печатались копии. Повозившись немного с пластмассой, я сумел сделать ее такой же жесткой и мятой, как бабки. Сделал копию — и получил дубликат оригинальной бумажки. Самой крупной купюрой у Слэшера была десятка, и я сде-

лал с нее несколько копий. Правда, на них был одинаковый серийный номер, но я на опыте убедился, что на эти номера никто не смотрит.

Пора было переходить к следующей фазе проникновения в общество этой примитивной планеты Земли (теперь я знал, что Грязь — неверное название и означает совсем не то). Я разместил на себе самое необходимое, а остальное оставил в пещере, и скафандр тоже. Будет нужно — заберу. Слэшер бормотал во сне и храпел, когда я летел с ним через озеро, над деревьями обратно к дороге. Сейчас, днем, движение оживилось — я слышал, как проезжают машины, поэтому опять приземлился в лесу. Не будя пока Слэшера, я закопал гравитатор вместе с радиопередатчиком, который, когда надо, приведет меня к тайнику.

— Что такое? — вскочил пробужденный газом Слэшер, непонимающе оглядывая лес.

— Давай двигай. Пора сматываться отсюда.

Он заковылял за мной, все еще полусонный, но разом проснулся, когда я сунул ему под нос пачку денег.

— Как тебе бабки?

— Классно — я-то думал, у тебя пусто.

— Было пусто, стало густо, взял и напечатал. Как они, в порядке?

— Еще как в порядке, я лучше и не видел. — Он оценил бумажки глазом профессионала. — Только вот номера одинаковые. Зелень — первый сорт.

Расстался он с деньгами неохотно. Воображение развито слабо, совесть отсутствует — как раз то, что мне надо. При виде зелененьких пропал весь его страх передо мной, и мы вместе, шагая по дороге, строили планы, как бы добыть их побольше.

— Костюм, который на тебе, нормально выглядит издали, вон из машин никто не обращает внимания, но все-таки надо тебе купить какие-то шмотки. Тут есть универмаг, вон под той горушкой. Ты отойди с дороги и подожди, а я пойду и все куплю. Или нет — может, сначала добудем тачку: ноги-то не казенные. Вон заводская стоянка. Посмотрим, что там продается.

На приземистом прямоугольном здании завода торчало множество труб, выбрасывавших дым и загрязнявших воздух. Сбоку выстроились рядами разноцветные машины. По примеру Слэшера я пригнулся, и мы быстро прошли к ближайшей машине в наружном ряду — красненькой и пузатой. Убедившись, что за нами никто не следит, мой спутник вскрыл замок какой-то штукой с металлическими зубьями на конце и поднял большую крышку. Я рот открыл, увидев этот чрезвычайно примитивный двигатель. Да, я

действительно попал в прошлое. Закорачивая какие-то провода, чтобы включить зажигание, Слэшер объяснил в ответ на мои вопросы:

— Называется двигатель внутреннего сгорания. Почти новый, где-то триста лошадиных сил. Залезай и смоемся отсюда, пока никто не видел.

Я наметил себе ознакомиться попозже с теорией внутреннего сгорания. Из беседы я понял, что лошадь — довольно крупное четвероногое. Должно быть, применяется процесс биоминиатюризации, чтобы поместить столько животных в одну машину. Впрочем, как ни примитивна была машина, двигалась она быстро. Слэшер что-то сделал с управлением и повернул большое колесо, мы вылетели на дорогу и поехали — кажется, никто нас не заметил. Я был очень доволен тем, что машину ведет Слэшер, а я могу наблюдать новый для меня мир.

— Где хранятся все деньги? Ну, такое место, где их запирают на ключ?

— Это ты про банки, наверно. Такие дома, где толстые стены, большие подвалы, вооруженная охрана. В каждом городе есть такой, хотя бы один.

— И чем больше город, тем больше банк?

— Правильно понимаешь.

— Тогда поехали в ближайший большой город и найдем самый большой банк. Мне надо побольше зеленых — вот мы вечером его и обчистим.

Слэшер в страхе открыл рот.

— Да ты что! Там же сигнализация и мало ли еще что.

— Какая там сигнализация в вашем каменном веке, смех один. Ты только найди город, банк, ну и чего-нибудь поесть и выпить. А вечером я сделаю тебя богачом.

Глава 5

По правде говоря, еще ни один банк я не грабил с такой легкостью. Заведение, выбранное мной, стояло в центре города с невозможным названием Хартфорд. Солидное здание из серого камня, проемы загорожены железными прутьями — но вся эта защита была ни к чему, поскольку с обеих сторон к банку примыкали другие здания. Крысы редко входят через парадную дверь.

Ранним вечером мы вышли на дело, и Слэшер дергался и нервничал, несмотря на большое количество поглощенного им низкосортного алкоголя.

— Попозже надо бы, — ныл он. — Еще народу полно на улице.

— Вот и хорошо. Если будет на двоих больше, никто не заметит. Ставь-ка тачку за углом, где договорились, и бери сумки.

Я нес чемоданчик со своим инструментом, а Слэшер шел за мной с двумя большими дорожными сумками — нашей недавней покупкой. В здании слева от банка было темно, а входная дверь, конечно, на запоре. Не беда — я присмотрелся к замку еще днем и был уверен, что проблем с ним не будет. Прибор в моей левой руке нейтрализовал сигнализацию, правой я в то же время вставил отмычку. Дверь открылась так легко, что Слэшер даже не остановился, а вошел с сумками прямо за мной. Никто на улице не обратил на нас никакого внимания. В коридоре были еще запертые двери, в которые я входил с той же легкостью, и наконец мы дошли до последнего кабинета.

— У этой комнаты должна быть с банком общая стенка. Ну-ка, проверим, — сказал я.

За работой я чуть слышно насвистывал. Это у меня отнюдь не первое ограбление банка и, насколько от меня зависит, не последнее. Из всех видов преступлений ограбление банка всего выгоднее и для личности, и для общества. Личность, разумеется, получает много денег, тут и спору нет, а кроме того — приносит благо обществу, снова пуская в оборот большие суммы наличных. Экономика стимулируется, мелкий бизнес процветает, люди читают в прессе интересные вещи, а полиция получает шанс применить свои разнообразные таланты. Всем хорошо. Хотя некоторые недалекие люди говорят, будто это наносит вред банку. Вопиющая чушь. Все банки застрахованы, потому ничего не теряют. А в обороте страховой фирмы такие суммы — капля в море. Ну, разве что чуточку урежут годовые дивиденды. Это небольшая плата за все вышеупомянутые блага. Чувствуя себя благодетелем человечества, а не вором, я исследовал стену эхозондом. По ту сторону большое помещение — несомненно, банк.

Внутри стены шли трубы и проводка — надо полагать, электричество и водопровод — и там же, скорей всего, были провода сигнализации. Я представил себе схему и выделил участок стены, свободный от всех препятствий.

— Мы пройдем здесь, — сказал я.

— Как же мы сломаем стену?

Слэшер колебался между восторгом и страхом: и денег ему хотелось, и боялся, что его поймают. Он, видимо, был мелким хулиганом и впервые участвовал в таком крупном деле.

— Не сломаем, балда, — беззлобно ответил я, берясь за массер, — а просто уговорим открыться.

Он меня, конечно, не понял, но вид сверкающего инструмента его как будто приободрил. Я настроил массер по-своему: вместо того, чтобы усиливать связующую энергию молекул, он сводил ее к нулю. Медленно и аккуратно я обвел наконечником намеченный участок стены, потом выключил машинку и убрал ее.

— Не получается, — пожаловался Слэшер.

— Сейчас получится.

Я толкнул стену рукой, и она, ухнув, провалилась наружу, превратившись в кучу пыли. Мы заглянули в проем и увидели ярко освещенное помещение банка.

Никто не видел с улицы, как мы заползли за перегородку, где днем сидят кассиры. Строители благоразумно разместили хранилище в подвалах банка, так что мы, спустившись по лестнице, могли выпрямиться и продолжать свое дело с комфортом. Я быстренько взломал парочку дверей и толстую стальную решетку. Их замки и сигнализация не стоят того, чтобы о них говорить. Дверь самого хранилища выглядела более внушительно, но на поверку оказалась проще всех.

— Гляди-ка, — бодро воскликнул я, — это часовой механизм, он автоматически откроется завтра в назначенное время.

— Так и знал, — заныл Слэшер. — Пошли отсюда, пока тревога не поднялась. — И кинулся к лестнице.

Я дал ему подножку и, поставив ногу на грудь, объяснил:

— Это им кажется, что он надежный, балда. А всего-то нужно перевести часы — пусть думают, что уже утро.

— Да как же? Там ведь двухдюймовая стальная обшивка!

Откуда ему знать, что обычный сервисный манипулятор действует через любые препятствия. Убедившись, что его поле зацепило зубчики, я провернул их, диски завертелись, глаза у Слэшера полезли на лоб, а механизм, довольно щелкнув, распахнул дверь.

— Тащи сумки, — велел я, заходя в хранилище.

Весело посвистывая и напевая, мы туго набили обе сумки плотными пачками хрустящих купюр. Слэшер первым закрыл свою и стал ворчать и подгонять меня.

— Чего суетишься? — ответил я, собирая инструмент. — Спешить некуда, надо все в порядок привести.

Укладывая последний прибор, я заметил, что его стрелка метнулась и застыла. Интересное дело. Я проверил напряжение поля и осмотрелся, держа прибор в руке. Слэшер на другом конце хранилища возился с длинными металлическими ящиками.

— Что это ты делаешь? — спросил я как можно ласковее.

— Да вот гляжу, нет ли тут драгоценностей и депозитов.

— Вон оно что. Попросил бы меня.

— Я и сам могу. — Гордо и заносчиво.

— Да уж. Только я бы при этом не просигналил в полицейский участок. — Холодно и гневно. — Как это сделал ты.

Кровь прямо отхлынула от его лица, а руки затряслись так, что ящик выпал. Потом он сиганул обратно и нагнулся за своей сумкой.

— Балда, — пробурчал я и двинул его ботинком. — Забирай сумку и катись отсюда, заводи машину. Я за тобой.

Слэшер сломя голову кинулся вверх по лестнице, я, помедленней, за ним, позаботившись закрыть за собой все двери и решетки, чтобы насколько возможно затруднить работу полиции. Они поймут, что в банк проникли, но не сообразят, что его ограбили, пока не притащат какого-нибудь банковского начальника и не откроют хранилище. К тому времени нас и след простынет.

Но не успел я вылезти из подвала, как заскрипели тормоза, и я увидел в окно полицейский автомобиль у входа.

Они очень быстро сработали — и это в таком допотопном, примитивном обществе. А может, так и должно быть: наибольшая часть общей энергии здесь уходит на преступность и на борьбу с ней. Впрочем, я недолго философствовал на эту тему, а прополз за перегородкой, толкая перед собой сумку и чемоданчик. Вылезая через дыру в смежное здание, я услышал, как открывают двери банка. Как раз вовремя — они войдут, а я выйду. Так и получилось. Выглянув на улицу, я увидел, что все полицейские, сколько их было в машине, вошли в банк, а у входа собирается небольшая кучка любопытных. Спинами ко мне. Я не спеша вышел и пошел за угол.

Да, эти первобытные легавые поворачивались быстро, спору нет. Поднаторели в своем ремесле. Не успел я дойти до угла, как они выскочили из дверей следом за мной, свистя что есть мочи. Это они вошли в банк, увидали дыру в стене и взяли мой след. Я быстро глянул на них — зубы блестят, форма синяя, пуговицы медные, пистолеты на месте — и тоже кинулся бежать. За угол, где стояла машина...

Только она там больше не стояла, улица была пуста. Слэшер, видно, решил, что достаточно заработал за вечер, и уехал, бросив меня на произвол закона.

Глава 6

Я не стану утверждать, что сделан из более крепкого материала, чем большинство человечества. Хотя любой другой на моем месте — заброшенный за 32 тысячи лет в прошлое, с ворованными

деньгами в руках и с погоней на хвосте — здорово запаниковал бы. Только моя закалка да то, что я в жизни слишком часто бывал в такой ситуации, поддерживали ровный темп моего бега, а я тем временем размышлял, что делать дальше. Вот-вот служители закона, грохоча сапогами, покажутся из-за угла, а по радио, несомненно, уже вызвано подкрепление, чтобы оцепить район. Думай быстро, Джим.

Я думал. Не пробежал я и пяти шагов, как мой план был составлен, разработан, подписан в печать, издан, переплетен в буклет и раскрыт на первой странице у меня в голове.

Первым делом надо убраться с улицы. Добежав до следующей двери, я бросил деньги и вытряхнул из рукава мини-гранату. Она как раз поместилась в замочную скважину и с внушительным грохотом снесла замок и часть косяка. Мои преследователи еще не появлялись, я дождался их и только тогда рванул дверь. Хриплые вопли и свистки свидетельствовали о том, что меня заметили. За дверью был длинный коридор, в конце которого я и стал с поднятыми руками. Между тем вооруженная погоня нерешительно заглядывала в дверь.

— Не стреляйте, ребята, — крикнул я. — Сдаюсь! Я бедный парень, меня подбила на преступление плохая компания.

— Стоять, не то продырявим, — радостно зарычали они, входя по одному и светя мощными фонарями мне в глаза.

Я стоял себе с абсолютно пустыми руками. Потом огни погасли, и раздался грохот падающих тел. Следовало ожидать — в том проходе было больше сонного газа, чем воздуха.

Осторожно дыша через носовые фильтры, я снял форму с храпящего полицейского примерно моей комплекции, проклиная неуклюжие застежки, и надел ее прямо на одежду. Потом взял у него из руки пистолет, вложил в кобуру, подобрал свои вещи и пошел по улице обратно к банку. Напуганные обыватели выглядывали из дверей, как зверюшки из нор. На углу мне встретилась вторая полицейская машина. Как я и полагал, силы стягивались к этому району.

— Несу награбленное, — крикнул я плечистому водителю. — Обратно в банк. Мы этих крыс загнали в угол, всю шайку. Вон в ту дверь, помогите ребятам!

Последнее указание было излишним, машина уже рванула с места. Первый автомобиль стоял на прежнем месте. На глазах у зевак я забросил вещи на переднее сиденье и сел сам.

— Расходитесь. Представление окончено, — крикнул я, разбираясь в незнакомом управлении.

Там было жутко много всего — хватило бы и на космический корабль, не то что на этот жалкий наземный транспорт. У меня ничего не получалось. Толпа подалась сначала назад, потом вперед. Я слегка вспотел. И только тогда заметил, что в маленькой скважине нет ключа, и с запозданием вспомнил, что говорил Слэшер: машина без ключа не заведется. Со всех сторон слышался нарастающий вой сирен, а я судорожно ощупывал все карманы, какие находил в своей дурацкой форме. Ключи! Целая связка. Торжествуя, я стал совать их один за другим в скважину, пока не сообразил, что они для нее слишком велики. Заинтригованная толпа придвинулась поближе, в восторге от такого представления.

— Назад, назад, — крикнул я и потянул оружие из кобуры, чтобы пригрозить им.

Должно быть, пистолет был снят с предохранителя, а я нечаянно не на то нажал. Раздался оглушительный выстрел, все застлало дымом, и пистолет выскочил из руки. Его заряд пробил крышу машины, а мой большой палец болел.

По крайней мере, зеваки разбежались — и очень быстро. В это время я увидел подъезжающую полицейскую машину и понял, что дело мое худо. Должны быть другие ключи. Я снова стал искать, бросая ненужные предметы на соседнее сиденье. Наконец я перебрал все. Другая машина остановилась позади моей, дверцы открылись.

Что это блеснуло в кожаном кармашке? Они. Пара ключей. Один из них сразу подошел, и тут двое блюстителей закона приблизились ко мне с двух сторон.

— Что тут происходит? — спросил один.

Я повернул ключик, мотор взвыл и застучал.

— Небольшие затруднения, — ответил я, путаясь в рычагах.

— А ну вылазь оттуда! — сказал он, вытаскивая оружие.

— Дело жизни и смерти! — нервно выкрикнул я, нажимая на педаль, как это делал Слэшер.

Мотор взревел, колеса завертелись, машина ожила и рванулась с места.

Но не вперед, а назад.

Захрустело стекло, заскрежетал металл. Полицейские исчезли. Я снова стал пробовать. Появился один из легавых, поднял свой пистолет и, спасаясь, отскочил в сторону: я нашел верную комбинацию, и машина чуть не сбила его. Путь был свободен, и я помчался вперед. С полицией на хвосте.

Не успел я доехать до угла, как они уже погнались за мной. Их сирена громко выла, а на крыше вращалась мигалка. Я вел машину одной рукой, а другой тыкал во что попало. На ветровое стекло

брызнула жидкость — ее стерли стрелки; громко заиграла музыка; струя горячего воздуха согрела ноги; наконец включилась сирена, а возможно, и мигалка. Мы мчались по широкой улице, и я чуял, что так просто мне не уйти: полицейские знают свой город, умеют водить машину и по радио перекроют мне путь. Осознав это, я повернул руль и свернул в поперечную улицу. Поскольку я ехал немного быстрее, чем следовало, машину бросило на тротуар, она ударилась о стену дома и снова отскочила на мостовую. Мои преследователи притормозили, не желая совершать такой же драматический поворот, но не отставали, а я еще раз повернул за угол. Повернув таким образом два раза направо, я взял обратное направление и теперь снова ехал к месту преступления.

Это могло показаться безумием, но в самом деле было безопаснее всего. Вскоре я со своей сиреной и мигалкой затесался в кучу таких же воющих и мигающих бело-синих машин. Прелесть, что там делалось. Они разворачивались, давали задний ход, загораживали друг другу дорогу, а я делал все, чтобы усилить суматоху. Сколько тут было ругани, как из окон трясли кулаками — я бы охотно остался еще, но возобладал здравый смысл. Когда веселье достигло апогея, я выбрался оттуда и быстро свернул за угол. Никто за мной не ехал. Снизив скорость до разумных пределов, выключив сирену и потушив огни, я покатил по улице в поисках убежища. На полицейской машине далеко не уйдешь, да я и не собирался; сейчас мне нужна была крысиная нора.

И пошикарнее: не люблю ничего делать наполовину. Вскоре я увидел свою мечту, всю в огнях и рекламе, всю в сиянии — первоклассный шикарный отель в двух шагах от места преступления. Здесь меня будут искать в последнюю очередь — надеюсь. Какая-то вероятность все же остается. Я запарковал машину, снял с себя форму, сунул в карман пачку ассигнаций и направился к отелю со своей поклажей. Когда найдут машину, то скорей всего подумают, что я сменил ее на другую — такой вывод напрашивается сам собой, — и расширят круг поисков.

— Эй, ты, — окликнул я служителя в униформе, гордо стоявшего у дверей, — прими багаж.

Тон мой был оскорбителен, манеры грубы, и он бы окатил меня презрением, если бы не мой акцент и не крупная банкнота, которую я сунул ему в руку. Глянув на нее, служитель засуетился, угодливо заулыбался, схватил багаж и пошаркал за мной в вестибюль.

Блестящие деревянные панели, пушистые ковры, мягкое освещение, красивые женщины с большими декольте в сопровождении пожилых мужчин с большими животами — как раз то, что надо. Многие поднимали брови при виде моего костюма, пока я

следовал к стойке портье. Последний холодно посмотрел на меня вдоль длинного патрицианского носа, и на меня повеяло льдом. Я растопил его, кинув пачку денег перед ним на стойку.

— Вы имеете удовольствие принимать богатого, но эксцентричного миллионера, — сказал я. — Это вам. — Банкноты исчезли, не успел я договорить. — Я только что с приисков, и мне нужен ваш лучший номер.

— Что ж, это можно будет устроить, но сейчас свободны только императорские апартаменты, и это будет стоить...

— Мне безразлично сколько. Вот, берите и скажите, когда еще понадобится.

— Ну что ж, я полагаю, это можно будет устроить. Если вас не затруднит написать здесь свое имя...

— А как ваше имя?

— Мое? Роско Эмбердекстер.

— Какое совпадение — меня зовут точно так же, но вы можете называть меня «сэр». Должно быть, это имя здесь распространено. Вот и распишитесь за меня, раз нас зовут одинаково. — И, поманив его пальцем, я хриплым шепотом добавил: — Не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я здесь. Все охотятся за моими деньгами. Пришлите ко мне управляющего, и я дам ему необходимые сведения.

Дам я ему нужную сумму — полагаю, он не будет возражать.

Взмыв на зеленой волне, далее я плыл беспрепятственно. Меня провели в мой номер, и я щедро вознаградил носильщиков за то, что не уронили багаж. Они открыли и закрыли все дверцы, показали мне все кнопки, я нажал одну и вызвал официанта, чтобы принес поесть и выпить. Носильщики ушли в наилучшем расположении духа, с оттопыренными карманами. Я поставил сумку с деньгами в шкаф и открыл чемоданчик.

И замер. Стрелка детектора темпоральной энергии, дрожа, указывала прямо за окно.

Глава 7

У меня затряслись руки, но я унял дрожь и бережно опустил детектор на пол. Напряжение поля было 117,56, и я быстро записал это число. Потом улегся на пол и определил под окном точку, куда указывала стрелка. Это место я отметил крестиком и вернулся к прибору. Но при втором замере стрелка поплыла, а напряжение упало до нуля.

Но я нашел их! Кто бы они ни были, они действуют из этой эпохи. Если они включали свою машину времени сегодня, значит, включат опять. Тут-то они и попались. Впервые с тех пор, как я был заброшен в этот грубый варварский мир, меня согрела искорка надежды. До сих пор я действовал инстинктивно — просто старался выжить и не пропасть на чужбине — и не позволял себе думать о будущем, которое не настанет, если я о нем не позабочусь. Теперь я как раз этим и займусь.

После вкусного обеда, устроив поощрительный дождик из банкнот, я лег поспать. Правда, ненадолго — таблетка снотворного погрузила меня на два часа в глубочайший сон с непрерывными сновидениями, и я проснулся, чувствуя себя человеком. В гостиной в баре были разные любопытные бутылки, некоторые довольно привлекательные, и я, наполнив бокал, уселся перед застекленным ящиком под названием «телевизор».

Как я и предполагал, мой язык оставлял желать много лучшего, и я хотел послушать правильную речь.

Это было нелегкой задачей. Я ведь не знал, какие каналы образовательные, а какие предназначены для развлечения. Нашел какую-то историческую драму, где мужчины в широкополых шляпах ездили верхом на лошадях. Но их словарь насчитывал никак не более ста слов, а большинство персонажей было убито в перестрелке прежде, чем я разобрался, в чем дело. Оружие вообще играло большую роль во всех показываемых драмах, применение его перемежалось садизмом и разными видами членовредительства. Все эти акты насилия и стремительные путешествия туда-сюда на различных средствах передвижения оставляли не много времени для сексуальной активности: короткий поцелуй был единственным проявлением нежности. Трудно было уследить за сюжетом еще и потому, что он все время прерывался короткими вставками, в игровой или иллюстративной форме предлагающими различные потребительские товары. К рассвету мне это надоело, а речь улучшилась весьма незначительно, поэтому я пнул экран, выразив свое к нему отношение, и пошел мыться в розовую комнату, оснащенную музейными экспонатами из истории сантехники.

Как только утром открылись магазины, я разослал служащих отеля за покупками, не пожалев денег, и вскоре в изобилии появилась одежда, соответствующая моему высокому положению, и дорогие чемоданы для ее упаковки. А еще карты местности, точный прибор под названием «магнитный компас» и книга об основах навигации. Проще простого было определить точное направление, указанное детектором, нанести его на карту, а затем в единицах измерения «милях» отмерить расстояние до источника энергии.

Длинная черная линия на карте указывала курс, поперечная черточка на ней — расстояние, и я вышел на цель. Две линии пересеклись на большом городе, самом крупном на той карте.

Он, непонятно почему, назывался Нью-Йорк, хотя нигде не было указаний — где же находится Олд-Йорк, впрочем, это неважно. Теперь я знал, куда ехать.

Мой выезд из отеля более походил на отбытие августейшей особы. Многие приветливо приглашали меня снова погостить у них, оно и понятно. Специально нанятая машина доставила меня в аэропорт, и услужливые руки доставили багаж к нужному выходу. Тут меня ожидало крупное потрясение — я ведь совсем забыл про ограбление банка. Но другие помнили.

— Откройте ваш багаж, — попросил угрюмый служитель закона и порядка.

— Разумеется, — бодро ответил я, видя, что все другие пассажиры тоже подвергаются этой процедуре. — Можно спросить, что вы ищете?

— Деньги. Ограбление банка, — буркнул он, роясь в моих пожитках.

— Должен вас предупредить, что я никогда не вожу с собой крупных сумм, — сказал я, прижимая к груди портфель с банкнотами.

— Здесь все в порядке. Посмотрим портфель.

— Пожалуйста, не при всех, офицер. Я занимаю видный пост в правительстве, и у меня здесь особо секретные документы, — процитировал я слово в слово то, что слышал по телевизору.

— Пройдите в комнату, — указал он.

Я даже пожалел, что пнул этот ящик, раз он такой познавательный.

В комнате, к его изумлению, я открыл не портфель, а гранату с сонным газом, и бдительный страж порядка мирно уснул. У стены стоял большой металлический шкаф с разными бланками и бумагами, милыми сердцу бюрократа. Потеснив их, я нашел место и для своего храпящего приятеля. Чем позже его обнаружат, тем лучше. Если не будет непредвиденных задержек, я прилечу в Нью-Йорк прежде, чем он придет в сознание, — а это будет долгий естественный процесс, так как противоядие им неизвестно.

Выйдя из комнаты, я увидел еще одного человека в форме, поэтому повернулся и сказал в открытую дверь:

— Благодарю за любезное содействие, никакого беспокойства, уверяю вас, никакого беспокойства.

Потом закрыл дверь и улыбнулся контролеру. Он нерешительно поднял палец к козырьку и, отвернувшись, занялся багажом пожи-

лого пассажира. Я прошел со своим портфелем мимо, не слишком удивляясь испарине, выступившей на лбу.

Полет был коротким, малоинтересным, шумным и довольно тряским. Мы летели на большой машине с крыльями. Двигатель, по-моему, реактивный на жидком топливе. Хотя запах этого топлива стоял повсюду и был мне знаком, я все никак не мог поверить, что они жгут невосполнимые углеводороды. При посадке я держался настороже, но никакой тревоги не было. Добираться из аэропорта в центр города было сущим мучением: потоки машин, крик, шум. С чувством глубокого облегчения я вошел наконец в прохладный номер отеля. Но вот покой и пара глотков дистиллированной органической отравы, к которой я начинал привыкать, привели меня в норму, и я задумался над следующим шагом.

Каким он будет? Разведка или атака? Благоразумие диктовало осторожность в поисках источника энергии. Надо же разузнать, против кого или чего я выступаю. Я уже почти принял план и журил себя за то, что мог подумать об атаке. Но тут замкнулась логическая цепь, и я посмотрел на себя в зеркало.

— Балда ты, — сказал я, грозя себе пальцем. — Ты то, чем один извозчик обозвал другого извозчика. Кретин и придурок.

У меня только одно преимущество, и это — внезапность. Любая разведка выдаст меня, и захватчики времени узнают, что за ними наблюдают и возможно нападение. Раз они развязали войну времен, то должны быть готовы к возмездию. Но нельзя же быть начеку неделями, месяцами, а возможно, и годами? Как только они узнают, что я здесь, в этом месте и времени, тут же примут экстренные меры предосторожности. Чтобы не допустить этого, я должен первым нанести удар, и сильный удар — даже если не знаю кому.

— А какая разница? — задал я вопрос, открывая контейнер с гранатами. — Конечно, неплохо бы любопытства ради узнать, кто напал на Корпус и зачем. Но так ли это важно или необходимо? Отвечаем: нет.

С атомной бомбочкой в руках я посмотрел на свое красноглазое отражение.

— Нет и еще раз нет. Их надо уничтожить, точка. Сейчас же. И быстро.

Другого пути не было, и я спокойно и уверенно увешивал себя самым мощным оружием уничтожения, какое военная наука, всегдашний фаворит человечества, изобрела за тысячи лет. Вообще-то я не сторонник принципа «убивай или тебя убьют» — это значит видеть мир только в черном и белом цвете. Но сейчас я видел все именно так и не испытывал никаких угрызений совести за свое решение. Они ведут необъявленную войну против человечества будущего — иначе зачем первой мишенью избран Специальный Корпус? Некто, некая группа людей желает держать под контролем *все*. Вероятно, это самый эгоистический и безумный план, когда-либо претворявшийся в жизнь. И не имеет большого значения, кто они такие. Смерть им — не то они погубят все, что мне дорого.

Выходя из отеля, я представлял собой ходячую бомбу, разрушительную силу. Черный детектор энергии лежал в кейсе, в крышке которого я прорезал отверстия, чтобы видеть стрелки. Где-то здесь притаился враг, и я дождусь, когда он начнет действовать.

Ждать пришлось недолго. Энергия времени сорвалась с цепи где-то совсем близко, судя по поведению стрелки, и я пошел по следу. Я прокладывал свой курс, не обращая внимания ни на людей, ни на транспорт. Но, чуть не попав под грохотавший грузовик, притормозил и стал поосторожней.

Вот широкая улица с зеленым газоном посредине, высокие, удручающе однообразные здания, стены из стекла и металла тускло мерцают в загрязненном воздухе. Все дома похожи друг на друга. Который из них?

Стрелка снова качнулась, дрожа, она поворачивалась при моем движении, а напряжение поля достигло конца шкалы.

Здесь. В этом черно-красном здании.

И я вошел, готовый ко всему.

Ко всему, но не к тому, что случилось на самом деле. За мной тут же заперли дверь, и перед ней выстроился заградительный отряд. Все, кто там был — посетители, лифтеры, даже продавец табачных изделий, — все шли, бежали, проталкивались ко мне с холодной ненавистью в глазах.

Меня обнаружили. Должно быть, засекли мой детектор. Они знали, кто я. Мне не удалось атаковать первым.

Глава 8

Кошмар осуществлялся наяву. Хотя бы раз в жизни нас всех охватывает приступ паранойи, когда кажется, что все против нас. Теперь я столкнулся с этим в действительности. Всего на миг обуял меня дикий страх, потом я одолел его и стал бороться.

Это мгновение оказалось решающим. Надо было сразу стрелять, убивать, жечь, разрушать, как и было задумано. Но я не думал, что столкнусь сразу со всеми, поэтому был обречен на поражение. Я, конечно, нанес им какой-то урон, напустил газу,

набросал бомб, сражался — но этого было недостаточно. Все больше рук хваталось за мою одежду, им не было числа. Они не церемонились — *они ненавидели меня той же лютой ненавистью*, что и я их. Мы, две стороны одной медали, видели в другой стороне только смерть. Меня одолели, сбили с ног, и потеря сознания была милосердием.

Мне не дали долго наслаждаться покоем. Боль и резкий запах, ожегший ноздри, вернули меня к неприятной реальности. Надо мной стоял человек, высокий и могучий, черты его расплывались перед моим мутным взглядом. Казалось, много рук держали, сжимали и трясли меня. Вот провели чем-то влажным по лицу, смыв то, что мешало мне смотреть, и тогда я увидел. Увидел его так же ясно, как он меня.

В два человеческих роста, он так возвышался надо мной, что пришлось откинуться назад, чтобы смотреть на него. Весь красный, темные ромбы глаз, острые зубы.

— Откуда ты? — пророкотал он на языке нашего Корпуса.

Должно быть, я вздрогнул, ибо он улыбнулся. В его улыбке не было тепла — только торжество победителя.

— Специальный Корпус, так я и знал. Последняя вспышка перед наступлением тьмы. Сколько вас тут? Где остальные?

— Они... найдут тебя, — вымолвил я.

Невелик успех на моей чаше весов против его победы. Они пока не знают, что я один, и не убьют, пока не узнают. Это недолго продлится. Меня здорово избили, совершенно разоружили, и теперь за мной, лишенным всякой защиты, проследят до отеля и вскоре поймут, что бояться нечего.

— Кто вы? — спросил я. Слова теперь — мое единственное оружие.

Вместо ответа он победным жестом вскинул кулаки.

Мои губы выговорили сами:

— Вы — безумцы.

— Конечно, — возбужденно крикнул он, и все руки задергали и затрясли меня. — На том мы стоим. Однажды нас за это уже убили, но больше не убьют. На этот раз мы победим, ибо уничтожим врагов до рождения, обречем виновных на вечное забвение.

Я вспомнил — Койпу говорил о том, что Земля в далеком прошлом была уничтожена. Не для того ли, чтобы остановить этих людей? Не решается ли в эту минуту судьба планеты? Визгливый голос врага оборвал мою мысль.

— Возьмите его. Пытайте самыми страшными пытками, чтобы доставить мне радость и сломить его волю. Потом высосите всю информацию из его мозга. Все должно быть раскрыто, все!

Когда меня потащили из комнаты, я уже знал, что нужно делать. Ждать. Избавиться от этого человека, от толпы, остаться наедине со своими искусными палачами. И это произошло скоро. Служители в белой лаборатории набросились на тех, что принесли меня, и отняли меня у них. Они обращались друг с другом так же зверски, как и со мной, — это была иерархия ненависти. Должно быть, они и вправду безумны. Что за извращение истории вызвало этих людей на сцену? Трудно представить.

Я выжидал спокойно, зная, что у меня всего одна возможность и другой не будет. Дверь закрыли, меня положили на стол и привязали к нему за ноги. В комнате было пять человек. Двое, спиной ко мне, были заняты своими инструментами, остальные держали меня. Я выдвинул нижнюю челюсть и изо всей силы нажал на последний зуб.

Это было мое последнее оружие, оружие на крайний случай. Я им никогда раньше не пользовался, даже не держал при себе, считая, что ни в одной заварухе, даже смертельной, не стоит побеждать такой ценой. Теперь — другое дело. Искусственный зуб хрустнул, и капли горькой жидкости из него потекли мне в глотку.

Первый удар боли был смягчен, сглажен анестезирующим наркотиком. Он помог мне выдержать убийственное действие остальных ингредиентов. Это дьявольское зелье разработали медики Корпуса по моей идее и испытывали только в небольших дозах на подопытных животных. Оно содержит все известные науке стимуляторы, а также синергаторы — новый класс химических веществ, от которых человек испытывает прилив сверхъестественной силы. Явление давно известное, но воспроизвести его ранее не удавалось.

Время побежало быстрей, а люди вокруг двигались медленно. Я выждал еще долю секунды, чтобы средство окончательно подействовало, и тогда освободил руки — хотя их держали, навалившись всем телом, двое крепких мужчин. Я не почувствовал ни их веса, ни даже усилия, когда оторвал обоих от пола и стукнул лбами, а потом швырнул на третьего, стоявшего у меня в ногах. Все повалились друг на друга, их лица исказили гримасы боли и страха. В тот же миг я сел и, схватившись за железные крепления, стягивавшие ноги, разорвал их. Мне казалось, что это очень просто и само собой разумеется. Я, кажется, повредил себе пальцы, но не придал этому значения, едва заметил. В комнате были еще двое — они только поворачивались ко мне, как будто расправа с остальными заняла одно мгновение — так, видимо, и было. Видя, что застал их врасплох и один только начинает поднимать оружие, я бросился на них, кулаками сбил с ног и швырнул к остальным, в кучу скор-

ченных тел. Их было пятеро против одного, и я не мог щадить их, даже если бы захотел. Я бил ногами — руки не действовали, — пока куча тел не перестала шевелиться, и только тогда смог позволить холодному логическому мышлению взять верх над слепой яростью.

Что дальше? Надо уходить. Моя одежда превратилась в лохмотья, и я сорвал их с себя. Палачи были все в белом, я терпеливо расстегнул непривычные застежки и надел на себя наименее испачканный костюм. На лбу была рваная рана, я аккуратно перевязал ее — здесь должно было быть много перевязанных после стычки у входа — и забинтовал руки. Мне никто не помешал и, покончив с этим, я вышел и торопливо зашагал через холл тем же путем, которым меня тащили еще недавно. Весь дом гудел, как потревоженный улей, и все были слишком заняты, чтобы меня замечать, — даже те, что толпились в приемной, где было выставлено на большом столе мое вооружение. Будь у меня время — я бы улыбнулся.

Тихо, никого не побеспокоив, я протянул руку и задействовал контейнер с газовыми бомбами, задержав дыхание, пока не вставил фильтры в нос. Это газ быстрого действия, и даже те, кто видел, что я сделал, никого не успели предупредить и сразу повалились. Все заволокло газом, я взял гаусс-пистолет и распахнул большие двери в соседнюю комнату.

— *Ты*?! — вскричал он и все стоял, красный и массивный, хотя газ уложил всех вокруг него.

Он сделал движение, чтобы схватить меня, и газ не брал его, хотя давно должен был свалить, а я стал бить его пистолетом по голове, пока не остановил. Но он все смотрел на меня с убийственной ненавистью, пока я привязывал его к стулу. Только заперев за собой дверь, я мог рассмотреть его и увидел, что он еще в сознании.

— Что ты за человек? — Этот вопрос замер у меня на губах. — Кто ты?

— Я Тот, кто будет править вечно, разум, который никогда не умрет. Освободи меня.

Такая власть была в его словах, что меня потянуло к нему, я качнулся помимо воли, глядя в его круглые глаза. Голова затуманилась, — наверно, кончалось действие снадобья, — я помотал головой и быстро заморгал. Но какая-то часть меня была настороже, не поддавшись влиянию великой власти Зла.

— Долгое у тебя правление, но, видно, не слишком спокойное, — усмехнулся я. — А то с чего бы ты покраснел как вареный рак.

Лучше сказать я не мог. Этот монстр был совершенно лишен чувства юмора и, как видно, привык только к рабскому повиновению. Сперва он завыл, как дикий зверь, а потом понес какую-то безумную околесицу, и она плескала мне в уши, пока я готовился покончить с войной времен.

Безумец? Конечно, но его безумие было организованным, постоянным, все возрастающим, способным заражать окружающих. А тело его было искусственным. Теперь я видел швы и пересаженную кожу, и он сам сказал об этом. Это сфабрикованное тело, трансплантированное, краденое тело, эта подбитая металлом чудовищная оболочка слишком много говорила о разуме, который мог выбрать для себя подобное обиталище.

Были еще такие, как он, он был лучший, единственный — смысл было трудно понять, но я запоминал, что мог, для будущего доклада. Все это время я трудился: снимал вентиляционную решетку и сыпал в канал свои порошки, готовясь вставить большую палку в колесо этой сатанинской мельницы.

Он со своими сторонниками уже был однажды уничтожен — он сам так сказал. Неизвестно, каким образом они снова пытаются завладеть Вселенной, но она им не достанется. Я, Скользкий Джим ди Гриз, пират-одиночка без определенного места жительства, и раньше получал важные задания и всегда выполнял их. Теперь я призван спасти мир. Что ж, надо так надо.

— Они не могли выбрать лучшего, — гордо сказал я, осматривая прекрасно оборудованную лабораторию времени, густо усеянную распростертыми телами.

Большая зеленая, туго сжатая спираль времени сверкнула мне, и я улыбнулся в ответ.

— Вот заложим бомбы и поедем, — радостно говорил я, делая свое дело. — Разнесем всю технику, а чокнутых оставим местным властям. Хотя Большой Красный, вероятно, заслуживает особого отношения.

Конечно, заслуживает. Чего же я жду? Наверное, случая, чтобы сделать это в пылу гнева — не могу хладнокровно убить даже самого хладнокровного из убийц. Но на этот раз придется. Я готовил себя к этому решению. Поставил гаусс-пистолет на разрывной заряд и подошел к нему.

Случай представился гораздо быстрее, чем я ожидал. Красный гигант бросился на меня. От его удара я покатился в угол, перевернулся и поднял пистолет.

В мгновение ока он опустил рубильник и взялся за конец спирали.

В тот же миг вылетела и пуля, разорвавшись в его теле.

И он исчез, пропал во времени, непонятно — в прошлом или в будущем, мерцающая спираль растаяла, пока я добежал до нее. Живым или мертвым прибудет он туда? Он должен умереть. Это разрывная пуля.

Действие моего снадобья кончалось, и когти боли и усталости уже скребли по краю сознания. Пора идти. Собрать снаряжение и уходить. В отель, а потом в больницу. Подлечусь, отдохну, пока меня будут штопать, и соберусь с мыслями насчет дальнейших действий. Техника этой эры, похоже, достаточно развита для создания спирали времени, и у меня с собой профессорская память в черном ящике. Наверное, понадобится очень много денег, но их всегда можно достать.

Я вышел спотыкаясь, как тяжелобольной.

Глава 9

В кейсе у меня был обычный набор: гранаты, газовые бомбы, взрывчатка, носовые фильтры, пара пистолетов — словом, рабочий инструмент. Держа военную выправку, с прямой спиной и развернутыми плечами, я вступил в помещение казначейства. Если верить новенькой форме с золотыми полосками и нашивками, я был капитаном третьего ранга ВМС США.

— Доброе утро, — бросил я, закрывая за собой дверь, и тут же быстро и бесшумно запер ее ключом, спрятанным в руке.

— Да, сэр.

Седой старшина за столом был вежлив, но давал понять, что очень занят: на столе аккуратными стопками были разложены бумаги, а посторонние офицеры могли бы подождать своей очереди. В армии всем заправляют сержанты, а на флоте — старшины. Моряки сновали туда-сюда по своим финансовым делам, и через открытую дверь я увидел серый казенный сейф с разинутой пастью. Прекрасно. Я положил свой кейс на стол старшины и открыл его.

— Я прочел в газете, — сказал я, — что военные всегда округляют цифру до миллиона или биллиона, когда их просят назвать приблизительную сумму. Это меня восхищает.

— Так точно, сэр, — промолвил старшина, колотя по клавишам калькулятора.

Его не интересовало ни то, что я умею читать, ни то, о чем пишут в прессе.

— Я думал, вам интересно. Так вот, у меня возникла идея: почему бы не поделиться? С такой широтой авось и на мою долю найдется. Поэтому я в вас стреляю, старшина.

Да, это его заинтересовало. Я подождал, пока у него как следует выпучатся глаза и отвиснет челюсть, потом нажал на курок пистолета с длинным дулом. Раздался глухой выстрел, старшина замычал и сполз под стол. Все это заняло одно мгновение, и люди в приемной не успели спохватиться, как я повернулся и перещелкал их всех. Перешагнув через тела, я сунул голову в смежный кабинет.

— Ку-ку, капитан, я вас вижу.

Он отошел от сейфа с каким-то флотским ругательством, и тут же в шею ему впилась игла. Он свернулся так же быстро, как и прочие. Это было мощное, быстродействующее снотворное. В передней комнате уже стоял храп. Жалованье было на месте, хрустящие пачки рядами лежали на полочках. Я раскрыл складной саквояж и потянулся за первой пачечкой зеленых. Тут из окна вылетело стекло, и в меня пустили очередь из автомата.

Да только меня уже не было на том месте. Стреляй они через стекло, меня бы уже прошило кусочками свинца по моде той эпохи, но они поступили иначе. Разбитое стекло дало мне ту долю секунды, за которую сработала моя хорошо тренированная и всегда настороженная реакция. Я перекатился к стенке, и мини-бомбы выскочили из рукава еще до того, как я коснулся пола. Они ухнули, выбросив дым и пламя. Я добавил еще, и пламя погасло, осталась только дымовая завеса. Я прополз по полу, как змея, и под прикрытием сейфа, заслонявшего меня от окна, стал ощупью набивать саквояж деньгами. Не мог я оставить добычу только лишь потому, что обнаружен, загнан в ловушку и подвергаюсь смертельной опасности. Уж если страдать, так было бы за что.

Таща за собой чемоданчики, я прополз через приемную и собрался выйти, но тут снаружи загремел мегафон.

— Мы знаем, что ты там. Выходи и сдавайся, не то мы пристрелим тебя. Дом окружен, у тебя нет никаких шансов.

У двери дым уже рассеялся, и, стоя в темноте, я видел в окно, что голос не соврал. Там стояли грузовики, набитые, надо полагать, свинцовоглазыми, вооруженными до зубов парнями из спецназа. А также джипы с крупнокалиберными пулеметами сзади. Прямо комитет по встрече.

— Живым меня не возьмете, крысы! — заорал я, кидая во все стороны дымовые бомбы, а потом большую разрывную гранату, снесшую часть задней стены.

Под этот шумок я подполз к спящему старшине и ощупью снял с него мундир. Он был старослужащий, на нем было больше полосок, чем на тигре, и по локоть нашивок. Я надел его мундир вместо своего и взял его фуражку. Те, снаружи, здорово подловили меня, а значит, знают обо мне больше, чем хотелось бы. Но эти знания

можно обернуть против них же, быстро сменив звание. Я накидал еще бомб, сунул в карман пистолет, взял свою ношу, а потом отпер и распахнул входную дверь.

— Не стреляйте! — хрипло крикнул я, выходя наружу, и встал на пороге — идеальная мишень. — Не стреляйте — он держит меня под прицелом. Я заложник!

Я старался изобразить ужас, что не потребовало больших усилий, когда я увидел перед собой все это войско.

Потом ступил еще шаг и оглянулся через плечо, давая всем возможность как следует себя рассмотреть и борясь при этом с ощущением, будто у меня на груди, в области сердца, нарисована мишень с большим черным кругом.

Никто не стрелял.

Я немного продлил паузу — а потом прыгнул со ступенек и откатился в сторону.

— Огонь! Бей его! Я вышел!

Зрелище было впечатляющее. Все стволы грянули разом, снесли дверь с петель, выбили все окна, а фасад дома стал дырявым, как дуршлаг.

— Целься выше! — проорал я, отползая под прикрытие ближайшего джипа. — Наши парни все на полу.

Они стали палить высоко и активно, так что дом чуть не отделился от фундамента. Я заполз за джип. Ко мне подошел офицер и лишился чувств, когда я сунул ему под нос капсулу с газом.

— Лейтенант ранен, — крикнул я, заталкивая его и свою поклажу на заднее сиденье джипа. — Увезите его отсюда.

Водитель был очень исполнительный и выполнил приказ, едва я сам успел сесть. Не проехали мы и пяти метров, как пулеметчик уснул рядом с лейтенантом, а водитель, включив третью скорость, тоже задремал. Трудновато было вытащить его из-за руля и самому перелезть туда на полном ходу, но я справился и нажал на газ.

Они быстро спохватились. Собственно, первый джип погнался за мной, когда я еще пристраивал водителя назад к остальным. Этот барьер из тел был тем хорош, что в меня не могли стрелять. Но погоня шла по пятам. Я резко свернул за угол, отчего целый взвод пехоты сиганул в укрытие, и быстро оглянулся назад. Ух ты! Двадцать, тридцать разных машин мчались за мной. Легковые, джипы, грузовики, даже пара мотоциклистов. Они обгоняли друг друга, гудки и сирены выли, жизнь кипела. Джим ди Гриз — благодетель человечества. Где бы я ни появился, там всегда весело. Я свернул к большому ангару и понесся между рядами вертолетов. Механики отскакивали в стороны, роняя свой инструмент, я же

сделал крутой вираж и вынырнул в ту же дверь, в то время как погоня бросилась к противоположной. Захватывающе!

Вертолет — почему бы и нет? Это было в Бримфилде, провозгласившем себя вертолетной столицей мира. Раз они делают вертолеты, то, наверное, и летают на них. Базу флота теперь закроют и окружат со всех сторон, так что нужно искать другой выход. Недалеко от меня маячила стеклянная зеленая вышка, и я направился к ней. Передо мной было летное поле, а на нем стоял пузатый вертолетик, двигатель работал, и винт медленно вращался. Я осадил джип перед открытой дверью и только встал, чтобы забросить туда багаж, — тяжелый ботинок изнутри двинул меня по голове.

Их, конечно, предупредили по радио — как, вероятно, и всех прочих в радиусе ста миль. Какая досада. Пришлось уходить от удара, хвататься за башмак и бороться с его владельцем, в то время как моя верная свита с ревом приближалась. Владелец ботинка слишком хорошо разбирался в этом виде борьбы — пришлось смошенничать и сократить матч, выстрелив ему в ногу одной из своих игл. Потом я забросил деньги, а следом гранаты с сонным газом и наконец залез сам.

Не желая беспокоить пилота, храпящего за штурвалом, я пролез на место второго пилота и уставился на все эти шкалы и ручки. Вполне достаточно для столь примитивного устройства. Методом проб и ошибок я нашел то, что нужно, но к тому времени меня окружило плотное кольцо машин, и спецназовцы в белых касках, с автоматами и дубинками так и рвались в вертолет. Сонный газ уложил даже тех, на ком были противогазы, а я дал полную нагрузку и потянул на себя рукоятку дросселя.

Бывает взлет и получше, но, как говорил мне один инструктор, — если уж поднялся в воздух, остальное не так важно. Машину трясло, болтало и валяло. Люди разбегались, колеса вертолета с треском продавили крышу кабины грузовика. Потом мы взлетели и пошли на малой скорости на юг, к океану. Я не случайно выбрал именно эту военную базу, когда истощились мои фонды. Бримфилд находится в южном углу Калифорнии, с одной стороны Тихий океан, а с другой — Мексика. Крайняя южная и западная точка Соединенных Штатов. Я не хотел больше оставаться в Штатах. Особенно теперь, когда все вертолеты ВМС поднимались за мной в воздух. Уверен, что истребители тоже не задержатся. А Мексика все-таки — суверенное государство, другая страна, так что меня там не будут преследовать — надеюсь. По крайней мере, возникнут какие-то проблемы. А когда они будут решены — меня и след простынет.

Пока внизу проплывали белые пляжи и голубая вода, я разработал простой план ухода. И освоился с управлением. После нескольких проб и ошибок, связанных с сильной болтанкой, я обнаружил автопилот. Чудесный прибор — может удерживать машину на месте, а может вести ее заданным курсом, что мне и требовалось. Он-то и подсказал мне ясный и законченный план. Я пересек границу — вот арена для боя быков, а вот замелькали розовые, голубые, желтые домики мексиканского морского курорта. Все это я скоро миновал, и начались угрюмые берега Нижней Калифорнии. Черные зубья скал в прибое, песок, ущелья в скалах, серый мескит, пыльные кактусы. Изредка домик или ранчо. Прямо по курсу в океан вдавался скалистый мыс, я перевалил через него и снизился на той стороне. Другие вертолеты были в нескольких секундах лета за мной.

Этого вполне достаточно. Я задержал машину в воздухе и полез через спящий экипаж. Океан был метрах в десяти внизу, и колеса поднимали из воды фонтанчики. Я сбросил вниз свою поклажу и тут же, не успела она долететь до воды, сделал пилоту инъекцию в шею. Он зашевелился и заморгал — антисонное противоядие действует почти мгновенно, — а я поставил автопилот на курс и шагнул в открытую дверь.

Все это — в один миг. Вертолет полным ходом пошел дальше, а я кувыркался в воздухе. Прыжок получился не очень изящный, но я все-таки сумел войти в воду ногами вперед. Погрузился, наглотался воды, закашлялся, всплыл и стукнулся головой о саквояж. Вода была куда холоднее, чем я думал, меня пробирала дрожь, и судорога сводила левую ногу. Саквояж меня немного поддерживал, и я, бултыхая ногами и барахтаясь, дотянулся до кейса. Тут над головой раздался оглушительный рев, и стая вертолетов пронеслась мимо, как ангелы-мстители. Уверен, что никто не смотрел вниз: все взоры были прикованы к одинокому вертолету, летевшему на юг. Тот как раз закачался и повернул, описав дугу. Появился реактивный истребитель и стал рыскать вверх и вниз. Время еще есть, но не слишком много. На мысе спрятаться абсолютно негде: голые скалы и песок.

— Импровизируй, — сказал я себе, отфыркиваясь и гребя к берегу. — Не зря же тебя зовут Скользкий Джим. Давай, выскальзывай.

Судорога усилилась, и все, что я мог, — это уйти под воду. Тут ноги коснулись твердого песка, и я побрел к берегу, ловя ртом воздух.

Придется прятаться, не прячась. Камуфляж, один из старых трюков матери-природы. Злые вертолеты все еще жужжали на горизонте, и я начал лихорадочно рыть песок руками.

— Стоп! — приказал я сам себе и сел, качаясь. — Работай мозгами, а не мускулами — урок номер один.

Вот именно. Я вытряс взрывную гранату, вынул из нее чеку и бросил в ямку, а сам упал ничком. Граната прилично грохнула, подняв фонтан песка. И выкопала маленький кратер, куда как раз поместилась моя ноша. Я бросил ее туда и стал судорожно раздеваться, кидая одежду сверху. Вертолеты, должно быть, переговаривали по связи: они разворачивались и шли низко над берегом.

По чистой случайности я надел утром пурпурное белье, которое легко сойдет издали за купальный костюм. Я оставил на себе только трусы и закидал яму песком, чтобы ничего не было видно.

Когда первый вертолет застрекотал над головой, я лежал ничком и загорал — мирный купальщик на пляже. Они шли в линию, прочесывая берег. Я сел и посмотрел на них, как сделал бы всякий отдыхающий на моем месте. Вертолеты пролетели, перевалили за скалы, и рокот их моторов затих вдали.

Но ненадолго, это точно. Что делать? А ничего. Держать свою линию и разыгрывать невинность, раз уж выбрал эту роль.

Вернулись они быстро. Командование, очевидно, распорядилось густо прочесать район, включая океан, пляж и скалы. Теперь они шли помедленней, определенно осматривая каждый дюйм побережья в мощные бинокли. Пора опять поплавать. Я содрогнулся, когда прибой захлестнул ноги, и уж точно посинел, зайдя поглубже. Волна накрыла меня с головой, и я храбро поплыл по-собачьи.

Вертолеты приближались. Один из них завис надо мной, подняв тучу брызг. Я погрозил ему кулаком и прокричал вполне реалистические ругательства, неслышные за шумом мотора. Кто-то высунулся из двери и кричал мне, но я его тоже не слышал. Погрозив, я нырнул и поплыл под водой, заставляя нескрюченную ногу работать за двоих. Вертолет отвалил вслед за остальными, а я с трудом вылез на берег и распластался на песке, чтобы высушили солнце и ветер.

Как же теперь отсюда выбраться?

Глава 10

Как только вертолеты скрылись из виду, я зарылся в песок, как крот, откопал одежду и багаж, перенес их за линию прилива и с помощью еще одной гранаты перезахоронил — только надел брюки и башмаки и рассовал кое-какое снаряжение по карманам. Обре-

зал рукава у форменной рубашки, и она превратилась в спортивную рубашку с короткими рукавами. Мое одеяние начинало сохнуть и потеряло всякое сходство с военной формой, что меня устраивало. Перед уходом я разровнял и разбросал песок, чтобы замаскировать свой тайник, и запомнил приметные утесы, чтобы потом найти его. И пошел к прибрежному шоссе в нескольких сотнях метров от океана.

Удача мне не изменила. Не успел я выйти на северную полосу, как меня догнала похожая на жука открытая машина на высоких колесах. Я универсальным жестом поднял большой палец, и машина притормозила. На заднем сиденье торчали моторные доски для серфа, а впереди сидели двое загорелых молодых людей, одетые еще более небрежно, чем я. Я знал, что такова мода — возможно, они приняли меня за своего.

— Парень, ты чего такой мокрый? — осведомился один, когда я сел сзади.

— Поддал немного и выкупался.

— Бывает, — заметил водитель, и машина покатила вперед.

Через минуту нам навстречу пронеслись два неуклюжих черных «седана» с мигалками и сиренами. На них большими буквами было написано «POLICIA», и не надо было иметь больших лингвистических талантов, чтобы это перевести. Мои новые друзья, отказавшись от угощения, высадили меня в центре Тихуаны и уехали. Я сел на террасе кафе, заказал большую текилу, соль и лимон и понял, что наконец ушел из ловко подстроенной западни.

Да, это западня. Теперь, когда было время подумать, это стало очевидным. Все эти джипы и грузовики явились не по волшебству. Сомнительно также, что можно быстро собрать такое количество боеприпасов, даже по тревоге. Я прошел свои действия шаг за шагом и был абсолютно уверен — я тревогу вызвать не мог.

Откуда же они узнали?

Узнали, потому что некто, скачущий взад-вперед по времени, прочел в газетах отчет о событиях, а потом перепрыгнул назад и предупредил их. В глубине души я ожидал этого, но нельзя сказать, чтобы обрадовался. Я слизнул соль с большого пальца, глотнул текилы и вонзил зубы в лимон. Восхитительное сочетание — по горлу потек жидкий огонь.

Тот был жив. Я ликвидировал его организацию в благословенном 1975 году от Рождества Христова, но он ушел, чтобы еще больше напакостить в другой эпохе. Война времен не кончена. Он со своими безумцами хочет контролировать всю историю и все времена. Сумасбродная идея, но может осуществиться — расправился же он в будущем со Специальным Корпусом, единственной

правозащитной организацией, способной победить его. Вернее, со всем Корпусом, кроме меня, и я прибыл в прошлое, чтобы ликвидировать ликвидаторов и тем самым восстановить Корпус на возможных путях истории будущего. Большая задача, и я выполнил ее на 99,9%. Только одна десятая процента еще не обезврежена. Чудовищный Тот улетел от меня на спирали времени, нашпигованный разрывными пулями. Может, у него брюхо бронированное. В следующий раз попробую что-нибудь покрепче. Скажем, атомную бомбу на подносе к завтраку.

А теперь за дело. Я очень надеялся, что смогу построить спираль времени, которая перебросит меня назад в будущее, то есть вперед в будущее: грамматика отказывает, когда сталкивается с путешествиями во времени. Вперед-назад в объятия Анжелины и к торжествам в мою честь. Но не теперь еще: ничего этого пока не существует. Война времен — дело тонкое, тут и запутаться можно. Неплохо бы теории времени быть поточнее, и я радовался, что мне не обязательно ее знать: другие перебросят меня куда надо, как темпоральный мячик, чтобы я выполнил очередное задание.

На следующее утро я без особого труда достал машину и выкопал деньги, хотя нескольким агентам в штатском пришлось крепко уснуть вместо того, чтобы выполнять свои обязанности. Перевезти деньги обратно в Штаты было еще проще, и в тот же день я основал фирму «Уиззер Электроникс, Инк.» в Сан-Диего. Большая современная лаборатория, а при ней приемная с секретаршей средней сообразительности. Я оборудовал лабораторию как можно лучше, теперь очередь за профессором Койпу.

— Понятно, профессор, — сказал я черному ящичку с его именем. — Все готово и ждет вас. — Я потряс ящичек. — Как-нибудь вы мне расскажете, как это ваша память могла быть записана здесь, если вас нет и не будет в этой Галактике, поскольку Тот со своими придурками уничтожил Корпус. Хотя нет, лучше не рассказывайте. Пожалуй, мне не очень-то хочется это знать. — Я поднял ящичек и обвел им комнату. — Лучшее оборудование, какое можно купить на ворованные деньги. Вся современная исследовательская техника, которую смог достать. Любые запчасти. Запас сырья. Каталоги всех фирм, поставляющих электронику и физико-химическую продукцию. Большой счет в банке, который можно расходовать, покупая что угодно. Стопка подписанных чеков, которые надо только заполнить. Уроки языка в записи. Инструкции, отчет о происшедших событиях. Все для вас, профессор, и поосторожнее с этим телом. Оно единственное у нас обоих.

Быстро, чтобы не передумать, я лег на кушетку, подключил блок его памяти к своему затылку и повернул выключатель.

— В чем дело? — спросил Койпу, забираясь в мой мозг.

— Долго рассказывать. Вы у меня в мозгу, Койпу, так что соблюдайте правила безопасности.

— Чрезвычайно интересно. Действительно, ваше тело. Дайте-ка я пошевелю рукой. Не мешайте мне. Почему бы вам, собственно, не выйти ненадолго, пока я не разберусь, в чем дело?

— Что-то не хочется.

— Придется. Я вас выталкиваю.

— Нет! — закричал я, но это не помогло.

Бесформенная чернота навалилась на меня, и я полетел по спирали вниз, в еще более густую тьму, вытолкнутый электронно усиленной памятью Койпу.

Как медленно идет время.

У меня в руке — черный ящичек. На нем корявыми белыми буквами написано «Койпу». Палец лежит на выключателе; блок отключен.

Память вернулась, голова шла кругом, и я стал искать стул, чтобы сесть, обнаружил, что уже сижу, и сел поглубже.

Я отсутствовал, а другой распоряжался моим телом. Снова вступив во владение им, я обнаружил смутные воспоминания о работе, большой и долгой работе — она длилась дни, недели, а может, и месяцы. На пальцах появились ожоги и мозоли, а на тыльной стороне правой руки — свежая царапина. Зашелестел диктофон, — должно быть, его включил таймер, — и со мной заговорил профессор Койпу:

— Прежде всего скажу — больше этого не делайте. Не позволяйте моей памяти овладеть вашим телом. Я ведь все помню. Я помню, что меня больше нет. Эти мозги в коробочке — возможно, все, что от меня осталось. Если я выключу их — я перестану существовать. Может быть, память никогда больше не включат — скорее всего, так и будет. Это самоубийство, а я не принадлежу к типу самоубийц. Бесконечно тяжело щелкнуть выключателем. Думаю, все же я смогу это сделать. Я знаю, что поставлено на карту. Гораздо больше, чем псевдожизнь искусственной памяти. Поэтому я все-таки постараюсь выключить ее. Сомневаюсь, что смогу сделать это во второй раз. Я уже сказал — не делайте этого больше, предупреждаю вас.

— Предупреждай, предупреждай, — пробормотал я, выключил запись и пошел чего-нибудь выпить.

Койпу — хороший мужик. Мой бар был в целости и сохранности, и тройное солодовое виски со льдом прояснило мозги. Я снова сел и включил диктофон.

— К делу. Начав исследования, я понял, отчего преступники времени выбрали именно эту эпоху. Общество только что вступило в эру технологии, в то время как мышление находится на уровне Темных веков. Национализм, эта разновидность сумасшествия; отравление среды, преступность, всемирная гонка вооружений...

— Хватит читать лекцию, Койпу, давай по существу.

— ...но не стоит читать лекций на эту тему. Достаточно сказать, что все материалы для создания спирали времени в этом периоде доступны, а структура общества такова, что крупные манипуляции с временем можно успешно скрывать. Я построил спираль времени, она готова и ждет вас. Я также сконструировал трассоискатель и с его помощью определил, в каком периоде находится существо по имени Тот. По причинам, известным только ему, Тот сейчас действует в недавнем прошлом планеты, примерно 170 лет назад. Можно только догадываться, но думаю все же, что эта его операция — ловушка, подстроенная, безусловно, для вас. Неизвестным мне способом он поставил временной барьер перед 1805 годом, чтобы вы не смогли прибыть раньше и помешать ему в приготовлениях. Будьте осторожны — в его распоряжении большие силы. Я настроил автоматику так, что вы можете выбрать любой год из пяти после 1805-го, — это период их операции. Место — город Лондон. Выбор за вами. Удачи.

Я выключил диктофон, подавленный, и снова пошел выпить. Опять выбирать. Прощай, родное время. Придется углубиться в доисторическое прошлое и снова сразиться с приспешниками Того. Даже если я одержу победу — что из этого? Все равно застряну в том времени на всю жизнь. Мрачная перспектива, да ничего не поделаешь. В действительности у меня только иллюзия выбора. Он выследил меня в 1975 году, в следующий раз он сотрет меня в порошок. Уж лучше напасть первым. Вот-вот. Я выпил еще и взял первую попавшуюся книжку с длинной полки.

Койпу даром времени не терял. Не только соорудил спираль, но и подобрал библиотечку, посвященную тому периоду — первой четверти XIX века. Целью моего назначения был Лондон, и в связи с этим сразу же выделилось одно имя.

Наполеон Бонапарт, Наполеон Первый, император Франции, властелин большей части Европы, чуть ли не всего мира. Его мегало-маниакальные притязания мало чем отличались от притязаний Того. Это не совпадение: здесь должна быть связь. Я не знал еще, какая именно, но был печально уверен, что вскоре это выясню. А пока я перечитал всю литературу о том времени и чувствовал себя достаточно подкованным. Единственный светлый момент во всем деле — то, что в Англии говорят на языке, похожем на американский. Значит, не придется портить мозги на мнемографе.

Оставался вопрос одежды, но иллюстраций того периода было более чем достаточно. В итоге голливудский костюмер снабдил меня полным гардеробом — от коротких штанов и сюртуков на пуговицах до широких плащей и касторовых шляп. Тогдашняя мода мне понравилась, и я хорошо к ней приспособился, упрятав приличное количество снаряжения в объемные складки.

Раз я все равно прибуду вовремя во время, в какое время бы ни отправился, то можно еще потянуть время. Но наконец предлогов для промедления больше не осталось. Время пришло. Инструменты и оружие готовы, здоровье отличное, реакция быстрая, боевой дух... низок. Но раз надо, значит, надо.

Я вышел в приемную, и секретарша уставилась на меня поверх модного журнала, жуя резинку.

— Мисс Киппер, выпишите себе чек на жалованье за четыре недели — это вместо предупреждения.

— Вам не нравится, как я работаю?

— Я не мог бы желать лучшего. Но наша фирма из-за ошибок руководства обанкротилась, и я уезжаю за границу скрываться от кредиторов.

— Ой, как жалко.

— Спасибо за сочувствие. Разрешите, я подпишу чек.

Мы пожали друг другу руки, и я отпустил ее. Плата за помещение внесена за месяц вперед, и домовладельцу достанется вся техника. Только машина времени самоуничтожится после моего ухода. И так уже достаточно манипуляций с временем — я не имел желания вводить в игру новых лиц.

Нелегкой было задачей залезть в скафандр в одежде прошлого века, в конце концов пришлось снять сапоги и сюртук и приторочить их снаружи с остальным снаряжением. Навьюченный, я доковылял до пульта и собрался с духом перед решительным шагом. Я знал, где должен высадиться, и по инструкции Койпу заложил точные координаты в машину заранее. Лондон исключался: если у них есть хоть какой-нибудь детектор, они засекут мое прибытие. Хотелось высадиться настолько далеко от города, чтобы меня не могли засечь, и настолько близко, чтобы не пришлось долго путешествовать на примитивных транспортных средствах того времени. То, что я читал о них, бросало в дрожь. Поэтому я остановился на долине Темзы близ Оксфорда. Гряда Чилтернских холмов окажется между мной и Лондоном. Сквозь камень не пробьется ни радар, ни все прочие лучи. А в Лондон можно добраться по воде, это около ста километров, и не связываться с отвратительными тогдашними дорогами.

Место высадки назначено. Время высадки — другое дело. Я пристально смотрел на диски настройки, будто ждал от них ответа, но они молчали. Раньше 1805 года нельзя — там стоит барьер. Сам 1805-й уж очень был похож на ловушку: они, конечно, будут настороже. Значит, позже. Но не настолько, чтоб они успели осуществить свое черное дело. Скажем, два года спустя — работу они еще не закончат, но, надо надеяться, немного ослабят бдительность. Я сделал глубокий вдох и поставил диски на 1807 год. И нажал на кнопку. Через две минуты энергия времени достигнет полной мощности. На свинцовых ногах я дотащился до зеленой светящейся спирали и коснулся ее конца.

Как и в прошлый раз, я ничего не почувствовал, но меня охватило сияние, сквозь которое с трудом просматривалась комната. Две минуты тянулись, как два часа, хотя стрелка и показывала мне, что до старта еще пятнадцать секунд. На этот раз я закрыл глаза, помня о неприятных ощущениях прошлого путешествия, и стоял напряженный, нервный и незрячий. Спираль развернулась и швырнула меня через время.

Дзынь! Удовольствие среднее. Я оказался в прошлом, энергия спирали таяла в будущем. Принцип ее действия меня мало интересовал: почему-то теперь кишки скрутило гораздо сильнее, чем в прошлый раз, и я долго убеждал себя, что блевать в скафандр нехорошо. Уладив это дело, я понял, что ощущение падения падением и вызвано, открыл глаза и увидел себя среди проливного дождя. А снизу, сквозь его пелену, на меня неслись мокрое поле и сучковатые деревья.

В панике схватившись за браслет гравитатора, я успел поставить его на полную мощность. Ремни заскрипели от резкой нагрузки. Я тоже заскрипел и застонал — лямки врезались в тело почти до кости. Не знаю, как не оторвались руки-ноги, когда я вломился в крону стоявшего внизу дерева, отскочил от толстой ветви и брякнулся оземь. Гравитатор же по-прежнему работал на полную мощность, и как только травянистый склон погасил мою скорость, меня снова подняло, стукнуло по дороге о ту же самую ветку и вынесло на вершину дерева сквозь прутья и листья. Снова я схватился за браслет, чтобы исправить дело, на этот раз миновал дерево и, как намокшее перышко, опустился на траву, где и лежал некоторое время.

— Прекрасная посадка, Джим, — простонал я, ощупывая себя в поисках переломов. — Тебе бы в цирке выступать.

Я был побит, но цел — это выяснилось, когда болеутоляющая таблетка прочистила голову и притупила нервные окончания. С запозданием я вгляделся в утихающий дождь, но вокруг не было

никого — и никаких признаков жилья. На соседнем поле паслись коровы, не обеспокоенные моим драматическим явлением. Я на месте.

— За работу, — приказал я себе и стал разгружаться под прикрытием своего большого дерева.

У меня был складной контейнер, очень хитро сконструированный. Он разворачивался и превращался в окованный медью кожаный сундук, типичный для того времени. Туда поместилось все, включая скафандр и гравитатор. Когда я уложил и запер сундук, дождь кончился и бледное солнце пробивалось сквозь облака. По меньшей мере полдень, судя по высоте. Успею найти пристанище на ночь. Только где? Утоптанная тропинка через коровье пастбище куда-нибудь да приведет. Я перелез через низкую каменную изгородь и пошел вдоль нее. Коровы таращили на меня круглые глаза, но больше никак не реагировали. Это были большие животные, знакомые мне только по фотографиям, и я, кажется, что-то слышал об их агрессивности. Но коровы, наверное, тоже запамятовали и не мешали мне идти по тропинке с сундуком на плече навстречу новому миру.

Тропинка привела к перелазу на проселочную дорогу. Годится. Я соображал, в каком направлении идти, и тут услышал, как приближался некий деревенский транспорт — колеса здорово скрипели, а ветерок принес струю запаха. Вскоре до меня дотарахтело двухколесное деревянное сооружение, влекомое исключительно костлявой лошадью и груженное, как я после разобрался, навозом — естественным удобрением. Ценится как средство повышения урожайности, а также как составная часть для производства пороха. Транспортом управлял неряшливый крестьянин в мешковатой одежде, сидя впереди на возвышении. Я сошел на дорогу и поднял руку. Он потянул за систему ремней, привязанных к животному, и экипаж со скрипом остановился. Возница уставился на меня, осклабил голые десны в память о давно ушедших зубах, приподнялся и постучал костяшками пальцев по лбу. Я читал об этом ритуале и знал, что так представители низших классов приветствуют представителей высших. Значит, я правильно подобрал костюм.

— Мне нужно в Оксфорд, любезный, — сказал я.

— Ась? — Он поднес к уху тощую руку.

— Оксфорд! — закричал я.

— А-а, Оксфорд! — радостно закивал он. — Это вон туда. — И указал через плечо.

— Я направляюсь туда. Не подвезете ли?

— Да мне туда. — Он махнул вперед.

Я вынул золотой соверен из кошелька, купленного у антиквара, — больше, чем он, вероятно, видал за всю жизнь, — и показал ему. Он широко раскрыл глаза и разинул беззубый рот.

— Поехали в Оксфорд.

Чем меньше рассказывать об этой поездке, тем лучше. Навозомобиль без рессор истязал нижнюю часть моего туловища, а груз его оскорблял обоняние. Но мы, по крайней мере, двигались в нужном направлении. Мой водитель кудахтал и бубнил себе под нос, обезумев от радости по поводу свалившегося с неба сокровища, и выжимал скорость из своей престарелой клячи. Когда мы выехали на открытое место, проглянуло солнце, и впереди показались серые башни университета, бледные на фоне грифельно-серых туч — очень красивый вид. Пока я восторгался, повозка остановилась.

— Оксфорд, — указал корявым пальцем возница. — Магдаленский мост.

Я слез и потер онемевшие ляжки, глядя на изящную арку моста над рекой. Раздался грохот — это рядом со мной свалился сундук. Я было возмутился, но мой экипаж уже катил обратно по дороге. Поскольку мне не больше хотелось въехать в город на телеге, чем ему — меня доставить, я не возражал. Но он мог бы сказать что-нибудь — хотя бы попрощаться. Впрочем, неважно. Я взвалил сундук на плечо и пошел вперед, притворяясь, что не вижу солдата в голубом мундире, стоявшего у будки на том конце моста. Солдат держал длинное огнестрельное оружие с чем-то острым на конце, и он-то хорошо меня видел. Преградив дорогу своим оружием, он сунулся мне в лицо своей черной бородкой.

— Кескет вулеву?[1] — спросил он.

Совершенно непонятно — может быть, это городской диалект, возницу-то я понимал без труда.

— Будьте добры, повторите, — попросил я самым дружелюбным образом.

— Кошон англей[2], — пробурчал он и замахнулся нижним деревянным концом оружия прямо мне в диафрагму.

Это некрасиво с его стороны. В ответ на такое обращение я отступил в сторону, чтобы избежать удара, и в свою очередь саданул коленом в диафрагму ему. Он согнулся пополам, и я рубанул ему по затылку, раз уж сам подставился. Он упал без сознания, и я подхватил его оружие, чтобы не выстрелило при падении.

Все это произошло очень быстро. На меня изумленно глядели прохожие и свирепо — другой солдат в дверях будки. Он целил в

[1] Что вам нужно? *(искаж. франц.)*

[2] Английская свинья *(искаж. франц.)*.

меня из ружья. Нечего сказать, мирно вошел в город — но раз начал, надо продолжать.

Сказано — сделано. Я нагнулся: во-первых, чтобы поставить сундук, во-вторых, чтобы в меня не попали. Раздался выстрел, и язык пламени пролетел у меня над головой. Затем приклад ружья у меня в руках взвился и угодил противнику в челюсть, он рухнул назад, а я устремился за ним. Если там, внутри, есть и другие, лучше иметь с ними дело в замкнутом пространстве.

Были, были там другие, вполне достаточное количество. Разделавшись с ближайшими парой подлых приемчиков, я бросил гранату с сонным газом для успокоения остальных. Не хотелось мне этого делать, но пришлось. Посматривая на дверь, я привел в беспорядок одежду лежащих и попинал их ногами, чтобы походили на жертвы физического насилия.

А теперь как отсюда выбраться? Первый ответ — быстро, пока очевидцы не подняли тревогу. Но с порога я увидел, что прохожие собрались в кучку и пытаются рассмотреть, что происходит. Когда я вышел, все заулыбались и радостно закричали, а кто-то выкрикнул:

— Ура его лордству! Видели, что он сделал с французиками?

Я растерянно стоял среди радостных кликов. Что-то здесь не так. Теперь я понял, что мучило меня с тех самых пор, когда я впервые взглянул на колледжи. Флаг, гордо реющий на ближней башне. Где двойной английский крест?

Это было трехцветное знамя Франции.

Глава 11

Пока я пытался осмыслить этот факт, человек в простом платье из коричневой кожи растолкал ликующую толпу и громко призвал ее к молчанию.

— Ступайте все по домам, не то придут лягушатники и перебьют вас. И никому об этом не говорите, если не хотите висеть на городских воротах.

Ликование сменилось испугом, и все стали быстро расходиться. Только двое мужчин прошли мимо меня в караульню, чтобы собрать разбросанное оружие. Сонный газ уже рассеялся, и я впустил их. Человек в коже, подойдя ко мне, притронулся двумя пальцами к шапке.

— Хорошо сработано, сэр, но теперь вам надо быстро уходить. Выстрел могли услышать.

— Куда же мне идти? Я никогда в жизни не был в Оксфорде.

Он быстро смерил меня взглядом, так же, как и я его, и принял решение.

— Пойдемте с нами.

И самое время: я слышал, как топают тяжелые сапоги по мосту, когда мы нырнули в переулок, нагрузившись ружьями. Но мои спутники были местными, знали все ходы и выходы, и опасности, на мой взгляд, не было. Мы то шли, то бежали добрый час и дошли до большого амбара — видимо, цели нашего пути. Я вошел следом за другими и поставил свой сундук на пол. Когда я выпрямился, те двое, что тащили ружья, схватили меня за руки, а человек в коже приставил к горлу исключительно острый, как мне показалось, нож.

— Кто ты? — спросил он.

— Меня зовут Браун, Джон Браун. Я из Америки. А как зовут тебя?

— Брюстер. — И он продолжал тем же ровным голосом: — Скажи-ка, почему бы нам не убить тебя как шпиона?

Я спокойно улыбнулся, чтобы показать ему, как глупа подобная мысль, но внутренне совсем не был так спокоен. Шпион — почему бы и нет? Что ему сказать? Думай быстро, Джим, потому что нож убивает не хуже атомной бомбы. Что мне известно? Французы оккупировали Оксфорд. Значит, они вторглись в Англию и захватили страну или часть ее. Существует сопротивление захватчикам — эти люди тому доказательство. Я оттолкнулся от этого факта и начал импровизировать.

— Я здесь с тайной миссией. — (Это всегда действует). Нож все еще упирался мне в горло. — Как вам известно, Америка на вашей стороне...

— Америка помогает французам — ваш Бенджамин Франклин так сказал.

— Что ж, на мистере Франклине лежит большая ответственность. Франция теперь слишком сильна, чтобы с ней сражаться, вот мы и поддерживаем ее — для вида. Но есть много таких, как я, которые хотят вам помочь.

— Докажи!

— Каким образом? Бумаги можно подделать, да и возить их при себе смертельно опасно — вы не поверили бы им. Но есть у меня то, что не солжет, и я ехал в Лондон, чтобы отвезти это кое-кому.

— Кому? — Мне показалось, или нож действительно чуть-чуть отодвинулся?

— Этого я не скажу. Но такие люди, как вы, желающие сбросить иго тирана, есть во всей Англии. Мы связались с несколькими группами, и я везу им то, о чем говорил.

— Что это?

— Золото.

Это произвело впечатление, и руки, державшие меня, чуть-чуть ослабили хватку. Я стал ковать, пока горячо.

— Вы никогда меня раньше не видели и скорее всего больше не увидите. Но я могу предоставить вам средства для покупки оружия, подкупа солдат, помощи узникам. Как вы думаете, зачем я сегодня публично напал на солдат? — осенило меня.

— Скажи нам, — ответил Брюстер.

— Чтобы найти вас. — Я медленно оглядел их удивленные лица. — По всей стране есть много настоящих англичан, которые ненавидят захватчиков и будут сражаться, чтобы выбросить их с этих зеленых берегов. Но как связаться с ними, как помочь? Я показал вам один из способов — и обеспечил вас оружием. Теперь я дам вам золото, чтобы продолжать борьбу. Вы должны довериться мне, как я доверяю вам. Ведь вы получите достаточно золота, чтобы при желании бежать отсюда и дожить свои дни в более мирном уголке света. Но я в это не верю. Вы рисковали жизнью из-за этого оружия. Вы сделаете то, что считаете правильным. Я дам вам золото и уеду. Мы никогда больше не увидимся. Мы должны доверять друг другу. Я вам доверяю... — Тут мой голос дрогнул, чтобы они могли сами закончить фразу.

— Похоже на правду, Брюстер, — сказал один.

— И мне так кажется, — сказал другой. — Давай возьмем золото.

— Золото возьму я, если оно существует, — сказал Брюстер, отводя нож, но все еще сомневаясь. — Может, все это ложь.

— Все может быть, — быстро ответил я, пока он не начал копаться в моей ненадежной легенде. — Но это не ложь — да и не так это важно. Увидите сами — ночью я уеду, и больше мы никогда не встретимся.

— Золото, — сказал один из стражей.

— Надо посмотреть, — неуверенно сказал Брюстер.

Мой блеф удался, теперь ему нет пути назад.

Я очень осторожно открыл сундук, чувствуя дуло ружья в области почек. Золото у меня было: это единственная правдивая часть моей истории. Оно лежало в кожаных мешочках и предназначалось для финансирования операции. Теперь оно выполнит свое назначение. Я вынул один мешочек и торжественно вручил его Брюстеру.

Он взвесил на руке сверкающие гранулы, и все уставились на них. Я воспользовался моментом.

— Как мне попасть в Лондон? По реке?

— Там часовые на каждом шлюзе, — сказал Брюстер, все еще глядя на золотой гравий у себя в руке. — И до Абингдона не доберетесь. Только верхом, окольными дорогами.

— Я не знаю окольных дорог. Мне понадобятся две лошади и кто-нибудь в проводники. Вы знаете — я могу заплатить.

— Вот Люк вас проводит, — сказал он, наконец переведя глаза на меня. — Он раньше был погонщиком скота. Но только до стены; с французами разбирайтесь сами.

— С удовольствием.

Значит, Лондон оккупирован. А остальная часть Англии?

Брюстер пошел добывать лошадей, а Гью принес черствого хлеба и сыра, а также эля, который мне был больше по душе. Мы разговорились — скорее, говорили они, а я слушал, вставляя иногда словцо. Спрашивать я боялся, чтобы не обнаружить свое полнейшее невежество. Но картина наконец прояснилась. Англия захвачена полностью и покорена вот уже несколько лет. Сколько именно — неясно, хотя в Шотландии еще идут бои. Ходили невнятные слухи о вторжении, о большой пушке, причинившей страшные потери, о том, что весь флот был уничтожен в единственном сражении в Ла-Манше. Тут виднелся отпечаток раздвоенного копыта Того. История переписывалась.

Но ведь это прошлое — не от того будущего, из которого я прибыл. Голова начинала болеть, как только я об этом задумывался. Существует ли этот мир в петле времени, в стороне от основного течения истории? Или это — параллельный мир? Профессор Койпу знал бы — но не думаю, что он одобрит, если я включу его память только ради ответов на свои вопросы. Придется разбираться без него. Думай, Джим, шевели извилинами. Ты гордишься тем, что называешь своим интеллектом, так используй его для разнообразия на что-нибудь, кроме жульничества. Должна же тут быть какая-то логика. Пункт А: в будущем этого прошлого не существует. Б: оно определенно существует в данный момент. Наконец, В: не я ли причина тому, что это прошлое и даже память о нем исчезнут? Я не имел понятия, как это должно произойти, но мысль была такая теплая и ободряющая, что я за нее ухватился. Джим ди Гриз — творец истории, потрясатель миров. Очень приятный образ, и я лелеял его, засыпая на сене, но вскоре проснулся и зачесался: насекомые одолели.

Лошадей привели, когда уже стемнело, и мы договорились, что лучше выехать на рассвете. Я отыскал в сундуке аэрозоль и расправился с врагами, обеспечив себе относительно спокойную ночь перед дорогой.

Эта дорога! Мы ехали три дня, и, когда добрались до Лондона, мои потертости протерлись до последней крайности. А мой простодушный спутник от души наслаждался поездкой, считая ее увеселительной. Он рассказывал мне о местностях, через которые мы проезжали, и каждый вечер вмертвую напивался в трактирах, где мы останавливались. Мы переправились через Темзу повыше Хенли и сделали большой крюк на юг, избегая мало-мальски крупных населенных пунктов. Когда мы снова выехали к Темзе в Саутворке, перед нами был Лондонский мост, а за ним — крыши и шпили Лондона. Их трудновато было рассмотреть из-за высокой стены, что шла вдоль всего противоположного берега. Стена выглядела свеженькой и чистенькой по сравнению с закопченным городом, и меня поразила одна мысль.

— Стену построили недавно, верно?

— Ну да, года два назад. Много народу поумирало — женщины, дети. Бони всех согнал, как рабов, на постройку. Она идет вокруг всего города. Не было никакой надобности ее строить — сумасшедший он, и все.

Надобность была, и хотя мне это льстило, но совсем не понравилось. Стену построили из-за меня, чтобы не допустить меня в город.

— Надо найти тихую гостиницу, — сказал я.

— А вон там — у Джорджа. — Он громко причмокнул. — И эль что надо.

— Она, может, и хороша, но мне нужно жилье на реке, чтобы виден был мост.

— Есть одно местечко — «Кабан и куропатка». На Селедочной улице, что близ Винного переулка. Там эль хороший.

Хорошим Люк считал и самое мерзкое пойло, лишь бы в нем содержался алкоголь. Но «Кабан и куропатка» как раз мне подошел. Подозрительный кабак с треснувшей вывеской, изображавшей невероятного вида свинью и такую же птицу в состоянии конфронтации. За трактиром был шаткий причал, где жаждущие лодочники привязывали свои лодки, а моя комната выходила окнами на реку. Поставив лошадь на конюшню и договорившись о цене, я заперся и распаковал электронный телескоп. Он представил мне ясную, подробную, удручающую картину города за рекой.

Его окружала эта стена, десяти метров высотой, из кирпича и камня, несомненно, нашпигованная всяческими детекторами. Если попытаться пройти над или под ней, меня обнаружат. Забудем про стену. Единственный вход, видный мне с наблюдательного поста, находился за Лондонским мостом, и я внимательно его изучал. Транспорт по мосту двигался медленно, поскольку

все и вся перед допуском в город тщательно обыскивалось. Французские солдаты все осматривали и ощупывали. А людей по одному вводили в помещение внутри стены. Насколько я мог судить, выходили оттуда все — но выйду ли я? Что происходит там, внутри? Надо выяснить, и распивочная внизу самое подходящее для этого место.

Все любят, когда человек щедро тратит деньги, — этим я и занялся. Одноглазый трактирщик, бормоча под нос, отыскал в погребе бутылку приличного кларета, которую я придержал для себя. Что до местных жителей, то они были вполне счастливы, вливая в себя эль кружку за кружкой. Кружки были кожаные и смазаны дегтем, что придавало особую пикантность напитку, но никто ничего не имел против. Самым ценным моим информатором стал заросший щетиной человек по имени Квинч. Он занимался перегоном скота из загонов на бойню, а также помогал мясникам в их кровавой работе. Талантами, само собой, он не блистал, но к выпивке тягу имел большую, а когда пил, то говорил, а я ловил каждое слово. Он входил и выходил из Лондона каждый день, и мало-помалу из потока его сквернословия я выудил как будто все детали пропускной процедуры.

Сначала обыск — это я и без него видел. Иногда тщательный, иногда поверхностный. Но одно оставалось неизменным.

Каждый человек, входящий в город, должен просунуть руку в отверстие в стене караульной. Просунуть — и все. Ничего не касаться, просто сунуть руку по локоть.

Я обдумывал это, попивая вино и отрешившись от кликов мужского веселья, царившего вокруг.

Что же они проверяют таким образом? Возможно, отпечатки пальцев — но я, как правило, ношу пленку с фальшивыми отпечатками и сменил три таких за последнюю операцию. Температуру? Щелочность кожи? Пульс, давление? Может, эти обитатели далекого для меня прошлого чем-то отличаются по своим физическим параметрам? За тридцать тысяч лет вполне могло что-нибудь измениться. Надо вычислить современные нормы.

Это было довольно легко сделать. Я собрал детектор, регистрирующий все эти факторы, и подвесил его под одеждой. Датчик в виде кольца надел на правую руку и на следующий вечер, обменявшись рукопожатием со всеми посетителями, допил вино и ушел в свою комнату. Результаты регистрировались с точностью до 0,006% и многое мне открыли. В частности, то, что мои собственные показатели — в пределах нормы.

— Плохо думаешь, Джим, — упрекнул я себя в кривом зеркале. — Должна быть причина этой дыры в стене. А причина — ка-

кой-то детектор. Что же он определяет? — Я отвернулся от своего обвиняющего взгляда. — Ну-ну, не надо уходить от вопроса. Если не можешь ответить, поверти его в голове. Что вообще поддается измерению?

Это уже теплее. Я взял лист бумаги и начал перечислять все величины, подлежащие измерению, в порядке их частот. Свет, тепло, радиоволны, затем шум, вибрация, радарные волны — абсолютно все, не пытаясь пока соотносить эти величины с человеческим телом. Этим я занялся, составив как можно более подробный список. Заполнив весь лист, я торжественно пожал себе руку и перечитал список в поисках того, что применимо к человеку.

Ничего. Я снова пал духом. Отбросил список — и схватил снова. Что-то тут было, что-то, относящееся к чему-то, что я слышал о Земле. Что же? И где? Здесь. Земля уничтожена ядерными взрывами, сказал Койпу.

Радиация. Атомный век еще в будущем — и единственная радиация в этом мире — естественная, фоновая. Проверить недолго.

Я — человек из будущего, обитатель Галактики, использующей приручeнный атом. Мое тело было вдвое радиоактивнее фона моей комнаты и вдвое радиоактивнее горячих тел моих друзей в кабачке, куда я спустился проверить.

Теперь, когда я знал, чего нужно остерегаться, можно было попытаться обойти препятствие. Вскоре я составил план и задолго до рассвета был готов действовать. Все мое снаряжение было пластмассовое — его не обнаружит металлоискатель, если он у них есть. Металлические предметы я поместил в пластиковую трубку не более метра длиной и не толще моего пальца, свернул ее и положил в карман. В самый темный час перед рассветом я выскользнул из дома и стал рыскать по мокрым улицам в поисках добычи.

Вскоре я нашел ее — это был французский часовой, охранявший один из входов в ближние доки. Короткая схватка, немножко газа, безжизненное тело, темный закоулок. Через две минуты я вышел с другого конца в его мундире с ружьем на плече, которое нес, как положено у французов. Трубку со снаряжением я засунул в дуло — пусть-ка проверят металлоискателем. Время было рассчитано правильно — когда разрозненные ночные патрули возвращались в Лондон, я шагал в последней шеренге. Войду необнаруженный, во вражеских рядах — обманули дураков. Не станут же они проверять своих солдат.

А дураком-то оказался я. Отряд входил в ворота на том конце моста, и я увидел кое-что интересное: из окна этого не было видно.

Каждый солдат, завернув за угол караульной, на минуту останавливался под холодным взором сержанта и просовывал руку в темное отверстие, пробитое в стене.

Глава 12

— Мерд![1] — сказал я, спотыкаясь на неровном мосту.

Не знаю, что это значит, но у французских солдат это слово в большом ходу и, кажется, подходит к случаю. Я упал на солдата рядом с собой, и мой мушкет больно ударил его по голове. Он завопил от боли и оттолкнул меня. Я попятился назад, наткнулся на низкие перила и упал в реку.

Чистая работа. Течение было быстрое, и я погрузился под воду, зажав мушкет между колен, чтобы не унесло. Потом разок всплыл, молотя по воде руками и крича во все горло. Солдаты с криками метались по мосту, указывая в мою сторону. Убедившись, что произвел желаемое впечатление, я позволил мокрой одежде и ружью снова утянуть себя под воду. Кислородная маска была во внутреннем кармане, и только несколько секунд потребовалось, чтобы вынуть ее и натянуть на голову. Я сделал сильный выдох, убрал из маски воду и вдохнул чистый кислород. Теперь оставалось потихоньку переплыть реку. Был как раз отлив — течением меня отнесет далеко от моста. Я избежал проверки, выжил, мог снова собраться с силами для борьбы, но полнейший провал моей попытки проникнуть за стену глубоко меня угнетал. Я плыл в подводном сумраке и пытался придумать другой план, но это было явно не то место, да и вода не слишком теплая. Мысли о теплом камельке в моей комнате и кружке горячего рома поддерживали меня довольно долго. Наконец я увидел в воде что-то темное — это было небольшое судно, стоящее у причала, видны были сваи. Подплыв под киль, я вытащил трубку из дула ружья и то, что было в карманах мундира. Потом сунул ружье в рукав мундира и отправил на дно. Глубоко вдохнув, снял маску, спрятал ее и всплыл как можно тише рядом с кораблем.

Над собой я увидел фалды и заплатанные штаны французского солдата, сидевшего на борту. Он старательно надраивал вороненый ствол пушки внушительного вида. Она выглядела гораздо опаснее всех известных мне орудий девятнадцатого века — несомненно, потому, что к этому веку не принадлежала. Не из одного любопытства я внимательно изучал оружие эпохи, которую недав-

[1] *Дерьмо (франц.).*

но покинул, и в этой пушке опознал безоткатную 75-миллиметровку. Идеальное орудие для маленького деревянного судна — при стрельбе не причинит ему вреда, зато разнесет в куски деревянный корабль противника, прежде чем тот успеет зарядить с дула свои орудия. Не говоря уж о полевом артобстреле. Пара сотен таких пушек, доставленных из другого времени, способна изменить историю — что и произошло. Солдат наверху обернулся и сплюнул за борт. Я снова погрузился и поплыл между свай.

Немного ниже были ступеньки лодочной пристани, невидимой с французского корабля, и я всплыл на поверхность. Вокруг никого не было. Мокрый, продрогший, удрученный, я вылез из воды и направился в темный переулок между домами. Там кто-то стоял, и я хотел пройти мимо, но потом раздумал.

Незнакомец приставил мне к боку большой безобразный пистолет.

— Идите вперед, — сказал он. — Я доставлю вас в одно уютное место, где вы сможете переодеться.

Говорил он с сильным французским акцентом.

Я мог только подчиняться — каким бы примитивным ни было его оружие, а дырку во мне может проделать хорошую. В конце переулка стояла карета, загораживая проход. Дверца была раскрыта с навязчивым гостеприимством.

— Садитесь, — сказал мой конвоир. — Я следую за вами. Видя, как несчастный солдат упал с моста и утонул, я подумал: а что, если он выплывет? Что, если он хорошо плавает и переплывет реку? Где он в таком случае выйдет на берег, учитывая течение? Это математическая задача, я решил ее, и voila! тут вы и появились из воды.

Дверца захлопнулась, и карета поехала. Я схватил пистолет — за рукоятку, ибо мой спутник протягивал его мне, держа за дуло.

— Пожалуйста, возьмите пистолет, мистер Браун, если хотите: он не нужен мне больше. — Он только улыбался, когда я сначала раскрыл рот, потом нахмурился, потом навел пистолет на него. — Это был самый простой способ уговорить вас сесть со мной в экипаж. Я наблюдаю за вами уже несколько дней и убедился в том, что вы не любите французов.

— Но вы же француз?

— Разумеется! Сторонник покойного короля, а ныне изгнанник. Я научился ненавидеть этого ничтожного корсиканца еще тогда, когда все над ним смеялись. Теперь уж никто не смеется, и все мы объединились для борьбы. Однако позвольте представиться. Граф д'Эзьон, но вы можете звать меня Шарль, поскольку титулы остались в прошлом.

— Рад познакомиться, Чарли. — Мы пожали друг другу руки. — Зовите меня просто Джон.

Тут карета со стуком и скрипом остановилась, прервав нашу замечательную беседу. Мы въехали во двор большого дома, и я, с пистолетом в руке, проследовал за графом внутрь. Я все еще был настороже, но ничто как будто не вызывало подозрений. Прислуга была вся старая и суетилась, переговариваясь по-французски. Один престарелый слуга со скрипучими коленками налил в ванну воды и помог мне раздеться, оставив без внимания то, что я держу пистолет, пока он намыливает мне спину. Принесли теплое платье, хорошую обувь, и я, оставшись один, переложил свой арсенал в новую одежду.

Когда я спустился вниз, граф ожидал меня в библиотеке, попивая из хрустального бокала какой-то напиток. Полная бутылка стояла рядом. Я протянул ему пистолет, а он мне — бокал. Напиток прошел по горлу, как теплая музыка, а ноздри окутал аромат, неведомый доселе.

— Сорокалетней выдержки, из собственного имения — оно, как вы сами можете судить, находится в Коньяке.

Я отпил еще и посмотрел на хозяина. Да, не дурак, сразу видно. Высокий, тонкий, с седеющими волосами, широкий лоб, худощавое, почти аскетическое лицо.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросил я.

— Чтобы объединить наши силы. Я изучал естественную философию и вижу вокруг много неестественных явлений. То, чем вооружена армия Наполеона, делалось не в Европе. Кое-кто говорит, что оружие привезено из Китая, но я так не думаю. За этим оружием наблюдают люди, очень дурно говорящие по-французски, странные и зловещие. Говорят, в окружении корсиканца есть еще более странные и зловещие люди. В мире происходят непонятные вещи. Вот я и слежу за всеми непонятными событиями — я ожидаю пришельцев. Чужестранцев, не англичан — таких, как вы. Скажите, как можно переплыть реку под водой?

— С помощью особого аппарата.

Не имело смысла скрывать: граф прекрасно знал, о чем спрашивает. Узнав о той черной пушке, я должен был сказать, откуда взялся враг. Граф широко открыл глаза, услышав мой ответ, и допил свой бокал.

— Я так и думал. И полагаю, вы знаете больше, чем говорите, о тех людях и их оружии. Они не принадлежат к миру, который мы знаем, верно? Вам они известны, и вы пришли сюда сражаться с ними?

— Они явились из края зла и безумия и принесли с собой свои преступления. Я сражаюсь с ними. Не могу рассказать вам о них больше, потому что сам не знаю всей истории. Но я здесь для того, чтобы уничтожить их и все содеянное ими.

— Я был уверен! Мы должны объединиться, и я помогу вам, чем только смогу.

— Можете для начала обучить меня французскому. Мне нужно попасть в Лондон, и, похоже, для этого язык необходим.

— Но хватит ли времени.

— Пары часов будет достаточно. На то есть специальная машина.

— Начинаю понимать. Но мне, право же, не нравятся ваши машины.

— Машины не могут нравиться или не нравиться: это не объект эмоций. Мы используем их для добрых или недобрых дел, так что проблема машин — проблема человеческая, как и все прочие.

— Склоняюсь перед вашей мудростью; вы, конечно же, правы. Когда начнем?

Я съездил в «Кабана и куропатку» за вещами и переселился в дом графа. Утомительный вечер с мнемографом: головная боль — это мягкое название для побочных эффектов этой адской машины, — и я обучился разговорному французскому. К удовольствию графа, мы теперь общались на этом языке.

— Что же дальше? — спросил он.

Мы хорошо пообедали и теперь сидели за коньяком.

— Надо посмотреть поближе на этих мнимых французов, которые как будто всем заправляют. Бывают ли они поодиночке на этом берегу, а если не поодиночке, то хотя бы небольшими группами?

— Да, бывают, но определенного порядка в их передвижениях нет. Нужно собрать последние сведения. — Он позвонил в серебряный колокольчик, стоявший рядом с графином. — Желаете ли вы, чтобы одного из этих людей доставили вам мертвым или бесчувственным?

— Вы слишком добры, — сказал я, подставляя бесшумно вошедшему слуге свой бокал. — Этим я займусь сам, только укажите мне объект.

Граф отдал распоряжение, слуга удалился. Я занялся коньяком.

— Это займет немного времени, — сказал граф. — Что будет, когда вы получите сведения, — имеется ли у вас план?

— Приблизительный. Мне нужно в Лондон. Найти Того, главного демона в этом уголке ада, и, полагаю, убить его. А также уничтожить кое-какую технику.

— А корсиканский выскочка — его вы тоже устраните?

— Только если встанет поперек дороги. Я не профессиональный убийца, и убивать мне всегда было трудно. Но мои действия испортят ему всю операцию. Для нового оружия перестанут поступать боеприпасы, и захватчики исчезнут без следа.

Граф поднял бровь, но любезно воздержался от комментариев.

— Это сложная ситуация: я и сам ее не слишком понимаю. Это связано с природой времени, а я в ней слабо разбираюсь. Но похоже, что этого прошлого времени, в котором мы живем, в будущем не существует. В будущих учебниках истории говорится, что Наполеон был разбит, империя его распалась, а Британию никто не покорял.

— Так и должно быть!

— Так будет — если я доберусь до Того. Но если история снова переменится, весь этот мир, каким мы его знаем, может исчезнуть.

— Во всяком опасном предприятии есть свой риск. — Граф сделал небрежный жест рукой, оставаясь спокойным и хладнокровным. Превосходный человек. — Если этот мир исчезнет, не должен ли возникнуть взамен новый, лучший мир?

— В общем, да.

— Тогда наш долг — помочь ему родиться. В том, лучшем мире некий другой я вернется в свое поместье, мои родные будут живы, расцветут весной цветы, и все будут счастливы. Здешняя жизнь для меня не много значит: это жалкое существование. Однако я предпочел бы, чтобы то, что известно нам, не вышло за стены этой комнаты. Я не уверен, что наши сторонники посмотрят на дело столь же философски.

— Абсолютно с вами согласен. Хотел бы я, чтобы все было как-то иначе.

— Не принимайте этого близко к сердцу, дорогой друг. Не будем больше говорить об этом.

И мы не говорили. Мы беседовали об искусстве и виноделии, о том, какие опасности подстерегают изготовителя крепких напитков. Время шло быстро — и не успели мы начать второй графин, графа вызвали, чтобы принять донесение.

— Превосходно, — сказал он, возвращаясь и потирая руки. — Небольшая компания интересующих нас людей направляется в бордель на Мермейд Корт. Они выставят часовых, но для вас, полагаю, это не составит трудности?

— Отнюдь, — сказал я, поднимаясь. — Если вы соблаговолите дать мне какой-нибудь экипаж и проводника, обещаю вернуться через час.

Мою просьбу тотчас исполнили, а я выполнил свое обещание. Угрюмый тип с бритой головой и лицом, изуродованным шрамами, отвез меня в карете и указал нужное заведение. Я вошел в соседний дом, какую-то лавочку — она была закрыта ставнями и заперта на висячий замок, который очень трудно было открыть. Не то чтобы его механизм представлял для меня какую-то сложность — нет! Но замок был так велик, что отмычка не доставала до механизма. Тогда я воспользовался ножом, вошел, поднялся на крышу соседнего дома и привязал к наиболее прочной трубе свою паутину. Паутина была соткана из тонкой, почти невидимой и практически нервущейся нити, сделанной из одной макромолекулы, и намотана на катушку, закрепленную у меня на груди. Медленно разматывая ее, я спустился к темным окнам дома. Темным для всех, кроме меня — благодаря ультрафиолетовым очкам я видел, как днем. Я бесшумно проник в окно, усыпил одного молодчика и его партнершу газом, взвалил спящего на плечо, и бешено крутящаяся катушка мигом подняла нас на крышу. Несколько минут спустя моя жертва храпела на столе в графском подвале, а я тем временем готовил инструмент. Граф с интересом присматривался.

— Хотите заставить его говорить? Собственно, я не одобряю пыток, но в этом случае как раз необходимы каленое железо и острая сталь. После всех злодейств, что творили эти скоты! Говорят, аборигены Нового Света способны полностью содрать с человека кожу, и при этом он остается жив.

— Это было бы забавно, но нам не понадобится. — Я разложил инструменты и подключил контакты. — Снова машина. Не приводя его в чувство, я пройдусь по его сознанию в подкованных сапогах — это во многих отношениях еще хуже пытки. Он расскажет нам все, что нужно, сам о том не зная. После этого он ваш.

— Благодарю вас, нет. — Граф брезгливо поднял руки. — Убийство одного из них влечет за собой репрессии и казни горожан. Мы его немного побьем, обчистим, разденем и подбросим в переулке — пусть подумают, что это ограбление.

— Это еще лучше. Итак, я начинаю.

Исследовать этот мозг было все равно, что плавать в сточной канаве. Безумие — одно дело, он был определенно не в своем уме, как и все они, но неприкрытую приверженность злу простить нельзя. Проблем с извлечением информации не было, дело было только за отбором. Он хотел говорить на своем языке, потом согласился на французский и английский. Я ковырял, вскрывал, зондировал и наконец получил все, что хотел знать. Жюлю, моему бритоголовому спутнику, поручили приятную миссию — побить пленника, после

чего его, раздетого, должны были выбросить на улицу. Мы же с графом вернулись к недопитому графину.

— Похоже, их штаб находится в месте, называемом Святой Павел. Вы знаете, где это?

— Дьявольщина, они ни перед чем не останавливаются! Это собор, творение великого зодчего, сэра Кристофера Рена. Вот он на плане.

— Существо по имени Тот находится там, и при нем, видимо, вся техника. Но чтобы добраться до них, мне нужно попасть в Лондон. Очень возможно, мне удастся пройти в добытой нами форме, ведь уровень радиоактивности того человека такой же, как у меня. По этому показателю они определяют нежеланных пришельцев. Но может быть еще пароль или другая проверка — например, на знание языка. Здесь нужна диверсия. Нет ли среди ваших сторонников человека, сведущего в артиллерии?

— Конечно. Рене Дюпон — бывший майор артиллерии, очень знающий солдат. И он сейчас в Лондоне.

— Он-то нам и нужен. Уверен, что он будет рад пострелять из их мощной пушки. Судно, на котором она стоит, мы захватим перед рассветом. На заре, когда открывают ворота, начнется обстрел. Огонь надо вести по воротам, по караульной, чтобы стража пришла в смятение. Затем пушкари оставят судно и уйдут по суше. Ответственность за это возлагается на ваших людей.

— За выполнением этого задания я с удовольствием прослежу сам. Но где же будете вы?

— Войду в город с патрулями, как уже пытался.

— Это большой риск! Чуть пораньше — и вас могут разоблачить или ранить при обстреле. Чуть позже — и ворота запрут.

— Вот поэтому и надо очень точно согласовать время.

— Я пошлю за самыми точными хронометрами, какие только есть.

Глава 13

Майор Дюпон, краснолицый, седой, с округлым брюшком, был человек энергичный, знал свое дело и загорелся желанием освоить невиданное новое оружие. Экипаж канонерки, включая вахтенных, спал в трюме более крепко, чем желал бы. Я разобрался в механизме безоткатной пушки и объяснил майору. Он сразу же ухватил суть дела и бурно возликовал. Раньше ему приходилось заряжать с дула, мучиться с неверным прицелом, плохо воспламеняющимся порохом — новое орудие было для него откровением.

— Заряд, запал и снаряд в одной гильзе — чудеса! А этот рычажок открывает затвор?

— Верно. При стрельбе держитесь подальше от запальных каналов — из них выходят взрывные газы, что заменяет откат. Пользуйтесь открытым прицелом, дальность невелика. Полагаю, учитывать снос на такой дистанции не нужно, не должно быть и недолетов. Скорость выстрела гораздо выше той, к которой вы привыкли.

— Скажите еще что-нибудь! — попросил он, поглаживая ствол.

Следующий этап. Граф проследит за тем, чтобы корабль до рассвета провели вверх по реке и бросили якорь ниже Лондонского моста. Моя задача — быть на мосту в условленное время. Корабельный хронометр графа был величиной с тыкву, ручной работы, весь из меди и стали и громко тикал. Но граф уверил меня в его точности, и мы его сверили с моими атомными часами величиной с ноготь, точность — плюс-минус одна секунда в год. Разрешив этот последний вопрос, я встал, и граф протянул мне руку.

— Мы всегда будем благодарны вам за помощь, — сказал он. — В людях возродилась надежда, и я разделяю их энтузиазм.

— Это я должен благодарить вас за помощь. Тем более, что моя победа может обернуться вам во зло.

Он отмахнулся — смелый человек.

— Умирая, мы побеждаем — вы очень хорошо все объяснили. Мир без врагов — уже победа. Даже если мы этого не увидим. Исполняйте свой долг.

Постараюсь. Только бы забыть, что от моих действий зависит судьба миров, цивилизации, целых народов. Ошибка, случайность — и все будет кончено. Значит, случайностей быть не должно. Альпинисты не смотрят вниз и не думают о пропасти, которая ждет их там, — так и я выбросил из головы мысли о поражении и старался думать о чем-нибудь веселом. Но юмор не шел на ум — тогда я стал думать, как отплачу Тому и сорву его операцию, и действительно развеселился. Я посмотрел на часы — пора было идти — и ушел не оглядываясь. Улицы были пустынны, все честные люди спали в своих постелях, и мои шаги отдавались эхом в темной улице. Позади на небе забрезжили первые проблески рассвета.

В Лондоне полно темных закоулков, идеально подходящих для засады, — я затаился в виду Лондонского моста и видел, как на нем появились первые солдаты. Кто шел в ногу, кто не в ногу, у всех был усталый вид. Я и сам устал, поэтому пососал стим-таблетку и глянул на часы. В идеале я должен быть на мосту, когда начнут огонь, — настолько далеко от ворот, чтобы не попасть под снаряд, и настолько близко, чтобы проскочить во время суматохи, вызванной обстрелом. Замечая из своего укрытия время, за которое солдаты переходят мост, я вычислил оптимальный интервал. На часах менялись цифры, и в нужный момент я по-военному расправил плечи и браво зашагал вперед.

— Лортиторт? — окликнул кто-то, и я понял, что обращаются ко мне.

Занятый только расчетом времени, я, глупец, и не подумал, что демоны из будущего тоже пойдут через мост.

Я помахал в ответ, скорчил рожу и продолжал идти. Окликнувший, как видно, удивился и стал меня догонять. Судя по форме, я принадлежал к его шайке, но он меня не знал. Может, он спрашивал, как дела. Я не желал с ним разговаривать, особенно потому, что не знал его языка, и ускорил шаг, с сожалением убедившись, что он сделал то же самое. Потом я осознал, что иду слишком быстро и если буду продолжать в том же духе, то дойду до ворот как раз вовремя, чтобы взлететь на воздух.

Не время было проклинать свою неосмотрительность — нужно решать, которое из зол мне выбрать. Взлететь на воздух никак не входило в мои планы. Я видел, что канонерка стоит на позиции и на палубе люди. Прекрасно. В ушах у меня уже звучали взрывы, среди которых я окажусь. Нужно остановиться здесь, на условленном месте. Я так и сделал. Тяжелые шаги приблизились, преследователь схватил меня за плечо и повернул к себе.

— Лортилипу? — крикнул он.

Тут лицо его изменилось, глаза расширились, рот открылся.

— Бливит! — закричал он. Он узнал меня — возможно по фотографии.

— Бливит, он самый, — сказал я и выстрелил ему в шею наркотической иглой из скрытого в ладони пистолета.

Но кто-то подхватил: «Бливит!» — и соратник упавшего устремился ко мне, расталкивая солдат. Пришлось и в него пальнуть. Это, естественно, заинтересовало окружающих, некоторые испуганно кричали и вскидывали ружья. Я прислонился к перилам, беспокоясь, как бы не пришлось перестрелять всю французскую армию.

Однако не пришлось. Первый снаряд, не слишком ловко пущенный майором конной артиллерии, ударил в мост метрах в десяти от меня.

Грохнуло прилично, и в воздух взлетели осколки камня и стали. Я лег, как все прочие — кое-кто и насовсем, — и на всякий случай натыкал иголок в ближайших солдат, видевших мои подвиги.

Дюпон понемногу осваивал орудие, и следующий выстрел пришелся по стене. На мосту все бегали и кричали, я тоже бежал и кри-

чал, с удовольствием заметив, что очередной снаряд влетел прямо в ворота и разорвался внутри караульной. Теперь толпа отхлынула от ворот, как и следовало. Я лег и дальше пополз на животе. Снаряды рвались в воротах и около них, нанося ощутимый урон. Быстро глянув на часы, я увидел, что обстрел вот-вот прекратится. Сигналом будет выстрел по стене вдали от моста. Потом выпустят для виду еще несколько снарядов, но не по воротам.

Снаряд ударил в стену на добрую сотню метров ниже по реке и пробил в ней круглую дыру. Я вскочил на ноги и побежал.

Заваруха что надо. Кругом обломки, битый камень, пыль и пороховая гарь. Если кто и уцелел при бомбардировке, все равно разбежались. Я перелез через груду развалин, перебежал на ту сторону и шмыгнул за первый же угол. Единственные, кто видел, как я проник в город, была супружеская пара, англичане по платью. Они стояли на пороге дома и спрятались, увидев меня. Если не считать небольшой накладки на мосту, план сработал великолепно.

Канонерка на реке снова повела огонь.

Это уж ни в какие планы не входило. Что-то у них не так. После заключительных выстрелов мои союзники должны были высадиться на берег и уйти в безопасное место. Два орудийных выстрела прозвучали почти одновременно. Пушка не может так быстро стрелять.

Значит, там появилось еще одно орудие.

Улица, на которой я находился, Аппер Темз-стрит, шла параллельно стене. Я достаточно далеко отошел от моста, чтобы мое присутствие не могли связать с происходящими там событиями. На вершину стены к наблюдательной площадке вела лестница. Там никого не было. Возможно, благоразумнее было бы продолжать действовать по плану. Но я никогда не прислушивался к голосу благоразумия и не собирался начинать. Взгляд вокруг — нет ли кого поблизости — и вверх по лестнице. С площадки отлично был виден театр действий.

Майор на своем посту обстреливал другую канонерку, шедшую вверх по реке на всех парусах. Вновь прибывшие, хотя им мешала движущаяся площадка орудия, были опытнее и стреляли точнее. Они уже пробили корму нашего корабля, и у меня на глазах снаряд попал в середину судна. Пушка замолчала, ствол задрался вверх, и артиллерист упал. Кто-то пробежал по пристани и прыгнул на палубу беззащитного корабля. Я достал свой электронный телескоп и навел его на палубу, хотя и без него знал, что там увижу.

Граф пришел на подмогу своим. Как только он прыгнул на борт, поднялся майор — кровь струилась по его лицу — и снова пошел к

пушке, опустил ствол, целя во вражеский корабль, и следующим выстрелом пробил его.

Хорошо попал — прямо в ватерлинию под их орудием. Оно умолкло, и корабль стал тонуть. Я снова посмотрел на майора — тот развернул орудие и вел огонь по мосту, где были солдаты. Граф заряжал. Оба улыбались и были, по-моему, на вершине блаженства. Огонь усилился, а я спустился вниз.

Их не в чем упрекнуть — оба они знали, что делали. Стреляли по врагу, которого так ненавидели все эти годы, стреляли из мощного, смертоносного орудия. Они останутся там, пока их не убьют. Может быть, этого они и хотели. И чтобы их жертва хоть чего-нибудь стоила, я должен продолжать свое дело.

Я хорошо изучил графский план. По Дакс Фут-лейн до Кэннон-стрит, а потом налево. Теперь кругом стало людно, испуганные горожане спешили по домам, солдаты беглым шагом двигались в обратном направлении. На меня никто не обращал внимания.

А в конце улицы подымалась громада, увенчанная куполом, — без сомнения, собор Святого Павла.

Близок конец моего пути — последняя встреча с Тем.

Глава 14

Мне было страшно. Только лгуны или сумасшедшие утверждают, что никогда не испытывали страха. Я же достаточно познал страх, чтобы сразу почуять его запах, но никогда еще так не давила его железная рука. Кровь заледенела в жилах, сердце бешено колотилось, а ноги приросли к земле. Сделав усилие, я взял себя, так сказать, за шиворот и как следует потряс.

«Говори — мысленно приказал я. — С чего вдруг этот острый приступ заячьей болезни? Почему твоя душа ушла в пятки? Мы с тобой и раньше бывали в переделках еще похуже этой и выходили из них целыми и, как правило, победителями. В чем же дело?»

Ответ был прост. Раньше я, нержавеющий грызун, проникал за стены общества на свой страх и риск, я играл на свои. Приключение, хо-хо! Но теперь ставка слишком велика, слишком много жизней зависят от меня. Слишком много! От тебя, прыгучая блоха, зависит все будущее Галактики. Просто невероятно.

— Ну и пусть невероятно, — пробурчал я, роясь в своей аптечке.

Если я буду и дальше размышлять над тем, что поставлено на карту, то не пойду ни на какой риск, вообще опущу руки. Раньше я никогда не прибегал к искусственным возбудителям храбрости, но когда-нибудь надо начинать. Я носил с собой берсеркерит вместо

амулета — знал, что он здесь на всякий случай, но случая не было. Теперь он пришел. Я открыл коробочку и смахнул пыль с безобидной на вид капсулы.

— Выходи драться, Джим, — сказал я и проглотил ее.

Это средство запрещено повсюду, и правильно. Не только потому, что к нему быстро привыкают, но еще и по социальным причинам. В желатиновой капсуле заключена разновидность безумия — вещество, растворяющее совесть и мораль цивилизованного человека. Сверх-я выходит на сцену. Ни совести, ни морали, ни страха. Только *эго*, твердая уверенность в своей силе и праве, божественная вседозволенность, не знающая сомнений и опасений. Политики, принимавшие берсеркерит, совершали перевороты и правили мирами. Атлеты побивали все рекорды, часто губя при этом себя или противников. Нехорошее это снадобье.

Снадобье что надо. Только одно мгновение я думал как прежде и ощущал, как меняется мозг под действием препарата, — и тут же стал другим.

— Я пришел за тобой, Тот, — улыбнулся я с искренней радостью.

Беспредельная мощь — самое восхитительное чувство, которое я когда-либо испытывал, будто свежий ветер продул все пыльные закоулки мозга. Делай что хочешь, Джим, что только тебе угодно — ты один на свете что-то значишь. Как слеп я был все эти годы. Путы условностей, жалкая привязанность к другим, губительная любовь. Я был просто калекой. Я люблю себя, ибо я — бог. Наконец-то я понял, что такое бог. Я — это Я, единственная сила во Вселенной. А он, Тот, сидит в этом здании и думает со свойственной смертным глупостью, что может одолеть меня, удержать меня, даже убить меня. Сейчас мы разрушим его идиотские планы.

Я прошелся вокруг строения. Впечатляющее сооружение. Охраны не видно, но, конечно, всюду детекторы. Войти потихоньку, тайно? Это неразумно. Единственное мое преимущество — внезапность и то, что я теперь абсолютно беспощаден. Я хорошо вооружен — живая машина смерти, и никто меня не остановит. Войти будет просто, другие в такой же форме входили и выходили без конца — весь улей гудел и жужжал. Им пришелся не по вкусу обстрел ворот. Нужно нанести удар теперь, когда у них тревога. В полной боевой готовности я закончил свой неспешный обход и поднялся по белым каменным ступеням главного входа.

Собор был огромный и казался еще больше теперь, когда из него вынесли все скамьи и церковную утварь. Я прошел по длинному нефу так, будто этот храм был моим, — и он был моим. Оружие я держал наготове. Неф был пуст, все движение сосредоточилось в дальней абсиде, где обычно стоит алтарь. Теперь на его месте возвышался роскошный трон.

На троне сидел Тот. Опьяненный властью, огромный и красный, он, наклонясь вперед, отдавал приказания. Перед ним был длинный стол, заваленный картами и бумагами, вокруг стола стояли великолепные блестящие офицеры, которыми командовал человек в простом голубом мундире. Человек был мал ростом, черная прядь волос падала на лоб. По описаниям я узнал тирана Наполеона. Как я и ожидал, он выполнял приказы Того. Я улыбался, нащупывая оружие.

Знакомый свет блеснул мне из правой абсиды, и улыбка стала еще шире. Там сияла спираль времени, работали техники. Скоро они умрут, как и все здесь. А я умчусь через время из этой варварской эры. Придется оставить здесь, уходя, атомную гранату. Близок конец.

Никто не обратил на меня ни малейшего внимания, когда я подошел к столу. Для начала — сонный газ, пусть успокоит всех разом. Будет время убить рабов, когда разделаюсь с господином.

Одна разрывная граната, две термических. Я щелкнул большим пальцем и бросил их — раз, два, три — по высокой дуге Тому на колени. Пока они летели, я пригоршнями набросал газовых гранат на стол перед ошарашенными офицерами. Гранаты еще шипели и хлопали, а я обернулся и иглами из пистолета — чтобы не повредить управление! — перестрелял техников у спирали времени.

Все было кончено в несколько секунд. С падением последнего тела настала тишина. Не оборачиваясь, я разбросал гранаты по нефу, чтобы все входящие сразу попадали в облако газа. Потом взглянул на Того.

Все хорошо. Ревущий столб огня, в середине которого то, что когда-то было человеком. Трон тоже пылал, и жирный дым поднимался к высокому куполу.

— Ты разбит, Тот, разбит, — крикнул я, опершись на стол, чтобы лучше видеть. Теперь он не оживет.

Наполеон поднял голову от стола и сел.

— Не будь дураком, — сказал он.

Не теряя времени, я хотел убить его. Но он опередил меня и выстрелил из трубки, спрятанной в ладони. Пламя лизнуло мне лицо, и оно застыло, все тело сковал паралич, я не мог управлять им. Лицом вниз я рухнул на стол и не чувствовал рук Наполеона, когда он переворачивал меня. Он смотрел на меня сверху вниз, он улыбался, он хохотал полубезумным победным смехом. И следил за моим лицом, за глазами, которыми я еще владел. Глаза широко раскрылись — я понял наконец.

— Правильно! — крикнул он. — Тот — это я. Ты проиграл. Ты сжег, уничтожил великолепного андроида, который был нужен только для того, чтобы тебя обмануть. Здесь все — приманка для тебя, даже этот мир в петле времени существует только как приманка. Как ты быстро забыл, что тело — лишь оболочка для меня, Вечного! Мой мозг победил смерть и продолжает жить, теперь вот в этой имитации безумного императора. Ему и не снилось, что такое истинное безумие. Я победил — а ты проиграл навеки!

Глава 15

Временные затруднения. Наверное, в обычном состоянии я почувствовал бы горечь поражения, страх, злобу. Теперь я ждал только, когда представится случай убить его снова. Это уже начинало надоедать: после двух попыток он все еще жив. Я решил, что третья будет последней.

Он наклонился и стал срывать с меня одежду, обыскивая с грубой тщательностью. Он разодрал все в клочки, забрал то, что было приклеено к коже, снял нож с щиколотки, пистолет с запястья, выбрал мини-гранаты из волос. Через несколько секунд он меня полностью обезоружил. То, что осталось, было вне моей досягаемости. На совесть поработал. Закончив обыск, он швырнул меня спиной на стол.

— Я все приготовил к этому моменту, все!

Он брызгал слюной, она текла по подбородку. С лязгом и звоном он надел на меня тяжелые железные браслеты, соединенные короткой цепью. Кандалы сомкнулись, затрещали искры — он заварил на мне браслеты. Я ничего не чувствовал, только видел, как покрылась волдырями обожженная кожа. Пусть. Сделав это, он вонзил мне в запястье иглу.

Начала возвращаться чувствительность, сначала в кисти рук — боль обожгла запястья, — потом и выше. Как больно, оказывается, выходить из паралича. Я не обращал на это внимания, но меня всего сотрясали непроизвольные судороги. Наконец я сполз со стола и мешком свалился на пол. Тот нагнулся, легко поднял меня и поволок через весь собор. Сила его, даже в теперешнем маленьком теле, была громадна.

Оказавшись на полу, я что-то подобрал. Я не знал, что именно — какой-то маленький металлический предмет, и я крепко зажал его в кулаке.

Метрах в пяти от спирали времени стоял металлический столбик, высотой мне до пояса, тоже предназначенный для меня. Тот

вложил цепь в паз на верхушке столба, снова вспыхнули искры, и цепь приварилась к металлу. Он отпустил меня, я покачнулся, но не упал. Тело обретало чувствительность, и я овладел им, пока Тот настраивал автоматику. В огромном соборе стояла тишина. Мы были одни, если не считать груды тел.

— Я победил! — завопил вдруг Тот, пританцовывая и брызгая слюной. Он показал на туго свернутую спираль времени и засмеялся громко. — Ты хоть понимаешь, что находишься в петле несуществующего времени, которое служило мне только ловушкой и исчезнет, как только я покину его?

— Было такое подозрение. В учебниках сказано, что Наполеона разбили.

— Здесь он победил. Я дал ему оружие и помог завоевать мир. Потом убил его, когда было готово новое тело. Я создал петлю времени, поэтому и возник барьер — он исчезнет, когда петля выпрямится. Это случится, когда я уйду, но не сразу: слишком легко было бы для тебя. Мне хочется думать о том, как ты стоишь здесь один, зная, что проиграл и что твое будущее никогда не настанет. Здание зафиксировано во времени. Оно будет стоять, когда исчезнет и Лондон, и весь этот мир, и может продержаться дольше, чем ты. Может, ты умрешь от жажды и голода до того, как отключится фиксатор. А может, и нет. Я победил.

Провизжав последние слова, он снова повернулся к пульту. Я разжал кулак, чтобы посмотреть, каким оружием должен я его поразить в последний момент.

Это был медный цилиндрик всего в несколько граммов весом. На одном конце были дырочки, а когда я его перевернул, посыпался мелкий белый песок. Песочница для сушки чернил на листе. Предпочел бы лучшее оружие, но придется обойтись этим.

— Я ухожу, — сказал Тот, включая механизм.

— А как же твои люди? — спросил я, чтобы выиграть время.

— Жалкие рабы. Я уже использовал их, пусть пропадают вместе с тобой. Там, куда я вернусь, меня встретит целый мир таких. Скоро миров будет много; скоро все будет мое.

К этому нечего было добавить. Он прошествовал по каменным плитам, монстр в облике маленького человека, дотронулся до конца светящейся спирали, и холодное зеленое пламя сразу охватило его.

— Все мое, — сказал он, и глаза его светились зеленым огнем.

— Не думаю.

Я взвесил песочницу на ладони, прикидывая расстояние до пульта управления. Попасть будет легко. Для настройки времени использовалась клавиатура, похожая на музыкальную, и некото-

рые клавиши были нажаты. Если удастся нажать еще одну, можно сбить настройку: Тот прибудет в другое время и место, а возможно, и совсем в никуда. Я примерился, вычисляя траекторию своего цилиндрика.

Тот, наверное, понял, что я хочу сделать, — он взвыл с бешеной яростью, дергая поле времени, которое крепко держало его у спирали. Я спокойно оценивал расстояние, пока не убедился в правильности расчета.

— Вот так!

И я метнул песочницу на клавиши. Она взвилась высоко в воздух, сверкнув в цветных лучах церковного окна, и, описав дугу, упала, ударила по клавишам и скатилась на пол.

Яростные крики Того прекратились: спираль освободилась, и он исчез. В тот же миг погас дневной свет и настали сумерки. Все окна стали серыми. Я уже видел это во время нападения на лабораторию, когда все только начиналось. Ни Лондона, ни всего внешнего мира больше не существует в этом времени и пространстве. Остался только собор, охраняемый фиксатором времени.

Итак, Тот все же победил? Я впервые ощутил беспокойство: должно быть, лекарство теряло силу. Как я ни всматривался, в этих сумерках не видно было шкалы настройки. Изменилось ли там что-нибудь перед тем, как сработала спираль? Уверенности не было. Да и какое значение это теперь имеет для меня? Что там в будущем: ад или рай — меня больше не касается. Возвращались чувства, и хотелось знать: возникнет ли когда-нибудь мой мир? Будет ли в нем Специальный Корпус, родится ли моя Анжелина? Я дернул цепь, но она, конечно, не поддалась.

Конец. Конец всему. Лучше бы чувства не возвращались — такая беспросветная навалилась безысходность, но что ж поделаешь. Конец.

Глава 16

Вас когда-нибудь приковывали к железному столбу в соборе Святого Павла в 1807 году, когда снаружи ничего нет? Немногие могли бы ответить утвердительно на этот вопрос. Я мог — но меня как-то не очень радовало такое преимущество.

Охотно признаюсь, что настроение у меня было никудышное. Я немного подергал свои кандалы — так, для порядка. Они были слишком крепки и надежны, и как раз такая беспомощная возня вызвала бы дикую радость Того.

В первый раз в жизни я потерпел полное, абсолютное поражение. И поэтому так отчаялся, будто уже стоял одной ногой в могиле. Никакого желания бороться не было — не проще ли сдаться и ждать, когда упадет занавес. Чувства побежденного были так сильны, что подавляли всякий протест против злой судьбы. Мне бы не сдаваться, поискать выход — но не хотелось. Я сам удивлялся своей покорности.

И вот, погрузившись таким образом в созерцание собственного пупка, я услышал звук. Что-то жужжало вдалеке так слабо, что слышно было лишь благодаря тишине небытия, стоявшей за стенами моей гробницы. Жужжание нарастало, как будто приближалось надоедливое насекомое, и наконец я заметил звук, хотя не желал ничего замечать, кроме своего поражения. Теперь жужжало совсем громко, где-то под куполом. Я посмотрел вверх без особого интереса, и тут раздался громкий хлопок.

Из темноты сверху появился человек в скафандре. На нем был гравитатор, поскольку опускался он медленно. Я остолбенел и приготовился ко всему, а он поднял стекло своего шлема.

Я был готов ко всему, кроме того, что он — вовсе не он.

— Снимай свою дурацкую цепь, — сказала Анжелина. — Каждый раз умудряешься куда-нибудь влипнуть, только оставь тебя одного. Сейчас же отправишься со мной — и никаких возражений.

Ну что на это скажешь? При том я еще не оправился от столбняка — только стоял дурак дураком и гремел цепями, а она легко, как падающий лист, опустилась на пол. В конце концов несомненный факт ее физического присутствия проник в мои извилины, и я попытался быть на высоте положения.

— Анжелина, ты и вправду настоящий ангел. Спустилась с небес, чтобы спасти меня.

Она подняла стекло повыше, чтобы поцеловать меня, сняла с пояса атомный ланцет и стала резать мои кандалы.

— А теперь скажи, что это за тайны, что еще за путешествия во времени? Только быстрее, у нас всего семь минут — так, по крайней мере, сказал Койпу.

— Что он еще тебе сказал? — спросил я, чтобы проверить, много ли она знает.

— Еще и ты со мной будешь секретничать, Скользкий Джим ди Гриз! Довольно с меня Койпу.

Я поскорей отскочил — она махнула на меня атомным ланцетом — и сбил огонь с одежды. Сердитая Анжелина бывает очень опасна.

— Любовь моя, — сказал я с чувством, порываясь обнять ее, но не спуская глаз с ланцета. — Я ничего от тебя не скрываю, ничего! Мне-то лучше знать. Просто у меня ум за разум зашел от всех этих путешествий, вот я и спросил, что тебе известно — надо же знать, откуда начинать.

— Ты прекрасно знаешь, что последний раз мы с тобой говорили по видеофону. Ты говоришь — спешно, срочно, готовность номер один, беги сюда, говоришь — и разъединяешься. Вот я и прибежала в лабораторию Койпу, а там все носятся, суетятся вокруг техники, всем некогда, никто ничего не объяснит. В прошлом, кричат, — вот и все. И твой Инскипп не лучше. Говорит — ты исчез, просто испарился из его кабинета, когда он читал тебе мораль. Наверное, он узнал о той небольшой сумме, которую ты отложил на черный день. А еще наговорили ерунды, будто ты спасаешь не то мир, не то Галактику, не то еще что, но я ни слова не поняла. Ужасно долго это продолжалось, и наконец меня послали сюда.

— Так и есть, — скромно сказал я. — Я спас тебя, Корпус, всех спас.

— Я была права — ты выпил.

— Давным-давно не делал этого, — обиженно возразил я. — Если хочешь знать, вы все исчезли, пуф — и нет. Койпу остался последним, спроси у него. И Корпус, и все вы — никто и на свет не рождался, все жили только в моих воспоминаниях...

— Что-то у меня совсем другие воспоминания.

— Так и должно быть. Благодаря моим усилиям злобный план Того рухнул...

— Кого того? У тебя от пьянства уже язык заплетается.

— Тот — его имя, а я ни капли в рот не брал в последнее время. Ты можешь выслушать, не перебивая? Это и так достаточно сложная история.

— И все усложняется под влиянием алкоголя.

Я застонал. Потом поцеловал ее долгим и нежным поцелуем. Нам стало хорошо, Анжелина смягчилась, и я торопливо продолжал, пока она не вспомнила, что злится на меня.

— Специальный Корпус атаковали из времени, и профессор Койпу забросил меня в прошлое, чтобы я расстроил подлые планы врагов. Мне это удалось в 1975 году, но Тот скрылся туда, откуда пришел, и подстроил мне ловушку здесь, в 1807 году, в которую я и попался. Но торжество его было неполным, потому что мне удалось сбить настройку спирали времени, и он попал не в то время, в которое намеревался. Должно быть, это прекратило войну времен, и потому ты появилась здесь, чтобы спасти меня.

— О милый, ты был просто великолепен. Я знала, что ты сможешь спасти мир, если постараешься.

Настроение моей Анжелины — это живая ртуть. Она поцеловала меня страстно — иначе не скажешь, — и я, бряцая остатками цепей, обнял ее в ответ, но тут она завопила и пихнула меня так, что я отлетел, задыхаясь.

— Время! — Она посмотрела на часы и ахнула. — Совсем забыла из-за тебя. Осталось меньше минуты. Где спираль времени?

— Здесь! — показал я, все еще держась за диафрагму.

— А пульт управления?

— Вот он.

— Какая дешевка. Где настройка?

— Вот эти диски.

— Число, на которое настроена сейчас спираль, мы должны уменьшить на 13 десятичных позиций, сказал Койпу. Он очень настаивал.

Я, весь в поту, забарабанил по клавишам, как сумасшедший пианист. Диски повернулись, помедлили, потом бешено завертелись.

— Тридцать секунд, — ласково ободрила меня Анжелина.

Я вспотел еще больше.

— Есть! — выдохнул я, когда осталось десять секунд, врубил таймер и опустил рубильник.

Спираль мягко мерцала в темноте, когда мы бросились к ее концу.

— Прижмись ко мне и обними как можно крепче, — сказал я. — Поле времени создает заряд, нужно держаться вместе.

Анжелина охотно подчинилась.

— Хотела бы я, чтобы на мне не было этого дурацкого скафандра, — прошептала она, покусывая меня за ухо. — Без него гораздо лучше.

— Возможно, только немножко неудобно было бы являться в Корпус в таком виде.

— Пусть это тебя не волнует, мы пока туда не возвращаемся.

В области желудка у меня тревожно екнуло.

— Что ты говоришь? И куда же мы направляемся?

— Откуда же мне знать. Койпу сказал только, что мы совершим скачок на двадцать тысяч лет в будущее, как раз перед гибелью планеты.

— Снова Тот со своими психами, — застонал я. — Ты только что послала нас во всепланетный сумасшедший дом, где все — наши враги.

Спираль времени включилась, все застыло, и я помчался сквозь время со страдальческой гримасой на лице. Гримаса длилась 20 тысяч лет и вполне соответствовала моим чувствам.

Глава 17

Блям! Мы будто в парную попали — точнее, упали. Горячие испарения клубились вокруг нас, а невидимая планета могла быть и в десяти метрах, и в десяти милях внизу.

— Включай гравитатор! — закричал я. — Мой остался в несуществующем девятнадцатом веке.

Наверное, я зря кричал — Анжелина включила полную тягу и выскользнула из моих нежных объятий, как угорь. Я судорожно вцепился в нее и успел поймать за ногу, отчего ботинок внутри скафандра тут же снялся.

— Лучше бы ты этого не делал, — сказала она сверху.

— Полностью с тобой согласен, — пробормотал я сквозь плотно стиснутые зубы.

Штанина скафандра все растягивалась и растягивалась, пока не вытянулась вдвое, и я болтался на ней, как на резинке. Глянул вниз, но там по-прежнему был только туман. Скафандры делаются из прочного материала, но не рассчитаны же они на такую нагрузку. Надо что-то делать.

— Убавь тягу! — крикнул я, и Анжелина тут же послушалась.

Мы перешли на свободное падение, напряжение ослабло, штанина сократилась и втянула меня обратно в объятия Анжелины.

— Оп-ля, — сказал я.

Она посмотрела вниз, завизжала и снова врубила тягу. На этот раз я был не готов, сразу выскользнул из ее рук и полетел прямо на выглядевшую твердой землю, внезапно открывшуюся внизу.

В оставшиеся мгновения я сделал то немногое, что успел, — распластался в воздухе, раскинув руки и ноги, чтобы упасть плашмя, на спину. Это мне почти удалось.

Стало темно, и я был уверен, что умер, потом тьма залила мозг и вспыхнула последняя мысль. Я пожалел обо всем, что сделал, и о том, что следовало делать почаще.

Очнулся я через несколько мгновений. Рот был набит какой-то мерзкой жижей, я выплюнул ее и прочистил от нее же глаза. Я плавал в густой илистой каше, из которой подымались и лопались большие пузыри, очень вонючие. Повсюду рос чахлый тростник и прочие водные растения.

— Живой! — прокричал я. — Живой. — И, приподнявшись, снова плюхнулся на спину. Какие-то ушибы и ранения есть, но, кажется, ничего не сломано.

— У тебя там, кажется, очень противно, — сказала Анжелина, паря в нескольких футах над моей головой.

— Не только кажется, но так оно и есть. Поэтому, если не возражаешь, я хотел бы отсюда выбраться. Не можешь ли ты снизиться, чтобы я взял тебя за ноги, а ты бы извлекла меня?

Чмокнуло здорово — гнилое болото держало меня крепко и отпустило со слезливым вздохом. Я повис, держась за ноги любимой, и мы поплыли над бесконечным болотом, исчезавшим в тумане.

— Вон туда, направо, — предложил я. — Там, похоже, проточная вода. Надо бы помыться и почиститься.

— Поскольку я нахожусь от тебя с наветренной стороны, могу это только приветствовать.

Течение было слабое, но все же было, судя по плывущему стволу дерева. Посреди илистого потока золотилась песчаная коса, будто созданная для нас. Анжелина снизилась, я спрыгнул, и не успела она сесть — я уже сорвал с себя запакощенную одежду и побежал отмываться в воду. Вынырнул, отплевываясь, и увидел, что она сняла тяжелый скафандр и расчесывает свои длинные волосы — в то время она как раз была блондинкой. Прелестная картина наводила на самые романтические мысли, и тут мне как огнем ожгло ягодицу. Я вылетел из воды, визжа, как пес, которому прищемили хвост дверью. Несмотря на всю свою женственность и привлекательность, Анжелина оставалась Анжелиной, гребенку быстро сменил пистолет, и, не успел я выскочить на сушу, — она прицелилась и выстрелила.

Пока Анжелина перевязывала мою рану — четкий отпечаток двойного ряда зубов, — я смотрел на рыбу, которая приняла меня за свой завтрак. Разорванная пулей почти пополам, она еще корчилась. В разинутой пасти было больше зубов, чем на складе у дантиста, а глаз, который уже затягивало пленкой, смотрел очень злобно. Я схватил ее за хвост, остерегаясь еще скрежещущих челюстей, и зашвырнул подальше в воду. Там сразу же закипело, как в котле, и по некоторым экземплярам, что выскакивали на поверхность, я определил, что на меня-то напала мелочь.

— Двадцать тысяч лет не пошли этой планете на пользу, — сказал я.

— Скорей смывай с себя грязь, я тебя покараулю. Потом мы позавтракаем. — Она всегда была практичной.

Я соскребал грязь, а она постреливала в атакующих меня плавучих хищников. Была там большая рыба с круглыми боками и рудиментарными ножками — она выскочила из воды и хотела мной

позавтракать. Вместо этого мы съели на завтрак ее. У нее оказалось прекрасное филе, и оно хорошо жарилось на маленьком электронагревателе. Анжелина предусмотрительно захватила фляжку с моим любимым вином, так что трапеза была замечательной. Потом я вздохнул и удовлетворенно вытер губы.

— Ты не однажды спасала мне жизнь за последние двадцать тысяч лет, — сказал я, — и мой гнев по поводу того, что меня забросили в эту парную вместо Корпуса, несколько остыл. Но можешь ты хотя бы рассказать, что у вас случилось и что сказал Койпу?

— Он много чего говорил, но суть вот в чем. При помощи трассоискателя, или как его там, он следил за твоими передвижениями во времени, а также за вашим врагом, которого ты называешь Тот. Враг что-то сделал с временем, создал петлю вероятности, которая держалась пять лет, а потом исчезла. Потом Тот ушел из этой петли, а ты нет. Потому-то Койпу и послал меня за несколько минут до конца вытащить тебя оттуда. И дал мне координаты для спирали времени, чтобы мы могли последовать за Тем. Я спросила его, что мы должны здесь делать, но он все бубнил: «Парадокс, парадокс» и так ничего и не сказал. А ты имеешь хоть какое-нибудь понятие, чего от нас ждут?

— Очень просто. Мы должны найти и убить Того и тем завершить операцию. У меня было две попытки: один раз я его застрелил, другой раз сжег термическими бомбами, и все без толку. Может, на третий раз повезет.

— А ты предоставь это мне, — предложила Анжелина.

— Хорошая мысль. Разделаемся с ним вместе. Мне уже надоели эти прятки и кошки-мышки во времени.

— Как мы его найдем?

— Просто, если у тебя есть детектор энергии времени. — Детектор был, Койпу это предусмотрел. — Щелкаем выключателем — и стрелка указывает на нашего красавца.

Выключатель щелкнул, но результатов не было, только на ладонь вытекло немного конденсированной воды.

— Что-то он не работает, — прощебетала Анжелина.

— Или они просто не пользуются спиралью времени в данный момент.

Я порылся в своем снаряжении. Скафандр и еще кое-что пришлось оставить в 1807 году, но Скользкий Джим и шагу не сделает без своей ищейки.

Я сам сконструировал этот приборчик, гордился им, и он остался среди того немногого, что не забрал Тот. Выдержать может все, кроме погружения в расплавленный металл. Компактный, с ладонь величиной. Регистрирует малейшее радиоактивное излучение в огромном диапазоне частот. Я включил его и пробежал пальцами по знакомым кнопкам.

— Интересно, — сказал я и проверил радиочастоту.

— Быстро объясни, в чем дело, а то больше не буду спасать тебя.

— Будешь — ты ведь любишь меня неувядающей любовью. Я засек два источника — один очень далекий и слабый. Другой как будто недалеко, и от него исходят различные колебания: радиация, электропередача, радиоволны. А теперь быстро доставай крем для загара — солнечная радиация у предела шкалы. Пари держу, я уже сгорел.

Мы намазались кремом и оделись, несмотря на жару, чтобы защититься от невидимой радиации, льющейся с пасмурного неба.

— Странные вещи происходят с Землей, — сказал я. — Радиация, этот банный климат, фауна в речке. Хотел бы я знать...

— А я — нет. Выполнишь задание, тогда и занимайся палеогеологией. Сначала убьем Того.

— Золотые слова. С твоего разрешения, я переделаю лямки гравитатора, чтобы мы оба могли им пользоваться.

— Сделай милость, — сказала она, расстегивая ремни.

Мы поднялись, как воздушные сиамские близнецы, и полетели низко над болотом к нашему источнику энергии. Топь тянулась бесконечно долго, я начал уже волноваться — не сел бы аккумулятор, когда наконец началась суша. Сначала из воды показались камни, потом пошли скалы. Мы израсходовали много энергии, чтобы подняться над ними, и заряд гравитатора был уже на исходе.

— Скоро придется идти пешком, — сказал я, — но это все-таки лучше, чем плыть.

— Если сухопутная фауна не похожа на речную.

Моя Анжелина всегда была оптимисткой. Не успел я придумать ответ поязвительнее, в нагромождении скал перед нами что-то вспыхнуло, и я немедленно почувствовал сильную боль в ноге.

— Меня подстрелили! — закричал я больше от удивления, чем от боли, схватился за управление, но Анжелина уже отключила тягу.

Мы опустились в нагромождение камней, притормозив в последнюю минуту. Я проскакал на одной ноге под прикрытие нависшей глыбы и хотел достать аптечку, но Анжелина мигом прыснула на рану антисептиком, отодрала штанину, сделала обезболивающий укол в бедро и прозондировала кровоточащую рану. Всегда она меня опережает, и я ничего не имею против.

— Чистое сквозное ранение, — сказала она, заливая рану хирургической пеной. — Заживет быстро, без проблем, только не ступай на ногу. А теперь я убью того, кто это сделал.

Одурманенный лекарством, я не успел ответить, как она взяла пистолет и бесшумно скрылась между скал. Что может быть лучше,

когда твоя нежная любящая жена — хладнокровный, опытный убийца. Возможно, я ношу штаны в этой семье, но мы оба носим пистолеты.

Вскоре послышались выстрелы и грохот в скалах надо мной, а затем хриплые вопли — и настала тишина. Надо отдать должное Анжелине — я ни минуты за нее не беспокоился и вообще дремал под действием лекарств, проникших в кровь, — проснулся, только когда она стала дергать за лямки, влезая в них. Я зевнул и заморгал.

— Можно узнать, что там произошло?

Она нахмурилась.

— Там был только один — других я не нашла. Что-то вроде фермы, кое-какая техника, хлебное поле. Не узнаю себя. Я оглушила его, но не могла заставить себя выстрелить, когда он лежал без сознания.

Я поцеловал ее, поднимаясь в воздух.

— Это совесть, милая. Кое у кого она врожденная, тебе ее пересадили хирургическим путем. А результат одинаковый.

— Мне это как-то не очень по душе. Раньше было гораздо свободнее.

— Каждому когда-нибудь надо стать цивилизованным человеком.

Она со вздохом кивнула и быстро клюнула меня в щеку.

— Ты, наверно, прав. Но как было бы здорово разнести его на куски.

Мы миновали каменную осыпь и стали подниматься на скалу. На вершине ее была площадка, где стоял сложенный из камней домик. Дверь была открыта, и я проскакал вовнутрь, опираясь на плечо Анжелины. Маленькие окошки тускло освещали большую загроможденную комнату с двумя койками у задней стены. На одной из них ворочался и извивался связанный человек, мыча что-то через кляп во рту.

— Ложись на другую кровать, — сказала Анжелина, — а я попробую что-нибудь узнать у этого жуткого типа.

Я было направился к койке, но тут одна мысль проникла в мою отуманенную голову, и я замер на месте.

— Койки-то две? Тут должен быть еще кто-нибудь.

Ее ответа мне не дано было услышать — на пороге возник человек, громко заорал и еще громче выпалил в нас.

Глава 18

Кричал он в основном потому, что оружие тут же выбили у него из рук, а затем и он рухнул навзничь на пороге. За это время я пригнулся, перекатился и выхватил пистолет, а Анжелина спрятала свой.

— Вот это другое дело, — сказала она, обращаясь, видимо, к молчаливой паре подошв на пороге. — Цивилизация цивилизацией, совесть совестью, но в самообороне стрелять по-прежнему легко. Я видела его в скалах — он следил за нами, но все никак не выходил под выстрел. Теперь все будет хорошо. Сейчас сварю горячего супчику, ты покушаешь...

— Нет. — Более твердого «нет» не произносил никто и никогда. Я достал пару стим-таблеток и разжевал их, продолжая монолог в том же тоне. — Есть своя прелесть в том, что с тобой нянчатся и обращаются, как с недоразвитым ребенком, но с меня, кажется, хватит. Я уже сталкивался с Тем и два раза выгонял его из логова, теперь хочу с ним покончить. Я знаю его привычки. И я отвечаю за эту экспедицию. Ты мне подчиняешься, а не наоборот, и будешь выполнять мои приказы.

— Да, сэр, — ответила она, склонив голову и опустив глаза.

Не для того ли, чтобы скрыть усмешку? Ну и пусть. Я здесь босс.

— Я здесь босс. — Звучит еще лучше, если твердо заявить это вслух.

— Да, босс, — хихикнула она.

Человек на кровати давился и корчился, а подошвы на пороге молчали.

Мы занялись делом. Когда я вынул кляп у нашего пленного, он проорал что-то на неизвестном языке, брызгая слюной, и попытался укусить меня за палец, когда я сунул кляп обратно. На полке была примитивная рация — она со скрежетом вещала на том же языке. Наружная разведка Анжелины была гораздо продуктивнее моей — она подъехала к дверям в невероятно уродливом экипаже, напоминавшем багровую пластмассовую поцарапанную ванну, втиснутую между четырьмя парами колес. Машина пыхтела и шипела, когда я вылез ее посмотреть.

— Ею очень легко управлять, — продемонстрировала Анжелина свою осведомленность в технике. — Заводится от одного выключателя. И две ручки, каждая управляет колесами на своей стороне. Вперед — прибавлять скорость, назад — тормозить.

— А посередине — средний ход, — продемонстрировал я свою осведомленность, а заодно и свой скверный характер. — Этот крытый свинцом бугор сзади — наверное, ядерный реактор. Радиоактивный стержень нагревает жидкость, здесь теплообменник, в каждом колесе — мотор. Коряво, неуклюже, зато практично. Куда же мы поедем?

— Вон там через возделанное поле идет дорога или колея. И, если мне не изменяет память — ты меня, безусловно, поправишь, — как раз в той стороне ты засек радиосигналы.

Я игнорировал этот легкий выпад в целях эмансипации. Тем более, что она была права, это вскоре подтвердила «ищейка».

— Тогда поехали, — сказал я, снова беря бразды правления.

— Убить пленного? — с надеждой спросила она.

— Спасибо, не надо. Возьму его одежду, моя совсем изодралась. А если сломать рацию, ему трудно будет сообщить о нашем появлении. Кляп и веревки он разжует через пару часов, так что похороны товарища можем оставить на него. Мы нажмем на газ и будем далеко.

Мой авторитет слегка подрывало то, что я все время почесывал солнечные ожоги под драной рубашкой. Пока Анжелина расправлялась с рацией, я снова намазался кремом. Несколько минут спустя мы тряслись по наезженной колее, что вилась по плоскогорью.

Здесь, на высоте, туман рассеялся, но смотреть было особенно не на что. Угрюмая местность, изрезанная оврагами, которые отводили вниз воду от частых дождей, а заодно уносили остатки почвы. Редкая растительность жалась к скалам. Мы проехали несколько развилок, но «ищейка» вела нас верным путем. Твердые сиденья из перевернутых ведер были страшно неудобные, и я с облегчением встретил закат — но вслух, конечно, этого на сказал — и свернул на ночь к ощетинившейся камнем горе.

К утру я закоченел, но немного оправился. Заживляющее лекарство подстегнуло мои клетки — они делились как ненормальные, многочисленные раны почти затянулись, и появился зверский аппетит. Мы ели и пили из скудных запасов Анжелины, добавив черствый хлеб и сушеное мясо, конфискованное у кровожадных фермеров. Анжелина села за руль, а я держал пистолет — мне очень не нравился этот изрезанный ландшафт. Дорога теперь пошла вниз, а горы превратились в отвесные скалы. Мы снова проехали болото, потом дорога нырнула в скверного вида джунгли. Лианы висели так низко, что мы задевали их головой, мокрые деревья образовывали свод. Стало еще более влажно и душно, хотя, казалось бы, дальше некуда.

— Мне здесь не нравится, — сказала Анжелина, объезжая болотистую лужу.

— Мне тоже, — сказал я, сжимая пистолет с разрывными патронами. — Если фауна здесь такая же, как в речке, нас ждет немало интересного.

Я был начеку и вертел головой вперед, назад, вправо и влево, жалея, что глаза у меня не на шарнирах. Меж деревьями без конца мелькали подозрительные тени, и кто-то ломился сквозь чащу, но нам как будто ничего не угрожало. Единственное, что я не включил в поле наблюдения, была сама дорога, а там-то и таилась опасность.

— Дерево лежит поперек дороги, — сказала Анжелина. — Я перееду?

— Не надо! — крикнул я с запозданием — колеса уже карабкались через зеленый ствол, загородивший дорогу. Оба конца его терялись в джунглях.

Центральная пара колес как раз перевалила через ствол, когда он дернулся и выгнулся дугой. Машина перевернулась, и нас выбросило из нее. Я стукнулся оземь, втянул голову, перевернулся и вскочил с пистолетом наготове. И вовремя. Мнимый ствол все изгибался, и наконец из листвы показалась его вершина.

Змея. Голова как бочонок, пасть открыта, язык дрожит, глазки-бусинки, а шипит, как паровой котел, который вот-вот взорвется. Как раз под ее челюстями сидела Анжелина, трясла ушибленной головой и не сознавала, что происходит. Успею выстрелить только раз, значит, выстрел должен быть метким. Я придержал правую руку левой и выпалил прямо в дьявольскую пасть. С глухим звуком голова отлетела прочь в облаке дыма.

Этим бы все и кончилось, но тут по гигантскому мускулистому туловищу прошла судорога. Не успел я отойти, как мощная петля хлестнула меня, сбила с ног и швырнула в чащу. На этот раз никаких акробатических номеров я не проделывал — с хрустом и треском проломился сквозь ветки, ударился головой о дерево, белым огнем полыхнула боль — и все.

Прошло какое-то время, и меня медленно вернула в сознание головная боль и новая, резкая боль в ноге. Я открыл мутный глаз и увидел что-то маленькое, бурое, зубастое и клыкастое, разрывающее мою штанину с целью полакомиться ляжкой. Первый укус этой голодной твари и привел меня в чувство. Я лягнул ее ботинком и не дал укусить второй раз. Она заворчала и завизжала на меня, выставив все свои зубы. Я опять вяло дрыгнул ногой, и она исчезла в листве.

Вяло — только так мог шевелиться. Некоторое время я просто лежал, ловил ртом воздух и старался вспомнить, что произошло. Дорога, змея, авария...

— Анжелина! — хрипло завопил я и встал, не обращая внимания на заливающие меня волны боли. — Анжелина!

Ответа не было. Я пробрался сквозь кусты и увидел омерзительное зрелище. Целая куча бурых зверюг, родственников моей знакомой, кишела у мертвой змеи — местами они уже очистили ее до ребер. Пистолет мой исчез. Я поискал его на том месте, где упал, но его там не было. Случилось что-то плохое, очень плохое, и голос паники уже начинал верещать в голове.

Падальщики не трогали меня, пока я держался от них подальше, — я сделал большой круг и опять вышел на дорогу. Машины тоже не было. Не было и Анжелины.

Требовалось поразмыслить — а это как раз было сложно, так все болело — и что-нибудь сделать с разбитой головой, над которой жужжали насекомые. Аптечка лежала в кармане, и я занялся лечением. Через пару минут я транквилизировался, обезболился, стимулировался и был готов. Но к чему? К розыску машины — затикало в голове. Ее следы четко отпечатались в болотистом грунте, и прояснилась тайна исчезновения Анжелины. Я различал по крайней мере два следа здоровых мужиков, истоптавших землю там, где они переворачивали нашу машину. Следы их машины тоже были там. Или они следили за нами, или это какие-то люди, случайно ставшие свидетелями аварии. Ошметки грязи и примятая трава показывали, что обе машины поехали в том же направлении, куда ехали и мы с Анжелиной. Я тоже пошел в ту сторону быстрым шагом, стараясь не думать о том, что стало с Анжелиной.

Недолго прошел я в таком темпе и вскоре, измученный жарой и усталостью, еле волочил ноги. Пришлось принять еще стим-таблетку, а от жары не спасешься — оставалось только потеть. Следы были четкие, и я шел по ним. Примерно через час дорога вышла из джунглей наверх, к голым холмам. Пройдя поворот, я заметил впереди на подъеме одну из машин и быстро отпрянул назад.

Нужен план. Пистолета нет, так что стрельба отпадает. Тем немногим, что осталось при мне, никого не убьешь — правда, были гранаты в обойме-браслете, которые дала мне Анжелина. Это решает дело. Усыплю похитителей газовыми бомбами, прежде чем они откроют стрельбу. На всякий случай пригодится парочка разрывных гранат — вдруг кто-нибудь из врагов окажется далеко от Анжелины или потребуются более сильные меры.

Приготовив оружие, я пополз от скалы к скале и выскочил на открытое место, где стояли машины.

И получил дубинкой по башке от часового, который стоял там и ждал, когда же кто-нибудь исполнит этот трюк.

Глава 19

Я был без сознания очень недолго, но меня успели связать и отняли весь боезапас. Винить в этом могу только себя и свою невнимательность. Усталость и стимуляторы, конечно, сделали свое дело, но всему виной моя собственная глупость. Мысленно я ругательски ругал себя, да что толку. Меня протащили по земле и бросили рядом с Анжелиной.

— Ну как ты? — просипел я.

— Ничего. Во всяком случае, лучше, чем ты.

Это верно. Одежда на ней была порвана, а сама она — вся в синяках и ссадинах. Кто-то за это заплатит, и дорого заплатит. Я заскрежетал зубами. Она тоже была связана.

— Они подумали, что ты умер, — сказала Анжелина. — И я тоже. — В ее словах была бездна невысказанного чувства, и я попробовал улыбнуться — улыбка вышла несколько кривая. — Не знаю, сколько мы там пролежали — я тоже была без сознания. Пришла в себя уже связанной, а они складывали все наши вещи в машины и пистолеты взяли. Я никак не могла помешать им. Говорят они только на своем жутком языке.

Выглядели они тоже жутко. Все грязные, в засаленных ремнях, заросшие немытыми космами и бородами. С одним пришлось познакомиться поближе — он подошел и стал ворочать мою голову туда-сюда, сравнивая мои искаженные черты с моей же четкой фотографией. Я хотел укусить его за грязный палец, но он вовремя отдернул руку. Как видно, он — человек Того, это доказывала фотография, хотя я понятия не имел, откуда она у него. Ее, конечно, сделали при одной из стычек во времени, и с тех пор он держит ее при себе. Тут я заметил, что самый безобразный и вонючий из всей шайки строит глазки Анжелине, я вцепился зубами в его лодыжку и получил пинка.

Надо отдать Анжелине справедливость — она очень целеустремленная женщина. Если уж она знает, чего хочет, то добьется этого, несмотря ни на что. Сейчас она поняла, что мы можем выбраться из переделки только одним способом, и прибегла к нему. Женская хитрость. Ничем не выдавая своего отвращения, она начала кокетничать с этой грубой скотиной. Его языка она не знала, но язык, на котором она изъяснялась, был стар, как род человеческий. Отвернувшись от меня, она заулыбалась волосатому и мотнула головой — поди, мол, сюда. И отвела назад плечи, чтобы ее прелестные формы выдавались.

Это, разумеется, сработало. Между волосатым и остальными двумя состоялась оживленная дискуссия, но он сбил одного с ног и тем завершил спор. Те двое смотрели, изнывая от зависти, как он идет к Анжелине. Она улыбнулась самой нежной улыбкой и протянула ему тонкие связанные ручки.

Какой мужчина устоит перед таким жестом? Уж, конечно, не этот верзила. Он перерезал ремни у нее на запястьях и спрятал

нож, пока она развязывала себе ноги. Потом поднял ее с земли, заключил в медвежьи объятия и наклонился, чтобы поцеловать.

Я мог бы ему сказать, что безопаснее целоваться с саблезубым тигром, но промолчал. То, что случилось дальше, мог видеть только я — от ревнивых зрителей закрывала сцену спина волосатого. Кто бы мог подумать, что пальчики могут стать такими сильными, а тонкое запястье способно вогнать их так глубоко косматому в брюхо? Прелесть моя. Он так и замер на месте с легким вздохом. Она замерла на миг, потом с визгом отскочила, а он скрючился на земле.

Слабая женщина, схватившись за лицо руками, остановившимся взглядом вопрошала: отчего этот сильный мужчина вдруг рухнул к ее ногам? Конечно, те двое бросились к ней, но уже явно что-то заподозрив. У одного был мой пистолет.

Им и занялась Анжелина. Подбежав, он поднял пистолет, и тут она метнула в него нож волосатого, который извлекла перед тем, как свалить его владельца. Я не видел, куда нож попал, — мимо как раз бежал третий, и я подтянул ноги в надежде, что он мне подвернется. Он подвернулся. Я лягнул его под коленки и свалил, а сам сложился пополам и, не дав ему встать, съездил башмаками по голове. Два раза, со злости.

И конец делу. Анжелина вынула нож из неподвижного тела, вытерла о него же и подошла освободить меня.

— Добьешь тех, кто еще дергается? — застенчиво спросила она.

— Надо бы, но жестокая расправа все равно не по мне. Такие уж они есть, и, пожалуй, это уже само по себе наказание. Думаю, если мы заберем их запасы и сломаем драндулет, то достаточно отомстим. Ты была великолепна.

— Конечно. Потому-то ты на мне и женился.

Она быстро меня поцеловала — ей пришлось оторваться и двинуть каблуком по лбу косматого, который заворочался. Он снова затих, а мы сложили быстро вещи и уехали.

Наша цель была близка. Несколько часов спустя мы почувствовали слабое дуновение ветра, который крепчал по мере нашего продвижения вниз по горной дороге. Поворот — и мы очутились на краю крутого спуска в долину. Я крутанул руль, и машина отскочила назад.

— Видела? — спросил я.

— Конечно, — ответила Анжелина, и мы осторожно выглянули из-за поворота.

Ветер здесь был сильнее, он наполнял всю обширную долину из какого-то невидимого источника внизу. Воздух был прохладнее, чем повсюду, и, хотя небо затягивали тучи, тумана в долине

не было и видимость была хорошей. Наискосок от нас возвышалась гора, увенчанная отвесными скалами из блестящего черного камня. Природа превратила их в причудливые стены и башни. Человек продолжил дело природы и выстроил на вершине горы город-крепость.

Флаги на башнях были ярко-красными с неразличимыми черными знаками. Некоторые башни тоже окрашены в багровый цвет — и это, в сочетании с дикой, фантастической архитектурой, могло означать только одно.

— Я знаю, это нелогично, — сказала Анжелина, — но от вида этого места у меня мурашки ползут по коже. От него веет... трудно сказать... безумием, что ли.

— Именно. А значит, мы попали в правильное место и время. Похоже, это резиденция Того.

— Как мы до него доберемся?

— Хороший вопрос, — сказал я вместо ответа.

Действительно, как же мы попадем в эту укрепленную психушку? Я почесал в затылке и потер подбородок, но безотказные средства помощи мышлению на этот раз не сработали. Уловив краем глаза легкое движение, я хотел вынуть пистолет — и остановился на полпути.

— Не делай резких движений и не хватайся за оружие, — тихо сказал я Анжелине. — И медленно обернись.

Мы оба обернулись, стараясь не волновать дюжину вооруженных людей, тихо подошедших сзади и стоявших с нацеленными на нас ружьями.

— Приготовься сделать рывок вперед вслед за мной, — сказал я и, повернувшись обратно, увидел еще четверых, столь же бесшумно возникших в долине перед нами. — Команда отменяется, мило улыбайся, мы сдаемся. Сделаем из них котлеты потом, когда попадем к ним.

Последнее было сказано больше для моральной поддержки. Это не дикари, у которых мы увели транспорт, это публика покруче. Все одеты в серые пластиковые комбинезоны с капюшонами, ружья похожи на винтовки, и дула их смертоносно зияют. Мы послушно шагнули вперед, когда один из них приказал нам это жестом. Еще один подошел поближе — но не настолько, чтобы можно было выхватить у него оружие, не покушаясь на самоубийство. Он оглядел нас.

— Страгицкрумль? — спросил он и, не получив ответа, продолжал: — Фидликрипи? Аттентоттен потентатен?

Не получив ответа и на эти вопросы, он повернулся к массивному рыжебородому человеку, очевидно предводителю, и сказал на хорошем эсперанто:

— Они не говорят на нашем языке.

— Вот это уже лучше, — сказал я на том же языке. — Можно спросить, джентльмены, почему вы посчитали нужным угрожать оружием мирным путешественникам?

— Кто вы? — спросил рыжебородый, выступая вперед.

— Тот же вопрос я могу задать и вам.

— Я держу вас под прицелом, а не наоборот, — холодно ответил он.

— Дельное замечание — преклоняюсь перед вашей логикой. Мы туристы из-за океана...

Тут он прервал меня коротким крепким словцом.

— Это невозможно. Вы не хуже меня знаете, что это единственный массив суши на всей планете. А теперь — правду.

Нет, я этого не знал. Единственный континент? Что же сделалось с матушкой Землей за эти двадцать тысячелетий? Врать не имеет смысла — может, правда сработает. Так и вышло.

— Вы поверите, если я скажу, что мы путешествуем во времени?

Это произвело впечатление и, похоже, поразило его. Те, кто слышал мои слова, тоже вздрогнули. Рыжебородый свирепым взглядом усмирил их и продолжал:

— Что вас связывает с Тем и его бандой там, наверху?

От моего ответа зависело многое. Правда уже сработала один раз, может, опять получится? И он сказал «банда», это его выдало. Я не верил, что этот дисциплинированный, уравновешенный отряд как-то связан с врагом.

— Я прибыл, чтобы убить Того и сорвать его операцию.

Да, это произвело нужный эффект, и многие даже опустили ружья, но команда вернула их в строй. Рыжебородый отдал приказ, и один из его подчиненных торопливо удалился. Все молчали, и вскоре посланный вернулся с зеленым металлическим кубом, величиной с человеческую голову, и протянул его командиру. Видно было, что куб легкий — должно быть, полый. Рыжебородый сказал:

— У нас их около сотни. Спускаются с небес весь последний месяц, и все — одинаковые. В них помещен мощный радиомаяк, и мы легко их находим, но не можем ни разрезать, ни растворить металл. Пять граней куба покрыты надписями на разных языках. Те надписи, что мы могли прочесть, звучат одинаково: «Вручить путешественникам во времени». На дне куба — две строчки, которые мы не смогли прочесть. Может быть, вам удастся?

Он медленно подал мне куб, и я принял его столь же бережно, памятуя о нацеленных ружьях. Металл походил на коллапсий, невероятно твердый сплав, из которого строятся ракетные атомные

лайнеры. Я осторожно перевернул куб, мгновенно прочел надпись и вернул его.

— Прочел, — сказал я дрогнувшим голосом. — В первой строчке говорится, что Тот и его люди покинут этот период через 2,37 дня после моего прибытия.

Среди присутствующих прошел шепот, и Анжелина задала главный вопрос:

— А что же во второй строчке?

Я хотел улыбнуться, но как-то не получилось.

— А-а, во второй... Там сказано, что ядерные взрывы уничтожат планету сразу же после их ухода.

Глава 20

Палатка была из такой же серой ткани, что и одежда захвативших нас людей, и в ней было хорошо и прохладно после банной духоты снаружи. В углу шумела приземистая машина, осушающая и охлаждающая воздух. Были даже прохладительные напитки, и я задумался над своим стаканом: как разрешить проблему, пока не настал роковой срок. Нас все еще охраняли, но налицо было негласное примирение. Рыжебородый решил объявить его официально.

— Пью за ваше здоровье, — сказал он. — Я Дийан.

Это походило на ритуал, поэтому я повторил формулу и представился, и Анжелина тоже. После этого оружие убрали, и мы стали общаться гораздо свободнее. Я уселся под струей кондиционера и начал задавать свои вопросы.

— Имеется ли у вас другое, тяжелое оружие, кроме этого?

— Сейчас нет. То, которое было, уничтожено в бою с войсками Того.

— Разве континент настолько велик, что вы не можете организовать доставку из своей страны?

— Размеры континента не имеют значения. Наши космические корабли очень малы, и все нужно доставлять с нашей планеты.

Я заморгал, вконец сбитый с толку.

— Так вы — не земляне?

— Наши предки были земляне, а мы — коренные марсиане.

— Вы не можете вкратце рассказать мне об этом? А то даже в голове зашумело.

— Извините, я думал — вы знаете. Позвольте, я налью вам еще. Все началось много тысяч лет назад, когда внезапное усиление солнечной радиации вызвало на Земле потепление. Я говорю «внезап-

ное», но это, разумеется, длилось многие годы, даже века. Когда изменился климат и растаяли ледяные шапки полюсов, жизнь на поверхности планеты оказалась под угрозой. Менялись линии побережий, затопило огромное количество низменных земель, большие города оказались под водой. С этим бы еще справились, но начались землетрясения — их вызывали колебания массы поверхности Земли, так как полюса освобождались от ледового груза и вода заливала другие территории. Земля дрожала, лились потоки лавы, проваливались целые участки и возникали новые горы. Страшное время — в школе нам часто показывали кадры тех лет. Международное сообщество предприняло невероятные усилия, чтобы освоить планету Марс, то есть приспособить ее для жизни человека. Для этого требовалось создать там атмосферу с толстым слоем двуокиси углерода для защиты от солнечной радиации, доставить ледяные горы с колец Сатурна и так далее. Это благородное дело в конце концов увенчалось успехом, но народы Земли разорились, вложив в него все, что имели. Потом были конфликты и даже войны — ослабевшие правительства рушились, и алчные люди дрались, чтобы урвать побольше пространства во вновь созданном мире. А на Земле вода продолжала подниматься, и первые марсианские колонисты в невыносимых условиях, едва пригодных для жизни, закладывали свои поселения. В истории этот период известен как Смертельные Годы, ибо погибли многие — невероятное число людей. Однако мы выжили, и Марс стал зеленым и уютным.

Земле не столь повезло. Связь между планетами была утеряна, и те, кто остался в живых из былых биллионов, вели смертельный бой за существование. Об этих тысячелетиях не осталось никаких свидетельств, но результаты налицо. Сохранился единственный большой континент да еще архипелаги на месте былых горных цепей. А человечеством правит безумие. При первой возможности марсиане восстановили старинные космические корабли и предложили землянам посильную помощь. Они нашу помощь отвергли. Жители планеты убивают всех чужих, это доставляет им удовольствие, и сами они — чужие друг другу. Почти не находящая преград солнечная радиация вызвала различные мутации у людей, животных и растений. Большинство мутантов вымерло, но оставшиеся приспособились к среде. Мы помогали, чем могли, но почти ничего не добились. Тогда земляне представляли опасность друг для друга, но не для Марса. Пока Тот не объединил их несколько веков назад.

— Он что, в самом деле живет здесь столько лет?

— Похоже, что да. Рассудок у него так же помутился, как и у прочих, но он умеет с ними ладить. Они ему подчиняются. Даже

работают совместно — построили этот город, создали нечто вроде общества. Тот, безусловно, гений, хоть и безумный, у них есть и заводы, и зачатки технологии. Первым делом они запросили дополнительной помощи с Марса и не поверили нам, что уже и так получают максимальную. Мы бы не обращали внимания на их безумные требования, но они построили атомные ракеты и нацелили их на нашу планету. Когда первая ракета нанесла удар по Марсу, мы организовали эту экспедицию. Мы на Марсе когда-то выжили благодаря единению, другого пути не было, и мы не воинственный народ. Однако создали оружие и воспользуемся им ради собственного выживания. Тот — причина всех наших бед, и мы должны взять его в плен или убить. Если при этом придется убивать других, мы тоже готовы. У нас на Марсе погибли тысячи и атмосфера заражена радиацией.

— Тогда наши цели сходятся, — сказал я. — Нас он атаковал из времени, и последствия столь же гибельны. Вы очень четко определили задачу нашей карательной акции.

— Но как нам ее выполнить? — спросил Дийан.

— Пока не знаю, — мрачно ответил я.

— У нас осталось на это около десяти стандартных часов, — уточнила Анжелина.

Как и все женщины, она истинный прагматик. Пока мы тратили время, рассуждая о прошлом, она взглянула в лицо будущему и поставила вопрос ребром. Я жаждал проявить свою привязанность к ней, но решил дождаться более благоприятного момента, если он вообще настанет.

— Генеральное наступление, — сказал я. — У нас тоже есть оружие. Атака по всему фронту, находим слабое место, объединяем силы — и вперед к победе. Тяжелого оружия совсем не осталось?

— Нет.

— Что ж... придется обходиться тем, что есть. А нельзя ли высадить в замке десант с вашего корабля, чтобы отвлечь их с тыла?

— Все корабли разрушены диверсантами-самоубийцами. С Марса идут новые, но они придут не скоро. Мы не слишком-то разбираемся в том, что касается войны и убийства, а враги этим живут.

— Не будем терять надежду, ха-ха. — Смех у меня получился какой-то неестественный. Тоска так сгустилась в воздухе, что можно было резать ее на куски.

— Гравитатор, — сказала Анжелина тихо, чтобы слышал только я.

— Используем гравитатор, — сказал я громко.

Сила хорошего генерала — в его штабе. Теперь весь план вспыхнул огненными буквами у меня перед глазами.

— Пойдем на прорыв. Мы с Анжелиной заберем у вас побольше боеприпасов, чтобы полностью загрузить гравитатор. Потом переделаем ремни для нескольких человек. Точные расчеты я сделаю позже, но думаю, человек пять-шесть он поднимет. Мы проникнем в замок до начала действий. Нас с Анжелиной двое, остальные — ваши лучшие люди.

— Женщина? Нет. Это не женское дело, — запротестовал Дийан.

Я успокаивающе похлопал его по плечу.

— Спокойно. Вы не смотрите, что она такая хрупкая, — в бою она стоит десятерых. А каждый человек у нас на счету — ваши люди снаружи будут вести атаку. Сначала общую, потом сосредоточатся на одном фланге. Когда шум достигнет апогея, десантный отряд поднимется над противоположной стеной и прорвется внутрь. Теперь займемся организаторской работой.

Мы занялись организаторской работой — точнее, занялись мы с Анжелиной, так как эти мирные марсианские пахари ничего не понимали в науке человекоубийства и были только счастливы переложить на нас ответственность и руководство. Наладив все, я лег соснуть — я бодрствовал, если не считать усыпления дубинкой, последние двое суток и двадцать тысяч лет и, понятно, немного устал. Трех часов, которые я урвал, было явно недостаточно — проснувшись, я никак не мог прокашляться и продрать глаза, пришлось съесть стим-таблетку. Снаружи было темно и почти так же жарко, как днем.

— Когда отчаливаем? — спросил я.

— Сейчас, — ответила спокойная и собранная Анжелина — по ней не видно было, что она устала, — наверное, тоже держится на стимуляторах. — До восхода солнца около трех часов, и нам они понадобятся почти все, чтобы выйти на позицию. Атака начнется на рассвете.

— Проводники знают дорогу?

— Они воюют в здешних местах около года — должны знать.

Сегодня карты лягут на стол. Все это сознавали — это читалось на лицах людей. Сегодня будет только один победитель. Может, они и не родились бойцами, но быстро усваивали эту науку. Если уж дерешься — дерись, чтобы победить.

Пришел Дийан, за ним еще трое несли наскоро изготовленную металлическую упряжь и гравитатор.

— Все готово, — сказал он.

— Все знают свою задачу?

— Абсолютно все. Мы уже попрощались, и штурмовые отряды вышли в путь.

— Пора и нам.

Нас вел Дийан, но как он находил дорогу в этой парной темноте — для меня загадка. Мы тащились за ним, потея и чертыхаясь под грузом тяжелой сбруи, — чем меньше говорить об этой паре часов, тем лучше.

На рассвете мы рухнули под дальней стеной, самой высокой и, как видно, самой крепкой — ее нам и предстояло штурмовать. Выступая из мглы, черная и мрачная, стена выглядела очень неприветливо. Я сжал руку Анжелины, дав ей понять, что я неустрашим и хочу ободрить ее. Она сжала в ответ мою в знак того, что знает — я так же трушу, как и все прочие.

— Мы сделаем это, Джим, — сказала она. — Ты же знаешь.

— Да, сделаем — и доказательством тому наш персональный кусочек будущего, что продолжает существовать. Но неизвестно, сколько сегодня погибнет и кто из нас выживет в ближайшем будущем.

— Мы бессмертны, — сказала она с такой уверенностью, что я не мог не засмеяться, мой дух воспарил до привычных самовлюбленных высот, и я крепко поцеловал ее.

В отдалении раздавались взрывы, их звук отдавался между каменных стен, как раскаты грома. Атака началась. Минуты бежали, все было рассчитано. Я помог всем пристегнуться и взглянул на часы. Когда приблизился момент нашей высадки, я тоже запрягся и приготовился к старту.

— Держитесь, — сказал я, следя, как мелькают цифры. — И приготовьтесь быстро отстегнуться, когда сядем на той стороне.

Я нажал на кнопку, и моя боевая шестерка поднялась в воздух.

Глава 21

Мы плыли вверх вдоль черной скалы, как на медленном лифте — утки на воде для всякого, у кого верный прицел и твердый глаз. Неуютно, мягко говоря. Мне приходилось прибавлять скорость постепенно, чтобы выдержали наши постромки, но наконец я довел ее до предела. Гравитатор, поднимая такой груз, начал заметно нагреваться. Очень будет неудобно, если он сейчас откажет.

Промелькнули окна, пробитые глубоко в скале, — к счастью, за ними никого не было, — и черный камень сменила искусственная стена с зубчатым гребнем. Я направил аппарат к вершине стены и отключил его как раз у края. По инерции мы перенеслись через стену, описав высокую дугу, и тут события начали разворачиваться невероятно быстро.

На стене двое часовых, застигнутые врасплох и рассерженные, готовились стрелять. Но Анжелина и я выстрелили первыми. Мы использовали игольчатые пистолеты, чтобы как можно дольше оставаться необнаруженными. Часовые молча упали. Я включил гравитатор для посадки.

Посадка! Внизу не было ни двора, ни твердой кровли! Мы опускались на прозрачный купол над каким-то цехом. Покрытием ему служили стеклянные панели в паутине ржавого металлического переплета. Мы в ужасе смотрели, куда падаем, и я довел мощность до предела. От перегрузки мы застонали, и наша сбруя затрещала и погнулась. Купол слишком близко — мы просто не успеем остановиться вовремя.

Просто красота. Тайная, бесшумная атака, десант серых призраков на рассвете. Шесть пар башмаков грохнули в стекло и выбили его на площади пять тысяч квадратных метров. Переплет прогнулся, и отскочило несколько заржавевших стропил. Одну жуткую минуту я думал, что сейчас мы последуем за стеклом, которое с грохотом валилось вниз. Но гравитатор, при последнем содрогании отдав всю энергию, удержал нас, а сам загорелся.

— Держитесь за переплет! — закричал я, дергая крепления, соединявшие сбрую с гравитатором.

Они не поддавались, обжигали пальцы и наконец отстегнулись — машина рухнула вниз, где уже стоял сплошной крик, и там взорвалась. Я вздохнул и набросал туда дымовых и световых бомб для пущего эффекта.

— Мы себя обнаружили, — сказал я, переползая в более безопасное место. — Предлагаю вылезти из этих сомнительных гимнастических джунглей и заняться делом.

Вызвав очередной стеклянный обвал — переплет прогибался под нашим весом, и панели сыпались, — мы снова вылезли на стену.

— Свяжитесь со своими по радио, — сказал я Дийану, который лез за мной. — Пусть прекратят атаку, если еще не прорвались, но поддерживают огонь.

— Их отбросили со всех сторон.

— Вот и незачем больше терять людей. Мы проведем блиц изнутри.

Мы двинулись вперед. Анжелина и я впереди, готовые подавить любое сопротивление, остальные прикрывали нас с флангов и тыла. Вперед — пусть прошибает пот. Нам нужно двигаться быстро, сеять смуту по пути — и найти Того. Первая дверь открылась на большую винтовую лестницу, ведущую куда-то вниз до бесконечности. Мне не понравилось, как она выглядит, и я скатил вниз несколько разрывных гранат, а мы побежали по крыше.

— Куда? — спросила Анжелина.

— Вон то нагромождение башенок и пристроек, кажется, побольше и у него более функциональный вид, чем у прочих зданий. Все равно наугад.

Пуля ударила в черепицу поблизости, и Анжелина сняла снайпера из верхнего окна единственным выстрелом от пояса. Мы побежали быстрей, прижались к стене над обрывом в долину, я вышиб запертую дверь, и мы вошли.

Этот замок строил сумасшедший. Я понимаю, что это буквально, но не надо было знать Того, чтобы почувствовать это. Коридоры, лестницы, кривые комнаты, бесконечные углы, а в одном месте пришлось даже проползти на четвереньках под низким потолком. Здесь нас постигла первая потеря. Мы впятером уже выбрались из комнаты, когда потолок бесшумно опустился и раздавил замыкающего — он и звука не успел издать. Пот уже лил с нас ручьями. Враги, попадавшиеся нам, были в основном безоружны и убегали, либо мы стреляли в них иглами. Скорость и молчание — мы быстро шли между причудливо изукрашенных стен, стараясь не смотреть на немыслимую живопись, покрывавшую каждый метр свободного пространства.

— Одну минуту, — остановила меня Анжелина, когда мы сквозь высокую арку вышли к винтовой лестнице, которая вела вниз, а все ступеньки были разной высоты. — Ты хоть знаешь, куда идешь?

— Не совсем, — простонал я. — Мы просто проникаем в это заведение, навязываем им бой и попутно вызываем смятение в их рядах.

— Я думала, у нас задача поважнее. Например, найти Того.

— А что, есть предложения? — огрызнулся я.

— Кое-какие есть. Ты мог бы включить детектор энергии времени, который болтается у тебя на шее. Я полагала, что для этого мы его и взяли.

— Как раз собирался, — соврал я, пытаясь скрыть, что совершенно забыл о нем в пылу яростной атаки.

Стрелка качнулась и указала на пол как раз у нас под ногами.

— Все вниз и вниз, — скомандовал я. — Где вьется спираль времени, найдем Того, из Кого я сделаю котлету.

Я не шутил: это будет третья и последняя попытка. Я приготовил особую бомбу, на которой написал его имя. Адская смесь из коагулятора, который сворачивает весь протеин в радиусе пяти метров, взрывчатки, отравленной шрапнели и термического заряда, чтобы поджарить наконец отравленного Того с застывшей кровью в жилах.

Возобновились боевые действия. Снизу по лестнице пустили из огнемета волну огня и дыма, чтобы не дать нам пройти. Опаленные и дымящиеся, мы ушли сквозь пробитую мной стену и попали в какую-то лабораторию. Ряды булькающих реторт простирались во все стороны, их связывал лабиринт прозрачных трубок. Капала темная жидкость, клапаны со свистом выпускали зловонный пар. Безоружные лаборанты разбежались. Мы замедлили шаг и тяжело дышали.

— Фу! — скривилась Анжелина. — Ты видел, что в этих банках?

— Нет, и видеть не хочу. Пошли скорей.

На то, что способно смутить ледяное спокойствие Анжелины, я вовсе не желал смотреть и обрадовался, когда мы вышли из этого помещения к другой лестнице.

Мы приближались к цели. Сопротивление возрастало, и пробиваться теперь приходилось с боем. Только благодаря тому, что защитники замка были вооружены кое-как, мы вообще могли как-то двигаться вперед. Все оружие, очевидно, было на стенах — эти бросались на нас с ножами, топорами, железными прутьями, а то и просто с голыми руками. С визгом и пеной у рта они кидались в драку и мешали нам продвигаться вперед. Мы потеряли еще одного — человек с железной пикой вылез из какой-то щели наверху и заколол марсианина, прежде чем я успел выстрелить. Они умерли одновременно, и мы могли только оставить их там и пробиваться дальше. Я взглянул на часы и устало замедлил шаг. Мы выбивались из графика.

— Погоди! — хрипло крикнул Дийан. — Стрелка больше не показывает!

Я махнул всем рукой, чтобы остановились, — это было в широком коридоре, и мы сгрудились, не теряя осторожности. Я посмотрел на детектор, который нес Дийан.

— Куда она указывала в последний раз?

— Прямо вперед по коридору. Без отклонений, как будто машина находится на одном уровне с нами.

— Детектор действует, только когда работает спираль времени. Наверное, выключили.

— А Тот не мог уйти? — спросила Анжелина, выговорив вслух то, о чем я старался не думать.

— Все возможно, — сказал я с горькой откровенностью. — В любом случае надо идти до конца. Последнее усилие — вперед и только вперед.

Мы пошли вперед. И потеряли еще одного, пытаясь перебраться через завал из колючих веток — их шипы были ядовитыми. Мне пришлось поджечь эту кучу нашей последней термической гранатой. Боеприпасы были на исходе. Перестрелка на следующем перекрестке коридора истощила запас наших игл. Я отшвырнул пистолет и пнул тяжелую дверь, преграждавшую нам путь. Ее надо было взорвать, а гранаты кончились. Я повернулся к Анжелине, и тут зажглось табло у двери.

— И в последней раз ты проиграл, — сказал Тот, злобно скалясь на меня с экрана.

— Всегда готов поговорить, — сказал я и обратился к Анжелине на языке, которого, я был уверен, Тот не знал: — Взрывные гранаты остались?

— Говорить буду я, а ты — слушай, — приказал Тот.

— Одна, — ответила Анжелина.

— Весь внимание, — сказал я Тому. — Вышибай дверь, — Анжелине.

— Я отправил всех нужных мне людей в безопасное место в прошлое, где нас никто не найдет. Я отправил туда и технику, и все необходимое для создания спирали времени. Я ухожу последним, и после моего ухода машина времени самоуничтожится.

Граната взорвалась, но дверь была прочная и удержалась. Анжелина поливала ее разрывными пулями, а Тот продолжал как ни в чем не бывало:

— Я знаю, кто ты, человек из будущего, и знаю, откуда ты. И я уничтожу тебя до того, как ты родишься. Я истреблю тебя, своего единственного врага, и тогда прошлое, будущее и вся вечность будут мои, мои, мои!

Он провизжал это, брызгая слюной, дверь поддалась, и я первый ворвался в комнату.

Я выстрелил в пульт управления, я бросил свою спецбомбу.

Но Тот уже включил спираль времени. Зеленое сияние угасло. Тот исчез, и от автоматики больше не было толку. Моя адская бомба взорвалась в пустоте и представляла теперь больше опасности для нас, чем для Того. Мы упали на пол. Когда мы поднялись, машина времени дымилась и растворялась в воздухе.

Тот снова заговорил, и я повел прицелом, ища его.

— Я сделал эту запись на случай, если придется уйти внезапно, к моему большому сожалению. — Он идиотски захохотал над своей дурацкой шуткой. — Теперь я ушел. Ты меня не найдешь, но я из времени найду тебя и уничтожу. С тобой есть и другие, и я хочу, чтобы они тоже испытали мою месть. Они умрут, вы все умрете, погибнет все. Я владею мирами и вечностью, я разрушаю миры. Я разрушу эту Землю. Я оставил вам ровно столько времени, чтобы вы могли осознать это и помучиться. Уйти вам некуда. Через час все ядерное оружие на планете придет в действие. Земля погибнет.

Глава 22

Расстрелять диктофон с ненавистным голосом Того внутри — очень слабое утешение, и все-таки я в него выстрелил. Он разлетелся на множество пластмассовых и электронных осколков, и безумный смех оборвался. Анжелина погладила меня по руке.

— Ты сделал все, что мог.

— Но этого недостаточно. Извини, что я впутал тебя в это дело.

— Мне не хотелось бы, чтобы было иначе. Так мы будем вместе.

— Похоже, ваш народ ждет что-то страшное, — сказал Дийан. — Мне очень жаль.

— О чем вы сожалеете? Мы тут все в одной лодке.

— В этом смысле да. Через час. Но Марс спасен, и мы, умирая, будем знать, что сделали хотя бы это. Наши близкие и наш народ будут жить.

— Хотел бы я сказать то же самое, — произнес я мрачнее тучи и взял у него ружье, чтобы снять двоих, что пролезли в сорванную дверь. — Проиграв здесь, мы проиграли вечность. Удивляюсь, как это мы еще здесь, почему не погасли, как свечки.

— Мы ничего не можем сделать? — спросила Анжелина.

Я пожал плечами.

— А что? Не могу придумать. Водородные бомбы не обгонишь. Машина времени растворилась, конец. Что нам нужно — так это новую спираль времени, а где ее взять? Разве что с неба свалится.

Как эхо моих слов, в воздухе что-то хлопнуло, и я перекатился по полу, думая, что это новая атака. Но это был большой зеленый железный ящик, он парил в воздухе без всякой опоры. Анжелина странно посмотрела на меня.

— Если это спираль времени, ты мне скажешь, кто это сделал.

Единственный раз в жизни я промолчал, а ящик все опускался вниз. Он еще не коснулся пола, когда я прочел у него на боку: «Спираль времени — вскрывать осторожно».

Я не двигался — так это было невероятно. К ящику были приделаны сверху два гравитатора, при них таймер, управляющий спуском. Еще был маленький диктофон с повелительной надписью «Включить». Я стоял, раскрыв глаза и рот, зато практичная Анжелина подошла и нажала кнопку. Загремел звучный голос профессора Койпу:

— Предлагаю вам поторопиться. Бомбы, знаете ли, взорвутся скоро. Меня просили передать вам, Джим, что взрывное устройство спрятано на дальней стене, на продуктовом складе. Оно замаскировано под радиопередатчик, это и есть радиопередатчик, несколько видоизмененный. Если с ним неправильно обращаться, бомбы взорвутся сразу же — а это нежелательно. Вам нужно с помощью трех дисков набрать цифры шесть-шесть-шесть — это, по-моему, «число зверя». Набирайте справа налево, а потом нажмите кнопку «Выкл». Теперь выключайте диктофон, включите снова, когда захотите. Поскорее.

— Ладно, ладно, — торопливо сказал я и выключил его.

Уж очень раскомандовался, а сам родится только через десять тысяч лет. И откуда он все это знает? Я ворчал, но пошел и сделал все, что надо, вывалив сухие пайки на пол, где им и место — это были какие-то желто-зеленые щупальца осьминогов, порезанные на куски. С присосками. Радио было на месте. Я набрал цифры по инструкции и нажал кнопку. Ну и что?

— Ну и что? — спросил я.

— Все, больше ничего, — сказала Анжелина и встала на цыпочки, чтобы поощрить меня поцелуем в щеку. — Ты спас мир.

Возгордившись, я прошествовал обратно к диктофону под восхищенными взглядами марсиан и опять включил его.

— Не думайте, что вы спасли мир, — сказал Койпу. Зануда. — Вы просто отложили его гибель дней на двадцать восемь. Задействованные бомбы по прошествии этого периода самоуничтожаются. Но ваши марсианские союзники могут воспользоваться отсрочкой. Кажется, к ним идут грузовые корабли?

— Ждем их дней через пятнадцать, — с трепетом ответил Дийан бестелесному оракулу.

— Пятнадцать дней, времени более чем достаточно. Земля погибнет, но, учитывая ее теперешнее состояние, это скорее благодеяние, а не трагедия. Теперь пора вскрыть ящик. На пульте найдете молекулярный пробойник. Если направить его на наружную стену, где наверху маленькие окошки, под углом пятнадцать градусов вниз, он пробьет туннель, выводящий наружу. Марсиане могут выйти по нему за стены крепости. А теперь нажмите на кнопку А, и сформируется спираль времени. Джеймс, Анжелина, надевайте гравитаторы и отправляйтесь, как только зажжется сигнал.

Все еще не совсем уверовав, я сделал все, как сказано. Возникла спираль времени и начала сворачиваться со скрипом и блеском.

Дийан выступил вперед и протянул мне руку.

— Мы никогда не забудем ни тебя, ни того, что ты сделал для нашего мира. Те поколения, что еще не родились, прочтут о тебе и твоих подвигах в учебниках.

— Ты хорошо знаешь, как пишется мое имя? — спросил я.

— Ты шутишь, потому что ты великий, но скромный человек. — Вот в этом меня еще ни разу не обвиняли. — Мы поставим тебе памятник с надписью: «Джеймс ди Гриз, Спаситель Мира».

Все марсиане пожали мне руку, к моему смущению. Глаза Анжелины тоже восхищенно сияли, но женщины просты по природе и рады погреться хотя бы в отраженных лучах славы. Потом зажегся сигнальный огонек, и, распрощавшись со всеми, мы надели гравитаторы и в последний раз — от души надеюсь — погрузились в холодное сияние энергии времени. Наше прикосновение, как видно, привело аппаратуру в действие — не успел я произнести подходящие к случаю слова, как все исчезло.

Рейс во времени прошел не хуже прежних и уж точно не лучше. К этому виду транспорта я никогда не привыкну. Звезды свистели, как пули, галактики кружились, как шутихи, движение без движения, время без времени — как всегда. Хорошее в этом путешествии было только то, что оно кончилось. В спортзале базы Специального Корпуса, самом большом их помещении.

Мы с моей Анжелиной повисли в воздухе, ошалело улыбаясь друг другу и не обращая внимания на изумленные крики потных атлетов внизу. Мы взялись за руки — какое счастье просто знать, что у нас все впереди.

— Добро пожаловать домой, — сказала она, и этим действительно было все сказано.

Мы опустились вниз, приветственно махая друзьям, а ответы на их вопросы отложили на потом. Сначала Койпу и лаборатория времени — надо доложить. Грустно, что Тот ушел от меня, но есть надежда, что теперь, когда его выследили, можно послать к нему парочку больших-пребольших бомб вместо меня или другого добровольца.

Койпу при виде меня разинул рот.

— Что вы тут делаете? Вы же должны расправляться с этим... Тем. Вы разве не получили моего сообщения?

— Сообщения? — заморгал я.

— Да. Мы сделали десять тысяч металлических кубиков и забросили их на Землю. Хоть один вы должны были получить — при них были радиомаяки.

— А, это старое сообщение. Получили и приняли к сведению, только оно уже неактуально. А это почему здесь?

Боюсь, я несколько повысил голос, указывая дрожащим пальцем на это небольшое устройство.

— Это? Складная переносная спираль времени, модель номер один. А почему бы ей не быть здесь? Мы ее только что закончили.

— Вы ею еще не пользовались?

— Нет.

— Ну так теперь самое время. Нужно приделать к ней пару гравитаторов — вот, возьмите эти, — приложить диктофон и молекулярный пробойник и забросить туда, чтобы спасти нас с Анжелиной.

— У меня есть карманный диктофон, но зачем... — Он вынул знакомую машинку из кармана халата.

— Сначала дело, объяснения потом. Мы с Анжелиной взлетим на воздух, если вы этого не сделаете.

Я нашел краску и намалевал на диктофоне: «Включить», а на ящике — «Спираль времени — вскрывать осторожно». Трассоискатель определил точно, в какой момент Тот покинул Землю, наш груз должен прибыть несколько минут спустя на большой спирали. Койпу наговорил на ленту под мою диктовку то, что следовало, и когда все это хозяйство отправилось в прошлое, я наконец облегченно и благодарно вздохнул.

— Мы спасены. А теперь выпить, как обещали.

— Я не обещал...

— А я все равно выпью.

Койпу заговорил сам с собой, почесывая спину, а я щедро налил себе и Анжелине. Мы чокнулись и сделали первый глоточек, и тут Койпу с сердечной улыбкой подошел к нам.

— Это было необходимо, — сказал я. — Целую вечность не пил.

— Все наконец прояснилось, — сказал Койпу, постукивая пальцами по своим торчащим зубам и сдерживая волнение.

— Ничего, если мы сядем? Последние тысячелетия выдались очень хлопотливыми.

— Да, разумеется. Позвольте мне восстановить ход событий. Тот нападает из времени на Специальный Корпус и одерживает победу. Наши потери огромны...

— Собственно говоря, остались только двое. Вы и я.

— Совершенно верно. Но как только я отправил вас в 1975 год — все восстановилось. Мгновенно. Только миг я был в одиночестве, и тут же лаборатория наполнилась людьми, не подозревавшими, что с ними приключилось. Мы проделали большую работу, усовершенствуя трассоискатель времени. Прошло почти четыре года, прежде чем мы достигли желаемого результата.

— Вы сказали — *четыре года*?

— Почти пять, пока нашли вас. Слишком давние и запутанные следы, трудно было в них разобраться.

— Анжелина! — вдруг осенило меня. — Ты мне не говорила, что жила здесь пять лет одна.

— Я не знала, что тебе нравятся женщины старше тебя.

— Нравятся, если они — это ты. Тебе было одиноко?

— Ужасно, потому и вызвалась лететь к тебе. У Инскиппа был другой доброволец, но он сломал ногу.

— Дорогая моя, держу пари, что знаю, как это случилось! — Ей не свойственно краснеть, но глазки она все-таки опустила.

— Итак, мы следуем за ходом событий, — продолжал Койпу. — Однако случилось вот что. Мы проследили вас с 1975 по 1807 год, а также Того с его приспешниками. Там существовала петля времени, какая-то аномалия, в которую невозможно было проникнуть извне. Мы понимали, что она вот-вот исчезнет, а вместе с ней и вы. Наконец мы создали достаточно мощную спираль времени, чтобы проникнуть в эту замкнутую петлю перед самым ее исчезновением. И отправили Анжелину с координатами для следующего скачка во времени, скачка длиной в двадцать тысяч лет, вслед за Тем. Вам нужно было следовать за ним, потому что трассы, оставленные во времени, доказывали, что вы за ним последовали. Хотя тогда мы уже разобрались в этой истории и знали, чем она должна кончиться.

— *Знали?* — спросил я, чувствуя, что где-то упустил нить.

— Конечно. Причина атаки полностью прояснилась, но вам, конечно, нужно было выполнить предназначенную вам задачу.

— Вы не можете повторить еще раз? Помедленней.

— Конечно. Вам удалось дважды сорвать операцию Того в отдаленном прошлом, а потом вы расстроили его машину времени и отправили его в дни заката Земли. Там он провел очень много лет, почти двести, пробиваясь к власти и объединяя планету. Он гений, хоть и безумный, и ему это удалось. Он помнил о вас, Джим, — это были стертые и не совсем здравые воспоминания после стольких лет, — но он все же помнил, что вы — ему враг. И Тот развязал войну из времени. Он хотел уничтожить вас до того, как вы уничтожите его, и заманил вас на планету, которая, как он думает, вот-вот погибнет от ядерного взрыва. Оттуда он вернулся в 1975 год, чтобы напасть на Корпус. Вы прибыли туда, и он сбежал в 1807 год, чтобы заложить там петлю и поймать вас. Не знаю, куда он хотел направиться оттуда, но его планы, кажется, изменились, и он попал за двадцать тысяч лет в будущее.

— Из-за меня — я сбил ему настройку.

— Ну вот и все. Теперь все кончено, можно расслабиться, и я, пожалуй, выпью с вами.

— Расслабиться?! — Слова выходили из меня с каким-то мерзким, скрипучим звуком. — Послушать вас, так получается, что это я вызвал нападение на Специальный Корпус, изменив настройку спирали времени так, что Тот отправился туда, откуда повел компанию против Корпуса.

— Можно и так посмотреть.

— А можно иначе! Насколько я вижу, Тот вечно бегает по времени, как белка в колесе. От меня — за мной — от меня... Ух-х! Когда он родился? Откуда он взялся?

— Эти термины в данном случае бессмысленны. Тот существует лишь в определенном круге времени. Если хотите — только это весьма неточно, — можно допустить, что он никогда не рождался. Эта ситуация не связана с временем в нашем понимании. Возьмем информацию о взрывном устройстве, с которой вы вернулись сюда и которую следовало передать вам. Откуда взялась эта информация? От вас. И вы передали ее себе, чтобы информировать себя о взрывном устройстве, которое...

— Хватит! — простонал я, хватая бутылку дрожащей рукой. — Просто отметьте, что задание выполнено, и пусть мне выплатят солидный гонорар.

Я наполнил всем бокалы и только тогда заметил, что Анжелины нет. Она убежала, не сказав ни слова, пока я страдал из-за того, что вызвал войну времен, и я уже начал скучать по ней и думать, куда она делась, но тут она вернулась.

— Они прелесть, — сказала она.

— Кто-кто? — пробормотал я. Но видя, как сузились глаза Анжелины, понял, что допустил крупную ошибку, и напряг свои попорченные временем мозги. Наконец меня осенило. — Да, кто? Хо-хо! Ты уж прости мне эту шуточку. Кто прелесть, говоришь? Да наши близняшки, наши херувимчики, наши малютки. Твой материнский инстинкт сразу же позвал тебя к ним.

— Они здесь, со мной.

— Так скорее кати сюда колясочку!

— Малютки, — сказала она, впуская их, и я уловил в ее словах иронию.

Им шел шестой год, а я и позабыл. Двигались они свободно — большие парни, этак небрежно шагающие в ногу. Мускулистые — счастлив сказать, что это в отца, и с примесью материнского очарования.

— Тебя долго не было, папа, — сказал один.

— Что поделаешь, Джеймс. Вселенную в один день не спасешь.

— Я Джеймс, а он Боливар. Добро пожаловать домой.

— Спасибо.

Поцеловать их, что ли? Они и сами распорядились, протянули мне руки, и я их пожал вполне серьезно. Хорошая хватка. К этим семейным делам надо еще привыкать. Гордая Анжелина сияла, и я, глядя на нее, растаял и понял, что привыкать стоит.

— Анжелина, ты меня, кажется, убедила наконец. Семейные радости стоят того, чтобы сменить на них вольную и беззаботную жизнь вора-одиночки...

— Вор — вот это верно сказано, — сказал знакомый голос. — И мошенник, и жулик, и шантажист, и взяткодатель. — В дверях появилась цветущая физиономия Инскиппа, он потряс пачкой бумаг. — Пять лет я ждал тебя, ди Гриз, и на этот раз ты от меня не уйдешь. Никаких войн! Ты мошенник, ты воровал у своих же товарищей, уф-ф!

Он сказал «уф-ф», потому что Анжелина сунула ему под нос капсулу с сонным газом, и повалился, а мальчики — хорошая у них реакция — подскочили и тихо опустили его на пол. Анжелина взяла у него бумаги.

— Я тоже пять лет ждала, и мне ты больше нужен, чем этому противному старикашке. Давай сожжем эти бумажки и угоним корабль, пока он не очнулся. Когда еще он найдет нас, а там опять случится что-нибудь из ряда вон выходящее, и ему снова понадобятся наши услуги. А мы тем временем проведем второй, чудный, преступный медовый месяц.

— Это здорово, но как же мальчишки? В такие поездки детей не берут.

— Вы без нас не улетите, — сказал Боливар. Где это я видел такого упрямого бычка? В зеркале, наверное. — Куда вы, туда и мы. Если не хватит денег, мы можем заплатить за проезд. Смотри.

И он показал мне большую пачку кредиток — хватит, чтобы объехать всю Галактику. Заметил я также и знакомый золотой бумажник.

— Деньги Инскиппа! Ограбил бедного старика под видом помощи. — Я взглянул на Джеймса. — А ты, выходит, будешь говорить нам, который час — по часам Инскиппа, которые у тебя на руке.

— По стопам отца, — гордо сказала Анжелина. — Конечно, они летят с нами. И не беспокойтесь о деньгах, мальчики. Папа может наворовать столько, что нам всем хватит.

Это меня доконало.

— Почему бы и нет! — засмеялся я и поднял бокал. — За воров!

— За вечность! — подхватил Койпу мне в тон.

— За вечных воров! — сказали мы хором, осушили бокалы и разбили их о стену.

Койпу улыбался, как добрый дядюшка, а мы схватили за руки детей, перескочили через храпящего Инскиппа и вышли вон.

Там ждет нас великолепная, полная чудес Вселенная — и мы полностью насладимся ею.

Содержание

РОЖДЕНИЕ СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ
Перевод с английского П. Жукова 5

СТАЛЬНАЯ КРЫСА ИДЕТ В АРМИЮ
Перевод с английского Г. Корчагина 173

СТАЛЬНАЯ КРЫСА
Перевод с английского С. Коноплева, И. Коноплевой 359

МЕСТЬ СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ
Перевод с английского П. Жукова 471

СТАЛЬНАЯ КРЫСА СПАСАЕТ МИР
Перевод с английского Н. Виленской 595

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

